

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

и

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I — XVI

ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII — XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI — XXVIII

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXIX

УКАЗАТЕЛИ — ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XXVI

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) · 1935

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

1869—1877

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В XXVI том Сочинений входят письма Маркса и Энгельса за годы с 1869 по 1877. В эти годы Маркс продолжал работать над своим главным научным произведением — «Капиталом». В то же время ход исторических событий предоставил Марксу гораздо более широкое поле для практической деятельности, чем это было в годы реакции после революции 1848—1849 гг. Наступившее в начале 60-х годов новое оживление в рабочем движении привело к созданию I Интернационала. В 1871 г. произошло крупнейшее событие европейской истории XIX века — Парижская Коммуна — «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века» (Ленин, «Уроки Коммуны», Сочинения, т. XII, стр. 163).

После выхода в свет I тома «Капитала» (1867 г.) Маркс принялся за подготовку к печати II тома. Он рассчитывал включить в этот предполагаемый II том не только то, что теперь входит в состав II тома, — процесс обращения капитала, но и то, что входит в настоящее время в III том, — т. е. также и полную характеристику процесса капиталистического производства, взятого в целом. Надо поэтому иметь в виду, что там, где у Маркса речь идет о работе над II томом, он подразумевает работу не только над теперешним II, но и над III томом. Когда же Маркс говорит о III томе, то он подразумевает четвертую книгу — «Историю теории» (см. письмо Маркса — Кугельману от 13 октября 1866 г.). И Энгельс, приступивший к разбору литературного наследия Маркса после его смерти, тоже говорит о II томе этого большого объема. 26 апреля 1883 г. в статье, опубликованной в дюринском «Sozialdemokrat», Энгельс писал: «Рукопись II тома «Капитала» *целиком сохранилась*. Насколько она в данном виде пригодна для печати, я еще не могу судить, — в ней более 1 000 страниц большого формата. Но «процесс обращения капитала» и «формы процесса, взятого в целом», закончены в обработке, относящейся к 1867—1870 гг. Есть начало более поздней обработки, а также

обильный материал в виде критических извлечений, особенно о русских земельных отношениях, откуда, вероятно, многое удастся использовать» (Сочинения, т. XV, стр. 663). В письмах, собранных в настоящем томе, работа Маркса над «Капиталом» находит известное отражение. Эту работу Маркс все время продолжал, и пока события не заставляли исключительное внимание уделять вопросам текущей политики, он работал чрезвычайно интенсивно и по переизданию уже напечатанного I тома, и над его французским переводом, и по собиранию материала и обработке его для II (и III) тома.

В это время Маркс, работая над теорией земельной ренты, уделял особенно много внимания изучению аграрного вопроса. Кроме изучения Ирландии, он принялся и за изучение русских земельных отношений. В письме Кугельману от 27 июня 1870 г. Маркс пишет: «Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности». Изучением их Маркс занимался в дальнейшем — и в середине 70-х годов (см., например, письмо Энгельса — Марксу от 28 мая 1876 г.: «Хорошо тебе, лежа в теплой постели, заниматься русскими земельными отношениями в частности и земельной рентой вообще») и в конце 70-х — начале 80-х годов (см. письмо Маркса — В. Засулич от 8 марта 1881 г.).

В связи с изучением России у Маркса поддерживались знакомства с рядом русских (Даниэльсон, Лавров, Лопатин, Утин и др.). В переписке с Даниэльсоном и Кугельманом содержится много указаний о работе Маркса над его основным произведением. С конца декабря 1871 г. и в течение 1872 г. Маркс работал над вторым изданием I тома «Капитала». От начала 1872 до конца 1874 г. им была проделана огромная работа по обработке и редактированию французского издания. Ход этих работ можно проследить по письмам Даниэльсону, Лашатру и отчасти Зорге. Из письма Лаврову (около 15 мая 1875 г.) видно, что из соображений «издательской экономии» Маркс вынужден был отказаться от помещения во французском издании «предметного указателя, который был уже составлен». К сожалению, этого указателя найти не удалось.

Работая над своим великим научным произведением, Маркс в то же время практически руководил созданной им первой массовой пролетарской партией — I Интернационалом. Особенно в годы 1869—1873 он отдавал этому чрезвычайно много времени и сил. Эта деятельность и отражена в первую очередь в собранных в

настоящем томе письмах. Тут есть целые серии писем, представляющие огромный интерес именно как образцы систематической руководящей переписки с представителями местных организаций. Таковы письма Маркса и Энгельса — Зорге, И.-Ф. Беккеру, Бракке, Либкнехту, Энгельса — Куно и т. д. Нередко эти письма адресованы представителям организаций, зараженных фракционностью, как, например, письма Энгельса — Терцаги, Кафиеро и др. К сожалению, эта переписка не всегда полно сохранилась, и у нас часто есть лишь отдельные письма, например представляющее большой интерес письмо Маркса — Де-Папу от 24 января 1870 г. Письма эти содержат разъяснения Маркса и Энгельса по важнейшим вопросам теории и политики; в своей совокупности они дают яркую картину работы Маркса и Энгельса как вождей пролетарской партии, показывают, как Маркс и Энгельс вырабатывали основы ее политики, стратегии и тактики.

В виде примера укажем еще на письмо Маркса — З. Мейеру и А. Фогту от 9 апреля 1870 г., в котором Маркс разъясняет подробно свою политику в ирландском вопросе (см. также письмо Кугельману от 29 ноября 1869 г.). Ленин накануне империалистической войны указывал на то, что последовательно-пролетарская политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала «величайший, донныне сохранивший громадное значение образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям» (Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 464).

Очень много дают письма 1870 — 1871 гг. для оценки и характеристики исторических событий того времени: франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Такие письма 1871 г., как, например, письма Маркса — Либкнехту от 6 апреля, Кугельману от 12 и 17 апреля, Франкелю от 26 апреля и 13 мая, Бизли от 12 июня, и ряд других являются неопенимым дополнением к той, по выражению Ленина, «глубокой, меткой, блестящей и действенной, революционной» оценке Парижской Коммуны, которую Маркс дает в «Гражданской войне во Франции».

Если сравнить то влияние и распространение, которые получил этот «Манифест» I Интернационала «О гражданской войне во Франции», с тем непосредственным влиянием, которое оказано было «Коммунистическим манифестом» в год его появления (1848 г.), — станет ясно, какой громадный шаг сделал рабочий класс за протекшие со времени выхода этой первой программы пролетарской партии два с лишком десятилетия. А также ясно станет и все огромное значение работы, проведенной I Интернационалом. В начале 1848 г.

«Манифест коммунистической партии» был, как говорит Энгельс в своем предисловии к изданию 1890 г., «восторженно встречен малочисленным еще в то время авангардом научного социализма». Широкого распространения он тогда не получил; Маркс, как автор «Коммунистического манифеста», был известен тогда сравнительно еще очень небольшому кругу передовых рабочих и революционеров. «Манифест» I Интернационала получил сразу же, как только он появился в свет, несравненно более широкое распространение и в Англии, и на континенте, и в Америке, и даже буржуазная печать не могла уже замолчать имя и дело Маркса.

В письме от 18 июня 1871 г. Маркс пишет Кугельману, что «Гражданская война во Франции» «производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелеют! Плюю я на этих каналий!» После разгрома Коммуны объем работы Маркса, как руководителя Интернационала, еще более возрос, к тому же в Лондон был большой наплыв эмигрантов из Франции. «Работа для Интернационала огромна, а к тому еще прибавилось наводнение Лондона эмигрантами, о которых мы должны заботиться. Кроме того, мне не дают покоя газетные сотрудники и всевозможные лица, желающие видеть «чудовище» собственными глазами» (Письмо Маркса — Кугельману от 27 июля 1871 г.).

В интервью, данном 3 июля 1871 г. Марксом сотруднику американской радикальной газеты «New York World», последний передает свою беседу с «подлинным основателем и вдохновителем Интернационала», с «защитником Парижской Коммуны», и со слов Маркса сообщает о громадном росте влияния Интернационала: «Его влияние начинает ощущаться повсюду. Две газеты пропагандируют его взгляды в Испании, три в Германии, столько же в Австрии и Голландии, шесть в Бельгии и шесть в Швейцарии».

Незаменимы письма настоящего тома как источник для изучения борьбы Маркса и Энгельса с бакунизмом. Письма дополняют те печатные произведения, которые собраны в XIII томе Сочинений Маркса и Энгельса, брошюру Маркса о «Мнимых расколах в Интернационале», брошюру об «Альянсе», написанную Энгельсом и Лафаргом по поручению Гаагского конгресса, и др. По письмам можно проследить, как готовились эти и другие документы борьбы против бакунизма. В письме Зорге от 14 июня 1873 г. Энгельс пишет: ««Альянс»

почти готов по-французски; адская работа на этом каверзном языке, зато попадает в точку, и даже вы будете поражены». В письмах можно найти исчерпывающую характеристику Бакунина, оценку его деятельности, опирающуюся на факты. Эти характеристики и оценки следует иметь в виду, когда приходится встречаться с попытками прикрасить личность Бакунина, противопоставляя его Марксу, идеализировать его деятельность как «выдающегося» революционера, неизменного борца революции, что пытаются сделать враги и фальсификаторы марксизма. Вот, например, характеристика деятельности Бакунина в 40-х годах: «Во время своего пребывания в Париже с 1843 по 1848 г. он разыгрывал из себя решительного социалиста. После революции он отправился в Бреславль и вступил там в связь с буржуазными демократами, агитировал среди них за избрание (во Франкфуртский парламент) *Арнольда Руге*, бывшего в то время ярким врагом социалистов и коммунистов», и т. д. (письмо Маркса — Беккеру от 2 августа 1870 г.). В ряде писем дается оценка деятельности Бакунина в Интернационале, см., например, письмо Маркса — Больте от 23 ноября 1871 г., где дана краткая, исчерпывающая характеристика той теоретической путаницы, представителем которой был Бакунин, — «человек без всяких теоретических знаний», претендовавший на то, чтобы «в особой организации быть представителем *научной* пропаганды Интернационала». «Теории» Бакунина прекрасно охарактеризованы также в письме Энгельса — Куно от 24 января 1872 г.

Наряду с этим в письмах содержатся страницы, дающие итоговые оценки всей деятельности I Интернационала, его исторической роли, итоги проделанной им работы. Эти оценки стали теперь уже широко известны: такие, например, как в письме Маркса — Больте от 23 ноября 1871 г., Энгельса — Бебелю от 20 июня 1873 г., Энгельса — Зорге от 12—17 сентября 1874 г. и т. д.

В письмах, само собой разумеется, много места отведено рабочему движению в Германии, куда, после поражения Парижской Коммуны, временно, на несколько десятков лет, перешел центр европейского рабочего движения. Среди этих писем необходимо отметить письмо Маркса — Бракке от 5 мая 1875 г., при котором была приложена «Критика Готской программы», письмо Энгельса — Бебелю от 18—28 марта 1875 г. с критическим разбором оппортунистических ошибок, допущенных при объединении, а также замечательное письмо Маркса — Зорге от 19 октября 1877 г., где Маркс отмечает те элементы оппортунизма германской социал-демократии, против которых он повел «бешеную» борьбу вместе с Энгельсом.

В письмах Маркса и Энгельса отражается вся их многообразная деятельность. Наряду с письмами глубокого научно-теоретического содержания (к числу их принадлежит, например, письмо Энгельса — Лаврову относительно Дарвина и дарвинизма от 12 — 17 ноября 1875 г.) есть письма, содержащие множество ценнейших практических указаний по разнообразным вопросам, вплоть до вопросов издательской и типографской техники — как, например, надо отмечать редакционные примечания и т. п. Очень много существенных указаний дает Маркс в письмах Бракке относительно работы переводчиков в связи с редактированием им перевода книги Лиссагаре.

Необходимо упомянуть в заключение о довольно большом количестве писем чисто личного характера, писем, которые рисуют семейные отношения Маркса и Энгельса, показывают их домашнюю обстановку, их знакомых, их отношения к ним и т. д. Таковы письма Маркса — дочерям, Энгельса — матери и братьям, — Филиппу и Иде Паули, у которых жила в Германии племянница жены Энгельса Мэри-Эллен (Пумпе), и т. д. Как образцы таких писем можно указать на письма Маркса его старшей дочери Женни от 10 июня 1869 г. и 31 мая 1870 г., — с живым описанием обстановки, в которой находится Маркс, его встреч с людьми; в письмах этих даются остроумные характеристики лиц, описание прогулок, которые Маркс совершает, обихода его жизни и т. д.

Таковы в самых общих чертах главнейшие темы, о которых идет речь в письмах настоящего тома.

* * *

Большинство писем настоящего тома печатается по оригиналам — подлинникам и фотографическим копиям, снятым с оригиналов, — хранящимся в Архиве ИМЭЛ. Случаи, когда письма взяты из публикаций, всюду оговорены в начале этих писем в подстрочном примечании. Особо оговорены также случаи, когда оригинал представляет собой черновик или копию (рукописную или на пишущей машинке). Данные о языке оригиналов читатель найдет в конце книги в «Указателе языка оригиналов». В томе дан только именной указатель; предметный указатель будет дан сводный ко всем томам писем в т. XXVIII.

* * *

Настоящий том подготовлен к печати *В. Ф. Семеновым*.

1 октября 1934 г.

В. Адоратский.

П И С Ь М А

1869 — 1877

1869 год.

1.

Энгельс — Эмилю Бланку

в Энгельскирхен.

Манчестер, 4 февраля 1869 г.

Дорогой Эмиль!

Я только что получил от мамы печальное известие, что наша дорогая Мария Бартельс умерла в понедельник вечером от скарлатины. Известие это потрясло меня до глубины души. Я знал ее, как и всех твоих детей, когда она была еще ребенком, и знал ближе, чем детей остальных моих братьев и сестер, а потому и привязанность моя к ней была живее и горячее; в последний раз я ее видел на ее свадьбе, когда она была так особенно счастлива и когда перед ней открывался целый ряд счастливых лет впереди; а теперь всему этому конец! Каково должно быть на душе у тебя и у Марии, каково бедному Роберту с его двумя маленькими детьми! Более двадцати лет ты и Мария наслаждались счастьем. Вам так мало пришлось испытать на себе трагическую сторону жизни, что подобный удар, разразившийся, как гром среди ясного неба, должен был поразить вас особенно тяжко. В таких случаях не помогают никакие утешения, — нужно, как ребенку, выплакаться, пока время не залечит раны. Я пишу тебе не для того, чтоб тебя утешать, а только потому, что знаю, как благотворно действует на человека выражение участия со стороны людей, от которых он имеет право его ожидать. Поверьте, что это участие и это сочувствие я выражаю вам от всего сердца.

Передай мой сердечный привет Марии, бедному Роберту и всем твоим детям.

Всем сердцем

твой Фридрих.

2.

Маркс — Людвигу Кугельману (с приложением письма Арнольда Руге — Штейнталу)

в Ганновер.

Лондон, 11 февраля 1869 г.

Дорогой друг!

Задержка этого письма объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, из-за здешней проклятой туманной погоды — ничего кроме тумана! — я почти четыре недели проболел необыкновенно злокачественным гриппом. Во-вторых, прилагаемые фотографии я заказал по меньшей мере семь недель тому назад, но все из-за той же пасмурной погоды их удалось отпечатать с негатива только совсем недавно.

Прилагаемое письмо от А. Руге получено моим другом Штроном в Бредфорде от одного из его друзей-торговцев. Очевидно, Руге не смог противостоять «отрицанию отрицания». Письмо Вы должны мне сейчас же возвратить, потому что Штрон должен доставить его опять адресату.

Здешний казначей нашего Генерального совета Кауэлл-Степни, — очень богатый и знатный человек, но вполне и всецело преданный, хотя и не без странностей, рабочему делу, — запросил одного своего друга в Бонне о литературе (немецкой) по рабочему вопросу и социализму. Тот послал ему в ответ письменную сводку материала, составленную д-ром Гельдом, профессором политической экономии в Бонне. Его заметки показывают чрезмерную ограниченность этих ученых мандаринов. Обо мне и Энгельсе он (Гельд) пишет там:

«Энгельс: «Положение рабочего класса и т. д.» — лучшая вещь немецкой социалистическо-коммунистической литературы». — «В тесной связи с Энгельсом стоит Карл Маркс. Он — автор самого научного, самого ученого сочинения, какое только имеется в области социализма, именно *«Капитала»*. Хотя эта книга появилась совсем недавно, она представляет собою все-таки отголосок (!) движения кануна [18]48 г. Поэтому я упоминаю о ней здесь, рядом с книгой Энгельса. Это сочинение очень интересно также (!) для настоящего времени, потому что (!!!) по нему можно изучать тот источник, из которого Лассаль черпал свои основные мысли». Вот еще прекрасная область!

Приват-доцент политической экономии при одном немецком университете пишет мне, что моя книга вполне убедила его, но — но

его положение повелевает ему, «как и другим коллегам», не высказывать своего убеждения.

Эта трусость цеховых мандаринов, с одной стороны, заговор замалчивания буржуазной и реакционной прессы — с другой, приносит мне большой вред. Мейснер пишет, что осенние полочки за книгу очень плохи. Он не добрал еще более 200 талеров из своих издержек. При этом он прибавляет: если бы хоть в нескольких больших городах, как Берлин и т. п., делалось наполовину то, что Кугельман сделал в Ганновере, то мы могли бы уже иметь и второе издание.

1 января я стал дедушкой, — новогодним подарком был маленький мальчик. Лафарг, наконец, добился того, что его освободили от трех экзаменов, и теперь ему остается выдержать во Франции всего только два.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш *Карл Маркс*.

[На полях письма:] Крест, с которым изображена на фотографии моя старшая дочь Женни, — польский повстанческий крест 1864 г.

**Приложение: Арнольд Руге — Штейнталью
в Манчестер.**

Брайтон, 25 января 1869 г.
7, Park Crescent.

Уважаемый г. Штейнталь!

Одновременно с этим письмом я отправляю вам бандеролью книгу Маркса о капитале.

Приношу Вам мою глубокую благодарность! Эта книга занимала меня все время, хотя мне приходилось выполнять всевозможные другие работы.

Это сочинение *делает эпоху* и проливает яркий, нередко резкий свет на развитие, гибель, родовые муки и страшные дни страданий общественных периодов.

Объяснение *прибавочной стоимости* неоплаченным трудом, экспроприацией рабочих, которые прежде работали *на себя*, и доказательство предстоящей *экспроприации экспроприаторов* представляют собой нечто классическое.

По последнему вопросу на стр. 745 говорится: «Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно *капиталистическая* собственность, есть первое отрицание *индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде*. Отрицание этого отрицания снова восстанавливает индивидуальную собственность, но на основе достижений капиталистической эры, именно кооперации *свободных работников и их общей собственности на землю и средства производства, которые произведены самим же трудом*».

Маркс обладает обширной эрудицией и великолепным диалектическим талантом. Книга стоит выше обычного круговора многих людей и газетных

писак, но она, наверное, пробьет себе дорогу и, несмотря на широту замысла, даже как раз благодаря этому, окажет могучее влияние.

Говоря о религии, автор очень правильно замечает на стр. 608: «Подобно тому как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так в капиталистическом производстве над человеком господствует продукт его собственной руки».

И чтобы освободить его, далеко еще не достаточно рассеять это заблуждение; даже когда людям случается потерять своего господя, как это было с французами или испанцами, они сами опять сажают его себе на шею.

Все же желаю счастья в 1869 г., пусть он будет таким же, как и его предшественники! Мой наилучший привет г-же Штейнталь и г. Гейдеману!

Весь Ваш д-р *А. Руге*.

3.

Марке — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 17 февраля 1869 г.

Дорогой Юнг!

Прилагаю немецкое ¹.

Письмо Лафарга — Вам и письмо для Степни. Полагаю, что последнее лучше не передавать. Вместо этого пошлите Степни прилагаемую программу. Он, вероятно, подпишется на некоторую сумму.

Привет.

Ваш *К. М.*

4.

Марке — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 3 марта 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Проклятый фотограф опять неделями водил меня за нос и все еще не доставил дополнительных карточек. Но я не хочу из-за этого больше откладывать своего ответа. Что касается «Господина Фогта», то я хотел в крайнем случае поместить в надежном месте те экземпляры, которые еще можно спасти от рук Либкнехта (я послал ему из Лондона в Берлин 300 экземпляров, т. е. все имевшиеся тогда в наличии). Поэтому я взял на себя смелость поместить их у Вас. Но, Эриндур, разреши мне эту загадку природы! Либкнехт послал

¹ Письмо (с уставом и прочими документами), присланное в Генеральный совет Товариществом горнорабочих в Лугау, см. об этом Сочинения, т. XXIV, стр. 161 — 162.

Вам всего 6 экземпляров, а мне сообщил о посылке Вам 50 экземпляров. Не попросите ли Вы его раскрыть секрет этой загадки?

Кетле теперь уже *слишком стар*, чтобы устраивать с ним какие бы то ни было опыты. В прошлом у него большая заслуга: он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось. Он не двигался вперед, а только расширял материал своего наблюдения и исчисления. Он и теперь не ушел дальше, чем был *до 1830 г.*

Свой II том я не кончу, вероятно, раньше лета. Тогда я с рукописью поеду вместе с дочерью в Германию и повидаюсь с Вами. Сказать яснее: посету Вас.

Во Франции происходит очень интересное движение.

Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе. Сначала *происхождение империи*, потом *декабрьский coup d'état* [государственный переворот]. Последний был совершенно позабыт, подобно тому как реакции в Германии удалось совершенно изгладить воспоминания о 1848 — 1849 гг.

Вследствие этого книги Тено о *coup d'état* обратили на себя чрезвычайное внимание в Париже и провинциях и в короткое время выдержали 10 изданий. Затем стали выходить дюжинами другие книги об этом периоде. Это была настоящая горячка, поэтому на этой почве быстро возникла спекуляция книгопродавцев.

Сочинения эти исходили от *оппозиции* — Тено, например, сотрудник «*Siècle*» (я имею в виду либеральную буржуазную газету, а не наше столетие) ¹. Все либеральные и нелиберальные прохвосты, принадлежащие к официальной оппозиции, покровительствуют этому движению. Так же относится к нему и республиканская демократия, — люди вроде *Делеклюза*, например, который раньше был адъютантом Ледрю Роллена, а теперь в качестве республиканского патриарха редактирует в Париже «*Réveil*».

До сих пор все, — все кроме бонапартистов, — упились этими посмертными разоблачениями или, вернее, воспоминаниями прошлого.

Но потом выступила оборотная сторона медали. Сначала французское правительство через ренегата Ипполита Кастиля опубликовало «*Les Massacres de Juin 1848*» [«Июньские убийства 1848 г.»].

¹ В оригинале игра слов: слова «сотрудник «*Siècle*»» Маркс написал по-французски: «*homme du Siècle*», что значит буквально: «человек века».

Это было ударом кулака для господ Тьера, Фаллу, Мари, Жюля Фавра, Жюля Симона, Пельтана и пр., — одним словом, для главарей так называемого во Франции «Либерального союза». Либеральные главари хотят жульнически использовать ближайшие выборы. Старые подлые собаки!

Затем наступила очередь социалистической партии, которая стала разоблачать оппозицию и республиканских демократов старого покроя.

Сюда относятся, между прочим: *Верморель*, «Les Hommes de 1848» [«Деятели 1848 г.»] и «L'Opposition» [«Оппозиция»].

Верморель — прудонист.

Наконец, выступили в печати и бланкисты, например *Г. Тридон*: «Jironde et Jirondins» [«Жиронда и жирондисты»].

И вот кипит весь котел у чародейки-истории.

Когда-то *у нас* дойдет дело до этого!

А вот Вам материал насчет того, как хорошо французская полиция исполняет свою службу:

Я собирался поехать в начале будущей недели в Париж, чтобы повидаться с дочерью.

В прошлую субботу полицейский агент является к Лафаргу и спрашивает, приехал ли уже г. Маркс. Я, мол, имею поручение к нему. — Предупредили!

Ваш *К. М.*

5.

Маркс — Генриху Обервиндеру

в Вену.

[Черновик.]

Лондон, 3 марта 1869 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill, N. W.

Милостивый государь!

Извините, пожалуйста, что я запоздал с ответом на Ваше письмо от 14 февраля, — это произошло вследствие моего нездоровья.

Мне нечего уверять Вас, что я очень интересуюсь рабочим движением в Вене. Поэтому, если бы я мог свободно располагать своим временем и своими силами, мое сотрудничество в Вашей газете было бы немедленно к Вашим услугам. Но моя работоспособность постоянно прерывается из-за болезни. Тот небольшой досуг, который у меня остается после работы над окончанием второго тома

моего труда «*Капитал*», поглощают дела Международного товарищества рабочих.

Поэтому я не могу обещать Вам сотрудничать в *ближайшем будущем* в Вашей газете.

С особым уважением

Карл Маркс.

6.

Энгельс — Фридриху Лесснеру

в Лондон.

Манчестер, 4 апреля 1869 г.

86, Mornington Street.

Дорогой Лесснер!

Я был очень рад получить от тебя известие. Прилагаю при сем фотографию, которую ты просил. Вот уже неделя, как я специально приготовил Беккера¹ и несколько других вещей для пересылки их Мавру, но женщины по утрам постоянно перекладывали их куда-нибудь, и так я изо дня в день забывал об этом. Завтра однакож я захвачу пакет в город и пошлю Беккера тебе непосредственно.

Комплименты, которые ты мне делаешь и которых я совершенно не заслужил, пристыдили меня тем более, что, к сожалению, я за последние 18 лет почти ничего не мог делать *непосредственно* для нашего дела, а вынужден был посвящать все свое время «буржуазной» деятельности. Но я надеюсь, что в скором времени это изменится. Через несколько месяцев я рассчитываю опять всецело располагать своим временем и тогда, конечно, сделаю все, что в моих силах, чтобы заслужить твои комплименты. Мне всегда будет доставлять удовольствие сражаться вместе с таким старым товарищем, как ты, на одном и том же поле битвы и бить одного и того же врага. Ты прав, — дело идет лучше, чем когда бы то ни было; и мы — Мавр и я — были правы, когда еще много лет тому назад, в то время как глупый демократический сброд жаловался на реакцию и равнодушие к нему народа, предвидели в этой реакции колоссальное промышленное развитие последних 18 лет и говорили, что результатом его будет обострение противоположности между трудом и капиталом и более ожесточенная классовая борьба. При этом можно смеяться до упаду, когда видишь, до какой степени теперь, более, чем когда-либо,

¹ Речь идет о книге Бернгарда Беккера «*Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's*» [«Разоблачения о трагической кончине Фердинанда Лассалля»], вышедшей в конце 1868 г.

околпачены эти дураки-демократы, как для них не находится даже ни одного приличного местечка ни в одной стране мира. Прогрессивная партия в Германии, республиканцы во Франции, радикалы в Англии — все они одинаково остались в дураках. Нет ничего более комичного, чем те кисло-сладкие комплименты, которые они вынуждены делать социальному движению, в то время как они очень хорошо знают, что в один прекрасный день это социальное движение повергнет их во прах.

Твой старый друг

Ф. Энгельс.

7.

Маркс — Джону Ледлоу
в Лондон.

[Лондон,] 10 апреля 1869 г.
1, Modena Villas, Maitland Park,
Haverstock Hill, N. W.

Милостивый государь!

Зная об услугах, оказанных Вами рабочему классу, я бы и раньше доставил себе удовольствие послать Вам свой последний труд «Капитал» (II и III томы еще не изданы), если бы мне было известно, что Вы читаете по-немецки.

В Вашей статье о Лассале в «Fortnightly [Review]» Вы сначала говорите, что Лассаль пропагандировал мои принципы в Германии, а затем, — что я пропагандирую «принципы Лассаля» в Англии. Это было бы действительно тем, что французы называют «un échange de bons procédés» [обмен услугами].

В томе, который я Вам посылаю, в предисловии, стр. VIII, примечание 1, Вы найдете ясное изложение фактов, а именно, что «Лассаль почти буквально заимствовал из моих сочинений *все свои общие теоретические положения*», но что у меня «нет ничего общего с *практическим применением им теории*». Его рецепт — государственная помощь кооперативным обществам — я лишь из вежливости называю его рецептом. В действительности он принадлежит г. Бюше, который ревностно его проповедывал в эпоху Луи-Филиппа. Бывший сен-симонист, автор «Histoire Parlementaire de la Révolution Française» [«Парламентской истории французской революции»], прославляющий Робеспьера и святую инквизицию, г. Бюше проводил свои идеи, например, в газете «L'Atelier», *противопологая* их радикальным идеям французского коммунизма того времени.

Так как Вы цитируете мой ответ Прудону — «Нищета фило-

софии», то Вы не можете не знать из последней главы этого произведения, что в 1847 г., когда все политико-экономы и все социалисты были согласны в одном единственном пункте — в осуждении *трэдиюнионов*, я доказывал историческую необходимость последних.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

Дж.-М. Ледлоу, эсквайру.

8.

Маркс — своей дочери Элеоноре

в Париж.

[Лондон,] 26 апреля 1869 г.

Мой милый маленький Кво-Кво!¹

Ты, право же, должна извинить мое долгое молчание. Я сейчас с головой ушел в работу.

Сначала — о твоих животных. Самбо почти не отходит от меня, чтобы так или иначе вознаградить себя за отсутствие своего верховного повелителя. Блекки ведет себя, как джентельмен, но как очень скучный джентельмен. Томми опять сделала все, от нее зависящее, чтобы доказать истинность теории Мальтуса. Елена, кажется, сегодня уничтожит новое потомство этой старой ведьмы. Огромный добрый Виски был сначала, подобно Калипсо, неутешен и отчаянно тосковал из-за твоего отъезда. Он отказывался от самых лучших костей, не выходил из твоей спальни и вообще проявлял все симптомы глубоких страданий «прекрасной души». Как только произносят твое имя, с ним делается припадок. Дикки оказался очень хорошим певцом, и мы оба взапуски развиваем свои музыкальные таланты соответствующими «упражнениями». Иногда, однако, когда я начинаю насвистывать, Дикки обращается со мной, как Лютер с дьяволом, — он поворачивается ко мне своим... Джокко снова стал показываться, но настроение у него в высшей степени скверное. Удостоверившись, что тебя нет, он предавался всем видам сплина и, несмотря на все попытки Елены, не давал себя ласкать. Другим источником огорчений для Джокко было то, что садовник устроил маленький сад, между тем как Джокко справедливо считал этот мир своим владением и резиденцией. Джокко лишился теперь своих холмиков, нор, ямок и всего того живописного беспорядка, которым он наслаждался.

¹ Кво-Кво (Quo-Quo) — китайский принц, прозвище Тусси.

Что касается прочих «животных», то так как они не принадлежат к числу бессловесных, а, наоборот, чрезвычайно болтливы и прекрасно могут сами сообщить о своих собственных делах, то я не обмолвлюсь сейчас о них ни единым словом.

В пятницу вечером я обедал у Бизли. Кроме меня там были Кромптон, адвокат, Юнг и Дюпон. Юнг рассказывал о своих подвигах. Он рассказывал, какие «счастливые (буквально!) речи» он произносил в одних местах и какие «острые словечки» он отпускал в других. В этом мире «мировой скорби», недовольства и беспокойства невольно испытываешь радость, когда встречаешься с человеком, который «счастлив» и, кроме того, обладает не только одной рубашкой, но еще и Саррой и другими хорошими вещами в придачу.

Завтра посылаю вам «Irishman».

Большое спасибо Какаду¹ за ее письмо.

Целую Фушку².

Передай привет Африканцу³. Ему будет чрезвычайно приятно услышать, — если только он уже не узнал этого из французских газет, — что Грант назначил первого «черного» посланника Соединенных Штатов. Прощай, мой маленький Кво-Кво!

Твой *Old Nick*⁴.

9.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 11 мая 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Вы должны простить мне мое продолжительное молчание. Во-первых, я в течение нескольких недель страдал от *болей в печени*, которые неизменно появляются у меня в весенние месяцы и приводят в тем худшее настроение, что делают меня почти совсем неспособным к умственной работе. Во-вторых, я ожидал со дня на день получения фотографии, которую Вы хотели иметь и которую г. Ференбах, этот немецкий прохвост, и по сей день мне еще не доставил.

Моя жена и младшая дочь гостят в настоящее время в Париже у Лафаргов, так что мы здесь чувствуем себя очень одиноко.

¹ Лаура Лафарг.

² Сын Поля и Лауры Лафарг.

³ Поль Лафарг.

⁴ «Old Nick» [«Старый Ник»] — название чорта в Англии, соответствует приблизительно русскому «домовой».

Памфлеты против Пальмерстона (мои) я при всем своем желании не мог раздобыть для Вас. В публикациях Уркварта против России и Пальмерстона хотя и есть много верного, но все дело портят «сrotchets» [причуды] великого «Давида».

Вашу статью я отослал Энгельсу. При нашей полнейшей изолированности от respectable прессы нам будет трудно содействовать Вам в этой области, но мы попытаемся.

В конце августа я собираюсь приехать к Вам с моей дочерью и прожить с Вами до конца сентября в Германии, где Вы захотите, хотя бы даже это прервало окончание моей рукописи. Дольше этого срока я, конечно, пробыть не смогу.

Я прочел Ваше письмо к Боркгейму. Вы совершенно правильно замечаете, что по поводу избийений рабочих в Бельгии не годится болтать о Варфоломеевской ночи и т. п. Но Вы, с своей стороны, недооцениваете важности и особого смысла этих событий. Вы должны знать, что Бельгия — это единственная страна, в которой сабли и ружья *регулярно* из года в год заканчивают собою каждую стачку. В одном обращении здешнего Генерального совета, написанном мною по-французски и по-английски, этот вопрос разъяснен. Я думаю, что оно появится в печати (в английском тексте) уже завтра. Я Вам его тогда сейчас же вышлю.

Я только что написал, тоже по-английски, обращение для здешнего Генерального совета Интернационала к «Национальному рабочему союзу в Соединенных Штатах» о войне с Англией, которую ватевают теперь буржуазные республиканцы.

Г-н Мейснер уже в конце января получил рукопись «18 Брюмера» (напечатанную и исправленную), но до сих пор все оттягивает печатание. Приятно, нечего сказать! Из-за дурацких издательских соображений он выжидает, а тем временем пройдет момент, когда издание могло бы произвести действительно эффект.

Привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш *К. Маркс*.

10.

Энгельс — Герману Энгельсу
в Энгельскирхен.

Манчестер, 13 мая 1869 г.

Дорогой Герман!

Шлю тебе наилучшие пожелания по случаю прибавления твоего семейства. Оно меня тем более радует, что этим разрушено, наконец,

колдовство, так сильно вас беспокоившее. You will now have to make up for lost time [Теперь вы должны наверстать упущенное время].

Текущий счет правилен, я не могу только понять, каким образом проценты из расчета 5% с 27924. 29. 4 талеров могут составить 1396.25.5 талеров вместо 1396.7.6 талеров. Но, поскольку речь идет лишь о цене одной бутылки мозельского, то изменять не стоит.

Заключение договора с Готффридом не подвинулось ни на шаг. Адвокаты ужасно затягивают дело, мой же адвокат отнюдь не советует мне спешить, так как Г[отффрид], по его мнению, гораздо больше меня заинтересован в том, чтобы покончить с этим делом. Я придерживаюсь того же мнения, ибо, как только я получу свои деньги, я всегда смогу — на худой конец — снова начать дело и конкурировать с ним; для этого мне не потребуется собирать предварительно много образцов и записей, у меня это все в голове. Между тем, я уже теперь взял почти все свои деньги из дела и вложил их в акции. Вследствие этого ему теперь самому туго приходится с деньгами, и я купил приблизительно на 2 400 фунтов акций у него же; сперва он меня поощрял в изъятии денег, но потом, когда я взял около 7 500 фунтов, он спасовал и должен был продать мне вышеупомянутые акции, — у него были как раз такие, какие были нужны мне.

Мне очень жаль, что я в истории с этой вашей реформой веса совершил такую ошибку. Я полагал, что такую реформу не вводят, если не имеют в виду провести ее *полностью* и сделать обязательной для *всех*. Но этим вы совершенно отрезали бы себя от внегерманского рынка, вследствие чего я сделал вывод, что вы не очень-то заинтересованы во внегерманских делах. Иначе, как я уже говорил два года тому назад Адольфу и еще в прошлом году маме, я прежде всего спросил бы вас, не желаете ли вы принять участие во внегерманском деле, и если да, то на каких основаниях вы могли бы заключить соглашение. При существовавшем же положении я должен был предположить обратное. Поэтому я закончил свои дела с Г. Э[рменом], а теперь, после того как это произошло, мама пишет мне, что эту реформу веса вы провели *только* для Германии. Но в таком случае я на вашем месте совсем бы ее не проводил, ибо в Голландии, Швейцарии, Австрии, Италии и пр. и пр. требуется все что угодно, только не система веса, принятая Таможенным союзом (Zollgewicht), и у вас, при расширении вашей внегерманской торговли, будет столько же затруднений и возни, как и прежде.

Мама пишет мне, что 1 апреля мне переведено оттуда 4 000 рейхсталеров. Этим мой счет свелся бы к 17 000 талеров, за вычетом мотков, которые куплены дешево и скоро будут готовы. Эту сумму я переведу вам в начале июля *в талерах*; пора, наконец, и мне что-нибудь выгадать на курсе. Если вы, однако, предпочитаете стерлинги, то я и на это согласен в том случае, если мы честно поделим весь доход от разницы в курсе, который вы получали, начиная с 1860 г., при моих переводах, а также по учету векселей 35 — 8%, которые вы мне тогда навязали, — вам половину и мне половину.

Что же касается пряжи в мотках, то не может быть и речи о том, чтобы получить ее непосредственно у прядильщиков, ибо эти люди никакого понятия не имеют и иметь *не хотят* об экспедиции и извещениях. Вам придется заплатить $1\frac{1}{2}\%$ комиссионных какой-нибудь комиссионной фирме, и вы на этом выгадаете, ибо здесь происходят изменения в качестве пряжи и т. п., о которых вы иначе ничего не узнаете. Например, 45-й номер я уже много лет покупал у Сэмюэля Тейлора и Сына в Олдхенде, теперь же употреблявшаяся ранее вами и нами одинаковая пряжа Джона Веджстраффа и К^о в Стельбридже стала вдруг намного дешевле, и поэтому я снова ее покупаю. Пряжа номер 55 и более тонкие сорта — все выделяются у Джона Ноулса в Болтоне (ранее Джон и Джордж Ноулс), и вам также надо будет остаться при этой пряже или при пряже его брата Джорджа Ноулса. Независимо от того, подберешь ли ты сам себе комиссионера или захочешь, чтобы я тебе предложил такового, — как только вы выберете себе кого-нибудь, я могу все устно растолковать этому человеку. Впрочем, я всегда вносил фамилии прядильных фабрикантов в накладные.

В своих бумагах я нашел оригинал договора с Петером Эрменом от 1862 г. и хотел переслать его вам, но вижу, что он имеет отношение исключительно лишь к *здесьнему* делу, а потому ничем не может быть вам полезен. Вследствие этого я оставляю его здесь; в случае же, если бы он вам когда-либо понадобился, ты теперь знаешь, где он. Разъяснение по поводу *того* дела находится у вас там.

Г. Э[рмен] сказал недавно своему племяннику Генриху: «С Антоном решительно ничего нельзя сделать, его голова стала совсем никуда негодной». Я считаю, что этот парень причинял нам здесь прямо и косвенно на 1 000 — 2 000 фунтов убытка ежегодно.

Сердечный привет Эмме и малышам, а также и маме.

Твой Фридрих.

11.

Маркс — своей дочери Женни

в Лондон.

Манчестер, 10 июня 1869 г.

Дорогое дитя!

Я твердо решил было уехать из Манчестера вчера. Но Энгельс под тем предлогом, что первую неделю своего пребывания здесь я чувствовал себя еще инвалидом, так настаивал на том, чтобы я остался до следующего понедельника, что я должен был сдаться. Право же, он так хорошо относится ко мне, что я был не в состоянии серьезно противиться такому капризу с его стороны.

Во время нашей трехдневной поездки в Девоншир-Армс, близ Болтонского аббатства, я познакомился с чрезвычайно странным малым, г. Дэйкинсом, геологом, который временно поселился в этой части Йоркшира для того, чтобы производить здесь геологическую разведку. Между прочим, ты, вероятно, знаешь, что, по распоряжению правительства и под руководством профессора Рамзея с Джермин-стрит, готовится геологический атлас всей Англии. Мур сам геолог. Через него Энгельс и Шорлеммер познакомились с Дэйкинсом, который живет в фермерском доме в иоркширской глуши. Этот дом был некогда аббатством, и нижняя его часть все еще служит часовней. Для того, чтобы повидать Дэйкинса, мы и отправились в эту местность. Дэйкинс очень напоминает немецкого крестьянина — малорослый, с лицом, вечно расплывающимся в широкую улыбку; в строении его головы есть нечто обезьянье; в нем нет ничего британского, за исключением выступающего ряда верхних зубов, которые напомнили мне покойную г-жу Зейлер. Одежда его, как у неряшливого и «*underdressed*» [«плохо одетого»] батрака с фермы, чрезвычайно небрежна. Галстук и тому подобные принадлежности цивилизации ему также неизвестны. Первое впечатление, которое он на вас производит, это — впечатление мужиковатого деревенского парня; добродушие светится в его глазах и расплывающейся улыбке, но не скажешь, что он обладает большим умом. И все же — это очень ученый человек, даже энтузиаст своей науки, и имя его начинает уже выделяться из массы имен его соперников. Он наивен, как ребенок, без всяких претензий, всегда готов поделиться своими научными открытиями с первым встречным, который пожелает выведать их у него. И в самом деле, около него постоянно трутся несколько геологов-исследователей со специальной целью добиться денег и славы, присвоив себе его изыскания. Действительно, мы застали его в обществе двух таких молодцов: один из них, по фамилии Уорд, — застенчивый юноша, а

другой, Грин, — смелый, энергичный человек. Мы обедали у него на ферме — в прошлое воскресенье — в комнате, расположенной как раз над часовней. Эта комната служила, очевидно, прежде местом собраний монахов, с большими стенами (я подразумеваю — окруженная толстыми стенами), с видом на великолепные деревья и на группу гор, расположенных амфитеатром, нагроможденных одна на другую и окутанных той голубой дымкой, которой так восторгается Керрер Белл. Во время очень веселого и, несмотря на свою деревенскую простоту, хорошего обеда монотонное пение молодежи, доносившееся из глубины часовни, заглушаемое толстыми стенами и звучавшее как бы издалека, несколько напомнило мне церковное пение из «Фауста».

Так вот, наш друг Дэйкинс — нечто вроде Феликса Холта, без жеманства этого последнего, зато с знаниями (между прочим, здешние тори говорят: «Феликс Холт — негодяй» («ascal») вместо «радикал»). Он приглашает раз в неделю фабричных парней, угощает их пивом и табаком и болтает с ними на социальные темы. Он — коммунист «по инстинкту». Я, конечно, не мог удержаться от того, чтобы не пошутить над ним немного и не предостеречь его от встречи с миссис Эллиот, которая сразу же завладеет им и превратит его в свою литературную собственность. Он уже писал Муру, что хочет вступить в Интернационал. Поэтому я принес ему членскую карточку, и он дал 10 шиллингов в качестве вступительного взноса, что составляет для него известную сумму. Эти люди получают только 150 ф. ст. в год, а несут тяжелую умственную и физическую работу. Правительство не было бы в состоянии заполучить этих людей за такую плату, если бы это было делом только конкуренции, но большинство из них полно «геологического» пыла и пользуется предоставленной им возможностью производить свои изыскания. У них есть бумаги, которые обязывают каждого землевладельца, фермера и т. д. не препятствовать им бродить по их именьям и фермам и исследовать строение почвы. Дэйкинс, который обладает большой дозой юмора и природного юмора, не редко, приходя на ферму, вынимает свои инструменты и принимается за работу как раз тогда, когда появляется фермер, который рычит на дерзкого пришельца и приказывает ему убираться прочь, если он не желает познакомиться с зубами его собаки или с ударами его цепа. Дэйкинс делает вид, что не обращает на него внимания, продолжает свое дело и раздражает грубияна какими-нибудь шуточками. Когда комедия доходит до известного кульминационного пункта, он вытаскивает свой документ, и цербер смягчается. Когда мы сидели у него, он в подходящий момент дал

мне прочитать в последнем номере «Fortnightly Review» статью Гексли, в которой тот забавно отделяет старого Конгрива. Дэйкинс тоже отъявленный враг контистов, или позитивистов. Он согласен со мной, что в них нет ровно ничего положительного (positive), кроме их высокомерия. Что касается моего друга Бизли, то он причисляет его к тем «доктринерам», которые ошибочно принимают свои фантастические причуды за науку. — В том же номере «Fortnightly» напечатана вторая статья Милля о «Капитале и труде» Торнтонна. Его критика убедила меня, что оба они ничего не стоят. — Дэйкинс — наш сосед: он живет (когда бывает в Лондоне) в Кильберне со своим отцом-юристом.

Вчера вечером я был на неизбежном чае у Гумпертов. Годы наложили на г-жу Гумперт неизгладимую печать. Никогда еще мне не приходилось видеть более быстрой перемены. Лицемерие греческого носа уступило место настоящему еврейскому типу; вся она выглядит какой-то сморщенной и высохшей, и ее голос приобрел тот гортанный тембр, который является до некоторой степени проклятием избранного народа. Говоря о том, как неприятно ездить в omnibusе, бывать на публичном фейерверке или в театре в непосредственном соседстве с партером, — все это из-за дурного запаха презренной черни, — она сказала: «Я люблю чистую публику, а не грязную толпу» (I like the clean million, but not the dirty million). Я притворился, что понял в смысле «чистые миллионы», и сказал, что люди вообще весьма склонны предпочитать чистый миллион фунтов стерлингов какому бы то ни было миллиону людей — мытых или не мытых.

А теперь, дорогое дитя, до свиданья. Передай от меня сердечный привет всем. В понедельник я обязательно выезжаю. Что касается Тусси, то у нее цветущий вид, и пробыть немного дольше в Манчестере ей будет полезно.

Твой *Old Nick*.

12.

Энгельс — Элизе Энгельс

в Энгельскирхен.

Манчестер, 1 июля 1869 г.

86, Mornington St., Stockport Road.

Дорогая мама!

Сегодня первый день моей свободы, и я не могу его использовать лучше, как немедленно же написать тебе. Вчера, наконец, я по всем важным пунктам пришел к соглашению с Г. Э[рменом]. Проект договора, составленный его адвокатом, был таков, что *в таком виде*

я никогда бы его не подписал. Я обязывался в течение пяти лет не конкурировать с ним, т. е. не производить и не продавать белой, крашеной или аппретированной бумажной пряжи. Это было в порядке вещей. Но тут его адвокат так повернул дело, что, если бы я нарушил то или иное условие, я должен был бы с самого начала платить штраф в размере от 100 фунтов и доходящий в отдельных случаях до 1 000 фунтов; таким образом, я должен был бы этими денежными штрафами возратить Г. Э[рмену] *больше* 1 750 фунтов, которые мне были выплачены, не говоря уже о судебных издержках. Мой адвокат настоятельно советовал мне не соглашаться, и в результате мы похерили всю эту историю — почти половину всего проекта. Затем был еще один пункт — о дальнейшем ведении Готфридом фирмы «Эрмен и Энгельс». Мой адвокат сказал мне, что если я дам ему на это *официальное* согласие, то меня, в случае банкротства, могли бы еще рассматривать как компаньона и привлечь к ответственности. Поэтому я потребовал, чтобы мое *официальное* согласие на это было равным образом ограничено пятью годами — и то лишь постольку, поскольку он сам будет в это время активным компаньоном в деле.

Мой Готфрид, который вначале очень спешил с переговорами, вскоре начал сильно затягивать дело и даже продержал однажды проект три недели у себя дома, не говоря о нем ни слова, так что второй проект договора (между Г. Э[рменом], Антоном Э[рменом] и мной, который регулирует раздел в связи с моим выходом) я получил лишь около трех недель тому назад и вследствие обычных адвокатских формальностей мог начать переговоры лишь неделю тому назад. К тому же Г. Э[рмен] в последние дни явно избегал меня, словно желая затянуть дело до тех пор, пока я не выйду из компании, и надеясь тогда легче со мной справиться. Нам удалось приступить к переговорам лишь вчера утром, и тут Г[отфрид] уступил *во всех пунктах*. Зато и я ему уступил, обязавшись в течение пяти лет не прясть и не сучить пряжи *ниже* № 40; право же *торговли* такой пряжей, но только в *сыром* виде, за мной оставалось. Эта уступка не имеет для меня никакого практического значения, поэтому я и доставил ему это удовольствие.

Таким образом, дело теперь, за исключением некоторых юридических формальностей, сделано, и я думаю, что через три недели все *может* быть закончено; однако можно ожидать и того, что это продлится до августа, так как сначала должен быть подведен баланс и адвокаты всегда так ужасно все затягивают.

Вчера после обеда я ходил с Готфридом на фабрику и осматривал склад и приемочную, после чего мы пошли к нему на дом, где он

угостил меня бутылкою очень хорошего гарцхофбергского. Он так же рад, как и я, что покончил с этим делом и является теперь полным хозяином фирмы, а также тому, что у него не будет со мной никаких споров, ибо: 1) если бы я вошел в компанию со своими братьями, то мы могли бы, как говорит мой адвокат, продолжать и *здесь* фирму «Эрмен и Энгельс», в то время как ему мы могли бы это запретить, 2) он вообще чрезвычайно боится конкуренции, и 3) теперь выясняется, что он еще некоторое время будет очень нуждаться во мне, чтобы не допустить в деле крупных промахов. Вследствие этого он и приглашал меня заходить в контору так часто, как мне захочется, и просил меня давать там иногда советы, на что я, конечно, согласился. Он пригласил в качестве корреспондента одного молодого штутгартца, который находится там всего три недели и, конечно, еще очень неопытен. Ему придется довольно тяжело. С Чарльзом Г[отфрид] тоже еще не покончил, — его срок кончается по договору через неделю; любопытно, сговорятся ли они. Чарльзу пять лет тому назад были обещаны комиссионные, но он никогда их не получал, теперь Чарльз требует 1 000 фунтов в виде вознаграждения, которые Г[отфрид] ему, конечно, никогда не даст.

Антон он тоже, кажется, не хочет оставлять в качестве компаньона. По крайней мере, второй проект договора расторгает союз с ним точно таким же образом, как и со мной; а Готфрид не доставлял бы себе этих хлопот, если бы он действительно не замыслил этого. С одной стороны, Г[отфрид] убедился в том, что А[нтон] для практического дела, т. е. для зарабатывания денег, абсолютно не пригоден, а с другой стороны, Антон все время выкачивает за спиной Г[отфрида] так много денег из дела, посылая их своей Юлии, что Г[отфрид] опасается, как бы Антон не начал брать деньги прямо из банка, поскольку он — Антон — имеет право на подпись. Когда Антон вступал в дело, Г[отфрид] вложил за него 500 фунтов, которые и представляли капитал Антона. Мосье Антон, который должен был бы оставлять в деле по 250 фунтов ежегодно из своих прибылей, не только не сделал этого, но давно спустил и те 500 фунтов.

Моя новая свобода мне очень нравится. Со вчерашнего дня я стал совсем другим человеком и помолодел лет на десять. Вместо того, чтобы идти в мрачный город, я ходил сегодня утром в эту чудесную погоду несколько часов по полям. За моим письменным столом в комфортабельно обставленной комнате, где можно открыть окно, не боясь, что повсюду черными пятнами осядет копоть, с цветами, стоящими на окнах, и несколькими деревьями перед домом,

работается совсем иначе, чем в моей мрачной комнате на складе с видом на двор гостиницы. Я живу в десяти минутах ходьбы от клуба, достаточно далеко от квартала немецких и прочих обитателей мебелированных комнат, чтобы быть уверенным в том, что мне не будут надоедать. В 5 или 6 часов вечера я обедаю дома, кухня очень хороша, а затем большей частью ухожу на несколько часов в клуб читать газеты и т. д. Но все это я смогу организовать как следует лишь тогда, когда мне не нужно будет больше бегать в город из-за баланса и пр.

Ну, теперь прощай, милая мама. Сердечный привет всем. Если у вас есть планы путешествовать, то сообщите их мне, чтобы я мог по возможности сообразоваться с ними; исходя из того положения, в котором я пока нахожусь, вам не следует принимать меня в расчет.

Сердечно любящий твой сын

Фридрих.

13.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Манчестер, 10 июля 1869 г.

86, Mornington Street, Stockport Road.

Дорогой Кугельман!

Как доказывает прилагаемое, я все же держу свое слово и сдержал бы его давным-давно, если бы не произошло следующее: 1) Хотя у меня была прилагаемая при сем фотография Лупуса, но не было моей собственной, — только после многократных позирований прошлой зимой мне удалось получить сносную фотографию, 2) но после этого оказалось, что фотография Лупуса куда-то запропастилась, и я, несмотря на все поиски, не мог ее найти. Поэтому 3) я заказал у фотографа, у которого был негатив, еще 24 фотографии Лупуса, но они вышли очень скверно, так как негатив очень выцвел, и я не хотел посылать ни одной из них. Наконец, 4) я снова нашел прежнюю фотографию, и вот они обе.

От Маркса я, к сожалению, узнал, что Вам пришлось подвергнуться операции и что лето Вы желаете посвятить поправлению здоровья. Это будет несомненно очень полезно, а отчасти, пожалуй, и приятно. Надеюсь, что Вы благодаря этому вполне поправитесь, но это, возможно, приведет к тому, что наш друг Шорлеммер, который уже две недели находится в Германии и дней через 10—12 собирался быть проездом в Ганновере и посетить Вас, не застанет Вас там. В конце этого или в начале следующего месяца Маркс вместе

со своей дочерью Женни поедет, вероятно, в Германию; как будет обстоять дело со мной, я еще не знаю по следующим причинам:

30 июня настоящего года истек срок моего договора с моим компаньоном. По моему первоначальному подсчету, при заключении договора я рассчитывал на то, что по истечении его срока сколочу на благородной коммерции такую сумму, чтобы быть в состоянии прожить на нее хотя бы, по здешним понятиям, и очень скромно и распрощаться таким образом с торговлей. Это, правда, не вполне осуществилось, но после многократных переговоров с моим компаньоном мы в конце концов сошлись на том, что я разрешаю ему в течение пяти лет пользоваться моим именем в делах фирмы и обязуюсь в течение этих пяти лет не конкурировать с ним; за это он уплачивает мне порядочную кругленькую сумму, так что я все-таки добился того, чего хотел. С 1-го числа настоящего месяца я, таким образом, вышел из дела, и мое время наконец-то опять принадлежит мне, — правда, пока только теоретически, ибо, до тех пор, пока не будет сведен баланс и необходимые документы не будут приведены в порядок адвокатами, я не смогу уехать отсюда и должен буду потратить еще много времени, чтобы привести эти дела в порядок. Но в течение ближайшего месяца я надеюсь покончить с ними, и если Вы сообщите мне, где Вы тогда будете находиться, то все мы, пожалуй, могли бы встретиться где-нибудь в Германии. Мне нет надобности говорить Вам, насколько я рад, что отделался от этой проклятой торговли и снова могу сам работать, в особенности, что это произошло именно теперь, когда события в Европе все больше и больше обостряются и в один прекрасный день может совершенно неожиданно разразиться гроза.

Лассальянская секта — не без диалектической иронии — собирается, повидимому, обрести как раз в своем номинальном воссоединении свое подлинное разложение. Шв[ейцер] в настоящее время удержит еще, быть может, большинство своих людей, но никакая партия или секта не в состоянии выдержать постоянно повторяющегося выбрасывания вождей. Да к тому же на этот раз обнаружатся всевозможные курьезы, когда эта в высшей степени грязная клика начнет перемывать свое грязное белье, — курьезы, которые Шв[ейцеру] могут только повредить. Разложение лассальянской секты и, с другой стороны, освобождение саксонских и южно-германских рабочих от помочей «Народной партии» — таковы два основных условия для образования новой подлинной немецкой Рабочей партии. Лассальянцы сами позаботятся о том, чтобы сделать свое дело, и перегрызут друг другу горло, но гораздо труднее отделаться от южно-германских

республиканско-мещански ограниченных взглядов, которые Либкнехт систематически вбивает в голову рабочим. Чего стоит одна эта глупость — написать на своей газете: орган Народной партии, т. е. южно-германских мещан! Если бы Бебель обладал хотя бы небольшим теоретическим образованием, ничего подобного бы не случилось, — он кажется мне вполне дельным малым, страдающим только одним этим недостатком. А тут приходит Либкнехт и требует, чтобы мы открыто вступились за него и за Народную партию — против Шве[йцера]! Хотя ведь само собой понятно, что 1) с Народной партией, как с буржуазной партией, у нас еще гораздо меньше общего, чем со шве[йцеровскими] лассальянцами, которые все же являются рабочей сектой, и 2) что Маркс в качестве секретаря Международного товарищества рабочих для Германии *обязан* с должным вниманием относиться к *каждому* вождю, которого выдвигает своим руководителем и выбирает в парламент достаточное количество рабочих.

Пожалуйста, пишите мне теперь по вышеуказанному адресу.

Недавно Маркс прислал мне Вашу работу о лечении эндемических болезней с помощью вентиляции. По-моему, Вы пользуетесь вентиляцией еще слишком умеренно. Здесь окно спальни без всяких опасений держат открытым на целых 3—12 дюймов без всяких ширм и заботятся лишь о том, чтобы больной не лежал *непосредственно на сквозняке*. Это практикуется и летом, и зимой. При этом, кроме мясного экстракта и портвейна в больших дозах, не дают почти никаких лекарств. Так лечили в ноябре прошлого года мою домашнюю работницу от тифозной горячки и прошлым летом — обеих незамужних дочерей Маркса от скарлатины. Я думал, что этот способ лечения уже давно утвердился и в Германии, но, судя по Вашим сообщениям, там все еще господствует старый метод — держать больных в тепле и скверном воздухе.

Дайте скорее о себе знать.

С сердечным приветом

Ваш Ф. Энгельс.

14.

Энгельс — Герману Энгельсу
в Энгельскirchen.

Манчестер, 15 июля 1869 г.

Дорогой Герман!

Хорош ты, нечего сказать! Что я переписывался с тобой по поводу истории с курсом только как с *управляющим мамы*, — это

разумелось само собой. Но именно *потому*, что ты являешься ее управляющим, ты не можешь вдруг заявлять мне, чтобы я обращался по этому делу непосредственно к маме. Хорошее дело, если бы ты слагал с себя должность управляющего всякий раз, когда другая сторона придерживается иного мнения, чем ты, или твои доводы иссякают. Нет, голубчик, ты во всяком случае останешься на своем посту.

Итак, к делу: что значил наш уговор исчислять все по курсу 6 рейхсталеров 20 зильбергрошей? Не что иное, как то, что обе стороны, как мама, так и я, отказались от того, чтобы выгадывать на курсе этих 10 000 ф. ст. Но так как на выплаченных мною 7 000 ф. ст. мама все же *получила* определенную выгоду на курсе, то я счел вполне в порядке вещей, если я выгадаю на небольшой остающейся сумме. Ты, однако, разрешаешь вопрос гораздо проще, утверждая без обиняков, что только мама имеет право выгадывать на курсе.

Ты не учитываешь, между прочим, насколько ты вырываешь у себя из-под ног почву в вопросе об учете, когда совершенно правильно утверждаешь, что заинтересованной стороной является в сущности только мама. Я выплачиваю маме 1 000 ф. ст. и на мой запрос получаю ответ, что эту сумму я должен послать Р. Функе и К^о векселями с уплатой по ним *по предъявлении*. Я так и сделал и, следовательно, имел право на то, чтобы через три дня по истечении срока эти векселя были зачтены мне на полную их сумму. Что после этого сделал с векселями Ф[унке] в силу неизвестного мне и меня не касающегося соглашения между Р. Ф[унке] и фирмой «Эрмен и Энгельс» в Бармене (две фирмы, к которым, как ты говоришь, я не имею никакого отношения), меня уж так же не касается, как и то, что сделал с ними банк, в котором Ф[унке] учел их. Надо полагать, что теперь тебе, наконец, это ясно.

О «надувательстве» не может быть вообще и речи. Но профессиональные купцы, как и профессиональные адвокаты, легко привыкают смотреть на свое дело лишь с одной, наиболее выгодной для них стороны, между тем как при занятии научными предметами необходимо прежде всего отделаться от этого свойства. История с учетом заставила меня заподозрить, что ты в этом вопросе не вполне беспристрастен, потому я считал с тех пор необходимым самому относиться более внимательно к своим интересам.

Я совершенно не помню, чтобы я *выразил пожелание* вести ради *твоего* удобства счет в талерах. Ты упускаешь лишь из виду, что вся твоя аргументация, покоящаяся на том только обстоятельстве, что 10 000 ф. ст. оставались здесь в Манчестере к выгоде *для меня*, также доказывает, что в случае, если бы курс был 6 рейхсталеров 12 зиль-

берггрошей, я был бы обязан произвести уплату в талерах, ибо нельзя же требовать, чтобы мама теряла на этом деньги. Какое значение имеет аргумент, которым при высоком курсе доказывается, что я должен платить в фунтах стерлингов, а при низком, — в талерах, — ты, вероятно, сам сможешь сказать.

Я хотел бы, впрочем, еще спросить тебя, по какому курсу вы засчитали маме мотки (sops) и нитки (sewings), которые я для вас купил, — по курсу ли дня или по курсу в 6 рейхсталеров 20 зильберггрошей, хотя при том усердии, с которым ты стараешься выгадать для мамы на курсе, я не сомневаюсь, что было сделано первое.

Но довольно об этом. Так как твое терпение, повидимому, иссякает, да и самое дело вообще пустяковое, то я сделаю тебе удовольствие и расплачусь в фунтах стерлингов. Согласно моему уговору с Готффридом деньги начнут выплачиваться с 1 августа по 1 000 ф. ст. каждые два месяца; первые полученные мною суммы я по возможности употреблю на то, чтобы расплатиться с мамой. Возможно, правда, что Г[отффрид] задержит первую выплату до тех пор, пока не будет готов баланс и подписан договор, что может продлиться еще недели две, поэтому я прошу тебя не рассчитывать, что ты получишь деньги наверняка на следующий день после расчета. Будь же так добр, пришли мне текущий счет по 30 июня, — мой здешний счет благодаря многократному изъятию денег настолько запутан, что я не хочу на него полагаться, тем более, что у меня еще нет выписки, а в конторе я мог бы просмотреть его лишь очень бегло. Все примерное сальдо ты получишь таким образом: 1) в августе — около 800 — 900 ф. ст., 2) в октябре — 1 000 ф. ст. и 3) в декабре — остальное; я прошу поэтому заблаговременно известить меня, куда и как мне произвести перевод денег.

Только что пришло твое письмо от 13-го. Я подпишу документ, как только буду в городе и увижу вице-консула, — по всей вероятности завтра. Прошу тебя — узнай, что мне нужно сделать, чтобы избавиться от дальнейших пакетов Бохумского королевского окружного суда по делам Объединенного энгельсбургского общества. Время от времени сюда приходят толстые циркуляры на скверной бумаге для черновики, снабженные печатью величиной с монету в два талера, адресованные на мое имя в качестве «служебных бумаг, пересылаемых бесплатно»; английская же почта, которой нет ни малейшего дела до Бохумского окружного суда, берет с меня за пересылку от 3 до 5 шиллингов. Неделю тому назад я получил такой пакет со списком всех акционеров Объединенного энгельсбургского общества и проектом объединения с предложением сообщить свое мнение

об этом. Из этих документов я узнал, что впоследствии я, может быть, буду иметь удовольствие получить $3 \frac{601}{672}$ куксы¹, деленные на 8; нахожу, однако, что платить за пересылку этого сообщения 4 шиллинга 8 пенсов все же слишком дорого. Если бы я только мог разобрать имя бравого окружного судьи, стоящее под документом, я написал бы ему очень вежливое письмо с просьбой сделать мне одолжение не беспокоить меня делами Объединенного ангельсбургского общества. Но прусские чиновники подписывают свои фамилии очень неразборчиво именно для того, чтобы их не тревожили ответами. Итак, сделай мне одолжение, — извести этого неудобочитаемого человека, что право Дортмундского и Бохумского окружного суда на бесплатную пересылку здесь не признается и что я буду ему благодарен, если он, согласно доверенности, будет направлять все сообщения маме.

С фирмой дело обстоит так: Г[отфрид] считает нужным сохранить ее до тех пор, пока вы ее сохраняете, ибо в противном случае вы могли бы потребовать себе часть наследства фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере. Вступаться за вас я считал не только излишним, но и вредным, ибо у вас есть: 1) обещание П[етера] Эрмена, гарантирующее вас *здесь*, и 2) заключение юристов, которым я целиком доверяю. Пока П[етер] Э[рмен] *жив*, вам нечего опасаться Г[отфрида] Э[рмена]; если бы я знал, что ваше право не вполне твердо, то я прежде всего поостерегся бы своими предложениями обратить на это внимание Г[отфрида]; с другой стороны, Г[отфрид] не согласился бы дать обязательство не оспаривать вашего права и *после* смерти П[етера] Э[рмена]. Но пока он у нас в руках, так как право на фирму я дал ему только на пять лет, и хотя я ему обещал и в дальнейшем не ставить препятствий, но исполнение этого обещания, равно как и моя скромность по части секретов фирмы, целиком зависят от его поведения, в частности и по отношению к вам, как я об этом прямо заявил ему.

На 10 000 ф. ст., которые я уже вложил в акции, я заработал 30 июня благодаря повышению курса по меньшей мере 170 ф. ст. Они приносят мне в среднем $5 \frac{7}{8}\%$ на вложенный капитал. Это — по большей части акции газового общества, затем акции водопроводной компании и железнодорожные — все английских обществ.

Моя свобода нравится мне с каждым днем все больше и больше. К сожалению, у меня еще слишком много беготни, чтобы я мог основательно приняться за изучение определенных вопросов, но скоро и это уладится.

¹ Кукса — пай в руднике.

По поводу мотков я говорил с закупщиком Шенкса и послал ему записку, копию которой прилагаю для вашего сведения. Что касается ниток, то со времени моих последних закупок качество их настолько изменилось, что если они вам нужны, то вам лучше всего делать заказы по образцам. В отношении мотков также лучше всего будет обязать Шенкса придерживаться указанных в моей записке сортов пряжи, — это те самые сорта, которые мы здесь употребляем в течение 20 лет и которые будут для вас незаменимы, если только не изменится их качество.

Сердечный привет Эмме, малышам и всем братьям и сестрам. Прилагаю две строки для Э. Бланка.

Твой Фридрих.

15.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 15 июля 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Ваше письмо от 2 июня было получено здесь в то время, когда я был в Манчестере. Мне забыли переслать его, а позднее совсем забыли об его существовании. *Только теперь* благодаря Вашему письму от 6 июля оно попало мне в руки. Ваше последнее письмо я тоже получил лишь вчера, так как по причине нездоровья моей Лауры я пробыл целую неделю *инкогнито* в Париже, где, кстати, рост движения прямо бросается в глаза. Если бы не все это, я поспешил бы написать Вам во время Вашей болезни.

Что касается «18 Брюмера», то уверение Мейснера — чистейший вздор. Рукопись находится у него с конца января. Предисловия он, понятно, не получил, потому что не прислал двух последних корректурных листов. Эти листы я получил, наконец, 23 июня и, исправив их в тот же день, отослал обратно вместе с предисловием. Итак, опять прошло более трех недель, пока мы не попали в мертвый сезон для книжной торговли!

В Германию я приеду только в сентябре. Я предпринимаю это путешествие главным образом из-за своей дочери. Но во всяком случае я приеду навестить Вас в Гельголанде (я еду через Ганновер).

Что касается энгельсовой биографии, то отошлите мне ее, пожалуйста, обратно. Он должен переработать ее, так как она предназначается теперь для другой публики.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш К. М.

16.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Манчестер, 28 июля 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Прилагаю биографию, приспособленную для «Zukunft» и снабженную указанием на «18 Брюмера». Я очень рад, что она там будет предварительно переписана, так как лучше, чтобы Вейс *не* знал, что она написана мной.

Относительно путешествия Маркс Вам напишет или уже написал. В Карлсбад Вы его во всяком случае не заполучите; что касается меня, то история с подведением баланса и т. д. настолько затягивается, что я совершенно не знаю, *когда* смогу уехать, до 15 — 20 августа во всяком случае *не* удастся. Это очень неприятно, но так как коммерция мучит меня в последний раз, то особенно ворчать не приходится. Таким образом, в настоящем году мне, вероятно, уж не удастся повидать Вас, так как в Карлсбад я едва ли попаду.

Чтобы успеть отправить биографию сегодня же, я должен на этом кончить. Итак, до следующего раза. Надеюсь, что Карлсбад хорошо подействует на Ваши желчные камни. Одна из моих невесток в Бармене также когда-то страдала ими, но счастливо отделалась от них и снова стала полной, жирной и веселой.

Ваш Ф. Э.

17.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 30 июля 1869 г.

Дорогой друг!

В течение почти 12 дней у меня был (и еще не совсем прошел) нарыв на левой руке (похожий на карбункул), такой же, какой был у меня под мышкой левой руки во время моего пребывания у Энгельса в Манчестере. Однако не в этом причина, почему я задержал до настоящего времени ответ на Ваше письмо от 17-го сего месяца.

Так как я вовсе не хотел бы расстраивать Ваши планы и, кроме того, лично заинтересован в том, чтобы разделить Ваше общество, то я предпринимал всевозможные шаги, чтобы устроить это дело так, как это хочется Вам. Но это *положительно невозможно*. Я должен быть в конце августа в Голландии у своих родственников, где необходимо урегулировать разного рода очень меня интересующие и

важные для меня дела. Мое предложение перенести это свидание на другое время было решительно отклонено, так как те люди, с которыми я должен встретиться, связаны своими делами и располагают лишь определенным временем для встречи в Боммеле.

Итак, я выеду из Лондона в конце августа. Напишите мне, когда Вы возвратитесь в Ганновер. Я посмотрю, насколько возможно для меня сообразовать с этим мое дальнейшее путешествие.

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Ваш К. М.

P. S. К тому же в августе приезжают в Лондон Лафарг, его супруга и сынок.

18.

Маркс — Теодору Коллю

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 10 августа [1869 г.]
1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Гражданин Колль!

После того как я получил от Лесснера 4 фунта 1 шиллинг 6 пенсов для пештских портных, я прочел в немецких газетах, что стачка портных в Пеште закончена.

Поэтому я *сейчас же* написал *Якову Голлендеру* (на адрес *Иоганна Травника* и т. д., данный самим Голлендером Рабочему союзу). В своем письме я сообщил ему, что получил от Немецкого рабочего союза 4 фунта 1 шиллинг 6 пенсов *для пересылки ему*, но, прочитав в немецких газетах об окончании стачки, запрашиваю его, согласны ли будут пештские портные, в случае, если это известие окажется правильным, передать эти деньги в кассу французских эмигрантов. Я просил его ответить *немедленно*.

Так как никакого ответа не последовало, то 27 июня (как вы увидите из прилагаемой квитанции) я внес деньги (от имени Рабочего союза) в кассу эмигрантов.

Я сделал это *на том условии*, что *если пештские рабочие потребуют от меня через своего корреспондента Голлендера*, чтобы я иначе распорядился этими деньгами, то уплаченные мною от имени Рабочего просветительного союза в эмигрантскую кассу 4 фунта 1 шиллинг 6 пенсов должны считаться моим личным пожертвованием, указанную же сумму я вышлю Рабочему просветительному союзу в Пешт.

Из Пешта, однако, не пришло никакого ответа, и потому я считал вопрос исчерпанным.

Получив Ваше письмо, я написал Бахруху (венгерскому рабочему, проживающему в Париже) с просьбой надежным путем запросить Якова Голлендера в Пеште и потребовать у него немедленного ответа на мое письмо.

Вместе с этим я прошу Вас сообщить союзу *о моем выходе из него*.
Преданный Вам

Карл Маркс.

19.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 13 августа [1869 г.]

Дорогой Юнг!

Только что получил Ваше письмо (2 часа дня).

Идите непременно ¹. Посылка Эппльгарта его собственным союзом покажет континентальным членам, что английские рабочие относятся вовсе не столь безразлично к Интернационалу, как это утверждают злые языки. Жаль только, что Эппльгарт не присутствовал на наших нынешних дискуссиях и потому не сможет представлять наших взглядов.

Если мы не примем мер, ослы с Денмарк-стрит могут натворить гадостей. Нужно было бы написать также письмо нашему поляку, — у меня нет его адреса.

Ваш *К. М.*

20.

Маркс — своей дочери Лауре Лафарг
в Лондон ².

Ганновер, 25 сентября 1869 г.

Мой милый Какаду!

Сожалею, что не могу отпраздновать дома день рождения моего милого ясного птичьего глаза, но мысли Old Nick [Старого Ника] всегда с тобой.

¹ Имеется в виду заседание Генерального совета, на котором обсуждался вопрос о посылке делегатов на Базельский конгресс Интернационала.

² Перевод с текста, опубликованного в «Die Neue Zeit», 1907—1908, В. I., S. 76—77.

Du bist beschlossen
In meinem Herzen.

[Ты заключена
В моем сердце.]

Я с радостью узнал из письма Мемхен ¹ (написанного в обычной для нее увлекательной форме, она — настоящий виртуоз по части писем), что твое здоровье улучшается. Надеюсь, что наш милый маленький Шнаппи также скоро поправится. Вместе с тем я полностью согласен с мнением Кугельмана, что следует немедленно посоветоваться с д-ром Вестом (или, если он в отсутствии, с другим врачом). Надеюсь, что в данном случае ты и Лафарг подчинитесь моему отцовскому авторитету, на который, как вам хорошо известно, я не привык ссылаться. В таком деле всего необходимее действовать немедленно, всякая же отсрочка вредна. Никким образом не следует ускорять ваш отъезд из Лондона. Для ребенка это было бы действительно вредно и вам самим не принесло бы никакой пользы. В этом вопросе любой врач даст вам тот же самый совет.

Я рад, что Базельский конгресс закончился и что он прошел сравнительно хорошо. Я всегда испытываю беспокойство в случаях, когда партию публично выставляют на показ «со всеми ее язвами». Ни один из актеров не был на высоте принципов, но идиотизм высших классов исправляет ошибки рабочего класса. Через какой бы крошечный германский город мы ни проезжали, всюду захолустные газетки были полны деяний этого «ужасного конгресса».

Мы здесь попали в своего рода тиски.

Кугельманы и слышать не хотят о скором расставании. Надо также принять во внимание, что здоровье Женни улучшается вследствие перемены воздуха и прочих обстоятельств.

С Либкнехтом я встречаюсь, вероятно, через несколько дней в Брауншвейге. Я не склонен ехать в Лейпциг, а он не может приехать в Ганновер, ибо пруссаки предоставили бы ему, вероятно, даровую квартиру на время перерыва сессии рейхстага.

Сердечно благодарю за письмо Поля, давшееся ему с таким трудом. Сердечнейший привет всему дому и сто поцелуев тебе самой и моему милому маленькому Шнаппи.

Прощай, милое дитя! Всегда твой

Old Nick.

¹ Г-жа Маркс.

21.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 12 октября 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Пишу наспех, так как только что приехали Туссихен и Энгельс. Из этих строк ты видишь, что мы вчера благополучно прибыли в Англию.

У нас было несколько морских и иных приключений, о чем Женнихен сообщит более подробно.

Пока наш сердечный привет всему семейству.

Твой К. М.

Особый привет Графине¹ и Совушке². Привет также от Энгельса, Лафарга, миссис Маркс и др. Ребенку снова лучше.

22.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 29 ноября 1869 г.

Дорогой Кугельман!

Женнихен послала тебе около пяти недель тому назад письмо — собственно два письма, одно тебе, другое Графине. В это письмо был вложен портрет *Г. Веерта*, и так как этот портрет трудно заменить, другого для отправки не имеется, то Женнихен хотела бы возможно скорее узнать, получили ли вы посланное или нет.

Известное подозрение относительно неприкосновенности почтовых пакетов было возбуждено здесь тем, что одно письмо, которое я написал Энгельсу из Ганновера, было несомненно вскрыто и ватем очень неискусно снова заклеено. Энгельс сохранил конверт, чтобы я мог убедиться в этом собственными глазами.

Мое долгое и до некоторой степени преступное молчание ты должен объяснить себе тем, что я должен был наверстать массу работ, не только для своих научных занятий, но также относящихся к *Интернационалу*, что я, кроме того, начал изучать *русский язык* ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России и, наконец, что состояние моего здоровья далеко не удовлетворительно.

¹ Жена Кугельмана.

² Дочь Кугельмана.

Ты видел, вероятно, в «*Volksstaat*» предложенные мною резолюции против Гладстона по вопросу об ирландской амнистии. Я напал теперь на Гл[адстона] — и это здесь наделало шуму — точно так же, как раньше — на Пальмерстона. Здешние эмигранты-демагоги любят нападать на континентальных деспотов из безопасного далека. Для меня же это имеет лишь тогда свою прелесть, когда совершается *vultu instantis tyranni* [перед лицом самого тирана].

Однако мое выступление по вопросу об ирландской амнистии так же, как и мое последующее предложение в Генеральном совете относительно того, чтобы обсудить позицию английского рабочего класса в Ирландии и вынести по этому поводу известное решение, преследовало, конечно, еще и другие цели, кроме той, чтобы громко и решительно высказаться за угнетенных ирландцев против их угнетателей.

Я все более и более прихожу к убеждению, — и теперь дело в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса, — что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, пока он не только не станет действовать заодно с ирландцами, но пока он не возьмет на себя инициативу в деле упразднения основанной в 1801 г. унии и замены ее свободным союзом на федеративных началах. И такой политики английский пролетариат должен держаться не из сочувствия к ирландцам, а потому, что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов. Если это не будет сделано, то английский народ попрежнему будет итти на помочах у господствующих классов, потому что *он* должен будет действовать вместе с ними против Ирландии. Каждое народное движение в самой Англии парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса. *Первое условие* освобождения здесь — низвержение английской земельной олигархии — остается неосуществимым, так как нельзя сокрушить ее позиций в самой Англии, пока она сохраняет за собой свои сильно укрепленные форпосты в Ирландии. Но как только ирландский народ возьмет дело в свои руки, как только он сам станет законодателем и правителем своей страны и добьется автономии, — уничтожение земельной аристократии (по большей части — это *те же лица*, что и английские лендлорды) произойдет несравненно легче, чем здесь, потому что для Ирландии это не только экономический вопрос, но в то же время и *национальный*, ибо лендлорды в Ирландии не являются, как в Англии, традиционными

должностными лицами и представителями страны, а смертельно ненавистными угнетателями национальности. И не только внутреннее социальное развитие Англии парализовано теперешними отношениями к Ирландии, но и ее внешняя политика, особенно ее политика по отношению к России и Соединенным Штатам Америки.

А так как английский рабочий класс имеет безусловно решающее значение на чаше весов социального освобождения вообще, то важно именно в Англии найти точку опоры. В самом деле, английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию. *Non bis in idem!* [Пусть же не случится это и во второй раз из-за того же!]. Ирландцы сыграли с английским правительством отличную шутку выбором «convict felon» [каторжанина] О'Донован-Росса в депутаты парламента. Правительственные газеты грозят уже новым уничтожением Habeas Corpus Act'a, возобновлением системы террора! В самом деле, Англия никогда иначе не управляла Ирландией, да *и не может* управлять ею иначе, — пока держится теперешний союз, — иначе как посредством гнуснейшего террора да подлейшего подкупа.

Во Франции дела идут пока хорошо. С одной стороны, устаревшие демагогические и демократические крикуны всех направлений компрометируют себя; с другой — Бонапарт принужден встать на путь уступок, на котором он неизбежно сломит себе шею.

Что касается скандала с Эйленбургом в прусской палате, то вчерашний «Observer» замечает (эта еженедельная газета принадлежит *министерству*): «Наполеон сказал: «Grattez le russe et vous trouverez le tartare» [Поскребите русского и вы найдете татарина]. А вот пруссака так и скрести не нужно для того, чтобы найти *русского*».

Кстати. Имя доктора медицины Рейха — Эдуард, и, судя по предисловию к его книге, он живет в Готе.

Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой *К. Маркс*.

Не могли ли бы мы получить изданную в Билефельде брошюру, посвященную юбилею Фрейлиграта?

1870 год.

23.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 8 января 1870 г.

Мой дорогой Юнг!

Сначала похороны ¹, а затем другие обстоятельства помешали мне отправить Вам раньше «послание» Женсве ².

В тексте есть изменения, — некоторые фразы я выкинул, некоторые прибавил и очень часто исправлял конструкцию фраз.

Поэтому Вы должны переписать как можно скорее всю вещь заново, дабы текст, который я посылаю сегодня в Брюссель, согласовался с текстом, отправленным в Женеву. Как только Вы это делаете, передайте ее Дюпону.

Привет Вашей семье.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

Кроме копии женевского «послания», я написал для Брюссельского комитета полный отчет, «чтобы подбодрить их», а также отчасти и для того, чтобы показать им теоретический вздор, проповедуемый в Женеве.

24.

Маркс — Цезарю Де-Пап
в Брюссель.

Лондон, 24 января 1870 г.

Дорогой гражданин Де-Пап!

Пишу Вам с трудом, так как моя левая рука на переязи. С конца прошлого месяца у меня под мышкой начал образовываться абсцесс железы. Я не обращал на это внимания, а теперь наказан за

¹ Речь идет о похоронах Роберта Шоу, на которых Маркс участвовал в качестве представителя Генерального совета.

² Пис. мо Генерального совета женевскому Романскому центральному комитету от 1 января 1870 г., см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

свою небрежность. Через несколько дней после того как я послал письмо в Брюссель, боль сделалась невыносимой, и я попал в руки врач-й. Я перенес две операции. Теперь мне лучше, но я все еще продолжаю лечиться и должен сидеть дома.

Пишу это письмо прежде всего с целью попросить Вас о личном одолжении. Вы, вероятно, знаете, что часть английской буржуазии образовала нечто вроде «*Land ligue*» [«Земельной лиги»] в противовес «*Land and labour ligue*» [«Лиге земли и труда»] рабочих. Официальная цель этой лиги — превратить английскую земельную собственность в парцеллярную собственность и создать для вящего блага народа крестьянство. Действительная же их цель — наступление на земельную аристократию. Они хотят пустить землю в свободный оборот, чтобы передать ее таким путем из рук лендлордов в руки капиталистов. С этой целью они публикуют серию популярных очерков под названием «*Cobden Treatises*» [«Трактаты Кобдена»], в которых мелкая собственность расписана в самых розовых красках. Их кснец — *Бельгия* (особенно *фламандцы*). Можно подумать, что крестьяне этой страны находятся в райских условиях. Лига завязала сношения с г. Лавеле, который снабжает ее фактами для декламации. Так вот, поскольку я разбираю в настоящее время во II тсме «Капитала» земельную собственность, я считаю полезным остановиться несколько подробнее на организации земельной собственности в Бельгии и на бельгийском сельском хозяйстве. Не будете ли Вы так любезны сообщить мне *названия основных работ*, к которым мне следует обратиться?

Моя болезнь помешала мне, понятно, присутствовать в последние недели на заседаниях Генерального совета. Вчера вечером у меня собиралась комиссия (исполнительный комитет), членом которой я состою. Между прочим, мне сообщили содержание письма г. Ганса к Степни. Так как Степни предполагал, что я буду в состоянии присутствовать на заседании Генерального совета (25 января), то он не сообщил мне ни одной выдержки из этого письма. Я знаю о нем лишь понаслышке.

В Брюсселе прежде всего, вероятно, думают, что женеvская катастрофа — смена редакции «*Egalité*» — явилась результатом постановлений Генерального совета. Это заблуждение. Юнг был так занят своей работой часовщика, что у него не было времени переписать резолюции Света и отправить их в Женеву до 16 января. За этот промежуток времени он получил два письма от А. Перре, секретаря Романского комитета. Первое письмо — от 4 января — носит официальный характер. Это — сообщение Романского комитета Гене-

ральному совету, в котором говорится, что кое-кто из издателей «Egalité» сговорились открыть публичную кампанию против Генерального совета и несогласных с ними швейцарских комитетов, но что они действовали *против* воли Романского комитета.

Второе письмо, датированное более поздним числом, но полученное также до отправки Юнгом резолюций Генерального совета, — конфиденциальное письмо, адресованное Перре к Юнгу. Привожу Вам несколько дословных выдержек из него, чтобы ввести Вас в курс дела. Поскольку это частное письмо, мне нет надобности предупреждать Вас, что эти выдержки не подлежат сообщению Бельгийскому совету и что имя автора письма должно остаться неизвестным.

«...Бакунин уехал из Женевы. Тем лучше. Эти люди вносят раскол в нашу среду. То была головка *Альянса*. Эти демократы властолюбивы, они не терпят оппозиции, таковы Бакунин, Перрон и Робен; все трое были во главе газеты «Egalité». Бакунин со своими личными нападками стоил нам от 200 до 300 подписчиков в Женеве. Робен еще более властолюбив, чем Бакунин, он претендовал на то, чтобы все у нас изменить, но это ему не удастся, мы не позволим управлять собою этим господам, которые считают себя незаменимыми. Они пытались оказать давление на Федеральный комитет, но это им не удалось, мы не хотим пускаться с ними в авантюры и доводить дело до раскола в наших секциях. Поверьте, *Альянс* опасен для нас, в особенности в настоящее время. Я давно разгадал их женеvский план — поставить во главе всех обществ людей из *Альянса*, чтобы властвовать над Федерацией. Если бы Вы знали их приемы — *чернить* в секциях тех людей, которые не позволяют им управлять собою! Они сделали все, чтобы отвести мою кандидатуру в Базеле, то же самое и кандидатуру Грослена... Их маневр состоял в том, чтобы послать в Базель только членов *Альянса* — Генга, Броссе, Бакунина. Полностью это им не удалось. Впрочем, он [Бакунин] выклянчил мандаты в Лионе, в Неаполе; все эти приемы не говорят о высокой морали. Они уехали раньше нас, чтобы подготовить свои интриги в Базеле... На конгрессе имел место один факт, о котором я догадывался, но относительно которого у меня не было точных доказательств. Мартино, делегат Невшательской секции, имел мандат, подписанный братом Гильома, — ложный, фальшивый мандат, *доказательства у нас в руках*. Невшательская секция не была еще окончательно организована, и временный комитет сообщил нам, что он не знает ни Гильома, ни Мартино. Вот нравственный уровень апостолов *Альянса*, — ведь Гильом и несколько

человек из Локля¹ принадлежат к числу их друзей. Кроме того, создание «Progrès» лишило «Egalité» части подписчиков, а между тем наша газета была основана совместно, и мы должны ее поддерживать.

«Последняя новость: сорви-головы из Альянса, — Перрон, Робен и несколько других, более или менее способных, — только что подали в отставку в «Egalité». Маленький государственный переворот в стиле Бакунина и Робена. Хотели принудить Федеральный комитет вывести из редакции одного члена, который состоял в оппозиции и порицал нападки на различные комитеты и на Генеральный совет. Мы не хотим употреблять власть в интересах этих людей, у нас еще будет скрытая борьба с ними, но, повидимому, Альянс теряет многих из своих членов, его численность убывает — тем лучше».

Таковы выдержки из письма П[ерре].

Если г. Гинс еще не передал моего письма (и резолюции Генерального совета) Бельгийскому совету, то было бы *хорошо совсем вычеркнуть параграф, касающийся Бакунина*. У меня нет его копии, но я помню, что писал в состоянии раздражения от физической боли. Поэтому я не сомневаюсь, что г. Гинс, наверное, осуждает форму этого параграфа. Что касается существа дела, фактов, то они не зависят ни от моей дурной манеры их излагать, ни от хорошего мнения г. Гинса о Бакунине. Факт тот, что Альянс, творцом которого является Бакунин и который распущен только *номинально*, представляет опасность, элемент дезорганизации для *Международного товарищества*.

Мне говорили, что в параграфе, касающемся Бакунина, Гинс протестует еще против выражения «простодушный Ришар». Это — *описка*, о которой я сожалею, тем более, что Ришар является одним из наиболее активных членов Товарищества. Я употребил это слово только для того, чтобы сказать, что в своей цитированной корреспонденции Ришар слишком простодушно соглашается с теми мнениями, сущности которых он никогда не исследовал. Впрочем, когда я писал это, Ришар дал новое доказательство своего легкомыслия. Он прислал Совету письмо, в котором заключалось вполне сформулированное осуждение некоторых лиц, принадлежащих к одной из лионских секций, так называемой раскольничьей. Эти лица объявляются *подлецами, предателями, исключенными* из Товарищества. Нас просят снять копию с этого осуждения, приложить к ней нашу печать и наши подписи и вернуть все это по почте. И это без всякого дока-

¹ Город в Невшательском кантоне.

зательства, без документов, без предоставления осужденным права защищаться!

Мне, кроме того, сказали, что г. Гинс сплетничает, будто бы из английского отчета о Базельском конгрессе было устранено все, что касается вопроса о праве наследования. Это явное недоразумение. На страницах 26—29 помещены и доклад Генерального совета, и доклад избранной в Базеле комиссии, и сокращенный отчет о прениях по этому вопросу. Впрочем, английский отчет о работах конгресса был написан Эккариусом. Совет назначил комиссию для рассмотрения этого отчета. Хотя меня избрали членом этой комиссии, я отказался, потому что не присутствовал на конгрессе и, следовательно, не был достаточно компетентен, чтобы судить о точности отчета. Все мое сотрудничество ограничилось чисто литературными поправками.

Наконец, если резолюции, принятые Генеральным советом, не имели счастья удовлетворить г. Гинса, то они, очевидно, удовлетворили Романский совет, так как за две недели до получения последней сам принял решение освободиться от диктатуры Альянса.

Весь Ваш

К. М.

25.

Энгельс — Карлу Клейну и Фрицу Моллю

в Золинген.

Манчестер, 8 февраля 1870 г.
86, Mornington Street, Stockport Road.

Дорогие друзья!

Очень прошу вас извинить меня за то, что до сих пор я не ответил на ваше письмо от 3 декабря. В извинение могу сказать только, что мне хотелось написать что-нибудь очень приятное, а поэтому — и это также в интересах Товарищества — я должен был прежде собрать сведения. Если я, тем не менее, и сейчас не могу сообщить вам ничего утешительного, то в этом, как вы увидите, не моя вина.

У меня остались о Золингене еще со времен 1848 и 1849 гг. наилучшие воспоминания. Золингенские рабочие были тогда не только наиболее развитыми и самыми решительными рабочими Рейнской области, как это показала, между прочим, и эльберфельдская история, но я лично должен быть им особенно благодарен, так как Золингенская колонна, с которой я направился в Эльберфельд, поддержала и защитила меня от трусливого и предательского Комитета безопасности «радикальных» буржуа. Не будь золингенцев, эти

буржуа засадили бы меня в тюрьму, где я, по всей вероятности, был бы оставлен в качестве искупительной жертвы господам пруссакам. Кроме того, я прекрасно знаю, что в течение всего того времени, когда происходили лассалевские триумфальные шествия, золингенцы вели себя не как неофиты нового учения, а как люди, которые уже много лет участвовали в социалистическом движении и которые хотя и сочли возможным присоединиться к новому союзу, но учиться у него им было нечему. Я прекрасно знаю и то, что как раз в тот момент, когда Лассаля обожествляли, как мессию, друг Клейн имел мужество напомнить ему и рабочим, что сотрудники «*Neue Rheinische Zeitung*» также кое-что сделали для освобождения рабочих.

Ввиду этого мне было особенно больно, что мои собственные средства не дают мне возможности помочь Товариществу таким образом, как это было бы для него наиболее полезно. Имеющаяся у меня небольшая сумма денег вложена в дело так прочно, что при всем моем желании — и, наверное, по меньшей мере на ближайшие годы — я не могу ее трогать даже для своих личных целей. Поэтому я могу располагать только своими доходами, которые для здешних условий тоже не блестящи. Но, чтобы доказать хотя бы мои добрые намерения, я прилагаю при сем *50 талеров* в прусской банкноте I, лит. С., № 108126, на каковую сумму и прошу выслать мне соответствующее долговое обязательство, проценты, однако, отчислять не мне, а в резервный фонд Товарищества.

Вместе с Марксом, с которым я говорил об этом деле, мы обдумывали, нельзя ли было бы каким-либо иным путем достать денег для Товарищества. Маркс знает также некоторых лиц, которые обладают средствами и, надо полагать, захотят вам помочь. Но человек, через которого мы должны были устроить это дело, уехал на несколько месяцев, и *до этого времени* ничего сделать нельзя. У нас такой план: если нам удастся заинтересовать этих людей вашим делом, то мы предложим им послать кого-нибудь в Золинген, чтобы самим проверить состояние Товарищества. В таком случае надо будет показать этому лицу все книги и документы и дать ему с полной откровенностью все нужные разъяснения, ибо иначе нельзя требовать, чтобы люди вкладывали в дело деньги; и если бы я сам был в состоянии предоставить вам большую сумму, то я тоже предварительно поехал бы в Золинген и предъявил бы такое же требование. В деловых вопросах каждый обязан глядеть сам, потому что каждый может оказаться в заблуждении, в особенности же тот, кто заинтересован в деле. Разумеется, этот человек, — не знающий, донятно, в Золингене решительно никого, — должен будет дать

честное слово, что он отнюдь не использует сообщений, которые ему будут сделаны. И если он убедится затем в солидности дела и надежности его руководителей, то мы надеемся, что он возьмет облигаций на порядочную сумму.

Я излагаю вам это, понятно, лишь как наш оперативный план и не хотел бы, чтобы вы уже сейчас возлагали на него большие надежды, ибо ведь ясно, что мы отнюдь не можем располагать деньгами других людей. Я ни за что на свете не хотел бы, чтобы Товарищество, полагаясь на эти перспективы, которые могут осуществиться не раньше, чем по истечении многих месяцев, а может быть и вообще не осуществляться, бралось *за дела*, которые связывали бы его средства и поставили бы его самого в затруднительное положение. Я могу лишь обещать, что мы в этом деле сделаем все, для нас возможное. Желаю процветания Товариществу и благополучия всем его членам.

Сердечно жму руку.

Фридрих Энгельс.

Мой теперешний адрес тот, что указан выше.

26.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 17 февраля 1870 г.

Дорогой Кугельман!

Вчера после долгого промежутка я в первый раз вышел на свежий воздух.

Сначала о делах: пошли, пожалуйста, *непосредственно* Ашеру и К^о, Берлин, Unter den Linden, 11, один экземпляр «Фогта». Мне хотелось бы, чтобы при отправлении этой книги ты получил почтовую квитанцию и *переслал* ее мне. Затем я буду очень тебе благодарен, если ты сумеешь выяснить, *когда* приблизительно К. Гирш писал тебе по поводу «Фогта».

Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою защитительную речь, с которой привилегированные сословия немецко-русско-балтийских провинций апеллируют в настоящее время к немцам, чтобы возбудить их сочувствие. Эти *каналы*, отличавшиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплуатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что

их привилегированное положение колеблется. Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян — вот что они называют *немецкой культурой*, во имя охраны которой должна подняться теперь вся Европа. Отсюда и последнее слово этой брошюры: *земельная собственность как основа цивилизации*, и притом такая земельная собственность, которая, по признанию самого же этого жалкого писаки, состоит большею частью из господских поместий или из крестьянских, *обложенных оброком* в пользу помещиков.

В своих цитатах — поскольку они касаются русской общины — этот молодец выказывает как свое невежество, так и свое ослиное копыто. Шедо-Ферроти — это один из тех, которые считают общину причиной бедственного положения русских крестьян (конечно, в интересах крупных землевладельцев), точь-в-точь как раньше *уничтожение крепостного права* в Западной Европе — а не потеря крепостными их земли — было провозглашено причиной пауперизма. Подобного же калибра и русская книга *«Земля и Воля»*. Ее автор — остзейский помещик (Krautjunker) *фон-Лиллиенталь*. Причина обнищания русских крестьян та же, в силу которой нищенствовали и французские крестьяне при Людовике XIV и т. д., — *государственные налоги и оброк крупным земельным собственникам*. Община не только не вызывает нищеты, а, наоборот, одна только и смягчает ее.

Затем, это — исторически ложь, будто община — *монгольского* происхождения. Как я указывал в различных своих сочинениях, она — *индийского* происхождения и вследствие этого встречается у всех европейских культурных народов на заре их развития. Специфически *славянская* (немонгольская) форма общины в России (встречающаяся также у *нерусских южных славян*) походит даже больше всего, *mutatis mutandis* [изменяя соответствующим образом], на *древне-германскую* разновидность индийской общины.

Если поляк Духинский объявил в Париже великорусское племя не *славянским*, а *монгольским* и высказал не мало учености, стараясь доказать это, то с точки зрения поляка это — в порядке вещей. Тем не менее это утверждение неверно. Не в крестьянстве русском, а только в дворянстве сильна примесь монгольско-татарских элементов. Француз *Анри Мартен* заимствовал свою теорию от Духинского, а «вдохновенный Готфрид Кинкель» перевел Мартена на немецкий язык и стал изображать из себя горячего сторонника Польши, чтобы заставить этим демократическую партию забыть свое раболепство перед Бисмарком.

Что русское государство является в своей *политике* по отно-

пению к Европе и Америке представителем *монголов*, это, конечно, истина, и притом до того избитая, что она по плечу даже людям, вроде Готфрида и остзейских помещиков, мецан, попов и профессоров. Поэтому скандал, поднимаемый балтийскими немцами, должен быть, несмотря на это, использован, ибо он ставит немецкую великую державу *Пруссию* в «неприятное» положение. Все, что с нашей стороны вызывает антипатию к таким «представителям немецкой культуры», в глазах Пруссии становится, наоборот, как раз достойным защиты! Еще пример грубого невежества автора памфлета! В его глазах уступка русской части Северной Америки была не чем иным, как дипломатической хитростью русского правительства, которое, замечу кстати, было в большом денежном затруднении. Но здесь дело не в том: американский конгресс опубликовал недавно документы об этой сделке. Там имеется, между прочим, отчет американского поверенного, в котором он прямо пишет в Вашингтон: *с экономической стороны* приобретение это пока ровно ничего не стоит, но — но Англию благодаря этому янки отрежут с одной стороны от моря и ускорят приобретение всей британской Северной Америки Соединенными Штатами. Вот в чем дело-то!

Твою переписку с Якоби одобряю по существу, но абсолютно шокирован преувеличенным расхваливанием моей деятельности. *Est modus in rebus* [на все есть мера], если ты уж непременно хочешь хвалить. Старик Якоби сам вполне достоин похвалы. Какой другой старый радикал в Европе обладал такой честностью и мужеством, чтобы так прямо встать на сторону пролетарского движения? Предлагаемые им переходные мероприятия и его предложения, касающиеся частных дел, не многого стоят, но это — второстепенное дело. Говоря между нами, если взять все условия в целом, то я ожидаю большего для социального движения от Германии, чем от Франции.

У меня было большое столкновение с интриганом Бакуниным. Но об этом в следующем письме.

Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой *К. М.*

27.

Энгельс — Рудольфу Энгельсу
в Энгельсвархен.

Манчестер, 8 марта 1870 г.

Дорогой Рудольф!

Твою телеграмму я получил сегодня в 5 часов без нескольких минут, — следовательно, она шла не более трех часов, так как

помечена 1 часом 52 минутами дня. Сообщаемые тобою известия пока хороши, и я надеюсь, что они и впредь останутся таковыми.

Письмо Германа от субботы я получил только сегодня утром, — воскресный пароход, идущий из Остенде, был, должно быть, задержан штормом. При обычных условиях я получил бы письмо вчера после полудня за несколько часов до прибытия телеграммы Германа, и таким образом ваши сообщения пришли бы одновременно. Положение представляется мне все же крайне опасным, и, что хуже всего, болезнь может очень затянуться, и мама при ее возрасте будет сильно от этого страдать, даже если на этот раз все кончится благополучно. Что доктор весьма доволен, я это понимаю в том смысле, что он доволен [течением болезни] при данных обстоятельствах; кровотечение, продолжающееся со среды до следующего вторника, имеет, как мне кажется, все же чрезвычайно серьезный характер. Но будем надеяться на лучшее, а именно, что если это пройдет, то в дальнейшем больше не повторится.

Я в любую минуту готов к отъезду, и если мой приезд будет желателен, то, в зависимости от времени получения вашей телеграммы, я смогу выехать отсюда либо в полдень и прибыть туда вечером следующего дня, либо поехать поздно вечером ежедневным пароходным рейсом в Остенде, а оттуда немедленно выехать в Кельн, где мне, конечно, придется заночевать.

Постарайтесь поддерживать у мамы насколько возможно более бодрое и хорошее настроение.

Сердечный привет.

Твой Фридрих.

28.

Маркс — Филиппу Кунену ¹

в Антверпен.

Лондон, 24 марта 1870 г.

1, Modena Villas, Maitland Park,

Haverstock Hill, London ².

Гражданин!

Вчера я получил пробный номер «Het Volk», издаваемой в Роттердаме, и письмо от ее издателя, Филиппа ван-Резген фон-Флосс, в котором он, между прочим, просит у меня карточку члена *Интернационала*. Я не знаю ни г. Ф. ван-Резген фон-Флосс, ни

¹ Копия, написанная неизвестной рукой.

² На почтовой бумаге вверху страницы штемпель: «Генеральный совет Международного товарищества рабочих, 256, High Holborn, London, W. C.».

состояния наших дел в Роттердаме. Предполагаю, что Вы лучше информированы, и прошу Вас ответить мне на следующие два вопроса: 1) каково положение *Интернационала* в Роттердаме; 2) может ли Генеральный совет войти в сношения с г. Филиппом ван-Резген фон-Флосс.

Привет и братство.

Карл Маркс.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг¹.

Лондон, 24 марта 1870 г.

Дорогой друг!

Я послал Вам вчера на адрес *Бонгорста* 3 000 членских карточек.

У меня есть для Вас небезынтересные сведения о внутренних событиях в Интернационале. Эти сведения будут Вам доставлены через третьих лиц. Согласно уставу все национальные комитеты, связанные с Генеральным советом, обязаны каждые три месяца посылать ему отчеты о состоянии движения. Напоминая Вам об этом, прошу Вас при составлении отчета принять во внимание, что он пишется *не* для публики, и поэтому факты должны быть изложены без прикрас, в полном соответствии с положением дел.

От Боркгейма и из последнего письма Бонгорста я узнал, что у «эйзенахцев» денежные дела плохи. В утешение могу сообщить, что финансы Генерального совета — ниже нуля, непрерывно растущие *отрицательные* величины.

{К. М.}

30.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 26 марта 1870 г.

Дорогой Кугельман!

Пишу тебе сегодня всего несколько строк, потому что только что пришел один француз, как раз в ту минуту, когда я после такого долгого промежутка снова собрался тебе писать. От этого посетителя я сегодня после обеда больше уже не отвяжусь, а в 5^{1/2} почта закрывается.

¹ Перевод с текста, опубликованного в книге Бракке «Der Braunschweiger Ausschuss der sozialdemokratischen Arbeiter-Partei in Lötzen und vor dem Gericht», Braunschweig, 1872, S. 154.

Завтра же — воскресенье, следовательно такому хорошему христианину, как я, разрешается прервать работу и сообщить тебе более подробные сведения, в частности о русском казусе, который получил любопытное развитие.

Женнихен, наш знаменитый Ж. Вильямс, обладает довольно хорошим изданием сочинений папаши Гете. Между прочим, она была недавно приглашена к мадам Виванти, жене богатого итальянского купца. Там было большое общество, в том числе много англичан. Женнихен декламировала Шекспира и имела огромный успех.

Кланяйся, пожалуйста, от меня Графине и поблагодари ее за любезные строчки, которые она была так добра адресовать мне. У нее нет ни малейшего основания сожалеть о том, что она предпочла латынь французскому языку. Это показывает не только классический и высоко развитый вкус, но и объясняет, почему мадам никогда не становится втупик (*ne se trouve jamais au bout de son latin*).

Сердечный привет также и Френцхен.

Мавр.

31.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганиовер.

Лондон, 28 марта 1870 г

Дорогой Кугельман!

Так как опухоль на левом бедре не позволяет мне долго сидеть, то я для того, чтобы не переписывать два раза, посылаю тебе письмо, *предназначенное для Брауншвейгского комитета, Бракке с товарищами*. Лучше всего будет, если ты по прочтении сам передашь его, напомнив еще раз, что это сообщение конфиденциальное и не предназначено для опубликования ¹.

Твой К. Маркс.

32.

Маркс — Зигфриду Мейеру и Августу Фогту

в Нью-Йорк.

Лондон, 9 апреля 1870 г.

Дорогой Мейер и дорогой Фогт!

Посылаю вам свои фотографии во всех позах, одну вместе с моей старшей дочерью Женни. Все это Кугельман заказал переснять с прежних фотографий. Я не отвечаю за эти глупости.

Что касается прежде всего моего долгого молчания, то из

¹ Текст Конфиденциального сообщения от 1 января 1870 г., см. Сочинения, т. XIII, ч. 1.

прилагаемой записки Эккариуса вы увидите, что Генеральный совет вынес по поводу состояния моего здоровья вотум соболезнования (как видите, я упражняюсь в пенсильванском немецком жаргоне). Вследствие постоянных рецидивов я с начала декабря только два раза смог присутствовать на заседаниях Генерального совета, так что для обсуждения всех важнейших вопросов комиссия собиралась *у меня*. При таких обстоятельствах буквально каждая моя свободная минута (а я все еще не вполне поправился) была поглощена работой, вследствие чего мне пришлось ограничить переписку лишь самыми необходимыми письмами.

Прежде всего относительно Зорге. Он послал два письма Эккариусу, как генеральному секретарю. Э[ккариус] сообщил их Генеральному совету. Последний, однако, поручил Э[ккариусу] передать их мне для составления ответа, так как я являюсь секретарем немецких секций в Соединенных Штатах. Я намеренно медлил с ответом, так как знал, что Мейер находится в пути в Вест-Индию, домашнего же адреса Фогта я найти не мог.

Частные письма Зорге к Эккариусу мне неизвестны. Они касаются, по всей вероятности, только денежного вопроса — уплаты Э[ккариусу] за его отчеты в «Arbeiter-Union». Э[ккариус] слишком склонен рассматривать свой пост генерального секретаря как средство *добывать деньги* — манера, которая часто компрометирует нас, немцев, в глазах французов и англичан. Смотри, например, прилагаемую записку ко мне Лесснера. По этой причине я не сообщу Э[ккариусу] и письма Мейера. Дело в том, что там находится неотразимое для Эккариуса слово — о наличии у Зорге *денежных средств*. Что же касается обоих официальных писем Зорге, то они написаны от имени Всеобщего немецкого рабочего союза, Labour Union, № 5, и *за подписью* «секретарь-корреспондент».

Одно письмо содержит в себе просьбу о присылке отчетов Генерального совета и разную болтовню о местных делах.

Другое письмо не содержит в себе в сущности ничего, кроме сообщения, что этот союз вступил в Интернационал.

Сегодня я напишу несколько строк г. Зорге и пошлю ему просые 15 экземпляров последнего отчета.

Некий Роберт-Вильям Юм (Astoria, Long Island, Нью-Йорк) несколько времени тому назад прислал нам подробное письмо в связи с резолюциями Генерального совета об ирландской амнистии; это — лучшее из всего того, что мы до сих пор получали от англичан и американцев. По моему предложению, он был назначен американско-английским корреспондентом и принял этот пост.

Я прошу вас поэтому познакомиться с этим человеком и для этой цели прилагаю несколько строк для него.

Из прилагаемой вырезки из «Marseillaise» от 2 апреля вы увидите, что Ф. Карл и Ф. Юбиц, — лица, нам здесь неизвестные, — послали в Париж обращение от имени немецких рабочих. Я хотел бы знать, ваши ли это люди? Здесь — в Генеральном совете — показалось странным то обстоятельство, что в этом обращении *Интернационал* не упоминается ни единым словом, вернее — к нему относятся так, как будто его совсем не существует.

Генерал *Клюзере* из Нью-Йорка предложил свои услуги Генеральному совету в качестве французского корреспондента. Я не знаю, принят ли он, но мне кажется, что я об этом слышал. Это легкомысленный, поверхностный, навязчивый, хвастливый малый. Так, например, в своем последнем письме в «Marseillaise» он отрекомендовался как признанный представитель нью-йоркских рабочих! Тем не менее человек этот имеет для нас некоторое значение, именно благодаря его связи с «Marseillaise». На тот случай, если вы захотите познакомиться с этим «героем», хотя бы только для того, чтобы прощупать его, я прилагаю для вас *мандат*, который и вообще может вам пригодиться.

Деньги, которые Мейер прислал Степни, переданы Генеральному совету. Степни — очень педантичный, но славный англичанин. Он прислал мне письмо М[ейера] вместе с приложением, так что мне пришлось опять пересылать все в Генеральный совет.

Послезавтра (11 апреля) я пошлю вам те из документов Интернационала, какие у меня имеются под руками. Сегодня уже слишком поздно отправлять их на почту. Я пришлю также еще несколько «базельских»¹.

Среди посылаемого вы найдете также несколько экземпляров известных уже вам резолюций Генерального совета от 30 ноября об *ирландской амнистии*, написанных мною, а также ирландский памфлет о том, как обращаются с осужденными фениями.

Я намеревался внести еще несколько резолюций о необходимости превращения теперешней унии (т. е. рабства Ирландии) в свободную и равноправную федерацию с Великобританией. Дальнейшее продвижение этого вопроса, поскольку дело идет о публичных резолюциях, пока приостановлено вследствие моего вынужденного

¹ Маркс имеет в виду отчеты о Базельском конгрессе, изданные Генеральным советом в Лондоне под заглавием: «Report of the fourth annual congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland, from the 6-th to the 11-th September, 1869».

отсутствия в Генеральном совете. Ни один из прочих членов последнего не обладает достаточным знанием ирландских дел и достаточным авторитетом у *английских* членов Генерального совета, чтобы заменить меня в этом.

Впрочем, время прошло не зря, и я прошу вас уделить особое внимание нижеследующему.

После многолетней работы над ирландским вопросом я пришел к заключению, что решительный удар господствующим классам Англии (а он является решающим для рабочего движения во всем мире) может быть нанесен *не в Англии, а только в Ирландии*. 1 декабря 1869 г. Генеральный совет выпустил конфиденциальный, составленный мною на французском языке циркуляр (для воздействия на Англию пригодны только французские, а не немецкие газеты) о связи национальной борьбы с освобождением рабочего класса и, следовательно, о той позиции, которую надлежит занять Международному товариществу по отношению к ирландскому вопросу.

Сообщу вам здесь вкратце главные пункты.

Ирландия является цитаделью *английской земельной аристократии*. Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую *моральную* силу. Английская аристократия фактически воплощает *господство Англии над Ирландией*. Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет *свое господство в самой Англии*.

С другой стороны, если английская армия и полиция покинут завтра Ирландию, в Ирландии тотчас же начнется аграрная революция. Но падение английской аристократии в Ирландии обусловливает и имеет своим необходимым следствием ее падение в Англии. Тем самым были бы выполнены предварительные условия пролетарской революции в Англии. Так как в Ирландии *земельный вопрос* является до сих пор *исключительной формой* социального вопроса, так как он представляет собою вопрос существования, *вопрос жизни или смерти* для огромного большинства ирландского народа и в то же время неотделим от *национального* вопроса, то уничтожение английской земельной аристократии в Ирландии — бесконечно более легкая операция, чем в самой Англии, даже не принимая в расчет страстного и более революционного характера ирландцев в сравнении с англичанами.

Что же касается английской *буржуазии*, то, во-первых, она заинтересована вместе с английской аристократией в том, чтобы превратить всю Ирландию в одно сплошное пастбище, которое поставляло

бы на английский рынок мясо и шерсть по возможно более дешевым ценам. В ее интересах также довести ирландское население — путем изгнания арендаторов из поместий (eviction) и принудительной эмиграции — до такого незначительного числа, которое дало бы возможность *английскому капиталу* (арендному капиталу) «надежно» (mit «security») функционировать в этой стране. Она так же заинтересована в «очистке» ирландских поместий, как была заинтересована в сельских областях Англии и Шотландии. Следует, кроме того, принять в расчет те 6 000—10 000 фунтов стерлингов доходов землевладельцев, не живущих в своих имениях, и других ирландских доходов, которые теперь ежегодно текут в Лондон.

Но английская буржуазия имеет еще гораздо более существенные интересы в современном ирландском хозяйстве.

Ирландия постоянно поставляет благодаря все увеличивающейся концентрации арендованных участков свой излишек [рабочих рук] на английский рабочий рынок и давит таким путем на заработную плату и на материальное и моральное положение английского рабочего класса.

И, наконец, самое важное! Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обычно английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его средний уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему членом *господствующей* нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии* и этим укрепляет их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки (poor whites) относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах Американского Союза. Ирландец оплачивает ему той же монетой с процентами. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии*.

Этот антагонизм искусственно поддерживается и усиливается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами, короче говоря, — всеми средствами, которыми располагают господствующие классы. В *этом антагонизме* заключается *тайна бессилия английского рабочего класса*, несмотря на его организованность. В нем же заключается тайна сохраняющейся власти капиталистического класса. Последний вполне это сознает.

Но зло этим не ограничивается. Оно перекидывается через океан. Антагонизм между англичанами и ирландцами является скрытой основой конфликта между Соединенными Штатами и Англией. Он делает невозможным всякое серьезное и искреннее сотрудничество между рабочими классами обеих стран. Он дает возможность правительствам обеих стран всегда, когда им заблагорассудится, лишать социальный конфликт его остроты путем натравливания обеих стран друг на друга и в случае нужды путем войны между ними.

Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции, и к тому же *единственной* страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного товарищества рабочих — способствовать социальной революции в Англии. А единственное средство к тому — сделать Ирландию независимой.

Поэтому Интернационал должен поставить себе задачей — всюду выдвигать на первый план конфликт между Англией и Ирландией и всюду открыто принимать сторону Ирландии. Специальная задача Центрального совета в Лондоне — пробудить в английском рабочем классе сознание, что *национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но первым условием его собственного социального освобождения.*

Таковы приблизительно главные положения циркулярного письма, которое в то же время объясняло и мотивы резолюций Центрального совета по поводу ирландской амнистии. Вскоре после этого я послал резкую анонимную статью — об обращении англичан с фениями и т. п. против Гладстона и т. д. — в «Internationale» (орган нашего Бельгийского центрального комитета в Брюсселе). В то же время я обвинял там французских республиканцев («Marseillaise» напечатала глупую статью об Ирландии, написанную здесь жалким Таланье) в том, что в своем национальном эгоизме они сосредоточивают весь свой гнев на Французской империи.

Это возымело действие. Моя дочь Женни, подписавшись «Ж. Вильямс» (в частном письме в редакцию она назвала себя Женни Вильямс), поместила в «Marseillaise» ряд статей и опубликовала, между прочим, письмо О'Дэнсван Росса. Это вызвало большой шум.

После долголетних циничных отказов *Гладстон благодаря этому* был, наконец, вынужден согласиться на *парламентское расследование* обращения с заключенными фениями. Женни состоит сейчас

постоянным корреспондентом «Marseillaise» по ирландскому вопросу. (Это, конечно, между нами.) Английское правительство и английская пресса до крайности раздражены тем, что ирландский вопрос стоит теперь во Франции в *центре внимания* и что за этими каналами через посредство Парижа следят на всем континенте и что они разоблачены.

Тем же выстрелом убит и другой заяц. Мы заставили завязать с нами отношения ирландских вождей, журналистов и т. д., находящихся в Дублине, что до сих пор *Генеральному совету* не удавалось!

У вас в Америке широкое поле для того, чтобы работать в том же духе. *Коалиция немецких рабочих с ирландскими* (конечно, также и с теми английскими и американскими рабочими, которые на это согласятся) — такова важнейшая задача, которую вы можете теперь осуществить. Это надо делать от имени Интернационала. Надо разъяснить социальное значение ирландского вопроса.

В следующий раз я специально напишу о положении английских рабочих.

Привет и братство!

Карл Маркс.

33.

Энгельс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг¹.

[Манчестер, 28 апреля 1870 г.]

Очень порадовал меня подробный и точный кассовый отчет. В Англии, у меня на глазах, множество попыток создания рабочего движения и рабочих организаций потерпело неудачу из-за скверной постановки кассового дела и счетоводства, регулярно приводившей — заслуженно или незаслуженно — к упрекам в растрате и т. д., так что в данном случае я мог бы, пожалуй, считать компетентным свое суждение о важности этого вопроса. Рабочие с трудом урывают каждый грош и имеют поэтому полнейшее право знать, на что этот грош идет, — до тех пор, конечно, пока у них не появилась необходимость в *тайных* фондах и пока подобные фонды не созданы. Я считаю это особенно важным именно в Германии, с тех пор как и там началась эксплуатация рабочих бессовестными агитаторами. Это просто пустая отговорка — заявлять, будто опубликованием таких кассовых отчетов мы выдаем противнику слабые стороны нашей

¹ Перевод с текста, опубликованного в «*Volksstaat*» от 14 мая 1870 г.

партии. Если противники вздумают оценивать силу рабочей партии по ее специфически слабой стороне — по состоянию ее кассы, они неминуемо просчитаются. А вред, наносимый самой партией замалчиванием этой стороны дела, несравненно больше того вреда, который могло бы нанести опубликование [отчетов].

Б[онгорст] жалуется на тупость рабочих, — я же нахожу, что в Германии, против ожидания, дело быстро подвигается вперед. Отдельных успехов приходится, конечно, добиваться с трудом, и тем, на кого ложится этот труд, всегда кажется, что дело идет слишком медленно. Но сравните 1860 г. с 1870-м и нынешнее положение в Германии с положением во Франции и Англии — при том преимуществе во времени, которое обе эти страны имели перед нами! Германские рабочие провели в парламент свыше полдюжины своих людей, а французы и англичане — ни одного. Позволю себе при этом заметить, что *мы все* считаем *здесь* крайне важным, чтобы при пере-выборах было выставлено как можно больше рабочих кандидатов и как можно больше было проведено.

[Ф. Э.]

34.

К. Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон, около 5 мая 1870 г.]

Дорогой Кугельман!

Отвратительный кашель делает меня в настоящее время неспособным писать, поэтому сейчас шлю только сердечную благодарность за прекрасные подарки ко дню рождения ¹.

Искренно ваш

Карл Маркс.

35.

Маркс — своей дочери Женни

в Лондон.

Манчестер, 31 мая 1870 г.

Мое дорогое дитя!

Мы уже начали было несколько беспокоиться из-за упорного молчания Лондона, но благодаря твоему письму настроение снова стало лучше. Не думаю, чтобы мы остались здесь дольше, чем до начала следующей недели.

¹ См. письмо Маркса — Энгельсу от 10 мая 1870 г., Соч., т. XXIV, стр 337.

Моя простуда еще не вполне прошла, но общее состояние здоровья поразительно улучшилось благодаря перемене воздуха. Я вижу с Гумпертом почти ежедневно, и его советы тем ценнее, чем меньше он за них получает.

Дела здесь идут более или менее по-старому. Фред очень весел с тех пор, как он освободился от «проклятой коммерции». Его книга об Ирландии, — которая отняла у него, между прочим, несколько больше времени, чем он предполагал, — будет в высшей степени интересна. Знаменитая «V»¹, которая так сильна в новейшей ирландской истории и играет в ней столь выдающуюся роль, найдет для себя в этой книге готовый археологический материал.

Книга Ланге² отличается от «Irish Stew» [тушеное мясо по-ирландски] тем в частности, что в ней одна только подливка и нет самого существенного. Этот вмешивающийся не в свое дело пачкун надеется, очевидно, выудить от меня несколько комплиментов в награду за его «сладкое», но он жестоко ошибается. Насколько он понял «Капитал», ясно видно из его открытия, что моя теория «стоимости» не имеет ничего общего с тем, что у меня сказано о «рабочем дне» и т. п.

Наш друг Гумперт все больше и больше превращается в либерала, разносчика городских сплетен, пошляка. С тем семейством, которое он сам произвел и которое получил «по наследству», — это и не удивительно. Этих прелестей у него слишком много.

• Тусси выглядит цветущей и очень весела. К своему удовольствию, она обнаружила, что живой инвентарь в Морнингтон-палас пополнился новым выводком котят и т. п. Конечно, она подвергла Фреда перекрестному допросу по поводу «угрожающих писем»; он считал опасным касаться этого в пересылаемых по почте письмах, которые могут попасться на глаза какому-нибудь Штиберу. Настоящий Штибер, насколько мне известно, усердно стряпает в Париже новый заговор, в котором Международное товарищество рабочих должно играть главную роль и где, конечно, должен фигурировать и я как его старый протеже и «действительный тайный верховный вождь».

В то время как я пишу эти строки, проклятый Фред не дает мне покоя, читая мне все время «отрывки» из старых норвежских саг. Кстати, о норвежских сагах. Не присутствовала ли Мемхен³ в прошлое воскресенье на поэтической лекции К. Блинда?

¹ Маркс здесь намекает на псевдоним Женни: «J. Williams» [Ж. Вильямс], см. выше письмо № 32.

² «Die Arbeiterfrage» [«Рабочий вопрос»]; книга вышла в 1870 г. вторым изданием.

³ Г-жа Маркс.

Маленький Дэйкинс приезжал сюда в субботу вечером и пробыл здесь воскресенье. Это был его визит Тусси и мне. Этот бравый гном все время страшно хохотал. Его костюм был небрежнее, чем когда-либо, — бумажный стоячий воротник без галстука, грязная белая шляпа вместо шотландского кепи и какие-то белые башмаки, вроде тех, что носят на пляже. Во время нашей воскресной прогулки — Шорлеммер и Мур, конечно, также принимали в ней участие — его успех у публики был определенно выше среднего. Он вызвал настоящую сенсацию.

А теперь, знаменитая «W», передай мои наилучшие пожелания Мемхен и Ленхен. Мне очень нехватает здесь «Marseillaise» и известий из Парижа. В Шиллеровском клубе выписывают только «Le Temps», пожалуй, самую скучную из всех французских газет. Притом ее главный редактор — некто Нефцер, альзасец.

Прощай, знаменитость!

Old Nick.

36.

Марке — П.-А.-Виктору Ле-Любе
в Лондон.

[Черновик].

Манчестер, 14 июня 1870 г.
86, Mornington Street, Stockport Road.

Милостивый государь!

Из Лондона мне прислали Ваше письмо от 11 июня. Я хотел бы, чтобы Вы сообщили мне, кто сделал Вам *нелепое* сообщение, будто я являюсь лондонским корреспондентом «Volksstaat» и автором статьи о Вас. Разрешите мне заметить, что я трачу свое время на предметы, имеющие более общий интерес.

Примите и т. д.

К. М.

Г-ну Ле-Любе.

37.

Марке и Энгельс — Комитету Германской социал-демократической
рабочей партии
в Брауншвейг.

Лондон, 14 июня 1870 г.

Дорогие друзья!

Сегодня я получил письмо от Штумпфа (Майнц), в котором, между прочим, говорится:

«Либкнехт поручил мне написать тебе, что ввиду выборов в рейхстаг, приходящихся как раз на это время, было бы, пожалуй, лучше созвать здесь конгресс на 5 октября. Штутгартский съезд в прошлый понедельник также постановил добиваться этого срока. Гейбу, кажется, было поручено написать тебе об этом».

Либкнехт, как и остальные члены Интернационала, должен был бы, по крайней мере, быть знаком с его уставом, в котором прямо сказано:

«3. Генеральный совет может в случае надобности переменить место конгресса, но не имеет права отсрочить его созыв».

Поддерживая в Генеральном совете ваше настойчивое предложение перенести конгресс в Германию, я был, разумеется, уверен, что вы приняли во внимание все обстоятельства. Об изменении срока не может быть, согласно уставу, и речи.

Еще одно место в письме Штумпфа отнюдь не успокоительно. Оно гласит:

«Я только что вернулся от бургомистра. Он требует, чтобы какой-нибудь платежеспособный буржуа поручился, что в случае, если швейцерианцы учинят побоище, город получит компенсацию за возможные повреждения в курфюрстовском мраморном зале, предоставленном нам для конгресса и т. д.». Вы предложили города Майнц, Дармштадт или Маннгейм и тем самым взяли на себя ответственность перед Генеральным советом за то, что конгресс сможет состояться в любом из этих городов без скандалов, которые выставили бы перед всем миром в смешном виде Интернационал и в особенности германский рабочий класс. Надеюсь, что в этом отношении будут приняты все необходимые меры предосторожности.

Каково численное соотношение между швейцерианцами и вашими людьми в Майнце и окрестностях?

В том случае, если скандал окажется неизбежным, надо заранее позаботиться о том, чтобы за последствия его отвечали его зачинщики. В «Volksstaat», «Zukunft» и других доступных нам немецких газетах надо разоблачить план действий прусской полиции, которая не может прямо воспрепятствовать созыву международного конгресса в Майнце и потому намерена с помощью своего орудия — швейцеровской организации — сорвать конгресс или помешать спокойному ходу его работ. Как только это будет сделано в Германии, Генеральный совет позаботится о том, чтобы подобные же заметки были опубликованы в Лондоне, Париже и т. д. Интернационал мог бы еще позволить себе конфликт с г. Бисмарком, но никак не мнимостихийное «национально-немецкое рабочее побоище» под флагом «принципиальной борьбы».

Штумпф должен совместно с вами позаботиться о том, чтобы делегаты были обеспечены дешевыми квартирами.

Привет и братство.

Карл Маркс.

Пользуюсь случаем, чтобы послать Комитету свой сердечный привет. С тех пор как господа швейцерианцы в Форсте заранее уведомили бургомистра о своем намерении затеять потасовку и бургомистр предоставил это дело собственному течению, связь этих господ с полицией доказана. Штумпфу следовало бы запросить через майнцкого бургомистра господ швейцерианцев, не получили ли они задания «тузить». Давно пора разоблачить в печати этих людей как настоящих полицейских агентов, и, если они еще раз попытаются «тузить», ответить им тем же. На конгрессе это, конечно, недопустимо, но их можно до этого так отколотить, что с них будет вполне достаточно. Как г. Бисмарк изображает это дело в английской печати, видно из прилагаемого отрывка, обошедшего все газеты. «North[ern] German Corr[espondent]» — это основанный на средства вельфского фонда¹ орган Бисмарка.

С сердечным приветом

Ф. Энгельс.

38.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 27 июня 1870 г.

Дорогой император Венцель!

Я вернулся сюда на этой неделе после месячного пребывания в Манчестере и нашел твое последнее письмо.

Я, право же, не могу тебе ответить относительно времени моего отъезда и даже на вопрос, который ты мне не задавал, — а именно: *поеду ли я вообще?*

Я рассчитывал в прошлом году на то, что буду иметь после пасхи второе издание своей книги и, следовательно, *гонорар* за первое издание. Но, как ты увидишь из прилагаемого письма Мейснера, полученного сегодня, до этого еще далеко. (Письмо верни мне, пожалуйста, обратно.)

Господа немецкие профессора увидели себя вынужденными

¹ Специальный фонд, находившийся в личном распоряжении Бисмарка и предназначенный для подкупа германской и иностранной прессы.

последнее время упоминать то там, то тут обо мне, хотя и в очень нелепой форме, как, например, А. Вагнер в брошюре о земельной собственности, Гельд (Бонн) в брошюре о сельских кредитных кассах в рейнских провинциях.

Г-н Ланге (в книге «*О рабочем вопросе*» и т. д., 2-е издание) удостаивает меня больших похвал, но лишь для того, чтобы превознести самого себя. Г-н Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается во фразе «struggle for life», «борьба за существование» (выражение Дарвина в этом употреблении становится простой фразой), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать «борьбу за существование», как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «борьба за существование», а эту фразу — под мальтусовскую «фантазию о народонаселении»! Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лени мысли.

То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот образец пустейшего человека писал Лессингу: как это могло ему притти в голову принимать всерьез «эту мертвую собаку — Спинозу»? Точно так же г. Ланге удивляется, что Энгельс, я и т. п. принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они — бедняжки — давно его похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь на редкость свободно». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как другое название известного метода изучения материала, — именно *диалектического метода*.

Сердечно благодарю Графиню за ее любезные строки. Это оказывает действительно благотворное действие в такое время, когда «лучшие исчезают один за другим». Но, говоря серьезно, я всегда радуюсь, когда несколько строк твоей милой жены напоминают мне о том хорошем времени, которое я провел в вашем кругу.

Что касается настойчивых требований Мейснера по поводу второго тома, то не одна только моя болезнь мешала его окончанию

в течение всей зимы. Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности. К тому же случилось так, что вследствие возбуждения ирландского земельного вопроса английское правительство издало целый ряд blue books [синих книг] (издание было скоро прекращено) об аграрных отношениях во всех странах. Наконец, — это между нами, — я желал бы сначала выпустить второе издание первого тома. Было бы неудобно, если бы оно совпало с окончательной подготовкой к печати второго тома.

Сердечный привет от Женни и меня всем членам семейства Кугельман.

Твой К. М.

39.

Марке — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии

в Брауншвейг¹.

Лондон, 27 июня 1870 г.

[Письмо касается деловых вопросов Международного товарищества рабочих, в особенности вопроса об отсрочке конгресса. Маркс в этом письме решительно отклоняет предложение Либкнехта отложить конгресс до октября, хотя такая отсрочка была бы очень желательна для самого Генерального совета, потому что предложения к конгрессу еще не подготовлены. Но французы были и без того раздражены тем, что конгресс созывают в Майнце, а не -- на худой конец — в Вевье; парижанам же особенно хотелось, чтобы конгресс состоялся в Париже. Не следует давать повода для брожения. Маркс опасается, что в случае, если предложение Либкнехта об отсрочке конгресса будет принято, французы и романские швейцарцы составят конгресс меньшинства во главе с Бакуниным, и говорит: «Национальная мелочная ревность слишком глубоко проникла в кровь и плоть, чтобы с ней можно было покончить в один день путем уговариваний»]².

¹ Настоящее письмо было изложено на Лейпцигском процессе Либкнехта, Бебеля и Гепнера. Взято из книги «Der Hochverrats-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner vor dem Schwurgericht zu Leipzig vom 11 bis 26 März 1872», изданной В. Либкнехтом по поручению Комитета Германской социал-демократической партии в 1894 г.

² По словам председателя Лейпцигского суда, письмо было подписано: «От имени Генерального совета Международного товарищества рабочих: Карл Маркс, секретарь для Германии».

40.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондон¹.

[Лондон,] 14 июля 1870 г.

Дорогой Юнг!

Прилагаю программу. Вопросы *расположены* в таком порядке, *который облегчил бы работу* ближайшего конгресса. Вы понимаете, что я хочу сказать.

Искренно Ваш

К. М.

I) О необходимости отмены национального долга. Дискуссия о праве на вознаграждение по соглашению.

II) Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса.

III) Практические мероприятия по превращению земельной собственности в собственность общественную*.

IV) О превращении эмиссионных банков в национальные банки.

V) Условия кооперативного производства в национальном масштабе.

VI) О необходимости для рабочего класса вести *всеобщую статистику труда* согласно резолюциям Женевского конгресса 1866 г.

VII) Вторичное обсуждение конгрессом вопроса о способах уничтожения войны.

41.

Маркс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

[Лондон,] 29 июля 1870 г.

Дорогой Library!²

Посылаю тебе вырезку из Манифеста Генерального совета, помещенного в «Pall Mall Gazette» от 28 июля.

Укажи, пожалуйста, в своем *переводе* в «Volksstaat», что ты

¹ На почтовой бумаге круглая печать: «International Working Men's Association. Central Council, London» [Международное товарищество рабочих, Центральный совет, Лондон].

* Бельгийский генеральный совет предложил следующий вопрос: «Практические мероприятия по образованию *сельскохозяйственных секций* внутри Интернационала и установлению солидарности между сельскохозяйственным пролетариатом и пролетариатом других видов промышленности». Генеральный совет Международного товарищества полагает, что этот вопрос входит в п. III.

² Library (по-английски — библиотека) — прозвище, данное Либкнехту дочерьми Маркса.

14 July, 1870.

Dear Ling,

Enclosed the program of the questions are arranged in such an order as will facilitate the business of next Congress. You'll understand my meaning.

Yours truly
K. M.

- I) De la nécessité d'abolir la dette publique. Discussion sur la droit d'indemnité à accorder.
- II) Des rapports entre l'action politique et le mouvement social de la classe ouvrière.
- III) Moyens pratiques pour résoudre la propriété foncière en propriété sociale. (Land reform)
- IV) De la conversion des banques ~~de circulation~~ en banques nationales.
- V) Conditions de la production coopérative sur une échelle nationale.
- VI) De la nécessité pour la classe ouvrière de former la statistique générale du travail conformément aux résolutions du Congrès de Genève de 1866.
- VII) Révision de la question par le Congrès de la question sur les moyens de supprimer les guerres.
- VIII) Le Comité général de la Commission de la question des moyens pratiques d'unifier des sections agricoles au sein de l'Internationale et d'établir la solidarité entre les prolétaires de l'agriculture et les prolétaires d'autres industries. De l'importance de l'Union générale de tous les prolétaires. Que cette question est inséparable de la révolution.

получил *английский* текст Манифеста ¹. Отсюда остальным нашим корреспондентам станет ясно, что у нас не было времени посылать им переводы.

Во вторник я перевел на английский язык для Генерального совета протест, заявленный тобой и Бебелем в рейхстаге. Этот протест был встречен в Совете большим одобрением.

Еще одно. Г-н Карл Блинд произнес на немецком собрании в зале спортивного общества патриотическую речь; этот комик представил в ней в качестве чрезвычайно важного, потрясающего мир события то обстоятельство, что он, германский Брут, на время войны отрешился во имя отечества от своих республиканских убеждений. То был акт I.

Акт II: Карл Блинд собственноручно описывает в лондонской «Deutsche Post» упомянутый митинг, раздувая по своему обыкновению его значение, количество присутствующих и пр.

Акт III: Карл Блинд помещает в «Daily News» анонимное письмо, в котором самым захватывающим образом рисует потрясающий эффект, вызванный во всей Германии большой речью, которую произнес *Карл Блинд* на митинге в зале спортивного общества. Ее воспроизвели, говорит он, все немецкие газеты. Одна из них, берлинская «Volkszeitung», *отважилась* (!) даже напечатать ее целиком (этот субъект состоит корреспондентом «Volkszeitung»). Для венских газет великое событие тоже не прошло бесследно (Блинд сам написал об этом корреспонденцию в «Neue Freie Presse»).

Это — один из тысячи примеров, показывающих, как этот пигмей пытается разыграть перед англичанами подобие немецкого Мадзини.

Привет!

Твой К. М.

42.

Марке — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии
в Брауншвейг ².

[Лондон,] 2 августа 1870 г.

Друзья!

Прежде всего — спасибо за подробный отчет о рабочей партии в Германии. Я тотчас же сообщил его Генеральному совету.

¹ Речь идет о первом Манифесте Генерального совета (от 23 июля 1870 г.) о франко-прусской войне.

² Перевод с текста, опубликованного в книге Бракке: «Der Braunschweiger Ausschuss der sozialdemokratischen Arbeiter-Partei in Lötzen und vor dem Gericht», Braunschweig. 1872, S. 154

Работу о земельных отношениях, которую вы просите, я должен был пока отложить из-за абсолютного отсутствия времени ¹...

Воззвание, выпущенное брауншвейгским собранием (24 июля 1870 г.), — как вы увидите из посланного мною на прошлой неделе Манифеста Генерального совета, — я частично включил в этот Манифест ¹...

Согласно § 3 устава Генеральный совет не может отложить созыв конгресса. Все же, ввиду создавшихся в настоящий момент *исключительных* обстоятельств, он взял бы на себя ответственность за такой шаг, если бы он нашел для этого должную поддержку со стороны секций. Поэтому было бы желательно, если бы мы *официально* получили из Германии подобное мотивированное предложение.

[К. М.]

43.

Маркс — Поганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

[Лондон,] 2 августа 1870 г.

1, Maitland Park Road.

Дорогой Беккер!

Мое долгое молчание объясняется исключительно недостатком времени. Я надеюсь, что мы знаем друг друга достаточно долго, чтобы нам нужно было убеждать друг друга в нерушимости нашей дружбы.

Манифест Генерального совета о войне я послал пока лишь в «Egalité», потому что знал, что для «Vorbote» это было уже поздно. Сегодня я ожидаю оттисков, чтобы послать их тебе.

В переводе программы для конгресса (в «Vorbote») Юнг сделал ряд ошибок.

Под пунктом 1) следует читать: «О необходимости отмены государственных долгов. Дискуссия о праве на возмещение». Под пунктом 2) — «О соотношении между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса».

Под пунктом 4) — «Превращение эмиссионных банков в национальные банки».

Под пунктом 5) — «Условия кооперативного производства в национальном масштабе».

¹ В оригинале пропуск.

Впрочем, ты все это найдешь в «*Volksstaat*».

Что же касается, далее, конгресса, то при нынешних обстоятельствах в *Майнце* он, очевидно, состояться не может. Бельгийцы предложили *Амстердам*. Мы убеждены, что конгресс надо *отложить*, пока обстоятельства не изменятся к лучшему.

Во-первых, в Амстердаме у нас очень слабая почва под ногами, а конгресс важно собрать в такой стране, где *Интернационал* уже пустил глубокие корни.

Во-вторых, при нынешнем, вызванном войной недостатке в деньгах немцы не могут послать никого, — в лучшем случае пошлют *одного* человека. Французы не могут покинуть свою страну без паспортов, т. е. без правительственного разрешения. Наши французские секции разрушены, самые испытанные люди — либо бежали, либо заключены в тюрьму. *При таких обстоятельствах* легко мог бы повториться фарс, который разыгрался в Швейцарии. Известные интриганы могли бы собрать в Амстердаме искусственное большинство. Для таких маневров *они* всегда находят нужные деньги. Откуда? Это их секрет.

С другой стороны, согласно § 3 устава, Генеральный совет не может отсрочить *созыв конгресса*. Но при настоящих *исключительных* обстоятельствах он все же взял бы на себя ответственность за этот шаг, если бы имел необходимую для этого поддержку со стороны секций. Поэтому нам было бы желательно, чтобы поступило мотивированное *официальное* предложение в этом смысле как от немецкой швейцарской, так и от женеvской романской группы. Как ты знаешь, Бакунин имеет в Бельгийском генеральном совете свое орудие — фанатика и болтуна Гинса. К циркуляру, который Генеральный совет издал в начале января относительно «*Egalité*» и т. д., я приложил от своего имени — так как пост секретаря для Бельгии был в то время не замещен — обвинение и характеристику Бакунина. Гинс написал в ответ на это крайне дерзкое письмо Генеральному совету, направленное против меня лично (он говорил о моей «*недостойной* манере нападать на Бакунина»), на которое я ему дал соответствующий ответ. Повидимому, его влиянию следует приписать то обстоятельство, что мы вчера получили от Бельгийского генерального совета официальное письмо, полное обвинений, в котором, между прочим, говорится: «Бельгийский генеральный совет постановил поручить делегатам привлечь нас на ближайшем конгрессе к ответственности за наше постановление о Романском федеральном совете». Мы, по их словам, вообще не имеем права вмешиваться в эту местную швейцарскую историю. Как это ни странно, брюссельцы сами, так же,

как и Парижская федерация, *прямо* предложили нам вмешаться в это дело! Память коротка!

Во всяком случае, нам теперь придется подробнее мотивировать наше решение в нашем собственном циркуляре. Поэтому я буду тебе очень благодарен, если ты дашь нам точные сведения об интригах Альянса, о конгрессе в Шо-де-фон и о швейцарских распрях вообще.

Я получил письмо от русских друзей в Женеве. Передай им от меня за него благодарность.

В самом деле, лучше всего было бы, если бы они написали брошюру о Бакунине, но это надо сделать в *ближайшее время*. Если это будет сделано, то им не надо присылать мне дальнейших документов о происках Бакунина.

Они спрашивают меня, что делал Бакунин в 1848 г.? Во время своего пребывания в Париже с 1843 по 1848 г. он разыгрывал из себя решительного социалиста. После революции он отправился в Бреславль и вступил там в связь с *буржуазными демократами*, агитировал среди них за избрание (во Франкфуртский парламент) *Арнольда Руге*, бывшего в то время ярким врагом социалистов и коммунистов. Потом — в 1848 г. — он организовал панславистский конгресс в Праге. Сами панслависты упрекали его в том, что он вел там фальшивую игру. Но я этому не верю. Если он и делал там ошибки (с точки зрения его панславистских друзей), то, по моему мнению, только «невольные». В начале 1849 г. Бакунин издал манифест (памфлет) — сентиментальный панславизм! Единственно похвальное, что можно сообщить о его деятельности во время революции, — это его участие в Дрезденском восстании в сентябре 1849 г.

Очень существенно для его характеристики выступление, сделанное им тотчас же после возвращения из Сибири. Об этом достаточно материала в «Колоколе» и в боркгеймовских «Русских письмах», в «Zukunft», которые у тебя, наверное, есть. Скажи русским друзьям, что разоблачаемая ими в письме личность здесь не появлялась, что их поручение к Боркгейму я выполнил и что я буду очень рад, если кто-нибудь из них приедет сюда.

Наконец, я им буду очень благодарен, если они пришлют мне только что *вышедший четвертый том сочинений Чернышевского*. Деньги за него я пришлю им почтой.

Твоя статья о войне в последнем номере «Vorboten» очень хороша и была одобрена всей моей семьей, которая шлет тебе сердечный привет.

Прощай!

Твой Карл Маркс.

Вложенный оттиск исправлен в *отдельных местах* там, где были *опечатки*. Поэтому лучше переводить с него, чем с экземпляра, посланного в «Egalité».

44.

Марке — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 6 августа 1870 г.

Дорогой Юнг!

Прилагаю «вполне удобочитаемую» копию обеих резолюций Генерального совета о *Международном альянсе социалистической демократии*.

Напишите Перре, чтобы он отдал *отпечатать* эти резолюции. Это — лучший способ ответить «Solidarité».

Они *не* должны говорить, что публикуют это по постановлению Генерального совета, но они имеют *право* сделать так, *ибо* в первоначальных резолюциях Совета было определенно решено печатать их.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

45.

Марке — Герману Юнгу (с приложением копии постановления Комитета Германской социал-демократической рабочей партии)

в Лондон.

Рамсгейт, 12 августа 1870 г.
36, Hardres Street.

Дорогой Юнг!

Посылаю для представления Генеральному совету:

1) *Постановление Немецкого центрального комитета в Женеве* (Романский центральный комитет пришлет Вам документ подобного же содержания).

2) Копию постановления, полученного мною также и из Брауншвейга; оригинал его Вам не посылаю, так как там содержится еще всевозможная ерунда, на которую я должен ответить.

Я чувствую себя очень плохо, но, быть может, морской воздух принесет мне пользу.

Привет.

Ваш К. Маркс.

Приложение: Постановление Комитета Германской социал-демократической рабочей партии¹

Г е н е р а л ь н о м у с о в е т у М е ж д у н а р о д н о г о
т о в а р и щ е с т в а р а б о ч и х в Л о н д о н е .

Принимая во внимание, что во время теперешней войны конгресс Международного товарищества рабочих вообще не сможет собраться на территории Европы и что рабочие Франции и Германии силой обстоятельств не смогли бы принять участие в конгрессе, даже если бы он состоялся, — нижеподписавшийся Комитет предлагает, чтобы уважаемый Генеральный совет воздержался от съезда конгресса в текущем году.

Комитет полагает, что настоящее его предложение вполне соответствует взглядам французской секции Интернационала.

В случае принятия этого предложения (на что мы надеемся) не подлежало бы также сомнению и то, что местопребыванием Генерального совета попрежнему останется Лондон, — это вполне соответствует предложению, которое мы намеревались внести на Майнцском конгрессе.

Комитет Социал-демократической рабочей партии Германии.

Секретарь *Бонгорст.*

Казначей *Бракке.*

Председатель *Л. Кюн.*

46.

Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии

в Брауншвейг².

[Лондон, 1 сентября 1870 г.]

Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить эту войну в *европейскую институцию*. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *западной Польшей* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно. Это — безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного самоистребления.

¹ Копия, написанная рукой Маркса.

² Настоящее письмо (в отрывках) было включено в Манифест о войне; опубликованный Комитетом Германской социал-демократической рабочей партии в форме листовки 5 сентября 1870 г. и ватем в «*Volksstaat*» № 73 от 11 сентября 1870 г. В Манифесте было указано, что письмо получено от «одного из старейших и заслуженных наших товарищей в Лондоне».

Негодяи и глупцы, которые изобрели такие гарантии вечного мира, должны были бы знать, хотя бы из прусской истории, на примере того, как жестоко Наполеон расплатился за Тильзитский мир, что подобные насильственные меры для обуздания жизнеспособного народа приводят к прямо противоположным результатам. А что представляет из себя Франция, даже после потери Эльзаса и Лотарингии, по сравнению с Пруссией после Тильзитского мира?

Если французский шовинизм, пока держался *старый государственный порядок*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую богатую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Метца?

Что лотарингцы и эльзасцы благословляют *германское* правительство, — этого не смеет утверждать даже и... тевтон. Теперь провозглашается принцип пангерманизма и «надежных» границ, который приведет на востоке к великолепным результатам для Германии и Европы.

...Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 г.

Я говорю неизбежно, непременно, если не учитывать того мало вероятного случая, что в *России* до этого времени может вспыхнуть *революция*.

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией приходится уже сейчас рассматривать как *fait accompli* [совершившийся факт].

Будет ли эта война вредна или полезна, — целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

Если они захватят Эльзас-Лотарингию, то Франция *вместе* с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа.

Но я опасаясь, что негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если весь германский рабочий класс не поднимет своего голоса.

...Нынешняя война открывает новую всемирно-историческую эпоху тем, что Германия, даже при условии исключения немецкой Австрии, доказала свою способность, *независимо от заграницы*, идти своей собственной дорогой. То, что Германия первоначально *обретает свое единство в прусской казарме*, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но результат, хотя и таким способом, все же достигнут. Вздорные мелочи, как, например, конфликт между северо-германскими национал-либералами и южно-германской Народной партией, впредь не будут становиться понапрасну поперек дороги. Отношения развернутся в большом масштабе и упростятся. И если тогда германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. *Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.* Тем самым на германский рабочий класс ложится большая ответственность...

[К. М.]

47.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 1 сентября 1870 г.
1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill.

Уважаемый г. Зорге!

То обстоятельство, что я долго не отвечал на несколько Ваших писем, объясняется двумя причинами, — сначала «переутомлением», а затем — очень серьезной болезнью. В начале августа врачи послали меня на морские купанья, а там сильный приступ ишиаса превратил меня на несколько недель в калеку. Я только со вчерашнего дня снова в Лондоне, но далеко еще не вполне поправился.

Прежде всего большое спасибо за Вашу посылку, особенно за чрезвычайно ценную для меня статистику труда.

Теперь я вкратце отвечу на вопросы, которые Вы мне поставили в Ваших письмах.

Юм был уполномочен вести пропаганду среди янки, но он превысил свои полномочия. В следующий вторник я доложу об этом в Генеральном совете и покажу его «карточки».

Что касается «секретарства» для Соединенных Штатов, то дело обстоит следующим образом. Я являюсь секретарем для тамошних *немецких* секций, Дюпон — для *французских* и, наконец, Эккариус — для *янки* и тех секций, которые говорят по-английски. Поэтому в наших официальных декларациях Эккариус фигурирует в качестве «секретаря для Соединенных Штатов». В противном случае мы были бы вынуждены прибегать к бесполезному многословию. Так, например, я должен был бы подписываться также и секретарем *русской секции* в Женеве и т. д. Впрочем, уже сам Эккариус вполне выяснил сущность дела в одной из нью-йоркских газет в связи с делом Клузере.

На будущей неделе я пошлю вам новую пачку членских карточек.

Жалкое поведение Парижа во время войны, который и после страшных поражений попрежнему продолжает терпеть над собой господство мамелюков Луи Бонапарта и испанской авантюристки Евгении, показывает, насколько французам необходим трагический урок для того, чтобы снова пробудить в них мужество.

Теперешняя война ведет — чего прусские ослы не понимают — с такой же необходимостью к войне между Германией и Россией, с какой война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией. Это — *наилучший результат*, какого я жду от войны для Германии. Истинное «пруссачество» никогда не существовало и никогда не может существовать иначе, как в союзе с Россией и в подчинении у нее. Кроме того, такая война № 2 будет повивальной бабкой не избежной в России социальной революции.

Я сожалею, что какое-то непонятное для меня недоразумение привело моего друга Фогта к ошибочному мнению о Шили. Шили не только один из моих старейших и наиболее близких личных друзей, — но и один из самых дельных, смелых и надежных членов партии.

Я очень рад, что Мейер отправляется в Цинциннати в качестве делегата.

Преданный Вам

Карл Маркс.

Я очень хотел бы увидеть в оригинале чепуху, написанную Келлоггом о деньгах (это просто разновидность того, о чем писали Брей, Грей, Бронтер О'Брайен и др. в Англии и Прудон во Франции). Здесь этого достать нельзя.

48.

Маркс — Зигфриду Мейеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 2 сентября 1870 г.

1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill.

Дорогой Мейер!

Пишу Вам наспех (так как почта сейчас закроется) только эти несколько строк. На будущей неделе напишу Вам подробнее. Вчера вернулся с морских купаний, куда врачи послали меня для лечения, где, однако, жестокий и болезненный припадок ишиаса превратил меня на несколько недель в калеку.

Первое, что я сделал по возвращении, — это ответил на кучу писем, которую нашел у себя; среди моих почтовых кредиторов оказался Зорге с полдюжиной писем. *Ваше* письмо куда-то заложили, я получил его только после того, как отослал ответ Зорге, и потому не мог изменить его соответственно заключающимся в Вашем письме указаниям.

Впрочем, я во всяком случае написал бы Зорге, так как он прислал мне газеты и «Labour Statistics» (Массачузетс), а также полезные для Генерального совета сведения о Юме с двумя оттисками изготовленных последним «международных» карточек и т. д. Наконец, я никак не мог не исправить ложное представление друга Фогта о *Шили*, являющемся одним из моих самых старых и близких друзей.

Мне было очень приятно прочесть в последнем письме Зорге, что Вас послали в качестве делегата в Цинциннати.

Если Немецкий рабочий союз назначил других корреспондентов, то этот факт нужно *официально* сообщить мне для доклада Генеральному совету.

Привет и братство.

Ваш К. М.

Не можете ли Вы сообщить мне более подробно о железнодорожном хозяйстве на Западе, об относящихся к этому вопросу актах конгресса и т. д.?

49.

Маркс — Эдуарду-Спенсеру Бизли
в Лондон¹.

[Лондон,] 12 сентября 1870 г.

Милостивый государь!

В прошлую среду О. Серрайе, член Генерального совета Международного товарищества рабочих, отправился в Париж в качестве полномочного представителя Совета. Он счел своим долгом остаться там не только для того, чтобы принять участие в обороне, но и для того, чтобы оказывать влияние на наш Парижский федеральный совет; это действительно человек весьма высоких умственных способностей. Его жена получила сегодня известие о его решении. К несчастью, она не только сидит *без гроша* вместе со своим ребенком, но кредиторы Серрайе требуют с нее около 12 фунтов, угрожают продать ее мебель и выбросить ее на улицу. Вследствие этого я и мои друзья решили притти ей на помощь, и с этой целью я позволяю себе обратиться в этом письме к Вам и Вашим друзьям.

Вы увидите, что Манифест², который я в прошлую пятницу представил Генеральному совету и который теперь печатается, во многих пунктах почти буквально совпадает с Вашим памфлетом.

Я считаю, что Париж вынужден будет капитулировать, и из частных писем, полученных мною из Парижа, видно, что некоторые влиятельные члены Временного правительства готовы к такому ходу событий.

Серрайе пишет мне сегодня, что поспешность, с которой пруссаки идут на Париж, — единственное, что может предупредить новое *Июньское восстание!* С падением Парижа Франция далеко еще не погибнет, если провинция будет верна своему долгу.

Парижский федеральный совет бомбардирует меня телеграммами все по вопросу: *признание Англией Французской республики*. Действительно, это сейчас *самое важное* для Франции. Это — единственное, что вы можете в настоящее время для нее сделать. Прусский король официально обращается с Бонапартом как с правящим монархом Франции. Он хочет восстановить его на престоле. Французская республика не будет существовать официально до тех пор, пока британское правительство ее не признает. Но нельзя терять

¹ Перевод с текста, опубликованного в «The Social-Democrat», London, vol. VII, 1903, p. 229—231.

² Имеется в виду второй Манифест (Обращение) Интернационала о франко-прусской войне.

времени. Неужели вы позволите вашей королеве и вашим олигархам злоупотреблять, по указке Бисмарка, огромным влиянием Англии?

Искренно Ваш

Карл Маркс.

Кстати. Как раз сейчас в английской прессе много бесполезной болтовни о «наших средствах обороны». В случае войны с Пруссией или с другими военными державами континента у вас имеется одно, но зато верное средство нападения — уничтожить их морскую торговлю. Вы можете сделать это, только восстановив ваши «права на море», которые по Парижскому трактату 1856 г. были уступлены России в результате министерских интриг, но без всякой санкции парламента. Россия придает этому пункту такое решающее значение, что она заставила Пруссию в самом начале этой войны признать чрезвычайную важность этих статей парижского «соглашения». Пруссия, конечно, более чем охотно пошла на это. Во-первых, у нее не было флота. Во-вторых, в общих интересах всех континентальных военных держав заставить Англию, единственную великую морскую державу Европы, отказаться от самых значительных средств морской войны во имя человечности! Привилегия бесчеловечности — а вы не можете вести войны «человечным» способом — оставляется только за сухопутными державами! Кроме того, эта дипломатическая «филантропия» предполагает, что собственность — конечно, на море, а не на суше — более священна, чем человеческая жизнь. Вот причина, из-за которой поглупевшие английские фабриканты и купцы позволили одурачить себя статьями парижского договора относительно условий морской войны — статьями, которые для них бесполезны, так как они не приняты Соединенными Штатами. А только в войне с последними такое условие могло бы иметь известное значение для английских ростовщиков. Презрение, с которым теперь относятся к Англии Пруссия и Россия (последняя втихомолку наступает на Индию), происходит исключительно от того, что они знают, что в наступательной войне на суше Англия не может сделать ничего, а для войны на море, где она могла бы быть всем, она разоружилась или, вернее сказать, была разоружена произвольным актом Кларендона, действовавшим согласно тайным инструкциям Пальмерстона. Объявите завтра, что эти условия Парижского договора, — даже не сформулированные в форме статей договора, — клочок бумаги, и я ручаюсь вам, что тон континентальных задир тотчас же изменится.

50.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 14 сентября 1870 г.

Генеральный совет Международного товарищества рабочих, 256, High Holborn, W. C.

Дорогой Беккер!

Прилагаю Манифест Генерального совета для «Egalité». Завтра ты получишь сделанный мною *перевод на немецкий* (так как я написал эту вещь сначала по-английски). В немецком переводе есть несколько фраз, предназначенных для Германии, в особенности для рабочих; было слишком поздно переводить их на английский.

Привет.

Твой К. М.

51.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 14 сентября 1870 г.

Дорогой Венцель!

Посылаю Манифест.

Мое время до такой степени поглощено «делами Интернационала», что я никогда не ложусь спать раньше трех часов ночи. Поэтому прошу извинить мое упорное молчание.

Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой К. М.

52.

Маркс — Эдуарду-Спенсеру Бизли

в Лондон¹.

Лондон, 16 сентября 1870 г.

Милостивый государь!

Извините, что я опять беспокою Вас, но à la guerre comme à la guerre [на войне, как на войне].

Худшие ожидания двух Манифестов Генерального совета Интернационала уже сбылись.

Пруссия, объявив, что она ведет войну с Луи Бонапартом, а

¹ Перевод с текста, опубликованного в «The Social-Democrat», London, vol. VII, 1903, p. 231—232.

не с французским народом, воюет теперь с французским народом и заключает мир с Бонапартом. Она выдала секрет. Она объявила о своем намерении восстановить «в Тюильри» его или его семью. Подлый «Times» делает сегодня вид, что считает это лишь сплетнями. Он знает или должен был бы знать, что это было напечатано в берлинском «*Staatsanzeiger*» (пруссский «*Moniteur*»). Из полуофициальных прусских газет, таких, как «Кельнская газета», я вижу, что этот старый осел, король Вильгельм, верный традициям своей гогенцоллернской династии, уже припадает к стопам царя и умоляет его быть столь великодушным и послать его, своего слугу, против турок! В последнее время реакция уже воцарилась в Германии. В качестве первого шага, как я уже Вам писал, наши брауншвейгские товарищи были арестованы и отправлены пешим этапом к восточной границе в кандалах, как простые уголовные. Но это только один факт из сотен.

После первой войны за независимость Германии против Наполеона I дикая и жестокая охота правительства на так называемых демагогов (*die demagogischen Untersuchungen* [следствия о демагогах]) продолжалась в течение целых 20 лет! Но тогда преследования начались только после окончания войны. Теперь они начинаются до заключения мира.

Тогда их преследования были направлены против ничтожных идеалистов и пустых юношей (студентов университетов) из среды буржуазии, бюрократии и аристократии. Теперь они направлены против рабочего класса.

Что касается меня, я в восторге от всех этих преступлений прусского правительства. Они расшевелият Германию. Вам следовало бы, по-моему, сделать теперь следующее: первый Манифест Генерального совета о войне опубликован полностью только в «*Pall Mall*», но выдержки из него и даже передовые статьи о нем появились во многих других газетах. На этот раз, хотя Манифест был разослан во все лондонские газеты, ни одна не обратила на него ни малейшего внимания, за исключением «*Pall Mall*», которая дает очень краткие выдержки из него.

(Между прочим, эта газета, которая так хорошо отзывалась о Вас в своем вчерашнем номере, имеет кое-какие частные обязательства по отношению ко мне, так как я предложил ей «Заметки о войне» моего друга Энгельса. Я сделал это по просьбе А. Б., который время от времени ловко протаскивал какую-нибудь заметку об Интернационале в «*Pall Mall*». Вот почему наш второй Манифест не обойден полным молчанием в этой газете.)

На континенте, где публика уже привыкла к тому, что к манифестам Интернационала относятся серьезно и что они полностью воспроизводятся то одной, то другой газетой, — даже в Москве и Петербурге, даже во французских газетах под властью Бонапарта, даже теперь в Берлине, — нас неоднократно упрекали в том, что мы не желаем использовать «свободной» лондонской прессы. Они, конечно, не имеют никакого представления и даже не поверят крайней продажности этого подлого предприятия (*concern*), которое Вильям Коббетт уже давно заклеил как «продажное, бесчестное и безграмотное».

Я думаю, что Вы оказали бы величайшую из возможных услуг *Интернационалу*, — и я позаботился бы о том, чтобы Ваша статья была перепечатана в *наших* газетах в Испании, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании, Венгрии, Германии, Франции и Соединенных Штатах, — если бы Вы поместили в «*Fortnightly Review*» что-нибудь об Интернационале, о Манифестах Генерального совета о войне и о том обращении, которому мы подвергаемся со стороны этой образцовой прессы, этой «свободной» английской прессы! Эти господа в действительности в большем рабстве у прусской полиции, чем берлинские газеты.

Лафарг, издающий теперь газету в Бордо, посылает привет Вам и Вашей жене.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

53.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

[Лондон, около 20 сентября 1870 г.]

Дорогой Беккер!

Несколько дней тому назад я послал в «*Volksstaat*» перевод, так как он был более срочным. *Этот* же перевод в нескольких местах исправлен ¹.

Привет.

Твой *К. М.*

¹ Имеется в виду второй Манифест Интернационала о войне.

54.

К. Маркс — Эдуарду-Спенсеру Бизли
в Лондон¹.

Лондон, 19 октября 1870 г.

Милостивый государь!

Деак против рабочих. Он на самом деле — венгерское издание английского вига.

Что касается Лиона, то я получил письма, которые не подлежат опубликованию. Сначала все шло прекрасно. Под давлением секции Интернационала республика была провозглашена раньше, чем в Париже. Тотчас же было установлено революционное правительство — *Коммуна*, состоявшая частью из рабочих, принадлежавших к Интернационалу, частью из буржуазных республиканцев-радикалов. Ввозные пошлины (*octrois*) были немедленно уничтожены — и вполне правильно. Бонапартистские и клерикальные интриганы были терроризированы. Были приняты энергичные меры к вооружению всего народа. Буржуазия не сочувствовала, разумеется, новому порядку вещей, но, по крайней мере, стала ему спокойно покоряться. Лионское выступление немедленно отразилось в Марселе и в Тулузе, где секции Интернационала сильны.

Но ослы — Бакунин и Ключере — приехали в Лион и испортили все. Так как оба они принадлежат к Интернационалу, то у них, к несчастью, оказалось достаточно влияния, чтобы сбить с толку наших друзей. Ратуша была захвачена — на короткое время — и изданы самые нелепые декреты *об уничтожении государства* и тому подобной чепухе. Одного того, что русский (которого буржуазные газеты изображают агентом Бисмарка) претендует на звание лидера *Комитета спасения Франции*, было, как Вы понимаете, достаточно, чтобы перетянуть чашу весов общественного мнения. Что касается *Ключере*, то он вел себя одновременно, как дурак и как трус. Оба после своего провала покинули Лион.

В Руане, как и в большинстве других промышленных городов Франции, секции Интернационала, следуя примеру Лиона, настояли на официальном допущении рабочих в «комитеты обороны».

Я должен Вам, однако, сказать, что, согласно всей информации, которую я получаю из Франции, буржуазия в целом предпочитает

¹ Перевод с текста, опубликованного в «The Social-Democrat», London, 1903, vol. VII, p. 233.

прусское завоевание победе республики с социалистическими тенденциями.

Искренно преданный Вам

Карл Маркс.

Посылаю Вам экземпляр «New York Tribune», который я получил вчера. Буду Вам очень благодарен, если Вы по прочтении вернете его мне. В нем есть статья об Интернационале, не знаю чья, но, судя по стилю и манере, возможно, что написал ее г. Дана.

От Лафарга пересылаю Вам три экземпляра «Défense Nationale». Он просит передать Вам привет.

55.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 13 декабря 1870 г.

Дорогой Кугельман!

Мое долгое молчание ты должен объяснить тем, что во время этой войны, которая увлекла во Францию большую часть корреспондентов Генерального совета, ведавших заграничные сношения, я должен был вести почти всю международную переписку, а это не безделица. Кроме того, при той «свободе почтовых сношений», которая господствует теперь в Германии, особенно в Северо-германском союзе и совсем «особенно» в Ганновере, опасно, правда не для меня, а для моих немецких корреспондентов, если я буду писать им о своих взглядах на эту войну, а о чем же другом можно писать в настоящий момент?

Ты желаешь, например, получить от меня наш первый Манифест о войне. Я послал его тебе. Очевидно, он был перехвачен. Сегодня я посылаю тебе как оба Манифеста, соединенные в одну брошюру, так и статью профессора Бизли из «Fortnightly Review» и сегодняшней «Daily News». Так как эта газета пруссофильская, то, вероятно, все дойдет. Профессор Бизли — последователь Конта и, как таковой, обязан отдать дань всяким нелепым причудам, но в остальном очень дельный и смелый человек. Он — профессор истории в Лондонском университете.

Повидимому, не только Бонапарт, его генералы и его армия захвачены в плен Германией, но вместе с ним и весь империализм со всеми его пороками акклиматизирован в стране дубов и лип.

Что касается немецких буржуа, то меня несколько не удивляет

их опьянение завоеваниями. Во-первых, захват — это жизненный принцип всякой буржуазии, а захват чужих провинций будет всегда «захватом». Кроме того, немецкий буржуа так долго и покорно сносил всяческие пинки ногой от своих отцов отечества и особенно от Гогенцоллернов, что для него должно быть настоящим наслаждением, если этих пинков отведаает для разнообразия и чужестранец.

Во всяком случае, эта война освободила нас от «буржуазных республиканцев». Она нанесла этой шайке окончательный и ужасный удар. И этот результат имеет большое значение. Война дала нашим профессорам прекраснейший повод осрамить себя перед всем светом как холопствующих педантов. Условия, которые являются следствием этой войны, будут представлять из себя лучший материал для пропаганды наших принципов.

Здесь, в Англии, в начале войны настроение общества было ultra-прусским, теперь его сменило прямо противоположное. В кафешантанах, например, немецких певцов с их «Wacht am Rhein» [«Стража на Рейне»] освистывают, тогда как французским певцам, выступающим с «Марсельезой», подпевают хором. Кроме решительной симпатии народной массы к республике и досады привилегированных классов по поводу очевидного союза Пруссии и России, по поводу наглого тона прусской дипломатии со времени военных успехов, — кроме этого, всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны. Конечно, англичане поступали точно так же в Индии, на Ямайке и т. д., но французы — не индусы, не китайцы и не негры, а пруссаки — не heaven born englishmen [не рожденные небом англичане]! Это чисто гогенцоллернская идея, будто народ совершает преступление, продолжая защищаться сам, когда все его постоянное войско уничтожено. В самом деле, прусская народная война против Наполеона I была настоящим бельмом на глазу у бравого Фридриха-Вильгельма III, как в этом можно убедиться из исторического труда профессора Пертца о Гнейзенау, который своими приказами о ландштурме [ополчении] возвел партизанскую войну в систему. Таким образом, Фридрих-Вильгельм III негодовал на то, что народ воевал самостоятельно и независимо от высочайших распоряжений.

Впрочем, еще посмотрим. Война во Франции может принять еще очень «неожиданное» направление. Противодействие Луарской армии «не входило» в расчеты, и теперешнее разбрасывание немецких военных сил направо и налево может только терроризировать

население, но на деле имеет лишь тот результат, что вызывает повсюду к жизни оборонительную силу и ослабляет силу наступательную. Даже угроза бомбардировать Париж представляет из себя не что иное, как простой трюк. Серьезного впечатления на Париж это, судя по всем правилам теории вероятности, произвести не может. Разрушат несколько внешних укреплений, пробьют брешь, какой будет толк от этого, если число осажденных больше числа осаждающих? А если осажденные производят исключительно успешные вылазки, заставляя противника защищаться за окопами, то что выйдет, когда роли переменятся?

Единственным верным средством является принудить Париж к сдаче голодом. Но если такая осада затянется настолько долго, что даст возможность образованию армии и развитию народной войны в провинциях, то и она не достигнет цели и лишь перенесет центр тяжести в другое место. Кроме того, даже и после капитуляции Парижа, который нельзя занять и удержать какой-нибудь горстью людей, большая часть вторгнувшихся во Францию войск будет оторвана от военных действий.

Но, как бы ни окончилась война, она научила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего.

Тот наглый тон, который принимают по отношению к Англии Россия и Пруссия, мог бы повести к совершенно неожиданным и неприятным для них результатам. Дело заключается просто в следующем: Англия *сама обезоружила себя* по Парижскому мирному трактату 1856 г. Это — морская держава и, в противовес крупным континентальным военным державам, она может бросить на чашу весов лишь средства морской войны. Вполне надежным средством при этом является временное прекращение или приостановка заокеанской торговли континентальных государств. Это средство состоит главным образом в применении права каперства, т. е. захвата товаров, принадлежащих противнику, на нейтральных судах. От этого «морского права» англичане отказались (наряду с другими подобными правами) в так называемой «декларации», которая приложена к Парижскому трактату. Кларендон сделал это по тайному приказу «русского» Пальмерстона. Но эта декларация не составляет неотъемлемой части самого трактата и *никогда* не была законным образом санкционирована в Англии. Господа русские и пруссаки ошибаются в расчете, если они воображают, что влияние королевы, семейные интересы которой связаны с Пруссией, и буржуазное тупоумие какого-нибудь Гладстона удержат в решительный момент Джона Булля от того, чтобы выбросить за борт это им же самим созданное

«милое препятствие». И тогда он может в несколько недель покончить с русско-немецкой заокеанской торговлей. Тогда мы посмотрим на вытянутые физиономии петербургских и немецких дипломатов и на еще более вытянутые физиономии «истинных патриотов». — *Qui vivit, verrat* [Поживем, увидим].

Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой *К. М.*

Кстати. Не можешь ли ты прислать мне несколько речей Виндгорста в рейхстаге?

56.

Энгельс — Наталии Либкнехт

в Лейпциг.

[Лондон,] 19 декабря 1870 г.

Дорогая г-жа Либкнехт!

Мы только что получили известие о том, что вчера арестованы Либкнехт, Бебель и Гепнер. Это — прусский реванш за моральное поражение, нанесенное Л[ибкнехтом] и Б[ебелем] прусской империи еще до появления ее на свет. Мы все здесь были очень обрадованы смелым поведением обоих в рейхстаге при таких обстоятельствах, когда поистине было не шуточным делом открыто и твердо выступить с защитой наших взглядов. Мы полагаем, что все сводится в первую голову к мелочной мстительности и к намерению уничтожить газету, а также к лишению их возможности быть вновь избранными; что касается обвинения в государственной измене, то оно окажется совершенно дутым. Но господа пруссаки могут сильно просчитаться, потому что при действительно превосходном поведении германских рабочих, которое заставило даже прохвоста Швейцера подчиниться руководству Л[ибкнехта] и Б[ебеля], этот акт насилия, по всей вероятности, не произведет ожидаемого впечатления, а вызовет скорее обратное. Германские рабочие проявили во время этой войны такую пронизательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения, и Вы понимаете, какой гордостью это наполняет нас!

Но мы обязаны по мере сил заботиться и о том, чтобы наши арестованные друзья и их семьи в Германии не испытывали нужды, особенно теперь, когда предстоящие рождественские праздники и без того для них отравлены. Поэтому мы позволяем себе приложить пятифунтовый билет Английского банка

«В 10 04841, Лондон, 12 октября 1870 г.»

и просим Вас разделить эту сумму с г-жей Бебель.

Кроме того, мы прилагаем семь талеров, собранных здешним Немецким рабочим просветительным союзом в пользу семейств арестованных брауншвейгцев. Прошу подписать и вернуть мне прилагаемую расписку на эту сумму, чтобы Маркс мог предъявить ее союзу.

Моя жена — ирландка с революционными убеждениями; поэтому Вы можете себе представить, что за радость была у нас вчера дома, когда пришло известие о том, что осужденные фении амнистированы, хотя и на жалкий, прусский лад. И вот вслед за этим приходит известие об аресте наших друзей в Германии.

Будьте здоровы, дорогая г-жа Либкнехт, и не падайте духом. Пруссаки и их русское начальство впутались в дело, которое им не по плечу.

Искренно Вам сочувствующий

Фридрих Энгельс.

Семейство Маркс кланяется Вам и шлет привет детям.

1871 год.

57.

Маркс — Наталии Либкнехт
в Лейпциг.

Лондон, 13 января 1871 г.
1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Дорогая г-жа Либкнехт!

Генеральный совет Интернационала открыл сбор в пользу семей преследуемых прусским правительством немецких «патриотов» — патриотов в подлинном смысле слова. Первые 5 фунтов стерлингов, которые я Вам посылаю, предназначены для Вас и для г-жи Бебель.

Лондонский враль-корреспондент завязаного Бидермана¹ бесспорно принадлежит к полицейскому персоналу здешнего прусского посольства, действовавшему подобным же образом в 1852 г. во время Кельнского процесса коммунистов. Мы выследим этого субъекта, чтобы затем разоблачить в здешней печати махинации этой клики и таким путем осветить и новейшую фазу христианско-пруско-германской нравственности.

В полученном сегодня номере «Volksstaat» я нашел заметку, в которой г. Нечаева еще раз совершенно незаслуженно принимают всерьез. Все сведения, которые этот Н[ечаев] распространял в европейской печати о своих подвигах и страданиях в России, — *беззастенчивое вранье*. Доказательства этого у меня в руках. Даже имя этой личности не заслуживает упоминания.

Моя жена и дочери шлют Вам, Вашим детям и Либкнехту сердечнейший привет.

С наилучшими новогодними пожеланиями.

Преданный Вам

Карл Маркс.

¹ Игра слов: Biedermann — по-немецки — филистер; Бидерман — фамилия редактора национал-либеральной «Deutsche Allgemeine Zeitung».

58.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 17 января 1871 г.

Дорогой Юнг!

На вчерашнем заседании Генерального совета я полностью разобрал прошлое Жюль Фавра. Посылаю Вам некоторые наиболее важные данные относительно его контрреволюционных подвигов.

Совет принял вчера также резолюцию, поручающую Вам написать издателям «Felleisen», как органу немецких рабочих образовательных союзов Швейцарии, в таком духе:

1) Каково отношение этих «союзов» и их органа «Felleisen» к *Международному товариществу рабочих?*

2) До настоящего времени они ни разу не присылали никаких взносов в Генеральный совет.

3) В их органе «Felleisen» присоединение к Германии Эльзаса и Лотарингии защищается в явном противоречии с циркулярами Генерального совета, из которых они ни разу не опубликовали даже извлечений.

4) Если они будут упорствовать в неисполнении своих обязанностей (п. 2) и в своем противодействии политике Генерального совета (п. 1), которая находится в соответствии с уставом *Интернационала*, то Генеральный совет, используя право, предоставленное ему Базельским конгрессом, временно, т. е. до ближайшего всеобщего конгресса, исключит их из *Интернационала*.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

Ладендорф более уже не состоит редактором «Felleisen». Вам следует адресовать письмо в редакцию «Felleisen», «Немецкий рабочий союз, в Gassen, Цюрих».

[Приложение:]

Жюль Фавр.

Жюль Фавр был автором позорного декрета от 27 июня 1848 г., в силу которого тысячи парижских рабочих, взятые в плен во время Июньского восстания, были без всякого формального судебного разбирательства *сосланы* в Алжир и пр. В дальнейшем он постоянно отказывался присоединиться к предложениям об амнистии, делавшимся время от времени республиканской партией в Учредительном собрании.

Жюль Фавр был одним из наиболее известных орудий того *господства террора*, которое было установлено генералом Кавеньяком после Июньского восстания. Он поддерживал все бесстыдные законы, проведенные тогда в целях подавления права собраний, союзов и свободы печати.

16 апреля 1849 г. Жюль Фавр, выступая в качестве представителя контрреволюционного большинства парламентского комитета, предложил предоставить Луи Бонапарту 1 200 000 франков, которые тот требовал на *экспедицию против Римской республики*.

59.

Маркс — Зигфриду Мейеру
в Нью-Йорк.

[Лондон,] 21 января 1871 г.

Дорогой Мейер!

Создание так называемого Центрального комитета в Нью-Йорке мне очень не понравилось. Я задерживал, насколько мог, признание его Генеральным советом, но меня обезоружило письмо г. Шернье, из которого выяснилось, что инициатором этой истории был наш французский секретарь Дюпон — человек превосходный, но слишком пылкий, который вследствие избытка своей энергии нередко совершает ложные шаги. Тут уже ничего больше не оставалось делать. Он получил нагоняй от Генерального совета, но *jeu était fait* [дело было сделано]!

Энгельс (который живет теперь здесь) и я напоминаем Вам и Фогту, что, согласно нашему уставу, Генеральный совет может налагать свое *veto* только в случае явного нарушения устава и принципов Интернационала, но что в остальном мы неизменно придерживаемся политики предоставления секциям полной свободы и самоуправления. Исключение представляла только Франция вследствие особого положения ее во время империи. Наши друзья должны поэтому тоже сообразоваться с этой политикой. Мы работаем здесь в Лондоне вместе с англичанами, часть которых нам совершенно не нравится, и мы прекрасно знаем, что они хотят использовать Интернационал лишь в качестве дойной коровы для своих мелких личных честолюбивых целей. И все же мы вынуждены делать *bonne mine au mauvais jeu* [довольное лицо при дурной игре]. Если бы мы из-за этих людей в негодованием удалились, мы только укрепили бы этим их влияние, которое парализуется в настоящее время нашим присутствием. Так же должны поступать и вы.

Что касается Фогта, то я с самого начала был убежден, что все дело тут в Э[орге], который любит поважничать. Однако я все же должен был ответить ему на его прямой вопрос, иначе он лично обратился бы с этим вздором к моему другу Шили, — неприятность, от которой я хотел последнего избавить¹.

Мы возбудили здесь сильное движение в рабочем классе против Гладстона (за Французскую республику), которое, вероятно, приведет к его падению. Пруссия в настоящее время всецело под властью русского кабинета. Если она одержит окончательную победу, героический немецкий филистер испытает на себе то, чего он заслуживает. К несчастью, нынешнее французское правительство думает, что сможет вести революционную войну без революции. Благородный поэт Фрейлиграт находится в настоящее время здесь, у своих дочерей. Он не осмеливается показаться мне на глаза. 60 000 талеров, которые ему подарил немецкий филистер, он должен заработать тиртейскими песнопениями, вроде: «Ты, гордая женщина Германия», и т. п.

Мое здоровье за последние месяцы было снова в отвратительном состоянии, но можно ли думать о таких мелочах перед лицом столь великих исторических событий!

В Петербурге выходит каждые две недели «*Архив судебной медицины*» (на русском языке). Один из сотрудничающих в этом журнале врачей поместил в последнем номере статью «*О гигиенических условиях, в которых живет западно-европейский пролетариат*», в которой главным образом — но с указанием источника — цитирует мою книгу. В результате произошло следующее несчастье: цензор получил сильный нагоняй от министра внутренних дел, главный редактор смещен, а самый номер журнала, — все экземпляры, которые еще можно было захватить, — предан сожжению!

Не знаю, сообщал ли я Вам, что с начала 1870 г. мне самому пришлось заняться русским языком, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющее весьма значительный интерес сочинение Флеровского о «Положении рабочего класса (в особенности крестьян) в России» и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность сосланного в Сибирь на каторгу на семь лет). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков.

¹ См. выше письмо № 48. В письме к Марксу от 30 декабря 1870 г. В. Мейер сообщал, что Фогт оспаривает, будто (Фогт) он в чем-либо подозревает Шили.

Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа.

За Вами и Фогтом долг — ваши фотографии. Мне, по крайней мере, помнится, что Вы мне их обещали.

Привет Вам и Фогту.

Ваш *Карл Маркс.*

Относительно общественных земель я писал моему старому другу Дж.-Дж. Гарни, состоящему теперь в должности помощника секретаря штата Массачусетс.

60.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Лооккен.

Лондон, 21 января 1871 г.

1, Maitland Park Road,

Haverstock Hill, N. W.

Уважаемый г. Зорге!

Все отчеты американских немецких секций следует направлять ко мне. Эккариус — корреспондент только для янки. В качестве секретаря Генерального совета он не имеет ничего общего с иностранной перепиской. Историю со «взносами» немецкой секции я совершенно позабыл. Поэтому, получив Ваше письмо, я написал Эккариусу, прилагаемый ответ которого может служить также и распиской.

Об образовании Центрального совета (мы предпочли бы, чтобы он, во избежание недоразумений, назывался Центральным комитетом) я уже писал.

Келлога я не получил. Он находился, по всей вероятности, в желтом конверте, который я получил от здешнего почтового отделения. Конверт был разорван, и на нем стоял штемпель: «по contents» [без содержимого]. По всей вероятности, конверт был слишком непрочен.

Несколько недель тому назад я послал на Ваш адрес *большую пачку* опубликованных Генеральным советом документов, изданных в различное время, но до сих пор не получил извещения, дошли ли они. Все это принадлежит лично мне, и я их послал потому, что запасы Генерального совета совершенно исчерпаны (это относится к большинству его изданий).

Глубоко преданный Вам

К. Маркс.

61. -

Маркс — Иоганну Якоби
в Кеннigsберг ¹.

Лондон, 4 февраля 1871 г.
1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Уважаемый друг!

Профессор Джон Морлей, издатель «Fortnightly Review», прислал мне вчера письмо с просьбой осведомиться у Вас, не дадите ли Вы для «Review» коротенькую статью (она будет переведена здесь на английский язык) о положении в Германии. Я по просьбе г. Морлея тоже, вероятно, что-нибудь дам для апрельского номера (статьи для этого номера должны быть готовы до 10 марта). «Fortnightly» поместила в февральском номере статьи отставного республиканца Блинда и профессора Кинкеля, написанные в бисмарковском духе, с тою же целью, с какою спартанцы показывали своей молодежи напоенных допьяна рабов.

В ожидании Вашего скорого ответа дружески преданный Вам

Карл Маркс.

62.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 4 февраля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Я с сожалением узнал из твоего последнего письма, что состояние твоего здоровья снова ухудшилось. Что касается моего, то осенью и в зимние месяцы оно было сносно, хотя кашель, который я схватил во время моего последнего пребывания в Ганновере, продолжается до сих пор.

Я послал тебе номер «Daily News», в котором помещено мое письмо ². Оно, очевидно, опять было перехвачено, как и другие мои посылки. Я вкладываю сегодня эту вырезку вместе с первым Манифестом Генерального совета. Письмо содержит в сущности одни лишь факты, но именно благодаря этому оно и оказало действие.

Ты знаешь мой взгляд на middle class heroes [героев буржуазии].

¹ Перевод с текста, опубликованного в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», H. VII., Leipzig, 1919, S. 142.

² Имеется в виду открытое письмо Маркса в редакцию «Daily News», напечатанное газетой в номере от 19 января 1871 г. под заглавием «Свобода печати и слова в Германии». См. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

Но господин Жюль Фавр (известный с дурной стороны еще с эпохи Временного правительства и диктатуры Кавеньяка) и К^о превзошли, однако, все мои ожидания. Во-первых, они дали возможность этому «sabre orthodox, cretin militaire» [солдафону и идиоту], как Бланки верно охарактеризовал Трошю, осуществить его «план». А план этот состоит просто в том, чтобы протянуть *пассивное сопротивление* Парижа до крайности, т. е. до starvation-point [когда голод заставит сдаться], наступательную же борьбу ограничить, напротив, притворными маневрами, «des sorties platoniques» [платоническими вылазками]. Я высказываю здесь не «предположение». Я знаю содержание одного письма, которое сам Жюль Фавр писал Гамбетте и где он жалуется, что он и другие члены той части правительства, которая находится в Париже, тщетно побуждали Трошю к серьезным наступательным действиям. Трошю отвечал постоянно, что тогда возьмет верх *парижская демагогия*. Гамбетта ответил ему: «Vous avez prophésé votre propre condamnation» [Вы изрекли приговор самому себе]. Трошю считал гораздо более важным держать в подчинении красных в Париже — при помощи своей бретонской лейб-гвардии, — которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы — Луи Бонапарту, чем побеждать пруссаков. Вот в чем настоящий секрет поражений не только в Париже, но и везде во Франции! Повсюду буржуазия — в согласии с большинством местных властей — действовала по этому же самому принципу.

Раз уже план Трошю был доведен до своего кульминационного пункта, — до того, что парижанам предстояло или сдаться, или умереть с голоду, — Жюль Фавр и К^о должны были просто последовать примеру коменданта крепости Туля. Этот комендант не капитулировал. Он просто заявил пруссакам, что из-за недостатка в съестных припасах он вынужден прекратить оборону и открыть ворота крепости. Пусть, дескать, осаждающие делают теперь что угодно.

Но Жюль Фавр не довольствуется тем, что подписывает формальную капитуляцию. Объявляя себя самого, своих сотоварищей по правительству и Париж *военнопленными* прусского короля, он имеет наглость *выступить от имени всей Франции*. Что знал он о положении Франции за исключением Парижа? Абсолютно ничего, кроме того, что ему соблагоизволил сообщить Бисмарк.

Более того. Эти *господа пленники прусского короля* идут дальше и заявляют, что часть французского правительства, оставшаяся на свободе в Бордо, лишилась своих полномочий и имеет право действовать лишь в *согласии* с ними, *военнопленными прусского короля*. Но так как они сами, как военнопленные, могут действовать лишь по

приказу своего военачальника, то они тем самым провозгласили прусского короля *фактически высшей властью* во Франции.

Даже Луи-Наполеон, когда он сдался и был взят в плен при Седане, был менее бесстыден. На предложения Бисмарка он ответил, что не может вести переговоры, потому что, сделавшись прусским пленным, он потерял всякую власть во Франции. В крайнем случае Жюль Фавр мог принять перемирие для всей Франции *условно*, т. е. если оно будет санкционировано правительством в Бордо, которое притом одно имело право и обладало возможностью обсудить отдельные статьи этого договора о перемирии с Пруссией. Правительство в Бордо во всяком случае не позволило бы Пруссии исключить из договора о перемирии *восточную* часть театра военных действий. Оно не позволило бы Пруссии округлить границу своей оккупационной линии таким выгодным для нее образом!

Обнаглев вследствие узурпации не принадлежащих им прав его военнопленными, которые, будучи пленниками, продолжают разыгрывать роль французского правительства, Бисмарк вмешивается уже без стеснения во внутренние французские дела. Он *протестует* — о благородный! — против декрета Гамбетты о всеобщих выборах в Национальное собрание, потому что этот декрет нарушает, дескать, свободу выборов! В самом деле! Гамбетта должен бы был ответить протестом против осадного положения в Германии и других германских порядков, уничтожающих свободу выборов в рейхстаг.

Я надеюсь, что Бисмарк настоит на своих условиях мира! 400 миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции — половина английского государственного долга! Это поймут даже французские буржуа! Может быть, они поймут, наконец, что в худшем случае они *могут только выиграть* от продолжения войны.

Толпа, и знатная и простая, судит по внешности, по лицевой стороне, по непосредственному успеху. Так, она прославляла Луи Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, разоблачал его как *посредственную каналью*. Таков же мой взгляд и на юнкера Бисмарка. Однако Бисмарка я не считаю настолько глупым, каким он был, если бы его дипломатия была *добровольной*. Этот человек запутался благодаря русской дипломатии в сеть, которая могла бы быть разорвана только львом, а он — не лев.

Например, требование Бисмарка, чтобы Франция выдала ему 20 своих лучших военных судов и Пондишери в Ост-Индии! Подобная идея не могла исходить от настоящего прусского дипломата. Он знал бы, что принадлежащий Пруссии Пондишери является просто прусским залогом в английских руках, что Англия, если захочет,

может захватить эти 20 прусских военных кораблей прежде, чем они придут в Балтийское море, и что подобные требования нелепы с прусской точки зрения потому, что могут только возбудить недоверие Джона Булля раньше, чем пруссаки покинут французскую территорию.

Но в интересах России было создать как раз этот результат, чтобы еще более держать Пруссию на положении русского вассала. В самом деле, эти требования вызвали полный переворот взглядов даже у миролюбиво настроенной буржуазии Англии. Все теперь стоят за войну. Эта провокация Англии и этот ущерб ее интересам взбесили даже буржуа. Более чем вероятно, что благодаря этой прусской «мудрости» Гладстон и К^о получают отставку и будут заменены министерством, которое объявит войну Пруссии.

С другой стороны, дела обстоят очень ненадежно в России. Со времени превращения Вильгельма в императора старо-московская, антинемецкая партия с наследником во главе снова одержала полную победу. И настроение народа за нее. Тонкая политика Горчакова ей непонятна.

Вследствие этого вероятно, что царь или должен будет совершенно изменить свою внешнюю политику, или that he will be obliged to kick the bucket [его убьют] так, как сделали это с его предшественниками — Александром I, Павлом и Петром III.

При одновременной перемене политики и в Англии, и в России, что могло бы быть с Пруссией в такой момент, когда ее северные и юго-восточные границы беззащитны от вторжения неприятеля, когда ее военные силы исчерпаны? Не надо забывать, что Пруссия-Германия отправила во Францию с начала войны до настоящего времени 1 500 000 солдат и что из них в строю осталось только около 700 000 человек.

Несмотря на противоположное первое впечатление, положение Пруссии далеко не из приятных.

Если Франция выдержит, употребит время перемирия на реорганизацию своей армии и придаст, наконец, войне действительно революционный характер, — а премудрый Бисмарк сделает все возможное для такого финала, — тогда ново-германская прусская (borussische) империя может еще получить совершенно неожиданное крещение палкой.

Твой Карл Маркс.

Кстати. Ты писал мне как-то раз о книге Гакстаузена о вестфальских (кажется) поземельных отношениях. Было бы хорошо, если бы ты мне ее послал.

Будь так добр, отправь прилагаемое письмо доктору Якоби (Кенигсберг), но для большей верности *оплати* его.

Попроси твою жену надписать на прилагаемом письме адрес д-ра Иоганна Якоби, Кенигсберг.

Женнихен только что поручила мне передать приветы «Трудхен, Френцхен и Венцельхен», что я и выполняю.

Твой К. М.

63.

Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих

в Мадрид.

[Черновик.]

Лондон, 13 февраля 1871 г.

Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих.

Граждане!

Ваше письмо от 14 декабря Генеральный совет получил с чувством большого удовлетворения. Предшествующее ваше письмо от 30 июля также дошло до нас; оно было передано гражданину Серрайе, секретарю для Испании, с поручением доставить вам наш ответ. Но спустя некоторое время гражданин Серрайе отправился во Францию, чтобы бороться за республику, и в Париже был арестован. Итак, если вы не получили ответа на ваше письмо от 30 июля, которое еще находится у нас в руках, то только вследствие указанных обстоятельств. В настоящее время Генеральный совет на заседании от 7-го числа текущего месяца уполномочил нижеподписавшегося, Ф. Э[нгельса], временно вести корреспонденцию с Испанией и передал ему ваше последнее письмо.

Мы пока регулярно получали следующие испанские рабочие газеты: «La Federacion de Barcelona», «La Solidaridad di Madrid» (до декабря 1870 г.), «El Obrero di Palma» (до ее закрытия) и недавно «La Revolucion Social di Palma» (только первый номер). Эти газеты держали нас в курсе того, что происходит в Испании в рабочем движении; к нашему величайшему удовлетворению, мы все более убеждались, что идеи социальной революции находят все больше сочувствия в рабочем классе вашей страны.

Без сомнения, пустая декламация старых политических партий привлекала к себе, как вы это указываете, слишком много внимания народа и создавала таким путем значительное препятствие для

нашей пропаганды. То же самое происходило повсюду в первые годы пролетарского движения. Во Франции, в Англии, в Германии социалисты должны были — и до сих пор еще вынуждены — бороться с влиянием и деятельностью старых политических партий, как аристократических, так и буржуазных, как монархических, так даже и республиканских. Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, достаточно ясно отличающуюся от политики других партий, так как она должна выражать условия освобождения рабочего класса. Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых обстоятельств в каждой стране; но так как основные отношения труда к капиталу всюду одни и те же и факт политического господства имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цели пролетарской политики будут одни и те же, по крайней мере во всех западных странах. Имущие классы, землевладельческая аристократия и буржуазия, держат трудящийся народ в рабстве не только благодаря мощи своего богатства, путем одной только эксплуатации труда капиталом, но также и силами государства, при помощи армии, бюрократии, судов. Отказаться от борьбы с нашими противниками на политической почве — значило бы отказаться от одного из самых могущественных средств борьбы и в особенности организации и пропаганды. Всеобщее голосование дает нам блестящее средство борьбы. В Германии рабочие, организованные в мощную политическую партию, добились посылки шести депутатов в так называемое национальное представительство; и оппозиция, которую наши друзья Бебель и Либкнехт могли там организовать против завоевательной войны, оказала гораздо более могущественное действие в интересах нашей международной пропаганды, чем вся громадная пропаганда, проводившаяся через печать и собрания. В настоящий момент и во Франции только что избраны представители рабочих, и они во всеуслышание провозгласят наши принципы в национальных собраниях. На ближайших выборах то же самое произойдет и в Англии.

Мы с удовольствием узнали, что вы хотите передать нам взносы секций вашей страны; мы примем их с благодарностью. Перешлите их, пожалуйста, аккредитивом на какого-нибудь лондонского банкира, в распоряжение Джона Уэстона, нашего казначея, с заказным письмом, адресованным на нижеподписавшегося, либо по адресу: 256, High Holborn, Лондон (местопребывание нашего Совета), либо по месту его жительства: 122, Regent's Park Road.

Мы ожидаем также с большим интересом статистических сведений о вашей Федерации, которые вы нам обещали прислать.

Что касается конгресса Интернационала, то, до тех пор пока продолжается настоящая война, думать о нем совершенно бесполезно. Если же, как кажется, мир будет вскоре восстановлен, Совет немедленно займется этим важным вопросом и примет во внимание ваше дружественное предложение созвать конгресс в Барселоне.

У нас еще нет секций в Португалии; может быть, вам было бы легче, чем нам, завязать сношения с рабочими этой страны. Если это так, будьте добры написать нам снова по этому поводу. Мы думаем также, что было бы лучше, по крайней мере для начала, если бы сношения с типографами Буэнос-Айреса завязали вы, с тем, чтобы впоследствии уведомить нас о достигнутых результатах. А пока вы нам окажете любезную и полезную для дела услугу, если вышлете нам один номер «*Quales de la Sociedad tipografos de B[uenos] A[ires]*», чтобы мы могли с ним ознакомиться.

Во всех других странах международное движение продолжало развиваться, несмотря на все препятствия. В Англии центральные советы профессиональных союзов (Trades Councils) Бирмингэма и Манчестера только что непосредственно присоединились к нашему Товариществу, а через них — и рабочие двух самых значительных фабричных городов этой страны. В Германии мы подвергаемся в данный момент таким же преследованиям со стороны отдельных правительств, каким год тому назад нас подвергал Луи Бонапарт во Франции. Наши немецкие друзья, больше пятидесяти которых находятся в тюрьме, в буквальном смысле страдают за международное дело; их арестовали и преследовали за то, что они всеми силами противились завоевательной политике и требовали, чтобы германский народ братался с французским. В Австрии тоже много наших друзей было заключено в тюрьму, но движение, тем не менее, развивается. Во Франции наши секции были повсюду центром сопротивления вторжению, они захватили местную власть в больших южных городах, и если Лион, Марсель, Бордо, Тулуза развили невиданную доселе энергию, то только благодаря усилиям членов Интернационала. В Бельгии мы организовались прочно; наши бельгийские секции только что провели свой VI областной конгресс. В Швейцарии распри, возникшие между нашими секциями несколько времени тому назад, повидимому, начинают сглаживаться. Из Америки мы получили поддержку со стороны новых секций, французских, немецких и чешских (богемских), и, кроме того, продолжаем

поддерживать братские отношения с великой организацией американских рабочих — Лигой труда (Labor League).

В надежде вскоре получить новые сведения от вас шлем вам наш братский привет.

За Генеральный совет Международного товарищества рабочих

Лондон.

Ф. Э.

64.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

Лондон, 27 февраля 1871 г.

Милостивый государь!

Лопатин уехал в Соединенные Штаты, и я еще не получал от него известий.

Имею честь быть Вашим покорным слугой.

Карл Маркс.

65.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон, конец февраля 1871 г.]

Уважаемый г. Зорге!

Большое спасибо за Келлога, который на этот раз благополучно прибыл, равно как и за прочие посылки.

В дальнейшем Комитет будет получать ответы скорее, но за последние недели дела континентальной Европы и здешняя агитация среди англичан отнимали у меня значительно больше времени, потому что большинство неанглийских секретарей находится в Париже.

Преданный Вам

К. М.

66.

Энгельс — Карлу Клейну и Фрицу Моллю

в Золинген.

Лондон, 10 марта 1871 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогие друзья Клейн и Молль!

Вас, конечно, очень удивило, что вы не получили ответа на ваши письма от февраля прошлого года. Но это объясняется различными

причинами. Во-первых, я со дня на день надеялся, что буду в состоянии сообщить вам что-либо положительное относительно Товарищества; это, однако, не удавалось, а с тех пор как началась война на это нельзя уже больше и надеяться. Во-вторых, вид вашего письма не оставлял сомнений в том, что почта постаралась прочесть его содержание, поэтому я искал okazji, — особенно после объявления войны, осадного положения и множества арестов. Наконец, я не знал, не призваны ли вы оба на время войны в ландвер.

Теперь представляется случай переправить письмо в Бармен, откуда уже, вероятно, менее опасно [переслать его вам]; поэтому я пользуюсь этой возможностью, чтобы дать вам весть о себе и приложить обещанный мною портрет. Портрет Шаппера, который, вы знаете, умер в прошлом году, я до сих пор не мог достать. Как только я его получу, перешлю вам.

Для немецких рабочих начинается теперь трудное время: повидимому, состоялось решение, что они должны послужить жертвой, при заклании которой произойдет примирение между помещиками и буржуазией. Но не беда. Рабочее движение стало и в Германии слишком могущественным, чтобы с ним можно было легко покончить при помощи прусских каверз. Наоборот, преследования, к которым мы должны быть готовы, придадут нам еще больше силы, и когда, опьяненная победами, буржуазия протрезвится и у нее начнется похмелье, нашей партии снова представится случай сказать свое слово. Во всяком случае, немецкие рабочие своим образцовым поведением во время войны доказали, что они знают, о чем идет дело, и что из всех партий лишь они одни правильно понимают историю нашего времени, между тем как буржуазию упоение победами совершенно опьянило.

Я уже пять месяцев живу здесь, в Лондоне. Сомневаюсь в том, сможете ли вы и в будущем принадлежать к Международному товариществу рабочих иначе как принципиально, ибо в Германии, повидимому, намереваются квалифицировать принадлежность к этому Товариществу как преступление. Во всяком случае, будьте уверены, что каковы бы ни были обстоятельства, здесь позаботятся о том, чтобы объединение всего европейского и американского пролетариата, начало которому было положено семь лет тому назад, не распалось. А это — самое главное.

С братским приветом жму руку

Ваш Ф. Энгельс.

67.

Энгельс — Рудольфу Энгельсу
в Энгельскирхен.

Лондон, 10 марта 1871 г.

Дорогой Рудольф!

Так как я еще не знаю здесь ни одного адвоката, который был бы в курсе коммерческих дел и на которого можно было бы в этом отношении положиться, то, обдумав, я решил написать в Манчестер тому человеку, который составлял для вас договор с Функе. Мне самому дело представлялось совершенно ясным, но в вопросах английского права лучше всего не полагаться на здравый человеческий смысл. Между тем, на этот раз адвокат говорит следующее: закон и здравый смысл единогласно признают, что выход одного из компаньонов германской фирмы из германской фирмы ничем не отражается на фирме в Англии, и английская фирма не имеет права вмешиваться в это дело. С другой стороны, ни один компаньон английской фирмы не может выйти из дела до истечения срока без согласия прочих членов этого предприятия.

Итак: 1) положение Адольфа в фирме «Р. Функе и К^о» остается и после его выхода из фирмы «Эрмен и Энгельс» в Бармене тем же; и 2) для того, чтобы Адольф мог выйти и из фирмы «Р. Функе и К^о», вы должны получить не только его согласие, но и согласие *Функе*. Об этом последнем пункте вы, быть может, и не думали.

Так как эти вопросы касаются также и Адольфа, а я в данном случае не могу стать ни на ту, ни на другую сторону, то я сообщу ему сегодня то же самое.

Эта информация обошлась мне в 10 шиллингов 6 пенсов = 3,15 талера, каковые и прошу записать в счет должных мне сумм.

Я нахожу вполне естественным, что Адольф желает при первой возможности выйти из дела. Зимой в Энгельскирхене страшно скучно, и *ты*, конечно, не будешь на него сердиться за то, что ему хочется и других развлечений, кроме вечных семейных попоек. Меня удивляет только то, что он так долго выдерживал, — я закричал бы караул гораздо раньше и делал бы это гораздо чаще. Тебе с Германом легко говорить, но вы оба всячески отбояриваетесь от того, чтобы переехать в Энгельскирхен, и вам меня не убедить, что это происходит лишь потому, что вы ничего не понимаете в производстве, — вы ведь могли бы изучить его, это принесло бы вам большую пользу. Адольф может и вне дела найти не мало приятных и подходящих для него занятий, и тот, кто в состоянии

это сделать, совершенно прав, если выходит из дела, как только для этого представляется возможность. К этому вы давно должны были быть готовы, и если это теперь произойдет, то вы можете быть заинтересованы лишь в том, чтобы он вышел из фирмы как можно скорее. Поэтому я совершенно не понимаю, почему вы так огорчаетесь из-за этого. Предоставьте Адольфу действовать, как ему хочется, произведите дружески раздел и приноровитесь к новым условиям, при которых каждый из вас будет ведь получать больше процентов, чем прежде.

Готфрид, повидимому, не испытывает больших затруднений, — старая фабрика в Уист-Лен пустовала, и ее можно было получить, машины тоже легко достать, в Манчестере можно через других лиц многое добыть и т. д., — так что вам не следует питать слишком больших надежд. Впрочем, само собой разумеется, что я морально обязан не причинять никакого вреда бывшему компаньону, который заплатил мне за мой выход из фирмы круглую сумму. Но для чего у вас агенты и коммивояжеры? Если они сделают то, что они обязаны делать, вам не нужна никакая другая информация.

Я сомневаюсь в том, будто здешние (и теперь распространившиеся почти во всем мире) симпатии к Франции вызваны тем, что Франция больше вас бита. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что если когда-либо впоследствии пруссаки будут биты (что отнюдь не невероятно), то они будут пользоваться не симпатиями, а их подымут насмех. Вы не видите дальше своего собственного носа; но вслед за опьянением победой достаточно скоро последует похмелье, и тогда вы сами вряд ли будете в восторге от себя. Несмотря на всю вашу мощь и весь ваш блеск, вас так же околпачивают, как и раньше: Ольмюцкий мир был заключен в Варшаве, где ваш верховный повелитель, русский император, приказал вам покориться Австрии и Союзному совету. Теперь, когда вы надолго сделали Францию своим врагом (ведь ее граница все же будет соприкасаться с вашей), вашей единственной защитой является Россия, которая вскоре заставит вас заплатить ей за покровительство. Сейчас вы в большей степени находитесь под русским господством, чем когда-либо раньше.

Передай, пожалуйста, привет маме и скажи ей, что я на этих днях ей напишу. Привет твоей жене и детям, всем братьям и сестрам и всему тому, что копошится около них.

Твой Фридрих.

66.

Энгельс — Филиппу Кунену

в Антверпен¹.

Лондон, 5 апреля 1871 г.

Генеральный совет Международного товарищества рабочих, 256, High Holborn, W. C.

Гражданину Ф. Кунену, Антверпен.

Уважаемый гражданин!

Как я уже сообщил Вам в своем последнем письме, я счел своим долгом доложить содержание Вашего письма относительно стачки сигарщиков Центральному совету на его вчерашнем вечернем заседании. Одновременно я просил Совет оказать нашим антверпенским членам всяческую возможную помощь и поддержку.

Мое предложение было энергично поддержано, особенно гражданином Когеном, председателем лондонских сигарщиков, который сообщил Совету, что сигарщики его союза приняли решение предоставить своим антверпенским товарищам заем в 150 ф. ст., т. е. около 3 750 фр.; что общество работающих здесь бельгийских сигарщиков ассигновало 20 ф. ст.; что его союз вошел в сношения с другим здешним союзом и с союзом ливерпульских сигарщиков, прося их ассигновать средства для поддержки стачки и т. д.

Совет затем единогласно постановил:

1) Немедленно составить призыв к английским тред-юнионам (sociétés de resistance) Лондона и провинции, отпечатать его и разослать всем союзам, чтобы побудить их выступить в пользу антверпенских стачечников...

2) Послать от Совета депутации к крупным союзам, сосредоточенным в Лондоне, с которыми мы поддерживаем связь, чтобы склонить их к тому же.

Так как я узнал от гражданина Когена, что Вы уже предприняли необходимые шаги для того, чтобы помешать антверпенским фабрикантам нанять голландских сигарщиков, и что подобные попытки здесь, в Англии, не имеют никаких шансов на успех, то мне оставалось только написать для Вас небольшую заметку в нашу немецкую лейпцигскую газету «*Volksstaat*», где я рассказываю о том, как возникла стачка, и призываю немецких сигарщиков воспрепятствовать всякому найму рабочих для отправки в Антверпен и, если возможно, ссудить нам денег на поддержку стачки. Эта заметка будет

¹ Копия, написанная неизвестной рукой.

опубликована на будущей неделе; кроме того, я просил редактора заняться вашим делом.

Каков будет успех всех этих шагов, судить об этом заранее трудно. Если английские союзы согласятся дать нам ссуду, то пройдет несколько недель, прежде чем необходимые формальности будут закончены. Немецкие союзы едва ли будут в состоянии дать ссуду, так как война, вероятно, разорила их.

Пока же держите меня, пожалуйста, в курсе событий, имеющих отношение к стачке, для того, чтобы в случае необходимости я мог действовать, не теряя времени. Правда ли, что, как это утверждает гражданин Коген, 3 000 брюссельских сигарщиков также объявили стачку? Совету об этом ничего не сообщали, и если это действительно так, то брюссельцы поступили очень нехорошо; как можем мы действовать, если нам ничего не сообщают?

С некоторого времени до нас перестали доходить экземпляры «*Werker*», предназначенные для Совета. Генеральный совет должен получать по два экземпляра каждой из наших газет, — один предназначается для библиотеки, где мы собираем полную коллекцию всех этих газет, чтобы ими можно было воспользоваться для будущей истории пролетарского движения во всех странах, а второй предназначается для секретаря той страны, в которой издается газета. Было бы очень жаль, если бы «*Werker*» перестал до нас доходить, мы читали его всегда с большим вниманием.

150 ф. ст. будут посланы Вам сегодня. Если они не придут в течение 24 часов после получения настоящего письма, напишите, пожалуйста, немедленно гражданину Когену, адрес которого у Вас есть.

Я почту своим долгом сделать все возможное для антверпенских рабочих, которых я имею честь представлять в здешнем Совете; только, пожалуйста, извещайте меня обо всем, что происходит.

Примите мой братский привет.

Фридрих Энгельс.

69.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 5 апреля [18]71 г.

Дорогой Либкнехт!

Нельзя ли будет втиснуть прилагаемое в ближайший «*Volke-*

staat»? Именно эта стачка имеет для И[нтернационала] в Бельгии чрезвычайно большое значение ¹.

Поздравляю тебя с освобождением.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Если бы немецкие сигарщики могли дать антверпенцам ссуду, то это следовало бы сделать. Эльберфельдское воззвание было *вчера* получено Генеральным советом для дальнейшего направления и уже отослано ². Я его прочел.

70.

Марке — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 6 апреля 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Известие, что ты и Бебель, а также и брауншвейгцы освобождены, было здесь, в Центральном совете, встречено великим ликованием.

Повидимому, если парижане терпят поражение, то это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *honnêteté* [порядочности], — Центральный комитет, а затем и Коммуна дали *mischievous avorton* [злополучному выродку] Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) потому, что они по глупости не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание должно было лишь решить вопрос о войне или мире с пруссаками и не объявило немедленно войну *республике*? 2) Чтобы их нельзя было упрекнуть в противозаконном захвате власти, они потеряли драгоценные мгновения на избрание Коммуны, организация которой и т. д. опять-таки потребовала времени, — а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (Вандомская площадь).

Из всего того хлама, который ты находишь в газетах о внутренних событиях в Париже, ты не должен верить ни одному слову. Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомаранье не проявлялось в таком блеске.

¹ Речь идет о стачке антверпенских сигарщиков. См. выше письмо № 68. Заметка Энгельса была напечатана в «Volksstaat» от 12 апреля 1871 г., см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

² Энгельс имеет в виду адрес лассальянских избирателей города Эльберфельда, содержавший поздравление парижским рабочим в связи с победой Коммуны.

Крайне характерно, что император единой Германии, единое государство и единый парламент в Берлине словно *вовсе не существуют* для внешнего мира. Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса.

Вам надо внимательно следить за событиями в *придунайских княжествах*. Если революция во Франции потерпит временное поражение, — а движение там может быть подавлено лишь на короткое время, — тогда с востока на Европу надвинется новая война, а Румыния послужит для этого православному царю первым предложением. Значит, внимание в эту сторону!

Одно из комичнейших явлений в Лондоне — без сомнения, экзотический Карл Блинд. Этот самодовольный бурш жадно ухватился за войну, чтобы похвастать своими пангерманскими стремлениями. Он первый потребовал Эльзас и Лотарингию. Он имел даже наглость отрицать великую революционную деятельность французского народа в прошлом. Этот паршивец смеет даже предостерегать здешних рабочих, чтобы они своим сочувствием Франции, направленным против пруссаков, не восстановили против себя *рабочих в Германии!* Еженедельно этот рыцарь рассылает отчеты собственного сочинения о деятельности Карла Блинда во все лондонские газеты, из которых две-три оказываются действительно настолько глупы, что печатают эти бюллетени Карла Блинда о Карле Блинде для Карла Блинда. Если последовательно проводить такую систему, то можно в конце концов навязать себя публике. Таким путем эта влиятельная особа уверила часть здешней публики в том, что она играет в Германии ту же роль, какую играл в свое время Мадзини в Италии. В своих бюллетенях он повествует о том, что Карл Блинд изволил изречь в венской «Freie Presse» и как к его пророчествам с замиранием сердца прислушивается вся Германия, еженедельно с трепетом ожидающая очередного лозунга Карла Блинда. Право, было бы желательно, — так как этот индивид, эта напыжившаяся лягушка ставит здесь нас, немцев, в смешное положение, — чтобы вы в «Volksstaat» вывели, наконец, этого субъекта на свежую воду и показали его «ничтожество» («Nichtigkeit»). Мы перевели бы вашу статью для «Eastern Post» (лондонская рабочая газета). Дело обстоит очень просто. Карл Блинд *не существует* для германского рабочего класса, а германский *республиканский средний класс*, глашатаем которого он себя величает, вообще не существует, не существует, следовательно, и *для Карла Блинда*. He is nowhere [его нет нигде]. Таких субъектов не следует, конечно, принимать всерьез, но, с другой стороны, не следует также позволять им морочить публику своими ложными претензиями.

Лаура была уже в Бордо за несколько дней до того, как началась осада Парижа. Наши девочки — Тусси и Женнихен (у последней был плеврит) — тоже скоро уезжают в Бордо.

Я буду очень благодарен Бебелю, если он будет мне регулярно присылать стенографические отчеты берлинского объединительного рейхстага.

Своим посещением ты нас здесь очень обрадуешь.

«Volksstaat» необходимо теперь во что бы то ни стало сохранить. Я надеюсь достать на это денег.

Мой самый сердечный привет твоей милой жене.

Твой К. М.

Не можешь ли ты прислать мне надежный адрес в Лейпциге? Кстати. Прилагаю тебе из «Petit Journal» (выходит в Париже) от 5 апреля пикантную заметку о Штибере.

71.

Марке — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, около 10 апреля¹ 1871 г.

Дорогой Вильгельм!

Делаю тебе наспех только два сообщения, которые ты мог бы, пожалуй, использовать для «Volksstaat».

1) В опубликованных теперь официально «Papiers et Correspondance de la Famille Impériale» [«Документах и переписке императорской фамилии»] значится под буквою «V» (лица, получавшие деньги, приводятся в алфавитном порядке) — *verbo tenus* [дословно]:

«*Vogt, il lui est remis en août 1859 40 000 fr.*» [*Фогт*, выдано в августе 1859 г. 40 000 франков].

2) В то время как в Германии правительство Бисмарка переписку со мной трактует как уголовное дело (см. Брауншвейгский процесс, точно так же, как в свое время Кельнский процесс коммунистов), во Франции оно старается навести на меня подозрение (а тем самым и на *Интернационал в Париже* — такова цель всей махинации) как на *агента г. Бисмарка*. Это делается при помощи органов старой бонапартистской полиции, все еще связанной международными узами — особенно в условиях тьеровского режима — со штиберовской полицией.

Таким образом, я был вынужден в «Times» опровергать различные измышления «Paris-Journal», «Gaulois» и пр., ибо эта нелепица сообщалась английским газетам *по телеграфу*. Новейшее измышле-

¹ В оригинале ошибочно: «14 марта».

ние появилось в закрытом на-днях Коммуною «Soir» (газете Абу, известного плон-плониста) и из «Soir» перекочевало во все провинциальные реакционные газеты Франции. Например, от Лауры (между прочим, Лафарг находится сейчас в Париже в качестве делегата от Бордо) я сегодня получил следующую вырезку из газеты «La Province» (вчера я получил такую же вырезку из одной *бельгийской* повской газеты):

«Париж, 2 апреля. Разоблачение, о котором сообщили из Германии, вызывает здесь большую сенсацию. В настоящее время установлено с полной достоверностью, что Карл Маркс, один из влиятельнейших вождей *Интернационала*, был в 1857 г. *личным секретарем графа Бисмарка* и никогда не порывал сношений со своим бывшим *патроном*».

Такой Штибер был бы поистине «ужасен»!

Твой К. М.

72.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 12 апреля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Твои медицинские советы оказали то действие, что я обратился к своему доктору Матесону и лечусь пока у него. Он находит, однако, что мои легкие в полном порядке и кашель объясняется бронхитом и т. п. Но кашель может повлиять на печень.

Вчера мы получили далеко не утешительное известие о том, что Лафарг (не Лаура) находится в настоящее время в Париже.

Если ты помотришь последнюю главу моего «18 Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнению, ближайший подъем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а *разрушить* эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей (*Parteigenossen*). Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан! После шестимесячного голода и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает другого примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет

не что иное, как их «великодушные». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть самой парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

Кстати. В *официальном издании* документов о субсидиях, выданных непосредственно из кассы Луи Бонапарта, имеется указание, что Фогт получил в августе 1859 г. 40 000 франков! Я сообщил это Либкнехту для дальнейшего использования.

Ты можешь послать мне Гакстаузена, так как в *последнее время* я получаю в сохранности различные брошюры и пр. не только из Германии, но даже из Петербурга.

Благодарю за присылку газет (прошу посылать их больше, так как я хочу кое-что написать о Германии, рейхстаге и т. п.).

Сердечный привет Графине и Совушке.

Твой К. М.

73.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон,] 13 апреля 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Эти 80 талеров ты можешь использовать либо для своей семьи, либо для «Volksstaat»¹. И та, и другая — «пострадавшие» в последней войне.

Стихотворения Фрейлиграта у меня нет. Оно появилось в 1851 г., но было также помещено в «Morgenblatt» Котта; эту газету тебе, может быть, удастся найти в Лейпциге.

¹ В оригинале ошибочно: «Volksblatt».

Перепечатку из «Revue der Rheinischen Zeitung» я не считаю полезной без введений, дополнений и пр., а для этого сейчас едва ли время.

Энгельс просит тебе передать, что его статья в «Deutsch-Französische Jahrbücher»¹ имеет сейчас только историческое значение и, следовательно, для практической пропаганды уже не годится. Напротив, из «Капитала» тебе следует помещать большие отрывки, например выдержки из главы о «первоначальном накоплении» и пр.

Микель *состоял* в Союзе (коммунистов) и не мало кичился в королевстве Ганновер своей ролью специального советника Союза по местным делам. Это ты можешь напечатать, но не упоминай моего имени, так как я ведь должен блюсти эту «тайну», если только сам Микель не вынудит меня заговорить.

Heiss' mich nicht reden, heiss mich schweigen,
Denn das Geheimnis ist mir Pflicht!

[Позволь мне умолчать о нем,
Ведь тайну сохранить — мой долг!]

«Коммунистический манифест» не может, конечно, выйти без нового предисловия. Мы с Энгельсом постараемся что-либо в этом роде приготовить.

Сердечный привет твоей милой жене.

Твой К. М.

74.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон [около 15 апреля 1871 г.]

Дорогой Либкнехт!

Перепечатывать теперь в «Volksstaat» мою старую статью из «Deutsch-Französische Jahrbücher» нельзя ни в коем случае. Она *совершенно устарела* и полна неточностей, которые лишь сбили бы с толку читателя. К тому же она написана еще целиком в гегелевской манере, которая тоже теперь уже абсолютно не подходит. Статья имеет значение разве только как исторический документ.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

¹ Речь идет о статье Энгельса «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie» [«Очерки критики политической экономии»]. См. Сочинения, т. II, стр. 293—320.

75.

Марке — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 17 апреля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Твое письмо получил. В настоящее время у меня полны руки дел. Поэтому пишу только несколько слов. Для меня совершенно непонятно, как ты можешь сравнивать мелкобуржуазные демонстрации вроде 13 июня 1849 г. и пр. с теперешней борьбой в Париже.

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Парижане знали это очень хорошо. Это знали и буржуазные версальские каналы. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожачков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван.

Прощай!

К. М.

76.

Энгельс — Георгу Эккарису

в Лондон.

[Лондон,] 19 апреля 1871 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Эккарису!

Сообщаю нижеследующее о барселонских стачках, — для того, чтобы сберечь труд, сразу по-английски.

Гг. «Братя Бетль» в Барселоне владеют большим хлопчатобу-

мажным прядильным и ткацким предприятием, на котором занято около 900 человек.

Они не только платят гораздо более низкую заработную плату, чем всякая другая фирма в этой отрасли промышленности, но и постоянно пытались еще больше снизить заработную плату путем замены мужчин женщинами и взрослых рабочих — детьми. За последнее время они рассчитали всех без исключения рабочих, подозревавшихся в принадлежности к профессиональному союзу объединенных кардовщиков, прядильщиков и ткачей. 26 февраля члены этого союза устроили большой митинг для обсуждения положения на фабрике гг. Бетль. Были единогласно приняты новые ставки, которые, хотя и превышали несколько существовавшие до сих пор расценки, все же были гораздо ниже минимальных ставок, уплачиваемых другими; была назначена депутация для того, чтобы потребовать введения этих ставок; в случае отказа, рабочие, занятые на фабрике, должны были бросить работу.

Депутация не была даже и принята, так как гг. Бетль отказались принять какую бы то ни было депутацию, кроме депутации своих собственных рабочих. Эта новая депутация предложила список новых расценок, но встретила решительный отказ. Все рабочие немедленно бросили работу, за исключением приблизительно 25 человек, большинство которых затем присоединилось к стачке. Это произошло 24 февраля, следовательно, рабочие бастуют уже целых 9 недель, и фонды, имеющиеся в распоряжении союза, начинают иссякать. Остальные секции Интернационала в Испании всеми силами стараются собрать для них деньги, но как раз сейчас им приходится поддерживать очень много стачек. Не говоря уже о других менее важных стачках, стачку объявили бочары Сантандера и дубильщики Валенсии, так как их хозяева настаивают на том, чтобы они вышли из своих профессиональных союзов и из Интернационала. Таким образом, в настоящий момент в Испании бастует всего около 1 500 человек, которых различным секциям Интернационала приходится поддерживать.

Барселона и ее окрестности представляют собой испанский Южный Ланкашир. Там много крупных хлопчатобумажных прядильных и ткацких предприятий, и большая часть населения этого округа живет хлопчатобумажной промышленностью. За последнее время рабочие не мало страдали от конкуренции английской пряжи, и в Испании произвело бы чрезвычайно сильное впечатление, если бы ланкаширские рабочие хлопчатобумажной промышленности сделали что-нибудь для испанских хлопчатобумажных прядильщиков

и ткачей на механических станках. Оживленная и тесная торговая связь между различными странами мира привела к тому, что каждое событие, затрагивающее общество одной страны, неизбежно оказывает влияние и на все прочие страны; и ничего удивительного нет в том, если всеобщее понижение заработной платы в испанской хлопчатобумажной промышленности (а это представляется неизбежным, если эта стачка кончится неудачей) приведет в конечном счете также и к понижению заработной платы в Южном Ланкашире.

(Форму денежной помощи — пожертвования или ссуды — следовало бы предоставить усмотрению самих жертвователей. Пересылку Совет может взять на себя или жертвователи могут посылать деньги непосредственно, так как адрес известен.)

С сердечным приветом

твой Ф. Э.

77.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 20 апреля 1871 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Либкнехт!

Сообщаю тебе в самом спешном порядке кое-что о так называемой «International Democratic Association» [Международной демократической ассоциации], тебе, вероятно, совершенно неизвестной и которую ты мог бы поэтому спутать с нами. Это — карикатура на Международное товарищество рабочих, прозябающая здесь уже несколько лет во мраке, но время от времени проявляющая стремление громогласно выступать перед публикой, т. е. выставить себя на посмешище, и не лишенная известной тенденции сойти незаметно за Международное товарищество рабочих. Так как эти люди в прошлое воскресенье опять устроили в Гайдпарке митинг по поводу Парижской Коммуны, который под их руководством *должен* был неминуемо провалиться (они даже распространили слух, будто мы послали туда представителей, хотя мы наотрез отказали в этом присланной к нам делегации), и так как теперь они хотят создавать также филиальные общества на континенте и пошлют, вероятно, и тебе соответствующие предложения, — то необходимо рассказать тебе, что это за люди. Это, во-первых, старый пфальцский буян Вебер, которого ты знаешь, и, во-вторых, Ле-Любе, с которым ты тоже познакомился. Прилагаю тебе вырезку, в которой они путаным языком вещают миру свою путаную программу. Поскольку она вразумительна, она *чисто*

буржуазна: то, что они говорят о помощи рабочим, именно о признании неработоспособных, уже выполнено английским законом о бедных. О капитале и труде они остерегаются произнести хотя бы единое слово. Национализация земли здесь настолько общепризнана, что они не могли ее обойти, но сама по себе она так мало антибуржуазна, что мне один *тори*, обладатель доброго миллиона талеров, заявил позавчера, что он — сторонник этой меры. К тому же Вебер, как ты знаешь, приверженец Гейнцена и чистый «демократ».

Пока эти субъекты здесь кое-как прозябали, мы их игнорировали; но если они захотят развернуть свою деятельность, — конфликты будут неизбежны, и мы их тогда основательно взгреем.

Итак, судя по телеграммам, «*Volksstaat*» был вчера снова конфискован за оскорбление величества. Удивляюсь, что это не случилось еще раньше. Ты очень дерзок; «впрочем, и это вполне в порядке вещей», как говаривал Фридрих II.

К истории с Фогтом следовало бы еще раза два-три вернуться. Что ни о каком ином Фогте, кроме *Карла* Фогта, не может быть и речи, это ясно из контекста. Во-первых, никакой другой Фогт не известен настолько, чтобы его можно было назвать просто «Фогт», без указания имени и адреса. Во-вторых, какой другой Фогт как раз к тому времени настолько выслужился перед династией Бонапарта, чтобы в августе, непосредственно по окончании итальянской кампании, ему сочли нужным выплатить 40 000 франков? Впрочем, самая форма: «*il lui a été remis en août 1859*» [выдано в августе 1859 г.], указывает на то, что деньги выплачивались ему не раз. Чем чаще возвращаться к этому пункту, тем более буржуазная пресса, которая все это замалчивает, будет вынуждена заняться этим. Следовало бы также обратиться на это дело внимание «*Prolet[arier]*» и «*Volkswille*».

Так как опыт мне показал, что агенты Штибера так же неумело вскрывают письма, как и фабрикуют заговоры, то я раз навсегда обращаю твое внимание на то, что *все* мои письма к тебе крепко запечатаны моей печатью с инициалами «Ф. Э.» готическим шрифтом. Пруссаки не умеют еще прилично вскрывать сургуч поверх клея так, чтобы это оставалось незамеченным: обычно они неуклюже надрывают конверт сбоку. Итак, если моя печать не будет ясной и отчетливой, ты уж поймешь, в чем дело. Во всяком случае, этим субъектам будет досадно, если письмо, адресованное тебе и снабженное печатью «Ф. Э.», должно будет пройти через их руки невскрытым.

Почту закрывают. Мне нужно было бы еще кое-что тебе сообщить, но пора кончать.

Твой Ф. Энгельс.

78.

Маркс — Лео Франкелю

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон, 26 апреля 1871 г.]

Дорогой гражданин!

Мне поручено Генеральным советом самым определенным образом опровергнуть гнусную клевету, распространяемую гражданином Ф. Пиа относительно Серрайе¹. Злоба этого человека вытекает из единственного источника: его ненависти к Интернационалу. Через так называемую французскую секцию (branche française) в Лондоне, исключенную Генеральным советом, куда пробрались торговцы, бывшие императорские гвардейцы и барышники², Пиа пытался представить себя миру в качестве тайного вождя нашего Товарищества, к которому он не принадлежит, и сделать нас ответственными за его смехотворные манифестации в Лондоне и его компрометирующие нескромности в Париже, которым гражданин Тридон во время своего пребывания в Брюсселе уже воздал должное. Поэтому Генеральный совет был вынужден публично дезавуировать этого низкого интригана. Отсюда ярость против Дюпона и Серрайе. Когда Серрайе пригрозил гнусным орудиям Пиа, членам так называемой французской секции, привлечь их к английскому суду, чтобы они там повторили клевету, которую Пиа распространяет теперь в Париже, французская секция сама дезавуировала их и заклеимила как клеветников.

Генеральный совет на этих днях опубликует воззвание по поводу Коммуны. До сих пор он откладывал этот манифест, так как ждал со дня на день точных сведений от Парижской секции. Тщетно! Ни слова! Совет не мог больше медлить, потому что английские рабочие с нетерпением ждут от него разъяснений.

Между тем, времени не теряли. Путем переписки различных секретарей с секциями континента и Соединенных Штатов рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой великой революции Парижа³.

Поскольку политическая жизнь Серрайе не представляет никаких поводов для клеветы⁴, стали нападать на его [Серрайе] частную жизнь. Если бы частная жизнь⁵ Пиа была бы так же чиста, как

¹ Зачеркнуто: «делегата Совета».

² Зачеркнуто: «орлеанисты».

³ Зачеркнуто: «гнусной клеветы этих людей».

⁴ Зачеркнуто: «даже г. Пиа—личности знаменитой», храбрость которого вошла в поговорку».

⁵ Зачеркнуто: «собака».

жизнь Серрайе, ему не пришлось бы подвергаться некоторым тяжким оскорблениям здесь, в Лондоне ¹.

Я получил письмо от гражданина ², и он был у меня в связи с присылкой того, что Вам известно. В Париже допустили ту ошибку, что не передали [сюда] всех бумаг, необходимых для облегчения операций. Теперь у Вас должны быть трехпроцентные бумаги, которые котируются свободно и которые можно продавать по курсу дня. Гражданин даст Вам все необходимые объяснения. Можно вполне спокойно доверить ему документ.

[К. М.]

79.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 28 апреля 1871 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман!

Из вышеприведенного адреса Вы видите, что я окончательно поселился в Лондоне. Это произошло еще прошлой осенью, так как к этому времени я, наконец, покончил со своими различными делами в Манчестере. Я во всех отношениях доволен переездом. Моя новая квартира расположена меньше чем в десяти минутах ходьбы от дома Маркса, что, по здешним понятиям, очень близко, к тому же перед самыми дверьми расположен парк, и у меня великолепный свежий воздух.

Что касается состояния М[аркса], то у Вас составилось на этот счет слишком мрачное представление. Прежде всего о Вашем смелом диагнозе, приписывающем его кашель легочному катару. У Маркса и у меня есть здесь очень дельный молодой врач (шотландец), который так же хорошо умеет выстукивать и выслушивать, как и большинство немецких врачей, и он сказал то же самое, что я думал давным-давно, а именно: кашель горлового происхождения, легкие же совершенно здоровы. Он говорит, что, конечно, не очень-то легко устранить такой запущенный и застарелый кашель, и предсказывает, что он возобновится осенью, если даже пройдет летом. Но он считает, что при надлежащем лечении серьезного в этом ничего нет. Кашель был неприятен прежде всего тем, что мешал Марксу спать, и ослаблял таким образом общее состояние его здоровья. В настоящее время это более или менее устранено. Врач лечит главным образом

¹ Зачеркнуто: «резюме: преступление Серрайе состоит в том, что он настойчиво сопротивлялся, расстроил»..., далее рукопись прерывается.

² См. далее письмо Маркса — Бизли от 12 июня 1871 г.

его печень и уже добился в этом отношении некоторых результатов; но Вы понимаете, что при хронической болезни, которая, насколько мне известно, тянется уже 26 лет более или менее непрерывно, лечение очень быстро не может подвигаться. Впрочем, образ жизни М[аркса] не так уже ненормален, как это себе представляют. С тех пор как началось возбуждение, вызванное войной, он не работает над серьезными теоретическими вопросами и ведет довольно рациональный образ жизни, часто даже ходит, не дожидаясь того, чтобы я за ним заходил, на полтора-два часа или двухчасовые прогулки, по целым неделям не пьет ни капли пива, как только начинает замечать, что оно плохо на нем отзывается; при его состоянии ничего нет удивительного в том, что у него капризный аппетит и что отсутствие аппетита сменяется у него сильнейшим голодом. Вам нечего опасаться того, что его кожа потеряет чувствительность, если не считать тех довольно обширных мест, где верхний кожный покров совершенно разрушен карбункулами. Прогулка через Хайгейт в Хемпстед и обратно в Мейтленд-парк составляет приблизительно полторы немецких мили, причем часто приходится подыматься и спускаться по крутым склонам, а наверху больше озона, чем можно найти во всем Ганновере. Эту прогулку, по крайней мере частично, он совершает три-четыре раза в неделю. Конечно, часто мне приходится его гнать, но он знает, что это приносит ему пользу. Живет он, как и я, на уровне примерно 150 футов над Темзой в незастроенной местности с почти пригородным воздухом, среди больших садов и немногочисленных домов. Этой здоровой обстановке я приписываю то, что здоровье его находится не в худшем состоянии.

Меня только что позвали к обеду, и так как глупая почта через полчаса закрывается, то я должен прервать письмо. Во всяком случае, предыдущего должно быть достаточно, чтобы смягчить Ваше несколько преувеличенное беспокойство. Я никак не могу жить без движения на свежем воздухе, а потому М[арксу] волей-неволей приходится ходить со мной, и это для него — наилучшее лекарство.

С сердечным приветом

Ваш Ф. Э.

80.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон,] 4 мая 1871 г.

Дорогой Library!

Сообщаю наспех только следующее.

«Papiers et Correspondance de la Famille Impériale» [«Документы

и переписка императорской фамилии)], где, между прочим, фигурирует *Фогт*, как субсидируемый из династических сумм, были опубликованы не *Коммуной*, которой некогда заниматься такими пустяками, а *правительством обороны*, этими честными республиканцами, Жюлем Фавром и К^о, которыми так восхищается Фогт в своих письмах к Кольбу¹.

Из этих официальных публикаций печатались извлечения почти во всех парижских газетах (в особенности *фамилии получавших субсидии*). Вырезка, которую я прилагаю, взята из «Petit Journal» (номер от 3 мая 1871 г.), — газеты, которая по сей день ведет в Париже ту же полемику против Коммуны, что и сеньор Фогт в Вене. По сродству душ с Фогтом она даже ставит вопросительный знак вслед за его фамилией.

Между тем, сам Фогт в заключение своей мазни отказывается от всего, что наболтал: «Возможно *даже*, — заявляет он, — что уже в 1859 г. злоупотребляли моей фамилией, правда, повидимому, без упоминания моего имени Карл».

Итак, Луи Бонапарт злоупотреблял «Фогтом», когда записывал его в свою расходную книгу! «Фогт», субсидируемый Луи Бонапартом в августе 1859 г., «Фогт» как таковой, Фогт без «имени», Фогт *sans phrases* [без лишних слов] — это мог быть, разумеется, только «знаменитый» Карл Фогт Женевский! Господин Фогт знает это так хорошо, что сам говорит: «Моей фамилией злоупотребляли». Честный муж чувствует себя настолько задетым, что даже не пробует извернуться при помощи простой ссылки на то, что на свете есть много «Фогтов», равно как и много «Карлов». И что ему за дело, если какой-то безымянный «Фогт» получил в августе 1859 г. 40 000 франков из императорской центральной кассы? Нет, говорит Фогт, я — настоящий Фогт, тот самый Фогт, которого называют и без «имени», но «моей фамилией» «злоупотребляли»!

Из всего этого ты должен составить надлежащую заметку для своей газеты. Было бы нелепостью молчать об этом в угоду г. Вейсу и подобным ему субъектам из Народной партии.

Твой К. М.

¹ Маркс имеет в виду брошюру Карла Фогта «Politische Briefe an Friedrich Kolb» [«Политические письма к Фридриху Кольбу»], изданную в конце 1870 г.

81.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон,] 5 мая 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Вчера вечером, получив твое письмо, я тотчас же ответил, но в письме сделал ошибку. «*Petit Journal*», в котором напечатана заметка о Фогте, датирован 25 марта 1871 г. Эта дата важна. «*Journal*», подобно другим парижским газетам, начал печатание списков лиц, получивших субсидии, задолго до революции 18 марта и продолжал его после революции. Закончил он его 25 марта субъектами, фамилии которых начинаются с буквы «V».

Твой К. М.

82.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон,] 5 мая 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Прилагаю статью для «*Volksstaat*»¹.

Антверпенские сигарщики утверждают, что они во время большой стачки немецких рабочих-сигарщиков послали им 3 000 франков. Стачка в Антверпене и Брюсселе еще продолжается, и если дело с 3 000 франков действительно обстоит так, то прямым долгом немцев было бы вернуть теперь эти деньги. Наведи, пожалуйста, справки относительно этого и в соответствии с результатом напиши коротенькую заметку в «*Volksstaat*».

Речи и статьи Бебеля нам здесь *очень* нравятся. Его речь во время дебатов об основных правах была превосходна; непринужденность, с которой рабочий свысока высмеивает всяких попов, юнкеров и буржуа, была действительно наилучшим из всего, что произошло в берлинском болоте.

Мы обрадовались, узнав, что ты скоро собираешься сюда. Само собой разумеется, что ты можешь жить либо у М[аркса], либо у меня. Мы это устроим.

Женни и Тусси в Бордо у Лафаргов, прибыли туда в прошлый понедельник.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

¹ Речь идет о статье Энгельса «*Abermals Herr Vogt*» («Еще раз господин Фогт»), напечатанной в № 38 «*Volksstaat*» от 10 мая 1871 г.

83.

Энгельс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 10 мая 1871 г.

Дорогой Юнг!

Вопрос, о котором идет речь, обсуждался предварительно Марксом и мною уже неоднократно, и сегодня вечером мы опять затронули его. Мы приходим все же лишь к тому заключению, что имеется только два заслуживающих внимание кандидата на это место, именно: Хейлз и Моттерсхед. То, что Вы говорите относительно Х[ейлза], вполне правильно, и если его предложат, то можно поставить условием, чтобы он реабилитировался более удовлетворительным образом, чем он это делал до сих пор; что касается того обстоятельства, что он исполняет должность надсмотрщика, то ведь такую же должность занимает и Дюпон и, пока он ведет себя порядочно в других отношениях, это обстоятельство, хотя и несколько неприятное, не должно являться абсолютным препятствием. В общем мы считаем, что его следовало бы предпочесть М[оттерсхеду], темперамент которого не очень подходит для успешной агитации среди лондонских масс, — а она должна составлять главную обязанность секретаря. — Что касается незнания языков, то тут ничего не поделаешь, пока Вы сами не можете занять эту должность, а я боюсь, что Вы этого не можете сделать; поэтому нам придется взять англичанина. С одной стороны, я полагаю, что незнание языков не может считаться серьезным препятствием при нашей теперешней организации; с другой стороны, именно это обстоятельство может способствовать тому, что положение секретаря, бывшее до сих пор довольно неопределенным, будет определено более четко. Надо составлять протоколы и вести корреспонденцию с английскими секциями и в то же время распространять влияние Товарищества среди лондонских масс, делая его независимым от рабочей аристократии и ее признанных лидеров. Если мы сможем найти человека, способного и готового делать это, то наши 15 шиллингов окупятся, вероятно, в большей степени, чем до сих пор. Мы не должны забывать, что вакансия, которую нужно заполнить, не есть должность «генерального секретаря» Товарищества, как любил именовать себя Экк[ариус], а лишь должность секретаря Генерального совета, — должность, ограничивающая официальные обязанности секретаря работой, выполняемой им на заседаниях Совета, и ведением корреспонденции с английскими секциями (насколько я знаю, англо-американскую корреспонденцию приходится вести только в случае специальной о том резолюции); другими словами,

он является одновременно секретарем для Великобритании и, как таковой, должен вести агитацию в этой стране, чего Э[ккарюс] никогда не делал, но что, тем не менее, чрезвычайно важно. Эту последнюю часть его обязанностей М[аркс] и я считаем наиболее важной.

Как бы то ни было, Вам придется поговорить об этом и подумать, что можно сделать.

Во всяком случае, вот Вам наше мнение (конечно, конфиденциальное), поскольку Вы запрашивали о нем; торопиться нечего, и, может быть, следовало бы найти какое-либо временное решение, но это уж дело Вашей комиссии, равно как и все остальное.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Ребята, которые сбежали с форта Исси, не дожидаясь атаки, заслуживают расстрела. Благодаря этому акту трусости положение значительно ухудшилось.

84.

Маркс — Лео Франкелю и Луи-Эжену Варлену

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон,] 13 мая 1871 г.

Дорогие граждане Франкель и Варлен!

Я виделся с подателем [письма].

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналов? Подобная мера предосторожности никогда не помешает.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер.

Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается помещать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Повидимому, наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Пруссаки не передадут фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира (26 мая) ¹ помогут правительству окружить Париж своими жандармами.

Так как Тьер и компания в своем договоре, заключенном Пуйэ-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, — иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления *их* договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!

[К. М.]

85.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон, начало июня 1871 г.]

Дорогой Юнг!

Как только будет готова одна часть, пусть мне пришлют корректурные листы ².

Как зовут теперешних швейцарских членов Генерального совета?

И кто такой Седлер?

С братским приветом

К. М.

86.

Маркс — Эдуарду-Спенсеру Бизли

в Лондон ³.

Лондон, 12 июня 1871 г.
1, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь!

Лафарг, его семья и мои дочери находятся в Пиренеях у испанской границы, но на французской стороне. Так как Лафарг родом с Кубы, то он смог достать испанский паспорт. Все же мне хочется,

¹ Далее вычеркнуто: «позволят Тьеру сделать все».

² Брошюра «Гражданская война во Франции 1871 г.».

³ Перевод с текста, опубликованного в «Vorwärts», 31. März 1909, Beilage 1.

чтобы он окончательно поселился на испанской стороне, так как в Бордо он играл крупную роль.

Несмотря на мое восхищение Вашими статьями в «Beehive», я почти сожалею, что нахожу Ваше имя в этой газете. Разрешите мне, между прочим, заметить, что я в качестве партийного человека занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму, а как человек науки очень невысокого мнения о нем, но Вас я считаю единственным контистом как в Англии, так и во Франции, который рассматривает поворотные пункты (crises) в истории не с точки зрения сектанта, а с точки зрения историка в лучшем смысле этого слова. «Beehive» выдает себя за рабочую газету, на самом же деле — это орган ренегатов, продавшийся Самюэлю Морлею и К^о. Во время последней франко-прусской войны Генеральный совет Интернационала был принужден порвать всякие сношения с этой газетой и заявить публично, что она только выдает себя за рабочую газету. Однако крупные лондонские газеты отказались напечатать это заявление, за исключением местной лондонской «Eastern Post». При таких обстоятельствах Ваше сотрудничество в «Beehive» — слишком большая жертва, которую Вы приносите правому делу.

Одна моя приятельница через три или четыре дня едет в Париж. Я дам ей самые настоящие паспорта, чтобы она отвезла их некоторым членам Коммуны, которые сейчас еще скрываются в Париже. Если Вы или кто-нибудь из Ваших друзей хочет дать туда поручения, напишите, пожалуйста, мне.

Что меня утешает, так это тот вздор, который ежедневно печатается в «Petite Presse» по поводу моих статей и моих отношений к Коммуне и ежедневно присылается мне из Парижа. Это доказывает, что у версальской полиции нет настоящих документов. Мои отношения к Коммуне поддерживались через одного немецкого купца, который в течение всего года разъезжает по делам между Парижем и Лондоном. Все передавалось устно, за исключением двух случаев:

Во-первых, я послал членам Коммуны — через этого же посредника — письмо в ответ на их запрос, каким образом они могли бы продать на Лондонской бирже некоторые ценные бумаги.

Во-вторых, 11 мая, за десять дней до катастрофы, я сообщил тем же путем все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте.

Я получил эту информацию от правой руки Бисмарка — человека ¹, прежде (от 1848 и до 1853 г.) принадлежавшего к тайному

¹ Иоганн Микель.

обществу, вождем которого был я. Этот человек знает, что у меня еще хранятся все отчеты, которые он посылал мне из Германии и о Германии. Он всецело зависит от моей скромности. Отсюда его постоянные старания доказать мне свои добрые намерения. Это — тот же самый человек, который, как я Вам говорил, предупредил меня, что Бисмарк решил меня арестовать, если я в этом году снова приеду к Кугельману в Ганновер.

Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил им Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов [правительства] национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен.

Если бы версальцы нашли эти документы, они не публиковали бы подложных.

Манифест Интернационала появится не раньше среды. Я тогда немедленно пришлю Вам экземпляр. Материал, рассчитанный на четыре-пять листов, был напечатан на двух листах. Это вызвало многочисленные корректуры, просмотры и опечатки. Потому и запоздание.

Преданный Вам

Карл Маркс.

87.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону
в Петербург.

Лондон, 13 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Я с удовольствием займусь «первой главой», но я не могу приступить к этому делу ранее, чем *через две недели*. Вследствие восьминедельной болезни у меня накопилось много работ, которые должны быть выполнены в первую очередь. Тогда же пришлю Вам и список разных мелких исправлений.

Что касается продолжения моего труда, то сообщение «нашего друга» есть результат какого-то недоразумения. Я нахожу необходимой полную переработку рукописи. К тому же мне нехватало до настоящего времени некоторых необходимых документов, которые, однако, должны же в конце концов притти из Соединенных Штатов.

«Наш друг» *должен вернуться в Лондон из своей* торговой поездки¹. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело *рухнет*, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят его в какую-нибудь ловушку своими происками.

Очень благодарю Вас за любезную присылку разных русских книг. Все получено мною в исправности. Я буду очень рад и остальным экономическим сочинениям того же автора². («Примечания к Дж.-Ст. Миллю» у меня есть.)

Несмотря на свою болезнь, я опубликовал недавно Манифест размером листа в два. Как переслать его Вам?

Так как я много разъезжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу Вас направлять впредь Ваши письма и т. п. по нижеследующему адресу одного из моих друзей (без всякого добавления о передаче):

A. Williams, Esq. [А. Вильямс, Эсквайр]. Он живет в моем доме, а потому и адрес его тот же: 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный Вам

М.

88.

Маркс — своим дочерям Женни, Лауре и Элеоноре

в Боссет.

[Лондон,] 13 июня 1871 г.

Дорогие дети!

После шестинедельной болезни я опять совсем здоров, насколько это возможно при теперешних обстоятельствах. Кроме того, в нашем доме настоящая чертовщина. Белят, красят масляной краской, оклеивают обоями, и все перевернули вверх дном. За последний день здесь был такой шум и столько бесконечных переселений из одного угла в другой, что это доконало мою нервную систему, и я жил больше в доме Генерала³, чем у себя.

Мне хотелось бы получить больше подробностей относительно состояния здоровья Женни. Боюсь, — насколько я прочел между строк, — что она не вполне здорова. Вообще говоря, после совещания с компетентными врачами и *получения полной информации*, я

¹ Речь идет о Лопатине и его поездке в Сибирь в целях освобождения Чернышевского.

² То-есть Чернышевского.

³ Энгельс.

полагаю, что вам всем следовало бы оставить французскую часть Пиренеев и переехать в испанскую. Климат там гораздо лучше, и перемена, в которой вы все нуждаетесь, почувствуется гораздо сильнее. Что касается в частности Туля ¹, то его здоровье будет ухудшаться и окажется в еще большей опасности, если он и впредь не будет следовать советам врачей, прекрасно знающих его организм и, кроме того, имевших консультацию с его прежними докторами в Бордо и т. д. Поэтому я надеюсь, что вы не побоитесь небольших хлопот, переедете в более здоровое место и вскоре пришлете мне свой новый адрес, на который я смогу вам прислать мое новое Обращение (Address) ².

Здесь, в Лондоне, жизнь сейчас достаточно скучна. Деревенские родственники толпами шатаются по улицам. Их сразу можно узнать по их растерянному виду, по тому изумлению, с каким они смотрят на все, и по их лихорадочному страху, который они испытывают перед потоком лошадей, кэбов, омнибусов, людей, детей и собак.

Как я слышал, мама и мадам Лормье ведут жестокие бои из-за политики. Я не знаю, дошло ли у них дело до потасовки или же они ограничиваются резкими словами, без членовредительства.

Я получил из Петербурга очень ценные книги и чрезвычайно дружеские письма, в которых мне делаются всевозможные предложения.

Лавров (не Аноров) — довольно хороший малый, не без способностей, но он испортил себе мозги и зря потерял время благодаря тому, что в течение последних 20 лет читал главным образом немецкую литературу (философскую и прочую) этого периода, — самый скверный сорт литературы, какой только существует. Повидимому, он воображал, что раз эта литература немецкая, то она непременно должна быть и «научной».

Г-жа Виванти, повидимому, вышла из своих затруднений с честью. Я не видел ее, но замечаю, что теперь о ней отзываются с похвалой, может быть немного преувеличенной, но ведь в семействе Кэттс, вы знаете, всегда преувеличивают.

Свояченицу Юнга похоронили третьего дня. Бедная девушка! Она умерла в больнице.

Маленький «мастер» во всем, что касается существенного, превосходит. Поэтому прощаешь ему маленькие недостатки, его болтливость,

¹ Поль Лафарг.

² Имеется в виду Обращение или Манифест о Парижской Коммуне («Гражданская война во Франции 1871 г.»).

его самодовольство и бесконечное повторение рассказов о «счастливых речах», которые он в разных местах произносил.

Немецкие «остолопы»-патриоты, конечно, отпраздновали у Боллетера «славное» окончание франко-прусской войны «празднеством в честь мира», на котором, по тевтонскому обычаю, они не преминули «исколотить друг друга в кровь» (*sich blutig zu keilen*).

Керн сначала нашел себе место учителя, а теперь, с помощью Генерала, получил хорошее место инженера на севере Англии.

Д-р Матесон шлет наилучшие пожелания Женни и Тусси. А теперь прощайте, дорогие дети!

Old Nick.

89.

Энгельс — Элизе Энгельс

в Энгельскирхен.

Лондон, 16 июня 1871 г.

Дорогая мама!

Как раз в ту минуту, когда я уселся тебе писать, пришло твое письмо из Лойтесдорфа. Оно заставило меня взглянуть на карту, где мне и удалось найти это место. Оно, должно быть, очень красиво расположено, — как раз там, где горы опять подступают к самому Рейну и где открывается вид на равнину, которая тянется от Андернаха до Кобленца. Надеюсь, что воздух там повлияет на тебя благотворно.

Ты поступаешь правильно, беря с собой в Энгельскирхен компанию веселых молодых девушек. При данных обстоятельствах отношения между обоими соседними домами неизбежно должны быть несколько натянуты и неприятны, а присутствие девушек помешает слишком много об этом говорить. Впрочем, так как дело теперь улажено, обеим сторонам следовало бы оставить тебя теперь в покое, — разговоры все равно ни к чему не приведут, кроме как к раздуванию старой ссоры. Что касается меня, то мне было очень неприятно, когда Рудольф вдруг попросил оказать ему, Герману и Эмилию такую услугу, которой я не мог оказать, не нанеся ущерба Адольфу. Как ты знаешь, Рудольф — чрезвычайно честный малый, притворяясь он не умеет, поэтому его письмо не оставило у меня ни малейших сомнений в том, что все дело хотели сделать за спиной Адольфа. Но Адольф имел точно такое же право на требуемую информацию, как и трое остальных. Дело это было мне настолько неприятно, что я сначала его всячески оттягивал, но, когда они стали бомбардировать меня письмами, мне пришлось решиться, и я не мог, по-моему, не сообщить также и Адольфу этих чрезвычайно интересующих его

сведений. Но для того, чтобы дать им время исправить свою ошибку, я написал им, что буду писать и А[дольфу], а Адольфу написал только несколько дней спустя. Я совершенно не понимаю, почему они сами не сказали А[дольфу] сейчас же, что сделали мне этот запрос, и почему они не сообщили ему моего ответа. Тогда все было бы в порядке. Но давать им за спиной Адольфа такие сведения, которые они могли бы использовать *против* Адольфа, — на это я пойти не мог. Что имелось в виду именно это, доказывает письмо Рудольфа, полученное мною потом. Рудольф вообще считает преступлением уж одно то, что Адольф пожелал выйти из дела. Мне показалось, — я сам ведь недавно вышел из дела, — что он хватил тут через край. Теперь вопрос, к счастью, улажен, и я надеюсь, что они скоро помирятся. Я напишу Адольфу, требующему от меня сведений о разделе, произведенном в Манчестере, и скажу ему при этом, что они поступили бы разумнее всего, если бы при подписании окончательного договора, или еще до этого, возвратили друг другу письма, которыми обменялись по этому поводу, бросили бы их в огонь и распили бутылку шампанского.

Что касается моего путешествия туда, то это — вопрос особый. Как ты знаешь, после парижской истории против нас — Интернационала — повсюду подняли травлю, нас обвиняют в том, что мы-де подстроили всю революцию отсюда из Лондона, а это все равно, как если бы кто-либо сказал, что я виновник ссоры между моими братьями и Адольфом. Но крик все же не умолкает, и мы получили достоверные сведения о том, что Маркс, которого ожидали в Ганновере, должен был быть там арестован. Со мной, правда, ничего серьезного сделать бы не смогли, если бы я туда и поехал, но это могло бы привести к мелким столкновениям, а я ни за что на свете не хотел бы, чтобы они случились в твоём доме. К тому же эти негодяи-бельгийцы все еще требуют паспорта. Поэтому я полагаю, что мне лучше всего еще переждать некоторое время, пока полиция и филистерские головы несколько не успокоятся.

С Эммой произошла все же непонятная вещь. Повидимому, у вас, в Бармене, странные акушеры.

У нас здесь тоже долго дул восточный ветер, но в самом конце мая, так что было не слишком холодно, и погода часто была даже очень хороша. Тем не менее, в первые дни июня мне опять приходилось несколько раз топить. Третьего дня стало душно, и пошел сильный дождь, что очень полезно для растений, а теперь, повидимому, у нас скоро установится хорошая погода. В общем весна здесь была очень недурна, гораздо лучше, чем в Манчестере. Оттуда

ко мне часто приезжают знакомые — третьего дня был д-р Гумперт со своей женой; она недоумевала, зачем мне понадобился такой большой дом, но осыпала меня похвалами за тот порядок, в котором он содержится.

В общем я отличаюсь обычным здоровьем и аппетитом, мало-помалу привыкаю к послеобеденному сну, борода у меня заметно седеет, и я страдаю, как всегда, только от жажды. Надеюсь, что ты также чувствуешь себя хорошо и можешь совершать прогулки по липовой аллее вдоль Аггера, где и я, надеюсь, в скором времени смогу снова прилечь после обеда на скамье и соснуть.

Сердечный привет всем от твоего преданного сына

Фридриха.

90.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 18 июня 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Извини меня за мое молчание. И теперь у меня так мало времени, что я могу написать тебе только несколько строк.

Ты знаешь, что за все время последней парижской революции версальские газеты (в которых участвует Штибер), а вслед за ними и здешние газеты непрерывно доносили на меня как на «великого вождя Интернационала».

Теперь еще этот *Манифест*, который ты, вероятно, уже получил! Он производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий! Прилагаю вырезку из «Eastern Post» — в ней помещен наш ответ на циркуляр Жюля Фавра¹. Первоначально наш ответ появился в «Times» от 13 июня. Эта почтенная газета получила за такую нескромность от г. Боба Лоу (министра финансов и члена ревизионного комитета «Times») здоровый нагоняй.

Очень благодарен за сочинения Рейтера и шлю сердечный привет Графине и милой Френцхен.

Твой К. М.

¹ Маркс имеет в виду открытое письмо Генерального совета Международного товарищества рабочих, напечатанное в «Eastern Post» от 14 июня 1871 г. См. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

91.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 22 июня 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Прилагаю перевод первой части Манифеста. Окончание последует настолько быстро, что первую часть ты сможешь поместить в *двух* номерах, и все-таки перерыва не будет, т. е. через неделю ты получишь продолжение. Условия:

- 1) ты должен печатать быстро и *много* в каждом номере;
- 2) текст не надо снабжать подстрочными примечаниями; я переводил так, что, если не считать намеков и отдельных деталей, которых все равно в двух словах не объяснишь, комментарии не нужны;

3) набор должен быть сохранен для отдельной брошюры, издание которой на этот раз необходимо. Если вы не располагаете для этого деньгами или кредитом, сообщите нам.

То, чего ты печатать не *можешь*, замени точками и пошли рукопись Беккеру в Женеву для помещения в «Vorbote» (сделай это так, чтобы он знал, куда включить пропущенные места).

Экземпляр Манифеста в оригинале, который я тебе послал *в виде письма*, сопроводив его несколькими строками, ты, вероятно, получил. Если понадобится, можешь получить еще.

Манифест вызвал здесь, в Лондоне, необычайный шум. Сперва попытались его замолчать, но это не удалось. В среду 14-го в «Evening Standard» появляется сообщение, 15-го «Daily News» дает выдержку, которая обходит большую часть газет. Затем следует отклик: в субботу «Spektator», «Graphic», «Pall Mall Gazette», «[Daily] Telegraph» (передовая), и, таким образом, дело было сделано. В понедельник «Times» дал очень жалкую передовую, «Standard» отозвался повторно, вчера — опять «Times», и во всем Лондоне только и разговор, что о нас. Разумеется, сплошной рев. Тем лучше.

Твоих опасений насчет высылки я не понимаю. На твоем месте я не стал бы отказываться от гессенского гражданства, не обеспечив себе другого. В этом отношении вы слишком робки. Один единственный крупный публичный скандал, который показал бы всему миру, что все эти имперские законы — сущее надувательство, положил бы конец всей этой дряни. Но если вы избегаете скандала (который повредил бы только национал-подхалимам), вместо того, чтобы провоцировать его, то полиция, конечно, может себе позволять все что угодно. Между прочим, это относится только к соответствующему

месту твоего письма, а не к линии газеты, которая очень смела и пользуется нашим *полным* признанием. Не думай, однако, что полицейские собаки позволят себе в отношении тебя то, что они проделывают с отдельными рабочими; это могло бы случиться лишь после того, как путем высылки рабочих они создали бы в течение известного времени достаточное количество прецедентов.

Мне совершенно неизвестно, остается ли еще в силе твоя высылка из Пруссии. Что полиция так *утверждает*, — это возможно. Я, впрочем, никогда не мог постичь, почему ты, когда был еще депутатом, не поднял этого вопроса.

Стать корреспондентом в «Volksstaat» я не могу. Но, как видишь, там, где могу, я помогаю.

С «P[all] M[all] G[azette]» ничего не поделаешь. Мне самому приходится всячески возиться с газетой по поводу чисто военных статей, а заметок политического характера ни ты, ни я не сможем там помещать. Я поддерживаю с ней связь лишь для того, чтобы время от времени втиснуть туда что-нибудь подходящее, to keep a footing there [чтобы иметь там точку опоры]. Если бы она взяла тебя корреспондентом, чего она, однако, не сделает, то *ни одна* из твоих корреспонденций не увидела бы света. Еще в начале года я заявил редактору, что, как мне хорошо известно, я могу снабжать его не политическими, а только военными статьями и что я делаю это лишь в расчете на то, что он будет принимать наши фактические разъяснения по вопросам партийного характера, когда мы найдем это нужным. Так в действительности и было.

О «Reynolds'[Newspaper]» ты тоже имеешь, повидимому, хорошее представление. Эта гнуснейшая из всех здешних газет с перепугу накладывает в штаны, если не уверена в успехе; она не поместила Манифеста даже в том извлечении, которое дала «Daily News».

Германские рабочие держались в этом последнем большом кризисе превосходно, лучше всех остальных. Отлично представлял их интересы и Бебель; его речь о Коммуне обошла всю английскую печать и произвела здесь большое впечатление. Вам следовало бы время от времени посылать «Volksstaat» в редакцию «Pall Mall [Gazette]»; последняя иногда приводит оттуда выдержки, так как ее редактор побаивается М[аркса] и меня и так как при нем состоит один еще сотрудник, который знает немецкий язык и помещает такие вещи. Притом газета охотно печатает всякие курьезы, которых нет в других газетах.

Я буду тебе очень благодарен, если ты впредь будешь посылать мой экземпляр «Volksstaat» не в Манчестер, а *сюда*. Пришли мне

по три-четыре экземпляра тех номеров, где напечатан Манифест, — один для корректуры, остальные для раздачи.

Сердечный привет тебе и твоим.

Твой Ф. Э.

92.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

[Лондон,] 10 июля 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Посылаю тебе окончание третьей части. Четвертая последует через два-три дня, во всяком случае — до конца недели. Корректуру верну сегодня или завтра¹.

О высылке: примеры, приведенные из практики Пруссии и Майнца, не убедительны, потому что относятся ко времени военного положения; тогда это было законно. Что касается высылки из Саксонии, то вам следовало бы так или иначе довести дело до конца, путем ли отказа осужденных выехать, либо путем направления дела по инстанциям и подачи петиции в рейхстаг. Партия прогрессистов не может в этом случае отказать вам в своей поддержке, не рискуя себя окончательно скомпрометировать. Пока рейхстаг напрямик не откажется признать право гражданства и свободу передвижения, вопрос не выяснен. Что касается в частности твоего дела, то ты мог бы его очень быстро довести до кризиса, если бы отправился дней за восемь до открытия рейхстага в Берлин, а там — будь, что будет. Я убежден, что они бы тебя не тронули, и делу был бы конец. Но если бы они что-либо над тобой учинили, разыгрался бы чудовищный скандал, и им все-таки пришлось бы тебя выпустить, как только собрался бы рейхстаг; и тогда, если бы рейхстаг держал себя недостойно, ты мог бы разоблачить его перед всем миром. Существуют известные формы приличия, которые в спокойные времена не может публично нарушить даже самое дрянное собрание. Теперь, когда ты уже не в рейхстаге, дело, разумеется, не так прочно. Но, если вы действительно позволите *без борьбы* отнять у себя все те права, которыми располагаете на бумаге, и не *принудите* рейхстаг открыто принять решение за или против его собственной стряпни, — тогда, конечно, вам ничем не поможешь.

Повелительный тон, которым ты требуешь, чтобы мы здесь основали газету, очень нас позабавил. Ты, видимо, принимаешь

¹ Речь идет о Манифесте «Гражданская война во Франции 1871 г.».

Лондон за Криммитчау и думаешь, что здесь можно так же легко, без дальнейших околичностей, основать «Bürger-und Bauernfreund». Тебе следовало бы знать, что, во сколько раз Лондон больше Криммитчау, во столько же раз труднее основать здесь газету и во столько же раз больше предъявляемые в таких случаях требования. Если ты можешь предоставить в наше распоряжение примерно 10 000 фунтов, то мы к твоим услугам.

Относительно Оджера: ты забываешь, что этот человек был избран конгрессом и не может быть выброшен без серьезных оснований. Из того, что ты говоришь по этому пункту, явствует, что ты теперь совершенно не знаешь здешних условий, что и не удивительно, так как газеты хранят полное молчание о том, что делается внутри рабочей партии.

С «Pall Mall Gazette» мы теперь порвали окончательно.

Моя жена и Марксы шлют тебе и твоим сердечный привет.

Твой Ф. Э.

93.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 12 июля 1871 г.

Дорогой друг!

Не будете ли Вы так добры притти к нам отобедать в ближайшее воскресенье в 5 часов вечера?

Вы встретите у нас несколько наших парижских друзей.

С братским приветом

Карл Маркс.

94.

Маркс — А.-О. Ретсону

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 12 июля 1871 г.

Милостивый государь!

Вместе с этим письмом я посылаю Вам нижеследующие издания Генерального совета Интернационала:

1) Учредительный манифест и Временный устав.

2) Устав Международного товарищества рабочих, принятый в окончательном виде Женевским конгрессом 1866 г.

3) Резолюции Женевского конгресса 1866 г. и Брюссельского конгресса 1868 г.

4) «*Times*» (9 сентября 1868 г.) (отчет Генерального совета Брюссельскому конгрессу).

5) *Избиения в Бельгии.*

6) *Обращение к Национальному рабочему союзу Соединенных Штатов.*

7) *Отчет Четвертому ежегодному конгрессу, состоявшемуся в Базеле.*

8) *Вопрос об ирландской амнистии.*

9) *Локаут строительных рабочих в Женеве.*

10) *Программа Пятого ежегодного конгресса.* Созыву конгресса помешала франко-прусская война.

11) *Два Манифеста о франко-германской войне.*

12) *Манифест о «Гражданской войне во Франции» (второе издание).*

Этот список, хотя и не полон, но содержит все наиболее важные документы, опубликованные Генеральным советом.

«Обращение к г. Уошберну, американскому посланнику», которое как раз сейчас находится в печати, я пришлю Вам завтра. Искренно Ваш

Карл Маркс.

А.-О. Ретсону, Эсквайру, 7, Halfmoon Street, W.

Р. S. Прилагаю написанную от руки копию Обращения к Абрагаму Линкольну и его ответ.

95.

Маркс — Лео Биго

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон, около 12 июля 1871 г.]

Я заявляю, что письмо, которое мне приписывают и в котором я якобы пишу о г. Асси, является фальшивкой, так же как и все письма, которые мне приписывали парижские ¹ газеты.

Я никогда не занимался делами г. Асси ни в частном порядке, ни в публичном, за исключением одного только случая. Через несколько дней после революции 18 марта лондонские газеты опубликовали

¹ Зачеркнуто: «полицейские».

телеграмму, согласно которой эта революция тоже была подготовлена мною в тайном сотрудничестве с Бланки и г. Асси¹, которые якобы прибыли в Лондон, чтобы сговориться со мной. Я тогда же заявил в «Times», что все это — детские сказки, сфабрикованные французской полицией.

Имею честь приветствовать Вас

Карл Маркс.

96.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону
в Петербург.

[Лондон,] 22 июля 1871 г.

Любозный друг!

Извините меня, пожалуйста, за столь поздний ответ. В последнее время я до такой степени был *завален работой*, что едва находил время для сна.

Поэтому я не мог и подумать о том, чтобы сделать что-нибудь относительно «Капитала». На будущей неделе, однако, я приступлю к этому делу и вскоре приготовлю все, что Вам требуется.

Я уже давно заготовил *пакет для Берлина*, но, к несчастью, вследствие какой-то оплошности он не был отослан и до сих пор еще находится у меня. Поэтому пришлите мне, пожалуйста, новый адрес для Берлина, и я отправлю тогда пакет немедленно.

Здесь получены самые тревожные известия о нашем «общем друге»², но я надеюсь, что они ложны или, по крайней мере, преувеличены.

Если бы Вам удалось найти в *Берлине* *какого-нибудь корреспондента*, который согласился бы служить посредником по отношению к *некоторой части* того торгового дела, которое мне приходится вести в Петербурге, то это было бы очень полезно: по отношению к *некоторым товарам* этот окружный путь мог бы оказаться короче, чем прямой. Прямая линия далеко не во всех случаях, как это воображают себе математики, есть самая кратчайшая.

Искренно Ваш

А. Вильямс.

¹ Зачеркнуто: «и двух других лиц: один итальянец, другой англичанин».

² Г. А. Лопатин.

97.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 27 июля 1871 г.¹

Дорогой Кугельман!

Будь так добр, отправь сейчас же прилагаемую записку Либкнехту.

Меня в высшей степени удивляет твое молчание. Я не могу допустить, чтобы различные печатные произведения, посланные тебе, не были тобой получены.

С другой стороны, было бы очень глупо, если бы ты, — следуя старинной заповеди: око за око, зуб за зуб, — хотел наказать меня таким образом за мое молчание. Прими во внимание, *mon cher* [дорогой], что, если бы день имел даже 48 часов, я все-таки еще месяцами не справлялся бы с своей ежедневной работой.

Работа для Интернационала огромна, а к этому еще прибавилось наводнение Лондона эмигрантами, о которых мы должны заботиться. Кроме того, мне не дают покоя журналисты и разные другие лица, желающие видеть «чудовище» собственными глазами.

До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который в мгновение ока разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) в один день, чем раньше можно было изготовить в столетие.

Мои дочери уже несколько месяцев в Пиренеях. Женнихен, у которой остатки плеврита все еще давали себя знать, заметно поправляется, судя по ее письмам.

Большое спасибо за присылку немецкой литературы. Надеюсь, что ты, твоя милая жена и Френцхен, — которым я прошу передать сердечный привет, — вполне здоровы.

Кстати. Ты будешь, вероятно, изумлен, что я в своем послании к «*Pall Mall*» намекнул на дуэль. Дело было очень просто. Если бы я не дал редактору таким образом повода сказать несколько дешевых острот, то он вовсе отказался бы поместить мое послание. А тут он попал в ловушку и сделал как раз то, что мне нужно было, — он буквально перепечатал из Манифеста Интернационала обвинения против Жюля Фавра и К^о.

Привет.

Твой К. М.

¹ В оригинале дата написана рукой Кугельмана.

98.

Маркс — Н. И. Утину

в Женеву.

[Черновик.]

[Лондон,] 27 июля 1871 г.

Дорогой гражданин!

В прошлый вторник Генеральный совет постановил, что в этом году конгресса не будет (ввиду исключительных обстоятельств), но что в Лондоне будет созвана, как в 1865 г., *закрытая конференция*. Различным секциям будет предложено послать туда своих делегатов. О созыве этой конференции *не следует публиковать в газетах*. Заседания будут непубличными. Конференция будет заниматься не теоретическими, а исключительно *организационными* вопросами. Там будут разобраны также разногласия между различными секциями одной и той же страны. Конференция откроется в Лондоне 17 сентября (третье воскресенье сентября). Юнг сообщит эти постановления Беккеру и Перре.

В прошлый вторник на заседании Генерального совета были разобраны два вопроса, предложенные Гильомом: 1) Он прислал копии двух писем: одно, написанное Эккариусом, от 28 июля 1869 г., в котором Альянс признается секцией Интернационала, другое — Юнгом, от 25 августа 1869 г. Это — квитанция о приеме взноса с Альянса (за 1868 — 1869 гг.). Гильом задал вопрос, подлинны ли это письма.

Мы ответили, что в этом не может быть никакого сомнения.

Второй вопрос: «Принял ли Генеральный совет резолюцию, исключаящую Альянс из Интернационала? Мы ответили, как это и есть на самом деле, что *никакой подобной резолюции принято не было*.

До сих пор приходилось констатировать только факты, но когда Робен в интересах своих избирателей пожелал истолковать эти факты в смысле, предвосхищающем решение вопроса о швейцарской распре, Совет наложил свое вето!

Сначала было указано на то обстоятельство, что в одном письме — еще до письма Эккариуса — уже были подробно изложены условия приема Альянса, что они были приняты Альянсом и что теперь дело идет о том, чтобы узнать, выполнил ли Альянс эти условия, — вопрос, подлежащий рассмотрению на *конференции*.

Что касается взносов за 1868—1869 гг., то было указано, что Альянс уплатил эти деньги, чтобы купить себе право на участие на

Базельском конгрессе 1869 г., и что после этого *Альянс* прекратил платежи.

В отношении второго вопроса было указано, что если Генеральный совет и не принял резолюции об исключении *Альянса*, то это совсем не доказывает, что *Альянс* не исключил себя сам своими действиями и поступками.

Итак, Совет постановил, что, отвечая на фактическую сторону вопросов, поставленных Гильомом, решение по существу дела он предоставляет конференции.

«Egalité» доходит сюда очень нерегулярно.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы уведомите меня о получении этого письма.

Привет и братство.

К. М.

P. S. Я не подписываю манифесты Совета в качестве секретаря для *России*, чтобы не скомпрометировать наших русских друзей.

99.

Маркс — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Лондон,] 28 июля 1871 г.

Дорогой гражданин!

Вы очень обяжете меня, если придете ко мне отобедать в следующее воскресенье, в 5 часов пополудни. Вы встретите у меня моего брюссельского друга ¹ и сможете переговорить с ним об опубликовании протоколов военного суда ².

Привет и братство.

Карл Маркс.

100.

Энгельс — Филиппу Кунену

в Антверпен ³.

Лондон, 4 августа 1871 г.

Международное товарищество
рабочих, 256, High Holborn, W. C.

Дорогой гражданин Кунен!

Я своевременно получил оба Ваши письма — от 1 мая и 1-го

¹ Главер де-Вилльброр.

² Имеются в виду протоколы Версальского военного трибунала, судившего коммунаров, см. письмо № 102.

³ Копия, написанная неизвестной рукой

числа текущего месяца, из которых узнал, что антверпенские сигарщики даже и теперь еще не присоединились к Интернационалу. Я чрезвычайно изумлен, что нас не уведомили об этом с самого начала стачки, ибо все то, что мы для них здесь сделали, — а ведь это не безделица, так как мы обеспечили им помощь на сумму более 15 000 франков, — мы делали в предположении, что работаем для членов Интернационала; а теперь мы узнаем, что они не только не принадлежали к числу наших членов, но и сейчас, после всего того, что мы для них сделали, еще не присоединились к нам! Это уж слишком, и что касается меня, то я решил для таких неблагодарных людей ничего больше не делать. Неужели эти господа называют это солидарностью — брать деньги от английских и других рабочих, доставляемые им Интернационалом, а затем, положив деньги в карман, даже не присоединиться к нашему Товариществу, — а ведь это присоединение было бы первым доказательством их готовности сделать то же самое и для других? На этот счет мы придерживаемся здесь иного мнения. Не для таких людей должен работать Интернационал. Те, кто желают пользоваться помощью, оказываемой нашим Товариществом, должны так же быть готовы нести свою долю бремени, а присоединение к Товариществу было бы наиболее легким доказательством этой готовности, какое они только могут дать. Люди, которые громко требуют денег от членов Интернационала и в то же время отказываются присоединяться к нам, — эти люди заслуживают того, чтобы буржуа хорошенько эксплуатировали их, ибо они отказываются от единственного средства избавиться от буржуазной эксплуатации — от объединения и организации рабочих всей Европы. Такого случая еще не было с тех пор, как существует Интернационал; эта честь выпала на долю антверпенских сигарщиков, которые молили Интернационал о помощи, а, получив ее, сказали нам: спасибо, господа, вы можете уходить, вы нам больше не нужны, вот двери!

Я надеюсь, что сужу их слишком строго и что к сегодняшнему дню они, вероятно, уже присоединились к нам. Но, если они этого не сделают немедленно, Вы должны признать, что их поведение в высшей степени позорно, и до тех пор, пока я не получу известия о их присоединении, я буду возражать против посылки им еще хотя бы одного сантима. Мы можем употребить наши деньги с гораздо большей пользой, тратя их на наших людей.

Вы меня спрашиваете, присоединились ли лондонские сигарщики? Конечно, да, они это сделали вскоре после основания Интернационала. Их председатель, гражданин Коген, представляет их в

Генеральном совете. Я говорил с ним по поводу письма, которое, по Вашему мнению, следует написать антверпенцам относительно присоединения, но какой эффект может произвести письмо там, где не оказали действия 15 000 франков?

«Werker» доходит до нас все еще очень нерегулярно и только в одном экземпляре. Так как здесь очень мало рабочих, понимающих по-фламандски, то будет очень трудно найти для Вас подписчиков; тем не менее, я просил членов Совета пропагандировать Вашу газету.

В нынешнем году невозможно будет созвать конгресс, — правительственные преследования во Франции, Испании, Германии, Австрии и Венгрии не позволяют сделать этого. Вместо него состоится закрытая конференция с целью укрепления нашей организации, но по этому вопросу Генеральный совет может снестись только с различными *центральными* советами. Кроме того, мы сомневаемся, окажется ли голландское правительство достаточно либеральным, чтобы предоставить полную свободу нашему конгрессу, на котором после парижских событий будут стоять в порядке дня весьма щекотливые вопросы.

На последнем заседании Генерального совета произвели перераспределение секретарских обязанностей, я получил Испанию и Италию, а Бельгию уступил гражданину Альфреду Герману из Льежа, рекомендованному на этот пост последним Бельгийским конгрессом. Отныне переписку с Вами будет вести он.

Привет и братство.

Фридрих Энгельс.

101.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 9 августа 1871 г.

Дорогой Сидоров!

Вот цены английских книг:

Лекки, История рационализма	16 шилл.
Его же, История европейской морали . . . . . 1 ф. ст.	8 »
Тейлор, Первобытная культура . . . . . 1 ф. ст.	4 »
Леббок, Происхождение цивилизации	16 »
Мен, Древнее право	12 »
Его же, Сельские общины	9 »

Это — цены книготорговца, на которые можно получить около 15% скидки. Но если Вы уполномочите меня попытаться достать их у букиниста, то, может быть, придется заплатить только половину, и мой книготорговец с охотой за это возьмется. Эти сведения я Вам сообщил бы гораздо раньше, но мой книготорговец находился в отъезде.

Вчера Вы, вероятно, получили письмо от Вильямса. От большого путешественника мы за последнее время не получали известий, но мы нашли случай надежным путем отправить письмо в «Петербург»¹. Мы надеемся вскоре получить более подробные сведения, присылки которых мы настойчиво требовали.

Что касается таухницевского издания Бокля, то я о нем ничего не знаю, но было бы удивительно, если бы его не было, — во всяком случае, каждый немецкий книготорговец в Париже может дать Вам об этом справку.

Посылаю Вам два последних номера «Eastern Post».

Сюда приехало несколько новых людей, о которых Вильямс Вам, вероятно, писал, среди них «Вайян, Тейс, Лонге»¹.

Не можете ли Вы подписаться для меня на «Gazette des Tribunaux», начиная с 7 августа или даже с 1 августа? Нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных разбирательств для наших исторических исследований, а я не знаю другой газеты, которая давала бы такой полный отчет, как эта. В то же время я не знаю, как мне ее здесь достать, а времени терять нельзя, потому что впоследствии, может быть, уже нельзя будет достать наиболее интересных номеров. Будем Вам очень благодарны, если Вы устроите это дело. Ваши расходы мы потом возместим.

Теперь о другом. Чтобы изучить военные события, связанные с обеими осадами Парижа, мне нужен план Парижа и его окрестностей, — наилучший план, какой только существует, указывающий, если возможно, также и имена улиц Нейи и других маленьких местечек, где происходили бои. Я безуспешно пытался достать такой план здесь. Может быть, вы сможете указать мне фирму и фамилию издателя подобных подробных карт; тогда мне будет легко достать его.

Как видите, мой дорогой друг, в Париже нельзя проживать безнаказанно; по всей вероятности, у меня будет к Вам больше поручений, чем у Вас ко мне. А пока сообщите мне, что я должен предпринять относительно английских книг, и примите мой сердечный привет.

Ф. Энгельс.

¹ Слова, заключенные в кавычки, написаны Энгельсом по-русски.

102.

Марке — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 10 августа [18]71 г.

Дорогой гражданин!

Я думаю, что произошло недоразумение.

Во-первых, это не книгопродавец, а мой друг Э. Глазер де-Вилльброр изъявил готовность предпринять на собственные средства издание отчетов в Брюсселе.

Третьего дня я получил от него письмо, в котором он пишет:

«В воскресенье я получил прилагаемое здесь письмо (от г. Биго), на которое ответил, что расходы по изданию достигли уже значительной суммы и я не могу идти на новые расходы по 100 франков ежедневно. Но, не имея в виду какой-либо наживы, я предложил оплатить стенографа и корреспондента из возможных прибылей. Я не получил никакого ответа, так что мое предложение, очевидно, не было принято, чему я очень рад, потому что «Figaro» и «Cazette des Tribunaux» собираются дать подробный отчет о процессе, который начался вчера в Версале. С другой стороны, вследствие моего продолжительного пребывания в Лондоне я не имел времени сделать необходимые приготовления».

Г-н Вилльброр добавляет, что в дальнейшем следует адресовать всю его корреспонденцию непосредственно по адресу: «Э. Глазер де-Вилльброр, 24, Rue de la Pipriene, Брюссель».

Версальский прокурор составил смехотворный обвинительный акт против *Интернационала*. Может быть, было бы полезно в интересах защиты сообщить г. Биго следующие факты:

1) Препровождаемые при сем под № 1 два Манифеста *Генерального совета* — о франко-прусской войне. В своем первом Манифесте от 23 июля 1870 г. *Генеральный совет* заявляет, что война была начата не французским народом, а империей и что по существу Бисмарк был так же виновен, как и Бонапарт. В то же время Генеральный совет обращается к немецким рабочим с призывом не позволять прусскому правительству превратить оборонительную войну в войну завоевательную.

2) Второй Манифест от 9 сентября 1870 г. (5 дней спустя после провозглашения республики) является весьма энергичным разоблачением завоевательных планов прусского правительства. Это призыв к немецким и английским рабочим стать *на сторону Французской республики*.

Действительно, в Германии рабочие, принадлежавшие к Международному товариществу, оказали такое сильное сопротивление

политике Бисмарка, что он приказал противозаконно лишить свободы и бросить в прусские крепости главных немецких представителей *Интернационала*, предъявив им ложное обвинение в заговоре с неприятелем.

В Лондоне, по призыву Совета, английские рабочие организовали большие митинги с целью принудить свое правительство признать Французскую республику и сопротивляться всеми силами расчленению Франции.

3) И далее: неужели французское правительство не знает о поддержке, которую Интернационал оказал Франции во время войны? Напротив. Консул Жюль Фавра в Вене, г. Лефевр, имел даже нескромность опубликовать — от имени французского правительства — благодарственное письмо гг. Либкнехту и Бебелю, двум представителям *Интернационала* в германском рейхстаге. В этом письме он говорит, между прочим (я перевожу это с немецкого перевода, сделанного в письме Лефевра): «Вы, господа, и *ваша партия* (т. е. *Интернационал*) одни остаетесь верны старой немецкой традиции, т. е. духу гуманности и т. д.»

И что же! Это письмо фигурирует на процессе о *государственной измене*, который саксонское правительство, под давлением Бисмарка, вынуждено было начать против Либкнехта и Бебеля и который продолжается еще и в данный момент. Оно могло бы послужить Бисмарку предлогом арестовать Бебеля после отсрочки сессии германского рейхстага.

В тот самый момент, когда гнусные газеты доносили на меня Тьеру как на агента Бисмарка, Бисмарк заключил в тюрьму моих друзей как совершивших государственную измену против Германии и дал приказ арестовать меня в случае моего появления в Германии.

4) За несколько времени до амнистии добряк Жюль Фавр, — как об этом *Генеральный совет* сообщил в письме, помещенном в «*Times*» от 12 июня, копия которого приложена здесь (№ 2), — просил нас через своего личного секретаря, д-ра Рейтлингера, организовать в Лондоне общественные демонстрации в пользу «правительства обороны». Рейтлингер, как сообщает Генеральный совет в своем письме в «*Times*», добавил, что не следует говорить о «*Республике*», но только о «*Франции*». Генеральный совет отказал в своем содействии демонстрациям подобного рода. Но все это доказывает, что само французское правительство считает *Интернационал* союзником Французской республики против прусского завоевателя. И действительно, он был единственным союзником Франции во время войны.

Братский привет.

К. М.

103.

Маркс — Герману Юнг

в Лондон.

[Лондон,] 14 августа 1871 г.

Дорогой Юнг!

Скажите Ле-Муссю (который должен называть себя *Констаном*), чтобы он пошел с прилагаемой карточкой к г. Розенталю, № 2, *Red Lion Square*. Он должен сказать, что его послал г. *Евгений Освальд*.

Розенталь — французский еврей; он, быть может, возьмет к себе на службу Ле-Муссю в качестве *гравировщика*. Конечно, Ле-Муссю лучше всего не говорить о том, что он — эмигрант.

Есть два Розенталя — отец и сын. Ле-Муссю следует поговорить с ними обоими. Он должен пойти *немедленно*, ибо свободные места на этой неделе будут заняты.

Пожалуйста, пришлите ко мне на квартиру *итальянского художника*, я не знаю его имени, но помню, что видел его среди наших эмигрантов. Может быть, я найду для него работу.

Прилагаю несколько строк для г-жи Тумановской.

Привет г-же Юнг.

Ваш К. Маркс.

104.

Энгельс — начальнице пансиона «Сестер провидения»

в Хемпстеде

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 15 августа 1871 г.]

Начальнице пансиона «Сестер провидения»,
Хемпстед.

Милостивая государыня!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам с этим письмом в результате разговора с одной из сестер Вашего учреждения. Дело идет о помещении в пансион трех маленьких девочек: Евгении Дюпон (9 лет), Марии Д[юпон] (7 лет) и Клариссы Д[юпон] (3 лет). Их отец служит помощником мастера на фабрике музыкальных инструментов г. Джозефа Хайэма в Манчестере, их мать умерла вот уже около полутора года¹. Г-н Дюпон полагает, что он не в состоянии

¹ Зачеркнуто: «больше года».

дать достаточное воспитание своим детям у себя дома, и просил меня подыскать для них подходящее учреждение¹.

Сестра, у которой я вчера был, заявила мне, что у Вас нашлось бы место для малюток и что цена пансиона для одного ребенка 13 фунтов первый год и 12 фунтов в каждый из следующих лет; далее она мне предложила, чтобы я письменно изложил Вам свое желание.

Поэтому прошу Вас, милостивая государыня, сообщить мне, согласны ли Вы принять их к себе; в таком случае я предупрежду их отца, и он придет немедленно в Лондон, чтобы доставить Вам детей. Если Вам случайно понадобится получить от меня какие-либо другие разъяснения, я прошу Вас известить меня, в какой час я мог бы прийти к Вам с этими сведениями.

Адресом Вашего пансиона меня снабдил г. Кларксон, проживающий на Maitland Park.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

Ф. Э.

105.

Марке — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 16 августа 1871 г.]

Дорогой гражданин!

Прежде всего у меня нет адреса г. Биго, чтобы писать ему непосредственно. Кроме того, я думаю, что посланное через Вас дойдет вернее.

Я не в состоянии подобрать быстро немецкие газеты, относящиеся к делу Лефевра, но г. Биго найдет письмо Лефевра с замечаниями редакции в номере «*Volksstaat*», издаваемом в Лейпциге под редакцией Либкнехта. Впрочем, преследования против Либкнехта и Бебеля общеизвестны.

Из № 63 «*Volksstaat*» (от 5 августа 1871 г.) (смотри место, отмеченное мною) г. Биго увидит, что против Либкнехта, Бебеля и прочих ведется процесс *по обвинению в государственной измене* и письмо Лефевра фигурирует среди обвинительных документов.

Прилагаю в защиту Журда заявление одного англичанина, г. Вильяма Трейта, о пожаре в министерстве финансов.

Я напишу Вилльброру, чтобы он сохранил все то, что он получил от г. Биго.

С братским приветом

К. М.

¹ Зачеркнуто: «дети-католики».

106.

Маркс — Фридриху Больте

в Нью-Йорк¹.

Брайтон, 25 августа 1871 г.

Уважаемый г. Больте!

Уже две недели как я нахожусь здесь по совету врача дляправления моего расстроенного переутомлением здоровья. Но на следующей неделе я, вероятно, вернусь в Лондон.

На следующей неделе Вы получите от Генерального совета воззвание в пользу эмигрантов-коммунаров, большинство которых (80—90 человек) находится в Лондоне. Генеральный совет до сих пор делал все, чтобы спасти их от гибели, но наши денежные ресурсы за последние две недели настолько иссякли, в то время как число беженцев с каждым днем все возрастает, что положение последних становится поистине ужасным. Надеюсь, что в Нью-Йорке будет сделано в их пользу все, что возможно. В Германии все средства партии идут на то, чтобы оказывать помощь жертвам полицейского преследования; то же самое в Австрии, а также в Испании и Италии. В Швейцарии же не только есть эмигранты, правда, незначительная часть, которым надо оказывать поддержку, но, кроме того, там приходится помогать пострадавшим от локаута сан-галленским членам Интернационала. Наконец, в Бельгии тоже есть небольшая часть эмигрантов, и, кроме того, бельгийцы должны оказывать поддержку эмигрантам, направляющимся в Лондон.

В силу этих обстоятельств до настоящего времени все денежные средства, необходимые для поддержания массы эмигрантов, собирались исключительно в Англии.

Из членов Коммуны в Генеральном совете состоят теперь: Серрайн, Вайян, Тейс, Лонге, Франкель, а из агентов Коммуны: Делапье, Роша, Бастелика и Шален. Мною отправлено в «New York Herald» заявление, в котором я снимаю с себя всякую ответственность за пошлую и совершенно извращенную передачу его корреспондентом моего с ним разговора. Не знаю, напечатано ли оно.

Кланяйтесь от меня Зорге. На следующей неделе я ему отвечу на его письмо.

Преданный Вам

Карл Маркс.

¹ Перевод с текста, опубликованного в «Briefe und Auszüge aus Briefen... an F.-A. Sorge, Stuttgart, 1921, S. 25—26.

107.

Маркс — Момюру-Даниэлю Конуэю

[Черновик.]

в Лондон.

[Лондон, 29 августа 1871 г.]

Милостивый государь!

По своем возвращении из Брайтона я нашел Вашу записку, датированную 24 августа ¹. Ближайшее заседание Генерального совета состоится сегодня, но так как на нем будет продолжаться обсуждение вопроса о военных судах во Франции, то, согласно постановлению, принятому в прошлый вторник, никто из посторонних посетителей допущен не будет. Эта строгая мера была вызвана необходимостью вследствие проникновения на заседания сыщиков и шпионов французской полиции.

Имею честь приложить при сем список французских эмигрантов. Их число (в настоящее время около 80—90) с каждым днем все возрастает, в то время как наши фонды совершенно истощены. Положение поистине плачевное. Лучше всего было бы, если это возможно, образовать особый комитет, который поставил бы своей задачей подыскание заработка для эмигрантов, большинство которых состоит из квалифицированных рабочих и людей свободных профессий.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

108.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 3 сентября 1871 г.

Дорогой г. Сидоров!

Благодарю Вас за Ваши любезные услуги относительно «Gazette des Tribunaux», которая доходит до меня регулярно, равно как и за карты. Посоветовавшись с Розв[адовским], я решил, что мне следует обратиться к немецкому книготорговцу.

Между прочим, Р[озвадовский] получил место школьного учителя в одном пансионе, без жалованья, но со столом, бесплатной стиркой белья и квартирой вплоть до декабря. К тому времени он, наверное, научится английскому языку, и тогда для него будет легко найти что-нибудь другое.

Что касается книг, то оказывается, что они еще не дошли до букинистов и за них придется уплатить издательскую цену со

¹ В записке запрашивалось о дне ближайшего заседания Генерального совета.

скидкой от 16 до 20%. Пожалуйста, сообщите мне немедленно, поручаете ли Вы мне купить их на этих условиях, и тогда Вы получите их через несколько дней. Книги эти следующие:

Лекки, Рационализм.

Тейлор, Первобытная культура.

Леббок, Происхождение цивилизации.

Мен, Древнее право.

Его же, Сельские общины,

и, если удастся получить хотя бы за 10 шиллингов, то

Бокль, История цивилизации.

Меня сейчас прервали, и я вынужден закончить письмо.

Ваш Ф. Энгельс.

Две дочери Вильямса приехали сюда, третья со своим мужем — в Испании.

109.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 5 сентября 1871 г.

Уважаемый г. Зорге!

Посылаю воззвание в пользу эмигрантов. Ваша посылка из Америки от 23 августа прибыла сегодня.

Преданный Вам

Карл Маркс.

110.

Маркс — Чарльзу-Добсону Коллету

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 6 сентября 1871 г.

Милостивый государь!

Из Вашего письма я вижу, что Вы не только «встревожены», но и стали кое-что подозревать, с тех пор как изменили Ваше обычное «My dear Sir» на «Dear Sir».

Я же, со своей стороны, рассматриваю чувство «тревоги» как чувство, не особенно пригодное для того, чтобы обеспечить научную и объективную *точку зрения*.

Сожалею, что не в состоянии исполнить Ваше желание.

Я обошел¹ весь круг своих континентальных друзей, но не нашел никого, у кого были бы хоть некоторые из тех многочисленных

¹ Зачеркнуто: «спроси!»

обзрений и выдержек о моей книге, которые появились на итальянском и французском языках. Издать книгу по-французски *полностью* помешала прусская война. На английском языке ни перевода, ни обзрения не появлялось. Прошло два года с тех пор, как мой друг Ф. Энгельс послал очень подробный разбор «*Капитала*» в «*Fortnightly [Review]*», но он был возвращен с пометкой, что «он слишком научен для английского читателя «*Review*»».

Я не знаю, о каких манифестах Вы говорите. За исключением Манифеста о «Гражданской войне во Франции» и обращения к г. Уошберну, которое я имел честь Вам прислать, Генеральный совет не опубликовывал с сентября 1870 г. ни одного манифеста, если не считать манифестов о франко-прусской войне, которые я Вам при сем посылаю. Кроме манифестов, опубликованных французской и прусской полицией от имени Интернационала и объявленных мною в «*La Verité*» (Париж) фальшивками, ни одного манифеста не опубликовывалось за последнее время. Так называемый *швейцарский* манифест, напечатанный в «*Times*», является, как правильно заметил «*Examiner*» в номере от прошлой субботы, «искаженным переводом французского варианта, который сам далек от точности. Он исходит не от Международного товарищества рабочих, а от нескольких его швейцарских членов».

Искренно Ваш

К. М.

III.

Энгельс — фирме «Миллер и Ричард»

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 10 сентября 1871 г.]

Джентльмены!

В ответ на и т. д. сообщаю, что, по моему мнению, г. Мак-Д[оннел] по своему характеру, способностям и политическому положению вполне подходит для того предприятия, которое он имеет в виду. Как влиятельный ирландец, он сможет, поскольку я могу судить, пользоваться во многих отношениях значительной поддержкой своих земляков; среди них у него имеются чрезвычайно широкие связи; в личном отношении я считаю его вполне честным человеком.

Прошу Вас использовать все вышесказанное строго конфиденциально и не считать это поручительством.

Остаюсь и т. д.

[Ф. Э.]

112.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 11 сентября 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Для *меня* мандата не нужно — в качестве секретаря для Италии и Испании я буду, вероятно, и без того представлять две страны. Если вы пошлете кого-нибудь, то можете сверх того назначить еще двух других — французы тоже назначают здесь троих. Или можете послать три мандата, но они должны здесь быть не позже субботы ¹.

М[аркс] и я не скрываем своих имен, у каждого из нас только по одному имени.

Почему ты не присылаешь экземпляров немецкого издания Манифеста? Нас ежедневно запрашивают по этому поводу. Я должен сказать, что такое отношение к нам вовсе не поощряет нас к дальнейшей работе. Я не пришлю тебе больше ни одной строки для печати и Маркс тоже, пока ты, наконец, не снизойдешь до соблюдения хотя бы самых элементарных приличий по отношению к нам.

Сравнивать г. Гегга с Оджером — это уже чересчур. Во-первых, политически О[джер] по-своему в тысячу раз умнее глупого баденца, а, во-вторых, Оджер в качестве секретаря Лондонского совета тред-юнионов представлял как-никак несколько сот тысяч рабочих и представляет еще целую категорию рабочих, между тем как мне никогда не приходилось слышать, чтобы г. Гегг когда-либо кого-либо представлял, кроме нескольких реакционных баденских мастеровых в Швейцарии, единственных подлинных «мастеровых», еще сохранившихся в качестве ископаемых. Но, если вы уделяете в «*Volkstaat*» место для словоизвержений подобных субъектов, в то время как мы выбрасываем Оджеров вон, то сравнение ведь и вовсе отпадает. Что касается Б[ернгарда] Беккера, который, как тебе известно, начал проделывать свои гнусности еще в Лондоне, то мы остолбенели, когда прочли, что вы прощаете его гнусности ради его «*талантов*»! Я до сих пор полагал, что к его гнусностям, к его полнейшему оподлению можно отнестись снисходительно разве что ввиду его глупости. Теперь вас изрядно порадует ваше новое «приобретение»! Этот прохвост вам никогда не простит, что должен был прийти к вам «с веревкой на шее». А что касается газеты, то лучше не иметь никакой, чем иметь газету в его вкусе! Если г. Б[ернгард] Б[еккер] еще не предал партии, в чем я не так уж уверен, то вряд ли

¹ Речь идет о Лондонской конференции I Интернационала (17—23 сентября 1871 г.).

это его вина. Человек, написавший пасквиль на своего господина и учителя Лассалья, способен на все. Книгу мы прочли с интересом, но автор ее заслужил вечное презрение.

Маркс очень удивился, прочтя в «*Volksst[aa]t*» объявление о том, что ты будешь печатать историю Коммуны и пр. и пр. (№ 73, 4-я страница). Я был не менее изумлен. Откуда ты это взял, совершенно непонятно. Я ничего в этом роде тебе не обещал, и мы не знаем, откуда ты почерпнул сведения, будто бы кто-то, по соглашению с Генеральным советом, собирается написать для «*Volksstaat*» аутентичную историю Коммуны. Во всяком случае, поскольку упоминается Генеральный совет, мы просим разъяснений, так как могут поступить запросы.

Вас ожидают в ближайшем будущем усиленные преследования. Не подлежит сомнению, что Бисмарк столкнулся с австрийцами и итальянцами относительно всеобщей травли. Б[исмарк] в этом не особенно заинтересован: он должен удовлетворить некоторую личную злобу и, кроме того, хотел бы, к своей выгоде, оттеснить рабочее движение в швейцеровское русло; вообще же в качестве юнкера, спекулятивного буржуа и заурядного государственного мужа, которому везет (все это Бисмарк соединяет в одном лице), он нисколько не боится красного призрака. Интернационал в Австрии будет теперь взят в колодки совершенно так же, как это было в 1823 г. в Вероне и позже в Карлсбаде с «революцией» и карбонариями. Но ясно, что при этом перепадет и на вашу долю.

Моя жена и г-жа Маркс в Рамсгейте; на этой неделе и я туда съезжу на несколько дней, но в субботу буду опять здесь. Если ты не приедешь, то приедет, надеюсь, Бебель. Мы очень рады, что мальчуган так хорошо развивается.

Сердечный привет от М[аркса] и от меня всем твоим.

Твой Ф. Э.

От Лафарга известий еще нет.

113.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 12 сентября 1871 г.

Дорогой г. Сидоров!

Прилагаю оплаченный счет на английские книги, которые вчера были Вам отправлены. Мой книготорговец не сказал мне,

каким путем они посланы, но я полагаю, что это сделано через почту — экспресс континентальных посылок. Если Вы их не получите в течение двух дней, сообщите, пожалуйста, мне об этом.

Бокль — три тома — в наиболее дешевом издании стоит 24 шиллинга. Так как я не думаю, чтобы Вы не могли найти этой книги в Париже, то я ее не послал. Тем не менее, если она Вам нужна, Вам стоит только написать мне об этом.

Вильямс Ваше письмо получил. Вы, вероятно, читали, что его объявили умершим, — мы не мало над этим смеялись.

«Сюда приехали Врублевский и Курне»¹. Вы, вероятно, знаете, что дочери В[ильямса] вернулись.

Простите, что я сегодня не пишу Вам больше. Вы знаете, что в восемь часов я должен идти на заседание², а сейчас уже почти восемь.

Ваш Ф. Энгельс.

114.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен

[Лондон,] 12 сентября 1871 г.

Уважаемый г. Зорге!

Будьте добры передать Дж. Девой прилагаемое письмо нашего ирландского секретаря Мак-Доннелля.

У меня не было времени ответить Вам более подробно. В настоящий момент мы настолько перегружены здесь работой, что я вот уже три месяца как даже был вынужден (да и сейчас еще вынужден) прервать весьма неотложные теоретические работы.

Относительно устава замечу только, что *английское* издание — единственное аутентичное издание. Конференция выпустит аутентичные издания на английском, французском и немецком языках. Это необходимо также и потому, что различные резолюции конгресса, относящиеся к уставу, должны быть включены в устав.

Центральный комитет в Нью-Йорке не должен забывать:

1) что Генеральный совет имел связь с Америкой задолго до того, как был основан комитет;

2) что касается Манифеста, то он продавался в Лондоне, и

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Энгельсом по-русски.

² Заседание Генерального совета Интернационала.

потому каждый имел право послать его на собственный счет своим друзьям в Америку. Первая посланная в Нью-Йорк партия была так мала потому, что первое издание было раскуплено в два дня, и потому я не получил для своих посылок положенного числа экземпляров.

3) В § 6 устава определенно говорится: «Никакому независимому местному обществу нельзя запрещать вести переписку непосредственно с Генеральным советом», а Вашингтонская секция, например, заявила, что она не хочет вступать в связь с Нью-Йорком.

С братским приветом

Карл Маркс.

115.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 13 сентября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

Будьте так добры из вложенных 3 ф. 10 ш. выдать полковнику Назу 2 ф. 15 ш. и толстому русскому, которого нам прислал Лавроз, 15 ш. от моего имени под расписку.

Ваш *К. М.*

1, Maitland Park Road.

116.

Маркс — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 15 сентября 1871 г.

Дорогой гражданин!

Пойдите завтра (но Вы должны быть там *до десяти часов утра*) к г. Фюис, 35, Richmond Terrace, Clapham Road.

Г-н Фюис — француз, бывший эмигрант, *купец*. Вчера я говорил с ним о Вашем деле; я сказал ему, что буду ему очень благодарен, если он поможет Вам. Он мне ответил, что, быть может, сумеет облегчить Вам продажу некоторых Ваших картин. Чтобы проникнуть к г. Ф[юис], передайте вложенную в письмо карточку.

С братским приветом

Карл Маркс.

117.

Маркс — Густаву Квасневскому

в Берлин¹.

Рамсгейт, 29 сентября 1871 г.

Адрес: 1, Maitland Park Road,

Haverstock Hill, Лондон.

Конференция делегатов Международного товарищества рабочих, заседавшая на прошлой неделе в Лондоне, постановила, что в дальнейшем Генеральный совет не будет выдавать членских карточек. Вместо этого Генеральный совет будет рассылать марки (вроде почтовых), которые каждый член Товарищества должен будет наклеивать либо на свой экземпляр устава, либо на членские карточки, — там, где их выпускают в самой стране, как, например, в Швейцарии. Поэтому я пришлю Вам некоторое количество этих марок, как только они будут выпущены.

Что касается устава, то подготовлено его переиздание (здесь в Лондоне) на английском, французском и немецком языках (последнее издание должно быть напечатано в Германии). Согласно постановлениям конференции каждый член Товарищества должен иметь экземпляр устава. Дело в том, что в устав необходимо внести добавления и изменения в связи с различными постановлениями конгрессов, начиная с 1866 г.

На конференции Германия не была представлена ни делегатами, ни докладами, ни денежными взносами с сентября 1869 г. Прежние, чисто платонические отношения Германской рабочей партии к *Интернационалу*, при которых одна сторона ждет услуг от другой, а со своей стороны никаких услуг взамен не оказывает, — такие отношения дальше продолжаться не могут. Это компрометирует германский рабочий класс. Поэтому предлагаю Берлинской секции установить со мной непосредственную переписку; с таким же требованием я намерен обращаться и ко всем другим секциям до тех пор, пока Центральный комитет Соц[иал]-дем[ократической] рабочей партии будет продолжать попрежнему ничего не делать в отношении организации Интернационала в Германии. Пусть законы уничтожают регулярную организацию, но они не могут помешать существующей организации Соц[иал]-дем[ократической] рабочей партии фактически делать то же самое, что делается во всех других

¹ Geheimes Preussisches Staatsarchiv, Rep. 30. C. 94, Lit. A. № 223, B. I, S. 369.

странах, — вербовать индивидуальных членов, платить взносы, присылать отчеты и т. д.

В качестве члена Контрольной комиссии Соц[иал]-дем[ократической] рабочей партии Вы, быть может, сумеете лично кое-что сделать в этом направлении.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

118.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон, сентябрь 1871 г.]

Дорогой Либкнехт!

На этом покончим.

Когда я сдал тебе «Крестьянскую войну», ты не прислал мне ни одного экземпляра. Чтобы получить хоть несколько экземпляров, я должен был заказать их через здешний Рабочий союз. На этот раз я рассчитываю на приличное отношение к себе и выговариваю для себя 25 экземпляров отдельного оттиска Манифеста. Я обязан не только выполнить долг вежливости по отношению к ряду лиц, но и дать экземпляры здешним и другим немецким рабочим; кроме того, следовало бы ведь прислать экземпляров 25 *Генеральному совету*. Ты можешь приложить 50 экземпляров брошюры Боркгейма, которые мы *оплатим*, а также экземпляров по шесть всех прочих ваших изданий (Бебеля и Дицгена — по дюжине), которые мы также оплатим.

Твой Ф. Энгельс.

[На полях:] Как только получится полный оттиск, мы отпечатаем немецкий перевод и в Америке.

119.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 5 октября [18]71 г.

Дорогой друг!

Вернувшись из Рамстейта, где Джонсон¹ и я только что провели несколько дней, я нашел Ваше письмо.

¹ Маркс.

Что касается причитающихся мне денег, то я попрошу Вас до конца настоящего месяца опять подписаться для меня на три месяца на «Gazette des Tribunaux». Срок моей подписки истекает 31 октября.

Впоследствии я, может быть, опять попрошу Вас потратиться на меня в Париже, а потому не торопитесь с уплатой. Относительно Бокля и т. п. я всегда к Вашим услугам. Я буду Вам посылать также и «Eastern Post» всякий раз, когда там будет что-нибудь интересное.

Что касается фирмы «Грибер», то она вполне честна и благонадежна, так что Вы можете направлять ей товары без малейших опасений. Адрес был написан рукой Джонсона, и лицу, о котором идет речь, он был передан Серр[айе]. Кроме того, у нее имелся хороший подбор гравюр тут же на месте.

В настоящее время мы как раз испытываем некоторый недостаток в этом товаре и не можем сейчас доставить его Вам.

Я сообщил другу с Lower Charles Street¹ содержание Вашего письма. Он более не занимается этим делом, которое уже перешло в другие руки, и потому не представляет для нас теперь интереса. Чтобы дать Вам точные сведения, пришлось бы входить в бесконечные подробности; достаточно сказать, что некоторые из лиц, в интересах которых затевалось это дело, вели себя недостойно и что, несмотря на сделанные им предупреждения, они не хотят порвать связи с личностями, не заслуживающими ни кредита, ни доверия, и даже позволяют этим последним руководить собою в своих спекуляциях. Поэтому их лучшие знакомые отошли от них, считая, что поощрять операции, которые либо закончатся неудачей, либо принесут выгоды настоящим мошенникам, значило бы просто выбрасывать деньги на ветер. Впрочем, лица, о которых идет речь, получили, как мне кажется, что им следовало получить, в другом месте. Но все же среди них имеется несколько славных малых, которым нехватает капиталов для ведения дела, и, если бы была возможность достать для них какую-либо ссуду, это было бы нам очень приятно. Можно обратиться к Джонсону, который, как Вы знаете, является общим посредником в подобного рода вещах.

Передайте от меня всем друзьям дружеский привет.

Ваш Ф. Э.

---

¹ Герман Юнг. Речь идет о помощи эмигрантам-коммунарам.

120.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 11 октября 1871 г.

Дорогой Юнг!

Из прилагаемого письма Перре Вы увидите, что он еще не получил резолюций относительно Альянса и пр. Если Вы их еще не послали, то не посылайте, так как я пришлю Вам исправленную копию.

1 ф. ст. я послал Розвадовскому.

Из денег эмигрантского фонда дайте Дюрю столько, чтобы он мог съехать с квартиры, на которой он сейчас живет и которая чрезмерно дорога, если принять во внимание ее жалкое состояние. Было бы хорошо, если бы Дюрю получил достаточно денег, чтобы выкупить свои вещи из ломбарда, но, по моему мнению, ему следовало бы не перевозить их на его теперешнюю квартиру, а сложить их в Вашем доме и уйти с квартиры, *не уплатив остальной части квартирной платы, которая с него причитается.* Он уже и так уплатил больше, чем следовало, за такую дыру.

Передайте также 1 ф. ст. новоприбывшему, о котором Вы вчера говорили. Эти расходы, — именно такое употребление части денег, присланных нам из Соединенных Штатов, — я буду отстаивать, когда Совет станет обсуждать распределение этих денег.

С братским приветом

Карл Маркс.

121.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

13 октября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

Прошу считать, что 1 ф. ст. дан Розвадовскому *лично мной.*

Что касается Дюрю, то, когда пришло Ваше письмо, он уже уехал. Поэтому, если Вы уже дали ему и другие ссуды, то я скажу Совету, что возьму деньги, если расход этот *не* будет одобрен.

Относительно человека, нескромно сообщившего сведения в

«Scotsman», у меня уже с самого начала было свое, так сказать предвзятое, мнение. Впрочем, я хотел бы оказаться неправым.

Что касается Перре, то возможно, что письмо было в конце концов перехвачено. Поэтому я пишу новую, исправленную копию, которая, после того как Вы ее подпишете, должна быть отправлена *вакантным* письмом.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс.*

122.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон, около 18 октября 1871 г.]

Дорогой Юнг!

Вот статья (8-я) во французском и английском тексте:

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись *сам в определенную политическую партию, противостоящую всем старым партиям, образованным имущими классами.* Эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее высшую цель— *уничтожение классов.*»

«Объединение рабочих сил, уже достигнутое их экономической борьбой, должно также служить в руках этого класса рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров. Владыки земли и капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями, чтобы защищать и увековечивать свои экономические монополии и поработать труд.»

«Поэтому завоевание политической власти становится великой обязанностью пролетариата.»

[*К. М.*]

123.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

19 октября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

По моему мнению, Форестье должен был бы получить не 3 ф. ст., а 4 ф. ст. Если человек скомпрометирован, то надо принять меры, чтобы во время путешествия у него не произошло неприятностей из-за пустого кошелька.

Пожалуйста, напишите Утину несколько строк (письмо это должен передать ему Форестье) и попросите его:

1) Прислать мне (заказным письмом) *паспорт*, который он мне обещал.

2) Попросите его немедленно известить меня, знает ли он что-нибудь относительно новой Славянской секции в Цюрихе. Среди фигурирующих там фамилий я нашел: А. Дубов, Каспер Пурский, Эммануил Эрвачевич.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

124.

Марке — Герману Юнгу

в Лондон.

20 октября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

Мы могли бы заплатить им 2 ф. ст. и в качестве первой пробы дать им напечатать циркуляр, содержащий в себе резолюции конференции¹. Я закончу в понедельник. Вы знаете, что 500 экземпляров должны быть напечатаны по-английски и 500 по-французски. Что касается устава и прочего, то об этом еще нужно подумать.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

125.

Энгельс — Элизе Энгельс

в Бармен.

Лондон, 21 октября 1871 г.

Дорогая мама!

Не писал тебе так долго потому, что хотел ответить на твои последние замечания относительно моей политической деятельности в такой форме, которая бы тебя не обидела. Но, когда я вновь и вновь находил позорную ложь в «*Kölnische Zeitung*», в особенности гнусности этой дряни Вахенгузена, когда я видел, как те самые люди, которые во время войны видели во всей французской прессе сплошное лганье, теперь разглашают по Германии, как непререкаемую истину, каждую выдумку полиции, каждую клевету продажнейшей парижской паршивой газетки,—я приходил в такое настроение, которое

¹ Речь идет о коллективе наборщиков (из эмигрантов-коммунаров), взявшихся отпечатать документы Интернационала. См. далее письмо № 126.

мало располагало к писанию ответа. Поднимают крик из-за нескольких заложников, расстрелянных по прусскому образцу, из-за нескольких дворцов, сожженных по прусскому примеру, — ибо все остальное ложь! — но о расстреле 40 000 мужчин, женщин и детей, совершенном версальцами *после* того как оружие было отнято, об этом не говорит никто! Впрочем, вы не можете знать всего этого; вы вынуждены черпать сведения из «Кельнской» и «Эльберфельдской Газеты», которые вас буквально пичкают ложью. Однако тебе уже приходилось в своей жизни слышать, как некоторых людей ославляли настоящими людоедами, например членов Тугендбунда при Наполеоне I, демагогов 1817 и 1831 гг., людей 1848 г., а потом всегда оказывалось, что они были вовсе не так уже плохи и что под влиянием корыстной мании преследования о них сначала сочинялись всевозможные страшные небылицы, которые потом рассеивались, как дым. Надеюсь, милая мама, что ты вспомнишь об этом, и это расположит тебя в пользу людей 1871 г., когда ты будешь читать в газетах об этих вымышленных возмутительных преступлениях.

Что я не изменил ничего в своих взглядах, которые я исповедую вот уже около тридцати лет, это тебе было известно. И для тебя не должно было быть неожиданностью, что я, если бы события этого от меня потребовали, стали бы не только защищать их, но и исполнили бы свой долг во всех остальных отношениях. Тебе должно было бы быть стыдно за меня, если бы я этого не сделал. Если бы Маркса не было здесь, если бы даже его совсем не существовало, дело от этого нисколько бы не изменилось. Поэтому совершенно неверно взваливать вину на него. Впрочем, я припоминаю, что прежде родня Маркса утверждала, будто я оказал на него дурное влияние.

Однако довольно об этом. Тут уж ничего не поделаешь, и с этим приходится считаться. Когда все несколько успокоится, шум сам по себе утихнет, и ты сама будешь спокойнее смотреть на это дело.

В сентябре я провел некоторое время в Рамсгейте, небольшом или, вернее, довольно большом морском курорте на восточном берегу, немного севернее Дувра. Это — один из самых веселых курортов, который я знаю, там можно жить совсем запросто, — очень красивый каменистый пляж под отвесной меловой скалой, который весь переполнен мнимо-негритянскими уличными певцами, жонглерами, фокусниками, петрушками и тому подобной чепухой. Это — не очень фешенебельное место, зато дешевое, и здесь чувствуешь себя непринужденно. Прекрасное купанье, и так как было холодно, то это пошло мне вдвойне на пользу: аппетит у меня стал поистине ненасытный, и я спал по десять часов в сутки. Хотя я живу в одной

из самых здоровых частей Лондона, где воздух, как сказал мне врач, так же хорош, как и в деревне, все же я замечаю, какую разницу представляет такая перемена воздуха. Ты в самом деле должна была бы подумать о том, чтобы будущим летом подышать три-четыре недели морским воздухом, который даже здорового делает еще здоровее.

Моя интересная соседка с некоторых пор оставила меня в покое со своим роялем: должно быть, уехала. Зато теперь на противоположной стороне, где выстроены новые дома, есть музыкантша; внизу помещается портной, а комнаты наверху сдаются. Но покамест сносно, и мне не на что жаловаться.

Льет ужасный дождь, что совершенно неожиданно после стоявших прекрасных осенних дней. Приходится топить, между тем как еще три дня тому назад было так душно, что я не мог не открывать окна. Но в общем погода здесь гораздо лучше, чем в Манчестере; дождь почти никогда не идет целый день, между тем как в Манчестере в это время дождь часто шел непрерывно в течение двух-трех дней.

Из слов Германа и Эмилия у меня создалось впечатление, что понадобится еще некоторое время, пока они до известной степени примирятся с Адольфом. Если они на некоторое время будут удалены друг от друга, это произойдет скорее. Во всяком случае, хорошо, что раздел, по крайней мере в основном, закончен; раз разрешен денежный вопрос, то не будет, по крайней мере, никаких новых поводов для раздоров. Я надеюсь, что со временем все опять уладится.

Что касается всего прочего, то я чувствую себя хорошо и бодро, вернулся к своей первой любви, т. е. к длинной трубке, после того как, наконец, раздобыл здесь хороший табак. Сегодня вечером доставлю себе особое удовольствие — пойду, несмотря на сильный дождь, в венскую пивную, находящуюся на берегу моря, — там, можно будет, наконец, напиться досыта. Эмиль Бланк младший забегал ко мне на этих днях на минутку, я почти совсем не вижу этого вертопраха, так как почти никогда не бываю в Сити.

Ну, будь здорова! Сердечный привет всем братьям и сестрам. Не наказывай меня за мое долгое молчание.

Сердечно любящий тебя

твой Фридрих.

[На полях:] Эмилию Бланку ты можешь передать, что Маркс *не нуждается* в моих деньгах. Я хотел бы, однако, видеть, какое было бы лицо у этого самого Эмилия Бланка, если бы я попытался дать ему совет об употреблении им *его* денег.

126.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон, конец октября 1871 г.]

Дорогой Юнг!

Здесь был с прилагаемым письмом *г. Шотар*. Благодаря этому уже потеряно четыре дня. Я сказал Шотару, что мне необходимо немедленно получить революции обратно, если они не могут приготовить их немедленно.

Не понимаю, как эти самые люди смогут напечатать устав и пр.

Письмо, пожалуйста, мне возвратите.

Вам следует послать деньги эмигрантскому сброду, скажем, 10 фунтов. Чем скорее мы отделаемся от этих субъектов, тем лучше.

Ваш *К. Маркс*.

127.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

[Лондон,] 4 ноября 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Ваш мандат я на конференции использовать не мог. Было решено, что страны, не приславшие представителей, будут представлены своими секретарями. Таким образом, я представлял Италию¹; воспользовавшись же вашим мандатом, я только лишил бы Маркса его места и голоса; повтому мандат преспокойно остался у меня в кармане.

Возвращаясь к твоему элосчастному Геггу, должен сказать, что Гегг и Оджер отличаются друг от друга в двух существенных пунктах: 1) Оджер как-никак — рабочий, тогда как Гегг по самой природе своей является и навеки останется мелким буржуа; если ты относишь себя с Г[еггом] к одной партии, то мы этого здесь, разумеется, не делаем; 2) мы Оджера выкинули, а ты цепляешься за своего Гегга и не хочешь его отпустить. Не упрекнешь ли ты нас в том, что мы не цеплялись за Оджера, как ты — за Гегга.

¹ В рукописи зачеркнуто: «и Испанию».

Обратный прием Б[ернгарда] Беккера ты выразительно оправдывал тем, что вам нехватает «талантливых людей». Выходит, значит, что ты его считаешь «талантливым».

Не знаю, по какому иному адресу, кроме твоего, я должен направлять свои «грубости». Во всяком случае, я начинаю понемногу привыкать к тому, что ты, предъявляя нам всевозможные требования, не думаешь о том, чтобы, в свою очередь, хотя бы в самых элементарных вещах идти нам навстречу. Скоро мне покажется вполне естественным, если я, послав тебе рукопись целой брошюры, должен буду заказывать свои экземпляры у книгопродавца и одновременно читать в твоих письмах о том, что брошюра великолепно расходуется. В других странах, когда Генеральный совет посылает готовый к печати памфлет, ему доставляют, не дожидаясь требований, не только причитающиеся ему экземпляры, но и долю прибыли. В Германии требуют, чтобы он эти экземпляры еще и *оплатил*. Но этого *не будет*, в этом ты можешь быть твердо уверен. Так как у меня нет охоты фигурировать в ваших книгах в качестве должника, то я возвращаю счет и требую новый. Остальные издания, которые я заказал для себя, для Маркса и для Немецкого рабочего союза, мы, разумеется, оплатим, как только счет будет приведен в порядок. «Eastern Post» я высылал тебе *аккуратно каждую неделю*. Вчера еще послал один номер вместе с «Times» от 27 октября, где помещена статья об Интернационале (из хорошего источника). Если ты этого не получил, то немедленно заяви об этом на страницах «Volksstaat». Штибер должен заметить, что за ним следят.

В прилагаемой корреспонденции — ответ Швицгебелю. Это — один из главных интриганов бакунинской клики в Невшатальском кантоне, которая в течение двух лет старается взорвать Интернационал в Швейцарии, после того как попытка завладеть им с треском провалилась. Это — продолжение Альянса социалистической демократии на Юре.

Титул «Романский федеральный комитет» они узурпировали и присвоили себе, несмотря на запрещение Генерального совета; теперь конференция положила этому конец. Если Эллидин пришлет тебе что-нибудь для опубликования (в чем я очень сомневаюсь), то лучше всего — попросту вернуть ему это и дать ему мой адрес с указанием, чтобы за дальнейшими разъяснениями он обращался непосредственно ко мне. Я так его отделаю, что он уж больше тебя обременять не станет. Это слишком длинная история, чтобы ее здесь рассказывать.

Решения конференции ты получишь *по-немецки и в готовом для печати виде* через один-два дня; сейчас их как раз переводят.

О Зорге я позаботился ¹.

А вообще дела идут превосходно. В Италии у нас теперь множество органов (прилагаю тебе список для опубликования); переписка ведется настолько оживленно, что задает мне чертовски много работы. Из высланной тебе вчера «E[astern] P[ost]» ты увидишь, что мы основали здесь Английский федеральный совет и таким образом освободили Генеральный совет от чисто английских мелочей; это было крайне необходимо. Вскоре последует Ирландский совет.

Пересмотренный устав на английском языке находится в печати, готовится перевод на французский, немецкий и итальянский языки. Все это стоило нам огромного труда, так как М[арксу] и мне пришлось почти все организовать и редактировать, притом Маркс опять был болен (у него был нарыв под мышкой) и должен сидеть дома из-за простуды.

Сюда прибыл член Коммуны Жоаннар и вновь занял свой старый пост в Генеральном совете. Жюль Валлес тоже здесь, Ранвье приехал еще во время конференции, Сикар появился на-днях. О том, что бежавший вместе с Околовичем из тюрьмы Жакляр — один из лучших — благополучно пробрался в Берн, ты, вероятно, уже знаешь. Вообще это по большей части прекрасные люди; среди множества эмигрантов, как это всегда бывает, некоторое количество приходится на долю сволочи, — в том числе Вермерш, редактор «Père Duchêne», архимошенник.

Сердечный привет тебе и твоим.

Твой Ф. Э.

128.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 4 ноября 1871 г.

Дорогой Юнг!

Выдайте Бофору (у которого уже больше нет квартиры) 10 шиллингов на следующую неделю. Если он на будущей неделе напишет, что не нашел работы, нам придется отправить его в Брюссель, откуда он должен будет попытаться вернуться во Францию.

Ваш К. М.

¹ В оригинале игра слов: «Sorge ist besorgt».

129.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 6 ноября [18]71 г.

Дорогой друг!

Сегодня в Нью-Йорк посылается 100 экземпляров резолюций конференции (50 на французском языке и 50 на английском). Резолюции, не подлежащие оглашению, будут сообщены дополнительно.

Новое *пересмотренное* издание устава и регламента выйдет завтра на английском языке. Из него вы получите 1 000 штук для распространения в Америке (по 1 пенсу за штуку). Переводить устав на французский и немецкий языки в Нью-Йорке не следует, так как мы выпускаем *официальное* издание на обоих этих языках. Напишите нам, сколько вам нужно экземпляров на этих языках.

Переписку с немецкой секцией и с Нью-йоркским комитетом я уступил *Эккариусу* (его назначили, по моему предложению, на эту должность), так как время, которым я располагаю, не позволяет мне как следует выполнять эту обязанность. Секция № 12 (Нью-Йорк) предложила Генеральному совету признать ее руководящей секцией в Америке. Резолюции, осуждающие эти претензии и высказывающиеся за сохранение теперешнего комитета, *Эккариус*, вероятно, уже переслал секции № 12.

По отношению к Вашингтонской секции (которая прислала Генеральному совету список своих членов) Нью-йоркский комитет зашел слишком далеко. Он не имел права требовать никаких иных сведений, кроме сообщения числа членов и фамилии и т. д. секретаря-корреспондента.

Остальное сообщу в следующем письме (на этой неделе).

Ваш *К. М.*

130.

Маркс — Фердинанду Йозевицу

в Берлин¹.

Лондон, 6 ноября 1871 г.

Дорогой друг!

Посылаю Вам один экземпляр французского перевода резолюций конференции. Они опубликованы также и на английском языке, а немецкий перевод будет завтра отправлен в «*Volksstaat*».

¹ Geheimes Preussisches Staatsarchiv, Rep. 30, C. 94, Lit. A. № 205, B. I, S. 130—131.

Английское издание устава и организационного регламента Интернационала выйдет завтра в свет. Немецкое издание, по всей вероятности, выпустим в Лейпциге, а французское — в Женеве. Согласно последним резолюциям конференции каждый член Товарищества должен иметь экземпляр устава. Марки я пошлю Вам, как только они будут готовы.

Что касается Берлина, то, по-моему, публичных митингов «вообще» устраивать не следует до тех пор, пока там не будет проведена большая пропагандистская работа. Пока же для митингов и печатных манифестов следует использовать конкретные случаи, имеющие принципиальное значение и общественный интерес.

Ближайшим подходящим поводом может быть позорный процесс, который возбужден против членов бывшего Комитета социал-демократической партии в Брауншвейге, где основным пунктом обвинения является принадлежность к Интернационалу. Но хорошо было бы подождать до открытого судебного разбирательства, которое привлечет внимание Германии к Бр[ауншвейгу].

Таким же подходящим поводом будут законопроекты об Интернационале, которые правительство предполагает внести в рейхстаг. Немецкие рабочие, я надеюсь, будут так же энергично выступать против правительственного вмешательства, как выступали испанские рабочие в аналогичных случаях.

Я допустил *одну* ошибку в моем последнем письме. Бебель прислал мне *один* подробный отчет в 1870 г. в тот момент, когда мы назначили конгресс в Майнце (незадолго до объявления войны).

Не только по обязанности секретаря-корреспондента для Германии, но и из личной симпатии мне будет очень приятно поддерживать постоянную переписку через Вас и Квасневского с прочими друзьями в Берлине.

Привет и братство.

Карл Маркс.

131.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

[Лондон,] 9 ноября [18]71 г.

Дорогой друг!

Прилагаю при сем несколько изменений, отчасти просто исправление опечаток¹. Некоторую важность имеют только изменения,

¹ Имеется в виду т. I «Капитала».

относящиеся к страницам 192, 201, 288, 205а (примечание) и 376, так как тут дело идет отчасти о самом содержании.

Было бы бесполезно *дожидаться* переработки первой главы, так как я за последние месяцы так занят (и в ближайшем будущем мало надежды на улучшение по этой части), что никак не могу приняться за свои теоретические работы.

Конечно, в один прекрасный день я положу конец всему этому, но бывают обстоятельства, когда чувство долга принуждает вас заниматься вещами, несравненно менее привлекательными, чем теоретические изыскания и исследования.

Горячо благодарю Вас за проявленное Вами по отношению ко мне участие. С сочинениями Эрлиба¹ я отчасти уже знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро.

Я получил несколько курьезных номеров «Московских Ведомостей».

Искренно Ваш

А. В[ильямс]

Стр. 68, примечание 52, строка 2 снизу — следует читать «pe rouvant» вместо «не rouvant pas».

Стр. 83, примечание 62, строка 6 снизу — следует читать: «specie» вместо «species».

Стр. 192, строка 3 сверху — следует читать: «ежегодный оборот» вместо «ежегодный доход».

Там же, строка 7 сверху — следует читать: «из $\frac{23}{23}$ » вместо «из этих $\frac{23}{23}$ рабочего часа», так что вся фраза будет теперь гласить: «из $\frac{23}{23}$, которые составляют всю сумму в 115 000 ф. ст. и т. д.».

Там же, после примечания 32, стр. 192 — следует поставить: «Вставка автора к примечанию 32: «Изложение Сениора, даже не говоря о его содержании, путаное. Он хочет сказать следующее:

«Фабрикант ежедневно занимает рабочих в течение $11\frac{1}{2}$, или $\frac{23}{2}$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, рабочий год состоит из $\frac{23}{2}$ часа (именно из $\frac{23}{2}$ рабочих часа, умноженных на число рабочих дней в течение целого года). При этом предположении:

$\frac{23}{2}$ рабочих часа производят общий продукт [стоимостью в]
115 000 ф. ст.

$\frac{1}{2}$ рабочего часа производит $\frac{1}{23} \times 115\ 000$ ф. ст.

$\frac{23}{2}$ рабочих часа производят $\frac{23}{23} \times 115\ 000$ ф. ст. = 115 000 ф. ст.

$\frac{20}{2}$ рабочих часа производят $\frac{20}{23} \times 115\ 000$ ф. ст. $\times 100\ 000$ ф. ст.,

¹ То-есть Добролюбова. Маркс дает его фамилию по-немецки (Ehrlieb).

следовательно они возмещают только истраченный капитал в 100 000 ф. ст. Остающиеся $\frac{3}{2}$ рабочих часа производят $\frac{3}{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 15 000 ф. ст., т. е. валовую прибыль.

«Из этих $\frac{3}{2}$ рабочих часа $\frac{1}{2}$ рабочего часа производит: $\frac{1}{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 5 000 ф. ст., т. е. она производит только возмещение за снашивание фабрики и машин <остающиеся же> последние $\frac{2}{2}$ рабочих часа, т. е. *последний рабочий час*, производят последние $\frac{2}{23}$ продукта, следовательно $\frac{2}{23} \times 115\,000$ ф. ст. = 10 000 ф. ст., т. е. он производит чистую прибыль. Что и требовалось доказать».

Но в тексте *Сениор* говорит: «Остающиеся $\frac{2}{23}$, т. е. оба последних получаса каждого дня, производят чистую прибыль в 10%». Таким образом, он вдруг смешивает $\frac{1}{23}$ часть, на которую он подразделил продукт, с тем $\frac{1}{2}$ часом, на который он подразделил рабочий день».

Стр. 201, строка 7 и следующая снизу — следует читать: «Но если ты в десять лет потребляешь ее, то ты выплачиваешь мне ежедневно не $\frac{1}{3650}$ ее общей стоимости, а $\frac{1}{10950}$, т. е. только $\frac{1}{3}$ ее ежедневной стоимости, и, следовательно, ежедневно *обкрадываешь* меня на $\frac{2}{3}$ стоимости моего товара».

Стр. 288, примечание 205 а — следует читать: «*Молекулярная теория*, применяемая в современной химии, впервые научно разработанная Лораном и Жераром, не основывается ни на каком ином законе»; следовательно нужно выпустить слова: «намеченная проф. Бюрцем в Париже и т. д.».

Стр. 307, строка 8 сверху — следует читать: «animal spirits» вместо «animal spirit».

Стр. 309, примечание 15, строка 4 сверху — следует читать: «le poisson» вместо «la poison».

Стр. 319, примечание 26, строка 9 снизу — следует читать: «dévider» вместо «divider».

Строка 6 снизу — следует читать: «dévidenses» вместо «dividenses» и «teinturiers» вместо «teinturieurs».

Стр. 376, строка 20 сверху — следует читать: «чем меньше дает стоимости» вместо «чем меньше создает стоимости».

Стр. 593, примечание 60, строка 16 снизу — следует читать: «ses services» вместо «ses services».

Стр. 658, строка 17 снизу — следует читать: «2 вильберггроша 6 пфеннигов» вместо «1 вильберггрош 8 пфеннигов».

132.

Марке — Людвигу Кугельману
в Ганновер

[Лондон,] 9 ноября 1871 г.

Дорогой Кугельман!

У меня все еще так много работы, что я могу написать тебе лишь эти несколько строк.

Документ¹ получен. Он представляет собою достойное подражание венскому прототипу, который был позднее изъят из Венского кассационного суда.

Прилагаю французскую и английскую копии резолюций. Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой К. М.

133.

Марке — Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 9 ноября 1871 г.

Дорогой друг!

Третьего дня я послал Вам 100 экземпляров резолюций конференции, 50 на английском языке и 50 на французском.

На этой неделе Вам будут посланы 1 000 штук пересмотренного официального устава и регламента на английском языке. Постарайтесь их распространить.

Генеральному совету приходится нести большие расходы в связи с выполнением различных работ, порученных ему конференцией.

Официальное французское издание пересмотренного устава и прочее мы отпечатаем в Женеве, а официальное немецкое издание — в Лейпциге. Напишите нам, сколько приблизительно экземпляров на обоих языках понадобится вам в Соединенных Штатах.

Среди здешних французских эмигрантов образовалась секция Интернационала — «Французская секция 1871 г.» (насчитывающая приблизительно 24 человека), которая сейчас же стала ссориться с Генеральным советом из-за того, что мы потребовали изменения ее устава. По всей вероятности дело дойдет до раскола. Эти люди действуют совместно с частью французских эмигрантов в Швейцарии, которые, в свою очередь, ведут интриги вместе с приверженцами распущенного нами «Альянса социалистической демократии»

¹ Приговор над членами Германской социал-демократической рабочей партии (Бракке и др.), вынесенный в Брауншвейге в конце октября 1871 г.

(Бакунин). Объектом их нападков являются не правительства и господствующие классы Европы, объединившиеся против нас, а лондонский Генеральный совет и в особенности моя скромная персона. Это в благодарность за то, что я потерял почти пять месяцев на хлопоты об эмигрантах и своим «Манифестом о гражданской войне» спас их честь.

Еще на конференции, где испанские, бельгийские, швейцарские и голландские делегаты высказывали опасения, что Генеральный совет может потерять свой международный характер благодаря слишком большой примеси французских эмигрантов, я выступил в их защиту. Но в глазах этих «интернационалистов» грехом является уже одно то обстоятельство, что в Генеральном совете перевешивает «немецкое» влияние (потому что немецкая наука).

Относительно Нью-Йоркского центрального комитета могу сообщить следующее:

1) Согласно резолюциям конференции — см. II, 1 — он должен в будущем быть переименован в *Федеральный совет* или *Федеральный комитет* Соединенных Штатов.

2) Как только в различных штатах образуется *более значительное* число секций, будет наиболее практичным созвать — по примеру Бельгии, Швейцарии и Испании — конгресс различных секций для избрания Федерального совета или комитета в Нью-Йорке.

3) В различных штатах — как только в них будет достаточное число секций — могут, в свою очередь, образовываться федеральные комитеты, по отношению к которым Нью-Йоркский комитет будет являться центральным пунктом.

4) Специальные уставы как Н[ью]-и[оркского] федерального комитета, так и комитетов, которые образуются впоследствии, должны быть сообщены в окончательной форме до своего опубликования Генеральному совету для получения его санкции.

В Италии мы делаем быстрые успехи. Огромная победа над партией Мадзини. В Испании успех также значительный. В Копенгагене образовалась новая секция, которая насчитывает уже 1 500 членов и издает собственную газету «Socialisten».

Мы переслали обвинительный акт Брауншвейгского суда против тамошнего бывшего комитета, Бракке и товарищей, — подлый документ.

Мы все очень сожалеем, что Вы хотите выйти из комитета. Но я надеюсь, что Ваше решение не окончательное. Я и сам часто подумываю о том же, так как дела Интернационала отнимают у меня слишком много времени и прерывают мои теоретические работы.

Кстати. Я хотел бы получить дюжину экземпляров «Woodhull's etc. Weekly» от 31 октября, где помещен рассказ моей дочери. Экземпляр этого номера лишь случайно попался нам на глаза.

С братским приветом

Карл Маркс.

134.

Маркс — Карлу Шпейеру

в Нью-Йорк¹.

Лондон, 10 ноября 1871 г.

1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Дорогой Шпейер!

Лесснер передал мне Ваше письмо. Перегруженность работой, а потом болезнь помешали мне ответить Вам раньше. В Вашем письме есть ряд ошибок:

1) Согласно уставу Генеральный совет в стране янки должен прежде всего иметь в виду самих янки.

2) Что же касается частной переписки с Вестом и другими, то до этого Генеральному совету нет решительно никакого дела. Некоторые английские члены Генерального совета, а именно Дж. Гаррис и другие сектанты из школы О'Брайена — *urgency-quack-doctor* [знахарь по части денежного обращения], находятся в сношениях с Вестом и К^о. То, что они пишут в Соединенные Штаты, не носит официального характера. Если Вы сможете привести доказательства того, что Гаррис и другие позволяют себе вести корреспонденцию с Америкой *от имени Генерального совета*, то это безобразие будет быстро ликвидировано.

3) Что касается прочей переписки членов Генерального совета, то мы ее запретить не можем.

Во-первых: Относительно переписки Эккариуса с Джессупом; я не знаю, что можно было бы против нее возразить. У меня нет никаких данных, чтобы Джессуп, один из старейших наших корреспондентов в Соединенных Штатах, действовал против Нью-йоркского комитета.

Во-вторых: Моя корреспонденция с Зигфридом Мейером; Мейер и Фогт имели мандаты Генерального совета; лично я их обоих не знаю, но всегда считал Мейера и считаю Фогта старыми активными членами рабочей партии. Я уже давно советовал обоим вступить в основанную Центральным комитетом в Нью-Йорке организацию.

От Фогта я уже несколько лет не получал ни одного письма.

¹ Копия, написанная неизвестной рукой.

Если он *интригует*, то, конечно, не найдет во мне опоры; я действую только в интересах вашего движения, а не в интересах частных лиц.

Что касается Зорге, то лично я его знаю так же мало, как Мейера и Фогта. Но я убежден, что Генеральный совет должен быть ему очень благодарен за его деятельность, — мнение, которое я неоднократно высказывал в Генеральном совете.

4) Тред-юнионы вы должны во что бы то ни стало завоевать.

Это письмо направлено только лично Вам. Не сообщайте его никому, за исключением Зорге.

Пишите мне скорее.

С братским приветом преданный Вам

Карл Маркс.

135.

Энгельс — Теодору Куно

в Милан.

Лондон, 13 ноября 1871 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый друг!

На Ваше милое письмо от 1-го числа настоящего месяца должен Вам, к сожалению, ответить, что в настоящее время у нас в Милане нет никаких связей, за исключением «Gazz[ettino] Rosa», в которую мы посылаем документы для опубликования, но которая не дала нам никаких предложений об образовании секций и пр. Движение в интернациональном духе началось в Италии так быстро и так неожиданно, что все там находится еще в очень неорганизованном состоянии, да и кроме того, как Вы знаете, мардохейцы¹ делают все, чтобы препятствовать организации. Что в Милане подходящие элементы есть, видно уже из того, что у «Gazz[ettino] R[osa]» находятся читатели; пока Вам не остается ничего другого, как постараться отыскать такие элементы, я же обещаю прислать Вам адрес первого, кто ко мне оттуда обратится. Это, наверное, случится скоро, так как благодаря предстоящим теперь многочисленным публикациям Генерального совета мое имя, как секретаря для Италии, вероятно, довольно скоро станет повсюду известно. Милан — до сих пор главный центр мадзинизма и крупный промышленный город — для нас особенно важен еще и потому, что вместе с Миланом мы приобретем промышленные шелкообрабатывающие округа Ломбардии. Поэтому то, что Вы и Ваши друзья сможете сделать в Милане для общего дела, будет *особенно ценно*.

¹ Энгельс имеет в виду полицию.

В Турине у нас есть сильная секция (адрес — «Proletario Italiano»), письма из Лоди (от «Plebe») затерялись — по всей вероятности в них также сообщалось об образовании секции.

Сегодня утром я видел у Маркса Ричьотти Гарибальди; это очень интеллигентный молодой человек, очень спокойный, но скорее солдат, чем мыслитель. Он может, однако, стать очень полезным. Ведь и старик¹ в своих теоретических взглядах проявляет больше доброй воли, чем ясности, тем не менее его последнее письмо к Петрони представляет для нас громадную ценность. Если его сыновья в моменты всех великих кризисов проявят такой же правильный инстинкт, как и старик, то они смогут многое сделать. Не могли ли бы Вы добыть для нас надежный адрес в Генуе? Дело в том, что необходимо надежным путем переслать наши издания старику на Капреру, а Р[ичьотти Гарибальди] говорит, что многое перехватывается.

Псылаемые мне письма, — мое имя, вероятно, уже известно мардохейцам, — прошу адресовать так: мисс Бернс, 122, R[egent's] P[ark] R[oad], N. W. Лондон (как написано выше), а не на High Holborn, куда я прихожу только раз в неделю и где часто корреспонденция залеживается.

Внутренний конверт *не* нужен.

Псылаю почтой первую попавшуюся под руку английскую газету и вкладываю в нее:

1. Résolutions de la Conférence de l'Internationale à Londres. Sept. 1871. [Резолюции Лондонской конференции Интернационала от сентября 1871 г.].

2. «Гражданская война во Франции». Манифест Генерального совета.

3. Новое издание устава, напечатанное до сих пор лишь по-английски. Французское и немецкое издания скоро появятся.

Напишите мне поскорее.

Привет и братство.

Ф. Энгельс.

136.

Маркс — Герману Юнгу
в Лондон.

[Лондон,] 16 ноября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

Из прилагаемого письма, которое я прошу вернуть мне обратно, Вы увидите, что нам представляется удобный случай установить связь с парижскими рабочими без разрешения Рулье.

¹ Джузеппе Гарибальди.

Существует ли какой-либо союз или общество ювелиров? Если да, то было бы хорошо, чтобы Вы обратились непосредственно к нему.

Сокращение рабочего времени парижских ювелиров было бы очень важно для лондонцев, так как Париж является их главным конкурентом.

С братским приветом

Карл Маркс.

137.

Маркс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 17 ноября 1871 г.
1, Maitland Park Road,
Haverstock Hill.

Дорогой Либкнехт!

1) О напечатании устава и пр. — в следующем письме.

2) Твои замечания о моих советах насчет Берлина основаны на сплошном недоразумении. Я высказывался против демонстраций, для которых нет повода, и, напротив, указал на «поводы», и вдобавок предстоящие в ближайшем будущем, при которых демонстрации имеют почву и шансы на успех.

3) Ты и Бебель не являетесь на конференцию и не принимаете мер, чтобы явились другие делегаты, а затем ты печатаешь корреспонденцию Боруттау, в которой тот, будучи, быть может, *бессознательно* орудием женеvских заговорщиков против Генерального совета, упрекает последний в том, что не были привлечены делегаты от Германии. Это уже истолковано в Женеве бакунистами и стакнувшимся с ними эмигрантским охвостом в том смысле, что Маркс потерял свое влияние даже в Германии!

4) Ты можешь быть уверен, что я лучше тебя осведомлен об интригах внутри Интернационала. Поэтому, если я тебе пишу, что в «*Volksstaat*» нельзя печатать таких писем Боруттау, которые имеют *хоть какое-нибудь* отношение к Интернационалу (в том числе и анонсированную уже *рукопись*, которую тебе послал тот же Боруттау), то ты должен просто решить, хочешь ли ты действовать *против* нас или *вместе* с нами. В последнем случае надлежит прямо выполнять мои указания, основанные на точном знании обстановки.

5) Так как мы здесь очень недовольны тем, как велись до сих пор дела Интернационала [в Германии], то на мне, согласно поручению Генерального совета, лежит обязанность вступить в непосредственные сношения с главными пунктами Германии, к чему я уже приступил.

6) Мы здесь настолько завалены международными делами, что Энгельс и я до сих пор не могли удосужиться написать предисловие к «Коммунистическому манифесту». Во всяком случае, мы не станем его писать для того, чтобы открыть в «Volksstaat» полемику с г. Боруттау.

Твой К. М.

138.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 18 ноября [18]71 г.

Дорогой Юнг!

По некотором размышлении я пришел к заключению, что будет все же лучше,

1) если Вы напишете Дилку просто от своего имени, не называя меня.

2) *Во вторник кандидатуры Курне еще не предлагать.* Для него самого лучше не слишком спешить.

Сердечный привет Вашей милой жене.

С братским приветом

Карл Маркс.

139.

Маркс — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Лондон,] 22 ноября [18]71 г.

Дорогой гражданин!

Моя болезнь все время заставляет меня сидеть дома, так что я не мог сделать всего, что мне хотелось бы сделать для того, чтобы поддержать честные элементы в «Qui vive». Тем не менее, я говорил с некоторыми из моих французских друзей, но не знаю, начали ли они действовать.

Что касается условий приема в *Интернационал*, то достаточно признания наших принципов. Я посылаю Вам 30 членских карточек. Вы можете их использовать по мере того, как будете находить новых кандидатов. Они должны платить только один пенни ежегодных взносов, но могут пожертвовать и больше, если захотят. Вам придется только вписать в карточки имена новых членов.

Посылаю вам также 30 экземпляров устава. Каждый член Товарищества должен получить один экземпляр ценою в один пенни.

Согласно резолюции, принятой на последней конференции, в настоящий момент изготавливаются наклепные марки ценой в пенни, которые должны быть наклеены на экземпляры устава, имеющиеся у каждого члена Интернационала.

Те, кто уже оплатил свои карточки, не должны платить снова за эти марки.

Брошюра о «Гражданской войне во Франции» продается у Трюлова, 256, High Holborn.

Братский привет.

Карл Маркс.

140.

Маркс — Фридриху Больте

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 23 ноября 1871 г.

Дорогой Больте!

Я получил вчера Ваше письмо вместе с отчетом Зорге.

1) Прежде всего, что касается отношения Генерального совета к Нью-йоркскому федеральному совету, то я надеюсь, что мои письма, посланные за это время Зорге (а также письмо Шпейеру, которое я разрешил ему показать *конфиденциально* Зорге), устранили совершенно неправильное мнение представляемой Вами немецкой секции. В Соединенных Штатах, как и во всякой другой стране, в которой *Интернационал* еще только предстоит основать, Генеральный совет должен был сначала снабжать полномочиями отдельных людей и назначать их своими официальными корреспондентами. Но с того момента, как Нью-йоркский комитет несколько укрепился, корреспонденты были один за другим устранены, хотя нельзя же было устранить всех их сразу.

Официальная переписка с ранее назначенными уполномоченными довольно давно уже ограничивается перепиской между Эккариусом и Джессупом, и из Вашего собственного письма я вижу, что Вы отнюдь не жалуетесь на последнего.

Кроме же Эккариуса официальной переписки с Соединенными Штатами никто не вел, исключая меня и Дюпона, бывшего корреспондента для *французских секций*, и, поскольку он вел корреспонденцию, она ограничивалась лишь *этими последними*.

Я, кроме Вас и Зорге, вообще ни с кем не вел официальной переписки. Моя корреспонденция с Э[игфридом] Мейерсом является частной перепиской, *из которой он никогда ничего не*

опубликовывал и которая по самому своему характеру не могла *никоим образом* помешать или повредить Нью-йоркскому комитету. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что Дж. Гаррис и, может быть, Бун — два английских члена Генерального совета — ведут частную переписку с членами Интернационала в Нью-Йорке и т. д. Оба они принадлежат к секте покойного Бронтера О'Брайена и полны глупостей и причуд, вроде шарлатанских рецептов из области денежного обращения, неверно понятой эмансипации женщин и т. д. Поэтому они — естественные союзники Нью-йоркской секции № 12 и всех ей сочувствующих.

Генеральный совет не имеет права воспрепятствовать своим членам частную переписку. Но если бы нам было *доказано*, что эта частная переписка выдается за *официальную* или что она противодействует работе Генерального совета, помещением ли сведений в печати или интригами, направленными против Нью-йоркского комитета, то нами были бы предприняты необходимые шаги для пресечения подобного безобразия.

Эти последователи О'Брайена, несмотря на их глупости, часто представляют в Совете необходимый противовес тред-юнионистам. Они более революционны, придерживаются радикальных взглядов в земельном вопросе, менее националистичны и недоступны буржуазному подкупу в той или иной его форме. Если бы не это, их давно бы выставили за дверь.

2) Я был чрезвычайно изумлен, узнав, что немецкая секция № 1 подозревает Генеральный совет в каком-то пристрастии к буржуазным филантропам и сектантским или любительским группам. В действительности дело обстоит как раз наоборот.

Интернационал был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный устав и Учредительный манифест сразу же указывают на это. С другой стороны, Интернационал не смог бы упрочиться, если бы сектантство не было уже разбито ходом истории. Развитие социалистического сектантства и развитие настоящего рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Секты имеют свое (историческое) оправдание до тех пор, пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся в сущности реакционными. Впрочем, в истории Интернационала повторилось то же самое, что обнаруживается повсюду в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм.

История Интернационала тоже была *непрерывной борьбой Генерального совета* против сект и дилетантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого Интернационала против подлинного движения рабочего класса. Борьба эта велась *на конгрессах* и в еще большей степени путем специальных совещаний Генерального совета с отдельными секциями. Так как в Париже прудонисты (мютюэлисты) были в числе учредителей Товарищества, то естественно, что в первые годы они стояли в Париже во главе движения. Впоследствии там в противовес им образовались, конечно, коллективистские, позитивистские и прочие группы. В Германии — клика лассальянцев. Я сам в продолжение двух лет состоял в переписке с пресловутым Швейцером и неопровержимо доказал ему, что лассальянская организация есть просто сектантская организация и, как таковая, враждебна организации *действительного* рабочего движения, к которой стремится Интернационал. Но у него были свои «причины» не понять этого.

В конце 1868 г. в *Интернационал* вступил русский Бакунин с целью создать внутри него и *под своим собственным руководством второй Интернационал* под названием «Альянса социалистической демократии». Он — человек без всяких теоретических знаний — претендовал на то, чтобы в этой особой организации быть представителем *научной* пропаганды Интернационала, и хотел сделать ее специальностью этого *второго Интернационала внутри Интернационала*.

Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов* (!), отмена права наследования как *исходная точка* социального движения (сен-симонистская чепуха), *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как догма, а в качестве главной догмы (*по-прудонистски*) *воздержание от участия в политическом движении*.

Эта детская азбука встретила сочувственный прием (и до известной степени находит поддержку еще и теперь) в Италии и Испании, где реальные предпосылки рабочего движения еще мало развиты, а также среди некоторых тщеславных, честолюбивых, пустых доктринеров в Романской Швейцарии и в Бельгии.

Для г. Бакунина его доктрина (белиберда, составленная из кусочков, взятых у Прудона, Сен-Симона и пр.) была и есть дело второстепенное, лишь средство для его личного возвеличения. Но если он в теоретическом отношении нуль, то как интриган он в своей стихии.

Генеральному совету приходилось годами бороться *против этого*

заговора (который до известной степени встречал поддержку у французских прудонистов, особенно в *Южной Франции*), пока, наконец, резолюциями (Лондонской) конференции — I, 2 и 3, IX, XVI и XVII — он не нанес давно подготавливавшийся удар.

Само собой понятно, что Генеральный совет не станет поддерживать в Америке того, против чего он борется в Европе. Резолюции I, 2 и 3 и IX дают теперь Нью-йоркскому комитету законное оружие, чтобы покончить со всяким сектантством и дилетантскими группами и в случае надобности исключить их.

3) Нью-йоркский комитет поступит хорошо, если выразит в *официальном письме Генеральному совету* полное согласие с резолюциями конференции.

Бакунин (которому, кроме того, резолюция XIV — об опубликовании в «Egalité» процесса *Нечаева* — угрожает лично, так как это разоблачит его гнусные русские делишки) пускает в ход все, что в его силах, чтобы с помощью своих оставшихся приверженцев инсценировать протесты против конференции. С этой целью он вступил в связь с опустившейся частью французской эмиграции (впрочем, численно незначительной) в Женеве и Лондоне. Данный им пароль гласит, что в Генеральном совете якобы господствует *пангерманизм* (или *бисмаркизм*). Это относится к тому *непростительному факту*, что я по происхождению немец и действительно имею в Генеральном совете решающее интеллектуальное влияние. (N. В.: *немецкий элемент* в Совете *численно* на две трети слабее английского, а также слабее *французского*. Грех, следовательно, заключается в том, что английские и французские элементы в *теоретическом отношении* находятся под господствующим влиянием (!) немецкого элемента и находят это господство, т. е. немецкую науку, чрезвычайно полезным и даже необходимым.)

В Женеве, под покровительством одной буржуазной дамы, мадам Андре Лео (которая на Лозаннском конгрессе так бесстыдно донесла на Ферре его версальским палачам), они начали издавать газету «La Révolution Sociale», которая полемизирует с нами почти буквально в тех же выражениях, что и «Journal de Genève», эта самая реакционная газета Европы.

В Лондоне они попытались создать французскую секцию, образец работы которой Вы найдете в прилагаемом № 42 «Qui vive» (см. также номер, содержащий письмо нашего французского секретаря Серрайе). Эта секция, состоящая из 20 человек (среди которых много шпионов), не признана Генеральным советом, но зато признана другая, гораздо более многочисленная.

В действительности, несмотря на интриги этой шайки проходивцев, мы ведем широкую пропаганду во Франции и России, где Бакунина ценят по достоинству и где как раз сейчас печатается на русском языке моя книга о «Капитале».

Секретарем вышеназванной французской секции (нами не признанной и теперь находящейся в состоянии полного распада) состоял тот самый *Дюран*, которого мы, как шпиона, исключили из Товарищества.

Приверженцы бакунинского воздержания от политики Блан и Альбер Ришар из Лиона состоят в настоящее время *платными бонапартистскими агентами*. Доказательства этого у нас в руках. Корреспондент Бурке (из той же женевской клики) в *Безье* (Южная Франция), по сведениям, доставленным нам местной секцией, служит в полиции!

4) Относительно *резолюций* конференции следует заметить, что все издание было в моих руках и что я в *первую очередь* отправил их в Нью-Йорк (Зорге), как в самый отдаленнейший пункт.

Если в прессе появились раньше чем следовало — наполовину ложные — известия о конференции, то виноват в этом один из делегатов ¹, относительно которого Генеральный совет постановил произвести расследование.

5) Что касается Вашингтонской секции, то она сначала обратилась к Генеральному совету, чтобы войти в Интернационал в качестве самостоятельной секции. Если дело это уже улажено, то возвращаться к нему излишне.

Относительно секций нужно вообще заметить следующее:

а) Седьмая статья устава гласит, что секции, желающие оставаться независимыми, должны обращаться по вопросу о приеме непосредственно в Генеральный совет. («Ни одному независимому обществу нельзя запретить вести переписку непосредственно с Генеральным советом».) Статья II, 4 и 5, регламента: «Каждая новая секция, или общество (это относится к «независимым местным обществам»), намеревающиеся присоединиться к Интернационалу, обязаны заявить о своем присоединении непосредственно Генеральному совету» — статья II, 4, и «Генеральный совет имеет право допускать или отвергать включение новой секции и т. д.» — статья II, 5.

б) Согласно пятой статье регламента Генеральный совет должен, однако, выслушать предварительно по вопросу о приеме мнение федеральных советов или комитетов и т. п.

¹ Георг Энкариус.

с) В силу принятого на конференции решения — см. статью V, 3, регламента — секциям, присваивающим себе сектантские названия и т. д., или, согласно статье V, 2, не конституирующимся в качестве секций Международного товарищества рабочих, в приеме отказывается.

Содержание этого письма, пожалуйста, сообщите той немецкой секции, представителем которой Вы состоите, для руководства, но не для опубликования.

Привет и братство.

Карл Маркс.

«Капитал» еще не появился ни на английском, ни на французском языках. Французское издание готовилось, но было приостановлено из-за последних событий.

Эккариус был, по моему требованию, назначен секретарем *всех* секций Соединенных Штатов (за исключением французских, секретарем которых состоит Ле-Муссю), тем не менее я с большим удовольствием буду отвечать на Ваши или Зорге частные запросы. Статью из «Irish Republic» об Интернационале Энгельс отправил для опубликования в Италию.

Номера «Eastern Post» с отчетами о заседаниях Генерального совета в дальнейшем будут посылаться в Нью-Йорк, на адрес Зорге.

Н. В. К вопросу о политическом движении:

«Политическое движение» рабочего класса имеет, само собой разумеется, своей конечной целью завоевание им для себя «политической власти», а для этого, конечно, необходима «предварительная организация рабочего класса», достигшая известной ступени развития и вырастающая из самой его экономической борьбы.

Но, с другой стороны, всякое движение, в котором рабочий класс выступает *как класс* против господствующих классов и пытается победить их путем «давления извне», есть «политическое движение». Так, например, попытка принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в отдельной отрасли промышленности с помощью стачек и т. п. ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. п., есть *политическое* движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, т. е. движение класса, стремящегося провести свои интересы в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую «пред-

варительную организацию», то, с другой стороны, они в такой же степени являются и средством развития этой организации.

Там, где рабочий класс еще недостаточно развил свою организацию, чтобы начать решительный поход против коллективной власти, т. е. политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае готовить к этому при помощи постоянной агитации против этой власти и при помощи враждебной позиции по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках, как это доказала Сентябрьская революция во Франции и как это до известной степени доказывает игра, которая до сих пор удается г. Гладстону и К^о в Англии.

141.

Энгельс — Кармело Палладино

в Неаполь.

[Черновик.]

Лондон, 23 ноября 1871 г.

Гражданин Палладино!

Только что получил Ваше письмо от 13-го с. м. и благодарю Вас за «Историю Неаполитанской секции», которую я представляю Генеральному совету на его очередном заседании. Каковы бы ни были решения Совета относительно опубликования этого сочинения, необходимые конспиративные меры будут во всяком случае приняты.

Очень жаль, что Вы считаете своим долгом заявить мне, что Вы совершенно не согласны с резолюциями последней конференции. Так как организованной секции Интернационала в Неаполе более не существует, как это видно даже из Вашего письма, то я могу принять Ваше заявление только как выражение Вашего личного мнения, а не мнения насильственно распушенной Неаполитанской секции. Но, чтобы не было никаких недоразумений, я отвечу Вам на это подробно.

1) Вы недовольны «тем, как была созвана эта конференция; это, конечно, не соответствует предписаниям нашего общего устава».

В ответ на это обвинение можно привести два соображения:

а) Совершенно верно, наш общий устав не предусматривает конференций, — он знает только конгрессы; устав был составлен под влиянием более или менее наивной веры в то, что правительства предоставят нам свободу действий. Когда же в 1870 г. правительства

поставили нас в невозможность созвать конгресс, секции, которые были немедленно запрошены, подтвердили полномочия Генерального совета и продолжили их, предоставив ему право решать вопрос о времени и месте созыва следующего конгресса. В 1871 г. правительства сделали созыв конгресса еще более невозможным¹. Если Вы в этом сомневаетесь, можно привести доказательства. Но Вы этого не сделаете; так как Вы «оказались не в состоянии собрать Неаполитанскую секцию Интернационала», то с 20 августа 1871 г. она не могла уже выбрать делегата на конгресс. И то же самое во Франции, Германии, Австрии, в Испании, Федеральный совет которой вынужден был искать убежище в Португалии!

Что же было делать? Оставался прецедент 1865 г., когда, по известным соображениям, полуоткрытый конгресс был заменен закрытой конференцией, собравшейся в Лондоне, созыв и действия которой были санкционированы следующим конгрессом. Вы можете мне сказать, что эти прецеденты являются буржуазным и авторитарным хламом, недостойным истинных пролетарских революционеров, а я Вам отвечу, что общий устав и организационный регламент, резолюции конгрессов и т. п. принадлежат к той же категории, но, к сожалению, ни одно товарищество — даже самое революционное — не может без них обойтись. И вот, Генеральный совет, под свою ответственность, предложил секциям заменить конгресс, оказавшийся в данный момент невозможным, возможной конференцией, — возможной потому, что делегаты не будут известны правительствам. Секции приняли это предложение, ни одна не выразила протеста. Совет готов ответить за свои действия перед будущим конгрессом.

b) Что касается самого созыва конференции, то он происходил вполне правильно. Все федерации, все отдельные секции, находившиеся в регулярных сношениях с Генеральным советом, были предупреждены (приглашены) своевременно.

c) Впрочем, если бы и можно было сделать возражения относительно законности или способа созыва конференции, то их следовало

---

¹ Далее зачеркнуто: «Во Франции Товарищество было распущено, в Испании, Италии, Германии и Австро-Венгрии оно подверглось преследованиям, которые его совершенно дезорганизовали. Оставались Америка, Англия, Бельгия, Швейцария в качестве единственных стран, в которых члены Интернационала могли, по крайней мере, собираться открыто. Но и в Бельгии провозглашают закон против Интернационала. Выборы делегатов на конгресс который, согласно уставу, должен иметь публичные заседания, наряду с организационными заседаниями, должны были...»

представить либо до, либо во время конференции. Ни одного выражения сделано не было.

2) Вы жалуетесь на «малое количество делегатов». Но это — не вина Генерального совета. Однако там были представлены непосредственно Бельгия, Испания, Голландия, Англия, Германия, Швейцария и Россия. Что касается Франции, то присутствовали почти все члены Парижской Коммуны, находившиеся тогда в Лондоне, и, я думаю, Вы не станете оспаривать действительности их мандата. Если Италия не послала делегатов, то это вина вашего правительства ¹.

3) Вы говорите, что эти делегаты «присвоили себе права всеобщего конгресса». Это совершенно противоречит фактам. Резолюции конференции совершенно не касаются содержания устава. Одни из них только подтверждают резолюции прежних конгрессов, мало или совсем неизвестные секциям и членам, вступившим в последнее время. Другие носят чисто организационный характер. Отнюдь не превышая полномочий конференции, ни те, ни другие не выходят за пределы компетенции Генерального совета.

4) Затем Вы протестуете против «самого содержания тех резолюций, которые с Вашей точки зрения противоречат принципам нашего Товарищества, зафиксированным в нашем уставе».

Против этого я решительно возражаю и жду доказательств с Вашей стороны. Основатели Интернационала, — те, кто составляли устав и резолюции конгрессов нашего Товарищества, — были очень хорошо представлены на конференции, и, Вы извините меня, я доверяю, прежде всего, их толкованию этого устава и толкованию, сделанному последующими конгрессами. Не забывайте, что Интернационал имеет свою собственную историю и что эта история, которой он имеет полное основание гордиться, является лучшим комментарием к уставу. Интернационал отнюдь не намерен отречься от этой славной истории, и стихийное движение пролетарских масс в пользу нашего Товарищества, — движение, которое в Италии отличается большей определенностью и большим энтузиазмом, чем где бы то ни было, — самое блестящее подтверждение не только буквы устава, но также и всей истории Интернационала. Каковы бы ни были Ваши опасения относительно большой ответственности, которую взял на себя Генеральный совет, Совет останется всегда верным тому знамени, которое вот уже в течение семи лет доверяли ему

---

¹ Зачеркнуто: «по отношению к которому вам уже давно пора организовать действительную оппозицию».

рабочие всего цивилизованного мира. Он относится с уважением к индивидуальным мнениям, он готов передать власть в руки своих уполномоченных, но, пока он облечен властью верховного руководства Товариществом, он будет неустанно следить за тем, чтобы характер движения, сделавшего Интернационал тем, чем он является теперь, не был извращен, и будет сообразоваться с решениями конференции, пока какой-либо из конгрессов не вынесет других решений.

Согласно X резолюции конференции нет никаких препятствий к тому, чтобы распущенная Неаполитанская секция была восстановлена под именем «Неаполитанской рабочей федерации» или под каким-либо другим названием.

[Ф. Э.]

142.

Маркс — Юлию Балашевичу-Потоцкому

в Лондон.

Лондон, 25 ноября 1871 г.

Международное товарищество рабочих,
256, High Holborn, W. C.; 1, Maitland
Park Road, Haverstock Hill, N. W.

Милостивый государь!

Вместе с этой запиской я посылаю Вам четыре экземпляра «Устава и регламента» и несколько экземпляров «Резолюций Лондонской конференции».

Французское издание «Устава» и т. д. будет опубликовано через несколько дней. Напишите мне, пожалуйста, сколько экземпляров этого издания Вам нужно.

Все прочие сообщения, имеющие отношение к *Интернационалу*, адресуйте, пожалуйста, на имя генерала В. Врублевского (22, Vincent Terrace, Islington), который является секретарем Генерального совета для Польши.

Ваш *Карл Маркс*.

143.

Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих

в Мадрид.

[Черновик.]

Лондон, 25 ноября 1871 г.

Испанскому федеральному совету.

Мадрид.

С тех пор как гражданин Лоренцо вернулся с последней конференции, мы не имеем от вас никаких известий. Я вам написал два

письма; в последнем, заказном, письме от 8-го числа текущего ноября, я просил вас немедленно написать нам и объяснить это молчание. До сих пор мы не получили никакого ответа; однако у нас есть сведения о том, что незначительное меньшинство членов Интернационала, стремясь посеять раздор в рядах Товарищества, составляет заговор против резолюций конференции и против Генерального совета, распространяя всякого рода клевету. Не приходится сомневаться в том, что ваше таинственное молчание обязано именно тому, что вы получили подобные письма. Если это так, то мы хотим, чтобы вы нам сообщили, поскольку это является вашей обязанностью, обвинения или жалобы, выставленные против нас, чтобы мы могли их опровергнуть.

Во всяком случае вы не можете продолжать это молчание, противоречащее нашему общему уставу, предписывающему вам посылать нам регулярные отчеты. Мы требуем немедленного ответа на настоящее письмо; если вы на него не ответите, то мы должны будем заключить, что ваше молчание является преднамеренным и что вы верите упомянутой клевете, не имея мужества сообщить нам об этом. И мы будем вынуждены поступить в этом случае так, как от нас этого требуют интересы Интернационала.

[Ф. Э.]

144.

Маркс — Юлию Балашевичу-Потоцкому

в Лондон.

Лондон, 29 ноября 1871 г.

Международное товарищество рабочих.

1, Maitland Park Road, Haverstock Hill, N. W.

Милостивый государь!

Французское издание «Общего устава и регламента» будет готово лишь через несколько дней, и тогда я пошлю Вам несколько экземпляров. Я буду рад видеть Вас у себя после шести часов вечера.

Искренно Ваш

Карл Маркс.

145.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 ноября 1871 г.

Международное товарищество рабочих,

256, High Holborn, W. C.

Дорогой Зорге!

Надеюсь, что Вы получили, наконец, в Нью-Йорке резолюции конференции и ряд писем, которые я Вам посылал. Вместе

с настоящим письмом посылаю Вам три последних отчета «Eastern Post» о заседаниях Генерального совета. Конечно, они содержат только то, что предназначено для опубликования.

Относительно финансовых вопросов я должен заметить лишь следующее:

1) Нью-йоркский комитет должен платить только по 2 пенса за экземпляр полученной им брошюры о «Гражданской войне». За экземпляр «Устава и регламента» он будет платить по 1 пенсу по мере того, как они будут распродаваться. Но Вы должны написать нам, сколько Вам нужно экземпляров французского и немецкого изданий устава и т. д. Может быть, кроме того, что Вам нужно немедленно, Вы найдете полезным иметь некоторое количество экземпляров про запас.

2) Относительно присланных нам, для эмигрантов, денег, Генеральный совет желает получить определенное письменное заявление о том, что за распределение их среди французских эмигрантов ответственен один только Генеральный совет и что так называемое «Общество французских эмигрантов в Лондоне» не имеет права контролировать Совет.

Это необходимо потому, что, хотя в массе своей члены вышеназванного общества честные люди, возглавляющий их комитет состоит из *негодяев*, и потому значительная — и притом наиболее порядочная — часть эмигрантов не желает иметь ничего общего с этим «обществом», а хочет получать помощь непосредственно от Совета. Поэтому мы еженедельно выдаем известную сумму обществу для распределения среди членов, другую же сумму распределяем непосредственно.

Именно вышеупомянутые негодяи и распространяли наиболее грязную клевету по адресу Генерального совета, без помощи которого (причем многие из его членов жертвовали не только своим временем, но и давали деньги из собственного кошелька) французские эмигранты давно «окопели бы с голоду».

Теперь перехожу к вопросу относительно Мак-Доннелля. Прежде чем допустить его в свой состав, Совет произвел чрезвычайно тщательное расследование его личной честности, так как на него, как и на *всех* прочих ирландских политиков, не мало клеветают его собственные земляки.

Получив совершенно бесспорные данные о его личном характере, Совет избрал его, потому что *масса проживающих в Англии ирландских рабочих* доверяет ему больше, чем *кому бы то ни было другому*. Этот человек стоит выше религиозных предрассудков, а что

касается его общих взглядов, то нелепо говорить, что у него какие-то «буржуазные» наклонности. По образу жизни и по своим идеям он пролетарий.

Если кто хочет предъявить ему какие-либо обвинения, то пусть сформулирует их точно, а не в виде туманных намеков. По моему мнению, ирландцы, долгое время отсутствовавшие, так как они находились в тюрьме, вовсе не являются компетентными судьями. Лучшее доказательство этому — их отношения с «*Irishman*», издатель которого Пиготт — простой спекулянт, а коммерческий руководитель Мерфи — негодяй. Эта газета все время интриговала против нас, несмотря на все, что Генеральный совет делал для ирландского движения. В этой газете Мак-Доннель подвергался постоянным нападкам со стороны одного ирландца (О’Доннеля), связанного с Кемпбеллем (чиновником лондонской полиции); это — горький пьяница, который за стакан джина раскроет первому же полицейскому все известные ему тайны.

После назначения Мак-Доннеля, Мерфи в «*Irishman*» повел атаку и стал клеветать на *Интернационал* (а не только на Мак-Доннеля), а *сам в то же время* тайно просил нас назначить его секретарем для Ирландии.

Что касается О’Донован Росса, то меня удивляет, что Вы до сих пор ссылаетесь на него как на авторитет, — после всего того, что Вы мне о нем писали. Если кто был лично обязан *Интернационалу* и французским коммунарам, так это именно он, а Вы видели, какую благодарность мы от него получили.

Пусть ирландские члены Нью-йоркского комитета не забывают, что для того, чтобы быть им полезными, мы должны прежде всего иметь *влияние на ирландцев в Англии*, а в этом отношении, поскольку мы могли установить, нет лучшего человека, чем Мак-Доннель.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

Трен никогда не получал никаких полномочий от Генерального совета.

146.

Энгельс — П. Л. Лаврову
в Париж.

Лондон, 29 ноября 1871 г.

Дорогой Сидоров!

Я получил Ваши два последние письма. Если я не смог ответить Вам раньше, то в этом виноват молодец Бакунин¹, который

¹ «Молодец Бакунин» написано Энгельсом по-русски.

причинил нам бесконечно много хлопот своими интригами. Положение обостряется, и вскоре в прессе разразится открытая война. Хотят открытого раскола. Это наступит очень скоро, рассказывать же Вам о всем этом слишком долго и скучно. Само собой разумеется, что так как нам приходится иметь дело с этими глупостями, то ни Джонсону¹, ни мне не остается времени для работы.

Благодарю Вас за то, что Вы снова потратились для меня, подписавшись на «Gazette de Tribunaux».

Относительно Врубл[евского] мы уже получили сведения через Розвадовского, который оставил свое первое место, но несколько дней спустя нашел другое.

Мы сделали все, что было в наших силах, но так как у этого человека упрямый и до чрезвычайности гордый характер, то нам пришлось вести себя очень осторожно; тем не менее, мы полагаем, что нам удалось добиться хотя бы того, что он не будет нуждаться по крайней мере в самом необходимом. Как Вы знаете, он отказывается от всякой врачебной помощи, и победить этот предрассудок будет еще труднее.

У Джонсона был легкий бронхит и один-два *фурункула* — не столько опасные, сколько мучительные; он был на заседании Совета — в первый раз за целый месяц. Но в общем он чувствует себя не плохо. У нас здесь стоит отвратительная погода, из-за которой все ходят с насморком.

Что же касается интриг здесь на месте, то они с каждым днем теряют значение. Несколько честных людей, которые позволили себя в них увлечь, отошли и предоставили действовать настоящим негодяям, с которыми уже не приходится считаться. В Швейцарии дело обстоит хуже, потому что Малон и прочие попали в расставленную для них ловушку, — одни по слабости, другие из-за тщеславия. Тем хуже для них, — мир не остановится из-за их промахов!

Ваш Ф. Э.

147.

Энгельс — редакции «Proletario Italiano»

в Турин.

[Черновик.]

Лондон, 29 ноября 1871 г.

В редакцию «P[roletario] It[aliano]».

Граждане!

В 39-м номере вашей газеты помещена декларация туринских рабочих, где мы читаем:

¹ Маркс.

«Мы заявляем публично, что решение Большого совета в Лондоне — поставить социализм на второй план после политики — было сообщено нам редакцией «Proletario» немедленно по его обнаружении и что такое решение не носило официального характера, потому что было снова отменено Большим советом ввиду того, что многие европейские ассоциации целиком его отвергли бы, так же, как и мы».

Это утверждение вынуждает Генеральный совет заявить:

1) что он никогда не принимал никакого решения поставить социализм на второй план после политики;

2) что поэтому он не может отменять такого решения;

3) что никакая европейская или американская ассоциация не могла отвергнуть такое решение и не отвергала никакого иного решения Генерального совета.

Позиция Генерального совета в отношении политического действия пролетариата достаточно определена.

Она определяется:

1) Общим уставом, который гласит в четвертом пункте: «что экономическое освобождение рабочего класса есть та великая цель, которой *всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство*».

2) Текстом Учредительного манифеста Товарищества (1864 г.), — этим официальным и обязательным комментарием к уставу, в котором говорится: «Землевладельцы и капиталисты всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут воздвигать всевозможные препятствия на его пути. Завоевание политической власти всегда является великой обязанностью рабочего класса».

3) Резолюцией Лозаннского конгресса (1867 г.), принятой с этой целью: «Социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения».

4) IX резолюцией Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), которая, в согласии со всем предшествующим, напоминает членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и его политические действия связаны неразрывным образом.

Этой предписанной таким образом линии поведения Совет всегда следовал и будет следовать в будущем.

Поэтому вышеупомянутое сообщение, сделанное неизвестно кем редакции «Proletario», он объявляет ложным и клеветническим.

По распоряжению и от имени Генерального совета

Секретарь для Италии Ф. Э.

Сию минуту получил из Женевы «La Révolution Sociale», в которой сообщается, что небольшая группа из Юры отвергла решения Лондонской конференции. Никакого официального сообщения Генеральному совету сделано не было. Как только Совет получит это сообщение, он примет необходимые меры.

148.

Энгельс — Джузеппе Бовиани ¹

[Лондон,] 30 ноября 1871 г.

Гражданин Джузеппе Бовиани принят в члены Международного товарищества рабочих и уполномочен принимать новых членов и организовывать новые секции при условии, что как он, так и вновь принимаемые члены и секции признают для себя обязательными официальные акты Товарищества, а именно:

Общий устав и регламент,
Учредительный манифест,
Резолюции конгрессов,
Резолюции Лондонской конференции от сентября 1871 г.

По распоряжению и от имени Генерального совета

Секретарь для Италии *Фридрих Энгельс.*

149.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 15 декабря [18]71 г.

Дорогой Либкнехт!

Необходимые меры относительно Шнейдера будут приняты в понедельник в здешнем Немецком рабочем союзе. К сожалению, туда пустили слишком много сторонников Швейцера, и если бы у нас не было Франкеля, то весь союз за последнее время попал бы в их руки (номера «[Neuer] Social-Demokrat» мною *только что* получены). Как Фр[анкель] может *протестовать* против перепечатки своего старого письма, — а ты этого требуешь, — для меня неясно.

¹ Черновик мандата со штампом: «International Working men's Association, 256, High Holborn, London, W. C.», и круглой печатью: «International Working men's Association, General Council, London».

О первой половине письма он, наверное, жалеет; что же касается второй, направленной против твоих буржуазно-демократических поползновений того времени, то она содержит только то, что мы тебе тогда тоже писали. Второй автор в «N[eu]er S[ocial]-D[emokrat]» — во всяком случае Вебер.

Против Шнейдера: 1) само собой понятно, что делегаты конференции *были* избраны. Отвечать на прочие его глупые вопросы было бы смешно; 2) 15 французов состоят: из *одного члена Коммуны, Шалена*; нескольких спившихся субъектов; Б. Ландека, который на процессе Интернационала в Париже заявил, что он действительно состоял в Интернационале, но *больше никогда не будет*; трех человек, которые вовсе не принадлежат к Интернационалу (а только к этой вновь образовавшейся лондонской французской секции, которая никогда не была признана), — и вся беда именно в том, что этих людей с их противоречащим уставу Интернационала уставом не хотели признать здешней французской секцией. Тейс и Авриаль, единственные порядочные люди в секции, *не подписали* этой прокламации и теперь опять начинают сближаться с нами! Зато в Генеральном совете сидят теперь восемь членов Коммуны (Серрайе, Франкель, Вайян, Курне, Ранвье, Арно, Жоаннар, Лонге), и у нас есть французская секция численностью в 50 человек, в состав которой входят наиболее порядочные из эмигрантов. Рулье — не член Коммуны, а хвастливый спившийся сапожник. И этих 15 человек «[N]eu[er] S[ocial]-D[emokrat]» называет «известными французскими вожжами»!

То, что «N[eu]er S[ocial]-D[emokrat]» говорит об Английском федеральном совете и о Дилке, заимствовано из *намеренно искаженного* отчета *буржуазной* печати («Daily News» и пр.) и неверно.

Корреспонденция «N[eu]er S[ocial]-D[emokrat]» из Дании доказывает, что они с *местными* людьми не имеют *никаких* связей. Но было бы хорошо, если бы ты написал редактору копенгагенского «Socialisten» Г. Бриксу или его заместителю Л. Пио и предложил им корреспонденции из Германии в обмен на корреспонденции из Дании, написанные по-немецки или по-английски. По-английски они понимают. Впрочем, ты за две недели можешь научиться датскому языку настолько, чтобы понимать «Socialist[en]» словаря Таухница достаточно, никакой грамматики этот язык не имеет. Адрес: Редакция «Socialis[ten]», Копенгаген.

Между прочим: «Qui vive» *задохнулась* неделю тому назад в собственных испражнениях. Может быть, редактор Вермерш и не был шпионом, но писал он, во всяком случае, так, что французская

полиция не могла пожелать лучшего. В последний момент газеты предложили нам, но мы такого наследства не пожелали, и газета испустила дух.

Боруттау. Возвращаемое при сем письмо показывает еще больше, чем предыдущее, что этот осел действительно с *головой* запутался в бак[унистских] сетях. Если он порицает осуждение Альянса или требует обязательного атеизма для всех членов Интернационала, — бакунизм это или нет? Если он частично поддерживает жалобы людей по поводу дел, в которых он ничего не смыслит, — каждое слово, сказанное им о конференции, ложь, — бакунизм это или нет? И *его*-то ты хочешь использовать против них? Может быть, он и «честен», но принадлежит к той породе честных дураков с большущими претензиями, вражда которых мне милее их дружбы; *от нас* этот болван и путаник не получит ни строчки. События в Женеве, вероятно, разъяснили ему дело или окончательно отбросили его в бак[унистские] ряды, где ему и место. Почему ты не попросишь его прислать тебе «*Révolution Sociale*», в особенности №№ 5, 6 и 7? Я предполагаю, что ты читаешь «*Egalité*»; это абсолютно необходимо, чтобы быть *au courant* [в курсе дела].

Ты не можешь постичь того, что *все* женевские коммунары оказались против нас. На этот вопрос, для меня не представляющий никакого интереса, ты сам себе сможешь легко ответить, если припомнишь поведение разных эмигрантских групп 1849 и 1850 гг., когда люди часто группировались совершенно случайно. *Все* женевские коммунары сводятся к трем лицам: Малону, Лефрансе и Остину, остальные — люди совершенно незначительные.

Если ты говоришь, что в отсутствии на конференции представителя Германии повинен М[аркс] с его конспиративными затеями, то мы должны заявить, что это не так. М[аркс] писал только, что *полиция* не должна об этом *ничего* знать. Неужели же ты не можешь известить о конференции ваш Комитет или *другие местные* группы так, чтобы полиция об этом не узнала? Хороша была бы такая «организация»! Правда, мы хотели из-за континентальной полиции провести конференцию негласно, но ведь это не значит, что если ты и Бебель не могли приехать, вы не должны были принять мер к тому, чтобы явились другие! М[аркс] *решительно отвергает* это утверждение.

Action souterraine [подпольная деятельность] означает в данной связи не что иное, как работу без шума и пропаганду без стремления к публичности во что бы то ни стало в противоположность французским крикунам, вроде Пиа, требовавшим ежедневного выпуска кроважанных прокламаций; с такими крикунами велась борьба.

С *Испанией* все ясно, мы одержали решительную победу. Соответствующее решение конференции получило *признание* (статью «Emançipacion» об этом ты найдешь в «Egalité»), и даже воздержание от выборов, на котором они пока еще настаивают, близко к краху. Впрочем, комедия воздержания ограничивается лишь несколькими бакунистами и остатками прудонистов (от большинства их мы избавились) и на этот раз окончательно провалилась. С *Испанией* — дело решенное.

Об *английской* грюндерской горячке я тебе писал. О *немецкой* я ничего не знаю. Нет ли у тебя соответствующего материала? Без него ничего не сделаешь.

Твое мнение, что германским членам Интернационала не надо платить взносов и что вообще безразлично, имеет ли Интернационал в Германии много или мало членов, — прямая противоположность нашему взгляду. Если вы не взыскали взносов по 1 зильбергрошу с человека в год или сами их истратили, то вам придется подумать о том, как вам выйти из положения. Как вы можете предполагать, что другие нации будут нести за вас расходы, между тем как вы *«духовно»* пребываете среди них подобно Иисусу Христу, но спасаете свою плоть и свои деньги, — для меня непостижимо. Во всяком случае нужно положить конец этим платоническим отношениям; немецкие рабочие должны находиться либо в Интернационале, либо *вне* его. Французы испытывают совсем иного рода гнет, а во Франции мы организованы лучше, чем когда-либо. Если ты лично относишься к этому безразлично, то мы должны будем обратиться к другим, но будь уверен: так или иначе мы добьемся в этом деле ясности.

Устав по-английски и по-французски занимает *меньше* одного печатного листа, так что особого приложения, пожалуй, не понадобится, — в противном случае сообщи нам, сколько будет стоить, с одной стороны, набор и, с другой стороны, особое приложение, и мы тогда решим, как нам быть.

M[аркс] работает над вторым изданием «Капитала», я по горло занят итальянской и испанской перепиской и всякими другими делами; когда удастся найти время для предисловия к «[Коммунистическому] манифесту», — посмотрим.

Сердечный привет от нас всех тебе и твоим.

Твой Ф. Э.

1872 год.

150.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 2 января [18]72 г.

Дорогой Либкнехт!

Прежде всего поздравляю с Новым годом, а затем — прилагаю корректуру ¹.

Относительно штибериады в «D[eutsche] A[llgemeine] Z[eitung]» тебе, вероятно, писал М[аркс] или Тусси. Штука эта была настолько прозрачна, что не стоило и писать, чтобы доказывать тебе ее вымышленность; тратить же деньги на телеграмму уже вовсе не имело смысла. Ты был совершенно прав, тотчас же признав в ней подделку. Сравни имена, большею частью перевернутые, с подлинными подписями на постановлениях конференции, и ты получишь прямое доказательство подлога ².

Твое письмо еще у М[аркса], поэтому я не могу тебе ответить по пунктам.

Во всяком случае вы должны найти форму, которая сделала бы возможным ваше представительство на ближайшем конгрессе, а если никто не сможет приехать, вы можете поручить это представительство здешним старикам. Так как, по всей вероятности, бакунисты и прудонисты пустят в ход решительно все, то мандаты будут строго проверяться, и делегация, состоящая, например, из тебя и Бебеля лично, или же присланный мне мандат не произвели бы благоприятного впечатления. С испанцами дело обстоит так же скверно, как и с вами, но они не позволяют сбивать себя с толку. Впрочем, брауншв[ейгский] приговор не правило. Подобное свинство, при котором вдобавок ссылаются на законы Союзного сейма, возможно только

¹ Речь идет о корректуре немецкого перевода устава I Интернационала.

² Энгельс имеет в виду лживое сообщение «Deutsche Allgemeine Zeitung» о постановлениях Лондонской конференции I Интернационала. Сообщение было опубликовано в декабре 1871 г.

в выродившемся мелком государстве. Бебелю следовало бы протестовать против этого в рейхстаге, прогрессисты должны будут либо присоединиться к вам, либо осрамиться перед всей Германией. Если у меня найдется хоть сколько-нибудь времени, я пришло в «Volksstaat» критику (юридическую) этой жалкой стряпни.

В Испании, по сообщению Лафарга (он был или теперь находится в Мадриде), — все благополучно; бакунисты своими неистовыми выступлениями хватили через край; испанцы — рабочие и хотят прежде всего единства и организации. Ты, вероятно, получил последний циркуляр Сонвильерского конгресса, в котором они нападают на базельские решения по организационному вопросу как на источник всех бед. Это — капля, переполнившая чашу, и нам пора действовать.

Тем временем Гинс, Стеенс и К^о в Бельгии устроили нам каверзу (см. постановление Брюссельского конгресса в «Internationale»). Де-Папа они бессовестно водили за нос, он писал, что все обстоит благополучно. Однако эта оппозиция пока держится в легальных рамках и с течением времени будет тоже преодолена. За исключением Де-Папа, от бельгийцев всегда было мало толку.

Одно общество в Мачерате (в Романье) избрало в почетные председатели троих — Гарибальди, Маркса и Мадзини. Этот сумбур даст тебе точное представление о состоянии общественного мнения итальянских рабочих. Для полноты недостает лишь Бакунина.

Завтра вышлю вырезки из «Eastern Post» (два заседания); у меня не сохранилось последнего номера, я получу его только сегодня на заседании.

Сердечный привет твоим и Бебелю.

Твой Ф. Э.

Н. В. Не переменял ли ты адреса? Brautst[rasse], 11?

151.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 3 января 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Прилагаю вырезки из «East[ern] Post».

Прилагаемую статью *крайне необходимо тотчас же* пустить в печать¹. С уставом можно подождать. Я принимаю меры, чтобы

¹ Речь идет о статье Энгельса «Der Kongress von Sonvilliers und die Internationale» [«Сонвильерский конгресс и Интернационал»]. Статья была напечатана в № 3 «Volksstaat» от 10 января 1872 г., см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

в «Egalité» появился перевод статьи и чтобы в этом виде она проникла во все уголки Бельгии, Италии и Испании.

Твой Ф. Э.

162.

Маркс — Марри-Мальтману Барри

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 7 января [18]72 г.

Б а р р и.

Милостивый государь!

Сожалею, что Вы не застали дома ни меня, ни г. Энгельса. Повидимому, в своих письмах Вы исходили из той мысли, что мы образуем особую партию в Совете. Если мы выступали против г. Хейлза в тех случаях, когда мы считали его неправым, то мы только выполняли свой долг¹; при подобных обстоятельствах мы придерживались бы такой же линии поведения по отношению ко всякому другому члену Совета. Но при чем тут партия? Никаких партий в Совете нет. Среди друзей г. Хейлза есть очень достойные люди, которые долгое время работали в пользу нашего дела.

Если г. Моттерсхед «согласился выставить свою кандидатуру в секретари», то мы во всяком случае не просили его об этом. Его положение платного секретаря «Лиги рабочего представительства» делает это почти невозможным. После заседания в прошлый вторник г. Энгельс определенно сказал Вам, что он еще не решил, за кого следует голосовать, и что в настоящее время ни одна из сторон нас не удовлетворяет. Поэтому мы решили предоставить нашим континентальным друзьям действовать по их собственному усмотрению.

По нашему мнению, важнее всего определить положение и состав Федерального совета. Что касается должности секретаря, то это — вопрос главным образом персональный, который, пожалуй, не следует, да и невозможно разрешать наспех. Во всяком случае это будет зависеть от обстоятельств.

Искренно Ваш

К. М.

¹ Зачеркнуто: «членов Совета».

153.

Энгельс — Карло Терцаги
в Турин.

[Черновик.]

Лондон, 14 января [18]72 г.
256, High Holborn.

Т е р ц а г и, Т у р и н.

Дорогой Терцаги!

Если на Ваше письмо от 4-го минувшего декабря я не ответил раньше, то только потому, что хотел дать Вам точный ответ на вопрос, который Вас интересует прежде всего, а именно — о деньгах для «Proletario».

Вы знаете, что миллионы Интернационала существуют только в испуганном воображении буржуазии и правительств, которые не могут понять, каким образом товарищество, подобное нашему, могло завоевать такое выдающееся положение, не располагая миллионами. Посмотрели бы они отчеты, представленные последней конференции! ¹

Несмотря на всю бедность, мы готовы были вотировать вам 150 франков, когда пришла «Gazzettino Rosa» с известием и т. д. Это изменило все. Если бы вы просто решили послать делегата на будущий конгресс, это было бы хорошо. Но конгрессу адресован циркуляр, полный выдумок и ложных обвинений против Генерального совета. Неужели вы не могли хотя бы даже подождать ответа Генерального совета на этот циркуляр? Совет увидел в вашей резолюции только доказательство того, что вы стали на сторону обвинителей, не дождавшись защиты со стороны Совета. Затем наступили праздники ², и разрешение переслать вам деньги, о которых идет речь,

¹ Зачеркнуто: «Несмотря на все, этому продолжают верить, но вреда это нам не причинит. В ответ на Ваше письмо было решено купить несколько акций «Proletario» на имя Генерального совета, который был представлен мною, но тут случилось...»

² Зачеркнуто: «из-за которых заседание от 26-го не состоялось и т. д. и т. д. Наконец, я могу Вам сказать, что если Вы хотите продолжать газету и если у Вас есть основания надеяться, что это можно сделать, то я уполномочен направить Вам 5 ф. ст., т. е. приблизительно 160 итальянских лир, взамен которых Вы мне вышлете соответствующие акции на мое имя. Напишите мне поспешно, чтобы в случае, если газета возродится, — а я на это надеюсь, — я смог бы без задержки направить Вам деньги. Одновременно напишите мне, достаточно ли будет писать по адресам, указанным в Вашем последнем письме (К. К. — Мирандола, Э. П. — Болонья), без указания номера и улицы, потому что я не хотел бы, чтобы мои письма писались для полиции. Вам, вероятно, уже послан циркуляр Федерального конгресса».

было отменено. Между прочим, получили ли Вы «Egalité» с ответом Романского комитета, который в десять раз больше, чем юрцы, представляет швейцарских рабочих? Но из самого юрского циркуляра уже обнаруживается злостное намерение автора.

Конечно, никто не оспаривает у секций их автономии, но нельзя представить себе федерацию, которая не уступила бы некоторых прав федеральным комитетам и, в конечной инстанции, Генеральному совету.

...¹ с Юры в Швейцарии, которая нападает на Генеральный совет и требует немедленного созыва конгресса. Генеральный совет ответит на эти нападки. Впрочем, он уже отъезжал в Женевской «Egalité», которую вместе с двумя английскими газетами, содержащими отчеты о заседаниях Генерального совета, я Вам послал три дня назад². Сначала они стремились поспорить с нами под предлогом конференции, теперь же они нападают на нас, потому что мы выполняем резолюции Базельского конгресса, — резолюции, которые мы *обязаны* выполнять. Они не признают никакой власти за Генеральным советом, даже *если бы эта власть была добровольно признана всеми*. Я очень хотел бы знать, как без этой власти (*autorità*, как они ее называют) можно было бы воздать по заслугам и Толену, и Дюрану, и Нечаеву, равно, каким образом с помощью красивой фразы об автономии секций, — как об этом заявляется в циркуляре, — намерены они помешать вторжению мардохейцев и предателей.

А знаете ли Вы, кто были авторы и защитники этих резолюций об авторитаризме? Делегаты Генерального совета? Ни в коем случае. Эти авторитарные мероприятия были предложены бельгийскими делегатами и Швицгебелем, Гильомом и Бакуниным, которые были *самыми горячими их защитниками*. Вот как обстоит дело.

Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, то осуществляется именно акт власти. Недостаток централизации и власти стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с властью и т. д., что хотите, но для борьбы нам нужно соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в одном пункте атаки. А когда мне говорят о власти и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при всяких обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорят, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами лишь на словах.

¹ Здесь в рукописи пропуск.

² Зачеркнуто: «Эти граждане после того, как пытались нас».

Если Вы хотите знать, что сделали на практике для Интернационала авторы циркуляра, прочтите их собственный официальный отчет конгрессу о положении Юрской конфедерации («Révolution Sociale», Женева, номер от 23 ноября 1871 г.), и Вы увидите, до какого состояния разложения и слабости они довели федерацию, бывшую еще за год до этого очень крепкой. Мне кажется, что фразами о «власти» и централизации они слишком злоупотребляют.

Вот каковы те люди, которые хотят реформировать Интернационал.

Братский привет.

Ваш Ф. Энгельс.

154.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 18 января 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

С бельгийцами дело обстоит так: Де-П[ап] — единственный дельный человек, но делает немного; Стеенс — осел и интригует, быть может, еще больше, а Гинс — прудонист и уже в силу этого, — а еще более из-за своей русской жены, — тяготеет к Бак[унину]. Остальные — марионетки. С другой стороны, бельгийские рабочие отнюдь не склонны поднимать бунт в Интернационале. Отсюда — кисло-сладкая формулировка постановления. К счастью, г. Гинс сам себя перехитрил, так как рабочие газеты, не знающие закулисных дел, излагают постановление *дословно* и видят в нем заявление в *нашу пользу*. Так, например, поступают «Tagwacht», мадридская «Emancipación» и т. д.

Постановления конференции не обязательны, так как созыв ее сам по себе является незаконной мерой, которая может быть оправдана только необходимостью. Поэтому одобрение [постановлений] очень желательно.

Будет хорошо, если ты истолкуешь бельгийское постановление в указанном выше смысле, как это сделала «Tagwacht», и при этом оговоришь, что резолюция о пересмотре устава, согласно которой вопрос должен сначала обсуждаться на *их* конгрессе (июнь), а затем должен быть передан очередному международному конгрессу (а это не может произойти ранее законного срока, т. е. сентября), является отклонением бакунистского требования о *немедленном* созыве конгресса. Ты можешь еще отметить, что если бельгийцы думают, будто Генеральный совет является только корреспондентским бюро, то

они, видимо, забыли базельские постановления, которые носят совершенно иной характер и во всяком случае сохраняют силу до их отмены очередным международным конгрессом.

Мы пока предполагаем созвать конгресс в положенный срок; место созыва определять еще рано, однако это не будет, конечно, ни Швейцария, ни Германия.

Номер «*Volksstaat*» с своей статьей¹ я получил в одном экземпляре, следующего номера совсем не получал. Маркс получил следующий номер, но моей статьи не получил! Это, вероятно, произошло по вине экспедиции. Пошли мне немедленно *подлюжисины экземпляров* № 3 и один экземпляр № 4. Мне нужно несколько экземпляров для корреспондентов в Италии, читающих по-немецки и т. п.

М[аркс] очень благодарит за деликатность, проявленную при посылке «*Neuer Social-Demokrat*», который своим неожиданным прибытием до того, как были приняты контр-меры, мог только напрасно взволновать его жену. Рабочий союз ответит на это, а также на выступление Шнейдера, и перешлет свой ответ «*Volksstaat*»². Пока прилагаю заметку, которая не очень-то понравится этим господам. Что касается Рабочего союза, то там тоже произошла курьезная история. Шнейдер, а также старый осел и прохвост Шерцер, думая, что в их руках большинство, связались с Вебером и через его посредство с оппозиционными французами и предложили, чтобы Союз *отрекся от Интернационала*. Наши вели себя расхлябанно, многое проворонили, допустили [в ряды Союза] слишком много мерзавцев, но тут уже стало не в моготу; они забились тревогу, и предложение было отклонено большинством 27 против 20. Вслед за этим предложили исключить этих 20, но голосовать ввиду скандала было невозможно. Наши тотчас же приняли меры к спасению имуществу Союза, собрались в другом помещении и исключили группу 20-ти. Эта группа теперь наложила в штаны и беспомощна, но все же имела наглость послать Шерцера во вторник в качестве *своего делегата* в Генеральный совет! Конечно, его не приняли.

Союз ультрафедералистических французов с ультрацентралистическими немцами тоже недурен³. Притом у этих французов тоже

¹ См. письмо Энгельса к Либкнехту от 3 января 1872 г.

² В № 3 лассальянского «*Neuer Social-Demokrat*» от 7 января 1872 г. была напечатана клеветническая корреспонденция из Лондона, в которой Маркс обвинялся в растрате денег, собранных Лондонским немецким рабочим просветительным союзом в пользу бастовавших портных. Ответ Союза с опровержением клеветы был помещен в № 8 «*Volksstaat*» от 27 января 1872 г.

³ Энгельс имеет в виду лондонскую эмигрантскую организацию, присвоив-

все окончательно развалилось. Когда Везинье был избран в секретари, Тейс, Авриаль и К^о подали в отставку (во *второй* раз). Остальные раскололись на два лагеря; одних будет водить за нос Везинье, других — Вермерш (из «*Rège Duchène*», который был здесь редактором «*Qui vive*», а теперь редактирует «*Vermeersch Journal*»). Оба как лично, так и политически одинаково сомнительны; и по меньшей мере еще в троих можно подозревать шпионов. Французская полиция в своей хитрости дошла до того, что ее сыщики только и выслеживают *друг друга*.

Известие о постановлении саксонцев ¹ очень нас обрадовало. К опубликованию его в подходящей форме принимаются меры. Письма о коллективном вступлении в члены [Интернационала] еще не получены.

Отвечаю на твои вопросы:

1) Карточки в связи с постановлением о марках отменяются.

2) Марки должны были быть у Юнга готовы вчера; во всяком случае они будут готовы до твоего ответа, и мы ожидаем от вас только сведений о том, *какое количество вам нужно*. Мы их вышлем.

3) Ты должен был немедленно указать имена или адреса итальянских свободомыслящих. *Все* те лица в Италии, с которыми мы поддерживаем сношения, — свободомыслящие. Я полагаю, что ты имеешь в виду Стефанони из Флоренции; это — промышленник, последователь Бакунина и основатель конкурирующего с нами Международного социалистического общества свободомыслящих.

Со вторым изданием «*Анти-Прудона*» М[аркса] время терпит. Гораздо важнее, чтобы «*Капитал*» появился по-французски, и теперь это, пожалуй, скоро осуществится, переговоры ведутся. Относительно второго издания «*Капитала*» говорить *не* следует, так как нужно еще сбыть остатки первого издания, и лучше, чтобы эта бомба неожиданно разорвалась над головами Рошеров, Фаухеров и К^о.

Относительно печатания статьи о Пр[удоне] из «*S[ocial]-D[emokrat]*» М[аркс] мне ничего не говорил. Если в течение одного-двух дней я не напишу тебе обратного, можете спокойно печатать.

Зорге — busybody [надоедливый человек], забывающий, что обмен письмами между Лондоном и Нью-Йорком требует трех недель

шую себе название: «*Всемирный федералистический совет Международного товарищества рабочих и союзных социально-республиканских обществ*».

¹ Собрание саксонских социал-демократов в начале 1872 г. постановило безоговорочно стать на сторону Генерального совета против бакунистов и принять меры к вербовке членов в ряды Интернационала.

и что у Генерального совета есть и другие дела помимо американской склоки. Если бы они подождали еще один день со своим государственным переворотом, то получили бы отсюда ответ, который сделал бы его излишним. Сперва они набирают с непостижимым легкомыслием множество незнакомого сброда, а затем, когда скандал уже произошел, мы должны за них все это расхлебывать!

Несколько дней тому назад был здесь Гегг. Он действительно стал гораздо лучше; теперь он дошел до настроения германских мастеровых 1848 г.; все же от мелкого буржуа до мастерового уже шаг вперед. Теперь можно с ним, по крайней мере, разговаривать, а четыре года тому назад это было положительно невозможно. Он поехал по делам в Нью-Йорк и хотел бы знать, получил ли ты ящик вина, который он послал тебе к рождеству. Он говорил, что моя статья окончательно убила Фогта, и, повидимому, он вообще находит, что по отношению к Фогту мы всегда были правы. Вполне возможно, что он еще больше разовьется или, вернее, что самый ход движения заставит его развиваться дальше.

Известия из Испании хорошие, поскольку речь идет о Федеральном совете. В Барселоне еще продолжают сильно интриговать; федерация находится под сильным влиянием Бакунина. Но так как в Испании вопрос будет обсуждаться на конгрессе (в апреле), а там в большинстве — рабочие, а не адвокаты, доктора и т. д., то я полагаю, что все пойдет на лад. Лафарг, к счастью, еще в М[адриде]; это ему принадлежит то, что появилось о «N[eu]er S[ocial]-D[emokrat]». Меза, редактор «Eman[ci]paci[on]», всецело на нашей стороне.

В Италии, в Милане, у нас есть Куно; это — швейцарский инженер, который знает тебя и Бебеля и который там до сих пор не давал проводить бакунинских постановлений. Остальные — либо бак[унисты], либо люди, проявляющие большую сдержанность. Это — трудный участок, который задает мне адскую работу.

Прилагаю полемику Бредло и отчеты двух заседаний, затем — сонвильерский циркуляр, на тот случай, если у тебя его нет.

Сердечный привет от всех нас тебе и твоим.

Твой Ф. Э.

155.

Энгельс — П. Л. Лаврову
в Париж.

Лондон, 19 января 1872 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг!

Вы, вероятно, уже получили книги, согласно прилагаемому

счета, соответственно этому я записываю в Ваш дебет *1 фунт 16 шиллингов 5 пенсов*.

Наоборот, из посланных Вами денег (которых я еще не получил) я перевожу в Ваш кредит *2 фунта 8 шиллингов*.

Работа Годжсона мне совершенно неизвестна, я нигде не видел объявлений о ней, но постараюсь что-либо разузнать.

Наши счета теперь более или менее сбалансированы. Относительно «*Gazette des Tribunaux*» я напишу, думаю, что эта газета нам больше не понадобится; срок подписки на нее истекает в конце января.

Вы, вероятно, получили номера «*Eastern Post*», которые я Вам послал, равно как и печатные произведения, которые я туда иногда вкладывал.

Дела Интернационала идут хорошо. Интриги Б[акунина] ни к чему серьезному не приведут. Этот человек забывает, что рабочие массы нельзя вести за собой так, как ведут маленькую группу сектантов-доктринеров. Кроме того, мы получили ценные сведения об его интригах в России, — и притом из источника, до сих пор неизвестного. Интриги эти более чем подлы.

Всегда готовый к услугам

Ваш Ф. Э.

156.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 19 января 1872 г.

Дорогой Юнг!

Мне абсолютно необходимо видеть Вас завтра вечером. Надеюсь, что Вы придете; если это окажется невозможным, то я приду к Вам в воскресенье утром.

С братским приветом

Карл Маркс.

157.

Элеонора Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург¹.

Лондон, 23 января [18]72 г.

Милостивый государь!

Папа до такой степени сильно занят в настоящее время, что просит Вас извинить его, что не сам отвечает Вам и что я пишу за него. У него до такой

¹ Печатается по рукописи перевода, сделанного Н. Ф. Даниэльсоном с английского оригинала.

степени мало времени, что я убеждена, Вы ничего не будете иметь против того, что он пишет не сам. Он просит передать Вам, что, несмотря на то, что у него было много дела, он бы уже давно написал Вам, если бы не откладывал от одного дня до другого в надежде, что будет в состоянии переписываться с Вами прямо. Второе издание книги папы должно скоро появиться в Германии, и на это потребовалось от него много работы, так как в [тексте] сделано было много изменений. Точно так же должно появиться французское издание. Вы поймете, как много работы потребовалось, чтобы все это подготовить. Почти всю ночь он пишет и весь день не покидает своей комнаты. Я очень опасаясь, что это сильно отразится на его здоровье. Единственная надежда на то, что он скоро покончит со всеми этими изданиями. Что касается Роберты, то папа просит сообщить Вам, что он видел его статью в «Revue Positive», но книги назад не получал. Никим образом он не может написать что-либо для опровержения этой книги, а статья не дает достаточного материала для возражения. По мнению папы, Вы ни под каким видом не должны задерживать русского издания, а по возможности скорее продолжать его. Я очень надеюсь, что, как только появится французское издание «Капитала», за ним тотчас же последует английское. Англичане подражают всему, что делают французы, — только то, что идет из Парижа, встречает здесь успех. Например, биография и портрет папы, появившиеся в «Illustration», были воспроизведены в бесчисленных газетах не только здесь, но также в Испании, Италии, Германии, Америке и т. д. Конечно, Вы также видели их в России.

Нас несомненно очень тревожит судьба нашего общего друга¹. Мы очень боимся за него. Ах! Если бы он не покидал Англии! Уже несколько месяцев тому назад, когда мы о нем слышали в последний раз, и последние сообщения о нем были не успокоительны. Надеюсь, милостивый государь, что Вы извините папу; он просит Вас принять его лучшие пожелания.

[Элеонора Маркс.]

158.

Энгельс — Теодору Куно

в Милан.

Лондон, 24 января 1872 г.

Дорогой Куно!

Только что получил через Беккера Ваше письмо и вижу, что проклятые мардохейцы перехватили мое подробное письмо к Вам от 16 декабря. Это тем досаднее, что оно содержало все необходимые сведения о бакунинских интригах, и Вы были бы осведомлены обо всем целым месяцем раньше. Кроме того, в этом письме я просил Вас, — так как Вы в качестве иностранца подлежите высылке, — держаться лучше несколько в стороне от публичной агитации, чтобы Вы могли там оставаться и сохранить свое место, которое за это время полетело, к сожалению, к чорту.

Карточки отменены решением конференции и заменены мар-

¹ Г. А. Лопатин.

ками. Ими уже давно сильно злоупотребляли, так как очень много бланков попадало всюду в руки полиции, которая их использовала. Через несколько дней я пришло 100 марок взамен расписки на 10 франков, — сейчас у меня марок нет. О старом капитане с деревянной ногой здесь ничего не известно, с Генеральным советом он не связан ¹.

Я с удовольствием прислал бы Вам *устав*, если бы у меня был хоть один экземпляр. На французском и английском языках он уже отпечатан, на немецком выйдет на-днях, итальянский перевод лежит, готовый к печати, у меня в письменном столе, но

1) у нас нет денег, чтобы отпечатать его за свой счет, 2) ввиду поднятого Бакуниным всеобщего возмущения итальянцев против конференции и Генерального совета весьма сомнительно, признают ли там вообще издание, предпринятое и пересмотренное Генеральным советом согласно постановлениям конференции; пока это не выяснено, печатание, по-моему, бесполезно. Между тем, там появилось несколько изданий устава на итальянском языке, например в Джирдженти (экспедиция «Eguaglianza» [«Равенство»]), а также в Равенне (сведения можно было бы получить в экспедиции закрывшегося недавно издательства романьольца Людовико Набруцци в Р[име]), а также в «Plebe» в Лоди. «Corso Palestro» пустило его в продажу по 10 сантимов за экземпляр. Правда, все эти переводы сделаны плохо, а частью и неверно, и содержат только самые первоначальные организационные постановления, но пока придется пользоваться ими.

Беккер пишет, что сообщит Вам об интригах Бакунина, но я на это не полагаюсь и сообщу Вам вкратце самое необходимое. Бакунин, который до 1868 г. вел интриги против Интернационала, вступил затем в него, потерпев фиаско на Бернском конгрессе мира ², и тотчас же начал *внутри Интернационала* устраивать заговоры против Генерального совета. У Б[акунина] своеобразная теория, смесь прудонизма с коммунизмом, причем самым существенным является, прежде всего, то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*. В то время как массы социал-демократических рабочих, так же, как

¹ Куно запрашивал Энгельса о «капитане с деревянной ногой», выдававшем себя за члена Интернационала и бывшем, повидимому, полицейским сыщиком.

² Речь идет о конгрессе, созванном «Лигой мира и свободы» в сентябре 1868 г. в противовес конгрессу Интернационала.

и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал, — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица, уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства, — республики, монархии и т. п. Отсюда — *полное воздержание от всякой политики*. Совершить политический акт, в особенности же принять участие в выборах, это — измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организоваться, и когда, наконец, будешь иметь на своей стороне *всех* рабочих, следовательно большинство, тогда уничтожаются, наконец, все государственные учреждения, и на их место становится организация Интернационала. Этот великий акт, которым начинается тысячетное царство, называется *социальной ликвидацией*.

Все это звучит необычайно радикально и так просто, что это можно выучить наизусть в пять минут, — вот почему эта бакунистская теория быстро встретила сочувствие в Италии и Испании среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но масса рабочих никогда не допустит убедить себя в том, что общественные дела их собственной страны не являются в то же время их собственными делами, они по природе своей политичны (*politisch*), и всякого, кто предлагает им отказаться от политики, они в конце концов покидают. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев.

Так как, по Б[акунину], Интернационал создан не для политической борьбы, а для того, чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации, то он должен возможно более приблизиться к бак[унинскому] идеалу будущего общества. В этом обществе, прежде всего, не существует

никакого авторитета, так как авторитет — государство — абсолютное зло. (Каким образом эти господа собираются пустить в ход фабрики и железные дороги, управлять кораблем без воли, решающей в последней инстанции, без единого руководства, — этого они нам, конечно, не говорят.) Прекращается также и власть большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община — автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них поступился чем-нибудь из своей автономии, — об этом Бакунин снова умалчивает.

Так вот и Интернационал тоже должен быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, и внутри каждой секции автономна каждая личность. К чорту *базельские постановления*, которые дают Генеральному совету пагубную и его самого деморализующую власть! Даже если эта власть предоставлена *добровольно*, она должна быть уничтожена, — именно *потому*, что она — власть!

Вот вкратце основные пункты всего этого надувательства (des Schwindels). Но кто же эти авторы базельских постановлений? *Сам господин Бакунин и компания!*

Когда эти господа увидели на Базельском конгрессе, что им не удастся осуществить свой план, — перенести Генеральный совет в Женеву, т. е. забрать его в свои руки, они стали действовать иначе. Они основали Альянс социалистической демократии, интернациональное общество *внутри* большого Интернационала под предлогом, который Вы теперь снова встретите в бакунинской итальянской прессе, например в «Proletario», «Gazzettino Rosa»: для горячих латинских рас нужна более яркая программа, чем для холодных, медлительных северян. Этот маленький план потерпел неудачу благодаря противодействию Генерального совета, который, конечно, не мог допустить существования какой-либо отдельной *интернациональной* организации *внутри* Интернационала. С тех пор тот же план появлялся вновь в различных формах в связи со стремлением Бакунина и его сторонников подменить программу Интернационала программой Бакунина; с другой стороны, реакция, — начиная с Жюля Фавра и Бисмарка и кончая Мадзини, — всегда обрушивалась именно на бакунинское пустое и хвастливое фразерство, когда дело шло о нападках на Интернационал. Отсюда необходимость декларации против Мадзини и Бакунина от 5 декабря, которая была напечатана также и в «Gazz[ettino] Rosa».

Ядро бакунинщины состоит из нескольких десятков юрцев, которые в общем едва ли имеют за собой 200 рабочих; авангардом являются молодые адвокаты, доктора и журналисты в Италии, которые теперь всюду выступают в качестве представителей

итальянских рабочих, то же самое некоторые в Барселоне и Мадриде и кое-где — в Лионе и Брюсселе — одиночки, среди них почти нет рабочих — здесь только один единственный экземпляр, Робен. — Конференция, созванная по необходимости, из-за невозможности созвать конгресс, явилась для них предлогом, а так как в Швейцарии большинство находящихся там французских эмигрантов перешло на их сторону, — ибо они (прудонисты) нашли там много родственного, а также по личным мотивам, — то они и начали кампанию. Конечно, в Интернационале повсюду можно найти недовольное меньшинство и непризнанных гениев, — на них-то не без основания и рассчитывали.

В настоящее время их боевые силы таковы:

1. Сам Бакунин — Наполеон этой кампании.

2. 200 юрцев и 40 — 50 членов французских секций (эмигранты в Женеве).

3. В Брюсселе Гинс, редактор «Liberté», который, однако, *открыто* за них *не* выступает.

4. Здесь — остатки никогда не признанной нами Французской секции 1871 г., которая уже раскололась на три враждующие между собой части; затем около 20 выкинутых из немецкой секции (из-за предложения о массовом *выходе* из Интернационала) лассальянцев типа г. фон-Швейцера, которые в качестве защитников крайней централизации и сильной организации удивительно подходят к союзу анархистов и автономистов.

5. В Испании несколько личных друзей и последователей Бакунина, которые имели сильное влияние, по крайней мере теоретически, на рабочих, в особенности в Барселоне. Но, с другой стороны, испанцы обращают большое внимание на организацию, и отсутствие ее у других бросается им в глаза. Насколько Бакунин может рассчитывать здесь на успех, выяснится только на испанском конгрессе в апреле, но так как на нем будут преобладать рабочие, то я не опасаясь.

6. Наконец, в Италии, насколько мне известно, секции Турина, Болоньи и Джирдженти высказались за *досрочный* созыв конгресса.

Бакунистская пресса утверждает, что к ним примкнули 20 итальянских секций, мне они неизвестны. Во всяком случае руководство почти всюду находится в руках друзей и приверженцев Бакунина, которые поднимают большой шум; но, вероятно, выяснится, что за ними народу стоит немного, так как в конце концов при более точном расследовании дела огромнейшая масса итальянских

рабочих все еще до сих пор состоит из мадзинистов и останется ими до тех пор, пока Интернационал будет отождествляться там с воздержанием от политики.

Но во всяком случае в Италии дело обстоит так, что бакунисты являются там пока хозяевами положения в Интернационале. Генеральный совет и не думает на это жаловаться; итальянцы имеют право делать сколько угодно глупостей, и Генеральный совет будет этому противодействовать только путем мирных дебатов. Они имеют также право высказываться за конгресс в духе юрцев, хотя, конечно, в высшей степени странно со стороны секций, которые только что примкнули [к Интернационалу] и ни о чем не могут знать, встать сразу же на определенную сторону в таком вопросе, в особенности даже не выслушав *обе* стороны! Я уже высказал туринцам откровенно свой взгляд на это и сделаю то же самое в отношении других секций, которые высказались подобным образом. Ибо всякое такое заявление о присоединении является косвенным одобрением содержащихся в циркуляре ложных обвинений и клеветы против Генерального совета, который, впрочем, в скором времени выпустит свой циркуляр по этому вопросу. Если Вы *до появления его* сможете помешать подобному же заявлению миланцев, то Вы этим пойдете навстречу нашим желаниям.

Всего комичнее то, что те же самые туринцы, которые высказались за юрцев и, следовательно, упрекают нас здесь в авторитаризме, теперь вдруг требуют от Генерального совета, чтобы он властно выступил против соперничающей туринской «Federazione Operaia» [«Рабочей федерации»], и притом таким образом, как он этого еще никогда не делал, чтобы он подверг отлучению Бегелли из «Fissanaso», который даже не входит в Интернационал, и т. п. И все это, — прежде чем мы выслушали от «Рабочей федерации», что *она* скажет по этому поводу.

В прошлый понедельник я послал Вам «Révolution Sociale» с напечатанным там юрским циркуляром, один номер женевской «Egalité» (у меня, к сожалению, нет больше ни одного номера с ответом Женевского федерального комитета, который представляет в двадцать раз больше рабочих, чем юрцы) и один номер «Volksstaat», из которого Вы увидите, что думают об этой истории в Германии. Саксонский областной съезд — 120 делегатов из 60 мест — *единогласно* высказался за Генеральный совет. Бельгийский конгресс (25 — 26 декабря) требует пересмотра устава, но на *очередном* конгрессе (в сентябре). Из Франции мы ежедневно получаем выражения одобрения. Здесь, в Англии,

все эти интриги, само собой разумеется, не находят подходящей почвы. И, конечно, Генеральный совет не созовет чрезвычайного конгресса в угоду нескольким интригующим и важничаящим особам. Пока эти господа держатся на законной почве, Генеральный совет охотно предоставляет им свободу действий, эта коалиция самых разнородных элементов скоро сама распадется; но, как только они предпримут что-нибудь против устава или постановлений конгресса, Генеральный совет исполнит свой долг.

Если представишь себе, в какой момент, — как раз тогда, когда Интернационал всюду подвергается ожесточенной травле, — эти люди начинают свой заговор, то никак не можешь отделаться от мысли, что господа из международной полиции (*Mardocherei*) замешаны в этом деле. Так оно действительно и есть. В Безье женевские бакунисты имеют своим корреспондентом главного комиссара полиции! Два видных бакуниста, Альбер Ришар из Лондона и Леблан, были здесь и заявили одному рабочему, Шоллю из Лиона, к которому они обратились, что единственное средство свергнуть Тьера — это снова посадить на трон Бонапарта, и поэтому они разъезжают на *бонапартовские деньги*, чтобы вести *пропаганду* среди эмигрантов в пользу *бонапартистской реставрации!* Вот что эти господа называют воздержанием от политики! В Берлине субсидируемый Бисмарком «*Neuer Sozial-Demokrat*» поет ту же песню. Насколько в этом деле замешана русская полиция, этот вопрос я пока оставляю открытым, но Бакунин был сильно запутан в нечаевской истории (он, правда, это отрицает, но мы имеем здесь подлинные русские отчеты, а так как Маркс и я понимаем по-русски, то он нам втереть очки не может). Нечаев же либо русский агент-provokator, либо во всяком случае действовал как таковой; а кроме того среди русских друзей Бакунина есть всякого рода подозрительные личности.

Мне очень жаль, что Вы лишились своего места, я нарочно писал Вам, чтобы Вы избегали всего, что может к этому привести. Ваше пребывание в Милане гораздо важнее для Интернационала, чем тот незначительный эффект, который можно вызвать *публичным выступлением*: действуя тайно, можно тоже многое сделать и т. п. Если я смогу Вам помочь в отношении переводов, я сделаю это с величайшим удовольствием. Скажите мне только, с каких языков и на какие Вы можете переводить и чем я могу Вам быть полезен.

Итак, собаки полицейские мою фотографию тоже перехватили. Посылаю Вам другую и прошу прислать две Ваших: одна предназ-

начается для того, чтобы побудить фрейлен Маркс¹ одолжить одну фотографию ее отца для Вас (только у нее есть еще несколько хороших).

Еще раз прошу Вас быть осторожным со *всеми* лицами, которые близко связаны с Бакуниным. Все секты отличаются тем, что они крепко держатся друг за друга и интригуют. *Всякое Ваше сообщение* — можете быть в этом уверены — тотчас же будет передано Бакунину. Одним из его принципов является утверждение, что верность обещанию и другие подобные вещи не что иное, как буржуазные предрассудки, которыми истинный революционер в интересах дела должен всегда пренебрегать. В России он говорит об этом открыто, в Западной Европе это тайное учение.

Пишите мне *как можно скорее*. Если бы нам удалось добиться того, чтобы Миланская секция не участвовала в хоре остальных итальянских секций, то это было бы очень хорошо.

Ваш Ф. Энгельс.

Если Вы будете писать на адрес мисс Бернс, то *не нужно* ни внутреннего конверта, ни какого-либо упоминания моего имени: вскрываю все я сам.

159.

Энгельс — Джузеппе Бенедетти
в Пизу.

[Черновик.]

[Лондон, январь 1872 г.]

Гражданин Дж[узеппе] Бенедетти!

Несколько дней тому назад я получил Ваше письмо от 7 января и не вполне уверен, что оно предназначено именно для меня, потому что ни одна из двух печатей, поставленных на нем, не относится к нашему Товариществу, — ни к «Демократическому международному товариществу», ни к «Международному товариществу рабочих». Но так как Вы упоминаете о Базельском конгрессе и о циркуляре Юрской секции, то возможно, что Ваше письмо попало все-таки по адресу.

Что же касается его содержания, то должен Вам сказать, что Пизанская секция, как секция Международного товарищества рабочих, здесь совершенно неизвестна. Резолюция № 4 Базельского конгресса гласит, что каждая секция или общество, желающие

¹ Элеонора Маркс.

примкнуть к Интернационалу, обязаны немедленно заявить о своем присоединении Генеральному совету, который (резолюция № 5) имеет право принять или отклонить присоединение нового общества или группы, оставляя за ними право апелляции к конгрессу; конгресс принимает общества или секции, признанные им действительно рабочими и интернационалистическими, лишь после того, как получит доказательства, что их уставы не содержат ничего противоречащего общему уставу (резолюция № 14 Женевского конгресса).

Мне очень жаль, что эти резолюции конгрессов так отягощают автономную совесть так называемой Пизанской секции; этой организации, весьма молодой и еще не принятой в Товарищество, конечно, «самый характер Товарищества» известен гораздо лучше, чем людям, которые вошли в его состав со дня его основания и редактировали его устав. Но, хотя Вы и придерживаетесь того мнения, что этот характер «исключает какой бы то ни было принцип власти», Генеральный совет, к сожалению, должен, по крайней мере, признать *власть законов* Интернационала, которые заставляют выполнять резолюции конгрессов (включая и Базельский) и не принимать тех секций, которым их автономность не позволяет признать власть законов, общих всему Товариществу.

Что же касается просьбы созвать чрезвычайный конгресс, то я не могу передать ее Генеральному совету, пока Ваша секция не будет принята по всем правилам. Могу сообщить Вам, что вы имеете честь быть *первой* секцией (настоящей или так называемой), которая после опубликования циркуляра Юрской секции потребовала такого созыва.

[Ф. Э.]

160.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

Лондон, 1 февраля 1872 г.

Международное товарищество рабочих,
256, High Holborn, W. C.

Дорогой Юнг!

Нам нужны для проекта циркуляра следующие письма:

1) Во время заседаний конференции Вы получили письмо от одного из бакунистов, кажется от Жуковского, в котором сообщалось об образовании новой секции пропаганды и испрашивалась санкция Генерального совета. Я узнал от Утина, что Вы уже послали предварительный ответ и что эта новая секция была не чем иным, как вторым

изданием Альянса социалистической демократии. Это первое письмо, которое нам нужно.

2) *Письмо Малона*, в котором он просит Генеральный совет признать «французскую секцию», основанную по его инициативе в Женеве.

3) Письма, полученные после конференции из Швейцарии и относящиеся к «ссоре», про которые Вы говорили Генеральному совету, что они будут переданы в комиссию.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

Для экономии времени передайте, пожалуйста, все это Реджису, который зайдет к Вам завтра утром.

161.

Маркс — Фердинанду Йозевицу

в Берлин¹.

[Лондон,] 1 февраля 1872 г.

Международное товарищество рабочих,
256, High Holborn, W. C.

С моим ответом на Ваше письмо задержка произошла по трем причинам:

Во-первых: Из-за перегрузки работой, так как помимо всей той склоки, причиной которой было несколько тщеславных посредственностей, действовавших по указке правительственных агентов, время мое поглощено вторым немецким изданием моей книги о «Капитале», французским изданием, для которого я подготавливаю черновик по второму немецкому изданию, и, наконец, русским изданием, в котором мне пришлось внести различные изменения в текст.

Во-вторых: Марки были доставлены Генеральному совету только в начале этой недели. Прилагаю 500 штук. Немецкое издание устава и организационного регламента печатается, и вскоре его можно будет приобрести в экспедиции «Volksstaat» по 1 зильбергрошу за экземпляр.

В-третьих: Мы заняты составлением конфиденциального циркуляра², в котором разоблачаются происки Бакунина, его сотоварищей

¹ Preussisches Geheimes Staatsarchiv, Rep. 30, C. 94, Lit. A. № 205. B. I, S. 136.

² «Les Prétendues Scissions dans l'Internationale» [«Мнимые расколы в Интернационале»], см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

и пр. Как только циркуляр будет готов и напечатан, Вы получите экземпляр. Пока же лишь следующее: из французов за нас все, кого стоит иметь на своей стороне. Маленькая особая секция, образовавшаяся здесь, уже раскололась на три секции, которые грызутся друг с другом.

С братским приветом

Карл Маркс.

162.

Маркс — Адольфу Гюберу

в Лондон.

[Лондон,] 12 февраля 1872 г.

Дорогой друг!

Сообщаю для сведения:

Старик Кремье был в Лондоне и остановился в отеле «Golden Cross» [«Золотой крест»] вместе с одним господином, которого он вписал в книгу гостиницы как своего сына. В действительности же это г. Трюши, бывший начальник главного штаба, бонапартист в погоне за теплым местечком и редактор «Liberté» (Жирардена), куда его устроил Баденге¹ и где он пишет военные статьи под псевдонимом Муслера.

Эти господа были в Лондоне для деловых переговоров с человеком из Чивл-Херста². Результатом этих переговоров было назначение папаши Кремье одним из членов имперского регентства (на случай смерти Баденге).

Ваш *Карл Маркс.*

163.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 15 февраля 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Из Германии сведения о регистрации *не поступают*. Если милые немцы будут попрежнему ограничиваться обещаниями и фразами, то у нас с ними ничего не выйдет.

¹ Наполеон III.

² Район в Лондоне, где жил Наполеон III после падения Второй империи.

В настоящий момент я не могу добыть для тебя данные о Rates [налогах в пользу бедных]. Мы очень заняты срочным составлением ответа на Юрский циркуляр, а данные из области английской статистики приходится самому разыскивать в источниках. Об ответе юрцам пока публично не сообщай.

Ты, вероятно, уже знаешь о том, что Альбер Ришар и Гаспар Блан (см. отчет о последнем заседании) были главной опорой Бакунина и К^о.

Относительно «Нищеты философии» скоро будут приняты меры. М[аркс] подписал договор на французский перевод «Капитала», который скоро начнет выходить *выпусками* (это пока — между нами). После выхода нескольких выпусков — очередь за «Нищетой философии».

Затем последует «[Коммунистический] манифест» по-немецки и, вероятно, по-французски и по-английски (в Нью-Йорке он был опубликован в одном английском и в одном французском журнале).

Как видишь, дело у нас начинает подвигаться. Но все это требует большой работы.

Лассальянцев, как тебе известно, здесь вышвырнули вон¹. Если они будут продолжать ругаться в «N[eu]er Soc[ial]-Dem[okrat]», пришли нам номер после того, как ты его используешь, — Рабочий просветительный союз «N[eu]er [Social-Demokrat]» больше не получает. Здешние господа лассальянцы имели наглость попрежнему орудовать под видом «Союза» и делегировали в Генеральный совет Шерцера, но туда его попросту не допустили.

Ты, вероятно, получил от М[аркса] 800 с лишним stamps [марок]. Наклейте их сверху на обороте титульного листа устава, 3 000 экземпляров которого мы, надеюсь, скоро получим, равно как и счет. Смотри достаточно ясное решение конференции по этому вопросу.

Прилагаю чек прусской ссудной кассы на 10 талеров для оплаты прилагаемого счета, который прошу вернуть с распиской в получении. Излишком распорядись по собственному усмотрению.

Затем — четыре отчета о заседаниях из «Eastern Post» и несколько строк Гепнеру.

Куно держится прекрасно, но потерял должность и очень нуждается.

Я так и думал, что твой итальянец — не кто иной, как *Стефанони*.

¹ Речь идет о Немецком рабочем просветительном союзе в Лондоне (см. письмо Энгельса — Либкнехту от 18 января 1872 г.).

Итак, внимание:

1) «*Libero Pensiero*» № 18 от 2 ноября [18]71 г. Программа «Всемирного общества рационалистов», которое учреждается в противовес Интернационалу и по программе которого основываются рационалистические *монастыри*; предполагается собрать огромный фонд, который будет вложен в земельную собственность, и выставить в зале конгрессов *мраморный бюст каждого буржуа*, который пожертвует обществу 10 000 франков.

2) Затем — в №№ 20, 21 все более и более яростные нападки на Интернационал за то, что он отрицает атеизм в альянсовском понимании этого слова, на Генеральный совет за тиранию и т. д.

3) Затем, после некоторого перерыва, — в № 1 от 5 января 1872 г. длинная ругательная статья о Генеральном совете, в которой *переведены все шнейдеровские и веберовские гнусности* из «*Neuer S[ocial]-D[emokrat]*» и снабжены столь же гнусными примечаниями (например, о процессе коммунистов).

4) Затем — в № 3 от 18 января *письмо Вильгельма Либкнехта* от 28 декабря, в котором последний обещает Стефанони поддержку, публикацию присылаемых им материалов и защиту на саксонском областном съезде программы почтенного общества, ему, Либкнехту, неизвестной.

5) Затем — в № 4 от 25 января снова ругательная статья о Генеральном совете, в которой *опять переведены* из «*Neuer [Social-Demokrat]*» гнусности гг. *Шенка и Винанда* против Маркса.

Ты видишь, в какую опрятную компанию завела тебя твоя страсть к переписке. Стефанони, за которым скрывается не кто иной, как Бакунин (доставивший ему и весь этот материал), *просто использовал тебя в качестве орудия*, точно так же, как и Фейербаха, письмо которого он тоже приводит. Бюхнер, разумеется, вместе с Стефанони в заговоре против нас. Вот что получается, когда ты связываешься с людьми, которых ты не знаешь, тогда как простого запроса, даже указания имени было бы достаточно, чтобы получить от нас все разъяснения и предохранить себя от этого конфуза. Теперь тебе остается только написать Стефанони краткое *резкое* письмо и послать ему соответствующие номера «*Volksstaat*». Так как Стефанони не станет печатать твоего письма, пришли мне копию: я его переведу и помещу в итальянских газетах, потому что даже бакунинские газеты с ним на ножах. Но если ты хочешь, чтобы мы считали возможным выступать за границей заодно с тобой и в твою защиту, то ты, прежде всего, не должен нас впредь компрометировать подобными письмами к незнакомым тебе людям.

В Испании достаточно заняты борьбой с правительством, о грызне с нами никто больше не думает.

Маркс и мы шлем вам всем привет, особенно Бебелю.

Твой Ф. Э.

[На полях:] Лафарг и Лаура в Мадриде и собираются пробить там некоторое время.

164.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 16 февраля 1872 г.

Гражданину И.-Ф. Беккеру.

Дорогой старый боевой товарищ!

Получить после стольких лет твое письмо было для меня большой радостью.

Дело с 10 франками Лесснера в порядке.

Не посоветуешь ли ты мне, каким образом помочь Куно остаться в Милане?

Отсюда мне выхода не видно, а мы, разумеется, охотно сделаем все возможное, чтобы сохранить этого славного парня на таком важном посту. Проклятые итальянцы доставляют мне больше хлопот, чем весь остальной Интернационал в целом Генеральному совету, и это тем досаднее, что из всего этого ничего не выйдет до тех пор, пока итальянские рабочие будут разрешать нескольким доктринерам — газетным писакам и адвокатам — выступать от их имени.

100 марок, по 1 зильбергрошу каждая, Маркс послал заказным в Кельн по указанному адресу, но ответа мы еще не имеем.

Твой юный друг Веман, очевидно, тот самый, по поводу которого мне несколько лет тому назад писала в Манчестер моя кузина г-жа Бруст. Я тогда всячески старался устроить его на службу, хотя и был убежден в том, что это невозможно; ничего не найдя, я тогда же сообщил об этом подробно Анне Бруст. Я еще раз напишу о нем в Манчестер, но было бы желательно, чтобы Веман известил меня, по какой специальности он мог бы взять на себя работу. К сожалению, нет почти никакой надежды на успех. Здесь кишмя-кишат молодые немецкие и швейцарские техники, которые сразу же хватаются за каждую подвернувшуюся должность. Для одного эльзасского эмигранта я пустил все средства в ход, но безуспешно, *хотя этот человек был бы здесь на месте и имел очень хорошие*

отзывы о работе; спустя уже долгое время он совершенно случайно нашел кое-что там, где давал уроки. В Испании дела обстоят хорошо. Правительство, применяя насилие по отношению к Интернационалу, отучило публику от воздержания от политики, и Лафарг, зять Маркса, находящийся в Мадриде, делает все возможное, чтобы выбить у них из головы бакунистские глупости. За Испанию бояться больше нечего. Здесь мы имеем дело с *рабочими*, и несколько бакунинских докторов и адвокатов в Барселоне принуждены выступать чрезвычайно скромно. Испанский федеральный совет *целиком* за нас. В некоторых секциях были очень разумные выступления, а Федеральный совет выпустил (или собирался недавно выпустить) циркуляр, в котором он приводит всю свою переписку с Генеральным советом и затем ставит вопрос, пытался ли Генеральный совет осуществить по отношению к ним, испанцам, диктатуру? Тем временем в Испании создалось такое положение, при котором дело, вероятно, скоро дойдет до драки, и это окончательно испортило юрцам и их приверженцам всю их игру. Они принуждены теперь в Испании заниматься совсем иными делами, чем начинать склоку из-за таких пустяков!

Письмо Утина и ящик с гравюрами¹ прибыли, и мы немедленно предадим этот случай необходимой огласке.

О твоём запросе относительно писем я, по правде сказать, забыл. Сейчас же напишу Фр.² и спрошу, получил ли он оба письма, если нет, — я буду продолжать розыски и, если что-нибудь пропало, немедленно сообщу тебе.

Маркс кланяется вам всем так же, как и я.

С братским приветом

твой старый Фридрих Энгельс.

165.

Маркс — Фр. Мильке

в Берлин³.

[Лондон,] 24 февраля 1872 г.

Гражданин секретарь!

Я могу сегодня написать Вам в ответ всего несколько слов. Благодаря заговору «международной полиции» с некоторыми измен-

¹ Документы о Бакунине.

² Фридрих Зорге.

³ Preussisches Geheimes Staatsarchiv, Rep. 30, C. 94, Lit. A. № 205, B. I, S. 150—151.

никами (faux frères) внутри Интернационала Генеральный совет настолько загрузил меня работой, что мне пришлось прервать даже свои теоретические работы. Итак, к делу.

1) По постановлению Генерального совета, вызванному четырехмесячной задержкой в печатании марок (вследствие непредвиденных препятствий в Лондоне), срок возврата непроданных марок перенесен с 1 марта на 1 июля. (Сообщите об этом, пожалуйста, Либкнехту, так как сейчас у меня нет времени ему написать.)

2) Что касается двойной оплаты марок, то Вам в своем отчете 1 июля надо будет только констатировать, что столько-то денег из присланных сумм поступило из этого источника.

3) Что касается «секретаря-корреспондента», то Генеральный совет предоставляет Берлинской секции уладить это дело по ее собственному усмотрению.

4) Берлинская секция подходит под категорию стран, где «юридические препятствия» мешают созданию регулярной организации, поэтому секциям этих стран предоставляется полная свобода сконструироваться в форме, соответствующей законам данной страны, не лишаясь при этом ни одного из прав, принадлежащих другим секциям.

5) Следующий конгресс состоится в сентябре 1872 г. Генеральный совет еще не вынес решения о месте созыва. Было бы хорошо, если бы Социал-демократическая партия сообщила нам немедленно, когда состоится ее съезд.

6) Периодические отчеты Генерального совета заменены еженедельными отчетами его в «Eastern Post», которую Вы сегодня впервые получите.

6)¹ «Volksstaat» принадлежит к числу запрошенных «органов».

7) Генеральный совет благодарит Берлинскую секцию за то, что она уже назначила статистическую комиссию.

8) Он запрашивает через меня, каково отношение гамбургцев (комитета Социал-демократической партии) к Генеральному совету. Мы до сих пор не получили отсюда ни строчки.

9) Генеральный совет предлагает Берлинской секции заявить о том, что она одобряет постановления последней конференции делегатов Интернационала (в Лондоне).

С братским приветом

К. Маркс.

¹ Так в оригинале.

166.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 26 февраля ¹ 1872 г.

Дорогой Юнг!

Не можете ли Вы зайти ко мне в четверг вечером, чтобы составить вместе со мной и Энгельсом отчет для газет о произведенных Генеральным советом расходах и т. п. на эмигрантов.

Принесите с собой все свои приходо-расходные книги, а также как можно больше данных о людях, которых мы устроили на работу. Мы и многие французы завтра вечером на Holborn не придем, так как заседание не сможет состояться из-за беспорядка на улицах ².

Гаррисон опять поместил в «Times» невероятно хвастливую статью об удивительной помощи, которую он и К^о оказали эмигрантам и которая якобы избавила от всякой нужды всех действительно заслуживающих помощи.

Прилагаю записку и денежный перевод от Женни.

Ваш К. М.

167.

Энгельс — Сигизмунду Боркгейму

в Лондон ³.

[Лондон, начало марта 1872 г.]

... Зорге очень наивен, если он требует книги об Ирландии, написанной с *нашей* точки зрения! Я вот уже два года хочу написать такую книгу, но война, Коммуна, Интернационал помешали этому. Между прочим мне необходимы для этого:

1. The Cromwellian Settlement of Ireland von Prendergast, London, Longmans, 2. Aufl. 1870—1871. [Прендергаст, Кромвеллевская колонизация Ирландии, Лондон, Издание Лонгманс, 2-е издание, 1870—1871 гг.]

2. Memoir on Ireland von O'Connell, London, Duffy, 1869. [О'Коннель, Мемуары об Ирландии, Лондон, изд. Деффи, 1869 г.]

3. The Irish Land von Isaac Butt, London, Ridgevay [Исаак Батт, Ирландский народ и ирландская земля, Лондон, изд. Риджвэй] — для характеристики современного положения.

¹ В оригинале ошибочно: «24 февраля».

² Речь идет о предполагавшемся заседании Генерального совета (вторник, 27 февраля 1872 г.); заседание не состоялось из-за назначенной на этот день публичной королевской процессии.

³ Текст взят из неопубликованного письма С. Боркгейма — Зорге от 15 марта 1872 г.

Ирландский вопрос, хотя сам по себе и несложен, представляет собою продукт долгой исторической борьбы и тоже требует изучения; такого руководства, которое можно было бы одолеть в несколько часов, не существует.

[Ф. Э.]

168.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 7 марта [18]72 г.

Дорогой Юнг!

Я не могу найти устава секции Вермерша. Пожалуйста, посмотрите, не у Вас ли он.

С дружеским приветом

Ваш *К. Маркс*.

169.

Энгельс — Луи Пио

в Копенгаген¹.

Лондон, 7 марта 1872 г.

Международное товарищество рабочих,
33, Rathborne Place, W. S.

Дорогой г. Пио!

Я был очень рад получить Ваше письмо от 24 февраля и написал бы Вам еще раньше, до получения этого письма, если бы знал надежный адрес в Копенгагене и не услышал от Утина, что Вы в отъезде. Для нас не могло оставаться неизвестным, что М[оттерсхед] выполняет свои обязанности секретаря для Дании далеко не так, как это следовало бы. Целого ряда поручений, которые он должен был выполнить, он не выполнял, как это доказывает прилагаемое письмо Датскому федеральному совету. Но для того, чтобы снять М[оттерсхеда] с должности секретаря, было бы хорошо, чтобы Федеральный совет написал Генеральному совету (адрес: Джон Хейлз, Генеральный секретарь, 33, Rathborne Place, W. S., Лондон) и запросил, почему корреспонденция ведется так вяло. Дело обстояло так: мы *намеренно* не хотели назначать секретарем для Дании немца, наши французы большей частью не пишут по-английски, а мы не знали, насколько Вас удовлетворит французская корреспонденция, — поэтому нам оставалось только выбрать англичанина, так как Вы нам писали по-английски, а из англичан, не занимавших каких-либо других должностей, самым подходящим был М[оттерсхед]. Но, как видно, дело не клеится, и мы должны найти средства, чтобы оживить

¹ Перевод с текста, опубликованного в «Die Neue Zeit», XXXIX, 1921, В. I, S. 547—548.

корреспонденцию, так как иначе все заглохнет. Прежний секретарь Коген заботится теперь только о своих непосредственных товарищах рабочих-сигарщиках, и, кроме того, бельгийцы выставили против него на конференции в сентябре [18]71 г. обвинение в связи с его выступлением в Бельгии во время командировки от Генерального совета. С тех пор он не показывается.

Временно же, т. е. до тех пор, пока официальные отношения не будут урегулированы, я буду с Вами, если Вы не возражаете, переписываться в частном порядке. Кроме того, я буду посылать Вам каждую неделю номер «Eastern Post», в которой публикуются официальные отчеты о заседаниях Генерального совета. Номер от 24 февраля я Вам уже послал. Вы будете, разумеется, писать мне *по-датски*; я вполне понимаю Ваш язык, так как много занимался скандинавской литературой, и сожалею лишь, что не могу отвечать Вам по-датски, так как у меня не было возможности практиковаться в этом. Это удастся, быть может, позднее! Кроме меня, по-датски понимает Маркс, а больше, пожалуй, никто в Генеральном совете.

Постараюсь сделать все возможное, чтобы время от времени посылать Вам корреспонденции для «Soc[ialisten]»; если будет возможно, Вы получите корреспонденцию сегодня или завтра; к сожалению, я в настоящее время настолько занят своими секретарскими обязанностями для Италии и Испании и другими работами, что времени у меня почти не остается. До тех пор, пока я не достану для Вас корреспондентов в Испании и Италии, я позабочусь о том, чтобы Вы получали известия и газеты из этих стран. Самое лучшее, если Вы будете обменивать «Soc[ialisten]» на тамошние газеты, — правда, газеты эти еженедельные, а Ваша ежедневная, так что надо будет принять во внимание денежную сторону вопроса.

Вы, вероятно, слышали о том, что в Женеве и Лейпциге некоторые руководимые Бакуниным отщепенцы пытались поставить Генеральный совет в положение обвиняемого перед чрезвычайным конгрессом. Сущность дела — позиция Интернационала в вопросе о политике. Эти господа требуют *полного воздержания от всякой политической деятельности*, в частности *от всяких выборов*, между тем как Интернационал с самого начала написал на своем знамени лозунг завоевания рабочим классом политической власти как средства социального освобождения, а Генеральный совет защищал это. IX резолюция конференции положила начало этой борьбе; но так как резолюции конференции по принципиальным вопросам не имеют обязательной силы, пока не будут признаны федерациями, то важно иметь решение Датского федерального совета, который признал эту резолюцию.

О самом существе вопроса я ничего не говорю, — для такого политически развитого народа, как датчане, это было бы оскорблением.

Впрочем, признание постановлений конференции от большинства (секций) уже поступило, а именно — из Цюриха, из Романской Швейцарии, из Германии, Англии, Голландии и Америки. В Испании решение вынесет конгресс, созываемый в апреле; в Италии царит еще полный разброд; бельгийцы до сих пор молчат; во Франции *все* отдельные секции выразили одобрение, федерация там невозможна.

Попытка юрцев ускорить созыв чрезвычайного конгресса потерпела, впрочем, полное крушение, и они сами *отказались* от нее в собственном циркуляре (от 3 марта). Их сторону приняли: в Испании *одна* секция (Пальма, Майорка), в Италии одна (Турин, — теперь она изменила позицию) и разные лжесекции, которые, однако, не пытались вступать в Интернационал и не платили взносов (Пиза, Болонья и т. д.), в Лондоне так называемая Французская секция 1871 г., которая, однако, никогда не была допущена в Интернационал из-за своего местного устава, несовместимого с общим уставом, и с тех пор разделилась на четыре части, — и это все. Между тем, Генеральный совет разработал направленный против этих интриг ответ, который находится в печати; я вышлю его Вам, как только он будет готов.

Сегодня я высылаю Вам почтой: № 1 мадридской «Emanсipación»; один французский и один английский экземпляр постановления конференции; один французский и один немецкий экземпляр нового издания устава. «Emanсipación» я буду высылавать Вам пока еженедельно вместе с «Eastern Post» и напишу в Мадрид и Испанию, чтобы Вам посылали газеты. Если при возобновлении «Socialisten» Вы будете высылавать мне время от времени интересные номера в количестве от 4 до 6 экземпляров, то я буду надлежащим образом их распространять, пока Вы окончательно это не уладите.

Так как мне известно, что Моттерсхед не сделал Датскому федеральному совету предложения о признании постановлений конференции и не выполнил постановления о членских марках, то я беру это на себя и прошу Вас представить эти требования Датскому федеральному совету. Что касается марок (постановление конференции IV, 1 — 5), которые были изготовлены гораздо позже, чем предполагалось, то постановлением Генерального совета срок расчета отложен с 1 марта (IV, 4) на 1 июля. Посылаю Вам пока 500 марок стоимостью в 2 фунта 1 шиллинг 10 пенсов и прошу сообщить, нужно ли еще и в каком количестве; эти сведения лучше всего направить Моттерсхеду (адрес: 33, Rathborne Place, W. S.) или Хейлзу. Мы очень интересуемся

результатами Ваших выборов в ригсдаг. Мы считаем очень важным, чтобы рабочие, принадлежащие к Интернационалу, имели представительство во всех парламентах и чтобы Бебель, который до сих пор один пользовался этой честью, получил поддержку в любой стране. Мы думаем, что у Вас в Дании много шансов провести своих людей, и надеемся, что это удастся.

Привет и братство!

Ваш Ф. Энгельс.

Пишите мне лучше всего по следующему адресу: Мисс Бернс — 122, Regent's Park Road, N. W. Лондон; внутреннего конверта не нужно — это моя квартира. На Rathborne Place я хожу только раз в неделю, а с Holborn мы выехали.

170.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 8 марта 1872 г.

Международное товарищество рабочих,
33, Rathborne Place, W. S.

Дорогой Зорге!

Только сегодня пришло от Либкнехта *немецкое издание устава*, и только в *понедельник* можно будет его отправить. У Вас там, повидимому, воображают, что Генеральный совет может высасывать все из своего собственного пальца, между тем как на самом деле без взносов своих членов или их личных друзей он *решительно ничего* не мог бы сделать. В Ваших письмах, как и в письмах Шпейера и Вольте, я замечаю то же самое, что и в корреспонденциях из других стран, — в каждой стране воображают, что все наше время может быть посвящено ей одной. Если бы мы хотели жаловаться на каждую мелочь, то мы могли бы пожаловаться, например, на то, что Ваши отчеты нам появлялись одновременно и в «Volksstaat».

Так как Генеральный совет поручил мне составить, наконец, доклад о расколе в Америке (из-за смуты в Интернационале, происходившей в Европе, мы были вынуждены откладывать это с заседания на заседание), то я внимательно просмотрел всю корреспонденцию из Нью-Йорка, а равно и все, опубликованное в газетах, и нашел, что нас информировали далеко не своевременно и не точно о тех элементах, которые внесли раскол. Часть предложенных мною резолюций уже принята, другая часть будет рассмотрена в ближайший вторник, и тогда окончательное решение будет отправлено в Нью-Йорк.

Вы получите 1 000 экземпляров устава на немецком языке.

Хейлз вышлет 500 экземпляров английского издания, а я отправлю 200 экземпляров французского, которое уже полностью разошлось.

По словам Эккариуса, посланное им было адресовано Грегори (его частному корреспонденту) потому, что Вы написали ему, что сложили с себя свою должность, но не указали никакого нового корреспондента.

Жалоба по поводу собственного «французского» корреспондента совершенно несправедлива, — ведь и немцы имели собственного секретаря, а Эккариус, секретарь для Соединенных Штатов, может, правда, вести переписку на немецком и английском, но не на французском языке. Кроме того, жалоба была крайне неблагоприятна, так как она подтвердила, повидимому, подозрения французских членов Совета, что секция № 1 притязает на диктатуру над прочими секциями. Она пришла одновременно с жалобой враждебного Вам комитета, который сетовал на то, что секция № 1 имеет в старом комитете больше представителей, чем она должна была бы иметь по уставу. Расходы на уставы, понесенные конгрессом, оказались больше, так как пришлось уплатить вступительные взносы (так, по крайней мере, они пишут).

Я надеюсь, что Ваш комитет будет доволен решением Совета.

Нами будет опубликована в Женеве брошюра против отщепенцев, — почти такого же размера, как и брошюра о «Гражданской войне». За это время они постарались смягчить остроту полемики, ставши в своем последнем циркуляре осторожнее.

Очень тороплюсь.

Ваш *К. Маркс*.

171.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 15 марта 1872 г.

Международное товарищество рабочих,
33, Rathborne Place, W. S. (новый
адрес Генерального совета).

Дорогой гражданин!

Прилагаю резолюции Генерального совета (на английском и французском). Другой Совет получит их от Ле-Муссю.

Эккариус в конце заседания 12 марта заявил мне лично, что он резолюций в Нью-Йорк не пошлет и что на следующем заседании он заявит о своем отказе от должности секретаря для Соединенных Штатов. Так как Генеральный совет не сможет уладить это дело раньше следующего вторника, то резолюции, посланные мною и

Ле-Муссю, секретарем не подписаны, что, впрочем, и не обязательно, принимая во внимание ту форму, в которой они написаны. Они будут напечатаны на следующей неделе в «Eastern Post». Во время прений Эккариус высказывался весьма враждебно по отношению к Вашему Совету. Он выступал и голосовал против резолюции III, 2¹. Кроме того, он был обижен тем, что я, экономя время, представил резолюции не в комиссию, в которой он принимает участие, а сразу внес их в Генеральный совет. Так как последний, заслушав мои объяснения, вполне одобрил этот шаг, Эккариус должен был подавить свое личное раздражение.

В качестве *конфиденциальной* информации для Вашего совета добавлю, что мистер и мадам Гулек — он дурак, а она низкая интриганка — пробрались не надолго в Генеральный совет в то самое время, когда большинство из нас отсутствовало, но вскоре эту достойную пару заставили удалиться из-за их интриг с так называемой Французской секцией (Branche Française), которая была исключена из *Интернационала* и разоблачена нами в «Marseillaise» и «Reveil» накануне плебисцита как «полицейская секция». Кроме того, эти две личности по приезду в Нью-Йорк содействовали основанию общества, враждебного Интернационалу, и поддерживали постоянную связь с милыми остатками (les beaux restes) лондонской Французской секции. Эти же факты Ле-Муссю сообщил и другому Совету.

10-я секция (французская) написала Генеральному совету превосходное письмо об американском расколе.

С братским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

172.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 17 марта 1872 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг Зорге!

У меня к Вам просьба, которая, надеюсь, Вас не слишком затруднит.

Не будете ли Вы так добры купить и прислать мне 50 экземпляров номера «Woodhull and Claflin's [Weekly]», в котором помещен перевод

¹ III резолюция (§ 2) Генерального совета по американскому вопросу требовала, чтобы в состав всякой секции входило не меньше двух третей рабочих.

«Коммунистического манифеста», и 50 — 100 номеров «Socialiste» с французским переводом. Деньги я Вам вышлю, как только буду знать, сколько это составит. Если нельзя получить такого количества экземпляров, то возьмите, пожалуйста, столько, сколько сможете достать. Хотя оба перевода заставляют желать лучшего, нам все же пока приходится пользоваться ими для пропаганды; особенно мне необходим французский перевод для романских стран, чтобы дать отпор вздору, проповедуемому Бакуниным, равно как и прудонистами, вздору, который там широко распространен.

Как только мы, М[аркс] и я, будем располагать временем, мы подготовим новое издание Манифеста с введением и т. п., но в настоящее время мы перегружены работой. Кроме Испании и Италии, мне приходится сейчас исполнять секретарские обязанности для Португалии и Дании. У Маркса достаточно работы по второму изданию «Капитала» и по различным переводам, которые предстоит сделать.

Мы намеревались отпраздновать завтра революцию 18 марта публичным митингом, но вчера вечером нам отказали в зале, который мы наняли, — притом под тем предлогом, что французским коммунистам *не разрешается собираться ни в одном зале* в пределах Лондона! Так как хозяева зала не так охотно поступятся 10 фунтами 10 шиллингами, уплачиваемыми за наем помещения, потребуют возмещения убытков и добьются этого, то ясно, что их вознаградит правительство. Но мы все-таки рискнем и преспокойно отправимся туда; если же двери окажутся запертыми, — что весьма вероятно, но не обязательно, — мы заставим субъекта, который сделал нам вышеприведенное сообщение, выступить в качестве свидетеля и посмотрим, что из этого получится. Во всяком случае мы осраим г. Гладстона.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Энгельс.

В Лиссабоне выходит газета «O Pensamento Social», Rua de S. Voaventura, № 57, Лиссабон; в первом номере ее есть несколько превосходных статей.

Прилагаю статью об Артуре О'Конноре из брюссельской «Liberté», — она заслуживает, чтобы ее перевели для «Irish Republic». До сих пор — это *единственная* статья во всей европейской печати, выступившая в защиту этого бедняги.

173.

Маркс — Морису Лашатру

в Париж.

Лондон, 18 марта 1872 г.

Дорогой гражданин!

Я приветствую Вашу идею опубликовать перевод «Капитала» в периодических выпусках. В этой форме мой труд будет более доступен для рабочего класса, а для меня это соображение важнее всего.

Это хорошая сторона Вашей медали, но вот и обратная: метод исследования, которым я пользовался и который еще не применялся к экономическим темам, делает чтение первых глав достаточно трудным, и можно опасаться, что французский читатель, всегда нетерпеливо стремящийся сделать выводы и жаждущий узнать отношение основных принципов к волнующим его вопросам сегодняшнего дня, придет в уныние, потому что не сможет сразу перейти к дальнейшему.

Это большое неудобство, в отношении которого я ничем не могу помочь, разве только предупредить и предостеречь читателей, которые дорожат правдой. Для науки нет широкой дороги, и только те смогут достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась трудов, взбирается по ее крутым тропам.

Примите, дорогой гражданин, уверения в моей преданности.

Карл Маркс.

174.

Энгельс — Чезаре Берту

в Турин.

[Черновик.]

Лондон, 21 марта [18]72 г.

Гражданин Чезаре¹ Берт!

От гражданина Эт[ьена] Пешара, проезжавшего через Турин в последних числах февраля, я получил Ваш адрес с сообщением о том, что Вы теперь являетесь секретарем нашей секции «Eman[ci]pazione del Prolet[ariato]» [«Освобождение пролетариата»] вместо К. Терцаги, уволенного за растрату и т. д. Следовательно, моей приятной обязанностью будет теперь переписываться с Вами.

Только что получил длинное письмо от Терцаги, в котором он пишет, что ушел из «Em[ancipazione] del Prol[etariato]», потому что это общество состоит из агентов правительства и сторонников Мад-

¹ В оригинале ошибочно: «Карло».

1er
Londres 18 Mars 1872.

Karl Marx au citoyen Maurice La Chatre

Cher citoyen,

J'approuve à votre idée de publier la traduction de mon "Capital"
en livraisons périodiques. Sous cette forme l'ouvrage sera plus
accessible à la classe ouvrière et pour moi cette considération
l'emporte sur toute autre.

Voici le beau côté de votre médaille, mais en voici le revers.
La méthode dialectique que j'ai employée et qui n'avait pas encore été
appliquée aux sujets économiques, sera assurément la lecture des
premiers chapitres, et il est à craindre que le public français,
toujours impatient à conclure, aille se connaître le
rapport des principes généraux avec les questions immédiates
qui le passionnent, ne se rebute parce qu'il n'aura pu tout
d'abord passer outre.

C'est là un désavantage contre lequel je ne puis rien si ce n'est
toutefois de prévenir et prémunir les lecteurs soucieux de vérité.
Il n'y a pas de route royale pour la science et aussi subordonnée.
D'arriver à des hommes lumineux qui ne craignent pas
de se fatiguer à gravir des sentiers escarpés.

Recevez cher citoyen, l'assurance à mes sentiments
dévoués

Karl Marx.

вини и намеревалось выразить ему недоверие за то, что он проповедывал *войну против капитала*.

Конечно, мы гораздо более склонны верить тому, что Вы и другие члены Вашего Совета сообщили Пешару, чем тому, что пишет Терцаги, который по отношению к нам всегда применял всевозможные уловки. Но, чтобы снять с себя ответственность на ближайшем конгрессе и иметь возможность действовать уверенно и решительно, мы просим Вас прислать нам официальное письмо от имени Вашего Совета, в котором было бы сформулировано обвинение против Терцаги и сообщены резолюции, принятые Вашим обществом по отношению к нему. Было бы совершенно недопустимо, чтобы в одном и том же городе существовали две соперничающие и враждующие между собой секции; к счастью, организационный устав (резолюции Базельского конгресса) дает Генеральному совету право принимать или отказывать в приеме всякой новой секции. Вы сами увидите, как необходимо для нашей организации это право, относительно которого юрские друзья Терцаги хотели Вас уверить, что оно авторитарно и несправедливо.

Я был бы очень рад увидиться с Вами в ближайшем будущем. Братски жму Вашу руку.

Ваш [Ф. Э.]

175.

Энгельс — Карло Терцаги
в Турин.

[Черновик.]

Лондон, 21 марта [18]72 г.

Дорогой гражданин!

Я написал Вам 13-го и получил затем Ваше письмо от 10-го текущего месяца. Пешару было заявлено в Турине, что Вы исключены из «*Emancipazione del Proletariato*» по разным причинам: что Вы отказались внести определенную сумму, принадлежащую обществу, а также 200 марок, которые я Вам отправил, и т. д. и т. д. Если против Вас выдвигаются такие обвинения, то абсолютно необходимо, чтобы Генеральный совет знал, справедливы они или нет, прежде чем вынести решение в пользу той или другой стороны. Я Вас прошу поэтому сообщить мне, о чем идет речь, ибо несомненно, что мы не сможем обойти молчанием подобные вещи.

Что касается субсидии в 150 фунтов, то эти деньги принадлежали не Генеральному совету, а частному комитету, образованному для объединения некоторых фондов для поддержки дружественной прессы и других интернациональных целей, но так как Ваша

стремительная и восторженная декларация в пользу Юры была такого рода, что вселила в комитет уверенность, что Вы приняли решение по делу, существо которого по необходимости должно было оставаться для Вас неизвестным, то сумма была немедленно израсходована по другому назначению, и в настоящий момент свободных средств больше нет.

Уже шесть недель, как я не получаю «Proletario», который, как Вы сообщаете, высылается мне регулярно.

Мы переменили место заседаний Совета. В настоящий момент я не могу дать Вам другого личного адреса, но думаю, что тот, который у Вас есть: К. Р., 122, Regent's Park Road, все же лучше, чем адрес Генерального совета.

Я предвижу, что он [Пешар] не останется в Лондоне, а отправится работать в провинцию.

Привет и освобождение.

[Ф. Э.]

176.

Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих

в Мадрид.

[Черновик.]

[Лондон, конец марта 1872 г.]

Испанскому федеральному совету.

Мы получили ваше письмо от 16 марта и очень вам благодарны за ваш подробный доклад о действительном положении нашего Товарищества в Испании, — положении, довольно удовлетворительном для тех условий, в которых нам приходится действовать. Наиболее важную часть этого доклада мы опубликуем. На Сарагосский конгресс мы пришлем вам письмо¹, а также позднее, — телеграмму; письмо написано по-французски, мы можем его вам перевести. Телеграмма будет послана от имени Генерального и Английского федеральных советов. Что касается Франции, то в силу закона Дюфора против Интернационала там нельзя иметь федерального совета, мы только напишем в Париж «Секции Ферре» («Section Ferré»), чтобы она послала письмо конгрессу, — именных подписей на этом письме не будет, но если вы найдете на нем подпись «Секция Ферре», это будет значить, что все в порядке. В Германии недавние процессы дезорганизовали на известное время секцию, и, как вы уже знаете,

¹ Циркулярное письмо Сарагосскому конгрессу, см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

Либкнехт и Бебель присуждены к двум годам тюрьмы главным образом за деятельность в Интернационале; посылка телеграммы отсюда будет поэтому в настоящий момент делом неосуществимым; все же письмо ваше мы в Германию послали.

Относительно марок нет никаких затруднений. Затребуйте, сколько марок, по вашему мнению, вам потребуется, и вышлите нам полученные вами взносы или часть взносов до 1 июля; не позднее чем за три недели до конгресса пришлите нам остальное вместе с теми марками, которые не будут использованы вами. У нас их здесь большое количество, и не будет беды, если ваши делегаты на конгрессе возвратят нам какую-нибудь тысячу.

Вчера вечером казначей совета Юнг прислал квитанцию, чтобы я подписал ее, затем, после того как он ее подпишет, она вместе с письмом будет также послана Сарагосскому конгрессу.

Надеюсь, что вы представите местному конгрессу на одобрение постановления Лондонской конференции. В настоящее время эти постановления признаны пока следующими федерациями: германской, романской, швейцарско-немецкой (Цюрих), английской, голландской и американской и секциями французской и ирландской.

[Ф. Э.]

177.

Энгельс — Феррарскому обществу рабочих

в Феррару.

[Черновик.]

[Лондон, 16 апреля 1872 г.]

Ф е р р а р с к о м у о б щ е с т в у р а б о ч и х.

Граждане!

В ответ на ваше письмо от 3 марта благодарю вас от имени Генерального совета за ваше присоединение к Международному товариществу рабочих; в то же самое время я должен сообщить вам, что, прежде чем согласиться на это, Совету необходимо узнать о смысле оговорки, сделанной вами относительно «автономии».

Когда образуется какое-либо товарищество, то прежде всего необходимо выработать устав и организационный регламент, как это и есть у вас самих, а также и у Интернационала. Возможно, что с уставом последнего вы не знакомы, поэтому посылаю вам один экземпляр на французском языке. Будьте добры доложить его вашему обществу и, в случае присоединения, поставьте меня в известность. Этот общий устав и организационный регламент являются

единственными законами, которыми обладает наша организация и которые, возможно, ограничат вашу автономию. Но поймите же, что нельзя в Интернационале иметь секции двух сортов одни, которые принимают общие законы, и другие, которые их отвергают¹.

Я надеюсь, впрочем, что для вас не представит никакого затруднения принять эти законы, созданные рабочими всей Европы, разработанные в течение семи лет на их ежегодных собраниях и признанные всеми.

Регламент, раздел V, статья 1, говорит, что «каждая секция свободна в выработке устава и регламента для своего местного управления соответственно местным обстоятельствам и особенностям законов своей собственной страны. Но этот устав и этот регламент не должны содержать ничего, противоречащего общему уставу и регламенту» [Интернационала]².

Регламент, раздел II, статья 5, оставляя за Советом право принять или отказать в приеме всякой новой секции, возлагает на него обязанность проверять, соответствуют ли этой статье устав и регламент этих новых секций; вследствие этого я прошу вас переслать Совету экземпляр устава, чтобы иметь возможность выполнить эту формальность.

[Приписка рукой Энгельса:]
Феррара, 3 марта 1872 г.
Феррарское общество рабочих.
Получено 15 марта.
Ответ 16 апреля.
Ответ прилагается.

{Ф. Э.}

178.

Энгельс — Дженнаро Бовио
в Трани.

[Черновик.]

Лондон, 16 апреля 1872 г.

Гражданину Бовио, в Трани.

Уважаемый гражданин!

Я получил и возвращаю Вам с благодарностью различные документы, которые Вы любезно прислали мне через гражданина Энрико Биньями.

¹ Зачеркнуто: «и защищают свою автономию».

² Зачеркнуто: «В Италии до сих пор нет постоянного Федерального совета, и обязанность по проверке устава и регламента итальянских секций лежит на Генеральном совете».

Генеральный совет Интернационала, будучи административным комитетом с определенными функциями, не мог *официально* ознакомиться с этими документами и обсудить их, но я счит своим долгом передать их тем из его членов, которые понимают по-итальянски, и все они прочли их с весьма большим удовольствием.

Охотно признаем, что в то время, когда в Лондоне впервые организовалось Международное товарищество рабочих, Вы в далекой Апулии выступили с той же идеей и мужественно ее защищали на Неаполитанском конгрессе. Благодарим Вас за то, что Вы сообщили нам об этом факте, который является новым доказательством того, что на союз рабочих всего цивилизованного мира еще в 1864 г. смотрели как на историческую необходимость даже в тех странах, с которыми мы тогда не могли установить контакта, так как не знали, к кому там обратиться ¹.

Мы искренно жалеем о том, что Общество итальянских рабочих не откликнулось в 1864 г. на Вашу идею, это значительно задержало развитие пролетарского движения в Италии.

Мы с большим удовольствием прочли Ваши статьи в «Libertà» в защиту Парижской Коммуны против В. Гюго и других. Мы охотно верим, что это были первые статьи, написанные на итальянском языке с этой целью. Мы тоже за это время опубликовали Манифест Генерального совета о «Гражданской войне во Франции»; я позволил себе послать Вам 23 марта один экземпляр этого Манифеста на английском языке и один — на немецком, так как у нас здесь нет французского перевода, а итальянский (в «Eguaglianza» в Джирдженти) еще не готов. Из этого произведения Вы увидите, что и тут наши идеи совпадают и что и мы тоже не преминули исполнить свой долг.

Братский привет.

Фридрих Энгельс,

Секретарь Генерального совета для Италии.

¹ Зачеркнуто: «Нет никакого сомнения в том, что если бы Общество итальянских рабочих в 1864 г. усвоило Вашу идею и положило одновременно начало итальянскому рабочему движению, опирающемуся на собственные социальные силы, то теперь рабочие общества в Италии не боролись бы за сектантские доктрины, являющиеся вовсе не итальянскими, а французскими и русскими. По моему мнению, в рабочем движении *подлинно* национальные идеи, которые соответствуют экономическим фактам, промышленным и сельскохозяйственным, характеризующим состояние данной нации, одновременно являются и *подлинно интернациональными*. Освобождение итальянского крестьянина произойдет не в той же форме, в какой будет осуществлено освобождение английских фабричных рабочих; но чем больше тот и другой воспользуются формами, отвечающими их условиям, тем больше это будет соответствовать существу дела».

179.

Энгельс — Теодору Куно
в Дюссельдорф.

Лондон, 22[— 23] апреля 1872 г.

Дорогой Куно!

Сегодня утром получил Ваше письмо, которое ожидал с большой тревогой. Гандольфи писал мне недавно, что есть подозрение, не выдало ли Вас итальянское правительство пруссакам. О Вашем аресте и т. п. я узнал из газет, которые также давали понять, что Вас выслали ввиду «отсутствия средств к существованию». В «Миланской газете» появилась полицейская заметка в этом духе. История эта не лишена значения. Это — первый подвиг международного полицейского заговора, организованного Пруссией, Австрией и Италией, и если Вас до сих пор еще не выслали этапным порядком через баварскую границу в Дюссельдорф, то Вы обязаны этим только *милости* баварцев. Завтра вечером я сделаю об этом доклад в Генеральном совете, а затем вся история будет включена в официальный отчет, который печатается в «Eastern Post» и рассылается во все страны мира. Тем временем Вы напишите корреспонденцию об этом от своего собственного имени и пошлите ее в «Volksstaat», женеvскую «Egalité» и «Gazz[ettino] Rosa». Об Англии, Америке и Испании, а также о Франции позаботимся мы здесь. Мерзавцы должны, наконец, почувствовать, что это не пройдет им даром и что у Интернационала руки все же длиннее, чем у итальянского короля. Как только история эта будет напечатана, я pošлю Вам экземпляр, а также и газеты, какие смогу для Вас собрать, это будет не особенно много.

Совет, который дал Вам Либкнехт, написать Бисмарку — очень хорош, но только по совершенно другим причинам. Во-первых, вместо того, чтобы помочь Вам добиться возмещения, Бисмарк будет очень *рад* случившемуся и будет только злиться, что баварцы отпустили Вас, не поняв, что им представился великолепный случай провезти члена Интернационала этапом через всю Германию. Но Вы должны написать Б[исмарку] просто для того, чтобы Вам можно было потом послать его ответ, — конечно, пустую отговорку, — Бебелю, а тот по этому поводу устроит *скандал в рейхстаге*. Но, конечно, не может быть и речи о том, чтобы Бисмарк шевельнул хоть пальцем с целью наказать Италию за то, что она так хорошо исполнила его предписания.

Вас не должно удивлять, что Вы встретили такую незначительную поддержку у товарищей по партии. Уже по одному из прежних

писем я понял, что Вы создаете себе какие-то детские иллюзии относительно помощи, которую получаешь в беде. К сожалению, мой ответ на это письмо был конфискован полицией и не попал Вам в руки. К этому надо прибавить еще и то, что хотя наши немецкие рабочие в теоретическом отношении опередили всех других, на практике они далеко еще не страшнули с себя былого «мастерового» («Knoten») и благодаря поражающей мелкобуржуазности немецкого быта проявляют ужасную черствость, особенно в денежных вопросах. Поэтому меня несколько не удивляет то, что Вам пришлось испытать в этом отношении. Если бы у меня были деньги, я послал бы Вам, но мы здесь в этом отношении крайне стеснены. У нас здесь более сотни беспомощных эмигрантов Парижской Коммуны, *в буквальном смысле* беспомощных, ибо никакая нация не чувствует себя такой беспомощной за границей, как французы, а то, что не поглотили они, пошло одному очень славному парню в Корке, в Ирландии, который основал там Интернационал и в награду за это был предан проклятию попами и буржуа и разорен вконец. В настоящий момент у нас нет ни гроша. Если мы откуда-нибудь что-либо получим, то я позабочусь о том, чтобы Вы не были забыты.

Напишите мне, в каких отраслях Вашей профессии Вы работали практически и что Вы вообще можете делать, я сейчас же постараюсь что-нибудь для Вас подыскать. Хотя Англия и наводнена иностранными инженерами, но, может быть, все же удастся что-нибудь сделать. У меня есть кое-какие очень хорошие связи.

За время Вашего тюремного заключения произошли всевозможные события. В Турине вышвырнули из «Em[ancipazione] del Pr[oletario]» Терцаги за мошенничество и подозрительные связи с начальником полиции; он опубликовал 2—3 номера «Proletario», в которых, как и раньше, нападает на Federazione Operaia [Рабочую федерацию], называя членов ее сволочью, буржуа, подлецами и т. д., но эта газета, как и почти все мелкие новые газеты в Италии — «Martello», «Camрапа» и др., теперь, повидимому, скончалась. Я написал Т[естини], спрашивая, на чем основаны эти обвинения, в ответ он посылает мне номер «Prol[etario Italiano]», полный ругани, и заявляет, что из этого мне будет ясно, что это все сплошь негодяи. Человек этот уже давно казался мне подозрительным; Реджис (который был у Вас под именем Пешара, а теперь находится в Женеве) узнал, что он постоянно ездит к Бакунину в Локарно; очень хорошо, что он теперь сам себя разоблачил, показав себя самым заурядным проходимцем.

В Болонье Рабочий союз Романьи созвал конгресс, на котором

обнаружилось, что это чистые бакунисты. Романьолы вступают в Интернационал, но и слышать ничего не хотят о признании устава и т. п. Они нам ничего не писали, хотя конгресс происходил еще 18 марта; мы их хорошо отчитаем. — Равеннская секция писала нам и сообщила о присоединении, но *salva la propria autonomia* [на условии полной автономии], я просто спросил их, признают ли они наш устав или нет.

Из кипы присланных мне газет я только что узнал, что Пецца и Тестини в Милане также арестованы (около 30 марта).

Циркуляр Генерального совета о Бакунине и компании находится в печати и будет, вероятно, готов в конце будущей недели¹. Я немедленно вышлю его Вам. Там все говорится напрямик, и он вызовет отчаянный шум. Газеты я рассчитываю послать Вам завтра — «Gazzett[ino] Rosa» и некоторые другие итальянские вещи и вообще все, что смогу достать.

В Сарагоссе 8—11 апреля состоялся конгресс испанских членов Интернационала на котором наши одержали победу над бакунистами. Теперь выясняется, что в Испании внутри Интернационала спокойно продолжал существовать под руководством Бакунина Альянс социалистической демократии в качестве *тайного общества* — тайного общества направленного не против правительства, а против массы рабочих. У меня есть полные основания подозревать, что то же самое происходит и в Италии. Какие сведения по этому вопросу есть у Вас?

Если с тем местом в Испании, которое имел для Вас в виду Беккер, что-нибудь выйдет, то сообщите мне об этом немедленно, чтобы я мог Вам дать рекомендации к нашим людям.

Место это, вероятно, в Каталонии, единственной промышленной провинции Испании, и там Вы могли бы развить очень полезную деятельность, так как, хотя рабочая масса там хороша, однако свою газету (барселонскую «La Federacion») и важнейшие посты она оставляет в распоряжении бакунистов.

В Турине сейчас выходит одна единственная газета — «L'Anticristo», нечто вроде еженедельной «Gazzettino Rosa». Кроме того, существуют еще «La Plebe» в Лоди, «Il Fascio Operaio» в Болоньи, «L'Eguaglianza» в Джирдженти, — все прочие итальянские газеты прекратили свое существование. Из опыта других стран мне давным-давно было ясно, что так и должно случиться. Недостаточно иметь для этого во главе несколько человек, массы же в Италии еще слишком отстали, чтобы содержать столько газет.

¹ «Les Prétendues Scissions dans l'Internationale» («Мнимые расколы в Интернационале»), см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

Потребуется еще долгий и упорный труд с гораздо бoльшим теоретическим содержанием, чем то, которым обладают бакунисты, чтобы вырвать массы из-под влияния мадзинистских глупостей.

Большое спасибо за миланский адрес. Не лучше ли было бы, если бы Вы сначала написали этому человеку и попросили его прислать Вам отчет о теперешнем положении Интернационала в Милане, а затем переслали этот отчет мне, а я бы ему на это ответил.

Секретарем-корреспондентом состоит сейчас М. Гандольфи, следовательно, также один из бакунистов.

Напишите мне поскорее, — в частности о том, какую работу можете Вы выполнять по Вашей специальности, чтобы я мог принять известные шаги.

С сердечным приветом

Ваш Ф. Э.

Наилучший адрес — тот, на который Вы мне пишете (адрес, по которому было послано Ваше письмо из Дюссельдорфа).

23 апреля [18]72 г.

180.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 23 апреля 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Поздравляем вас всех по поводу вашего выступления перед судом. После Брауншвейгского процесса следовало дать отпор этой сволочи, и вы это добросовестно выполнили. Фраза о 1 000 членов Интернационала — вот единственное, что вы могли бы и не говорить.

Здесь, в Англии, присяжных на ночь запирают или *держат под караулом* в гостинице, чтобы они ни с кем не соприкасались, их водят под конвоем гулять, а по воскресеньям в церковь, — если они этого пожелают. Исключение делается только на процессах вроде Тичборнского, когда это невозможно вследствие невероятной продолжительности (105 дней), но все же и в этих случаях к присяжным очень придираются.

Маркс ответит «Concordia», как только наведет справку в «Times» за 1864 г.¹

¹ По поводу обвинения Маркса в якобы неправильном цитировании речи Гладстона в Учредительном манифесте. См. памфлет Энгельса «Брентано contra Маркс. По поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы». См. Сочинения, т. VХ1, ч. 2.

Твое письмо напечатано в «Eastern Post»; было ли оно помещено в «Morning Post», выяснить невозможно, так как этой газеты здесь нигде нельзя найти, — дело в том, что здесь *уже нет более* читален, где бы сохранялись подобные вещи. «East[ern] Post» мы посылаем регулярно во все страны, так что письмо получит гораздо большее распространение, — *и среди кого следует*, — чем в других газетах.

Вряд ли подлежит сомнению, что приговор *должен быть* кассирован. Это — нарушение закона, неслыханное со времени процессов против демагогов. Едва ли в интересах национал-либеральной буржуазии устанавливать такого рода прецеденты, и я очень сомневаюсь, чтобы Бисмарк, который теперь выдвигает на первый план мелкие государства и хочет их дискредитировать, осмелился сделать что-либо подобное в Пруссии.

В английской печати я читал очень мало о процессе, — мне приходится читать так много иностранных газет, что я имею возможность просматривать только «Daily News», а ты должен знать, что со времени появления penny press [копеечной прессы] *нигде* нельзя достать газеты для прочтения, единственный способ — самому покупать их. Прилагаю статью из «Daily News», она может вам очень пригодиться.

Счет за печатание устава я передал М[арксу], деньги вышлем при первой же возможности.

Фотографию Бланки мне до сих пор не удалось разыскать; у французов она есть, но они ее не дают, а достать ее здесь невозможно.

Прилагаю расписку в получении 6 талеров в пользу эмигрантов.

Написать для вас экспромтом введение к «[Коммунистическому] манифесту» я не могу. Для этого необходимо заняться социалистической литературой за последние 24 года, чтобы дополнить III раздел, подняв его до современного уровня. Это придется, следовательно, отложить до позднейшего издания, но для отдельного отиска мы пришлем вам маленькое предисловие, и этого пока достаточно.

То, что Шей рассказывает о бельгийцах, отчасти верно; они всегда стоили немного, а теперь менее, чем когда-либо. Мы послали туда человека, который скоро сообщит нам точные сведения. Во всяком случае те выводы, к которым приходит Шей, неверны: масса никогда не пойдет так далеко за Гинсом (который через свою жену, русскую, до известной степени связан с Бакуниным) и Стеенсом

(которого тщеславие может толкнуть на глупости). Тем более, что в других странах наши дела идут очень хорошо. На испанском конгрессе в Сарагоссе наши сторонники побили бакунистов.

Что касается Куно, то он держался в Милане превосходно; то, что он писал мне о своих мытарствах, вполне достоверно и подтверждается итальянской прессой. Но мне представляется несомненным, что, когда он во время своей поездки очутился в Баварии под открытым небом, без денег и без поддержки, и притом не по своей вине, а исключительно из-за Интернационала, — с ним кое-где обошлись *очень грубо*. Может быть, у него были несколько детские представления о той поддержке, на которую он мог рассчитывать; но если бы вы приберегли свои деньги для *таких* людей, вместо того, чтобы тратить их на лодырей и негодяев, например на Рюдта и т. д., о которых вы сами пишете письма вроде тех, которые были оглашены на процессе (к сожалению, не опубликованных в «Volksstaat» — как будто это могло помочь делу!), то деньги нашли бы более подходящее применение. Правда, Куно не принадлежал к числу цеховых людей «партии» и поэтому вовсе не имел права очутиться в беде! Будь у меня деньги, я, право, охотнее послал бы их ему, чем кому бы то ни было другому.

Циркуляр Генерального совета против бакунистов выйдет, вероятно, на будущей неделе, он печатается на французском языке. Скоро появится и 1-й выпуск второго издания [«Капитала»] М[аркса], но не говори об этом, пока М[аркс] тебе не напишет или не появится самый выпуск. Русский перевод — очень хороший — вышел, французский находится в печати.

При сем прилагаю:

- 1) расписку в получении 6 талеров,
- 2) три вырезки из «E[astern] P[ost]», отчеты о заседаниях Генерального совета и т. п.,
- 3) одну вырезку о праздновании 18 марта,
- 4) два ирландских документа,
- 5) наш ответ на прения в парламенте,
- 6) статью из «Daily News» о вашем процессе, — итого *девять документов*.

Закрывают почту. Привет Бебелю; не падайте духом, они нас в тюрьму еще не упрятали. Позаботьтесь о том, чтобы продажа марок шла как следует, — и не только в Лейпциге; на следующем конгрессе будут *большие строгости*.

Привет твоим.

Твой Ф. Э.

181.

Энгельс — Луи Пио

в Копенгаген ¹.

[Лондон, конец апреля 1872 г.]

Дорогой г. Пио!

Мне кажется, я не могу Вам прислать ничего лучшего в качестве моей первой корреспонденции, чем сделанный мною перевод двух прекрасных статей из «Pensamento Social». Не имею ни малейшего понятия о том, кто их автор, но статьи свидетельствуют о таком понимании экономических и исторических условий развития современного общества, что я с удивлением нахожу их в газете, полученной из такого далекого уголка мира.

Между прочим, статья из «Socialisten» об организации сельскохозяйственного производства товариществами, которую я напечатал в отчете о заседаниях Генерального совета, обошла испанскую, итальянскую и американскую печать, и теперь я вижу, что она перепечатана в «Pensamento Social». Она произвела большое впечатление и не останется безрезультатной. Вообще в чрезвычайно важном вопросе о привлечении мелкого крестьянства и безземельных крестьян (Husmaendene) в пролетарское движение датчане, благодаря своим местным условиям и своим большим политическим способностям, стоят теперь впереди всех наций. Я говорил об этом Либкнехту и другим, но они, к сожалению, слишком ленивы, чтобы изучить датский язык.

Моттерсхед не принимал участия в трех последних заседаниях Генерального совета; как он нам сообщил, он собирается отказаться от должности секретаря для Дании; он говорит, что слишком занят, чтобы быть в состоянии выполнять обязанности секретаря.

Прошу Вас поэтому, будьте добры пока переписываться со мной; всю ответственность, которая у Вас могла бы возникнуть из-за этого перед Генеральным советом, я принимаю на себя. Мы намерены передать секретарство для Дании французу, члену Парижской Коммуны.

С социалистическим приветом жму руку

Ваш Фр. Энгельс.

Я перевел португальские статьи на французский, потому что этот язык дает возможность почти буквального перевода, и я это

¹ Перевод с текста, опубликованного в «Neue Zeit», XXXIX, 1921, В. I, S. 549.

сделал, как мог, не обращая внимания на изящество и даже на правильность французского стиля.

182.

Марке — Георгу Эккарису

в Лондон.

[Лондон,] 3 мая 1872 г.

Дорогой Эккарису!

Ты как будто с ума спятил, и так как я пока еще считаю этот припадок преходящим, то позволь мне не величать тебя пока ни Sir, ни Herr, ни Domine, а также писать тебе по-немецки, а не по-английски. Если вместе с немецким языком ты не утратил и памяти, — а в этом случае тебе могут помочь протоколы Генерального совета, — то ты вспомнишь, что вся грызня между мною и англичанами, начиная с основания Интернационала и вплоть до последней конференции, получилась из-за того, что я постоянно становился на твою сторону, — во-первых, в деле «Commonwealth» против Оджера, Кримера, Хауэлла и пр., во-вторых, — против Фокса, с которым я был очень дружен, наконец, против Хейлза, когда ты был генеральным секретарем. Следовательно, если впоследствии возникли конфликты, то следовало бы выяснить, *кто* дал к этому повод. Я только дважды нападаю на тебя.

Во-первых, из-за преждевременного опубликования постановлений конференции, что, как ты сам знаешь, явилось с твоей стороны нарушением долга.

Во-вторых, из-за последней истории с Америкой, где ты натворил много бед. (Я не говорю уже о том, что ты при поддержке Карла Гейнцена и К^о навлек на меня руготню в американских газетах. Я столь же равнодушен к этой брани, как и к публичным или частным восхвалениям, исходящим с их стороны.)

Но ты, повидимому, вообразил, что когда ты делаешь промахи, то тебе должны говорить комплименты, вместо того, чтобы сказать тебе правду, — как и всякому другому. Завтра вечером я передам тебе произведение Грегори. Сегодня мне надо просмотреть сразу и французские и немецкие гранки, следовательно у меня нет времени на просмотр американских бумаг. Что касается моего «обвинительного акта», то я попросту ограничусь указанием на то, что ты 1) поступил совершенно неправильно, написав *в столь решительный момент* в Нью-Йорк и в такой форме, как ты это сделал, если даже предположить, что твои жалобы являются основательными;

2) что твои обвинения по адресу Генерального совета об утайке бумаг лишены всякого основания. Вот и все.

В заключение дам тебе хороший совет. Не думай, что твои старые личные и партийные друзья, если они и считают своим долгом выступить против твоих причуд, из-за этого относятся к тебе или будут относиться хуже. С другой стороны, не воображай, что ничтожная клика англичан, которым ты нужен для известных целей, является твоими друзьями. Я мог бы, если бы захотел, доказать тебе обратное.

А засим — привет. Послезавтра — день моего рождения, и я не хотел бы начать его неприятным сознанием, что лишился одного из моих старейших друзей и единомышленников.

С братским приветом

Карл Маркс.

183.

Энгельс — Теодору Куно

в Серэн.

Лондон, 7 [— 8] мая [18]72 г.

Дорогой Куно!

Очень хорошо, что Вы пишете по Вашему делу Б[исмарку], — это следовало сделать хотя бы уже для того, чтобы заставить его скомпрометировать себя и таким образом дать Бебелю повод для выступления в рейхстаге. Вы уже, вероятно, получили «Eastern Post» с отчетом о заседании Генерального совета, в котором я рассказываю о Вашем деле; я послал этот номер отсюда 2-го с. м. Вероятно, Вы получили также газеты, отосланные Вам 24 и 27 апреля. Я сообщил также и о заговоре для устройства поджога¹, но тот отчет, который я пошлю Вам завтра, составлен очень плохо, как это обычно бывает, когда я не сам составляю подобные вещи.

Я писал относительно Вас одному другу в Манчестер, — владельцу хлопчатобумажной прядильной фабрики, который несомненно все для Вас сделает. К сожалению, он бывает теперь в Манчестере только два дня в неделю, так как в течение приблизительно месяца он должен остальное время проводить на фабрике своего отца в деревне, и поэтому до своего окончательного возвращения сможет сделать для Вас лишь очень мало. К несчастью, другой мой приятель, инженер-консультант, имеющий очень большие связи, как раз те-

¹ Попытка поджечь Миланскую сельскохозяйственную академию, приписываемая членам Интернационала.

перь уехал на два месяца в Германию. Поэтому, если я не смогу в ближайшее время сообщить Вам ничего хорошего, Вы должны объяснить это указанными причинами.

Тайное общество бакунистов в Испании — вполне установленный факт; подробности об этом Вы узнаете из отчета (*второго*) брюссельской «Liberté» о Сарагосском конгрессе, который Вы, наверное, на этих днях прочтете в «Volksstaat». К счастью, лучшие люди из числа присутствовавших на этом конгрессе скоро сообразили, что интересы этого тайного предприятия и интересы Интернационала совершенно не тождественны, и так как интересы Интернационала для них были дороже всего, то они сейчас же изменили свою позицию и остались в тайном обществе лишь за тем, чтобы следить за ним и парализовать его деятельность. Один из них был здесь в качестве делегата конференции и убедился, что все, что ему там рассказывали об интригах, диктатуре и т. п. Генерального совета, просто чепуха. Вскоре после этого в Мадрид поехал один из наших лучших людей — полуфранцуз, полуиспанец ¹ — и этим вопрос был решен. У испанцев превосходная организация, которой они с полным правом гордятся и которая как раз за последние шесть месяцев показала себя с наилучшей стороны, — но вот на Сарагосский конгресс явились эти ослы из бакунинского Альянса и потребовали, чтобы всю эту организацию превратили в мертвую и бездеятельную ради одной только «автономии секций»! Все то, в чем упрекали Генеральный совет юрские идиоты, все требования, которые они предъявляли Генеральному совету: аннулирование предоставленных ему полномочий, низведение роли Генерального совета до роли простого корреспондентского бюро, — все это эти господа применили к Испанскому федеральному совету. Но испанские рабочие подняли насмех этих доктринеров и единогласно потребовали, чтобы они замолчали. Это — самый жестокий удар из всех нанесенных до сих пор Бак[унину], — на Испанию он рассчитывал вполне, — и это не преминет оказать свое действие и на Италию.

Я ни минуты не сомневаюсь в том, что та же самая тайная организация существует и в Италии, хотя, быть может, и не столь определенная, как в формалистической Испании. Лучшим доказательством этого является для меня почти военная точность, с которой там со всех концов страны одновременно раздался один и тот же, данный *сверху*, лозунг (заметьте себе, это — те самые люди, которые в противовес Интернационалу всегда проповедуют народу принцип «*dal*

¹ Поль Лафарг.

basso all'alto» [снизу вверх])! Вполне понятно, что Вы в это не были посвящены, ведь даже из бакунистов в это эзотерическое общество допускаются одни лишь *вожди*. Между тем, в Италии замечаются и некоторые отдельные симптомы улучшения. Феррарцы подчинились, признали общий и организационный устав и прислали сюда на утверждение свой собственный устав, что тоже совершенно противоречит данному бакунистами паролю. Главная трудность в Италии заключается лишь в том, что там нелегко установить непосредственные отношения с рабочими. Эти проклятые бак[унистские] доктринеры — адвокаты, доктора и т. д. — пролезли всюду и ведут себя как прирожденные представители рабочих. Там, где нам удается прорвать их ряды и притти в непосредственное соприкосновение с самими массами, все идет прекрасно, и дело быстро налаживается, но за отсутствием адресов это почти нигде невозможно сделать. Поэтому было бы очень важно, чтобы Вы оставались в М[илане] и могли время от времени, если не сейчас, то во всяком случае позднее, посещать тот или другой город; с одним или двумя дельными товарищами в главных пунктах нам удалось бы в течение полугода справиться со всем этим сбродом.

Относительно испанской полиции могу сказать Вам только, что, судя по всему, она ужасно глупа и среди нее нет никакого единства. Так, например, один из наших лучших людей, находившийся в Мадриде, подлежал высылке по приказу министра внутренних дел, но мадридский губернатор этому воспротивился, и он преспокойно там остался.

8 мая. После того как я написал это, я получил Ваше письмо из Серэна. Не могу понять истории с прусской полицией. Полиция *абсолютно ничего сделать* с Вами не могла, если только Вы не дали ей повода для судебного преследования, чего Вы, вероятно, избегали. Может быть, Ваш папаша инсценировал комедию, чтобы избавиться от своего сына, который был для него там неудобен.

Во всяком случае, я посылаю Вам при этом письме 50 франков в банкнотах, подробное описание в конце. Адресов в Серэне у меня нет, но я сейчас же напишу Цезарю Де-Папу, Hôpital St. Jean, Брюссель (член Бельгийского федерального совета), чтобы он выслал их Вам, то же самое напишу и Альфреду Герману — 57, Mon St. Martin, Льеж (не знаю, там ли он еще). Если Вы не получите в ближайшее время письма от Де-Папа, то напишите ему и сошлитесь на меня. Если Вы поедете в Льеж, то разыщите Германа, для которого я прилагаю здесь несколько строк, он может Вам дать все; это лучше, чем если бы я написал ему по почте; его, может быть, там уже нет, —

ведь от Вас это совсем близко. Недоставленное и вскрытое на почте письмо могло бы Вас выдать.

По поводу Беккера я раскрою Вам довольно комичный секрет в следующем письме. Пока остаюсь искренно Ваш

Ф. Э.

Письмо Герману следует передать *только лично ему!* Он тоже живет в реакционной семье.

8 мая вечером. Так как мне пришлось съездить в город, чтобы получить прилагаемую 50-франковую банкноту (датирована 11 октября 1871 г., № 2 648 626, наверху с левой стороны — 626, с правой — Z. 106), и я опоздал послать это письмо заказным, что было необходимо из-за денег, то у меня еще есть время рассказать Вам историю про Беккера, которая является лишним примером того, из каких мелких интриг состоит всемирная история. Старик Беккер еще с давних пор сохранил свои собственные, относящиеся к эпохе до [18]48 г. идеи относительно организации: маленькие союзы, руководители которых поддерживают связь, чтобы давать всей организации общее направление, при случае немного конспирации и т. п.; к этому надо прибавить идею, относящуюся к тому же времени, что центральный орган немецкой организации должен иметь свое местопребывание *вне* Германии. Когда был основан Интернационал и Беккер взял в свои руки организацию немцев Швейцарии и других стран, он учредил в Женеве секцию, которая постепенно, организуя новые секции в Швейцарии, Германии и т. д., превратилась в «Главную секцию (Muttersektion) группы секций немецкого языка» и стала претендовать на верховное руководство не только немцами, проживающими в Швейцарии, Америке, Франции и т. д., но и немцами в Германии и Австрии. Это был целиком метод старой революционной агитации, ведшейся до [18]48 г., и, пока он покоился на добровольном подчинении секций, против него ничего нельзя было возразить; но добряк Беккер забыл одно, — что организация Интернационала слишком грандиозна для таких мелких средств и целей. Однако Беккер и его друзья все же кое-что *делали* и всегда оставались непосредственными и официальными секциями Интернационала.

Тем временем рабочее движение в Германии развивалось, освободилось от оков лассальянства и, под руководством Бебеля и Либкнехта, высказалось *в принципе* за Интернационал. Движение стало слишком сильным и приобрело слишком большое самостоятельное значение, чтобы можно было признавать руководство Женевской

главной секции; немецкие рабочие созывали свои собственные конгрессы и избирали свои собственные органы управления. Однако отношение немецкой рабочей партии к Интернационалу никогда не было ясным. Отношение это оставалось чисто платоническим, действительного членства даже для отдельных лиц (за единичными исключениями) не существовало, а образование секций было запрещено законом. В результате в Германии получилось такое положение, что на членские *права* там претендовали, а от *обязанностей* отмахивались, и только со времени Лондонской конференции мы отсюда настаивали, чтобы исполнялись также и обязанности.

Вы поймете теперь, что должно было появиться не только известное соперничество между вождами в Германии, с одной стороны, и Женевской главной секцией — с другой, но что неизбежны стали и отдельные конфликты, особенно по вопросу об уплате членских взносов. Насколько *властно* держал себя в этом вопросе, как впрочем и всегда, Генеральный совет, Вы можете видеть из того, что он совершенно не интересовался этим делом и предоставил тех и других самим себе. Каждая из сторон права в одном отношении и неправы в другом. Беккер с самого начала придавал большое значение Интернационалу, но хотел применять к нему давным-давно устаревшую форму; Либкнехт и другие правы в том отношении, что немецкие рабочие желают сами управлять собой, а не управляться тайным собором в Женеве; но на самом деле они хотели подчинить интересы Интернационала своим специфически немецким целям и использовать его для них. Генеральный совет должен был бы вмешиваться только по требованию обеих сторон или в случае серьезного конфликта.

Либкнехт, очевидно, принял Вас за беккеровского агента, разъезжающего в интересах Женевской главной секции, и *этим*, повидимому, объясняется все то недоверие, с которым он, кажется, Вас принял. Он — тоже человек [18]48 г. и придает подобным пустякам больше значения, чем они того заслуживают. Радуйтесь тому, что Вы не переживали этого времени, — я имею в виду не первую революционную волну от февраля до июньской битвы, — это было великолепно, — а демократические буржуазные интриги, начиная с июня [18]48 г., и последующую эмиграцию [18]49 — [18]51 гг. В настоящее время движение бесконечно грандиознее.

Это, надеюсь, объяснит Вам прием, оказанный Вам в Лейпциге. Подобным мелочам не следует придавать особого значения, — все это вещи, которые со временем сами собой изживаются. Когда Вы столкнетесь с бельгийскими членами Интернационала, Вы, воз-

можно, тоже будете разочарованы. Прежде всего, не создавайте себе слишком больших иллюзий об этих людях. Это очень хорошие элементы, но дело в общем и целом пошло до известной степени по заезженной колее, и фраза для них важнее, чем само дело. Громкими словами об автономии и авторитаризме в Бельгии также можно собрать много публики. Ну, да Вы сами это увидите.

Дружески расположенный к Вам

Ф. Э.

184.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 7 мая 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Теперь я понимаю, откуда все ваше недоверие к Куно: вы приняли его за агента Беккера, которому поручено вернуть германский Интернационал в материнское лоно Женевской секции. Это было совершенно излишне. Если бы в то время, когда Куно был в Хемнице, вы не проявляли столь платонического отношения к Интернационалу, то он *уже там* вступил бы в него; в Милане, не имея нашего адреса, он обратился по единственно ему известному адресу — к Беккеру, а Беккер, приняв его, *направил его к нам*. Итак, на том основании, что Беккер когда-то вознамерился октроировать себе Германию и что он, быть может, еще продолжает кое-где понемногу интриговать, ты должен брать под подозрение всякого честного парня, который волей-неволей вынужден был обратиться к Б[еккеру], так как вы не захотели ударить палец о палец! Небылицам, о которых ты говоришь, я не поверю, пока они не будут мне доказаны; вашим корреспондентам в Нюрнберге и т. п. я доверяю гораздо меньше, чем Куно, который никогда еще не рассказывал мне басен, а постоянно давал такую верную информацию, как редко кто другой. Отец К[уно] — прусский чиновник из Дюссельдорфа; когда Куно туда явился, отец выставил его за дверь; теперь Куно приходится класть зубы на полку. Материальные дела старика и дела самого Куно — вещи совершенно различные.

Прилагаю статью Лафарга из «Емансипасіон»; у вас там, наверное, кто-нибудь владеет испанским настолько, чтобы ее перевести. Л[афарг] работает в Испании очень много и очень умело, им же написана в «Liberté» корреспонденция о конгрессе в Сарагоссе; *не забудьте напечатать и вторую корреспонденцию, помещенную в прошлом номере «Lib[erté]», в которой он разоблачает тайные козни*

бакунистов и описывает блестящую победу, которую там одержали над ними наши сторонники. Это — решающий удар по остолопу Бакунину. Сейчас «Eman[ci]pation» — *лучшая* из наших газет. Бакунисты — ослы. У испанцев очень хорошая организация, которая как раз за последние шесть месяцев зарекомендовала себя с наилучшей стороны, а теперь эти глупцы воображают, что фразами об автономии они могут побудить людей фактически ликвидировать эту организацию.

Тебе следовало бы больше использовать «East[ern] Post», ведь вещи, которые мы там сообщаем, право, интереснее доктринерски-юридической болтовни г. Аколлы о наилучшей из всех возможных конституций.

Я все еще думаю, что приговор будет кассирован. Во-первых, допущено не мало формальных ошибок, а, во-вторых, процесс вызвал слишком уж большой скандал. Бисмарк должен ведь убедиться в том, что на этот раз он хватил через край и что кассация будет для него выгоднее, чем утверждение приговора.

Насколько мне известно, Стефанони не напечатал твоего письма. Я получил не все номера «Lib[ero] Pensiero»; к сожалению, твое письмо пришло в Италию как раз в то время, когда *все* наши газеты, которым я его послал, внезапно, как по мановению ока, перестали выходить. Что касается Бюхнера, тебе достаточно будет заглянуть в его последнюю мнимо-социалистическую стряпню, чтобы убедиться, какую зависть и ненависть этот пигмей питает к Марксу, которого он обкрадывает и извращает, не упоминая даже его имени. И я продолжаю думать, что именно *он* внушил весь этот вздор Стефанони. Но с тобой он в хороших отношениях, точно так же, как Малон и многие другие, смертельно ненавидящие нас.

Посылаю тебе сегодняшний номер «Daily News» с прелестным описанием того, как немецкие профессора и студенты вели себя в Эльзасе и как эльзасцы их приняли. Затем прилагается характеристика немецкого студента. Обе корреспонденции написаны тем самым майором Форбсом, который был с саксонцами под Парижем и не мог тогда нахвалиться немецкими офицерами и солдатами; следовательно, он расположен к немцам. Это описание представителей «германской цивилизации» тебе следует использовать; оно служит разительным доказательством того, до какой степени износились эта буржуазная «цивилизация» и как смешны стали ее официальные носители.

Как только позволит время, я напишу тебе статью о жилищной нужде против абсурдных прудонистских измышлений, излагаемых по этому поводу в ряде статей в «Volksstaat».

Наш ответ юрцам еще находится в печати. Чорт бы подрал все эти кооперативные типографии.

О конгрессе писать нечего. *Где* он соберется, может быть решено лишь в последний момент. Что он *соберется* — тебе известно.

Аресты наших единомышленников в Дании нам очень помогут, а арестованным большого вреда не причинят. Дания — не Саксония. К сожалению, я не знаю, *кто* арестован, и должен поэтому прервать переписку.

«Eman[icipación]» приводит теперь регулярно выдержки из «Volksstaat», — об этом заботится Лаура. Следи за тем, чтобы газета аккуратно туда посылалась.

В Бельгии Брюссельский федеральный совет допустил дело до полного развала; два порядочных человека, которые у нас там есть, недостаточно энергичны, чтобы принять активные меры; рабочие в провинции гораздо лучше, но самая гнилая почва — в Брюсселе, и, пока центр остается там, вряд ли получится что-либо путное. Гинс уехал в Вервье, и с тех пор «Libertè» стала гораздо доступнее; это — плюс.

Привет твоей жене и Бебелю. Тебе, вероятно, известно, что Женни Маркс помолвлена с Лонге. На-днях выйдут первые выпуски второго издания и французского издания «Капитала»; корректура уже здесь была.

Твой Ф. Э.

То, что Лафарг говорит о Бюхнере, разумеется, вздор; о таких подробностях он недостаточно осведомлен.

185.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 9 мая 1872 г.

Дорогой Беккер!

За ваше предложение созвать конгресс в Женеве говорит много, здесь оно очень понравилось, но, разумеется, сейчас нельзя ничего решить, условия могут ведь каждый день измениться. Пока же для того, чтобы принять окончательное решение на этот счет, нам необходимо знать, как у вас там обстоят дела и можете ли вы *определенно* рассчитывать на сплоченное и надежное большинство среди швейцарских делегатов. Господа из Альянса пустят в ход все что угодно, чтобы при помощи старых уловок — как они это делали в Базеле — обеспечить себе большинство. Юрцы выступают в качестве

представителей фиктивных секций; итальянцы, за исключением Турина, пришлют *только* друзей Бакунина, — это относится и к Милану, где эти господа после удаления Куно снова взяли верх; испанцы разделятся, каково будет соотношение — сказать еще нельзя. Германия будет по обыкновению представлена слабо, Англия — тоже, Франция — лишь несколькими тамошними эмигрантами и, быть может, несколькими здешними, бельгийцы очень ненадежны; таким образом, чтобы обеспечить *внушительное* большинство, необходимы огромные усилия, потому что незначительное большинство было бы не лучше отсутствия всякого большинства, и склока началась бы снова. Поэтому напишите совершенно откровенно, как обстоят дела у вас, а также и в Немецкой Швейцарии, чтобы нам не просчитаться.

Куно пришлось бежать от полиции из Дюссельдорфа, сейчас он находится в Серэне близ Льежа. Веман в Манчестере, но он так долго колебался, что за это время обстановка изменилась, дела пошли хуже и работы мало. Однако я все же стараюсь раздобыть для него поскорее какую-нибудь работу. Маркс шлет сердечный привет.

С дружеским приветом

твой Ф. Энгельс.

186.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 15 [— 22] мая 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Спасибо за письмо из Вервье. Оно подтверждает информацию, полученную нами из других источников, а что касается Гинса, то приятно знать, что его пристрастие к «Neuer [Social-Demokrat]» сказалось не только в «Liberté», но проявляется и непосредственно. Став через жену свою бакунистом, Г[инс] действует вполне последовательно. Хорошо, что все подлецы находят друг друга.

Экк[ариусу] я сообщил то, что к нему относилось; на это он мне дал следующий ответ: скажи Л[ибкнехту], что если он сперва мне ответит на мое письмо от июля прошлого года, то я снова заговорю о переписке. То, о чем тебе пишет Зорге, является теперь основанием к обвинению против Э[ккариуса], который здесь много потерял из-за своей постоянной болтливости.

О месте конгресса теперь, само собой разумеется, еще преждевременно принимать какие-либо решения.

Я очень рад, что «Volksstaat» так хорошо расходуется. Как только мне позволит время, я буду чаще писать статьи, но ты не можешь

себе представить, до какой степени мы переутомлены, так как М[аркса], мне и еще одному или двум людям приходится делать *все*.

Предисловие к «[Коммунистическому] манифесту» напишем в кратчайший срок. У М[аркса] уйма работы с французским переводом [«Капитала»]; вначале приходится многое изменять. Сверх того — корректура второго немецкого издания.

Статью о жилищной нужде напишу сегодня или завтра.

Юрская федерация издает пакостную газетку: «Bulletin de la Féd[eration] Jur[assienne]», подписка у Адемара Швицгебеля, Сонвилье, Бернская Юра, 4 франка за год, 2 франка за полугодие. Вам следовало бы получать этот листок и время от времени задавать ему трепку, это — официоз Бакунина. В последнем номере — прямой донос испанской полиции на Лафарга, живущего в Мадриде под чужим именем.

Прилагаю вырезку из «East[ern] Post», — тебе пошлют, вероятно, *первое* издание, в котором, по лености Хейлза, обычно не хватает самого важного. Если так и случится, то пришли мне несколько строк на имя издателя о том, что ты просишь высылать тебе *второе* издание. Иначе ты ведь ничего знать не будешь. — Хотя содержание моей информации о Сарагосском конгрессе и вполне правильно, но Лаф[арг] забыл нам сообщить, что одновременно было принято постановление (от 25 декабря 1871 г.), в котором признаются и принимаются резолюции *Бельгийского* конгресса. Значит, победа оказывается вовсе не такой полной, какой он нам ее изобразил. Я ожидаю более подробных сведений об этом последнем постановлении.

Что Альянс продолжал существовать в качестве тайного общества, по крайней мере в Испании, доказано и признано, — наши собственные сторонники состояли в нем, полагая, что так оно и должно быть. Это очень скверное обстоятельство для г. Бакунина.

Не забудь перепечатать из «Liberté» *вторую* корреспонденцию Лаф[арга] о Сарагосском конгрессе. Она привела юрцев в бешенство; в своем последнем номере они открыто нападают на Лаф[арга], меня, М[аркса], Серрайе. Но о разоблаченном там *тайном обществе* они и не заикаются. *Это — их слабое место*, и потому следует разгласить это дело как можно шире. Я убежден, что эта тайная организация Альянса существует также в Швейцарии и в Италии, но представить доказательства будет трудно. В ближайшем номере «Egalité» будет помещено заявление Лафарга против юрцев.

22 мая. За это время я написал прилагаемую статью по жилищному вопросу. Твой прудонист ¹ будет доволен.

¹ Энгельс имеет в виду А. Мюльбергера, статьи которого о жилищном вопросе печатались в «Volksstaat» в феврале—марте 1872 г.

По поводу моего «Положения рабочего класса» я напишу Виганду. До окончания конгресса об этом во всяком случае не может быть и речи, — я завален работой.

«Deutsch-Französische Jahrbücher» нельзя достать, разве только у букинистов; это тебе должно быть ясно; равным образом — «Ницету философии» (хотя несколько экземпляров ее, может быть, найдется в Париже у Фивега, преемника Франка). Об издании статей мы помышляем уже давно, но это требует времени. Г-н Кнаш найдет достаточно поучительного в «Капитале»; если он его переварит, то сам будет знать, примыкает ли он к нам или нет, а если он и тогда этого не будет знать, то тут уж никакие чудотворцы ему не помогут. Вся суть дела заключается во II и III главах «Капитала», и он должен как следует в них разобраться, прежде чем приниматься за что-либо другое.

Твое желание получить разъяснения относительно Прудона будет пока в достаточной мере удовлетворено прилагаемой статьей.

Прилагаемое сообщение «E[astern] P[ost]» об Испании, которое ты вряд ли и получишь, прошу *не* опубликовывать. Оно было основано на письмах Лаф[арга], но так как юрды толкуют другое решение конгресса в свою пользу и так как первые сообщения Лаф[арга] о победе были во всяком случае несколько преувеличены, то желательно, чтобы они *не* распространялись с санкцией Генерального совета; в Италию и Испанию я их также не посылаю.

Теперь я подумаю о том, что можно предпринять по части предисловия к «Коммунистическому манифесту». М[аркс] отправился в Сити, чтобы проверить цитату из «Concordia»; эти господа будут огорошены.

Привет и пожелание скорейшей кассации.

Твой Ф. Э.

Какова позиция «Комитета» в Гамбурге по отношению к Интернационалу? Мы должны теперь выяснить этот вопрос, и притом поскорее, чтобы Германия могла быть надлежащим образом представлена на конгрессе. Я вынужден просить тебя дать нам, наконец, ясную картину того, как у вас обстоит дело с Интернационалом.

1) Сколько марок (приблизительно), в скольких и в *каких именно пунктах* распространено. Ведь 208 штук, подсчитанных Финком, не составляют всего количества.

2) Намерена ли Социал-демократическая рабочая партия быть представленной на конгрессе, и если да, то как она предполагает предварительно урегулировать свои отношения с Генеральным советом, чтобы ее мандаты не могли оспариваться на конгрессе. Для

этого требуется, чтобы она: а) объявила себя на деле и с полной определенностью, а не только *фигурально*, германской федерацией Интернационала и б) чтобы она, *как таковая*, уплатила до конгресса свой взнос. Дело становится серьезным, и мы должны знать, чем мы располагаем, иначе вы вынудите нас действовать самостоятельно и рассматривать Социал-демократическую рабочую партию как чуждую нам и безразлично относящуюся к Интернационалу организацию. Мы не можем допустить, чтобы в силу неизвестных нам, но во всяком случае мелочных побуждений было провалено или искажено представительство германских рабочих на конгрессе. Мы просим по этому вопросу срочных и ясных сообщений.

Квитанцию Финку возвращу на-днях.

Между прочим. Было бы, пожалуй, не плохо прислать мне, если возможно, корректуру статьи, но я предоставляю это решить тебе самому. Однако существенные условия моего сотрудничества: 1) отсутствие всяких примечаний и 2) печатание *большими* разделами.

187.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 23 мая 1872 г.

Дорогой Зорге!

Спешно всего лишь несколько строк.

Я перегружен работой.

Не говоря уже о делах Интернационала, — ведь горит со всех концов, — мне ежедневно приходится править *немецкие корректурные листы* второго издания «*Капитала*» (оно будет выходить выпусками) и *корректуры* сделанного в Париже французского перевода, которые я часто должен совершенно переделывать и исправлять, чтобы объяснить французам суть вопроса, а, кроме того, я еще правлю корректуры «Манифеста о гражданской войне», который мы издаем на французском языке в Брюсселе. Я Вам буду высылать по мере выхода выпуски немецкого и французского изданий.

В Петербурге появился превосходный русский перевод. *Русская социалистическая газета* «Новое Время» (я перевожу ее название на немецкий язык, газета выходит на русском языке) поместила недавно весьма хвалебную передовую статью в пять столбцов о моей книге; статья эта, однако, должна была служить лишь введением к целому ряду других статей. За это газета получила от полиции предостережение, и ей пригрозили закрытием.

Сегодня я посылаю Либкнехту свой ответ ослам из «*Concordia*».

Я не успел этого сделать раньше. Кроме того, было не вредно представить фабрикантской сволочи некоторое время насладиться иллюзией победы.

Что касается Гейнцена, то я ни в грош не ставлю подвиги и жесты этого «демократического остолопа». Он — истинный представитель «ничегонезнаек» (Knownothings) в буквальном смысле этого слова.

Не мешает прислать мне французский перевод «Коммунистического манифеста».

В следующий раз я разъясню Вам причины, почему Генеральный совет ограничивается пока одними резолюциями, не выступая более агрессивно. С теми людьми¹ переписки больше поддерживать не будут. Ле-Муссю поручено вытребовать от них письма Эккариуса (который, по всей вероятности, уже отдал распоряжение напечатать в Америке свое письмо) и Хейлза.

Между нами: Эккариус уже давно разложился и стал теперь настоящим прохвостом, даже *сволочью*.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

188.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 27 мая 1872 г.

Дорогой друг Зорге!

Я утопаю в печатных листах — французских (в которых мне чрезвычайно много приходится переделывать из того, что слишком буквально переведено) и немецких, которые надо отправлять. Поэтому я могу написать Вам лишь несколько строк.

Посылаю Вам декларацию Генерального совета о фарсе «Всемирного федералистического совета и т. д.» на немецком и французском языках. Посылаю также наш конфиденциальный циркуляр о юрцах. (Как только у нас будет больше экземпляров, я пришлю *еще*.) Эккариус подал в отставку еще до того, как его дело было разобрано. Секретарем для всей Америки (сейчас у нас имеются связи и с Южной Америкой) временно будет Ле-Муссю. Посылайте все мне, так как я ежедневно вижу с Ле-Муссю, и ничего не посылайте Хейлзу, который из-за стремления играть важную роль постоянно делает глуп-

¹ Лидеры 9-й и 12-й нью-йоркских секций. I Интернационала, интриговавшие против Зорге и Больте.

пости. Относительно его, так же, как и относительно Эккариуса, предстоит расследование — в связи с американской историей.

Эккариус стал одновременно и дураком и прохвостом. На этой неделе я напишу еще Вам об этом подробнее.

Завтра я буду настаивать в Генеральном совете, чтобы Вам послали 1 000 экземпляров [устава].

Ваш *К. Маркс*.

189.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 27 [—28] мая [18]72 г.

Дорогой Либкнехт!

Г-жа М[аркс] показала мне письмо Э[ккариуса] к тебе; из него можно сделать лишь один единственный вывод — тот, который сделал ты, а мы на основании других признаков сделали еще раньше, а именно: что Э[ккариус] спятил с ума. О том, как мы против него интриговали, ты лучше всего можешь судить по тому, что я тебе никогда ни слова не писал о всей его шайке. Но теперь необходимо ввести тебя au fait [в курс дела].

Что подразумевает Э[ккариус] под интригой, которая якобы плетется против него с 1869 г. (!), для нас абсолютно непостижимо. Я знаю только, что вплоть до сентября [18]70 г., когда я перебрался сюда, М[аркс] по старой дружбе постоянно вытаскивал его из того болота, в котором он то и дело увязал в делах с англичанами; где только у М[аркса] ни случались раздоры с англичанами, поводом служил Э[ккариус], который всегда считал Интернационал своей литературной вотчиной, а в отчетах о конгрессах в «Times» и в американских корреспонденциях болтал лишнее, словом — постоянно эксплуатировал литературную сторону дела. Все это можно было терпеть до известного предела, ограничиваясь выговорами в частном порядке, но история постоянно повторялась сызнова.

Вдруг Экк[ариус] заявляет, что покидает свой пост генерального секретаря и *совершенно снимает свою кандидатуру*. Мы вынуждены были поэтому избрать другого секретаря, которым при данной обстановке мог быть только англичанин. Были выставлены кандидатуры Хейлза и Моттерсхеда, избран был Хейлз. На что именно Экк[ариус] рассчитывал во всей этой истории, мы узнали лишь позже; он рассказывал Моттерсх[еду], что просто забастовал, чтобы получить 30 шиллингов вместо 15 в неделю. Он считал себя незаменимым, а когда дело сорвалось, он повернул все так, будто М[аркс]

с Хейлзом интриговали, чтобы его выкинуть; я почти убежден, что он сам теперь верит этому, хотя его отставка никого не поразила так сильно, как нас.

Открылась конференция ¹. И Генеральный совет, и конференция решили, что заседания должны происходить негласно; принято было, как ты знаешь, недвусмысленное решение, в силу которого Генеральному совету поручено было установить, какие резолюции должны быть опубликованы и какие нет. Ладно. Несколько дней спустя, после конференции, в «Scotsman» и «Manchester Guardian» появляется статья (обошедшая затем всю английскую и европейскую печать), содержащая подробный отчет о нескольких заседаниях конференции и ее резолюции. Можешь себе представить всеобщее возмущение. Все кричали о предательстве и требовали, чтобы предатель был примерно наказан. Везде, где только Интернационал имеет газеты, раздавалась брань по адресу Генерального совета, который-де пропускает такие вещи в буржуазную печать, между тем как наши собственные газеты никаких сведений не получили.

Мы сразу же догадались, кто был предателем. Дело в том, что сообщалось лишь о тех заседаниях, на которых присутствовал Э[ккариус], о других же заседаниях ни слова, за исключением неточной передачи нескольких резолюций. М[арк] воспользовался первым же случаем, когда мы остались наедине с Э[ккариусом], сказал ему это прямо в лицо и дружески посоветовал ему to make a clean breast of it [чистосердечно признать свою вину], принять заслуженный нагоняй и впредь быть осторожнее. Эккариус отправился к Юнгу, председателю назначенной ad hoc [для этого] следственной комиссии, и сказал ему, что он действительно дал здешнему представительству нью-йоркской газеты «World» статью о конференции, но под непременным условием: не сообщать ее английской печати. Но ему одинаково хорошо известны были как жульнический характер этой публики, так и связи ее с английской провинциальной печатью, и он должен был точно так же знать, что не имел права продавать американской печати сведения о заседаниях конференции. При этом он прибегал еще к разным вздорным уверткам, вроде того, что в английской статье упоминаются, мол, детали, которых нет в американской статье, и что-де, очевидно, разбалтывал еще кто-то, вероятно Хейлз (который в этом деле вел себя *безукоризненно*), и что он-то и есть настоящий предатель. Юнг, чтобы пощадить Э[ккариуса], оттягивал дело, однако Э[ккариус] получил в конце концов выговор, и с тех пор этот человек.

¹ Лондонская конференция Интернационала в сентябре 1871 г.

в любой час готовый продать весь Интернационал за чечевичную похлебку, считает себя оскорбленным в своих лучших чувствах.

Тем не менее, мы имели глупость, — ты видишь, как мы против него интриговали, — предложить и провести назначение его американским секретарем.

С назначением Хейлза возникло смертельное соперничество между Э[ккариусом] и Моттерсхедом, с одной стороны, и Хейлзом, — с другой. Англичане раскололись на три партии: одна — против Хейлза, другая — за Хейлза, и несколько человек — более или менее нейтральных. Х[ейлз] тоже натворил кучу глупостей, — он страшно тщеславен и хочет выставить свою кандидатуру в *Хакней* на ближайших выборах, но остальные так нелепо на него нападали, что он почти всегда оставался правым. Чтобы положить конец этой грязи, поглощавшей почти все время Генерального совета, мы вынуждены были создать своего рода комитет общественного спасения, куда направляются все дела личного характера. Едва ли нужно добавлять, что тогда, когда Х[ейлз] того заслуживал, — а это случилось довольно часто, — мы и ему так же мылили голову, как и Э[ккариусу] и всякому другому.

Во всяком случае, Х[ейлз] все еще пользуется доверием рабочих Ист-Энда, — здесь это наши лучшие люди, — тогда как Э[ккариус] связался с самыми разложившимися и подозрительными элементами, которые все заодно с великой либеральной партией.

Когда был основан Британский федеральный совет, Мотт[ерсхед], Э[ккариус] и К^о, не являющиеся представителями рабочих обществ, привлечены не были. Сделано это было, однако, не по правилам, что вызвало нарекания в Генеральном совете, но мероприятие это было совершенно необходимо, иначе там повторилась бы та же история.

В этом Э[ккариус] усматривает, что мы взяли *damnable side* [сторону противника].

Что касается Америки, то сейчас же по окончании конференции начался раскол; отчет о делах был обязанностью комиссии (секретарей), а так как до сих пор американскую переписку вел главным образом М[аркс], то он взял на себя всю эту дрянь, и все письма направлялись к нему. Само собой разумелось, что при этом — до решения Генерального совета по всему делу — секретарские функции Э[ккариуса] фактически прекратились. И писать-то было не о чем. Это, повидимому, его опять глубоко уязвило. Когда решалось дело, Э[ккариус] стал на сторону врагов Зорге. Они состоят: 1) из нескольких французов, которые, вроде Малона и К^о в Женеве, хотят командовать потому лишь, что они — французы и частью эмигранты

Коммуны, 2) из швейцерианцев (Гроссе и К^о), 3) из янки — буржуазных друзей г-жи Вудхулль и г-жи Клефлин, людей, испортивших себе репутацию практикой свободной любви; они издают все что угодно: вселенское правительство, спиритизм (заклинание духов à la Хом и К^о) и пр., только не наши произведения, а теперь заявляют в ответ на решения Генерального совета, что в Америке из Интернационала может что-нибудь выйти лишь в том случае, если *выбросить* как можно больше «наемных рабов», так как они, без сомнения, продались бы первым делом лжереформаторам и профессиональным политикам!

Зорге и К^о с формальной точки зрения тоже наделали промахов, но их нужно безусловно поддерживать, иначе Интернационал в Америке рискует превратиться в чисто буржуазную жульническую организацию. Порядочные немцы (почти все), лучшие французы и все ирландцы стоят на их стороне.

Но друг Э[ккариус] предуготовил себе новое литературное убежище в органе 12-й секции «Woodhull and Claflin's Weekly», и поэтому мы оказались on the damnable side [в лагере противника].

Словом, Э[ккариус], действительно переживший — отчасти впрочем по собственной вине — тяжелую материальную нужду, спутался с английскими агитаторами, профессиональными политиками и платными секретарями тред-юнионов, которые все теперь либо уже куплены буржуазией, либо умоляют о том, чтобы их купили, и, наконец, в своем литературстве пал так низко, что я от него отрекся. Мне очень жаль его как старого друга и соратника и как умного человека, но я не могу объявить факты не существующими. Он дошел, впрочем, до такой степени цинизма, что сам открыто обо всем этом говорит. Но если он воображает, что мы конспирировали против него и хотели вышвырнуть его из Генерального совета, то он приписывает себе все же слишком много. Напротив, мы относимся совершенно спокойно к его уходу, и, хотя имели *x* раз возможность дать ему нахлобучку, мы этого не делали и говорили ему правду только тогда, когда это было совершенно неизбежно. Но равнодушно наблюдать за тем, как он, ни с чем не считаясь, превращает Интернационал в дойную корову, было совершенно немислимо.

Впрочем, Лохнер, Лесснер, Пфендер и Франкель тоже прекрасно знают цену Э[ккариусу], и если ты кому-нибудь из них напишешь, то вряд ли получишь такой спокойный и беспристрастный ответ, как от меня.

28 мая. Сегодня получены вести из Америки. Сепаратистский Федеральный совет переживает полный развал. Г-жа Вудхулль и ее

друзья — янки из 9-й и 12-й секции — устроили митинг для поддержки ее кандидатуры на пост президента Соединенных Штатов и при этом выставили платформу, в которой идет речь о чем угодно, кроме капитала и труда; вообще они показали себя в невероятно смешном свете. Это было уж чересчур. Лассальянская 6-я секция сместила своего делегата Гроссе, подчинилась постановлениям Генерального совета и послала делегата в Федеральный совет, возглавляемый Зорге. Точно так же 2-я, наихудшая французская секция отделилась от сепаратистского Совета. Остальные шесть секций собираются последовать их примеру. Подробности в ближайшей «East[ern] Post». Ты видишь, какие элементы Э[ккарисиус] себе там подыскал; все его частные корреспонденты, Меддокк, Вест, Эллиот и пр., присутствовали и выступали на митинге Вудхулль.

Все это — между нами, заседания Генерального совета не мое достояние, я сообщаю тебе о них частным образом, для твоего и Бебеля сведения.

Бельгийцы дебатировали пересмотр устава, но решения не вынесли. Гинс представил проект, по которому Генеральный совет упраздняется. Я лично не имел бы ничего против этого, — я и М[аркс], так или иначе, в Генеральный совет вновь не войдем; при теперешних условиях у нас почти не остается времени для работы, и этому нужно положить конец.

Сегодня тебе послано письмо М[аркса] с приложением декларации Генерального совета против здешних мелких политиканов, которые благодаря буржуазной континентальной прессе приобрели некоторое значение¹.

Привет твоей жене и детям, а также Бебелю.

Твой Ф. Э.

190.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

Лондон, 28 мая 1872 г.

Милостивый государь!

Мой ответ запоздал так сильно потому, что я все время надеялся послать Вам одновременно с письмом первые выпуски 2-го немецкого издания «Капитала», а также французского перевода (Париж). Но немецкий и французский издатели до такой степени затянули печатание, что я больше не могу откладывать ответа.

¹ Речь идет о написанной Марксом декларации Генерального совета против так называемого Всемирного федералистического совета; текст декларации см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

Прежде всего большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр — перевод сделан *мастерски*. Я был бы рад, если бы я мог получить еще один непереплетенный экземпляр для Британского музея.

Мне очень жаль, что *абсолютный*... ¹ (в буквальном смысле этого слова) не позволил мне приступить к переработке моего труда для второго издания ранее конца декабря [18]71 г. Это было бы очень полезно для русского издания.

Хотя французское издание (в переводе г. Руа, переводчика Фейербаха) и выполнено большим знатоком обоих языков, тем не менее он переводил иногда чересчур буквально. Поэтому я был принужден переделывать по-французски целые отрывки, чтобы приспособить их для французской публики. Тем легче будет со временем переводить с французского на английский и на романские языки.

Я до такой степени переутомлен и встречаю столько помех в своих теоретических занятиях, что после сентября я намерен *выйти из торгового дела* ², которое в настоящее время лежит главным образом на моих плечах и которое, как Вам известно, имеет свои разветвления по всему свету. *Est modus in rebus* [во всем есть мера], и я не могу больше, — по крайней мере в течение некоторого времени, — заниматься одновременно двумя родами дел столь различного характера.

Известия, которые Вы сообщили о нашем *общем друге* ³, очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его.

Вы очень обяжете меня, переслав прилагаемое письмо доктору В. Баранову по адресу: Г-же Багговут-Гросс, Театральная площадь, дом барона Кюстера.

В надежде скоро услышать о Вас дружески Вам преданный

А. Вильямс/.

Один из проживающих в Швейцарии шарлатанов — М. Бакунин — откалывает такие штучки, что я был бы очень благодарен за всякие точные сведения об этом человеке: 1) о его влиянии в России и 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом процессе ⁴.

¹ В оригинале пропуск, должно быть: «недостаток времени» («*Zeitmangel*»).

² Маркс имеет в виду Генеральный совет Интернационала.

³ Г. А. Лопатин.

⁴ Процесс Нечаева.

191.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 мая 1872 г.

Дорогой друг!
Пишу второпях.

На вчерашнем заседании Генерального совета, на котором присутствовали почти все члены Коммуны, Хейлз зачитал письмо Пречинга.

После этого я сообщил — отчасти на основании Вашего письма, отчасти на основании присланного Вами «World» — о выходках контр-совета и подчеркнул, что эти факты вполне подтвердили необходимость резолюции, принятой по моему предложению. Экариус был поражен, как громом.

После этого произошел выгодный для нас инцидент, который я немедленно использовал.

Экариус получил письмо из Сен-Луи, в котором образовавшаяся там немецкая секция запрашивала, к какому из двух федеральных советов ей следует примкнуть. Я сказал, что, конечно, к Совету, который идет вместе с нами, т. е. к старому Совету. Против этого высказались Хейлз и Экариус (оба — смертельные враги друг другу). Я ответил им, и на этом весьма многочисленном заседании резолюция была принята большинством всех против трех голосов (Хейлза, Экариуса и Делайе, которого прочие члены Коммуны ни во что не ставят).

Завтра Ле-Муссю сообщит Вам об этом официально, и Вы хорошо сделаете, если опубликуете в газетах (понятно, как нечто исходящее от Вас самих, а не по поручению из Лондона), что, разбирая дело этой немецкой секции, Генеральный совет решил, что Ваш Совет является единственным [Советом], который состоит с ним в регулярных сношениях и поэтому признан им.

Ваш *Карл Маркс.*

192.

Энгельс — Карло Кафиеро (?)

в Неаполь.

[Черновик.]

[Лондон, конец мая 1872 г.]

В Милане, Ферраре, Неаполе, — всюду друзья Бакунина. Что касается Рабочего союза в Болонье, то мы оттуда никогда не получали

ни строчки. Юрская партия, всюду покинутая своими последователями, намерена, кажется, сделать из Италии свою главную цитадель. Эта партия образовала внутри Интернационала тайное общество, чтобы через него господствовать над Интернационалом. У нас есть точные доказательства в отношении Испании, повидимому, так же обстоит дело и в Италии. Эти люди, у которых на устах всегда фразы об автономии и свободной федерации, на деле рассматривают рабочих как стадо овец, годное только для того, чтобы им управляли главари этого тайного общества, ведя его к целям, неизвестным для масс. Прекрасный образец подобного рода у Вас был в лице Терцаги (о выдаче письма ведется расследование) ¹. Восстав против всей организации Интернационала и зная, что на конгрессе, имеющем быть в сентябре этого года, ему трудно будет оправдаться, Юрский комитет в настоящее время всюду разыскивает письма, исходящие от Генерального совета, с целью сфабриковать против нас ложное обвинение. Я и все наши согласны в том, что они таким образом читают все наши письма, относящиеся к конгрессу, но я не могу быть уверен в том, что в распоряжении этих господ находятся действительно те самые письма, которые нами были написаны той или другой секции.

Циркуляр ² ставит в известность. Пока мы просим Вас воздержаться от вынесения какого-либо решения; действуйте так, как этого требуют интересы Интернационала; надеюсь, что Вы признаете, что раздор посеян не Генеральным советом, а этими «честными людьми» из Юры, этими агентами, действующими в интересах лишь личного честолюбия Бак[унина], главы тайного общества.

Запросить немедленного ответа по поводу письма.

[Ф. Э.]

193.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 5 [—6] июня 1872 г.

Дорогой Либкнехт!

Соболезную по поводу утверждения [приговора]. Не подлежит никакому сомнению, что ни в одной стране, даже в Австрии, наших партийных товарищей так не мучают, как в славном царстве Бисмарка — Штибера. Однако можно сказать с уверенностью, что *этот*

¹ См. далее письма Энгельса — Куно от 10 июня и Кафиеро от 14 июня 1872 г.

² «Les Prétendues Scissions dans L'Internationale» [«Мнимые расколы в Интернационале»].

приговор *никогда* не будет осуществлен полностью. Во Франции и Испании преследования Интернационала (поскольку они не касаются коммунаров) оставались до сих пор только на бумаге. В Италии срок заключения редко продолжается дольше трех месяцев; в остальных случаях — денежный штраф, который, впрочем, часто заменяется отсидкой из расчета 3 франка в день.

Книгу Вутке ¹ М[аркс] забрал себе и не отдавал, несмотря на многократные напоминания; в конце концов я и сам забыл напоминать ему о ней. Теперь я ее отнял у него, прочел в один день и затем отослал Борк[гейму] с просьбой подыскать издателя. Если ты полагаешь, что писал мне раньше о том, чтобы я это сделал, то память тебе изменяет. Я знаю только, что ты спрашивал моего мнения; я писал тебе, что здесь было бы крайне трудно найти издателя, который заплатил бы, потому что Вутке здесь совершенно неизвестен. Я мог бы еще прибавить, что ни у М[аркса], ни у меня такого рода связей нет, иначе мы, конечно, давно отыскали бы издателя для «*Капитала*».

Теперь я могу добавить только следующее:

1) Книгу, ввиду обилия технических терминов, было бы очень трудно, почти невозможно, перевести кому-либо, кто не находится в ежедневном общении с англичанами.

2) Для эдешнего рынка следовало бы подвергнуть книгу значительной переработке, выкинуть из введения все лишнее, отбросить совершенно неуместные, длиннейшие рассуждения о китайской литературе и заменить темный и загадочный стиль plain English [ясной английской речью].

Я думаю, что если вообще возможно отыскать издателя, то самый подходящий для этого человек именно Борк[гейм]. Купцу, стоящему, казалось бы, совершенно вне литературы, такая штука часто удается лучше всего. Так было со Штроном, который связал нас с Мейснером в Гамбурге. Но во всяком случае не слишком полагайся на то, что Б[оркгейму] это удастся, и не работай зря над переводом, пока Б[оркгейм] не найдет издателя.

6 июня. Вчера мне помешал Врублевский, который просидел у меня весь вечер, так что теперь я могу ответить и на твое письмо от 4-го, полученное сегодня утром. Мне очень жаль, что тебе так скоро пришлось сесть за решетку, но надеюсь, что просидишь ты недолго.

---

¹ Речь идет о книге Вутке «Ueber die Geschichte des Schreibens und der Buchstaben» [«Об истории письма и азбуки»], которую Либкнехт предполагал перевести на английский язык.

Корректуру «[Коммунистического] манифеста» вместе с кратким предисловием вышлю при первой возможности, надеюсь — завтра.

Большое спасибо за справку о лицах, но я все еще не получил ответа на вопрос о том, как думает ваша партия установить ту ясность в ее взаимоотношениях с Генеральным советом, без которой ее представительство на конгрессе абсолютно невозможно.

Твой Ф. Э.

В истории с наследством ничего не поделаешь, если не рискнуть деньгами. Это может выяснить только адвокат, а люди ничего не делают *on speculation* [на-авось]. Впрочем, наследники могли бы в лучшем случае получить то удовлетворение, что были в свое время околпачены, — трудно рассчитывать на то, что по истечении стольких лет удастся еще выручить деньги, тут — один шанс из ста.

194.

Энгельс — Теодору Куно

в Льбек.

Лондон, 10 июня 1872 г.

Дорогой Куно!

Второпях всего лишь несколько слов. Сегодня я послал на имя Германа первой почтой завернутые в кельнскую газету два экземпляра циркуляра Генерального совета о бакунистских интригах (один из них для Вас). Там Вы найдете весь необходимый материал от начала до конца.

У нас есть теперь в руках точные данные об испанском тайном обществе «La Aleanza», — то-то будет сюрприз для этой публики на конгрессе. Такое же общество существует *несомненно* и в Италии. Если бы только Реджис мог туда поехать! Но бедняга сейчас состоит в Женеве газетным репортером, чтобы только как-нибудь просуществовать. Кафиеро в Неаполе и еще кто-то, — кто еще, не знаю, — в Турине ¹, передали мои письма юрцам; для меня это не важно, но самый факт предательства неприятен. Итальянцы должны еще пройти некоторую школу опыта, чтобы понять, что такой отсталый, крестьянский народ, как они, делает себя только смешным, когда он хочет предписывать рабочим крупных промышленных наций, каким путем им следует освободиться.

Впрочем, я теперь уже не получаю итальянских газет и потому

¹ Карло Терцаги.

не могу посылать их и Вам. У Кафиеро, который обычно их присылал, очевидно, совесть не чиста.

Вы, по всей вероятности, получили письмо из Дюссельдорфа, которое я Вам послал.

Мы знаем, что в Бельгии дело обстоит достаточно паршиво (*lausig*). Апатичность этой нейтральной (*sit venia verbo* [если так можно выразиться]) нации является причиной того факта, что интриганы и ослы задают там тон. Интернационал в Бельгии приходит с каждым днем все в больший упадок благодаря лености тех вождей, которые интеллигентны и на которых можно было бы положиться. Впрочем, руководящие интриганы оказали нам величайшую услугу своим новым проектом устава. Предложение об уничтожении Генерального совета положило конец последнему остатку их влияния (а оно ведь было не малым, так как это была одна из старейших федераций). Испанцы прямо называют это предательством. Жаль, что Вы не едете в Испанию; эти люди Вам бы понравились, — ведь в конце концов из всех романцев у них больше всего данных, и Вы могли бы быть там очень полезны; эти люди нуждаются в известной дозе немецкой теории, и они ее прекрасно воспринимают; к тому же они отличаются таким фанатизмом и такой классовой ненавистью по отношению к буржуа, о которой ни мы, северяне, ни колеблющиеся итальянцы не имеют ни малейшего представления.

Настоящим автором бельгийского проекта устава является, конечно, опять-таки Бакунин. Проект составлен Гинсом, а этот последний по родству душ и через свою жену — русскую — является орудием Б[акунина].

15-го числа с. м. Либкнехт отправляется в тюрьму.

Как только мои приятели вернутся в Манчестер, я опять пошлю что-нибудь для Вас, сейчас же ничего сделать не могу. Несмотря на всю затруднительность Вашего положения, Вы все же счастливы в том отношении, что у Вас есть профессия, с которой довольно легко всюду устроиться, — по крайней мере на континенте. Здесь это гораздо труднее вследствие иной организации труда.

Ваше последнее описание того впечатления, которое произвел на Вас Дюссельдорф, заставило меня от души посмеяться. А для нас, филистерствующих вушпертальцев, Дюссельдорф был всегда маленьким Парижем, где благочестивые господа из Бармена и Эльберфельда содержали своих любовниц, ходили в театр и по-царски развлекались. Но там, где у человека живет своя собственная реакционная семья, небо кажется ему всегда свинцовым. Кроме того, процесс промышленного развития, захвативший также и Дюссельдорф,

носит по всей Германии крайне гнетущий, смертельно скучный характер, так что я могу себе представить, что вуппертальская пустота и тоска овладели теперь и Дюссельдорфом.

Но в один прекрасный день мы их прогоним и снова запоем старую песню, которую пели 30 лет тому назад в Милане:

Nun, nun, semper nun
E se ciappem la ciorra
La pagaremo nun!

[Мы, мы, всегда мы,
И если мы устроим попойку,
То заплатим за нее тоже мы!]

Но за ciorra [попойку] должны будут заплатить буржуа.

Ваш Ф. Энгельс.

195.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 14 июня 1872 г.

Старый дружище!

С твоими расчетами относительно конгресса мы здесь не совсем согласны, ведь, например, одни юрцы, пользуясь своими известными маневрами, и итальянцы послали бы, наверное, около 30 делегатов, а то и 50. И это, к сожалению, в настоящий момент является еще минимумом. В этом году созывать конгресс в Швейцарии невозможно из-за злосчастного и совершенно ненужного раскола, который произошел в связи с пересмотром конституции между швейцарскими — немецкими и французскими — рабочими и дал юрцам повод к такому ликованию и к такому торжественному изъяснению своего абстенционистского превосходства. Мы здесь не можем не признать обе стороны одинаково виновными. Пересмотренная швейцарская конституция была в лучшем случае весьма умеренным буржуазным прогрессом, который, с одной стороны, заставил варваров отсталых кантонов немножко зашевелиться, а с другой, — мог затормозить развитие передовых кантонов, в том числе и находящуюся в исключительно благоприятных условиях Женеву, — промышленный город, являющийся самостоятельной республикой, — поскольку конституция ставила кантоны под контроль крестьянского большинства всей Швейцарии. Таким образом, в зависимости от местности можно было быть за или против пересмотра конституции; мои личные симпатии склонялись скорее за, чем против; но, без сомнения, вся эта чепуха не стоила того, чтобы из-за нее создавать спор *внутри* Интернационала и дать возможность юрцам говорить: смотрите, мы, дикари, все же

лучшие люди, мы воздерживаемся в то время, как другие из-за пустяков устраивают дискуссии и этим доказывают, что всякая политика от лукавого. Нам очень хорошо известно положение дел в таком маленьком городке, как Женева, и во всей Швейцарии, где все друг с другом знакомы и где вследствие этого всякое политическое движение принимает форму сплетен и интриг, а поэтому относимся к этому делу не так уж серьезно и полагаем, что пролетарское чутье через некоторое время все-таки возьмет верх и сгладит все; однако, повторяем, созыв конгресса в Женеве, к сожалению, по этой причине невозможен, мы подумываем теперь о Голландии.

Утину, который, несмотря на все, весьма славный парень (хотя русский — это, конечно, не немец и не француз), неучастие в женеvской местной склоке тоже пойдет на пользу.

В этом смысле я ему, впрочем, и написал, сообщив, что мы отнюдь не разделяем его взгляда на федерализм, который он проповедует в «Egalité». Но это — все второстепенные вопросы, и наше настоящее поле битвы находится совсем в другом месте. Я надеюсь вскоре услышать, что вы оба, не швейцарцы, о своем швейцарском споре забыли и потопили его совместно в хорошей кружке *l'voigne* или *Cortaillod*. Вся эта швейцарская братия закричала бы караул, если бы вы стали говорить ей об освобождении рабочих самими же рабочими!

Вайян чувствует себя пока довольно хорошо, Франкель тоже, даже, можно сказать, более чем хорошо, так как у него очень влюбчивая натура. Юнга я видел вчера, он как будто оправился от ревматизма, мучившего его полтора года тому назад. Маркс чувствует себя также значительно лучше, чем в прошлую зиму, но много работает над вторым немецким изданием и над французским переводом «*Капитала*», который скоро выходит в свет. Русское издание уже вышло и оказалось очень удачным. Что касается русских вообще, то между приехавшими в Европу еще раньше русскими дворянами-аристократами, к которым принадлежат Герцен и Бакунин и которые все жулики, и теми русскими — выходцами *из народа*, которые приезжают теперь, — разница огромная.

Среди них есть люди, которые по своим способностям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; люди, у которых выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны.

Как же называется твое новое находящееся еще в зародыше произведение?

С братским приветом

твой Фридрих Энгельс.

196.

Энгельс — Карло Кафiero

в Неаполь.

[Черновик.]

[Лондон,] 14 июня 1872 г.

Кафiero

С 16 мая не получил от него ни одной газеты, хотя регулярно посылал «E[astern] P[ost]»... Не было ли это более чем простая случайность, что в то же время (10 мая) «Bulletin Jurassien» хвастается тем, что в ее распоряжении есть частное письмо, написанное мною моим друзьям в Италии, полное отвратительной клеветы и т. д. и т. д.? Во всяком случае я не писал в Италию никому, кроме Вас, и должно быть в газете Швицгебеля речь идет именно о моих письмах к Вам. Вы должны дать мне объяснение по этому вопросу, и я надеюсь, что Вы это сделаете; меня удивляет, что Вы не сделали этого немедленно после того, как письмо было опубликовано.

Мне нечего опасаться за публикацию моих писем, но это вопрос чести для Вас — поставить меня в известность, с Вашего ли согласия или нет были переданы письма моим врагам. Если это было сделано с Вашего согласия, то я могу заключить лишь одно: что Вы позволили ввести себя в заблуждение и вступили в *тайное бакунистское общество Альянс*, которое, проповедуя непосвященным лицам (profani), под маской автономии, анархии и антиавторитаризма, дезорганизацию Интернационала, по отношению к посвященным (iniziati) практиковало абсолютный авторитаризм, чтобы таким образом захватить в свои руки руководство в Товариществе; это общество, рассматривающее рабочие массы как стадо овец, командует каждым, кто слепо следует за ним, и подражает в Интернационале партии иезуитов в католической церкви.

Если мое предположение обосновано, то я должен поздравить Вас с тем, что Вы полностью отреклись от Вашей мнимой «автономии», целиком и навсегда передав ее в руки папы-Бакунина. Но я не могу поверить, чтобы Вы — анархист и самый настоящий антиавторитарист — до такой степени изменили своим столь дорогим для Вас принципам и особенно, чтобы Вы допустили подлость по отношению ко мне в то время, когда я относился к Вам всегда с уважением, искренностью и доверчивостью. Я требую, чтобы Вы немедленно, без всякой задержки, дали разъяснение по этому вопросу.

Привет и освобождение.

Ваш Ф. Э.

197.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 21 июня [18]72 г.

Дорогой друг!

Вчера я получил посланное Вами от 7 июня (вместе с приложенным докладом).

Вы, вероятно, уже получили за это время мое второе письмо, а равно и письмо Ле-Муссю, которое точно определяет положение Совета в Соединенных Штатах.

Ближайший конгресс (официальное сообщение об этом будет послано в Нью-Йорк на будущей неделе) состоится в первый понедельник сентября [18]72 г. в Гааге (Голландия). Недопустимо, чтобы вы отделались от нас одним лишь докладом. *На этом конгрессе вопрос будет идти о жизни или смерти Интернационала.* Должны прибыть Вы и, по крайней мерс, еще один, если не двое. Что касается секций, которые не посылают непосредственно делегатов, то они могут послать мандаты (делегатские мандаты).

Немцы: для меня, Ф. Энгельса, Лохнера, Карла Пфендера, Лесснера.

Французь: для А. Ранвье, Огюста Серрайе, Ле-Муссю, Эд. Вайяна, Э. Курне, Арт. Арну.

Ирландцы: для Мак-Доннелля, который работает очень хорошо, или, если они это предпочтут, для одного из вышеназванных немцев или французов.

Разумеется, каждая секция, если число ее членов не превышает 500 человек, посылает только одного делегата.

Вы, вероятно, уже читали замечательный бельгийский проект пересмотра устава. Он исходит от одного тщеславного ничтожества — Гинса, который вместе со своей русской супругой состоит под командой у Бакунина. Одна из замечательнейших идей этого проекта — *упразднение Генерального совета.* Весь этот проект по заслугам разделан в «La Emancipación» (Мадрид), органе Испанского федерального совета. Эта же газета весьма одобрила наши американские резолюции.

Из прилагаемой «Egalité» Вы увидите, что романский конгресс тоже дал Гинсу по рукам.

Посылаю Вам почтой четыре экземпляра циркуляра Генерального совета о «Мнимых расколах в Интернационале». Энгельс послал Вам 200 экземпляров через компанию почтовых посылок.

Что касается моего «Капитала», то первый немецкий выпуск его появится на следующей неделе; тогда же выйдет в Париже и первый французский выпуск. Вы будете непрерывно получать от меня как лично для себя, так и для кое-кого из Ваших друзей по несколько экземпляров этих выпусков — на том и другом языке — по мере их выхода в свет. Французское издание (на заглавном листе которого стоит совсем не для красного словца — *entièrement révisée par l'auteur* [совершенно переработанное автором], потому что это был для меня адский труд) отпечатано в 10 000 экземпляров, из которых 8 000 уже продано еще ранее выхода первого выпуска.

В России представляются в цензуру уже совсем отпечатанные книги прежде их выпуска в свет; причем, если цензура не желает допустить их выхода, она обязана возбудить судебный процесс.

Так вот, мне пишут из России относительно русского перевода моей книги (который выполнен мастерски): «В цензурном комитете дело просмотра вяли на себя двое цензоров, которые и представили комитету свои заключения по этому поводу. Еще до рассмотрения книги было принципиально решено не задерживать книги из-за одного только имени автора, но исследовать самым тщательным образом, насколько ее содержание действительно соответствует ее заглавию. Вот вкратце сущность заключения, единогласно принятого цензурным комитетом и представленного им на усмотрение Главного управления по делам печати:

«Хотя автор по своим убеждениям — совершенный социалист и хотя его книга носит вполне определенный социалистический характер, однакоже, принимая в соображение, что изложение ее отнюдь не может быть названо общедоступным и понятным для всякого и что, с другой стороны, способ доказательства автора облечен повсюду в строго математическую научную форму, комитет находит невозможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию». На этом основании было разрешено выпустить книгу в свет. Она напечатана в 3 000 экземпляров. Поступила она в продажу 27 марта, а 15 мая было уже распродано 1 000 экземпляров.

Дико-первобытный и глубоко-невежественный неуч Гейнцен в своем извещении о выходе моей книги очень потешался над стоящею на ее заглавном листе фразою: «Издатель удерживает за собою право на перевод». Кому-де придет в голову переводить такую бессмыслицу! Ведь книга ясно написана лишь с тою целью, чтобы ее не понял Карл Гейнцен.

Мы выпустили французский перевод «Манифеста о граждан-

ской войне» по 2½ пенса за экземпляр. Если в Соединенных Штатах будет спрос на него, пожалуйста, напишите.

О деле Никольсона пока лучше ничего не упоминать в Генеральном совете.

Привет.

Ваш К. М.

198.

Энгельс — Теодору Куно

в Льеж.

Лондон, 5 июля [18]72 г.

Дорогой Куно!

Вчера я послал для Вас Г[ерману] несколько английских и испанских газет.

Бельгийцы производят на каждого приезжающего одно и то же впечатление. Весь Интернационал там — пустая болтовня, за которой ничего не скрывается. В этом виноваты главным образом вожди, из которых действительно дельным человеком является только Де-Пап; но он ленив, между тем как Гинс — пустая голова, но зато хитер, интриган, честолюбив и активен. Через свою русскую жену Гинс непосредственно связан с Бакуниным и по его поручению составил хорошенький проект об упразднении Генерального совета. Гинс теперь в Вервье, и Вы хорошо бы сделали, если бы за ним немного последили.

В Вервье есть также немецкая секция, которая состоит в переписке с «Volksstaat». Я писал (14 июня) ее корреспонденту П. Шлебаху, rue de Pont, 2, и послал «Scissions», но до сих пор не получил от него ответа. Было бы очень хорошо, если бы Вы как-нибудь туда съездили и связались с этими людьми. Я писал Гепнеру, чтобы Вам прислали из Германии мандат на конгресс, но на всякий случай было бы хорошо, если бы Вы достали себе также мандат от немецкой секции в Вервье, в случае, если она сама никого не пошлет на конгресс. Бакунин и К^о приложат все усилия к тому, чтобы побить нас на конгрессе, и так как эти господа в средствах не стесняются, то мы должны принять меры предосторожности. Они пошлют делегатов от сотен различных обществ, совершенно не принадлежащих к Интернационалу, и постараются добыть для этих людей, как для делегатов Интернационала, место и право голоса, чтобы с помощью коалиции из самых разнородных элементов оставить Генеральный совет в меньшинстве. Швейцер и Газенклевер уже заключили открытый союз со здешними негодьями, — Везинье, Ландеком, Смитом,

Шнейдером и др., — а эти последние, в свою очередь, состоят в переписке с юристами и американскими проходимцами (см. о них «Емансипацион», которую я Вам вчера послал).

Какой прием встретили у Вас «Scissions»? Я послал Гер[ману] всего пять экземпляров, но их нужно распространить. Делает ли это Гер[ман]? И как он вообще держится? Я слышал, что он очень энергично выступал на последнем Бельгийском конгрессе в пользу Генерального совета.

Сомневаюсь, чтобы Вы могли получить право бельгийского гражданства. Американское гражданство можно получить только после предварительного заявления и пятилетнего пребывания в стране.

Конгресс состоится во что бы то ни стало. От полицейского вмешательства на континенте никогда нельзя быть гарантированным; но тогда придется сесть на пароход, поехать в Англию и устроить его там. Созывать же его с самого начала в Англии было неудобно; хотя только здесь можно быть в безопасности от полицейского вмешательства, тем не менее он подвергся бы нападкам со стороны противников. Генеральный совет, — говорили бы они, — созывает конгресс в Англии потому, что только там он располагает искусственным большинством.

В ответ на «Scissions» Бакунин выпустил яростное, но очень слабое ругательное письмо ¹. Этот толстый слон вне себя от бешенства, что его, наконец, вытащили из его локарнской норы на свет, где козни и интриги не могут уже более помочь. Теперь он заявляет, что он является жертвой заговора всех европейских евреев!

Старый плут сломит себе шею благодаря тому, что Альянс, — по крайней мере в Испании, продолжает существовать как *тайное общество*. Мы не только имеем в руках доказательства этого, но дело это теперь совершенно официально известно в Мадриде и т. п., так что об отрицании его не может быть и речи. Этот почтенный муж, который всюду разыгрывает из себя преданнейшего передового борца Интернационала, организовал тайный заговор, чтобы захватить общее руководство и с помощью своих посвященных братьев-иезуитов водить за нос, как стадо баранов, широкую массу рабочих. Если бы это допустили, я бы ни одного дня не остался больше в Интернационале. Быть овцой Бакунина — этого еще не доста-

¹ Имеется в виду открытое письмо Бакунина и нескольких его единомышленников, появившееся в «Bulletin de la Fédération Jurassienne» от 15 июля 1872 г. Позднее письмо было издано отдельной брошюрой под заглавием «La Réponse de quelques Internationaux à la circulaire privée de Conseil Général» [«Ответ нескольких членов Интернационала на тайный циркуляр Генерального совета»].

вало! Самым тяжелым для него ударом было то, что мы обнаружили всю эту историю и угрожаем ему разоблачением на конгрессе. А теперь Лафарг (зять Маркса, находящийся уже восемь месяцев в Мадриде) обвинил его в том, что он, Б[акунин], собственноручно составил и послал в Испанию тайные инструкции, которыми там должен руководствоваться Интернационал.

Прилагаемое письмо пришло сегодня.

Передайте сердечный привет Герману. Выздоровел ли он?

Ваш Ф. Э.

199.

Энгельс — Адольфу Гепнеру
в Лейпциг.

[Лондон,] 9 июля [18]72 г.

Дорогой Гепнер!

- 1) Корректуру отослал вчера, титульный лист тоже ¹.
- 2) Прилагаю примечание, которое прошу включить непременно, потому что оно предотвратит возможное недоразумение.
- 3) Далее — статья об американской драке.
- 4) Заксу придется немножко подождать. Маркс и я едем завтра на несколько дней к морю, хотим немного отдохнуть. Во вторник, 16-го с. м., я приеду обратно и тотчас же впрягусь в работу, как только разберу корреспонденцию, которая к тому времени, наверное, накопится. Маркс хотел сегодня ответить «Concordia», но он нездоров, и неизвестно, покончит ли он с этим хламом до своего возвращения. «Volkszeitung» он получил. Линдау не получит от него статьи, пусть они там ругаются сколько угодно. Маркс, вероятно, сам что-нибудь предпримет в этом направлении.

[Ф. Э.]

200.

Маркс — Людвигу Кугельману.
в Ганновер.

[Лондон,] 9 июля 1872 г.

Дорогой Кугельман!

Очень благодарен за подаренные Женнихен 15 фунтов стерлингов. Я так переутомился, что сегодня (через два часа) покидаю вместе с Энгельсом на 4—5 дней Лондон и еду на морской берег

¹ Имеется в виду новое издание «Манифеста коммунистической партии», вышедшее в Лейпциге в издании «Volksstaat» в 1872 г.

(в Рамсгейт). По возвращении я буду до 2 сентября (когда в Гааге состоится международный конгресс) крайне занят, а потом снова свободнее. Но эта свобода начнется лишь с половины сентября, так как я сам поеду в Гаагу.

Может быть, позднее мы сможем повидаться (т. е. ты приедешь ко мне, потому что в Германии я не был бы в безопасности).

Прощай.

Твой Карл Маркс.

Как только выйдут в свет первые выпуски (немецкие и французские), ты, конечно, их получишь. Я в высшей степени недоволен Мейснером. Он водил меня за нос, сначала вынуждал надрываться над работой вследствие внезапной спешки, с которой он собирался выпустить второе издание (конец ноября 1871 г.), затем потерял целые месяцы и пропустил лучшее время. Это пустой мелкий филистер.

В качестве наказания Мейснеру было бы очень хорошо, если бы ты написал ему под тем предлогом, что хочешь знать, когда же, наконец, выйдет в свет «первый» выпуск. При случае ты мог бы мимоходом заметить, что, судя по моим последним письмам, я, повидимому, очень *рассержен на Мейснера и весьма недоволен им*; отчего, мол, это происходит? Это, мол, так для него (для меня) необычно. Этот плут действительно вывел меня из терпения своей мадерой «кормить завтраками».

201.

Энгельс — Гуго Барторелли

во Флоренцию.

[Черновик.]

[Лондон, 18 июля 1872 г.]

Гражданин!

В ответ на Ваше письмо от 27 июня с почтовым штемпелем «Флоренция 6 июля», полученное мной из-за неправильного адреса только 16-го текущего месяца, сообщаю, что у нас нет никакого другого знамени, кроме знамени мирового пролетариата, красного знамени.

Судя по тому же Вашему письму, мне кажется, что Ваш союз конституировался и считает себя секцией Интернационала. Поэтому мой долг обратить Ваше внимание на то, что действующий в настоящее время устав предписывает некоторые формальности при присоединении новых секций.

В разделе II, статья 4-я, говорится:

«Каждая новая секция, желающая присоединиться к Интернационалу, обязана немедленно известить о своем присоединении Генеральный совет. Генеральный совет имеет право и т. д.» (резолюция Базельского конгресса).

А в разделе V, статья 1-я:

«Каждая секция имеет право выработать устав и регламент, специально приспособленные к местным условиям и законам страны; но они ни в одном пункте не должны противоречить общему уставу и регламенту [Интернационала]» (резолюция Женевского конгресса).

И так как, согласно разделу второму — раздел II, статья 2-я, «Генеральный совет обязан проводить в жизнь решения конгрессов», то Генеральный совет, подчиняющийся им, может признать секциями Интернационала только такие союзы, которые признали эти статьи, присоединились к общему уставу и регламенту Товарищества и устав которых признан соответствующим общему уставу и регламенту. Мы не сомневаемся в том, что Вы этого не сделали лишь по незнанию этих правил, и в виду того, что аутентичного издания их на итальянском языке не существует, я прилагаю французский экземпляр устава; статьи, о которых идет речь, отмечены красным.

Так как приближается конгресс (2 сентября в Гааге, Голландия), обращаем Ваше внимание на статью 7-ю в разделе I, которая гласит:

«В будущем участвовать и голосовать в конгрессах будет разрешено лишь делегатам тех социалистических секций и групп, которые уже приняты в Интернационал и у которых будет урегулирован с Генеральным советом вопрос с членскими взносами (10 сантимов с члена)».

Привет и братство.

[Ф. Э.]

202.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 23 июля 1872 г.

Дорогой Кугельман!

2 сентября, если ничто не помешает, я буду в Гааге и был бы очень рад повидать тебя там. Я уже послал тебе «Scissions», но они, повидимому, перехвачены. Поэтому я вкладываю их снова в это письмо. Извини, пожалуйста, что пишу сегодня так коротко. Мне надо поторопиться с отправкой корректурных листов в Париж, и вообще я завален делами.

Твой К. М.

203.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 29 июля 1872 г.

Дорогой Кугельман!

На международном конгрессе (в Гааге, открывается 2 сентября) вопрос идет о жизни или смерти Интернационала, и прежде чем я выйду из него, я хочу, по крайней мере, предохранить его от разлагающихся элементов. Германия должна поэтому иметь возможно большее число представителей. Так как ты все равно приедешь, то напиши Гепнеру, что я прошу его позаботиться о делегатском мандате для тебя.

Твой *К. Маркс.*

204.

Энгельс — Комитету общества «Освобождение рабочего класса»
в Парму.

[Черновик.]

[Лондон, вторая половина июля 1872 г.]

Из вашего письма, написанного 7 июня, с почтовым штемпелем от 9 июня, и полученного 13 июля, я делаю вывод, что ваше общество желает присоединиться к великому Международному товариществу рабочих.

Так как ваш устав не содержит ничего противоречащего общему уставу и регламенту Товарищества; то препятствий к вашему присоединению не встречается.

Необходимо лишь, чтобы вы признали общий устав и регламент Товарищества; при сем прилагаю один экземпляр по-французски (так как на итальянском языке полного и аутентичного издания не существует). Будьте добры обсудить это предложение и, в случае положительного решения, известить меня, чтобы я мог сделать все необходимое для вашего присоединения к Товариществу.

[Ф. Э.]

205.

Энгельс — Теодору Куно
в Льеж.

Лондон, 4 августа 1872 г.

Дорогой Куно!

Бельгийский федеральный совет не мог оказать нам большей услуги, чем выступив против немецкой секции в Вервье. Этим он

29 Juli, 1872

Lieber Kugelmann,

Beim den internationalen Congress (Kongress) eröffnet 2. Instanz
beinhaltet es sich um haben oder Tod der
internationalen und kann ich anstrebe, weil ich
es anzufragen werden anfließende Elementen
schreiben. Deswegen muss also so sehr
Reparaturen haben als möglich
da die neue Sache kommt. Ich habe anzufragen
denn ich ich hatte die ein Wandel
als Delegierter zu besorgen

Dein

= K. Marx

доказывает, насколько необходимо существование Генерального совета для ограждения независимости секции *от федеральных советов*. Но Бельгийский федеральный совет не может исключить немецкую секцию из Интернационала, он может ее исключить только из бельгийской федерации. См. Общий устав, раздел IV, Федеральные советы или комитеты, ст. 4: «*Всякая федерация может отказаться принять или может исключить из своего состава секции или общества, но во всяком случае не может лишить их звания члена Интернационала*». Следовательно, немецкая секция в Вервье как независимая секция, согласно ст. 7 общего устава (см. конец статьи), имеет право вести переписку непосредственно с Генеральным советом. Обратите их внимание на это и заставьте их написать сюда; до сих пор от них еще ничего не поступало.

Получил ли Шлебах в Вервье мое письмо? Почему он не отвечает?

Посылаю Вам номер «*Emanación*» и написанный Лафаргом (зятем Маркса) на испанском языке циркуляр и прошу Вас хорошенько с ним ознакомиться. Из него Вы увидите, к чему стремится Бакунин, — к созданию тайного общества внутри Интернационала, чтобы посредством его забрать Интернационал в свои руки. К счастью, этот план тем самым разоблачен, и притом своевременно. На этой истории Бакунин сломит себе шею. Генеральный совет опубликует во вторник по этому поводу обращение, в котором в то же время обвиняет Испанский федеральный совет, куда входят пять членов Альянса.

Я очень спешу, — мне надо отредактировать это обращение, а кроме того у меня ужасно много всякой другой работы по Интернационалу для конгресса.

Ваш Ф. Э.

Скажите Герману, что я искал для него работу, но до сих пор ничего еще не мог найти. Итти к Джексону и Сыновья не имеет никакого смысла, в этом я убедился в последний раз в феврале. Скажите Г[ерману], чтобы он написал сюда своему другу Приньо, — это как раз тот человек, который нужен.

206.

Энгельс — Адольфу Гепнеру
в Лейпциг.

Лондон, 4 августа [18]72 г.

Дорогой Гепнер!

Я только что хотел написать для Вас небольшую статью о последних бакунистских историях, как выяснилось, что необходимо

высказаться самому Генеральному совету как таковому. Таким образом, статья превращается в обращение, немецкий перевод которого Вы получите в среду.

Дополнением к нему могут послужить, пожалуй, последние полученные нами испанские документы. Бакунин сохранил известный Вам по «Scissions» Альянс социальной демократии в качестве *тайного* общества для того, чтобы посредством его подчинить Интернационал своему руководству. Но мы об этом узнали, и теперь у нас есть доказательства. Таким образом, теперь публично будет предъявлено обвинение, так как в противном случае выборы на конгресс прошли бы в Испании под руководством Альянса и закончились бы в его пользу. На этой истории Б[акунин] сломит себе шею.

Ответ «Concordia» Вы уже, вероятно, получили. Итак, вот какковы катедер-социалисты! Я все-таки не предполагал, что эти люди *настолько* глупы, я думал, что эту газету издает какой-нибудь Бета-Бетцих.

С делом Верди я был знаком по «Kölnische Zeitung», но я не знал, что этот человек также и мошенник. Прекрасно. Этот жалкий Зоннеман видит, впрочем, в каждом крупном историческом событии только удобный случай для того, чтобы снова превратить свой паршивый Франкфурт в вольный имперский город. Поэтому пруссакам всегда и достается. По нашим сведениям, приготовления ведутся в таком колоссальном масштабе, что поражение пруссаков возможно лишь в том случае, если, кроме Франции и России, против Пруссии выступит и Австрия. Но Австрия *заодно* с Пруссией, если не наступит внезапной перемены, чего при существующих обстоятельствах предполагать нельзя. К тому же, как только Вильгельм выпустит воззвание к полякам и восстановит какую-нибудь Польшу, это будет презабавный спектакль. И он, и весь прусский режим сломят себе на этом шею. Прусско-германская империя еще далеко не достигла своего кульминационного пункта; эта война, если она пройдет счастливо, чего следует ожидать, быстро доведет ее до вершины, а затем она полетит кувырком вниз с головокружительной высоты наполеоновской славы. Очень возможно, что *на этот раз* движение начнется с Берлина; противоречия там сильно обостряются, и нужно только изменение политической конъюнктуры, чтобы вызвать их взрыв. Такая берлинская революция будет, конечно, очень жалка, но все же лучше, если она придет изнутри, чем после какого-нибудь Седана, что всегда имеет ненадежные результаты.

Гирш должен выписать из Швейцарии следующие произведения Бакунина:

«Lettres à un Français» (anonym), Genf, 1871.

[«Письма к французу» (аноним). Женева, 1871 г.]

«L'Empire Knouto-germanique par M. Bakunin, Genf, 1871.

[«Кнута-германская империя». М. Бакунин. Женева, 1871 г.]

В книжных магазинах их найти нельзя, я уже пробовал, но Буртау, наверное, ему достанет, так как он бредит этим.

Передайте привет Либкнехту и Бебелю, если снова будете у них.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

207.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 5 августа 1872 г.

Старый дружище!

Что конгресс соберется в Гааге, в этом повинны прежде всего ваши несчастные раздоры по поводу пересмотра организации. Мы не могли предвидеть, куда это приведет, и нам нельзя было терять времени. Но в дальнейшем надо обдумать еще нижеследующее:

1) Мы не переоценили сил юрцев. По их собственным данным и согласно платимым взносам, у них насчитывается 249 человек, из которых в секцию Лонжмаль входят 62 члена, и 74 человека недавно вступивших граверов и гильошировщиков. Но маневры их нам известны. Из 62 членов секции Лонжмаль *каждый* получил бы тем или иным способом подделанный мандат, затем еще самих юрцев, скажем, около 12, далее человек 20 итальянцев, 6 испанцев, в общем — более чем достаточно. При таких обстоятельствах часть бельгийцев присоединилась бы к ним.

2) Что касается поддельных мандатов, то они могли бы получить их из Америки (от сторонников Вудхулль) до 30—40 штук, отсюда около дюжины (от никогда не принадлежавших к Интернационалу секций, которые образовали «Всемирный федералистический совет»), от немецких сторонников Швейцера, которые прямо присоединились к этому Совету, 50—60; из Испании при некоторой ловкости то же достаточное количество. Об Италии я сейчас скажу. Таким образом, налицо были все данные, что при проверке мандатов, являющейся на этот раз решающим моментом, большинство получили бы общества, которые хотят силой *навязать* себя Интернационалу, но которые никогда к нему и не принадлежали, особенно же, если принять во внимание, как добродушно ведут себя обычно

рабочие в таких случаях и как происходило дело на всех прежних конгрессах. При этом не надо забывать, что и среди нас найдется достаточно секций, у которых с уплатою взносов не все в порядке, и им придется поэтому проявить снисходительность при голосовании, чтобы добиться, в свою очередь, снисходительного отношения к себе. А если бы это случилось, нам не оставалось бы ничего другого, как раскланяться и выйти из Интернационала.

3) Ты недооцениваешь силы Альянса в Италии. Во всей Италии мы знаем только одну хорошую секцию — Турин, может быть еще Феррару. Милан после отъезда Куно совершенно в руках бакунистов, в Неаполе так было всегда, а рабочие союзы в Эмилии, Романьи и Тоскане также целиком в руках Бакунина. Эти люди образуют свой особый Интернационал; они никогда не заявляли о желании вступить в Интернационал, никогда ничего не платили, но ведут себя так, словно принадлежат к Интернационалу. Они находятся под руководством членов тайного Альянса, очень многочисленных, и, считая по одному делегату на 50 человек, легко могли бы выбрать 40 делегатов, из которых 15—20 послали бы отсюда, а остальных из членов секции Лонжмаль, которым высылаются бланки мандатов.

4) Бельгийцев в Гааге будет не так много, они не любят платить. К тому же последний конгресс в Брюсселе доказал, что они, когда дойдет до настоящего дела, не так уж плохи. Они постановили, что в Гааге могут быть представлены только признанные законным порядком секции, а это главное.

5) Наконец, тебе следовало бы прочесть лицемерное жалобное письмо Швицгебеля, в котором он жалуется, что конгресс соберется не в Швейцарии, и слегка уже намекает на предстоящий протест. Это доказало мне лучше всего остального, что мы действовали правильно.

Во всяком случае собирайся и отправляйся туда; ты увидишь, что дело идет хорошо. *Но лишь в том случае*, если мы, со своей стороны, приложим все свои усилия. Те другие ¹ — фанатики, имеют под рукой разных богатых буржуа, которые за них платят, в то время как сами они в течение целого года не производят никаких расходов. Если бы наши друзья были наполовину так активны, как они, то дело никогда не зашло бы так далеко. Из Америки придут Зорге и Дерер, остальные (сторонники Вудхулль) пришлют троих, среди них одну дамочку. Мы, разумеется, явимся туда все. Проследи, чтобы швейцарцы на этот раз не боялись издержек и были бы представлены как следует. В особенности же швейцарцы-немцы.

¹ То-есть бакунисты.

Впрочем, завтра вечером мы бросим бомбу, которая вызовет среди бакунистов немалую панику, а именно — публичную декларацию относительно Альянса социалистической демократии, продолжающего существовать как *тайное общество*. Мы получили, наконец, нужный материал и обличающие документы из Испании и немедленно же атакуем Испанский федеральный совет, в котором сидят пять человек из Альянса. Мадридская «Емансипación» неделю тому назад, в воскресенье, уже открыла огонь, и скоро начнется веселая пляска. Вы, разумеется, тотчас же получите один экземпляр для «Egalité». Эти сволочи воображали, что смогут посредством своей тайной организации управлять из Локарно всем Интернационалом. Но эти разоблачения свернут им шею, и если Швейцария и Германия хотя бы частично выполняют свой долг, так что члены Альянса не получают большинства *из-за небрежности наших друзей*, то вся эта дрянь полетит к чорту, и нам можно будет, наконец, отдохнуть.

Завтра я передам Франкелю и Лесснеру твои поручения.

Вайян продолжает здесь свою спокойную жизнь, занимается химией и пересмотром устава, который его очень интересует.

Маркс посылает привет.

Твой Фр. Энгельс.

203.

Энгельс — Валерию Врублевскому

в Лондон.

[Черновик.]

Лондон, 7 августа 1872 г.

Гражданину Врублевскому,
председателю судебной комиссии.

Гражданин!

Так как гражданин Хейлз на пленарном заседании Генерального совета обвинил меня во лжи, то я требую, чтобы судебная комиссия предложила вышеназванному гражданину Хейлзу точно формулировать свое обвинение и сообщить его мне, чтобы я мог защищаться.

В то же самое время я обвиняю гражданина Хейлза перед судебной комиссией в том, что он недостойно оклеветал меня, выдвинув против меня подобное обвинение в Генеральном совете.

Поручаю гражданину Марксу довести это сообщение до сведения судебной комиссии.

[Ф. Энгельс.]

209.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

[Лондон,] 15 августа 1872 г.

Милостивый государь!

Надеюсь, что Вы уже получили первую часть второго немецкого издания, которую я послал Вам несколько дней тому назад. Я вышлю Вам также первые шесть выпусков французского издания, которые выйдут на-днях. Необходимо справляться с *обоими изданиями*, так как во французском я кое-что прибавил и изменил.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвечаю на него на этих днях. Я получил также посланную Вами рукопись и статью из «Вестника [Европы]»¹.

Пишу сегодня второпях по одному специальному делу *самого неотложного* характера.

Б[акунин] годами тайно подготовлял взрыв Интернационала, но в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что вынужден был, наконец, сбросить маску и *открыто отколоться* вместе с руководимыми им глупцами. Он был главным заправилой н[ечаев]-ского дела. Так вот, этому Б[акунину] было как-то предложено перевести на русский язык мою книгу, причем часть денег за перевод была им получена вперед, но вместо того, чтобы представить работу, он написал или велел написать некоему Любавину (так кажется), который вел с ним переговоры по поручению издателя, в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы мне весьма пригодиться, если бы я мог *получить его немедленно*. Так как это — чисто *коммерческое*² дело и так как при пользовании этим документом не будет названо никаких имен, то я надеюсь, что Вы добудете мне это письмо. Но нельзя терять ни минуты времени. Если Вы можете прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на Гаагский конгресс.

Искренно Ваш

А. Вильямс.

¹ Статья И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса». «Вестник Европы», май 1872 г.

² То есть политическое.

210.

Энгельс — циркуляр итальянским секциям Международного товарищества рабочих в Риме, Ферраре, Милане и Турине.

[Черновик.]

Лондон, 23 августа 1872 г.

Секции в.....

Мы получили датированную «Римини 6 августа» резолюцию конференции братской Итальянской федерации Международного товарищества рабочих, нарушающую всякую солидарность с Генеральным советом в Лондоне и созывающую самочинно так называемый антиавторитарный конгресс в швейцарском Невшателе, на который все заинтересованные секции приглашаются прислать своих делегатов, вместо Гааги, где собирается очередной конгресс Интернационала.

Необходимо констатировать, что из 21 секции, делегаты которых подписали эту резолюцию, *лишь одна* (Неаполитанская) принадлежит к Интернационалу. Ни одна из остальных 20 секций никогда не выполняла ни одного из условий, предписанных нашими общим уставом и правилами для приема [новых секций]. Поэтому Итальянской федерации Интернационала рабочих фактически не существует, потому что те, кто стремятся представлять Интернационал, образуют его сами по себе, вне великого Товарищества рабочих.

Конгрессу в Гааге надлежит вынести постановление по вопросу о подобной узурпации.

Рим.

Феррара.

Милан.

Турин.

211.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 24 августа [18]72 г.

Дорогой Либкнехт!

Я принужден, к сожалению, отклонить твое предложение выставить мою кандидатуру, хотя бы потому, что я благодаря десятилетнему пребыванию без разрешения за границей утратил свое прусское подданство и, тем самым, права германского гражданина.

Сегодня мы узнали, что юрцы явятся все-таки на Гаагский [конгресс], но при первых же решениях против Альянса удалятся

и затем созовут свой конгресс в Невшателе. Бак[унин], повидимому, слишком поспешил с отправкой инструкции в Италию; испанцы, очевидно, указали ему, что *так* все-таки не годится и что они должны явиться в Гаагу, хотя бы только для того, чтобы заявить протест. Дело в том, что Испанский федеральный совет имеет альянсистское большинство и применил такую систему выборов, при которой пошлет, по всей вероятности, четырех представителей от Альянса. Зато Союз каталонских фабричных рабочих (40 000 человек) посылает одного из наших, Мора. После принятой ими в Римини резолюции итальянцы прибыть поостерегутся.

Зорге здесь у меня, шлет привет.

Твой Ф. Э.

Ждать от бакунистов драки не приходится. Эти люди бесконечно трусливы, хотя и наглы на словах. Нападают только тогда, когда их не меньше восьми против одного.

212.

Марке — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 26 августа 1872 г.

Дорогой Кугельман!

В Гааге у делегатов будут голубые банты для того, чтобы люди, которые будут высланы им навстречу, могли их отличить.

В случае, если из этой встречи ничего не выйдет, сообщаю частный адрес: Бруно Либерс, 148, Jacob Catsstraat. *Официальное помещение конгресса*: Concordia, Lombardstraat.

Очень спешу.

Твой К. М.

213.

Энгельс — Герману Юнгу
в Лондон.

[Гаага, начало сентября 1872 г.]

Дорогой Юнг!

За весь финансовый год я нахожу платежи за наем помещения:

31 октября 1871 г. — Трюлову	7 ф. 7 ш.
и два платежа Мартину	5 ф.

12 ф. 7 ш.

но не нахожу платежей Трюлову при выезде из *старого помещения*. Между тем ему ведь было уплачено, — не забыли ли Вы это записать?

Пожалуйста, напишите в Гаагу по указанному на обороте адресу, не пропущен ли этот платеж в книгах. Я знаю, что в прошлом году во время конференции мы были должны за шесть месяцев, а сейчас ничего не должны.

С братским приветом

Ф. Энгельс.

Бруно Либере,

148, Jacob Catsstraat, Гаага, Голландия.

Отметьте на внутренней стороне конверта, что это — для меня.

214.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 21 сентября [18]72 г.

Дорогой Зорге!

Надеюсь, что ты уже прибыл благополучно в Нью-Йорк, & Куно преодолел ужасы, выпадающие на долю палубного пассажира.

Из постановлений конгресса ты взял с собой:

1) новые статьи, 2-ю и 6-ю, регламента; главу II о *Генеральном совете*;

2) доклад комиссии об Альянсе;

3) декларацию меньшинства;

4) постановление о перенесении и постановление о выборе 12 членов Генерального совета с правом кооптации трех членов, а также список выбранных.

Таким образом, тебе недостает:

1) постановления о выражении сочувствия мученикам пролетариата,

2) о членских взносах,

3) об аннулировании полномочий,

4) возможно, что и текста статьи устава о политике. Прилагаю эти четыре текста.

Остальные бумаги, оставленные тобой здесь: 1) входящие, по которым ничего не решено, 2) непринятые предложения, 3) два-три предложения по текущим делам, которые были приняты и выполнены конгрессом. Но это должно войти в протокол и не представляет для вас интереса.

Мне приходит в голову, что у тебя, быть может, нет также

5) предложения Лафарга о международных профессиональных союзах, поэтому перевожу его с испанского и посылаю.

Как только мы получим обещанный тобой доклад о прениях относительно мандатов (которые, как тебе известно, не были по-

глупости председателя запротоколированы, так как не были назначены секретари), постановления будут отредактированы и опубликованы официальным порядком.

Когда Люкен, который взял с собой в Брюссель бумаги комиссии и теперь приводит в порядок свидетельские показания, пришлет нам эти документы, — он обещал сделать это не позже конца этого месяца, — материалы относительно Бакунина и Альянса будут закончены и напечатаны. Мы получили еще ряд замечательных вещей, которые не могли быть представлены комиссии, так как прибыли слишком поздно.

Затем протоколы конгресса будут опубликованы.

Для переписки с Германией, Италией и т. д. прилагаю все известные мне адреса.

Хейлз устроил здесь в Федеральном совете большой скандал, добился выражения порицания Марксу за то, что тот говорил, что английские рабочие вожди подкуплены, но одна здешняя английская и одна ирландская секции уже выразили протест, признав правоту Маркса. Эти субъекты — Хейлз, Моттерсхед, Эккариус и пр. — разъярены тем, что у них отобрали Генеральный совет.

Гильом заявил в Брюсселе Вильмару (об этом последний сам сюда написал), что испанцы вновь организуют Альянс, что он теперь необходим более, чем когда-либо.

Вест все еще здесь, — нет денег на обратную дорогу.

Сердечный привет Куно, скажи ему, чтобы он поддерживал со мной переписку, куда бы он ни поехал.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

По словам голландцев, они голосовали за меньшинство главным образом потому, что стремятся к воссоединению с Бельгией и должны поэтому угождать бельгийцам!

Гепнер арестован, ему угрожает месячный арест при полиции, ибо, как тебе известно, в Лейпциге начальник полиции собственной властью запретил Интернационал.

Постановление, принятое на первом публичном заседании:

«Конгресс Международного товарищества рабочих, собравшийся в Гааге, выражает от имени мирового пролетариата свое восхищение героическими борцами за дело освобождения труда, которые пали жертвой своей преданности, и посылает братский, сочувственный привет всем, кого в настоящий момент преследует буржуазная реакция во Франции, Германии, Дании и во всем мире.»

(Внесено А. Швицгебелем и семью другими делегатами.)

О членских взносах.

«Предлагаем оставить взносы в том виде, как они установлены в общем уставе».

(Внесено Э. Дюпоном и тремя другими делегатами, *принято* в субботу утром.)

Об аннулировании старых полномочий:

«Предлагаю аннулировать все полномочия, выданные Генеральным советом, советами, комитетами и секциями в тех странах, где Интернационал запрещен, и предоставить право назначать уполномоченных в этих странах только Генеральному совету».

(Внесено А. Серрайе и семью другими французскими делегатами, *принято* в субботу.)

Предложение Лафарга, единогласно принятое в субботу утром, но имеющееся у меня только *по-испански*, поэтому текст будет не вполне официальным:

«От имени Португальской и Новой мадридской федераций предлагаю:

«Поручить новому Генеральному совету организовать международные профессиональные союзы (тред-юнионы).

«С этой целью Генеральный совет в течение следующего за сессией месяца должен составить циркуляр, напечатать его и разослать всем рабочим обществам, адреса которых ему известны, с тем, чтобы эти общества вошли в Интернационал.

«В этом циркуляре Совет должен предложить рабочим обществам образовать международные союзы по отдельным профессиям.

«Каждому рабочему обществу будет также предложено определить условия, на которых оно желает войти в международный союз своей профессии.

«Генеральному совету поручается собрать все проекты, предложенные обществами, согласными с этой идеей, и составить общий проект, который будет представлен на одобрение, как временный, всем рабочим обществам, желающим войти в международные профессиональные союзы.

«Следующий конгресс формально утвердит этот проект».

(Поддержано десятью другими делегатами, *принято* единогласно без прений.)

[Адреса для переписки:]

Германия — все в редакцию «Volksstaat», Гепнеру, в настоящее время Рудольфу Зейферту — адреса Комитета и пр. указаны в «Volksstaat».

Италия: *Туринская секция* (Общество освобождения пролетариата): 1) на обороте — г. Жан-Жак Госсу, привратнику евангелической церкви. Via Principe Tommaso, № 1, Турин; внутри: г. Чезаре Берту — секретарю; 2) г. Луиджи Перрину, Viale del Rè, 26, Турин. Остерегайтесь там мерзавца Карло Терцаги.

Миланская секция (Рабочий клуб): секретарю Мауро Гандольфи, Via Solferino, 11, Милан (он — член Альянса, и секция ненадежна; Куно может рассказать подробнее).

Римская секция: 1) на обороте: директору типографии Рекьеди, г. Леонардо Чентенари, Via Monserato, 25, Рим. Внутри: г. Освальдо-Ньокки Виани. На посылках — на обороте — всюду следующий адрес: Университетская библиотека, Via Straderari, 38—40, внутри — О.-Н. Виани. Было сообщено лишь за две недели до конгресса.

Феррарская секция: посылать все Энрико Биньями, газета «La Plebe», Via Savoia, 19, Лоди, Ломбардия. Эта секция и туринская — самые лучшие; о Римской секции мне ничего не известно.

Секция Джирдженте, Сицилия: адвокату Антонино Риджио (бакунист), о нем я уже *x* лет ничего не слышал.

Испания: Федеральный совет испанской области: г. Дон-Хулиану Валерсу, Via de Sorolla, 35, Валенсия. Внутри: Франсиско Томасу.

Новая мадридская федерация: Хозе Меза-и-Леопарт, San Pedro, 16, 3° (третий этаж), Мадрид (по-французски).

Португалия: Хозе С. Нобрэ-Франса, Travessa do Abarracamento de Peniche, № 4, 2° (второй этаж), Лиссабон, Португалия (по-французски).

Огюст Серрайн, Gaisford Street, 35, Kentish Town, N. W. Лондон.

Брюссель: Цезарь де-Пап, Hôpital Saint-Jean, Брюссель.

Женева: А. Перре или И.-Ф. Беккеру, Temple Unique, Женева.

Голландия: Г. Гергарду, Runstraat, 472, Амстердам.

Статья 7-а общего устава, принята в субботу утром 28 голосами против 13 (включая воздержавшихся), т. е. большинством свыше $\frac{2}{3}$.

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, лишь сконституировавшись в отдельную политическую партию, в противовес всем старым партиям, образованным имущими классами. Это конституирование пролетариата в политическую партию необходимо для обеспечения торжества социальной революции и ее конечной цели — уничтожения классов. Объединение рабочих сил, уже достигнутое в ходе экономической борьбы, должно также послужить рычагом в руках этого класса в его борьбе с политической властью его эксплуататоров.

Хозяева земли и хозяева капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда. Завоевание политической власти становится поэтому насущной задачей пролетариата».

215.

Энгельс — Герману Юнгу

в Лондон.

[Лондон,] 1 октября 1872 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой Юнг!

Не можете ли Вы прислать мне адреса секретарей:

- 1) литейщиков,
- 2) судовых плотников,
- 3) судовых конопатчиков (если у них есть союз).

Адреса их мне нужны немедленно для того, чтобы списаться с ними по поводу некоторых происходящих в Португалии стачек. Я обращался к Британскому федеральному совету, но не знаю, предпримет ли он какие-либо шаги, и потому должен действовать сам.

Искренно Ваш

Ф. Энгельс.

Привет от меня и миссис Энгельс миссис Юнг и Вам.

216.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 5 октября 1872 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге!

Задают же Вам работы. Прилагаю французский перевод (так как на этом языке можно передать наиболее дословно) двух статей из «Federacion» (газета Алерини). Бельгийцы не так страшны. Судя по полученным с тех пор письмам, они уже испугались своей собственной смелости и не знают, как выпутаться; к тому же развал Интернационала в Бельгии с каждым днем усиливается, что ввиду необходимости реорганизации может быть только полезно.

Зато нельзя игнорировать постановлений юрцев, принятых на федеральном конгрессе и открыто провозглашающих бунт.

«Генеральный совет обязан проводить в жизнь решения конгрессов» (Женевское постановление). Мы тотчас выписали из Женевы последний номер «Bulletin Jurassien» и пошлем его тебе, как только он придет. Кроме того, вы можете, если хотите, написать прямо Юрскому федеральному комитету (адрес: Адемару Швейцгелю, граверу, Сонвилле, Бернская Юра, Швейцария) и потребовать сведений.

Очень хорошо, что эти господа открыто объявляют войну и сами дают достаточное основание для того, чтобы выставить их вон. После этого открытого объявления [войны] требование большинства федераций передать дело на рассмотрение конференции стало невозможным; к тому же за такое предложение будут голосовать *самое большее* четыре секции (они сами, испанцы, бельгийцы, голландцы), все же остальные будут против. Мы здесь придерживаемся того мнения, что как только у вас будут в руках документальные доказательства, было бы чрезвычайно своевременно принять быстрые и энергичные меры против этих отъявленных скандалистов; этого будет, вероятно, достаточно, чтобы рассеять угрозу сепаратистского союза.

Вчера я послал тебе №№ 65, 66 и 67 «Емансипация». То заявление, которое Гильом сделал в Брюсселе Вильмару, а именно, что испанцы снова намерены организовать Альянс, так как теперь, после Гаагского конгресса, он, мол, нужнее, чем когда-либо, — об этом Вильмар сам писал Лафаргу, я читал это письмо.

Я хотел приложить еще доклад Генеральному совету об Испании, Португалии и Италии, но не закончу его к сегодняшней почте¹. Зато прилагаю свой доклад 6-й секции, который прошу тебя передать Бертрану.

Здесь Хейлз повел против Маркса и меня яркую клеветническую кампанию, которая, однако, уже начинает оборачиваться против него самого, хотя мы, со своей стороны, и пальцем не шевельнули. Поводом послужило заявление М[аркса] о продажности английских рабочих вождей. Несколько лондонских секций и весь Манчестер весьма энергично запротестовали, и Хейлз утратил стоящее за ним большинство в Федеральном совете, так что он, вероятно, в скором времени совсем вылетит оттуда.

Проклятый Люкен все еще не прислал нам бумаг об Альянсе, которые он взял с собой, поэтому мы не могли еще ни к чему приступить. Полученные дополнительно из Швейцарии документы, охватывающие весь нечаевский процесс, вместе с русскими изда-

¹ См. далее письмо Энгельса — Зорге от 2 ноября 1872 г.

ниями Бакунина очень интересны и вызовут страшный скандал. Я еще не встречал такой подлой банды негодяев.

Моя жена выяснила после твоего отъезда, что Эмма взяла с тебя плату за белье; она просит меня передать тебе, что это было сделано без ее ведома, иначе она бы этого никогда не допустила.

Не забудь про протокол прений о мандатах, без которого мы вообще не можем включить эту часть в протокол, здесь ни у кого ничего об этом не имеется.

Ждем с каждой почтой известий от тебя и признаков жизни нового Генерального совета.

Сердечный привет Куно, надеюсь, что он скоро напишет.

Бедняга Гепнер действительно попал на месяц в кутузку, так как в Лейпциге Интернационал запрещен!

Твой Ф. Энгельс.

217.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

Лондон, 14 октября [18]72 г.

Дорогой Юнг!

По поводу забастовки лучше всего пишите прямо:

1) Лейпциг. Редакция «*Volksstaat*», 4, Hoherstrasse.

2) Вена. Редакция «*Volkswille*», 32, Alserstrasse.

3) Берлин. Фр. Мильке, наборщику, 65, IV двор, Schutzenstrasse.

Привет.

К. М.

218.

Энгельс — Британскому федеральному совету Международного товарищества рабочих.

Лондон, 16 октября 1872 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

[Черновик.]

Британскому федеральному совету Международного товарищества рабочих.

Граждане!

На вашем заседании от 26 сентября я имел честь представить вам через гражданина Дюпона сообщение, присланное мне

Лиссабонским федеральным советом, о некоторых профессиональных вопросах тамошних секций Интернационала, требовавших от нас немедленного вмешательства. Я видел это сообщение напечатанным в «International Herald», но мне не известно, предпринял ли Федеральный совет какие-либо дальнейшие шаги по этому делу.

Так как я должен дать отчет моим лиссабонским корреспондентам о том, что я сделал в пользу заинтересованных сторон, то надеюсь, что Федеральный совет известит меня, было ли что-либо сделано Советом в связи с этим делом и что именно.

С братским приветом остаюсь

ваш Ф. Э.

219.

Энгельс — Фридриху Лесснеру

в Лондон.

Лондон, среда [16 октября 1872 г.].

Дорогой Лесснер!

Не передашь ли ты завтра вечером прилагаемое письмо секретарю Федерального совета. Если Хейлз потребует, чтобы писали прямо в Лиссабон, помимо меня, то скажи ему, пожалуйста, следующее: дело необходимо *устроить скорее*, и потому лучше всего ответить мне без всяких проволочек; если же Хейлз опять начинает поднимать формальные и личные вопросы, то это только доказывает, что он стремится не *к настоящей работе*, а к тому, чтобы его личным интригам приносилось в жертву не только время Федерального совета, но и интересы португальских рабочих. Если они потребуют, чтобы я сообщил лиссабонский адрес, то пока ничего не говори, там посмотрим.

Твой Ф. Э.

220.

Энгельс — Теодору Куно

в Нью-Йорк.

Лондон, 29 октября [18]72 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Куно!

Твое письмо от 8-го числа и протокол получил, — большое спасибо за то и за другое.

«Bulletin Jurassien», который вы, вероятно, уже получили, и брюссельская «Internationale», отправляемая сегодня, докажут вам, что дело серьезно и что *Zorge* абсолютно необходимо отбросить, по

крайней мере, всякие колебания и согласиться на избрание, чтобы обеспечить не только единство действия, но и прежде всего самое действие. Эти господа совсем зазнаются, если не будут приняты энергичные меры и не будет немедленно объявлено с соответствующей мотивировкой о закрытии Юрской федерации (Jurassiens) за ее решения на конгрессе, попирающие ногами устав и постановления Гаагского конгресса, а также не будет заявлено об исключении членов антиавторитарного конгресса, поскольку они вообще входят в Интернационал.

Сейчас время еще не упущено, — бельгийцы испугались своей храбрости, которую они сперва проявили, и стали колебаться, в Испании оппозиция против членов Альянса усиливается с каждым днем, там уже требуют созыва чрезвычайного испанского конгресса для обсуждения выступления в Гааге Федерального совета и делегатов, но все это может опять остыть, если отнестись снисходительно к наглому выступлению юрцев; что люди эти из кожи лезут вон, — вы поймете из письма Хейлза в «Internationale». Хейлз — корреспондент юрцев и раздает здесь бесплатно их «Bulletin» с гнусными статьями всем, кто только соглашается его взять, и рассылает его всем секциям.

Надо кончать. Почта уже отходит. М[аркс] и я загружены работой по конгрессу, подготовкой материала к печати и перепиской, как никогда. Зорге, вероятно, уже получил «Emanación», — ты сможешь ее ему перевести. Со следующим пароходом прибудет еще несколько номеров. Это наряду с «Volksstaat» — наша лучшая газета. История с Вестом доставила нам огромное удовольствие. Все мы шлем сердечный привет Зорге и тебе.

Твой Ф. Энгельс.

Лафарг с женой третьего дня приехали сюда.

221.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 2 ноября [18]72 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой Зорге!

Посылаю свой доклад об Испании¹.

Только что получил поручение официально заявить Генеральному совету об образовании следующих двух секций:

¹ Перевод его см. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

1) Ассоциации рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии (секция Лоди), секретарь Энрико Биньями, Via Savoia, 19.

2) Общества свободных абруццских трудящихся (секция Аквилы, провинции под тем же названием. Корреспонденцию временно направлять через Лоди).

Уведомление пришло от Биньями, который сообщает также, что обе секции приняли устав, соответствующий уставу Генерального совета. Я затребую его экземпляры и пошлю их вам.

Биньями — единственный человек, который стал в Италии на нашу сторону, хотя пока еще не особенно энергично. В своей газете «La Plebe» он напечатал не только мой доклад о Гаагском конгрессе, но и мое гораздо более резкое частное письмо к нему. Так как мне придется посылать ему корреспонденции, то мы сохраняем газету в своих руках. Далее — он заново отпечатал устав Генерального совета с гаагскими изменениями, а также мой доклад о конгрессе. Он со всех сторон окружен автономистами и должен поэтому еще несколько остерегаться.

О Турине я больше ничего не знаю. В Милане Куно должен, по крайней мере, помочь нам подыскать связи, чтобы поступали хотя бы донесения. С Феррарой связь осуществляется через Лоди, секция организована Биньями.

Маркс просит меня сказать тебе, что протоколы *в данный момент* здесь абсолютно необходимы. При той лжи, которая распространяется здесь Хейлзом, Моттерсхедом и Энкариусом, а на континенте юрцами и т. п., мы можем в любой день столкнуться с необходимостью отвечать выдержками из этих протоколов. С другой стороны, если вы без них не можете сейчас обойтись, то будет сделана и доставлена вам выписка, содержащая организационные постановления вместе с мотивировкой.

Для верности я еще раз даю тебе адреса для Испании, Италии и Португалии. Учреждение должности *одного* генерального секретаря-корреспондента, привлекающего себе помощников лишь для языков, я считаю мерой весьма разумной при условии, если ты займешь это место.

Сердечный привет всем вам.

Твой Ф. Энгельс.

Хозе Меза-и-Леомпарт, Calle de San Pedro, 16, 3° (3-й этаж), Мадрид.

Испанский федеральный совет: в конверте (внутри адресовать Франсиско Томасу) на имя Дон-Хулиана Валерса, Calle de Sorolla, 35, Валенсия.

Лиссабон: г. Дон-Х.-Ж. Нобре-Франса. Travessa do Abbarcamento de Peniche, 4, 2° (2-й этаж), Лиссабон.

Турин: внутренний конверт: Чезаре Берту, секретарю местной секции; наружный — г. Ж.-Ж. Госсу, привратнику евангелической церкви, Via Principe Tommaso, № 1, Турин.

Турин, другой адрес: Луиджи Перрину, Viale del Rè, 21 (без внутреннего конверта, это — старый член Интернационала).

Доклад об Италии в следующем письме, доклад о Португалии, присланный оттуда конгрессу, переводит Лафарг.

Сейчас я как раз проверяю *французский* перевод «Манифеста»¹, который в рукописном виде по большей части хорош, насколько был удовлетворителен текст в «Woodhull».

222.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 16 ноября [18]72 г.

Дорогой Зорге!

Твое письмо разошлось с моим от 2 ноября. С тех пор тебе, вероятно, писал уже Маркс.

Французский текст Обращения² я дал Серрайе, а английский сначала М[ак]-Д[оннелю] для ирландцев, затем сам переписал его для «International Herald» и, наконец, отослал его Федеральному совету. Дело в том, что я опасался, как бы Федеральный совет его не замолчал или же не напечатал его в *дословном* английском переводе с всевозможными лингвистическими ошибками и явными германизмами для того, чтобы поиздеваться над этим. Я, разумеется, все это исправил, ибо *в таком виде* как французский, так и английский текст Обращения печатать было невозможно. Мы здесь всегда давали подобные вещи на исправление какому-нибудь образованному человеку, для которого этот язык является родным; тебе придется делать то же самое, так как в официальные документы неудобно вносить даже грамматические изменения; это всегда связано с неприятностями. Хейлза, юрцев и прочих каждая подобная погрешность и без того приводит в восторг.

Бельгийцы до сих пор еще ничего не напечатали.

В Австралию послать Обращение придется вам самим, за это

¹ Речь идет о переводе «Коммунистического манифеста».

² Циркулярное Обращение, выпущенное новым Генеральным советом (в Нью-Йорке) по поводу его вступления в должность.

время Гаркур, вероятно, успел побывать у тебя; у меня нет ни одного адреса в Австралии.

Джонс и Ле-Муссю предупреждены. Серр[айе] я увижу завтра и скажу ему, чтобы он составил для вас доклад, в котором из-за Дерера не должно быть никаких фамилий и адресов, последние он может выслать тебе частным образом. Относительно Дерера ниже.

Марки обошлись около 1 ф. — Ле-Муссю сделал рисунок бесплатно. Печатание устава на английском языке стоило около 12 ф. —

Я уже сообщил тебе об образовании двух новых итальянских секций. Прилагаю официальное письмо.

Посылаю тебе сегодня:

1 «Emanсipacion» и манифест Новой мадридской федерации.

1 «Egalité».

1 «Intern[ational] Herald» с отчетом Федерального совета.

7 резолюций Гаагского конгресса.

Далее должен сообщить тебе следующее:

1) *Бланкисты*. Выпустили брошюру «Internationale et Révolution» [«Интернационал и революция»]; несколько экземпляров ее вышлю следующей почтой. Заявляют о своем выходе из Интернационала, который якобы покончил самоубийством благодаря «ссылке» Генерального совета в Нью-Йорк. Намерены учредить собственное общество и уже сильно интригуют во Франции. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы Дерер 1) не получал в руки никаких адресов во Франции, 2) заявил о своей позиции. С последним, разумеется, следует поспешить лишь в том случае, если вы найдете это нужным. Серрайе ответит в «Liberté» и «Egalité» на это «произведение». Раньше сообщил Лафаргу, что в первоначальной редакции содержалось множество личных нападок, и потому он заявил, что ни за что его не подпишет. Вторую редакцию, опубликованную, он не видал, его фамилию поместили без его разрешения. Он с ними в ссоре; они дошли до того, что привлекают его к суду за то, что он без разрешения продолжает состоять членом эмигрантского клуба, кружка по изучению социальных вопросов, а он не хотел подвергаться школьному экзамену со стороны суда, назначенного «чистыми» (так называют сами себя бланкисты). Как видишь, они совершенно попрежнему играют в революционную коммуну. Тебя позабавит эта брошюрка, где Вайян вполне серьезно заявляет, что все наши экономические и политические положения открыты бланкистами. Они уже затеяли склоку в различных городах Франции, за исключением Парижа, где их агентом является долговязый Вальтер. Хотя они и не опасны, все же им нельзя предоставлять возможность развести еще большую

склоку, поэтому у Дерера не должно быть никаких адресов, и за ним надо смотреть зорко.

2) *Испания*. Здесь дела идут отлично. Федеральный совет напечатал и тайком разослал длинную историю, в которой содержится:

а) лживый доклад четырех испанцев о конгрессе,
б) постановления, принятые антиавторитаристами в Сент-Имье,
в) предложение Барселонской федерации о созыве на 25 декабря испанского конгресса, который должен вынести решение о признании постановлений Гааги или Сент-Имье;

г) предожение всем местным федерациям высказаться об этом до 10 ноября.

В ответ на это Новая мадридская федерация выпустила посланный тебе сегодня манифест. Она протестует против всякого представления гаагских постановлений какому бы то ни было интернациональному съезду иначе, как в порядке простого принятия к сведению и руководству (мы уже послали в Мадрид, что следовало, в ответ на лживые сообщения четырех испанцев).

Но для того, чтобы испанцы поняли, кто собственно ими руководит, Юрский комитет уже разослал постановления конгресса в Сент-Имье непосредственно всем испанским местным федерациям с предложением высказаться по поводу них; Испанский федеральный совет они совершенно игнорировали.

Между тем в Испании заварилась каша. Федерация Грасии (фабричное предместье Барселоны), насчитывающая 500 человек, Толедская федерация (200 человек), федерация Бадалоны и Дении (близ Барселоны) высказались за нас и против испанского конгресса. В Валенсии за нас значительная часть местной федерации, а также часть Кадикской, отколовшаяся от тамошней старой федерации. Сбыт «Емансипасіон», находившейся при смерти, — мы поддерживали ее существование присылкой денег отсюда, — снова увеличивается (только в Кадиксе, Валенсии и Грасии 150 экземпляров). В Грасии 4 ноября состоялось большое всеобщее собрание; барселонцы во главе с Алерини внесли свое предложение, но, как пишет Мора (находящийся там): «Алерини, несмотря на все свои крики, жесты, кулачную и размахивание тростью, не мог убедить этих атеистов, что общество иезуитов действовало правильно. Поэтому было постановлено одобрить все гаагские постановления и выразить порицание испанским делегатам».

Дела хороши, даже в худшем случае мы сохраним за собой в Испании весьма внушительное меньшинство, которое отмежевывается от остальных и представляет собою большую ценность, чем весь

прежний неопределенный хлам; но весьма также возможно, что мы расстроим всю эту историю и выставим Альянс за дверь. Всем этим мы обязаны энергии одного лишь Меа, которому пришлось бороться *совершенно одному*. Мора — слаб и одно время колебался. Прочтите в «Емансипасіон» № 71 статью «Приемы Альянса» о том, как Испанский федеральный совет пытался посредством запугивания привлечь Мора на свою сторону.

3) *Лондонский федеральный совет*. Благодаря вялости лучшей части англичан Хейлзу и Моттерсхеду удалось совершенно захватить Федеральный совет. Большое количество делегатов от несуществующих секций обеспечило Хейлзу в настоящее время большинство, он совмещает в одном лице должности секретаря и казначея и делает, что ему захочется, как показывает сегодняшнее сообщение в «International Herald». Единственное, что мы можем сделать, — это сплачивать лучшие элементы до тех пор, пока эти мерзавцы не вцепятся друг другу в волосы, что произойдет достаточно скоро. Give them rope enough and they will hang themselves [Дайте им веревку достаточной длины, а повесятся они уж сами]. Ты будешь теперь регулярно получать «[International] H[erald]» для того, чтобы вы могли убедиться, как распоясался этот Хейлз, распоряжающийся на правах Генерального совета. При первом подходящем случае — нарушении устава или чего-либо в этом роде — а Хейлз, как друг и корреспондент юрцев, это достаточно скоро спровоцирует — наши отделятся и образуют собственную федерацию, объединившись, если будет возможно, с ирландцами. К сожалению, Мак-Доннель уезжает в Америку, однако в лице Де-Моргана мы имеем отличного преемника, который к тому же в качестве лектора разъезжает по всей Англии. Он вполне в курсе дела.

Для того, чтобы обеспечить здесь более широкое распространение ваших прокламаций, было бы хорошо, если бы Генеральный совет дал мне *официальные* полномочия на это в Англии. Федеральный совет душил здесь все, что может, а Райли из «[International] H[erald]», хотя и честный парень и вышел из Федерального совета из чувства отвращения, но слаб и до известной степени зависит от Федерального совета в отношении сбыта своей газеты. Поэтому, если я смогу показать ему такое постановление, то он будет иметь опору и сделает все.

Предоставляю вам решить, пришлете ли вы мне полномочия для Италии. В связи с происходящей там борьбой, в которой наши представляют незначительное меньшинство, весьма желательны срочные меры. Хотя я и поддерживаю частную переписку и пишу

также в «Plebe», но, не имея полномочий, не могу повлиять на секции, которые, подобно Туринской, пришли, повидимому, в полный упадок и не дают о себе ничего знать, как это, впрочем, слишком часто бывает в Италии.

Маркс поехал на несколько дней в Оксфорд к Лонге и его жене с тем, чтобы проработать с Л[онге] часть французского перевода «Капитала». Он, вероятно, не вернется раньше понедельника.

Вы должны, по-моему, во всяком случае прислать Серрайе полномочия для Франции. Такого рода переписку невозможно вести оттуда [из Америки], но вы должны его обязать посылать вам ежемесячные отчеты. Лучшего человека вы не найдете. Дюпон слишком ленив, если не подгонять его ежедневно, а мы часто не видим его недели по две.

Относительно юрцев мы считаем, что лучше всего просто заявить, что в силу постановлений их конгресса в Сент-Имье, нарушающих ряд пунктов устава и организационного регламента, они сами себя исключили из Интернационала, и просто поставить об этом в известность остальные федерации. Впрочем, дела их плохи. В Биле, где у них (см. «Scissions») уже не осталось ни одного сторонника, образовалась новая секция, которая, однако, примкнула к *Женева*, а их образцовая секция, Мутье (см. «Scissions»), *отвергла* постановления Сент-Имье. Как видишь, гаагские постановления уже всюду приносят плоды.

Что касается Германии, то было бы хорошо, — на случай борьбы с швейцарианцами, — чтобы Маркс располагал полномочиями.

Все это вещи, которые вам нужно обдумать.

Я по горло завален работой. Меза принялся за перевод «[Коммунистического] манифеста», мне пришлось поэтому прислать ему исправленный текст французского перевода, сделанного «Socialiste», причем мне очень пригодился доставленный тобой рукописный перевод, так как он гораздо лучше, хотя все еще слишком зависит от вудхулльского английского перевода. Пользуясь этим случаем, я вообще привожу в порядок французский перевод. Наряду с этим — статьи для «Volksstaat», «Emancipation» и «Plebe»; как только Лафарг, находящийся здесь, будет иметь квартиру, мы примемся за историю с Альянсом. У Люкена в Брюсселе есть еще много бумаг, он пишет теперь, что пришлет их *в конце следующей недели*, так как желает снять с них копии.

Что поделывает повеса Куно?

Твой Ф. Энгельс.

223.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург

[Лондон,] 25 ноября 1872 г.

Мой дорогой друг!

Пересланное мне письмо пришло во-время и сделало *свое дело*.

Если я не написал Вам ранее и если даже теперь посылаю Вам лишь эти несколько строк, то только потому, что хотел бы получить от Вас, если это возможно, другой, *строго коммерческий адрес*, по которому я мог бы писать Вам.

Выдача Н[ечаева] и интриги его учителя Б[акунина] заставляют меня сильно беспокоиться за Вас и за нескольких других друзей. Ведь эти люди способны на всякую гадость.

Я не могу в достаточной мере выразить мою благодарность за то внимание к моим произведениям и моей работе, которые проявляете Вы и прочие мои русские друзья.

Искренно Ваш

А. Вильямс.

Пожалуйста, ответьте на эти строки возможно скорее.

224.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 7 декабря¹ [18]72 г.

Дорогой Зорге!

Посылаю тебе сегодня № 76 «Emancipacion», № 36 «Inter[national] Herald» и бланкистскую брошюру; последнюю здесь нельзя нигде достать, — я получил ее только сегодня утром окольным путем. Серрайе послал ответ в брюссельскую «Liberté» и женеvскую «Egalité», но даже ослы из «Egalité» заявили, что ответ носит чересчур личный характер, и не печатают его!

3 декабря я послал тебе «Emanc[ipation]» №№ 74—75, «Plebe» № 117 и «Intern[ational] Herald» №№ 33—35.

Мак-Доннель в среду отплыл в Нью-Йорк, я послал с ним несколько строк для тебя. Если ваши фении питают еще к нему некоторое недоверие, то ты сделаешь доброе дело, рассеяв это недоверие, он нам здесь помогал очень хорошо и совершенно бескорыстно.

1) *Голландия*. Ван-дер-Гут прибыл третьего дня сюда; голланд-

¹ В оригинале ошибочно: «7 сентября».

ские буржуа не желают давать ему больше работы, поэтому он хочет поискать ее здесь. Он рассказывает, что юрцы пригласили Голландскую федерацию на новый сепаратистский конгресс. После этого был созван голландский конгресс, на котором было постановлено: 1) поддерживать Генеральный совет, 2) послать делегата на сепаратистский конгресс, но лишь для информации, а не для участия в голосовании, 3) не признавать иного конгресса, кроме законного, созываемого в сентябре 1873 г., и заявлять о своих могущих возникнуть жалобах и пр. только последнему. Это, таким образом, равносильно отделению голландцев от сепаратистского союза.

2) *Испания*. Из номеров «Emançipación» ты верно уже знаешь, что там все идет хорошо. Помимо известных тебе [секций] против Федерального совета высказались еще Лерида, новая Кадикская федерация, значительная часть валенсианцев и Понт-де-Вилумард. После того как Испанский федеральный совет прямо нарушил как общий, так и специальный испанский устав, созвав конгресс в Кордове на 25 декабря¹ с порядком дня «Выбор между постановлениями Гааги и Сент-Имье», — Новая мадридская федерация заявила, что он [Совет] утратил свои полномочия, и призывает к выборам нового временного Федерального совета. Этот решительный шаг вскоре внесет ясность в положение. Однако часть наших сторонников в Испании — именно каталонские фабричные рабочие — считает, что нужно добиться победы на Кордовском конгрессе, и они, следовательно, пока не примкнут. Альянсисты очень торопятся, чтобы получить на Кордовском конгрессе большинство; это им, по всей вероятности, удастся, тогда каталонцы перейдут к нам и формально.

3) *Франция*. Несмотря на интриги юрцев и бланкистов, дела на юге хороши; на этих днях соберется конгресс, который одобрит гаагские постановления и выпустит, вероятно, обращение к Генеральному совету. Но французы требуют, чтобы *здесь* был кто-нибудь, кто был бы снабжен полномочиями и мог бы также выдавать временные полномочия для Франции. Предстоит собрать много денег, что сможет сделать лишь уполномоченный на месте. Ларрок, наш лучший сторонник в Бордо, требует теперь таких полномочий по сбору денег от меня и Серр[айе], и в силу переданных мне полномочий по сбору денег я считаю себя в праве сделать это *впредь до утверждения или отмены со стороны Генерального совета*. Так как крайне важно, чтобы на упомянутом конгрессе присутствовал кто-нибудь, кто был бы снабжен *хоть какими-нибудь* полномочиями от Генерального совета, я

¹ В оригинале ошибочно: «25 сентября».

беру на себя смелость снабдить его таковыми; если же вы этого не одобряете, то прошу немедленно меня об этом известить, чтобы я мог тотчас же взять их обратно. Юрцы имеют опору в одном лишь Лионе, да и то благодаря расхлябанности женецев, в других местах у них только отдельные лица. Ты, вероятно, уже знаешь, что «Bull[etin] Jurass[ien]» вступилась за полицейского Буске и объявила его честным человеком.

4) *Англия*. Оппозиция против Хейлза усиливается. Меррей, Мильнер, Дюпон вступили в Федеральный совет, за ними последуют другие. Райли заявил, что он больше не согласен представлять «Int[ernational] Herald» Федеральному совету в качестве его официального органа, и, как увидишь, соответствующая часть его заголовка исчезла. Но, конечно, пройдет еще некоторое время, прежде чем все эти махинации потерпят полный крах. В ближайшем номере «I[n]ternational] Herald» появятся гаагские постановления, а также *наши* сообщения о положении дела в Интернационале.

У нас все еще нет всех протоколов. Некоторые из них еще у Хейлза. Было бы поэтому хорошо, чтобы вы прислали Марксу полномочие взять к себе *все* бумаги, принадлежащие Интернационалу или старому Генеральному совету, и, в частности, *протоколы*.

Абсолютно необходимо дать Серрайе полномочия по Франции, если вы не хотите, чтобы все опять развалилось; Серр[айе] усердно продолжает переписку, мы изыскиваем на это средства, но до тех пор, пока он не будет иметь полномочий, он лишь *частное лицо*; а эти французы, при всей своей автономии, хотят, чтобы ими руководил уполномоченный Генерального совета. Кроме Серр[айе] у нас никого другого нет; Дюпон слишком ненадежен для такой обширной переписки и слишком занят своим патентом.

Привет от Маркса с семьей и от моей жены. Здесь находится как Лонге, так и Лафарг, и, таким образом, папаша Маркс в кругу всей своей семьи.

Кланяйся Куно, почему этот повеса не пишет? Твой Ф. Э.

225.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

[Лондон,] 12 декабря 1872 г.

Дорогой друг!

Из прилагаемого Вы ознакомитесь с результатами Гаагского конгресса. В заседании следственной комиссии по делу Альянса я прочел письмо к Л[юбавину] под условием строжайшей тайны и не

называя имени адресата. Однако тайна не была соблюдена, во-первых, потому, что в состав комиссии входил бельгийский адвокат Сплингард, который был в действительности просто агентом альянсистов, а во-вторых, потому, что *Жуковский*, *Гильом* и К^о (в предвидении грядущего и ради его предотвращения) заранее рассказывали направо и налево обо всем этом деле, конечно, *по-своему* и в апологетическом освещении. Вследствие этого комиссия в своем докладе конгрессу была вынуждена сообщить относящиеся к Бакунину *факты*, содержащиеся в письме к Л[юбавину] (причем я, понятно, не назвал его имени; но друзья Б[акунина] знали об этом еще из Женевы). Спрашивается теперь: имеет ли право комиссия, выделенная конгрессом для опубликования протоколов (в состав которой я сам вхожу), сделать *публичное употребление из этого письма или же нет?* Решение этого вопроса зависит, конечно, от Л[юбавина]. Однако считаю нужным заметить, что со времени конгресса факты эти без всякого нашего содействия давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этим делом оборот для меня тем неприятнее, что я рассчитывал на безусловную скромность и требовал ее самым настойчивым и торжественным образом.

Вследствие исключения Б[акунина], а также Гильома Альянс, державший в своих руках наши секции в Италии и Испании, немедленно открыл повсюду против нас кампанию клеветы и т. п. и в соединении со всякими испорченными элементами стремится вызвать раскол на два лагеря. Однако ожидающее его окончательное поражение несомненно, и он только поможет нам *очистить* Интернационал от неопрятных и слабоголовых элементов, которые кое-где затесались в ряды Товарищества.

Покушение друзей Б[акунина] на жизнь бедного Утина, совершенное в Цюрихе, есть несомненный факт, и состояние здоровья Утина в настоящее время внушает очень серьезные опасения. Об этом разбойничьем деле уже писалось в нескольких газетах Товарищества (между прочим — в мадридской «*Emancipación*»), и о нем будет подробно сообщено в нашем публичном отчете о Гаагском конгрессе. Та же разбойничья шайка произвела еще два подобных же нападения на своих противников в Испании. Вскоре она будет пригвождена к позорному столбу перед всем миром.

Судьба нашего милого «общего друга» глубоко волнует всю мою семью¹. У меня есть план — помочь ему путем дипломатического вмешательства из Константинополя. Может быть, это и удастся.

¹ В письме Марксу от 3 декабря 1872 г. Даниэльсон сообщил об аресте Лопатина в Томске.

Присланная Вами рукопись ¹ все еще находится у меня, так как Утин не в состоянии заняться ее печатанием, а Эллидин принадлежит к той же шайке негодяев. Рукопись очень интересна.

С нетерпением ожидаю обещанной критики (рукописной), а также всякого печатного материала, которым вы обладаете по этому вопросу. Дело в том, что один из моих друзей хочет написать статейку о приеме, оказанном моей книге в России.

Печатание французского перевода приостановилось вследствие одной несчастной случайности, но через несколько дней оно начнется снова. Готовится также итальянский перевод.

В заключение еще одна просьба. Мой зять, французский эмигрант, доктор медицины Лафарг, желал бы, если это возможно, посылать в какой-либо *русский журнал* и т. п. сообщения или по естественным наукам, или же об общественно-политических событиях в Италии и Испании (а также и во Франции). Но его материальное положение не позволяет ему делать это даром, и, кроме того, он может доставлять свои статьи лишь на французском языке.

Мне очень хотелось бы увидеть книгу киевского профессора Зибера об учении Рикардо и других о стоимости и капитале, в которой говорится также и о моей книге.

Дружески преданный Вам

А. Вильямс.

Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно русской ее формой.

Еще одно. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему на Западе. Но для этого мне нужны фактические данные.

226.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 14 декабря [18]72 г.

Дорогой Зорге!

Подтверждаю получение твоего письма от 7 с. м. и посылаю сегодня один номер «Emanсipacion» со статьей о Бакуине, в которой есть кое-что новое и для вас, и «I[nternational] H[erald]» с постановлениями конгресса. Осел Райли не поместил результатов голосования.

¹ «Письма без адреса» Чернышевского.

В Лоди конфискован № 118 «Plebe», в котором было напечатано ваше Обращение; Биньями, ее редактор, арестован. Повидимому, там повторится Лейпцигский процесс о государственной измене. Мы, разумеется, тотчас же используем эту историю — она немедленно появится в «Volksstaat» и «Emanсipacion» как доказательство, кого правительства считают опасным — Генеральный совет и его сторонников или же альянсистов? В Италии ничего лучшего для нас не могло приключиться.

Вам следовало бы помещать в «Oest[liche] Post» и в американской печати краткие сообщения о заседаниях Генерального совета и посылать эти номера в «Volksstaat», «Egalité» и «I[nternational] Herald», а также один-два экземпляра сюда, для того чтобы мы могли их перерабатывать для Испании и Италии и для французских секций; датчане и голландцы тоже напечатали бы их.

Полномочия Серрайе становятся с каждым днем все необходимым. Как юрцы, так и бланкисты интригуют во Франции повсюду и *не без успеха*, а Серр[айе] из ряда мест ответов больше уже не получает; ведь писать он может только как частное лицо. Если вы, считаясь с Дерером, который после выхода бланкистов стал для нас более чем подозрителен, или из-за каких-либо иных соображений будете это дело все откладывать, то большая часть Франции будет для нас потеряна, и на следующем конгрессе острие повернется в обратную сторону.

Спешу.

Твой Ф. Энгельс.

227.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

[Лондон,] 21 декабря [18]72 г.

Дорогой Зорге!

Наспех всего лишь несколько строк.

Мнимое большинство Британского федерального совета (состоящее по большей части из поддельных секций, в несколько человек каждая, образованных прохвостом Хейлзом для того, чтобы можно было послать делегацию) откололось от меньшинства (которое одно только представляет крупные английские секции в Лондоне, Манчестере, Биркенхеде и т. д.). Эти субъекты тайком сфабриковали циркулярное письмо к федерации (оно будет вам послано) (датировано 10-м числом настоящего месяца), в котором предлагают секциям созвать конгресс в Лондоне, чтобы действовать сообща с юрцами, —

Хейлз поддерживает с ними постоянные сношения со времени Гаагского конгресса.

Наши сторонники, представляющие теперь единственно законный Федеральный совет, немедленно разослали печатные почтовые карточки всем секциям, предлагая им не принимать никаких решений, пока они не получают контр-манифеста, для обсуждения которого (выработка основных положений) они вчера собирались у меня. Вы получите его немедленно. Он будет напечатан в начале будущей недели. Они примут также и формальную резолюцию о признании Гаагского конгресса и Генерального совета.

В то же время Энгельс, по требованию одной из манчестерских секций, составил ответ на циркуляр этих мошенников (среди них находится и тщеславный дурак Юнг, *который* никак не может примириться с удалением Генерального совета из Лондона и уже давно стал орудием Хейлза); на сегодняшнем заседании секций этот ответ будет им вручен, и они немедленно отдадут его печатать.

По-моему, вам следует пока, по возможности, занимать наблюдательную позицию и предоставить борьбу секциям на местах. Было бы, конечно, очень хорошо время от времени посылать такие циркуляры, как циркуляр, адресованный Испании, который я видел в «*Emancipation*».

Между прочим. По моему совету, владелец «*International Herald*» Райли (член Федерального совета) сделал эту газету независимой. По всей вероятности, мы заключим договор, на основании которого *мы* будем издавать при газете собственное еженедельное международное обозрение. Я посылаю тебе сегодня один номер, в котором Энгельс и я открываем полемику с Хейлзом и компанией.

Что касается Польши, то ваше письмо *туда* посылать нельзя. Старый Генеральный совет мог добиться присоединения Польши *только* при том условии (неизбежном при положении, в котором находится страна), что он будет иметь дело *лишь* с Врублевским, который будет сообщать то, что он считает нужным или удобным.

В данном случае у вас нет выбора. Вы должны дать Врублевскому такие же неограниченные полномочия, какие предоставили ему мы, или отказаться от Польши.

Благодаря французскому переводу, из-за которого мне приходится работать больше, чем если бы я делал перевод сам, без переводчика, я так завален работой, что мне до сих пор все не удавалось написать тебе, как я это давно уже хотел.

Куно обещал сообщить подробности о заседании Гаагской след-

ственной комиссии. Скажи ему, что если он не сделает этого *сейчас же*, мы не сможем больше ждать его и что в этом деле замешана его личная честь.

Сердечный привет от всей моей семьи.

Твой *Карл Маркс*.

228.

Энгельс — Адольфу Гепнеру

в Лейпциг.

Лондон, 30 декабря 1872 г.

...¹ и прямо опровергает Зибеля, причем способ этого опровержения предполагает, что вопрос самостоятельно и вполне правильно продуман. Маркс и я были очень обрадованы этой статьей, несмотря на то, что местами встречаются мелкие неточности. Что представляет собою Шрамм в других отношениях, я, конечно, знать не мог, но во всяком случае он достаточно хорошо разбирается в экономических вопросах ².

4) Зато из двух статей о новом подъеме движения за реформу первая хороша, вторая же прямо противоречит фактам. Множество жалких «конгрессов», которые в этой статье приняты всерьез только потому, что их принимает всерьез «Beehive», продавшаяся буржуазии, не имеют другого смысла, кроме подготовки к предстоящим парламентским выборам. Все перечисленные в статье общества борьбы за реформу лишены какого бы то ни было значения и даже состоят по большей части из *одних и тех же лиц*. Да из каких вдобавок?! За немногими исключениями, как раз из тех рабочих лидеров, которых Маркс заклеил в Гааге как продажных! Судить о здешнем движении отсюда [из Германии], руководствуясь «Beehive» и «Reynold's [Newspaper]», невозможно. Из-за того, что несколько тред-юнионистов участвуют в подобных конгрессах, тред-юнионы и не подумают сделаться политическими организациями, чего они (по крайней мере, их большинство и наиболее крупные из них) даже и не *могут* сделать, не опрокинув полностью своих уставов.

...³ В действительности с движением здесь обстоит отвратительно, — хуже, чем когда бы то ни было, как этого и следовало ожидать вследствие промышленного подъема.

¹ Начало письма в оригинале отсутствует.

² Имеется в виду статья Шрамма «Der Tauschwerth» [«Меновая стоимость»], опубликованная в № 82 «Volksstaat» от 12 октября 1872 г.

³ Пропуск в оригинале.

Когда мы посылаем брошюры в Испанию, Италию и т. п., нам обычно *без требования с нашей стороны* присылают известное количество экземпляров и предлагают прислать еще, что в сущности и в порядке вещей. Единственное издательство, составляющее исключение, это «*Volksstaat*». Мою «Крестьянскую войну» мне пришлось *купить самому*. Мой «Жилищный вопрос» ежедневно анонсируется в «*Volksstaat*», а между тем для ответа Мюльбергеру у меня здесь нет *ни одного* полного экземпляра, потому что номер «*Volksstaat*» с окончанием затерял Франкель, а в присланном мне отдельном оттиске нехватает последней страницы! Если бы Маркс не нашел в конце концов свой экземпляр этого номера, я бы вовсе не мог ответить. Я готов объяснить многое небрежностью, например то, что мне прислали счет на экземпляры «[Коммунистического] манифеста», но это, наконец, переходит всякие границы, и если такое поистине наглое обращение с нами не прекратится немедленно, то пусть «*Volksstaat*» не удивляется, если мы с Марксом в один прекрасный день забастуем. Мы не можем допустить, чтобы каждый раз при печатании наших вещей, *предоставляемых нами даром*, нам приходилось выклянчивать бесплатные экземпляры или покупать в книжном магазине наши собственные работы. Из других стран мы получаем даже *все* брошюры и т. д. тотчас же, потому что там известно, что мы сделаем больше для их распространения и широкого ознакомления с ними...¹ прямо не потребуется.

[Ф. Э.]

---

¹ Неразборчивое место в рукописи.

1875 год.

229.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 января [18]73 г. ¹

Дорогой Зорге!

1) Получил твои письма от 3 и 6 декабря. Не понимаю, почему до тебя не доходят газеты и пр. Я писал тебе 7 и 14 декабря по поводу арестов в Лоди и послал: 14 декабря «Emanc[ipation]» и «Int[ernational] Herald», 22 декабря «Emanc[ipation]» и «I[nternational] Herald», 23-го «Emanc[ipation]» и «Egalité» (Клюзере против бланкистов, — хорошо, только плохо, что подписано *его* фамилией) и 24-го три экземпляра циркуляра Манчестерской иностранной секции. Сегодня посланы «Emanc[ipation]», один экземпляр того же самого циркуляра и циркуляр меньшинства Британского федерального совета.

2) Итак, *большинство* Британского федерального совета откололось под руководством Хейлза, Моттерсхеда, Роча и Юнга. Оно выпустило циркуляр, выступило против Гаагского конгресса и т. п. У нас пока лишь один экземпляр; как только достанем второй, вы его получите. Затем не Британский федеральный совет, а этот подпольный митинг большинства созвал английский конгресс на 5 января. Но здесь, среди английских рабочих, не так-то просто устраивать государственные перевороты. Меньшинство осталось в прежнем помещении, 7, Red Lion Court, созвало собрание, объявило себя Британским федеральным советом и уведомило все секции, чтобы они обождали с принятием решения, не заслушав меньшинства. Вскоре после этого, уже 23 декабря, был разослан составленный мною циркуляр Манчестерской иностранной секции, а 31 декабря — циркуляр меньшинства **Федерального совета**. За это время здесь уже высказалась против большинства Вест-эндская секция, за ней последовал Ноттингэм — еще до получения циркуляра меньшинства, затем секция Миддлсборо *немедленно сместила Юнга*

¹ В оригинале ошибочно: «72».

и потребовала, чтобы меньшинство предложило нового делегата, то же самое сделал и Манчестерский окружной совет. Все высказались за гаагские постановления, и, по частным сведениям Райли, мы можем рассчитывать на *все* провинциальные секции, за исключением Ливерпуля. Тем самым с государственным переворотом как будто покончено. Я особенно рад быстрой расправе с г. Юнгом. Это случилось с ним вследствие того, что он, идя на помочах у Хейлза, позволил превратить себя в орудие своего смертельного врага Гильома. Теперь он — конченный человек.

2)¹ *Бельгия*. Бельгийский конгресс издевается над Генеральным советом. Он заявил, что не желает иметь с вами ничего общего и что гаагские постановления недействительны. Постараюсь сообщить тебе во вторник более подробные сведения, у меня здесь нет газеты.

3) Испанский конгресс вынесет такое же постановление, так как наши никого туда не послали. К сожалению, многие из наших, как пишет мне Меза, участвуют в восстании, сидят в тюрьме или находятся с бандами в горах, что как раз сейчас весьма некстати.

4) Таким образом у вас сейчас: 1) юрцы, 2) бельгийцы, 3) *старая* испанская федерация и 4) здешние секции теперешнего меньшинства, которые подняли бунт. Мы здесь единодушно держимся того мнения, что для временного исключения (Suspension) повода нет; Генеральному совету просто следует констатировать, что такие-то федерации и секции, объявляющие недействительными существующие законы Товарищества, ставят себя этим *сами* вне Интернационала и *более уже не входят в его состав*. Тогда не может быть речи и о конференции, которая все-таки была бы возможна в случае такого временного исключения.

Само собой разумеется, что предпринять такие шаги вы можете лишь после того, как получите официальные документы. Мы их вам доставим.

5) *В Португалии* все в порядке. Лафарг вчера получил письмо, в котором сообщается, что мне следует ожидать более подробного письма.

6) Из *Дании* все еще ни строчки. Я подозреваю, что швейцарцы завели там через своих шлезвигских сторонников склоку, но Альянсу там рассчитывать не на что.

7) *Франция*. Ты, вероятно, уже получил доклад Серрайе. На юге большие аресты, 37 человек, из них 27 выпущены, несколько же наших еще сидят. Впрочем, в Тулузе как раз во время арестов состоялась конференция наших.

¹ Так в оригинале.

8) *Италия*. Семейства трех арестованных и шести бежавших в Лоди испытывают крайнюю нужду, и Биньями бомбардирует меня письмами, прося о помощи, так как эта секция находится в опале у прочих итальянских секций (Альянса). Мы послали немного денег и обратились кое к кому в Испании и Германии. Но там много не достанешь, у них и так не мало подобных расходов. В Америке же надо что-то сделать. *Крайне важно*, чтобы Лоди была оказана поддержка извне, это наша сильнейшая позиция в Италии, а теперь, после того как Турин ничего не дает о себе знать, — единственно надежная. Как только там почувствуют, что Интернационал есть нечто большее, чем фраза, это будет сильным ударом по Альянсу, который тратит все деньги на издания и пр. и никогда не оказывает поддержки. Лоди гораздо важнее, и там можно с меньшими деньгами сделать больше, чем для стачки женевских ювелиров, от которой Утин снова по своему обыкновению ставит в зависимость существование там Интернационала. Женевцы в этом отношении похожи на бельгийцев, они никогда ничего не делают и всегда всего требуют. То, что мы здесь, а вы там, — *сможем* сделать для ювелиров, будет каплей в море и все равно им не поможет — времена великой женевской стачки ¹ прошли и не вернуться; пока не будут упорядочены внутренние дела Интернационала, до тех пор у нас не будет средств для проведения *какой бы то ни было* стачки. Зато с вдвое или еще того меньшими усилиями можно добиться огромного успеха в Италии. Представь себе ярость альянсистов, если внезапно в «Рлебе» будет напечатано: «Подписка в пользу семейств и т. д. и т. д. Получено от Генерального совета Интернационала в Нью-Йорке столько-то лир», — и Генеральный совет внезапно обнаружит перед итальянцами свое существование в такой форме! Поэтому сделайте все, что возможно. Этих людей засадили из-за *вашего* циркуляра, и поэтому вы их должники. Ведь можно же раздобыть каких-нибудь 30—50 долларов, но сколько бы там ни было, *пришлите хоть что-нибудь* и *поскорее*, да пообещайте при этом прислать еще. Если мы утратим Лоди и «Рлебе», то вместе с этим мы потеряем последнюю почву под ногами в Италии — будьте в этом уверены.

9) Большой частью мы получаем здесь только по одному экземпляру всех газет и т. п. Интернационала и Альянса, да и то с трудом. Тем не менее постараемся высылать их вам регулярно.

10) Ваши прокламации пришли весьма кстати, но, переписыв-

¹ Энгельс имеет в виду стачку строительных рабочих в Женеве весной 1868 г., закончившуюся победоносно благодаря помощи Интернационала.

ваясь с такими людьми, как юрцы и бельгийцы, *по-французски*, а с Хейлзом *по-английски*, вы рискуете тем, что они напечатают ваши вещи со всеми лингвистическими ошибками и германизмами, что, конечно, было бы неприятно. У вас ведь есть, наверно, люди, для которых французский и английский языки являются родными и которые в состоянии просмотреть эти вещи. Наши французы подняли бы здесь страшный скандал, если бы мы поставили их фамилии под французским текстом Маркса или моим. Никто из нас не владеет иностранным языком в такой степени, чтобы писать на нем для печати без просмотра каким-либо местным уроженцем. Кстати, Меза пишет, будто в Обращении к испанскому конгрессу вы до известной степени признали за ним право быть судьей гаагских постановлений и тем самым сдали свои позиции, — но так как я не ознакомился с документом (он появится только в следующем номере «Etap- [piration]»), то не знаю, так ли это.

11) Серрайе также не знает Аррэна, которому вы прислали мандат; если его рекомендовал Вальтер, тогда дело *плохо*. Вальтер — бланкистский агент, интригует в Тулузе, Бордо и т. д. Впрочем, бланкисты жалко провалились со своим манифестом. Один за другим они стараются здесь выпутаться, кроме того Ранвье дезавуировал всю эту штуку.

12) В Португалии существует право коалиций (профессиональных союзов), но не ассоциаций. Поэтому Интернационал там официально не существует, но так как все налажено, то уполномоченный покамест не нужен, он вызвал бы только ревность и свары. — Датчан тоже лучше оставить в покое, пока мы не выясним, что именно там неладно.

13) Куно досталось поделом. Практическая жизнь в Америке научит его, как следует себя вести.

Сердечный привет от Маркса и от меня.

Твой Ф. Э.

Судя по сообщению о последнем заседании на Спринг-стрите ¹ в «World», — полученном от тебя на этой неделе, — не подлежит никакому сомнению, что там имеются *провокаторы*.

---

¹ Помещение нью-йоркского федерального «контр-совета», отвергавшего руководство Генерального совета.

230.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

[Лондон,] 18 января [18]73 г.

Дорогой друг!

Вместе с Вашим письмом я получил Зибера, Головачева и пять томов Скребницкого. Право, мне, наконец, совестно, что Вы входите для меня в такие большие издержки. Сердечно Вам благодарен!

Оперы тоже были получены своевременно и доставили моей дочери большое удовольствие ¹. Но она думала, что они были посланы ей одной знакомой русской дамой, а теперь просит меня передать ее сердечную благодарность неизвестному отправителю. «Знание» еще раньше само обращалось ко мне с предложением сотрудничества, но у меня нет времени для подобных работ. Что касается Лафарга, то он пошлет Вам свою пробную статью.

Что касается Ч[ернышевского], то это Ваше дело решить: должен ли я говорить только об его научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности? Во втором томе моего сочинения он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна.

Относительно «нашего общего друга» ² Вы можете быть уверены, что если я предприму какие-либо шаги, — пока я все еще ожидаю некоторых сведений по этому вопросу из Константинополя, — я, конечно, не сделаю ничего такого, что могло бы скомпрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается Л[юбавина], то я предпочту скорее выбросить из готовящегося к печати следствия всю относящуюся к нему часть, чем подвергнуть его малейшей опасности. С другой стороны, смелость, быть может, наилучшая политика. К тому же, судя по одному произведению, выпущенному Б[акуниным] в Швейцарии не от собственного лица, а от имени одного из его славянских друзей, они намереваются представить *свой собственный отчет* о всей этой истории, как только *обстоятельства* позволят им сделать это. Нескромность, допущенная их сообщниками в Гааге, была умышленной и, как я предполагаю, являлась своего рода запугиванием.

С другой стороны, я не могу судить о том, к каким последствиям

¹ Речь идет об операх Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», присланных Даниэльсоном, по просьбе Лопатина, старшей дочери Маркса — Женни.

² Г. А. Лопатин.

может повести опубликование этого дела, а потому я желал бы, чтобы наш друг сообщил мне через Вас свое окончательное решение, после того как он еще раз спокойно *пораздумает* над этим вопросом.

Второй выпуск французского перевода появится только через несколько дней. Задержки в выходе вызываются всякого рода случайностями, которые при существующем в настоящее время в Париже осадном положении затрудняют всякое дело. Пересмотр самого перевода требует от меня колоссального количества работы. Мне стоило бы, вероятно, гораздо меньше труда, если бы я с самого начала сделал всю работу сам. И притом благодаря всем этим заплатам все это носит характер незавидного литературного кропанья.

В последних номерах парижского «Economist» за прошлый год имеется критика Блока на мою книгу; она служит новым доказательством полного падения теоретической мысли у научных представителей буржуазии.

С наилучшими пожеланиями на Новый год дружески преданный Вам

А. Вильямс.

231.

Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества
рабочих
в Нью-Йорк.

Л[ондон] 8 февраля [18]73 г.¹

Заметки для Генерального совета.

1) Надеюсь, что «International Herald» и «Emancipacion», которые регулярно высылались, получены.

2) Шайка Хейлза 26 января действительно собрала свой конгресс, целых 10 человек. Они не смеют даже сказать, за представителей каких секций они себя выдают. Жалкое фиаско. Конечно, постановлено не признавать ни гаагских резолюций, ни Генерального совета. Отчет — первая половина — в «Eastern Post» от 1 февраля, а в сегодняшнем [номере] продолжения нет! Федеральный совет вышлет вам эти материалы официально. Эти господа лишились почти всех своих приверженцев, за исключением личных прихвостней Хейлза в лондонском Ист-Энде. Один из подписавших первый хейлзовский циркуляр, Беннет, вернулся к нашим товарищам со строгим приказом своей секции (Галифакс) держаться нашей сто-

¹ В оригинале ошибочно «72».

роны и законного Товарищества. Его приняли вновь только после слезного покаяния (nach starken eating humble pie) (см. сегодняшней «[International] H[erald]»).

3) В *Лоди* «Plebe» держится хорошо, хотя открыто с другими не порывает; впрочем, пока она и не могла бы этого сделать. Но те сами обостряют положение. Они созывают на 15 марта итальянский конгресс, но хотят допустить только те секции, которые признали резолюции [конференции в] Римини или признают их к определенному сроку! Это называется автономией и свободной федерацией! Устав Интернационала можно попирать ногами, но постановления [конференции в] Римини священны и неприкосновенны.

4) Мы очень сожалеем, что вместо того, чтобы просто констатировать факт *выхода* юрцев (из Товарищества) ввиду того, что они не признают решений Гаагского конгресса и создают свой особый союз. Генеральный совет лишь временно исключил их. Во-первых, всегда возможно, что конференция будет отложена. Во-вторых, вопрос этот станет совсем в другой форме на конгрессе: их делегаты должны быть временно, пока не будет голосования о правомочности их мандатов, допущены туда. В-третьих, Генеральному совету придется так же поступить и по отношению к бельгийцам и испанцам, равно как и по отношению к шайке Хейлза, а эти следующие одно за другим исключения произведут гораздо худшее впечатление, чем если бы Генеральный совет, подождав еще несколько недель, пока он не узнает результатов бельгийского и испанского конгрессов, потом объявил бы об этом в одной единственной прокламации, в которой показал бы ясно наряду с формальными основаниями, что нельзя одновременно быть в Интернационале и вне его, нельзя говорить о своей принадлежности к нему и в то же время объявлять его законы недействительными; таким образом он просто-напросто констатировал бы, что такие-то и такие-то [секции] сами поставили себя вне Интернационала.

5) Надеюсь, что соответствующая резолюция послана вами в Сонвилье и Женеву, так как я не получил никакой инструкции на этот счет. Что касается Сер[раи], то в данный момент, когда аресты следуют один за другим и вся переписка с Францией прервана, он туда посылать ничего не может.

6) Ваш уполномоченный *Ларрок* сам достал себе здесь полномочия — как эмигрант. Отсюда он отправился в Сен-Себастьян, где опять наладит дело.

7) В *Португалии* все идет хорошо, как видно из посланной

сегодня «Emanс[ірасіон]». Нами получены оттуда и частные письма; товарищи ведут огромную работу в профессиональных союзах.

8) В Лоди остался еще только Биньями. Гамбургский комитет партии послал им 20 талеров и Обервиндер из Вены 50 гульденов, что произвело соответствующий эффект.

9) Маневр Куно выдать себя за Капестро уже разоблачен в брюссельской «Internationale».

10) Если Генеральный совет еще не получает газет отколовшихся секций, то надо будет выписать их на какое-нибудь неизвестное имя. Мы добываем себе здесь с величайшим трудом и окольными путями по *одному* экземпляру каждой газеты — и то не всегда: у нас до сих пор нет трех последних номеров «Bulletin Jurassien», так что мы при всем желании не можем их достать. Это, впрочем, относится лишь к «L'Internationale» (Брюссель), «Le Bulletin de la federation Jurassien» (Сонвилье) и «La Federacion» (Барселона).

11) Я говорил относительно марок с Ле-Муссю, который, как и в прошлом году, взял это на себя. Но все-таки странно, что этого нельзя было сделать в Нью-Йорке.

12) Что случилось с Мак-Доннелем? Он должен уже давно быть там. О нем ни слуху, ни духу.

Почта закрывается.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс.

232.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 11 февраля 1873 г.

Дорогой Беккер!

Второй выпуск французского перевода только что вышел в свет. Ты получишь его еще до прибытия этих строк, если только его не стащили.

Посланные тебе, а также и другим немецкие выпуски, очевидно, украдены. Через несколько недель появится весь первый том, я пошлю его тогда через книжный магазин, а ты уведоми меня, пожалуйста, о получении.

Для Костецкого я решительно ничего не могу сделать.

1) Я сам в весьма стесненном положении, влез в значительные долги из-за господ французских эмигрантов, которые за это, как и следовало ожидать, меня же ругают. 2) Г-на К[остецкого] выслали

вовсе не из-за меня, а как раз наоборот. Он не мог оставаться жить в Лондоне и заявил мне, что отправляется в Галицию, просил помощи у Интернационала; я сказал ему, что касса Интернационала пуста, но добавил, что ему, быть может, можно будет помочь, если он доберется до Женевы. 3) Все это случилось задолго до Гаагского конгресса. К[остецкий] простился со мной, но еще долгое время после этого я встречался с ним на улицах Лондона, а затем больше уже ничего о нем не слышал. С тех пор все изменилось. Наши сношения с Галицией, куда с течением времени переселилось отсюда много поляков, оживленны и в порядке, так же, как и с другими частями Польши. Следовательно, в новом эмиссаре нужды нет. К тому же В[рублевский] не высокого мнения о К[остецком], которого наши поляки вообще мало ценят.

На-днях напишу тебе кое-что о внутренних делах Интернационала.

Твой К. М.

233.

Маркс — Фридриху Больте
в Нью-Йорк ¹.

Лондон, 12 февраля 1873 г.

Дорогой друг!

До сих пор вышло восемь выпусков немецкого издания «Капитала». Через две-три недели выйдет конец, и тогда пошлю Вам и остальным нью-йоркским друзьям все сразу (начиная с 5-го выпуска). Что касается английского издания, то оно, после того как книга выйдет французским изданием, вполне обеспечено. Но я о нем думаю с некоторым беспокойством. Исправление французского перевода требует от меня больше работы, чем если бы я сделал весь перевод сам. Поэтому, если я не найду вполне компетентного английского переводчика, то мне придется взять это на себя, а между тем французское издание уже помешало мне произвести окончательную обработку второго тома и будет еще мешать до тех пор, пока оно не будет совсем закончено.

Энгельс и я, насколько нам позволит время, будем сотрудничать как в немецком, так и в федеральном органе.

Сецессионисты в Англии — Моттерсхед, Гюбер, Роч, Алонзо, Юнг, Эккариус и К^о — в последние недели вновь разыграли на так называемом конгрессе английской федерации комедию, инсцени-

¹ Перевод с текста, опубликованного в книге «Briefe und Auszüge aus Briefen... an F. A. Sorge», Stuttgart, 1921, S. 92—95.

рованную Лондонским объединенным федеральным советом. Эти господа представляли лишь самих себя; двое из них — Юнг и Пейп — были уже лишены полномочий своими секциями в Миддлсборо и Ноттингэме, следовательно даже номинально они никого не представляли. Все «подпольные» секции, сфабрикованные этими господами, вместе взятые, не насчитывают, без сомнения, и 50 душ. Конгресс прошел незаметно, если не считать небольшой заметки, которую Эккариус в качестве наймита «Times» протащил контрабандой в эту газету, но конгресс будет использован сецессионистами на континенте. Речь Юнга на конгрессе в смысле глупости и гнусности превосходит все. Это бабьи сплетни, смесь лжи, извращений и тупоумия! Этот тщеславный малый страдает, повидимому, размягчением мозга. Ничего не поделаешь, надо к этому привыкать; в движении люди изнашиваются, и как только они чувствуют, что стоят вне его, они опускаются и стараются внушить себе, будто другие виноваты в том, что они стали подлецами.

По-моему, нью-йоркский Генеральный совет совершил крупную ошибку, исключив временно юрскую федерацию. Эти люди уже *вышли* из *Интернационала*, заявив, что для них его конгресс и устав совершенно не существуют; они создали центр заговора для организации *контр-Интернационала*; вслед за конгрессом в Сент-Имье у них состоялись подобные же конгрессы в Кордове, Брюсселе, Лондоне, и, наконец, предстоит конгресс альянсистов Италии.

Всякий человек и всякая группа имеют право *выйти из Интернационала*, и если это происходит, то Генеральному совету следует просто *констатировать* официальным образом подобный *выход*, но отнюдь не *исключать* (*Suspendieren*). *Исключение* предусматривается в том случае, когда группы (федеральные секции) оспаривают только полномочия Генерального совета или же нарушают тот или иной пункт устава или статьи регламента. Напротив, в уставе нет ни одного пункта о группах, которые выбрасывают за борт всю организацию в целом, и это по той простой причине, что из устава *само собой вытекает*, что таким группам больше уже не место в *Интернационале*.

Это вовсе не формальный вопрос.

Сецессионисты на своих различных конгрессах постановили созвать всеобщий сецессионистский конгресс для оформления *новой*, независимой от Интернационала организации. Этот конгресс должен состояться весной или летом.

Но эти господа хотят на случай неудачи оставить для себя лазейку. Это видно из объемистого циркуляра испанских альянсистов.

В случае провала своего конгресса они оставляют за собой право явиться на конгресс в Женеву,—план, о котором мне имел наивность сообщить во время своего пребывания в Лондоне член Альянса Гамбуцци...

Каков же будет результат, если нью-иоркский Генеральный совет останется при своей тактике?

Он временно исключит вслед за Юрой сецессионистские федерации Испании, Италии, Бельгии и Англии. Результат: весь этот сброд снова появится в Женеве и парализует там всякую серьезную работу, как это было в Гааге, и вновь скомпрометирует всеобщий конгресс на радость и к выгоде буржуазии. Великий результат Гаагского конгресса состоял в том, что гнилым элементам был дан толчок к *самоисключению*, т. е. к уходу. Генеральный совет своим образом действий рискует свести на-нет этот результат.

Находясь в *открытой вражде* с Интернационалом, эти люди не могут повредить, а могут быть лишь полезны, но, будучи *внутри* его в качестве враждебных элементов, они погубят движение во всех странах, где они встречаются почву.

В Нью-Йорке вы едва ли можете себе представить, какие хлопоты нам доставляют в Европе эти люди и их эмиссары.

Чтобы укрепить Интернационал в странах, где главным образом ведется борьба, прежде всего необходимы энергичные действия со стороны Генерального совета.

Раз уже была допущена ошибка по отношению к Юре, то, быть может, лучше всего было бы пока совершенно игнорировать остальных (кроме тех случаев, когда наши собственные федерации потребуют обратного) и выждать созыва всеобщего сецессионистского конгресса, а затем объявить всем избиравшим его организациям, что они вышли из *Интернационала*, сами себя из него исключили, и что они отныне рассматриваются как чуждые и даже враждебные общества. Энкариус весьма наивно заявил на Лондонском подпольном конгрессе, что с *буржуазией следует вести политику* (man müsse Politik mit den Bourgeois treiben). В душе он давно уже жаждет продаться.

Известия о большом несчастье¹, постигшем Зорге, нас всех глубоко опечалило. Шлю ему самый сердечный привет.

Братский привет.

Карл Маркс.

¹ Имеется в виду смерть дочери Зорге.

234.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Губертсбург.

Лондон, 12 февраля [18]73 г.

Дорогой Либкнехт!

Прежде чем дать тебе определенный ответ на твои многочисленные вопросы, я должен точно знать, что значит: «*Volksstaat*» не может пока вдаваться в интернациональную полемику». Если «*Volksstaat*» объявит себя *нейтральным* по отношению к войне Интернационала против сецессионистов, если она откажется разъяснить немецким рабочим эти события, если, одним словом, бунт лассальянцев окончится тем, что вы за спиной Интернационала подадите друг другу руки и ты пожертвуешь Интернационалом, а Йорк — Гассельманом, то тем самым наша позиция по отношению к «*Volksstaat*» *изменится е корне*. Прошу поэтому немедленно дать мне точные разъяснения.

Относительно моей книги ¹ все еще тянутся переговоры с Вигандом, от которого я должен сперва избавиться, а до этого я не могу принять никакого решения. Что же вообще касается вопроса о том, чтобы предоставить вам *бесплатно* почти все наши прежние труды и именно в такой момент, когда мы имеем возможность получить за них деньги, то прошу тебя не забывать, что нам деньги тоже нужны: во-первых, на жизнь, а во-вторых, чтобы покрыть растущие со дня на день расходы на агитацию, пропагандистскую литературу и пр. Статьи Маркса и мои будут, конечно, собраны и напечатаны, но сейчас у нас самих нет времени заняться этим. Тем менее я в состоянии дать тебе квинт-эссенцию из Оуэна. Во-первых, у меня нет времени, а во-вторых, — материала; моя коллекция сочинений Оуэна исчезла в 1848 — 1849 гг., а достать их теперь нельзя. «Нищета философии» будет во всяком случае переиздана — и именно в Париже; что же касается немецкого перевода, то М[аркс] ведет с Мейснером переговоры относительно издания полного собрания всех ранних работ и поэтому вряд ли сможет издать просто так, без околичностей, эту работу, являющуюся одной из наиболее крупных. Впрочем, пройдет еще не мало времени, пока вы от «Утопии» доберетесь до нас; позаботьтесь лучше сперва о промежуточных звеньях.

Затем, я не могу умолчать о том, что манера обращения с нами «партии» отнюдь не поощряет нас к тому, чтобы предоставить в ее

¹ Речь идет о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», изданной в 1845 г. Вигандом. Либкнехт предполагал включить ее вместе с другими работами Маркса и Энгельса в серию проектируемой им социально-политической библиотеки.

распоряжение еще новые работы. Мне не прислали ни одного экземпляра моей «Крестьянской войны»; нужные мне экземпляры я вынужден был *купить*. Относительно издания статей о жилищном кризисе, вместе или порознь, меня даже не спросили ¹. Когда я потребовал бесплатные экземпляры «[Коммунистического] манифеста» для нас и для здешнего Рабочего союза, — принимая во внимание, что он трижды печатал его на собственные средства, — то прислано было всего 100 экземпляров *с приложением к ним счета*. Я писал об этом Гепнеру и требую раз навсегда, чтобы этому безобразию был положен конец.

Издание (английское) «Утопии» я постараюсь разыскать, но так как старые общедоступные издания давным-давно разошлись, то это будет, пожалуй, не легко.

Я должен кончать и очень жалею, что из-за закрытия почты не смогу написать несколько строк твоей жене. Извинись перед ней, пожалуйста, от моего имени. Живет ли еще твоя семья на Braustr[asse], 11? У нас нет другого адреса, кроме этого и адреса «Volksstaat».

Сердечный привет

от твоего Ф. Энгельса.

235.

Энгельс — Наталии Либкнехт

в Лейпциг.

Лондон, 11 марта 1873 г.

Уважаемая г-жа Либкнехт!

Не откажите в любезности при ближайшем Вашем свидании с Либкнехтом в крепости передать ему прилагаемое письмо ². До сих пор я посылал ему свои письма большей частью на адрес редакции «Volksstaat», так как не знал, живете ли Вы еще на Braustr[asse], 11. Ваше вынужденное положение соломенной вдовы Вас, вероятно, очень угнетает; Вам действительно приходится переживать не мало. Но Вы, по крайней мере, имеете возможность регулярно посещать Либкнехта; поэтому я хотел бы Вас попросить, если это не слишком смело с моей стороны, сообщить мне, как он чувствует себя физически, каково обращение, вынужден ли он в отношении еды и питья

¹ «Жилищный вопрос» Энгельса печатался в «Volksstaat» в 1872 — 1873 гг. в виде серии статей и был выпущен тогда же отдельной брошюрой в издании «Volksstaat». См. Сочинения, т. XV, стр. 1—81.

² Либкнехт и Бебель в это время отбывали 22-месячное тюремное заключение в крепости Губертусбург.

обходиться тем, что дают в крепости, или может получать передачи и с воли, и вообще все, что касается положения его и Бебеля. Сам он пишет об этом очень мало, а в последнее время совсем ничего. Но ведь Вы понимаете, что все это нас здесь очень интересует, и не *только* из-за самих заключенных, — здесь есть и некоторая доля эгоизма: ведь и с нами когда-либо может приключиться нечто подобное, и хотелось бы, разумеется, знать, что в таких случаях предстоит. Как там с книгами? Есть ли у него все нужное, по крайней мере в области науки и литературы, не слишком ли строга цензура? Впрочем, я уже знаю о том, что там можно хорошо наладить голубиную почту или, как говорят в Америке, the underground railway [подземную железную дорогу].

Надеюсь, что Вы и дети здоровы и не теряете мужества. It is a long lane that has no turning [Воистину длинен тот путь, на котором нет поворота] — говорит английская поговорка. Но turning [поворот] не заставит себя, вероятно, долго ждать. И не забывайте, что, как бы ни сложились обстоятельства, у Вас в Лондоне есть друзья, которые в судьбе Либкнехта и Вашей принимают самое горячее участие.

Если кто-нибудь из детей меня еще помнит, в чем я, однако, очень сомневаюсь, так как не жил тогда в Лондоне ¹, то передайте им от меня сердечный привет.

С самым искренним участием преданный Вам

Фридрих Энгельс.

236.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 20 марта 1873 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой Зорге!

Прежде всего позволь мне выразить тебе наше глубокое соболезнование по поводу постигшего тебя тяжелого семейного несчастья. Всем нам приходилось переносить подобные утраты, и мы знаем, как глубоко они потрясают всю жизнь человека. Нужно много времени и суровой борьбы, чтобы преодолеть их, но мы знаем, что у тебя достаточно энергии, чтобы справиться с этим.

Твое последнее или скорее предпоследнее письмо — у Маркса; он хотел написать тебе несколько строк, но сомневаюсь, сделал ли

¹ Либкнехт жил в Лондоне в 1850—1862 гг.

он это, спросить же его об этом сегодня не могу, так как он поехал с Тусси на несколько дней в Брайтон. Что касается протоколов старого Генерального совета, то они для вас бесполезны, ибо вам в свое время были сообщены все постановления, представляющие общий интерес, остальные же утратили всякое значение. Зато нам они здесь *абсолютно необходимы* в борьбе с сецессионистами для того, чтобы иметь возможность ответить на ложь и клевету. Я думаю, что интересы Интернационала все-таки важнее выполнения каких-то формальностей. — То, что другие секретари не присылали отчетов, разумеется, не порядок. Отчет Серрайе был в письме, которое пропало. Врублевский *не может* прислать отчета, так как в Польше во всем необходима конспирация, и мы раньше тоже никогда не требовали от него подробностей. Как обстоят дела в Германии и Австрии, — вам настолько же известно, как и нам, так как вы ведете непосредственно переписку, а мы точно так же не знаем подробностей о положении секций.

От вышедших из Интернационала секретарей — Юнга для Швейцарии и Курне для Дании — нельзя требовать отчетов. От кого же вы их еще ждете? Из Дании мы не получаем ни слова, боюсь, что лассальянские происки нашли там подходящую почву.

Во Франции, повидимому, всех переарестовали. Геддегем оказался предателем, как это видно из процесса в Кане, где прокурор прямо назвал его доносчиком. В Тулузе Дентраг (Сварм) со своим обычным педантизмом завел множество ненужных списков, из которых полиция узнала все, что ей было нужно; сейчас идет его процесс, мы со дня на день ожидаем отчетов. Ларрок благополучно бежал через Лондон в Сан-Себастьян, где он снова пытается установить связь с Бордо. Его адрес (секретный):

Г-н Латрак, 21, Calle de la Aduana, Сан-Себастьян, Испания, без внутреннего конверта.

Куно не повезло с его резолюцией 29-й секции. Он послал ее альянсистскому Испанскому федеральному совету, заявив при этом, что Капестро это — Куно! К чему тогда комедия с фамилиями? Барселонская федерация напечатала эту штуку и сделала из нее — не лишенный кажущихся оснований — вывод, что Куно тоже покаялся и понял, что прежний Генеральный совет был неправ. Вот к чему приводит посредничество.

Относительно Лоди. Когда пришло твое письмо от 12 февраля, все уже были на свободе, и Биньями снова подписывался в качестве редактора. Поскольку деньги уже были не нужны, я решил *не посылать* 20 долларов, тем более, что Генеральный совет сам нуждается

в деньгах. Прошу немедленно сообщить, — следует ли послать деньги или же вы хотите распорядиться ими иначе.

Что касается денежных взносов Генеральному совету, то я не получил еще ни гроша. Из организационного устава, раздел II, статья 4, ты увидишь, что срок уплаты взносов истекает лишь 1 марта, на практике же почти всегда взносы поступали лишь *незадолго до* конгресса или *на самом* конгрессе. До этого момента мы жили по большей части за счет индивидуальных взносов и займов. Что касается первых, то я постараюсь кое-что раздобыть, но трудно будет справиться, если мы не хотим истратить заранее всех ресурсов до следующего конгресса и поставить конгресс в зависимость от случайности.

Пришли немедленно 80—100 экземпляров проекта устава профессиональных союзов на английском языке. 40 посланных экземпляров до сих пор не прибыли, как и большинство писем, — их разыскивают, — но и этого количества здесь недостаточно; в одном Манчестере можно сбыть 30—40, так как тред-юнионы здесь по большей части местные, а не централизованные. Ты можешь пока всю корреспонденцию для Британского федерального совета посылать либо мне, либо секретарю С. Викери — 3, Oak Villas, Friern Park, Finchley, N., Лондон, или же Ф. Лесснеру — 12, Fitzroy St[reet], Fitzroy Square, W., Лондон. Теперешнее помещение Федеральный совет занимает только временно. Точно так же мне могут понадобиться французские экземпляры для Италии, Голландии и Бельгии, я посылаю их по одному или по два-три стачечным комитетам, — туда, где вспыхивает забастовка.

Адресов для Голландии и Бельгии я сейчас достать не могу, Либерс уже не в Гааге, а в Германии, Ван-дер-Гут, который, впрочем, лодырь, работает близ Эссена в качестве углекопа.

Резолюция от 26 января *очень хороша*. Теперь, чтобы покончить с этим делом, необходимо только, чтобы вы после окончания предстоящих в марте конгрессов — Юрского, Итальянского и прочих — приняли постановление о применении резолюции от 26 января к соответствующим сецессионистам Испании, Бельгии, Англии и в особенности — Юры. Об Италии речь может идти лишь в отношении *признанных* секций Неаполя, Милана, Феррары, Турина, Лоди, Аквилы — остальные никогда к Интернационалу не принадлежали.

Обращение к испанцам точно так же очень хорошо подействует. С одной стороны, оно теоретически вполне выдержано, с другой — в нем отсутствует все, что может дать альянсистам повод

выступить против него в качестве анархистов, а в-третьих,— оно коротко. Вообще все ваши обращения встретили живой отклик среди рабочих.

Резолюцию от 26 января я послал Британскому федеральному совету, сегодня вечером она будет оглашена.

Требования Генерального совета (от 15 декабря) относительно приема секций в *такой* форме никогда не будут выполнены. Генеральный совет *должен* принимать *всякую* секцию, удовлетворяющую требованиям устава и организационного регламента, и не должен ставить новых условий, поэтому № 1 частично отпадает (Генеральный совет в праве требовать статистические данные о численности членов и в каких отраслях труда они заняты, но не фамилии), а № 4 отпадает целиком, так как в разделе III организационного устава установлен иной способ платежа. Лучше всего незаметно от этого отказаться, — мы здесь никогда не могли добиться больше того, что предписывается в №№ 2 и 3, да и то с трудом, и, если имели дело с определенно добросовестными людьми, то никогда очень строго не настаивали на формальностях. Разумеется, в сомнительных случаях хорошо иметь про запас такое постановление.

Вр[ублевскому] тоже не удастся придерживаться инструкций. С уполномоченным по Польше надо безусловно обращаться как с лицом, которому вполне доверяют, иначе мы там ничего не добьемся, а посылать ежемесячно подробный доклад он совершенно не в состоянии. — Что касается меня, то я могу сообщить об Италии лишь то, что сообщать нечего, за исключением того, что секция Лоди вновь еще не сконструировалась, а Туринская, повидимому, распалась.

Это была поистине несчастная идея — навязать мне марки. Еще в прошлом году получение их затянулось до марта или апреля, а теперь они поступят еще позже. Ле-Муссю, как и все французы, в деловом отношении, если дело не касается его лично, чертовски небрежен, и никакие требования здесь не помогают. Тогда печатанием ведал *Юнг*, теперь и это перешло к Ле-Муссю, который не говорит по-английски.

Я послал тебе «Int[ernational] Herald» и «Emanc[ipation]», первую по № 50 (отправляется сегодня), а вторую по № 88, надеюсь, что они уже прибыли.

Чуть не забыл поблагодарить тебя за вино, которое прибыло, наконец, сюда после длительного путешествия. Оно было отправлено на германском пароходе в Бремен, а оттуда франко Лондон и после ряда злоключений прибыло сюда. Я поделился им с Марксом, попробовав сам лишь несколько бутылок. Сладкое Котевба очень

понравилось дамам. Красное тоже, а белое, которое я пробовал, представляет собой интересное сочетание рейнвейна с сухим хересом. Несколько бутылок, оставшихся в погребе, хранятся для парадных случаев. Вино на вкус приятное, но ему недостает индивидуального характера оригинальных европейских вин. Я тебе очень благодарен за то, что ты расширил мои познания в области вина таким приятным образом на целое полушарие; больше всего меня удивляет то, что я впервые узнал благодаря этому о северном местоположении огайских виноградников. Я полагал, что они находятся гораздо южнее.

Склока на Спринг-стрит из-за Вудхулль меня очень позабавила. Я сообщу об этом в Испанию и т. д. А также и то, что Эккариус осмеливается в «World» изображать свой фиктивный конгресс в виде простой дружеской встречи. Получил «Arbeiterzeitung» по № 4. Очень хорошо, хотя кое-где слог немного грубоват, но это не вредно, свидетельствует о пролетарском характере. Очень хороши нападки на Зингера и К^о, — следует продолжать и распространить на других.

Больше здесь ничего нового. Брань Юнга — Хейлза обходит всю юрскую, бельгийскую и прочую сецессионистскую печать, Лонге хочет ответить на это в «Liberté», — не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого при его лени.

Почта закрывается.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

237.

Марке — Н. Ф. Даниэльсону

в Петербург.

Лондон, 22 марта 1873 г.

Милостивый государь!

Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне *кое-какие сведения* о взглядах Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике на эту тему с Беляевым. Тот путь, которым эта форма собственности образовалась (исторически) в России, представляет, конечно, второстепенный вопрос и вообще не имеет никакого отношения к вопросу о значении этого учреждения. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и т. п., пользуются этим оружием, предоставленным в их распоряжение Чичериным. В то же время все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России это учреждение введено было как чисто фискальная мера, — просто как случайный

спутник крепостничества, — тогда как во всех других странах это же самое учреждение возникло естественным путем и представляет собой необходимую фазу развития свободных народов?

Ваш А. Вильямс.

238.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

Лондон, 22 марта 1873 г.

Дорогой Зорге!

Я писал тебе 20-го этого месяца, а сегодня посылаю «Еманс[іра-сіон]» № 89 и «I[nternational] Herald» № 51.

Я забыл прибавить по поводу не посланных в Лоди 20 долларов, что эти люди за время своего несчастья получили:

отсюда	50 фр.
от Комитета Соц[иал]-д[емократической] раб[очей]	
партии 20 талеров	75 »
от Обервиндера из Вены 50 флоринов	125 »

Всего: 250 фр.

Я счел это достаточным для данного благополучно закончившегося случая — трое были выпущены через две недели, и только Биньями просидел около шести недель.

Постановление от 26 января и Обращение к испанцам посланы в Лоди.

Обращение к испанцам, как можешь судить по «Ем[анс[іра]сіон]», очень понравилось.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

239.

Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 7 апреля 1873 г.

Дорогой Беккер!

Если мне не удастся написать тебе подробно, то ты должен отнести это за счет перегруженности работой. Пока французский перевод не будет готов и напечатан до последней страницы, я не буду иметь свободного времени. Третьего дня я, наконец, отправил последние корректурные листы второго немецкого издания и поручил Мейснеру послать тебе *бесплатно* издание всего тома, которое должно

выйти приблизительно через неделю. Буду тебе очень благодарен, если ты уведомишь меня о получении.

Энгельс просит тебя как можно скорее переслать прилагаемое письмо Геггу. Дело идет о некоторых сведениях об Альянсе (мы заняты сейчас тем, что бьем его документами). Я прошу тебя также, если можно, прислать нам *первую программу открытого Альянса в Женеве*, в которой фигурирует и твое имя.

Мы думали здесь, что женевская «Egalité» больше уже не выходит, так как не видели ее со времени отъезда Утина из Женевы. По его желанию я уговорил нескольких из своих французских друзей посылать в «Egalité» корреспонденции, но уверенность в том, что она умерла, испортила все дело. Итак, если Перре хочет получать корреспонденции отсюда, он должен позаботиться о том, чтобы Энгельс (122, Regent's Park Road) и я получали каждый по одному экземпляру. Если нужно, мы за них заплатим.

Генеральный совет назначит местом созыва следующего конгресса, конечно, Женеву. Вы уже теперь должны позаботиться о многочисленном представительстве. Это тем более необходимо, что подлая банда альянсистов собирается явиться туда en masse [в большом количестве]. Их, конечно, нельзя допускать. По сравнению с Гаагским конгрессом мы должны иметь, по крайней мере, *ту* выгоду, что этот сброд удален из нашей среды. Но для этого нужно, чтобы мы нашли у вас крепкое местное представительство.

Сердечный привет от всей семьи.

Твой *Карл Маркс*.

240.

Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества
рабочих
в Нью-Йорк.

Лондон, 15 апреля 1873 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Генеральному совету Международного
товарищества рабочих.

Граждане!

Я получил ваше письмо от 21 марта вместе с векселем на 8 фунтов 6 пенсов для Лоди. В то же время я получил письмо от Биньями, в котором он сообщает, что опять скрывается для того, чтобы избежать назначенного ему по приговору тюремного заключения; он предпочитает отбывать его позднее, когда поправит свое здоровье.

Поэтому деньги пришли как раз кстати. Я разменял их на 200 франков (в *французских* банкнотах) и послал ему немедленно.

Печатание марок взял на себя Ле-Муссю, и я не раз напоминал ему об этом, но, насколько я знаю, дело еще мало двинулось вперед. «*Arbeiterzeitung*» доходит регулярно.

Расходы по печатанию устава на английском и французском языках составляли приблизительно по 15 ф. ст. за каждое издание, печатание на немецком языке обошлось гораздо дешевле, так как устав был уже напечатан в «*Volksstaat*» и за набор платить было не нужно, а только за бумагу, печатание и брошюровку. Теперь повторить это, конечно, будет невозможно.

В настоящее время составляется доклад об Альянсе¹. Лафарг и я работаем над ним изо дня в день — времени терять нельзя. Люкен держал документы в Брюсселе до самого рождества, а некоторые еще и сейчас у него.

Немецкое издание устава здесь еще есть — несколько сотен экземпляров находятся в распоряжении Совета. Английского — ни одного. Французское издание было целиком послано в Париж, но не дошло туда. Может быть, мы сможем кое-что вернуть, — во всяком случае попытаемся.

Как только «Альянс» будет закончен, мы примемся за протоколы конгресса.

Мадридская «*Emancipación*» прекращает свое существование, если уже не прекратила. Мы послали им 15 ф. ст., но так как за посылаемые экземпляры почти никто не платил, то поддерживать существование газеты, повидимому, невозможно. Я веду переписку с Мева относительно издания другой газеты, но не могу сказать, каков будет результат.

Лиссабонская «*Pensamento Social*», — превосходная газета, которая в своем последнем номере очень хорошо ответила Испанской федеральной комиссии в Алкое по вопросу об Альянсе, — тоже должна будет на короткое время прекратить свое существование, но затем будет выходить снова.

Как вы, вероятно, заметили, «*Inter[national] Herald*» тоже находится при последнем издыхании. Мы, быть может, попытаемся

---

¹ Доклад был опубликован под заглавием: «*L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport et documents publiés par ordre du congrès International de la Haye*» [«Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по распоряжению Гаагского международного конгресса»]. Лондон — Гамбург, 1873 г. См. Сочинения, т. XIII, ч. 2.

еще сохранить эту газету до ближайшего английского конгресса (на троицной неделе), после чего нам возможно удастся начать издавать что-либо иное. «Herald» не очень ценен; он имеет значение лишь как орган, в котором можно помещать публикации Британского федерального совета, но, как таковой, он в данный момент незаменим.

Из французских газет вы, вероятно, знаете, что Вальтер (Геддегем) оказался просто-напросто шпионом. Говорят, что он был шпиоком еще при Бонапарте. В Тулузе Сварм (Дентраг) вел себя не многим лучше, но так как полного отчета я не читал, то не могу утверждать этого с уверенностью; во всяком случае раньше шпионом он не был, но, повидимому, он слабохарактерный и непостоянный человек.

С братским приветом

Ф. Энгельс.

Я еще до сих пор никаких денег для Генерального совета не получал. Из Италии нет никаких известий, кроме того, что «Plebe», повидимому, тоже временно перестала выходить. Арест альянсистов в Болонье и Мирандоле не будет длительным, их скоро освободят; если время от времени некоторых из них по ошибке и арестовывают, то серьезно они никогда не страдают.

241.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 3 мая 1873 г.

Дорогой Зорге!

Письмо твое от 9-го и письмо Генерального совета от 11-го получил.

1) Серрайе. То, что говорит Д[ерер], — просто чепуха. История с попами сводится к следующему: Потье, делегат Коммуны во 2-м округе, к которому был прикомандирован Серрайе, *сдавал* попам церкви в аренду («Le dit délégué loue la boutique nommée Eglise etc. etc. au nommé... pour y exercer le métier de curé» [Такой-то делегат сдает лавку, именуемую церковью и т. д. и т. д. такому-то... для того, чтобы тот занимался там ремеслом священника] — так гласила формула). Потье получал все деньги, расходовал их на нужды Коммуны или округа, а затем вносил расходы в счета Коммуны. У Серрайе никогда не было на руках ни гроша этих денег. Ле-Муссю, который при слове «поп» лезет на стену, собирался арестовать

ствовать Потье и Серрайе за то, что это была, по его выражению, «бездарственная торговля». Если бы речь шла о плоских острогах, то я не знаю, кто из них сострил неудачнее, Ле-М[уссю] или П[отье] с С[еррайе]. Но выдвигать серьезные обвинения на основании подобного ребячества, — это более чем по-детски. Впрочем, современные французы вообще дети. Не знаю, что собой представляла демонстрация двадцати двух. Предполагаю, что меньшинство тогда пыталось уйти; склока между меньшинством и большинством Комм[уны] все еще продолжается, и все, кто имеют бланкистскую окраску, еще и сейчас считают преступлением — и притом достойным расстрела — прежнюю принадлежность к меньшинству. Для нас все это так старо, нам столько твердили на все лады об этом, что нам это уже надоело до тошноты, и все эти сплетни, на наш взгляд, не стоят ни гроша.

2) «Arbeiterzeitung» — слог в смысле грубости не оставляет действительно желать ничего большего. Впрочем, это по-американски: все немецко-американские литераторы так пишут. Пока ни у Маркса, ни у меня совершенно нет времени для писания корреспонденций; я занят по горло протоколами конгресса, которые готовятся по-французски, а Маркс — своим французским переводом.

3) Венцы. С этим делом мы знакомы лишь из печати, так как ни О[бервиндер], ни Ш[ей] ничего об этом сюда не писали. Нам, однако, Шей кажется подозрительным: 1) он связан с Вайяном, и 2) имеются данные, что он, как и его друг и предшественник, сошедший с ума Неймайер, связан с Бакуниным. Напыщенные фразы последнего в известной степени проскальзывают в статьях и речах Шей, и ты помнишь о том, как его брат удрал из Гааги, когда было вынесено решение по поводу б[акунинской] истории. Обервиндера в ходе полемики пока ни в чем серьезном не упрекали. Его сотрудничество в буржуазных газетах происходило с ведома и одобрения партии и в ее непосредственных интересах. Если бы мне завтра предоставили возможность писать в «Times» все, что мне захочется, притом за плату, то я бы, конечно, согласился. И Экк[ариуса] никто за это не осуждал, пока он не повернул дела по-иному — стал эксплуатировать Интернационал ради денег и писать уже не в интересах Интернационала, а в своих собственных интересах и в интересах «Times». Разумеется, мы не осуждаем Обер[виндера] за то, что, живя в Австрии, где феодализм побежден лишь отчасти, где массы еще страшно неразвиты, где положение приблизительно такое же, какое было в Германии до 1848 г., — он не выставляет сразу с радикальным треском крайних требований, а проводит политику, которую мы

рекомендовали в конце «Коммунистического манифеста» для тогдашней Германии. Он проявляет, пожалуй, иногда чрезмерную мелкобуржуазную осторожность, но, во-первых, это тоже не доказано, а во-вторых не дает основания для такого оглушительного крика. Притом О[бervиндер] не австриец, и поэтому его могут в любой день выслать. Впрочем, как я уже сказал, мы не знакомы с подробностями и поэтому пока воздерживаемся от суждений.

4) Условия приема. Предположим, что вы формально в праве требовать всего этого от отдельных секций, что, впрочем, сомнительно, но во всяком случае до сих пор *ни один* федеральный совет не выставлял таких бюрократических требований, а если бы он их и выставил, то их *никогда* бы не выполнили. Какой огромной ошибкой было требование таких вещей даже *во Франции*, доказывает статья в № 49 «N[eu]er Sozial-Demokrat», который я тебе сегодня посылаю. Я немедленно проинструктировал Гепнера и вчера, наведя точные справки о Дентр[аге] и Гедд[еггеме], написал, что требовалось, в «Volksstaat».

5) Прежде чем предпринять какие-либо шаги относительно Франции, мы подождем дальнейших известий. Я вообще не знаю, какие шаги могли бы вы предпринять. *Все* наши секции провалились. Геддеггем *был* шпионом еще в Гааге. Дентр[аг] не шпион, но по личным мотивам и по слабости выдал нескольких человек, которые до этого его избивали. Один из членов, чтобы раздобыть денег для партии, поручил Д[ентрагу] заложить свои часы. Жена Д[ентрага] заложила часы, затем отказалась их выкупить и даже вернуть залоговую квитанцию. Поднялся скандал. Несколько человек, по большей части буржуа, сговорившись между собой, основательно избивали Д[ентрага] и донесли затем об этом деле прокурору; под его давлением *они признались, что деньги предназначались для нужд Интернационала!!!* Таково *действительное* начало этой истории, — но так как Геддеггем уже поставил обо всем в известность парижскую полицию, то это могло показаться новым разве лишь тулузской полиции. Д[ентраг] выдал только этих парней, *больше никого*. Каким образом полиция узнала об остальном, ты увидишь из «Volksstaat». Во всяком случае, организация во Франции в настоящее время разгромлена и лишь постепенно оправится, так как нет никаких связей. Ларрок сейчас в Сан-Себастьяне, в Испании, его адрес — Мортимер Латрак, Calle de la Aduana, № 21, он живет там под этой фамилией. Ни в коем случае не посылайте новых полномочий во Францию. Ларроку дали заочно три года.

6) Марки. Я почти совсем не вижу Ле-М[уссю], просил Маркса

воздействовать на него, но никакого ответа. От этих французов ничего не добьешься, если не потеряешь целые недели на беготню за ними, чего я не могу делать.

7) Место конгресса. Надеюсь, что вы у швейцарцев только спросили совета, как мы в прошлом году у голландцев. В Швейцарии только *одно* подходящее место — это *Женева*. Там за нас стоят рабочие массы, а затем мы имеем там *помещение, принадлежащее Интернационалу*, — Темпль-Юник, откуда мы просто выкинем господ альянсистов, если они явятся. Помимо Женевы был бы возможен только Цюрих; но там у нас всего лишь несколько *немецких* рабочих, да и они не все на нашей стороне (см. «Felleisen»), притом ваш запрос мог бы даже привести к тому, что кое-кем будет предложен расположенный в самом центре Ольтен, главный железнодорожный узел Швейцарии, а там мы уже наверняка сядем в лужу. Альянсисты пускают в ход все, чтобы явиться в большом числе на конгресс, в то время как наши все спят. Французские делегаты не смогут приехать из-за провала. Что касается немцев, то хотя у них есть своя собственная склока с лассальянцами, они очень разочарованы и обескуражены Гаагским конгрессом, где, в противоположность собственным ссорам, они ожидали найти сплошное братство и гармонию; к тому же в партийные органы Социал-демократической рабочей партии входят сейчас одни только заядлые лассальянцы (Йорк и К^о), которые требуют, чтобы партия и ее печатный орган были низведены до позиции пошлейшего лассальянства. Борьба продолжается; эти господа хотят использовать время пребывания Либкнехта и Бебеля в тюрьме для того, чтобы привести в исполнение свои планы; маленький Гепнер оказывает энергичное сопротивление, но из редакции «Volksstaat» он фактически выброшен, кроме того его выслали и из Лейпцига. Победа этих субъектов была бы равносильна для нас утрате партии — по крайней мере в данный момент. Я писал об этом Либкнехту весьма определенно и все еще жду ответа.

О Дании ничего не слышно. Мое давнишнее предположение о том, что лассальянцы из «N[eu]er Sozial-Demokrat» при помощи своих северо-шлезвигских сторонников вызвали там сумятицу и побудили этих людей выйти из Интернационала, с каждым днем находит новое подтверждение в «N[eu]er S[ozial]-D[emokrat]», который гораздо лучше осведомлен о том, что происходит в Копенгагене, чем «Volksstaat».

Из Англии смогут приехать немногие делегаты; пошлют ли делегата испанцы, весьма сомнительно, и таким образом следует ожидать, что конгресс будет малочисленным и что бакунисты там

будут в большинстве. Сами женевцы ничего не делают, «Egalité», повидимому, перестала выходить, так что и там не приходится ожидать большего, — хорошо лишь то, что там мы будем в своем собственном доме и среди людей, которые знают Б[акунина] и его банду и в случае нужды вытолкают их в шею. Итак, Женева — единственное место, чтобы обеспечить нам победу; необходимо только, но абсолютно необходимо, чтобы Генеральный совет, согласно постановлению от 26 января, объявил *вышедшими* из состава Интернационала:

1) Бельгийскую федерацию, которая заявила, что не желает иметь ничего общего с Генеральным советом, и отвергла гаагские постановления;

2) часть Испанской федерации, представленную на Кордовском конгрессе, так как эта часть вопреки уставу заявила, что платить взносы Генеральному совету необязательно, и тоже отвергла гаагские постановления;

3) английские секции и отдельных членов, представленных на мнимом Лондонском конгрессе от 26 января, которые тоже отвергли гаагские постановления;

4) Юрскую федерацию, предстоящий вскоре конгресс которой наверняка даст достаточно оснований, чтобы расширить постановления о ее временном исключении (Suspensionsbeschluss).

В заключение можно было бы заявить, что так называемая Итальянская федерация, представленная на так называемом Болонском конгрессе (вместо Мирандолы), вовсе не входила в состав Интернационала, так как она не выполнила ни одного из условий, предписанных уставом.

Если это постановление будет вынесено и если Генеральный совет назначит в Женеве комиссию для подготовки конгресса и предварительной проверки мандатов в составе, например, Беккера, Перре и Дюваля, а также Утина, — если он там, — то напору бакунистов будет поставлена преграда. Когда Генеральный совет разъяснит комиссии, что этих людей нельзя вовсе признавать делегатами, пока они не будут допущены большинством настоящих и признанных делегатов Интернационала, то все будет в порядке, и если они даже окажутся в большинстве, они все же будут обезврежены: им останется уйти в другое место и заседать там самостоятельно, и таким образом их численное превосходство не будет использовано во вред нам. А это все, чего мы можем желать.

Сердечный привет также и от М[аркса].

Твой Ф. Э.

242.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 14 июня 1873 г.

Дорогой Зорге!

Моя переписка прервалась из-за работы над «Альянсом». Кроме того, только теперь начинают регулярно поступать заказанные нами газеты, и поэтому я только теперь снова могу сообщить все по порядку.

Сначала покончим с твоими письмами.

Ответ на письмо Генерального совета в приложении ¹.

14 мая. Вопрос о нехватке денег так же стар, как и Интернационал. Платили только американцы, да и то, если бы не ты, так мы и это едва ли бы получали. — Отложить конгресс абсолютно невозможно, это значило бы уступить поле битвы другим, да в этом, как ты увидишь, вовсе нет и необходимости.

23 мая. Женевцы, которых я должен расшевелить, сами нам не отвечают. Даже старик Беккер не отвечает Марксу. Где Утин, мы не знаем. «Bulletin Jurassien» мы *сами* не получаем, читаем только выдержки из него в «Liberté» и «Internationale».

27 мая. Декларация о Франции — *очень хороша!* — английский текст ее отослан Британскому федеральному совету, а сегодня посылаем ее на французском в «Pleb», Испанскому федеральному совету и в Португалию. Между прочим: португальцы жалуются, что *решительно ничего* от вас не получают, а ведь они для нас *очень важны!* — Серрайе абсолютно *не* о чем писать, так как у него нет ни одного адреса во Франции, *все* адреса провалены. Но относительно процессов он должен будет составить небольшой доклад для вашего доклада конгрессу — *повсюду*, где раньше существовали секции, были процессы, в Безье, Лизье и т. д. Корреспонденции для «Arb[eiter] Zeit[ung]»? Но кто же станет их писать? Маркс и я настолько переутомлены, что врач ограничил рабочий день М[аркса] четырьмя часами из-за приливов крови к голове, поэтому *все* выполнять приходится мне вместе с Лафаргом. Франкель работает до 9 часов вечера в своей мастерской. Другие писать не умеют. — Гамбуржцы — остолопы (Knoten), я об этом напишу Либкнехту. — Для Голландии достаточно *немецкого* текста декларации. «Arbeiter Zeitung» следует шире использовать «Volksstaat».

А теперь кое-какие новости — и на этот раз не печальные:

¹ См. письмо № 243.

1) Британский конгресс, состоявшийся 1 и 2 июня в Манчестере, сошел хорошо. 26 делегатов. — Отчет о нем из консервативной газеты прилагаю тут же, равно как и один экземпляр брюссельской «Internationale». Федеральный совет остается в Лондоне, хотя здешние хотели перенести его в Ноттингэм. «Eastern Post», являвшаяся до сих пор органом Юнга и Хейлза, в насмешливой статье все же признает, что конгресс является подлинным представителем английского Интернационала, и с тех пор я не нахожу уже там сообщений о заседаниях с выпивкой (Bogus-sitzungen) в доме Хейлза; лавочка, повидимому, закрылась. До сих пор они помещали эти сообщения наряду с сообщениями о двух своих секциях: Стратфорд и Лаймхауз, Лаймхауз и Стратфорд, но, видно, больше это уже не действует. — Моттерсхед был на троицу в Гайд-парке на митинге тред-юнионов совершенно пьяный, как всегда. — «International Herald» я не получаю уже две недели, повидимому тоже скончалась. Не беда, поскольку можно использовать другие органы английской прессы. Здешняя французская секция (Дюпон и Сепрайе) рассчитывает издавать здесь французскую газету, но на уверения французов не очень приходится полагаться.

2) Юрцы совершили решительное отступление. Ты прочтешь в «Internationale», что они решили предложить своим коллегам по Альянсу *не* посылать делегатов на конгресс, «который попытается созвать мнимый Генеральный совет», а созвать отдельный конгресс, *место созыва которого в Швейцарии должны определить их федерации*. Это значит: «в Женеве нам нельзя показываться, иначе нас отколотят». Поэтому они будут заседать в какой-нибудь юрской дыре, так как после Ольтенского конгресса (см. ниже) ни в каком ином месте Швейцарии они показаться не могут. — Существуют и другие причины: 1) старая нелюбовь Бакунина вступать в личную дискуссию, 2) исключение как его, так и Гильома, вследствие чего кардинальному вопросу с самого же начала была бы придана *чисто личная* форма; к этому надо добавить еще данные о мошенничестве Б[акунина], что сразу бы его уничтожило, и 3) сознание, что у них дело в действительности обстоит не лучше, чем у нас, что и у них внутренние раздоры тоже утомили и раздражили людей. На этом великом юрском конгрессе были представлены только *девять* секций. В Италии, несмотря на весь шум, они не в состоянии выпустить ни одной газеты, в испанском же современном движении они просто нуль. При этом им тотчас же пришлось отречься от воздержания в выборах; они послали в кортесы восемь или, как они утверждают, десять человек.

3) В Риме закрыт комитет Интернационала, именуемый «*Società del Silenzio*» [«Общество молчания»] — тайное общество, клятва об абсолютном повиновении, сакраментальная заключительная формула писем, выдвинутая Бакуниным год тому назад: «*Salute e liquidazione sociale, anarchia e collectivismo*»... [Спасение и социальная ликвидация, анархия и коллективизм] — словом, тайный Альянс со всеми присущими ему атрибутами. Как раз во-время.

4) Серр[айе] полемизировал с бланкистами в «*Liberté*» по поводу французских процессов; они выступили очень нагло, но им досталось как следует; в особенности сильным ударом для них явилось констатирование того факта, что после аннулирования в Гааге полномочий делегатов и постановления о том, что выдавать новые полномочия может только Генеральный совет, Курне и Ранвье от *своего* имени выдали Геддегему новые полномочия — еще в Гааге!

5) Швейцарский рабочий конгресс в Ольгене — 70 делегатов, из них 5 юрцев — было внесено предложение о децентрализации; провалено всеми голосами против пяти, которые немедленно удалились. Но тебе это, наверное, давно известно из «*Tagwacht*».

Надеюсь, что твоя рука и твой голос за это время снова поправились, и что перспективы в отношении конгресса улучшаются также и у вас. Если конгресс и не будет очень блестящим, он все же необходим и при некоторых усилиях сделает свое дело. Не забудьте, что по уставу вы должны разослать приглашения и опубликовать программу за два месяца, т. е. 1 июля.

«Альянс» почти готов — по-французски; адская работа на этом каверзном языке, зато попадет в точку, и даже вы будете поражены.

Закрывают почту. Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

213.

Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих

в Нью-Йорк.

Лондон, 14 июня 1873 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Международное товарищество рабочих.
Генеральному совету.

Граждане!

Я должен ответить вам на ваши два письма — от 11 апреля и 14 мая. Как я сообщал уже раньше, вся посланная для Луди сумма (200 ф.) была отправлена мною 10 апреля Биньями, расписка

которого у меня есть. Около десяти дней тому назад «Plebe» стала снова выходить и поместила ваше Обращение к испанцам, а также — на очень видном месте — ваше заявление о самоисключении секций, отколовшихся от нашего Товарищества.

Соответствующие документы были посланы Испанскому федеральному совету.

Имевшийся у меня экземпляр поправок к уставу, приготовленный для бывшего Генерального совета, затерялся, но мне обещали прислать другой, который я и перешлю вам немедленно по его получении.

Так как «Plebe» снова ожила, то в своей первой корреспонденции в эту газету я напишу об итальянской эмиграции, стачке рабочих газового завода и пр. Я не мог сделать этого раньше, так как мой единственный корреспондент — Биньями — отсутствует, а другого адреса он мне не дал.

О марках я Ле-Муусю напоминал.

4 фунта 3 пенса получены и будут посланы по назначению, как только будет найден надежный адрес в Париже.

С братским приветом

Ваш Ф. Энгельс.

244.

Энгельс — Августу Бебелью

в Губергусбург¹.

Лондон, 20 июня 1873 г.

Дорогой Бебель!

Я сперва отвечаю на Ваше письмо, потому что письмо Либкнехта еще находится у Маркса, и он сейчас не может его разыскать.

Вовсе не Гепнер, а письмо Иорка Гепнеру, подписанное Комитетом, заставило нас опасаться, что партийное руководство, — к несчастью, насквозь лассальянское, — воспользуется Вашим заключением для того, чтобы превратить «Volksstaat» в нечто вроде «честного» «N[eu]er S[ocial]-D[emokrat]». В этих планах недвусмысленно признался Иорк, а так как Комитет приписал себе право назначения и смещения редакторов, то опасность была несомненно достаточно велика. Предстоявшая высылка Гепнера еще более укрепила эти планы. При таких обстоятельствах мы должны были знать совершенно точно, с чем мы имеем дело; отсюда — эта переписка.

Вам не следует забывать, что Гепнер, не говоря уже о Зейферте, Блосе и др., занимает по отношению к Иорку далеко не ту позицию, какую занимает Вы и Л[ибкнехт], основатели партии, и если Вы

¹ Копия на пишущей машинке.

попросту игнорируете подобные предложения, то вряд ли можно того же ожидать от них. Партийные инстанции как-никак всегда обладают известным формальным правом контроля над партийным органом; право это по отношению к Вам использовано не было, но на этот раз несомненно попытались им воспользоваться, и притом во вред партии. Мы сочли поэтому своим долгом сделать то, что от нас зависит, и, со своей стороны, воспрепятствовать этому.

Пусть Гепнер допустил тактические промахи в частностях, — главным образом *после* получения письма Комитета, — но по существу мы должны решительно признать его правоту. Упрекнуть его в слабости я тоже не могу, так как если Комитет дает ему ясно понять, что он должен выйти из редакции, и прибавляет, что иначе ему придется работать под началом Блоса, то я не вижу, какое он мог бы еще оказать сопротивление. Не мог же он, не подчиняясь Комитету, забаррикадироваться в редакции. После такого категорического письма со стороны стоящей над ним инстанции я нахожу даже простительными замечания Г[епнера] в «Volksstaat», которые Вы приводите и которые еще раньше произвели на меня неприятное впечатление.

Во всяком случае несомненно, что с тех пор, как арестован Гепнер и его нет в Лейпциге, «Volksstaat» стал значительно хуже, и Комитет поступил бы гораздо правильнее, если бы вместо того, чтобы ссориться с Гепнером, оказал ему всемерную поддержку. Комитет прямо потребовал, чтобы «Volksst[aat]» редактировался по иному, чтобы научные статьи были удалены и заменены передовицами в стиле «Neuer [Social-Demokrat]», и *пригрозил непосредственными принудительными мерами*. Я совершенно не знаю Блоса, но если этот же Комитет одновременно назначает его [редактором], то следует, повидимому, предположить, что Комитет разыскал человека, который ему по душе.

Что же касается отношения партии к лассальянству, то Вы, разумеется, могли бы лучше судить о том, какая в отдельных случаях должна применяться тактика. Но надо принять во внимание и следующее. Когда, подобно Вам, приходится до известной степени конкурировать со Всеобщим германским рабочим союзом, то легко может случиться, что уделяешь слишком много внимания сопернику и привыкаешь по каждому поводу думать прежде всего о нем. Но ведь Всеобщий германский рабочий союз и Социал-демократическая рабочая партия, вместе взятые, все еще составляют лишь ничтожное меньшинство германского рабочего класса. По нашему же мнению, подтвержденному многолетним опытом, правильная тактика в пропаганде состоит не в том, чтобы то тут, то там отбивать у

противника отдельных лиц, состоящих членами организации, а в том, чтобы воздействовать на широкие, еще не затронутые движением массы. Один свежий человек, которого мы сами извлекли из целины, ценнее десятка лассальянских перебежчиков, всегда приносящих с собой в партию элементы своих неправильных воззрений. Если бы удалось заполучить только массы без их *местных вожakov*, то это бы еще куда ни шло. К сожалению, всегда приходится получать в придачу уйму подобных вожakov, которые связаны своими прежними публичными выступлениями, если не своими прежними взглядами, и которые хотят во что бы то ни стало показать, что они не отреклись от своих принципов, что, наоборот, Социал-демократическая рабочая партия проповедует *истинное* лассальянство. Это и было бедой в Эйзенахе, — в то время, быть может, неизбежной бедой, — но партии эти элементы, без всякого сомнения, повредили, и еще вопрос, не оказалась ли бы партия к настоящему моменту и без тех, кто к ней тогда присоединился, — по крайней мере, не менее сильной. Во всяком случае было бы, по-моему, несчастьем, если бы эти элементы получили подкрепление.

Нельзя позволить сбивать себя с толку криками об «объединении». Как раз те, кто больше всего носятся с этим лозунгом, и являются главными зачинщиками раздоров; таковы нынешние бакунисты Швейцарской Юры, инициаторы всех расколов, которые ни о чем так громко не кричат, как об объединении. Эти фанатики объединения — либо ограниченные люди, желающие смешать все и вся в неопределенную кашу, которой стоит только немного устояться, чтобы различные элементы, сваленные в общий котел, пришли в еще более острое противоречие между собой (в Германии у вас есть превосходный пример в лице господ, проповедующих примирение рабочих и мелких буржуа); либо это — люди, желающие бессознательно (как, например, Мюльбергер) или сознательно фальсифицировать движение. Вот почему заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат о единстве. Ни от кого мы в течение нашей жизни не видали больших неприятностей и подвохов, чем от крикливых проповедников объединения.

Конечно, всякое партийное руководство стремится к успехам, и это очень хорошо. Но бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество пожертвовать успехом *немедленным* ради более важных вещей. Особенно такая партия, как наша, конечный успех которой абсолютно обеспечен и которая за наше время и на наших глазах так гигантски выросла, вовсе не нуждается всегда и безусловно в

немедленном успехе. Возьмите, к примеру, Интернационал. После Коммуны он имел огромный успех. Перепуганные на смерть буржуа считали его всемогущим. Массы в самом Интернационале думали, что так будет продолжаться вечно. Мы знали отлично, что пузырь *должен* лопнуть. К Интернационалу присасывалась всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребляли своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены величайшие глупости и низости. Мы этого не потерпели. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифицированным. В Гааге пузырь лопнул, и Вы знаете, что большинство участников конгресса разъехалось по домам с тяжелым чувством разочарования. А ведь почти все эти разочарованные, воображавшие, что в Интернационале они найдут идеал всеобщего братства и примирения, занимались у себя дома еще более жестокой дракой, чем та, которая разразилась в Гааге! Теперь сектантствующие склочники проповедуют примирение и кричат о нас, что мы — люди неуживчивые, диктаторы! А если бы мы в Гааге выступали примиренчески, если бы мы замяли назревший раскол, — каковы бы были последствия? Сектанты, т. е. бакунисты, получили бы в свое распоряжение лишний год времени, чтобы совершать во имя Интернационала еще большие глупости и мерзости, рабочие самых развитых стран отвернулись бы с отвращением; пузырь не лопнул бы, он медленно бы съежился, поврежденный булавочными уколами, и ближайший конгресс, тот, на котором кризис все же должен был бы разразиться, превратился бы в самую пошлую и скандальную свалку, так как *принцип* уже был бы принесен в жертву в Гааге. Вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб от «единства»! — Вместо этого мы отделались с честью для нас от гнилых элементов (присутствовавшие на последнем решающем заседании члены Коммуны говорят, что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата); мы предоставили им в течение десяти месяцев изо всех сил лгать, клеветать, интриговать, — а что из этого вышло? Эти мнимые представители огромного большинства Интернационала сами теперь заявляют, что они не отваживаются явиться на ближайший конгресс (подробности в статье, которая посылается одновременно с этим для «*Volksstaat*»). И если бы нам пришлось действовать еще раз, мы в общем и целом поступили бы не иначе; тактические ошибки, разумеется, всегда возможны.

Во всяком случае, я уверен, что лучшие элементы из числа лас-сальянцев со временем сами придут к вам, и было бы поэтому неразумно срывать плод, пока он еще не созрел, как этого хотят горесобъединители.

Впрочем, еще старик Гегель сказал: партия, которая, *раскалываясь*, в состоянии выдержать этот раскол, уже тем самым доказывает, что ей обеспечена победа. Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет. Только этим и объясняется, почему «солидарность пролетариата» в действительности повсюду осуществляется в виде различных партийных группировок, которые, подобно христианским сектам в Римской империи, даже подвергаясь тягчайшим преследованиям, борются между собой не на жизнь, а на смерть.

Не должны Вы забывать также и того, что если у «*Neuer [Social-Demokrat]*» больше подписчиков, чем у «*Volksstaat*», то это объясняется тем, что каждой *секте* непременно присущ фанатизм, и благодаря этому фанатизму, — в особенности же там, где секта нова (как, например, Всеобщий германский рабочий союз в Шлезвиг-Гольштейне), — она добивается гораздо более крупных и быстрых успехов, чем партия, которая без всяких сектантских странностей просто представляет действительное движение. Но зато фанатизм недолговечен.

Кончаю, сейчас отправляется почта. Второпях — еще об одном: М[аркс] не может взяться за Лассалья, пока не будет закончен французский перевод [«Капитала»] (приблизительно в конце июля), к тому же он настоятельно нуждается в отдыхе, потому что очень переутомлен.

Вы стойчески переносите свое заключение и притом занимаетесь; это — превосходно. Мы все заранее радуемся, что увидим Вас здесь в будущем году.

Сердечный привет Л[ибкнехту].

Искренно Ваш

Ф. Энгельс.

245.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 1 июля 1873 г.

Дорогой Кугельман!

Все сведения о болезни М[аркса] исходят от дурака Барри, который поместил об этом сообщение в газетах, и которому будет устроена надлежащая головомойка, если он покажется.

Дело в следующем. М[аркс] уже несколько лет время от времени, но все в прогрессирующей степени, страдает бессонницей, которую он объяснял всевозможными нелепыми причинами, например, своим застарелым горловым кашлем. Однако бессонница не прекращалась и после того, как кашель был вылечен. Дьявольская работа, которую ему приходится проделывать над французским переводом «Капитала», — он должен, можно сказать, делать новый перевод, — пристава-ния издателя, связанные с этим, а также и другие неприятности усилили болезнь, но он не хотел прекращать чрезмерной работы, пока, наконец, не начал ощущать сильнейшего давления в области темени, и бессонница не усилилась до такой степени, что даже очень сильные дозы хлорала перестали оказывать действие. Мне эта история знакома по опыту с Лупусом, который также сначала доработался до болезни, а затем врач запустил его болезнь, потом лечил его от менингита, которого у того не было; я тут же сказал М[арксу], что у него такое же состояние, какое было у Л[упуса], и что он должен прекратить работу. Сначала он пытался отделаться шуточками, но вскоре заметил, что, чем больше он себя принуждал работать, тем менее работоспособным он становился; я уговорил его поэтому поехать в Манчестер и посоветоваться с Гумпертом. В это время Гумперт был в Селле у своего двоюродного брата, капитана Вакса, так что до приезда Г[умперта] М[аркс] почти 12 дней отдыхал в Манчестере. Я письменно изложил Г[умперту] свое мнение, а также сообщил ему, что М[аркс] обычно очень быстро поправляется. Г[умперт] вполне согласился со мной и дал М[арксу] строгий наказ: работать не более двух часов утром и двух часов вечером, обязательный завтрак и обязательное движение после завтрака, легкие вина с содовой водой, больше двигаться, принимать воздушные ванны, — рецепт, который мне не приходилось встречать, — при упорной бессоннице очень большие дозы хлорала и т. д. М[аркс] приехал из Манчестера значительно поправившимся, и хотя он не всегда одинаково бывает в таком хорошем состоянии, чего нельзя было бы и ожидать, тем не менее даже в тяжелые для него дни ему теперь гораздо лучше, чем раньше. Я собираюсь вскоре на некоторое время вырвать его из его трудовой рутины, что, впрочем, и Г[умперт] предписал ему в качестве радикального лечебного средства; если только две-три недели он отдохнет на свежем воздухе, то опять сможет справиться с небольшой работой. Во всяком случае по ночам он спит четыре-пять часов без помощи хлорала и 1 — 1½ часа после обеда, а это больше, чем он спал обычно в течение почти целого года, — в Гааге, например, *он почти совершенно не спал.*

Кроме того, на этот раз он знает, что дело серьезное, и почти педантически выполняет предписания; а так как всякое ухудшение обнаруживается немедленно, то я всегда могу своевременно проповедывать ему покой и отдых.

Что касается прочего, то живем мы здесь сносно. Женни должна скоро разрешиться от бремени (но отнюдь *не давай ей понять*, что я тебе об этом писал). — Лафарг и я уже закончили работу о Бакунине и Альянсе, которая была поручена конгрессом; как только комиссия ее одобрит, она будет напечатана и вызовет ужасный скандал. — Лафарг и Дюпон организовали фабрику музыкальных инструментов, чтобы использовать взятый Д[юпоном] патент, Серрайе — их продавец, Жоаннар уехал в Ливерпуль. Вишар предполагает заняться торговлей. Моттерсхед попрежнему пьет. Хейлз и Юнг блестяще провалились со своей попыткой устроить здесь раскол. Энкариус совершенно исчез после того, как парламент не был распущен. Прочие новости я послал в «Volksstaat», где ты их и прочтешь в ближайшем номере

С сердечным приветом

Твой Ф. Энгельс.

246.

Маркс — Морису Лашатру
в Париж.

[Лондон,] 10 июля 1873 г.

Уважаемый гражданин!

Я только что после долгого перерыва послал г. Лажюру рукопись (Отдел VI) и корректуры.

Вы знаете, что самое опасное в болезнях — это рецидивы, но сейчас я нахожусь в таком состоянии, что снова могу серьезно взяться за работу над рукописью г. Руа. У меня накопилось уже довольно много листов этой рукописи.

Вызванный моей болезнью перерыв не может, однако, послужить причиной замедления печатания выпуска IV и приостановки печатания выпуска V.

Когда я уже был сильно болен, я дал распоряжение печатать 27-й лист, но так как его печатать можно только вместе с продолжением выпуска VI, то я хочу получить новую корректуру.

Ваш Карл Маркс.

247.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 26 июля [18]73 г.

Дорогой Зорге!

Вчера я телеграфировал (уплачено 1 фунт 16 пенсов):

«Энгельс — Зорге. Почтовый ящик 101, Хобокен, Нью-Йорк.

Серрайе да»

Поэтому вышли немедленно инструкции и материал С[еррайе], чтобы у него было время ознакомиться с работой и чтобы он не явился туда, не успев прочесть материала ¹. То же и относительно денег.

Ни я, ни Маркс не могли бы взять на себя этого дела без того, чтобы снова не поднялся старый крик: вот и видно, что всегда за этим кроется Маркс, а нью-йоркцы — лишь его пешки! Мне стоило большого труда убедить Серр[айе]; он нашел, наконец, место, которое его прилично кормит, и ему пришлось сначала улаживать это дело, что отняло три дня.

Биньями, который снова на свободе, я послал извещение о созыве конгресса. Серр[айе] также извещен, но, как уже было сказано, он больше не имеет корреспондентов во Франции.

Сегодняшней почтой отправляю тебе два пакета, в каждом по 16 экземпляров постановлений конгресса. Ты давно мог бы их получить по первому требованию. Но так как у вас не было французских секций, то я считал, что для нужд Генерального совета хватит того, что было послано. — В Буэнос-Айрес отправлено 8 или 10.

Денег я еще не получал.

«International Herald» с английским переводом постановлений конгресса достать больше нельзя. Кроме того, Райли отпал и перешел в республиканский лагерь, и отчеты Федерального совета теперь снова печатаются в «Eastern Post», к великому огорчению Юнга и Хейлза, органом которых эта газета была до Манчестерского конгресса; но конгресс их убил. Поэтому я не заказал «Int[ernational] H[erald]» для Мейера.

Заявления о мандатах посланы в Италию, Португалию и Испанию на французском языке.

Маркс и я будем рады получить оттуда мандаты. Нам, наверное, придется поехать в силу целого ряда соображений, хотя, мы, конечно, охотнее остались бы здесь.

¹ Речь идет о подготовке второго Женевского конгресса Интернационала, состоявшегося 8—13 сентября 1873 г.

Маркс дошлет выпуск «Капитала», если он этого еще не сделал. Французского перевода вышло четыре выпуска, издатель не без основания опасается, как бы при нынешнем поповском правительстве «Капитал» не конфисковали, поэтому последний и выходит так медленно.

Условия приема тред-юнионов были различны. Одни платили по 1 пенсу за каждого члена, другие — известную сумму со всего тред-юниона, иногда непосредственно вступал только Центральный совет, делавший единовременный взнос. Согласно соответствующей статье устава присоединение санкционировалось простым постановлением, и присоединившемуся тред-юниону выдавалось удостоверение. За 1 шиллинг они могли получить печатное с рисунком свидетельство, которое могли повесить на стену.

«Демократическую карманную книжку» и «Гайны Европы» можно было бы, пожалуй, достать, если бы были указаны более подробные данные о месте и времени издания; в книжных каталогах этого нет, а просмотреть каталоги Гинрихса за 20 лет, с тем, чтобы в конце концов ничего не найти (а это с книгами подобного рода вполне возможно), едва ли стоит.

Женевские деньги я все еще ношу в кармане из-за невозможных инструкций, которыми вы меня связали. Спрашивается, как найти адреса для отсылки денег вдовам и сиротам коммунаров? Эту часть денег я должен определенно держать в вашем распоряжении, так как мы абсолютно не можем выполнить этого поручения. Я предложил бы перевести их на имя Серрайе, поручив ему употребить их *по возможности* для указанной цели, — если не на это, то вообще на эмигрантов-коммунаров, — или же перечислить деньги Интернационалу: ему они, наверное, нужны, — эмигранты, которые еще не устроились здесь, не многого стоят. Я пошлю 10 шиллингов в Женеву. Остальное будет в вашем распоряжении.

Обервиндер. Мы вполне разделяем твое мнение, поскольку можем судить по *опубликованным* документам. О[бервиндер] всегда был примиренцем (trimmer), который придавал слишком много значения отсталым условиям Австрии, чтобы, таким образом, иметь предлог для посредничества. Напротив, Андр[еас] Шей в лучшем случае путаник, он желает для того, чтобы выдвинуться, «итти как можно дальше», и честолюбия у него во всяком случае больше, чем способностей. Мы давно его подозревали в том, что он поддерживает связь с бакунистами, а теперь он пользуется в своей программе («Volksstaat» № 59) фразой, непосредственно заимствованной у Бакунина: что все остальные партии по отношению к пролетариату *составляют*

единую реакционную массу. Мы воздержимся от суждений, пока не узнаем подробностей. Весьма подозрительно также и то, что Генрих Шей, который был в Гааге, уже свыше месяца находится здесь и показался у М[аркса] лишь после того, как встретился с женой М[аркса] на улице. Мы до сих пор избегали вести с ним разговоры об этом случае; он, впрочем, ведет себя вполне порядочно, бранит Бакунина и бланкистов, но все-таки это странно.

Пиль (Pihl) охарактеризовал мне *Вюрца* как тщеславного пролазу, считающего себя незаменимым; его нескромное выпячивание своей персоны очень им повредило. Короче говоря, датчане под влиянием фленбургских и других северо-шлезвигских лассальянцев склоняются скорее к Всеобщему германскому рабочему союзу и дали ему себя в него втянуть. Отсюда — их молчание. Чорт бы побрал социалистов всех этих крестьянских стран, их всегда можно подкупить фразами.

Посмотри, например, на наших бакунистов в Испании. По приказу Бакунина они в Алькое отменили государство (так называемые зверства, разумеется, — выдумки реакционеров) и создали Комитет общественного спасения (в числе членов Северино Альбарасин, член бакунистского Федерального совета в Валенсии и теперешней Комиссии по переписке, образованной в Кордове). Что же происходит? По предложению нескольких депутатов-посредников, заключают мир: с одной стороны, амнистия, с другой — отказ от сопротивления, и войска вступают [в город] при ликовании буржуазии! В Барселоне бакунисты недостаточно сильны и отважны, чтобы сделать подобную попытку, но там, где они только появляются, они всюду увеличивают «анархию», общую путаницу и... расчищают путь для карлистов.

Доклад об Альянсе печатается, — вчера читал первую корректуру, — должен быть готов через неделю, в чем я, однако, сильно сомневаюсь. Получится приблизительно 160 страниц, расходы по печатанию — около 40 фунтов — авансирую я. Тираж 1 000 экземпляров, цена 2 франка = 1 шиллингу 9 пенсам английских. Как только будут готовы первые экземпляры, я вышлю вам. Но так как эту штуку надо непременно *продать*, чтобы покрыть издержки, то сообщите мне сейчас же, сколько у вас там будет *заказано* экземпляров; тогда мы вышлем еще несколько лишних. Подыщи также *солидного* книгопродавца для распространения книжки. Цену вследствие дополнительных издержек надо будет установить в размере 60—75 центов, — это ваше дело, — мы во всяком случае должны получить по 1 шиллингу 9 пенсов за экземпляр, не считая тех, которые продаст книгопродавец, получив соответствующую скидку, иначе мы не

покроем издержек. Эта штука подействует на автономистов, как бомба, и если кого убьет, то в первую голову Бакунина. Составляли брошюру Лафарг и я вдвоем, только *заключение* написано Марксом и мной. Мы разошлем ее во все органы прессы. Ты сам удивишься гнусностям, которые там разоблачены, даже члены комиссии были изумлены.

Здесьшний Федеральный совет продолжает попрежнему влачить сонное существование, — за исключением напечатанных отчетов, я мало что о нем слышу. Во всяком случае Юнгу, Хейлзу, Моттерсхеду и К^о пришел конец, поскольку это касается их мнимого Интернационала.

Достань мне через Вюрца несколько адресов в Копенгагене, притом *немедленно*, чтобы я мог послать туда несколько экземпляров доклада об Альянсе. От Пиля больше ни звука, так что я не знаю, годится ли еще его адрес.

В остальном дело идет здесь так себе. Моя жена в Рамсгейте, г-жа М[аркс] тоже хотела поехать туда сегодня. У Женни Лонге, вероятно, днсй через 8—14 произойдет прибавление семейства. (Не пиши об этом ничего ни г-же М[аркс], ни М[арксу], пока не получишь официального извещения, — они очень щепетильны в семейных делах.) Лафарг и Ле-Муссю затеяли дело по гравированию, основываясь на патенте. Дюпон также старается использовать свой патент на музыкальные инструменты, но наталкивается большей частью на препятствия, которые заключаются главным образом в нем самом, ибо в практических делах он смыслит столько же, сколько мой пес.

Все это между нами, ты себе представить не можешь, насколько здешние люди чувствительны к персональным сообщениям, — и притом тем чувствительнее, чем больше сами они любят посплетничать.

В заключение: все-таки было бы лучше всего, если бы кто-нибудь из вас приехал; разве мы можем представлять здесь Генеральный совет так, как это сделал бы один из его членов?

Твой Ф. Энгельс.

248.

Маркс — Н. Ф. Даниэльсону
в Петербург.

Лондон, 12 августа 1873 г.

Милостивый государь!

В последние месяцы я тяжело болел, и одно время мое здоровье вследствие переутомления было даже в очень опасном состоянии.

В особенности пострадала моя голова, так что можно было опасаться апоплексического удара, и даже в настоящее время я все еще не способен работать более нескольких часов в сутки. Вот *единственная причина*, почему я так долго не извещал Вас о получении и еще до сих пор не поблагодарил за ту ценную коллекцию книг, которую Вы были так любезны прислать мне.

Вы уже, конечно, получили, — по крайней мере, я так понял Ваше последнее письмо, — три экземпляра однотомного издания «Капитала». Сегодня я посылаю Вам последний *выпуск* того издания, которое выходило отдельными выпусками.

В настоящее время мы печатаем «Разоблачения об Альянсе» (Вы знаете, что секта *титотелеров*¹ называет себя в Англии этим именем), и я хотел бы знать *самый дешевый* способ отправки Вам довольно значительного числа экземпляров [этой брошюры]. Письмо, имеющее отношение к главарю этой ханжеской компании, мы все еще держим в резерве.

Очень благодарен Вам за последнее длинное письмо; я постараюсь сделать из него надлежащее употребление. Оно имеет для меня большую коммерческую ценность.

Искренно Ваш

А. Вильямс.

249.

Энгельс — Джону Де-Моргану

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, 18 сентября 1873 г.]

Дорогой гражданин!

В понедельник я нашел у себя Ваше письмо, которое мисс Карролл оставила у меня дома. В тот день и во вторник я был настолько занят делами французских эмигрантов и Интернационала, что не мог заняться даже самыми срочными из своих собственных дел и не имел времени ответить на многочисленные письма, которые я нашел здесь по возвращении в город. Если бы не это, я тотчас написал бы Вам, что не смогу председательствовать в следующее воскресенье на ее докладе.

Во вторник, в тот момент, когда я уже собирался уходить по неотложному делу, которое *должно было* быть выполнено до часу

¹ Титотелеры (teetotallers) — так в Англии называются приверженцы полного воздержания от спиртных напитков. Маркс в данном случае имеет в виду бакунистов, выставлявших воздержание от участия в политической борьбе.

дня, мисс К[арролл] зашла вторично. Было половина первого, а мне надо было пройти свыше мили, чтобы быть на месте. Если бы даже прибыла с конца света дюжина старых моих друзей, я и то не мог бы поговорить с ними в тот момент, так как у меня не было и пяти минут лишних. Я поступил бы с ними точно так же, как поступил и с мисс К[арролл].

После того как я самым вежливым образом объяснил ей, в каком я нахожусь положении, она решительно поставила мне вопрос: да или нет, буду ли я председательствовать или нет; я ответил, что, к сожалению, не смогу, так как буду в этот вечер занят, и снова выразил сожаление по поводу того, что вынужден так быстро ее оставить; тогда она меня сразу прервала, не дав мне даже времени спросить, когда я с ней снова смогу встретиться, и, заявив, что она уже привыкла к подобным выходкам со стороны лондонских членов Интернационала, вышла из дома.

Мне было досадно за нее, так как я приписал ее поведение временному раздражению, вызванному неудачей. К сожалению, письмо, которое она мне потом написала и которое должно было быть оскорбительным, не оставляет сомнений в том, что скрыто за всем этим добродетельным негодованием.

Что же касается того, чтобы председательствовать в воскресенье, я вынужден был отказаться от этой чести:

1) потому что, как указано выше, я еще раньше обещал быть в другом месте;

2) потому что, вопреки Вашим предположениям, я не помню, чтобы слышал когда-либо раньше фамилию мисс К[арролл], равно как и не мог получить сведений о ней от тех немногих лиц, к которым обращался¹. Нельзя же требовать от меня, чтобы я председательствовал на докладах людей, о которых я ничего или почти ничего не знаю.

3) Я никогда еще не председательствовал на публичных митингах англичан и не намерен этого делать. Однажды я председательствовал на Вашем докладе, но это было на собрании немецкого частного общества, членом которого я состоял.

---

¹ Зачеркнуто: «Предположим даже, что она представляет собой то, чем Вы ее считали, когда рекомендовали мне, т. е. искреннюю революционерку, все же Вам должно быть известно, что революционеры бывают очень различного рода, и никто из нас не может публично солидаризироваться с любым из них. Поскольку я совершенно не знаю взглядов мисс К[арролл], то весьма возможно, что по окончании ее речи мне пришлось бы встать и заявить о своем несогласии с тем, что она говорила».

Во всяком случае этот маленький инцидент ¹ может принести некоторую пользу, если он убедит Вас в том, что не следует выдвигать кого-либо в председатели или каким-либо иным образом использовать его имя, не заручившись предварительно его согласием.

С братским приветом

[Ф. Э.]

250.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

27 сентября [18]73 г.

Дорогой Зорге!

Моя жена не раз писала тебе о состоянии моего здоровья; мне грозила серьезная опасность апоплексии, и еще до сих пор я очень страдаю от головных болей, так что мне приходится сильно ограничивать свое рабочее время. Вот единственная причина моего долгого молчания. Насколько я припоминаю, я писал в Нью-Йорк только один раз — Вольте ², когда из твоего письма мне показалось, что мое вмешательство могло бы быть полезно в целях смягчения и выяснения положения.

Фиаско Женевского конгресса было неизбежно. Дело было проиграно уже с того момента, как здесь стало известно, что из Америки делегаты не приедут. В Европе вас старались изобразить простыми статистами. Поэтому, если бы вы не явились, а мы явились, это было бы понято как подтверждение слухов, усердно распространяемых нашими противниками. Кроме того, это было бы сочтено за доказательство того, что ваша американская федерация существует лишь на бумаге.

Далее: английская федерация не собрала денег даже на одного делегата; португальцы, испанцы и итальянцы сообщили нам, что при данных обстоятельствах они не могут послать специальных делегатов; известия из Германии, Австрии и Венгрии были так же плохи; об участии французов не могло быть и речи.

Итак, не подлежало сомнению, что при таких условиях значительное большинство конгресса будет состоять из швейцарцев и притом только местных — женецев. Из самой Женевы мы не получали никаких сведений; Утина там больше не было, старик Беккер хранил упорное молчание, а г. Перре написал один или два раза — лишь для того, чтобы ввести нас в заблуждение.

¹ Зачеркнуто: «который для меня не представляет никакого значения».

² См. выше письмо Маркса — Вольте от 12 февраля 1873 г.

Наконец, в самый последний момент прибывает письмо от Женевского романского комитета Английскому федеральному совету, в котором женевцы, во-первых, отказываются от английских мандатов, далее — пишут в духе примирения и прилагают листовку, (подписанную Перре, Дювалем и др.), направленную непосредственно против Гаагского конгресса и старого Генерального совета в Лондоне. В известном отношении эти господа идут в ней даже дальше юрцев: они требуют, например, исключения так называемых *Kopfarbeiter* [рабочников умственного труда]. Интереснее всего, что это произведение написано жалким военным авантюристом *Клюзере* (в Женеве он именуется «основателем Интернационала» в Америке). (Этот господин хотел местопребыванием Генерального совета сделать Женеву для того, чтобы стать там тайным диктатором.)

Это послание вместе с приложением пришло как раз во-время, чтобы удержать Серрайе от поездки в Женеву (то же самое сделал и Английский федеральный совет), где он намерен был заявить протест против проделок женевских господ и заранее предупредить их, что их конгресс будет рассматриваться как чисто местное женевское дело. Было очень хорошо, что туда не явился никто из тех, присутствие которых могло бы сделать сомнительной такую характеристику конгресса. Хотя женевцам и не удалось завладеть Генеральным советом, но зато, как ты уже, вероятно, знаешь, они свели на-нет все, что было сделано со времени первого Женевского конгресса, и провели даже многое такое, что противоречит принятым на этом конгрессе резолюциям.

Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю чрезвычайно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала и только, если это окажется возможным, не выпускать из рук центрального пункта в Нью-Йорке, чтобы идиоты, вроде Перре, или авантюристы, вроде Клузере, не захватили руководства и не скомпрометировали все дело. События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернационала в улучшенной форме. Пока же достаточно будет не упускать из рук связей с наиболее дельными элементами во всех странах, а во всем остальном не обращать ни малейшего внимания на местные женевские решения и просто игнорировать их. Единственное хорошее решение, которое было там принято, — отложить конгресс на два года, — облегчает подобный образ действий. Кроме того, планы континентальных правительств расстроены тем, что при *предстоящем крестовом походе реакции* они не смогут использовать призрак Ин-

тернационала, больше того — буржуа всюду считают этот призрак благополучно похороненным.

Кстати. Совершенно необходимо, чтобы нам была *возвращена прихода-расходная книга*, касающаяся распоряжения деньгами эмигрантов Коммуны. Нам это абсолютно необходимо, чтобы мы могли оправдаться от клеветнических обвинений. Эта книга не имеет никакого отношения к общей деятельности Генерального совета, и, по моему, ее никогда не следовало бы выпускать из наших рук.

Я надеюсь, что американская паника не примет слишком больших размеров и не отразится слишком сильно на Англии, а следовательно и на Европе. Такие частичные кризисы всегда предшествуют периодическому всеобщему кризису. Если они слишком обостряются, то они только ослабляют общий кризис и смягчают его остроту.

Сердечный привет от моей жены.

Твой *Карл Маркс*.

Мне хотелось бы получить вырезки из американских газет о кризисе.

Каков *адрес* нашего общего друга ¹, душеприказчика Вейдемейера?

На следующей неделе Энгельс пошлет вам 25 экземпляров «*Альянса*», которые вам еще причитаются.

251.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 25 ноября [18]73 г.

Дорогой Зорге!

Вернувшись несколько дней тому назад из Германии, куда меня вызвала болезнь и смерть моей матери, я нашел твое письмо от 22 октября. Ты невольно оказался несправедлив по отношению ко мне, упрекая меня в том, что тебя так долго держат в неизвестности относительно всего того, что здесь произошло и на чем порешили. Вот — факты. После долгих колебаний, получая предостерегающие доклады из одних мест и не имея вовсе известий из других, М[аркс] и я пришли к убеждению, что конгресс по существу будет местно-швейцарским и что, поскольку на него никто не приедет непосредственно из Америки, лучше всего нам тоже не присутствовать. (Надо добавить, что ни для М[аркса], ни для меня не поступило никакого мандата, кроме альтернативного из

¹ Герман Мейер.

Америки.) Как только это было окончательно решено, я поехал в Рамсгейт, где уже находилась моя семья, на морские купанья, которые мне были весьма необходимы вследствие постоянной бессонницы и расстройства нервов. Туда М[аркс] написал мне о внезапно обнаруженной измене женевцев, что привело к решению не посылать на конгресс также и Серр[айе]. Я понял необходимость этого уже из письма М[аркса] и выразил свое согласие под условием, что Серр[айе] немедленно вам напишет. Через несколько дней я приехал на одни сутки в Лондон, чтобы уплатить типографу, печатавшему «Альянс», и организовать рассылку; тут я просмотрел соответствующие документы и убедился, что было бы величайшей глупостью, если бы Серр[айе] явился туда в качестве вашего представителя; отсутствие его, нас и всех немцев, за исключением *одного*, превращало конгресс в чисто местный съезд, который, в противоположность альянсистам, выглядел еще довольно прилично, но на Интернационал не оказывал ни малейшего морального влияния. К тому же общее мировое положение было таково, что *всякий* конгресс был обречен на неудачу, как это и случилось уже теперь, когда оба конгресса — как альянсистов, так и Интернационала — совершенно забыты. Итак, я настоял, чтобы М[аркс] немедленно известил вас, а сам затем снова уехал и до получения твоего письма был уверен, что это было сделано. М[аркс], со своей стороны, полагал, что Серр[айе], отправляя вам обратно деньги, уже уведомил вас и что поэтому он может подождать, пока не будет в состоянии сообщить вам также и о результатах конгресса и пр.

Но, как мы узнали лишь на прошлой неделе, Серр[айе] вместо этого сдал деньги на хранение Лафаргу, у которого я на этих днях их снова заберу и закуплю необходимое. У меня очень много работы по просмотру присланного мне очень скверного немецкого перевода брошюры об Альянсе, — она выйдет у Бракке в Брауншвейге. При исправлении этого перевода мне очень пригодился твой перевод, часть которого у меня имеется. Работа очень спешная, и ее необходимо закончить, так как рукопись нужно отослать обратно еще на этой неделе.

М[аркс] вчера поехал со своей младшей дочерью в Харрогейт, в Йоркшире, где они оба будут отдыхать некоторое время. Ему это необходимо; острые симптомы, наблюдавшиеся этой весной, исчезли, но наступило хроническое подавленное состояние мозга, делающее его неработоспособным и лишаящее его всякого желания писать; это состояние, если оно станет затяжным, может привести к плохим последствиям. На этих днях он посетит в Манчестере нашего друга

Гумперта, единственного врача, к которому он питает полное доверие и который лечил его также весной. Этому состоянию следует также приписать то, что тебе так долго пришлось ждать известий.

Бакунин вместо ответа на брошюру прислал в редакцию «Journal de Genève» заявление о своей политической смерти: «Я удаляюсь, отныне никогда не стану никого беспокоить и прошу только о том, чтобы меня также оставили в покое». Таким образом он сам себя бьет. Кроме этого заявления, никакой попытки ответить на что бы то ни было.

Утин здесь уже около месяца; он рассказал нам еще более удивительные вещи про Б[акунина]. Этот человек усердно применял свой катехизис на практике; уже ряд лет как он и его Альянс живут лишь *вымогательствами*, полагаясь на то, что ничего из этого не может быть предано гласности без того, чтобы не были скомпрометированы некоторые лица, с которыми приходится считаться. Ты и понятия не имеешь, что это за подлая банда. Вообще же в их псевдоинтернационале очень тихо, — брошюра рассеяла обман, и господам Гильому и К^о приходится выжидать, пока все это не будет несколько позабыто.

В Испании они сами себя погубили, — смотри мою статью в «Volksstaat».

Так же тихо и в настоящем Интернационале. От Меза, которому я писал в сентябре, ответа все еще не получил. В Португалии наших преследуют, и они должны соблюдать осторожность. В Италии образовалась секция в Меленьяно, о чем настоящим довожу до сведения Генерального совета, адрес ниже. «Plebe», однако, выходит очень нерегулярно и сильно спекулирует на посредничестве. Вот и все, что я имею сообщить. Здешняя федерация, покончив с Юнгом, Хейлзом и К^о, совершенно зачахла.

Людей почти не соберешь.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

Адрес Меленьяно:
Луиджи Зоакада,
Melegnano,
Provincia di Milano,
Italia.

1874 год.

252.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 19 января 1874 г.

Дорогой Венцель!

Энгельс передал мне твое письмо к нему. Вот почему я пишу тебе. После моего возвращения у меня на правой щеке появился карбункул, который оперировали; позднее у него было несколько маленьких наследников, и я надеюсь, что в настоящий момент я страдаю от *последнего* из них.

Раз навсегда: не обращай внимания на газетные сплетни и *тем более не отвечай на них*. Я даже позволяю английским газетам повествовать время от времени о моей смерти, не подавая и признака жизни. Для меня нет ничего неприятнее, как если бы про меня подумали, будто я через своих друзей (*ты в этом отношении великий грешник*) доставляю публике отчеты о состоянии моего здоровья. Я публику в грош не ставлю, и если мое случайное нездоровье преувеличивается, то это имеет, по крайней мере, ту хорошую сторону, что избавляет меня от всевозможных обращений ко мне незнакомых лиц со всех концов света (с теоретическими вопросами и другими).

Очень благодарен за любезные строчки от Графини и Френцхен.

Посылка «Frankfurter Zeitung» очень для меня кстати. Я нахожу там многое, что меня интересует.

Некоторая победа ультрамонтанов и социал-демократов на выборах — достойное возмездие г. Бисмарку и его буржуазному охвосту. В другой раз напишу больше.

Твой К. М.

Кстати. По совету моего друга д-ра Гумперта (из Манчестера), при первом признаке зуда, предвещающего появление карбункула, я втираю на угрожающем месте ртутную мазь и нахожу, что это средство действует совершенно исключительно.

Что же случилось с твоим другом д-ром Фрейндом из Бреславля, который, по твоему мнению, подавал такие большие надежды? По-видимому, в конце концов это лишь пустоцвет.

253.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Губертусбург.

Лондон, 27 января 1874 г.

Дорогой Либкнехт!

Я очень рад, что ты даешь мне повод написать тебе, в противном случае наша переписка из-за множества разнообразных вещей, которыми я принужден был заниматься в последнее время, окончательно заглохла бы. Итак, к делу.

Незадолго — приблизительно за неделю — до Женевского конгресса мы получили из Женевы маленькую брошюрку, в 16 страниц, за подписями Перре, Дюваля и еще примерно шести-восьми человек, большею частью, подобно Перре и Дювалю, руководителей женевского Интернационала и главных задир в борьбе против юрцев. В брошюре этой говорится, что Гаагский конгресс неправ, что Генеральный совет нужно ослабить, отнять у него право временно приостанавливать решения местных секций, перенести его обратно в Европу, но исключить Лондон на два года (дурни! как будто мы здесь по нем тоскуем) и пр. и пр. Затем пришло письмо от Перре; будучи главным зачинщиком и заправилой в склоке с бакунистами, он заявляет, тем не менее, что необходимо пойти на эти уступки, и тогда «некоторые юрские секции» — одна из них в Мюнстере — Монтье — примкнут к ним. — Как Перре, так и все остальные женевцы оставляли нас до самого последнего времени в полном неведении об этом новом повороте; все наши запросы о положении дел в Женеве они оставляли без ответа и, таким образом, внушали нам уверенность в том, что мы можем рассчитывать на безусловную поддержку в Женеве, — ведь лондонский Генеральный совет лишь благодаря этим людям втянулся в драку с бакунистами и благодаря им все глубже и глубже впутывался в это дело. Вдобавок еще за две недели до этого Перре обманул нас, сообщив, будто состав Романского комитета теперь иной и будто сам он оттуда устранился! Well [ладно]; так как все полученные нами известия заставляли нас предполагать, что конгресс превратился в чисто женевский, местный, в лучшем случае — швейцарский конгресс с незначительным участием других стран, то мы в конце концов решились совсем на него не являться. Дальнейший ход событий показал,

что мы были правы, и Беккер мог сказать женецам, внезапно ставшим «антиавторитарными», что они могут постановлять все, что им заблагорассудится, никому до этого дела нет, и следующий конгресс все опять переделает по-своему.

Тем временем, однако, мы раскусили всю клику. За кулисами стоял не кто иной, как авантюрист Кюзере, который и состряпал это замечательное произведение. Этот субъект вообразил, что наступил момент, когда он может стать во главе Интернационала и перенести Генеральный совет в Женеву; эта идея пришлась по вкусу и мелким женецким знаменитостям, вообразившим, что им удастся превратить Интернационал в местный швейцарский клуб сплетен, в котором они будут играть первую скрипку. При этом г. Перре всё время переписывался с находящимся здесь Юнгом, который в обычном для него со времени Гааги стиле наврал ему с три короба про ту большую поддержку, которая была бы им оказана отсюда, если бы они роль Интернационала *свели исключительно к учреждению, оказывающему помощь в случае стачек* и т. д.

Женецкие *faiseurs* [дельцы] послушались, и, таким образом, возникла «Union des Travailleurs», газета, за которой стояли только Кюзере, Перре и К^о со своим проектом «Всемирной лиги». Это была новая, несколько видоизмененная попытка поставить Интернационал на службу женецам.

Но проект этот оказался мертворожденным. Корреспонденции для газеты из Германии, Бельгии, Франции — все фабриковались в Женеве, только лондонские принадлежали Юнгу и были настолько же лживы, насколько Юнг научился лгать за последние 15 месяцев. Явившись в женецкие секции, эти люди провалились со всеми своими мелкими планами везде без исключения. Бельгийцы вообще не захотели с ними связываться, а теперь и Шеффилдский конгресс, как и должен был предвидеть всякий, кто знаком с английскими тред-юнионами, тоже выставил их за дверь. Таким образом, этот замечательный проектец благополучно погребен, и г. Перре действительно может теперь *устраниться*.

Итак, ты видишь, как те же ничтожные ослы, которые умышленно сорвали Женевский конгресс, вслед за этим перекрасились в новый цвет и попытались снова смошенничать, но это, к счастью, не удалось.

Брошюра об Альянсе достигла, впрочем, своей цели. Всей печати раскольников, которая была искусственно создана и поддерживалась только престижем Интернационала, теперь капут. Брюссельская «L'Internationale», вероятно и «Le Mirabeau», не говоря уже о

«Liberté», закрылись, как и многочисленные испанские и итальянские газетки. Выходят ли еще «La Federacion» и «Bulletin Jurasien», я не могу точно сказать, но думаю, что нет. Вместо этой сектантской печати постепенно появится лучшая; правда, это потребует известного времени, но не беда. Сперва должны до конца выветриться негодные элементы, и только тогда смогут появиться лучшие.

Здесь все оплачиваемые буржуазией, в особенности же Джоном Морлеем, рабочие вожди прилагают все усилия к тому, чтобы быть избранными в парламент буржуазией в качестве *Working Men's Candidates* [рабочих кандидатов]. Но это вряд ли им удастся, как бы мне ни хотелось, чтобы вся банда попала туда: я этого хочу по тем же самым причинам, по которым я радуюсь избранию Газенклевера и Гассельмана и с огорчением не досчитываюсь только своего Тельке. Рейхстаг уничтожил Швейцера, уничтожит и их. Тут комедии наступает конец, тут приходится раскрывать карты.

Выборы в Германии ставят немецкий пролетариат во главе европейского движения. Впервые рабочие выбирают en masse [всей массой] своих людей, выступают в качестве самостоятельной партии, и притом во всей Германии. Вряд ли можно сомневаться в том, что последует ограничение избирательного права, хотя, быть может, и не раньше, чем через один-два года. Насколько прав феодальный социалист Р[удольф] Мейер, утверждающий, что Всеобщий германский рабочий союз, несмотря на своих вождей, становится все более и более международным, доказали перевыборы во Франкфурте, где эти ослы все-таки должны были голосовать за Зоннемана и вели себя при этом совершенно корректно: сперва за нашего кандидата при перебаллотировке, а когда он не проходит, то за противника правительства, кто бы он ни был. Но историческое развитие имеет свои законы, против которых бессилен даже могучий Газенклевер.

О Марксе вы уже получили известия. Ему лучше, но прежде всего ему необходимо избегать *чрезмерной работы*. Сегодня мы с ним вместе отправились в Хемпстед-Хизс, и это ему следовало бы проделывать каждый день; из этого ты можешь, таким образом, заключить, что нет и речи о том, чтобы не выходить из дому и т. п.

Думаю, что рейхстаг спокойно предоставит вам отсидеть свой срок за решеткой; было бы поэтому хорошо, если бы Якоби был избран.

Я хотел написать для «Volksstaat» кое-что о Германии, но по этому поводу погрузился в такие экономические и статистические исследования, что получится, пожалуй, книжонка, если не целая книга.

Сердечный привет Бебелю.

Твой Ф. Э.

[На полях:] «Federacion» и «Mirabeau», а также «L'ami du Peuple» еще выходят. «L'Internationale» лопнула.

254.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 14 февраля 1874 г.

Дорогой Зорге!

Собщаю тебе наспех список того, что я отправил тебе по почте:

Около двух недель тому назад — один пакет с 12 экземплярами «Альянса», третьего дня два пакета по 50 = 100 экземпляров устава на английском языке.

Я достал здесь около 300 экземпляров устава на немецком языке, Английский федеральный совет обещал мне еще 400 — 500 штук на английском. Как только я их получу, то пошлю тебе все это вместе с несколькими экземплярами «Альянса», через компанию посылок. Отправлять по почте стало слишком дорого, английские уставы обошлись в 4 шиллинга! Чтобы уменьшить тебе пошлину, я буду именовать тебя в адресе генеральным секретарем Международного товарищества рабочих и пр.

Было ясно, что нью-йоркское движение ускользнуло из ваших рук, как только публичные митинги и другие демонстрации стали заменять настоящую работу и организацию.

Господа немцы теперь, наверное, поняли, что значит связаться с мошенниками — янки.

Скоро еще!

Твой Ф. Энгельс.

255.

Энгельс — Вильгельму Блосу

в Лейпциг.

Лондон, 21 февраля [18]74 г.

Дорогой друг Блос!

Посланное получил, благодарю. Прилагаю статью об английских выборах. Первая статья из серии о военном законе последует через несколько дней; вторая — как только получу речь Мольтке¹.

¹ Статья Энгельса «Die englischen Wahlen» [«Английские выборы»] была напечатана в качестве передовой в № 26 «Volksstaat» от 4 марта 1874 г., две статьи под заглавием «Das Reichsmilitärgesetz» [«Имперский военный закон»] были напечатаны в качестве передовиц в №№ 28 и 29 «Volksstaat» от 8 и 11 марта 1874 г.

Якоби ведет себя безответственно. Если он не хотел принять [депутатские полномочия], то должен был своевременно попросить Комитет партии выставить его только как «имя» в совершенно безнадежных округах. У рабочих нет ни денег, ни времени, чтобы заниматься такими пустыми демонстрациями. Для того, чтобы провести Бракке, понадобится огромное напряжение, а победа вдвойне важна именно потому, что это сельский округ. Якоби скомпрометировал себя этим раз навсегда; этот человек *перемудрил*. И притом такие невероятно плоские, вульгарно-демократические аргументы! Обрушиваться на *насилие* как на нечто само по себе неприемлемое, в то время как все мы знаем, что без насилия нельзя, в конечном счете, ничего добиться! Если бы нечто подобное написал Лёб Зоннеман или Карл Майер из швабского «*Veobachter*», это бы еще куда ни шло — но не кандидат нашей партии! Во всяком случае, хорошо, что он сам свел себя к одному только «имени».

А вообще — это очень мило и логично: с одной стороны, он отвергает *насилие*, с другой стороны — парламентскую легальную деятельность; что же тогда остается, кроме чисто бакунинского воздержания?

Письмо Либкнехта вчера получил.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

256.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 27 февраля 1874 г.

Дорогой Зорге!

Я послал тебе сегодня перечисленные на обороте вещи посылкой, адресованной Ф.-А. З[орге], генеральному секретарю Международного товарищества рабочих, 25, *Hudson St. Hoboken N. J. via New-York*, через посылочную контору В. Уэтли и К^о — нью-йоркские ее агенты В. Г. Бекнэм и К^о 57, *Broodway* — с объявленной ценностью в 10 ф. ст.

От обленившегося Британского федерального совета я не мог добиться даже официального определения цены устава на английском языке — получил лишь открытку от Барри: «*Думаю, что 1¹/₂ пенса будет достаточно!*»

«Альянсы» я считаю по 2 шиллинга, но оплачиваю пересылку тех, что посланы по почте.

Через час мне придется уехать на несколько дней, поэтому будь здоров и держись храбро. Ваша полиция как будто хочет перещеголять версальцев.

Твой Ф. Энгельс.

257.

Маркс — Джорджу Муру
в Лондон.

Черновик.

Лондон, 26 марта 1874 г.
1, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь!

Само собой разумеется, я охотно предоставляю Вам время, чтобы Вы могли решить, как для Вас лучше урегулировать Ваш личный расчет со мною¹.

Но в моем письме был и другой пункт, на который Вы не обратили внимания. Для того, чтобы сберечь расходы, всегда связанные юридическими письмами, я просил Вас послать мне 2 фунта 15 шиллингов, которые г. Лестер Коллье должен фирме и которые, *согласно решению суда*, должны быть уплачены мне, равно как и прочие несобранные долги.

Сегодня, однако, я узнал о некоторых обстоятельствах, которые рисуют положение с собиранием подлежащих оплате долгов в весьма некрасивом свете.

Как я уже сообщил Вам в моем последнем письме, гг. Мерриман, Пауэлл и К^о писали различным фирмам (кроме г. Л. Коллье), требуя с них уплаты сумм, которые те должны. Сегодня в своей конторе они показали мне три ответных письма, полученные ими до настоящего времени.

Первое письмо от г. Дикса (датированное 25 марта). В нем он сообщает, что он «уплатил свой долг 31 января [18] 74 г.» и что у него есть расписка, на которой значится: «Получено для Мура и Ле-Муссю. Л. Рошер».

Второе письмо от «Gardener's Chronicle» (датированное 25 марта, и, согласно ему, «они уплатили все 26 февраля»).

Последнее письмо (датированное 25 марта) от г. Тернера (Дувр). Он сообщает в нем, что у него «есть расписка от гг. Ле-Муссю и

¹ Речь идет о товариществе «Мур и Ле-Муссю» в Лондоне (изготовление гравюр); Маркс был одним из компаньонов товарищества с осени 1873 г., вступив туда вместо Лафарга. См. письма Энгельса — Марксу в т. XXIV от 3 сентября и 5 декабря 1873 г.

Мура». Я думаю, что и прочие письма, которые придут еще, будут в том же роде.

Как бы то ни было, эти три уже установленные случая дают повод не только для подачи иска в суд графства, но, как я опасаясь, и для возбуждения дела о растрате — таково, по крайней мере, мнение гг. Мерримана, Пауэлла и К^о ввиду того, 1) что эти деньги были взяты не только после распускания паевого товарищества, но и в момент возбуждения судебного дела и после предупреждения, посланного г. Стену 22 января гг. М[ерриманом], П[ауэллом] и К^о; 2) что факт получения денег был скрыт не только от меня, но и от [третьей-ского] судьи г. Гаррисона, когда он в присутствии трех компаньонов рассматривал каждую отдельную статью в списке подлежащих погашению долгов, первоначально составленном Вами, — этот факт г. Гаррисон должен будет подтвердить, когда он будет вызван в качестве свидетеля; 3) что после того как решение было сообщено заинтересованным сторонам, о пропорциональном разделе денег мне ничего заявлено не было.

Я вынужден теперь просить Вас написать мне немедленно, в какой мере Вы действовали совместно с г. Ле-Муссю в каждом отдельном случае. В тот момент, когда мои адвокаты получают от меня окончательные инструкции, — а Вы понимаете, что я вовсе не намерен возиться с этим делом дольше, чем это абсолютно необходимо, — я уже не смогу приостановить те неприятные мероприятия, которые могут быть вызваны этими «весьма некрасивыми фактами».

Искренно Ваш

Карл Маркс.

258.

Маркс — Джорджу Муру

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 28 марта 1874 г.

Г-ну Дж. Муру.

В Вашем вчерашнем письме содержатся утверждения, которые основываются отчасти на неверном изложении фактов, а отчасти на неправильном их истолковании.

Во-первых, о неверном изложении Вами фактов.

В первом сообщении моих адвокатов, переданном г. Гаррисону, когда он был назначен третейским судьей, я заявил не только о том, что получил деньги, собранные «*The Engineer*» и «*The Farmer*» (но никаких «прочих», как это сказано в Вашем письме), но и что я их истратил и даже в несколько большей сумме, уплатив гг. Лонге и

Гризе ¹. В первый день нашего расследования я передал соответствующие расписки г. Гаррисону в подтверждение моего заявления.

Когда г. Стен в своем возражении заявил, что меня никто не назначал ликвидатором предприятия, я ответил, что, будучи единственным кредитором его, я имел полное право действовать в качестве своего собственного ликвидатора. Это мое заявление содержится также в моем письменном ответе на возражения Стена, и заявление это я передал г. Гаррисону на второй день нашего расследования, а теперь он вернул его моим адвокатам. В своем решении г. Гаррисон буквально подтвердил мое право, признав меня моим собственным ликвидатором. Больше того: когда Ле-Муссю в своем заявлении под присягой заявил г. Гаррисону, что машины уже перешли в мое владение, — это в буквальном смысле было не вполне точно, но это было правильно в том смысле, что Вы в то время хранили эти машины для меня, — я несколько не опровергал его заявления.

Поэтому с моей стороны никакого сокрытия фактов не было.

Во-вторых. Неправильное истолкование Вами фактов. Чтобы показать лживость утверждений Ле-Муссю, на которых он, давая свои показания под присягой г. Гаррисону, имел наглость настаивать, я доказал, что деньги были собраны не им, а что, наоборот, фактуры были написаны Вами на *мое имя* и переданы Вами Лонге, который и собирал по ним деньги от имени фирмы, и что даже имя мое совсем не упоминалось в «*Mercurer*». Эта сделка ²... когда началось судебное разбирательство, я не предпринял никаких шагов [для выяснения вопроса о том], кто должен получать неуплаченные долги. Теперь Вы сами можете судить о том, похож ли сколько-нибудь мой образ действий на Ваш.

Перехожу к другому пункту. В своем письме Вы заявляете:

«Я получил деньги из *Дузра* и от «*Gardener's Chronicle*» и пошлю Вам *счет Коллье*». Вы не упоминаете о *Диксе*, но я надеюсь, что в Вашем следующем письме от понедельника мне будут сообщены все подробности.

В заключение позвольте мне заметить, что относительно *законности* предпринятых в прошлом шагов я сообщил Вам не свое собственное мнение, которое ни в коем случае не является еще окончательным, а мнение, высказанное адвокатами, — г. Мерриманом и г. Пауэллом во время свидания, которое я имел с ними в присутствии еще одного лица в прошлый четверг.

Ваш *К. Маркс.*

¹ Зачеркнуто: «кредиторам предприятия».

² В оригинале фраза не закончена.

259.

Маркс — Морису Лашатру

в Париж.

[Лондон,] 12 мая 1874 г.

Дорогой гражданин!

Только сегодня я переслал в Париж присланные мне корректурные листы. У меня был рецидив болезни; мой врач послал меня на морские купанья в Рамсгейт, запретив мне всякую работу. Словно сам черт вмешался в дело. Теперь я чувствую себя лучше и надеюсь, наконец, покончить с этим. Всего будет (включая начатый выпуск), пожалуй, еще три выпуска.

Я Вам очень благодарен за Ваши исправления и т. д. Фразу, которую Вы мне указали, я изменил.

Как Вы, вероятно, помните, я писал Вам в Сен-Себастьян, что Бисмарк поддерживает Тьера, но что Арним, прусский посол, при поддержке короля устраивает заговоры с роялистами. Бисмарк, наконец, одолел Арнима и добился его отъезда из Парижа.

Ваш *Карл Маркс*.

Рукопись Руа давно уже закончена, но так как ее от начала до конца пришлось переделывать, то типограф в Париже еще не получил моего оригинала, для которого она служит лишь черновым наброском.

260.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 18 мая 1874 г.

Дорогой Кугельман!

Я все получил: твои письма (включая несколько дружеских строк твоей милой жены и Френцхен), «Майера» (полицейский социалист, интриган, литературный пачкун), вырезки из «Frankfurter [Zeitung]» и т. д., наконец письмо г-жи Тенге.

Я крайне благодарен тебе, твоим семейным и г-же Тенге за дружеское участие к моему здоровью. Но ты не прав относительно меня, если приписываешь мою лень в переписке другим причинам, кроме плохого состояния здоровья, из-за которого я беспрестанно должен то прерывать свои работы, то снова браться за них и наверстывать упущенное время, забрасывая при этом все другие обязанности (включая сюда и письма); все это неизбежно создает дурное настроение и делает человека неспособным ни к чему.

По моем возвращении из Харрогейта у меня был сначала приступ карбункула, потом вернулись опять головные боли, бессонница и пр., так что я должен был провести время с середины апреля до 5 мая в Рамсгейте (на морском берегу). С тех пор мне гораздо лучше, но я далеко еще не вполне поправился. Мой врач (д-р Гумперт в Манчестере) настаивает на том, чтобы я ехал в Карлсбад, и хочет отправить меня туда возможно скорее, но я должен же, наконец, закончить французский перевод, который совсем остановился, и, кроме того, мне было бы гораздо приятнее встретиться там с тобой.

В тот промежуток времени, когда я был не способен писать, я собрал значительный новый материал для второго тома. Но я не могу заняться его окончательной обработкой до окончания французского издания и полного восстановления моего здоровья.

Таким образом, я никак не решил еще относительно лета.

Успехи немецкого рабочего движения (включая сюда и австрийское) вполне удовлетворительны. Во Франции недостаток теоретического обоснования и практического здравого смысла очень чувствителен. В Англии в настоящее время прогрессирует только движение сельских рабочих; промышленные рабочие должны прежде всего избавиться от своих теперешних вожakov. Когда я на Гаагском конгрессе напал на этих господ, я знал, что навлеку на себя этим непопулярность, клевету и пр., но к такого рода последствиям я всегда относился равнодушно. Кое-где начинают убеждаться, что этими нападками я лишь исполнял свой долг.

В Соединенных Штатах нашей партии приходится бороться с крупными, частью экономическими, частью политическими препятствиями, но она проложит себе путь. Крупнейшим тормозом там являются профессиональные политики, которые стремятся тотчас же извратить каждое новое движение и построить на нем новый «грюндерский гешефт».

Несмотря на все дипломатические ходы, новая война — немного раньше, немного позднее — неизбежна, и до ее окончания вряд ли дело дойдет где-нибудь до сильного народного движения, или, самое большее, оно будет носить местный и незначительный характер.

Присутствие здесь русского царя причиняет много хлопот лондонской полиции. И довольно же будет здешнее правительство сбывать его поскорее с рук! По своей предусмотрительности оно выписало от французского правительства 40 полицейских агентов (шпионов) с известным полицейским комиссаром Блошем во главе (Али-Баба с 40 ворами), чтобы следить за здешними поляками и русскими (во время пребывания здесь царя). Так называемая петиция здешних

поляков об амнистии является делом рук русского посольства; здешние поляки выпустили против этого воззвание, составленное и подписанное Врублевским, обращенное к англичанам и широко распространяемое на воскресных митингах в Гайд-парке. Здешняя пресса (за незначительным исключением) виляет хвостом: царь ведь — «наш гость»; но, несмотря на все это, действительное настроение по отношению к России более враждебное, чем когда-либо со времени Крымской войны, и вступление русской принцессы в королевскую семью скорее усилило, чем уменьшило это подозрительное отношение. Факты, вроде произвольной отмены постановлений Парижского мирного договора относительно Черного моря, завоеваний и проделок в Центральной Азии и пр., наскучили Джону Буллю, и Дизраэли не имеет шансов удержаться долго у кормила правления, если он будет продолжать вести внешнюю политику медоточивого Гладстона.

Мой дружеский привет твоей семье и г-же Тенге.

Твой К. М.

261.

Маркс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

[Лондон,] 24 июня 1874 г.

Дорогой Кугельман!

Я решил, наконец, поехать со своей младшей дочерью Элеонорой (которую мы зовем Тусси) в середине августа в Карлсбад. Поэтому прошу тебя позаботиться о помещении и написать мне, сколько приблизительно все это будет стоить в неделю. Дальнейшее будет зависеть от обстоятельств.

Сердечный привет Графине и Френцхен.

Твой К. М.

Австрийское правительство возможно будет настолько глупо, что постарается воспрепятствовать мне; желательно поэтому никому ничего не сообщать о предполагаемом путешествии.

262.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 4 августа 1874 г.

Дорогой Зорге!

Мое долгое молчание совершенно непростительно, но все же есть и смягчающие обстоятельства. Проклятая болезнь печени настолько прогрессировала, что я положительно был не в состоянии

продолжать просмотр французского перевода (который в сущности сводится к полной его переработке) и с большой неохотой подчиняюсь предписанию врача — отправиться к Карлсбад. Меня уверяют, что по возвращении я буду снова вполне работоспособным, а *нерботоспособность* — ведь это в сущности смертный приговор для всякого человека, кто не хочет быть скотом. Это — дорогое путешествие, и жизнь там обойдется не дешево; при этом неизвестно, не прогонит ли меня еще дурацкое австрийское правительство? Пруссакки вряд ли были бы настолько глупы, но они любят подстрекать австрийцев к подобным компрометирующим шагам, и я действительно думаю, что ложные газетные слухи относительно того, будто Рошфор собирается в Карлсбад и т. п., исходят от г. Штибера и в конечном счете имеют в виду меня. У меня нет ни лишнего времени, ни лишних денег, и поэтому я решил хлопотать о натурализации в Англии. Однако весьма возможно, что английский министр внутренних дел, который в вопросе о натурализации распоряжается, как султан, расстроит все мои планы. Дело решится, по всей вероятности, на этой неделе. Во всяком случае я поеду в Карлсбад уже из-за моей младшей дочери, которая была серьезно и опасно больна и только теперь в состоянии поехать; ее врач предписал ей тоже Карлсбад.

Нас постигло большое несчастье: около недели тому назад умер одиннадцатимесячный ребенок Женни (г-жи Лонге) — прелестный мальчик. Он пал жертвой молниеносной холерыны.

Бейфусу я дал расписку за переданные мне деньги (гораздо лучше было бы оставить их в Нью-Йорке, так как я нуждаюсь время от времени в американских вещах, — я подразумеваю американские издания). Передай также секции № 1 мою сердечнейшую благодарность за коробку превосходных сигар.

Те несколько французов (из числа тех, которые в Гааге были еще за нас) оказались впоследствии большей частью негодьями, особенно г. Ле-Муссю, который надул меня и других на значительные суммы, а затем посредством гнусной клеветы старался изобразить из себя непризнанную благородную душу.

В Англии Интернационал в настоящее время почти умер, Лондонский федеральный совет существует, как таковой, только номинально, хотя отдельные члены его и ведут индивидуальную работу. Крупным событием является здесь возрождение движения сельскохозяйственных рабочих. Не беда, что их первые попытки потерпели неудачу, — наоборот. Что касается городских рабочих, то можно лишь пожалеть о том, что вся свора их вождей не попала в парламент. Это самый верный способ освободиться от этой сволочи.

Во Франции в различных больших городах организуются рабочие синдикаты, состоящие друг с другом в переписке. Они ограничиваются *чисто профессиональными* задачами и не могут поступать иначе. В противном случае их закрыли бы без всяких церемоний. Все же таким образом создается своего рода организация, некоторый отправной пункт, из которого можно будет исходить в тот момент, когда снова станет возможным более свободное движение.

Испания, Италия и Бельгия своим практическим бессилием показывают истинное содержание своего сверхсоциализма (Suprasozialismus).

В Австрии люди работают при самых тяжелых условиях; они вынуждены соблюдать величайшую осторожность; тем не менее они добились большого успеха, — а именно побудили славянских рабочих в Праге и других местах действовать совместно с немецкими рабочими. За последнее время пребывания в Лондоне Генерального совета я тщетно пытался добиться подобной солидарности.

В Германии на нас работает Бисмарк.

Общеввропейская обстановка такова, что она все больше и больше ведет к *общеввропейской войне*. Мы должны пройти через это, прежде чем можно будет думать о каких-либо решительных действиях европейского рабочего класса.

Моя жена и дети шлют тебе сердечный привет.

Твой *Карл Маркс*.

Переиздание брошюры Б. Беккера о лассалевском движении, несмотря на всевозможные присущие ей недостатки, очень полезно для того, чтобы покончить с этой сектой.

Ты, вероятно, заметил, что в «*Volksstaat*» время от времени помещаются филистерские фантазии недоучек. Хлам этот исходит от школьных учителей, докторов и студентов. Энгельс уже намылил голову Либкнехту, что, повидимому, время от времени для него необходимо.

При оценке французских и особенно парижских условий не следует забывать, что наряду с официальными военными и политическими властями работает тайком шайка бонапартистских проходимцев в эполетах, из которых великий республиканец Тьер сформировал *военные суды* для истребления коммунаров. Суды эти образуют своего рода тайный террористический трибунал, их сыщики — повсюду, и из-за них особенно небезопасны парижские рабочие кварталы.

263.

Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

Лондон, 4 августа 1874 г.

Дорогой Кугельман!

Приблизительно неделю тому назад я написал твоей милой жене несколько строк с извещением о смерти моего единственного внука и тяжелой болезни моей младшей дочери. Это не было просто случайной болезнью, нет, это был острый приступ продолжительного недуга. Теперь Элеонора уже встала с постели, гораздо скорее, чем на то надеялся ее врач (г-жа Андерсон-Гаррет). Она уже в состоянии предпринять путешествие, хотя, конечно, еще слаба. Г-жа Андерсон считает пользование карлсбадскими водами очень желательным для полного восстановления ее здоровья, а мне д-р Гумперт тамошнее лечение не только рекомендовал, но прямо-таки *предписал*. Мне, конечно, тяжело покинуть теперь (т. е. через две недели) Женни. В этом отношении я являюсь менее стойким, чем в других вещах, и семейные несчастья обходятся мне всегда дорого. Чем больше живешь, как живу я, почти совершенно замкнуто от внешнего мира, тем более связывает узкий круг семейных привязанностей.

Во всяком случае ты должен сообщить мне твой точный карлсбадский адрес. Прошу также очень извиниться за меня перед твоей женой и Френцхен за то, что я не ответил на их милые дружеские письма.

Твой К. М.

264.

К. Маркс — Людвигу Кугельману
в Ганновер.

[Лондон,] 10 августа 1874 г.

Дорогой Кугельман!

Я не могу выехать отсюда раньше 15 августа (в субботу) и потрачу на проезд до места назначения, вероятно, дня четыре, потому что Тусси нельзя слишком утомлять.

Привет.

Твой К. М.

265.

Энгельс — Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 12 [—17] сентября 1874 г.

Дорогой Зорге!

Прилагаю денежный отчет, который ты просил. Что касается устава на немецком языке, то посмотри, пожалуйста, книги и выясни, оплатил ли старый Генеральный совет расходы по печатанию или нет. Я полагаю, что нет, «*Volksstaat*» поставил их *особо* в *мой счет*, и, насколько помню, денег мне не вернули. Но если в книге есть пометка об уплате, произведенной Генеральным советом, то, разумеется, экземпляры эти переходят по наследству к новому Генеральному совету, и ему причитается получить *6 фунтов 3 шиллинга 6 пенсов*. Геперешний Генеральный совет, если у тебя нет никаких претензий, которые имеют, разумеется, преимущественное значение, может распоряжаться этими деньгами, *если ты с этим согласен*. Я авансировал на печатание «Альянса» 32 фунта и, *наверное*, потерю половину этой суммы, поэтому к концу года можно будет представить порядочный контрсчет. Собственно говоря, бессмысленно давать деньги этим ничтожествам, которые способны только окончательно погубить дело.

С твоим уходом *старый* Интернационал полностью завершил свое существование. И это хорошо. Он принадлежал к периоду Второй империи, когда царивший во всей Европе гнет предписывал только что пробуждающемуся вновь рабочему движению единство и воздержание от всякой внутренней полемики. Это был момент, когда всеобщие космополитические интересы пролетариата были выдвинуты на первый план, когда Германия, Испания, Италия, Дания только что вступили в движение или еще только вступали. В 1864 г. теоретический характер движения во всей Европе, т. е. в массах, был еще очень неясен, немецкий коммунизм еще не существовал как рабочая партия, прудонизм был слишком слаб, чтобы выезжать на своем излюбленном коньке, а новая белиберда Бакунина не существовала еще даже и в его собственной голове; даже вожди английских тредюнионов считали возможным вступить в движение на основе программы, изложенной в введении к уставу. Первый крупный успех должен был разрушить это наивное сотрудничество всех фракций. Таким успехом была Коммуна, которая была несомненно духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом, на

Интернационал до известной степени вполне справедливо возлагалась ответственность за Коммуну. Когда же Интернационал благодаря Коммуне стал в Европе моральной силой, тотчас началась склока. Каждое течение хотело использовать этот успех для себя. Начался распад, который был неизбежен. Зависть к растущей силе единственных людей, которые действительно готовы были продолжать работу на основе старой широкой программы, — программы немецких коммунистов, — толкнула бельгийских прудонистов в объятия бакунистских авантюристов. Гаагский конгресс был действительно концом, и притом для обеих партий. Америка была единственной страной, где именем Интернационала еще можно было что-то сделать, почему здоровый инстинкт и подсказал перенести туда высшее руководство. Но теперь и там престиж его исчерпан, и всякое дальнейшее усилие вдохнуть новую жизнь было бы глупостью и бесплодной растратой сил. В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу. Но в старой форме он себя пережил. Для того, чтобы был создан новый Интернационал наподобие старого, союз всех пролетарских партий всех стран, для этого было бы необходимо всеобщее подавление рабочего движения, подобно 1849 — 1864 гг. Но для этого пролетарский мир стал теперь слишком велик, слишком обширен. Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и будет безоговорочно выдвигать наши принципы.

Чикагский Шталь был здесь. Как и большинство американских немцев, он — человек с большой практической сметкой. Он понравился мне и в других отношениях, но трудно сказать, не надевает ли он глупостей в Германии. В нем тоже есть известная соглашательская бестолковщина.

Сейчас в Брюсселе заседает конгресс бельгийцев и бакунистов. Отчеты о нем ты найдешь в лондонском «Times», начиная от 10 сентября и далее. Целых 14 делегатов — 1 немец (лассальянец), 1 француз, 1 испанец (Гомез, неизвестный), 1 — Швицгелль, остальные — бельгийцы. Всеобщие разногласия по всем существенным вопросам маскируются тем, что прений не ведут, а только делают сообщения и заслушивают. Правда, я просматривал лишь один отчет. Итальянцы заявили о своем фактическом выходе, открытый Интернационал для них только вреден, они хотят в будущем только конспирировать. К этому склоняются и испанцы. В общем же они

друг другу лгут о громадных успехах, будто бы достигнутых ими. И еще надеются найти кого-то, кто этому поверит.

Г-н Бастелика тоже стал бонапартистским агентом. В Страсбурге он обратился к Авриалу, члену Коммуны, с предложениями подобного рода, — его, разумеется, выкинули вон. Так кончают один за другим все эти анархисты.

Мева написал мне из Мадрида, что вынужден уехать в Париж, потому что его сильно преследует правительство. Таким образом связь с Испанией снова восстановлена¹.

В Германии все идет отлично, несмотря на все преследования, а отчасти именно *благодаря* им. Лассальянцы настолько дискредитированы своими депутатами в рейхстаге, что правительство вынуждено было начать против них преследования для того, чтобы снова сделать вид, будто оно относится к этому движению серьезно. Впрочем, лассальянцам со времени выборов пришлось по необходимости плестись в хвосте наших. Прямо-таки счастье, что Гассельман и Газенклевер избраны в рейхстаг. Они себя там все более дискредитируют; они должны либо идти вместе с нашими, либо делать глупости на свой собственный страх и риск. Как то, так и другое их губит.

Г-н Юнг счел нужным написать Либкнехту, чтобы установить с ним связь! Либкнехт послал письмо мне, а я показал его кое-кому, кто сообщит об этом г. Юнгу.

Маркс в настоящее время в Карлсбаде и пьет там воды, чтобы привести в порядок свою печень. Ему очень не повезло. Едва он в июле несколько поправился на острове Уайт, как ему пришлось вернуться обратно ввиду того, что его младшая дочь внезапно и серьезно заболела. Не успел он приехать, как умер малыш Женни, которому было около года. Это тоже очень плохо на него повлияло. Я думаю, что если печень будет в порядке, то легче вылечить его переутомленную нервную систему. Все врачи предсказывали, что Карлсбад подействует на него очень благотворно. Австрийское правительство до сих пор его не трогало. В конце этой недели он, вероятно, уедет из Карлсбада.

Возникшие в Нью-Йорке раздоры, сделавшие твое дальнейшее пребывание в Генеральном совете невозможным, являются настолько же доказательством, насколько и результатом того, что дело пережило себя. Когда условия уже не позволяют какому-нибудь обществу действовать активно, когда речь идет прежде всего о том, чтобы только сохранить связи объединения для того, чтобы при случае снова

¹ Так в оригинале.

можно было ими воспользоваться, — тогда всегда найдутся люди, которые не могут примириться с таким положением, которые хотят сыграть роль *busy body* [беспокойного человека] и требуют, чтобы «что-нибудь делалось», хотя бы это «что-нибудь» было явной глупостью. А если таким господам удастся получить большинство, то они заставляют уйти всякого, кто не желает нести ответственность за их глупости. Какое счастье, что мы не послали вам протоколов!

Французская эмиграция совсем развалилась, все перессорились друг с другом *по чисто личным мотивам*, по большей части из-за денежных вопросов, и мы от них почти совсем отделались. Все эти люди хотят жить без настоящей работы, голова у них набита мнимыми изобретениями, которые будто бы принесут миллионы, если только дать им возможность осуществить эти изобретения, для чего требуется всего лишь несколько фунтов. А если найдется достаточно наивный человек, который пойдет на это, то мало того, что у него обманым образом заберут деньги, но его же еще и ославят как буржуа. Особенно подло вел себя Ле-Муссю, который оказался простым аферистом. Праздная жизнь во время войны, Коммуны и в эмиграции страшно деморализовала этих людей, а заставить взяться за ум шалопая француза может лишь горькая нужда. Напротив, большая часть французских рабочих, политически неизвестных, временно отошла от политики и нашла здесь работу.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

17 сентября [18]74 г.

[Приложение:]

Генеральному совету Международного товарищества рабочих.

Счет Ф. Энгельса.

1.

1873 г., ноябрь, получено от Серрайе	16 ф.
Сентябрь. Телеграмма в Нью-Йорк	1 ф. 16 ш.
Пересылка 25 экземпляров «Альянса» по почте по 2 шилл.	2 ф. 10 ш.
1874 г.	
Февраль. 12 экземпляров «Альянса» по 2 шилл.	1 ф. 4 ш.
12 » » » 2 »	1 ф. 4 ш.
» 100 экземпляров устава на английском языке по почте по 1½ пенса	12 ш. 6 п.
400 экземпляров устава на английском языке по почте по 1½ пенса	2 ф. 10 ш.
300 экземпляров на немецком языке по почте по 1 пенсу	1 ф. 5 ш.
	11 ф. 1 ш. 6 п.
Причитается Генеральному совету	4 ф. 18 ш. 6 п.

II.

1874 г.

Август. Авансировано Ф. Энгельсом на печатание «Альянса» 32 ф.

Поступило до сих пор за посланные вышеуказанные 49 экземпляров в Америку (причем не ставлю в счет почтовых расходов) . . . . .

. . . . . 4 ф. 18 ш.

Причитается мне . . . . . 27 ф. 2 ш.

(с Дарсоном и Мейснером расчет будет произведен отдельно).

Лондон, 17 сентября 1874 г.

Ф. Энгельс.

266.

Маркс — Максу Оппенгейму

в Прагу.

Карлсбад, 20 сентября [18]74 г.

Дорогой друг!

Моя дочь и я очень радовались тому, что нам предстоит провести несколько дней вместе с Вами в Праге, и вчера все уже было готово для того, чтобы завтра (в понедельник) направиться в старый гуситский город. Но сегодня, одновременно с Вашим дружеским посланием, мы получили письмо из Гамбурга, в связи с которым я вынужден поехать прямым путем через Лейпциг, чтобы окончательно разрешить там несколько деловых вопросов.

Но отсрочить не значит еще отменить. Я почти уверен, что в будущем году опять поеду в Карлсбад, и тогда заранее включу в свой маршрут визит в Прагу. Ваша сестра¹ писала Вам, вероятно, что, независимо от многостороннего интереса, который представляет Прага сама по себе, я очень хотел бы устроить так, чтобы мое личное общение с Вами не ограничилось непродолжительным интермеццо на здешнем курорте.

Прощайте и будьте уверены в моем дружеском к Вам расположении. Моя спутница тоже шлет Вам сердечный привет.

Ваш *Карл Маркс*.

267.

Маркс — Максу Оппенгейму

в Прагу.

Лондон, 17 октября 1874 г.

Maitland Park Road, N. W.

Дорогой г. Оппенгейм!

Несколько дней тому назад я послал Вам один экземпляр «Капитала» и один экземпляр «18 Брюмера Л[уй] Б[онапарта]» для

¹ Гертруда Кугельман, жена Людвига Кугельмана.

Вас лично, и по одному экземпляру каждой из этих книг для д-ра Ганса младшего. Будьте добры переслать ему его экземпляры; он живет на Rosengasse, № 17, первый этаж, Прага.

Когда я уезжал из Карлсбада, я имел в виду поехать прямо в Гамбург, чтобы привести там в порядок свои дела с издателем, а затем возможно скорее вернуться обратно в Лондон и снова приняться за свои работы. Но вскоре я пришел к убеждению, что *дополнительное лечение* после карлсбадской дисциплины — совсем не пустяки, и потому я почти две недели проштатался еще в Дрездене, Лейпциге, Берлине и Гамбурге. Если бы я это предвидел заранее, — и я и моя дочь одинаково раскаивались в своем заблуждении, — то поехал бы прежде всего к Вам в Прагу. Но человек предполагает, а железная дорога располагает.

Надеюсь, что Ваше здоровье улучшилось и что Ваши дела скоро заставят Вас приехать сюда.

Моя дочь шлет Вам сердечный привет.

Искренно преданный Вам

К. Маркс.

1875 год.

268.

Маркс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 1 января 1875 г.

Дорогой Либкнехт!
С Новым годом!

Завтра или послезавтра я вышлю тебе послесловие¹ и список опечаток.

За недостатком времени я объяснений слов по большей части не читал. Одно только бросилось мне в глаза: «Fleurs de lys», о которых идет речь в связи с Флери, — так называлось клеймо, которым во Франции при старом режиме клеймили тяжких преступников.

Раздел о банках никуда не годится. Кирхмановской ерунды тоже не следовало бы помещать в «Volksstaat»².

Сердечный привет всей твоей семье.

Твой К. М.

269.

Маркс — Вильгельму Либкнехту
в Лейпциг.

Лондон, 3 января 1875 г.

Дорогой Library!

Прилагаю послесловие и список опечаток; ты должен дополнить его опечатками, отмеченными мною на том оттиске, где нет нумерации страниц; посылаю его тебе бандеролью. В дальнейшем *первое условие* в таких случаях: чтобы мне доставлялись оттиски до печатания в «Volksstaat». Прокорректируй тщательно послесловие. У твоего

¹ Речь идет о переиздании работы Маркса «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов», печатавшейся по частям в «Volksstaat» за октябрь — декабрь 1874 г.

² Маркс имеет в виду рецензию «Volksstaat» на книгу Ю. Кирхмана «Kulturkampf und Parlamentarismus» [«Культурkampf и парламентаризм»], 1874 г.

Рериха лестное представление о досуге, которым я располагаю. В самом деле, он требует, чтобы я ему написал работу о негерманском праве охоты. Будь у меня на это время, я не имел бы ничего против. Но мне и без того мало двенадцати часов в день.

Сердечный привет вашей жене и детям

от вашего *Маера*.

270.

Маркс — Макс Оппенгейму
в Прагу.

Лондон, 20 января [18]75 г.

Дорогой друг!

Извините, что задержал свой ответ. Я был перегружен работой, так как только сегодня справился с переводом (французским) еще не вышедших выпусков «Капитала». Как только выйдет в свет вся книга, я пошлю ее Вам; я многое в ней изменил и много добавил, особенно в последних частях французского издания.

Ваша посылка с фазанами и печенкой пришла своевременно и была встречена здесь с неподдельным энтузиазмом.

Берлинской газеты, о которой Вы мне пишете, я не знаю, но, быть может, без моего ведома ей посылал корреспонденции один из моих здешних учеников.

У меня к Вам еще одна просьба. Врачи запрещают мне курить без мундштука. Поэтому я хотел бы получить для себя и моих здешних друзей 200 мундштуков, которые я видел в Карлсбаде и которые после каждой выкуренной сигары можно бросать, если они больше не нужны; здесь таких нет. Но, заметьте, — это коммерческое поручение; если Вы его исполните, то Вы должны сообщить мне потраченную сумму, так как в противном случае мне было бы неудобно обращаться к Вам с подобными просьбами.

Моя дочь шлет Вам сердечный привет. Она переписывается с женой и дочерью Кугельмана, от которых недавно получила письма.

Когда Вы мне будете писать, сообщите, пожалуйста, подробности о положении дела в Богемии. Я с радостью думаю о том, что увижу Вас здесь.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

271.

Маркс — Морису Лашатру
в Париж.

Дорогой гражданин!

Лондон, 30 января 1875 г.

Сегодня я послал в Париж конец рукописи, за исключением послесловия, оглавления и *списка опечаток*, которые могут быть составлены лишь тогда, когда у меня будут пока еще не опубликованные выпуски.

Согласен с Вами, что лучше *опубликовать* последние выпуски вместе, но это еще не является основанием для того, чтобы г. Лаюр приостановил *печатание*, как он это сделал уже три месяца тому назад. (Он даже еще не отослал корректурных листов 34-го и 35-го выпусков.) Я слишком завален другими работами — мой немецкий издатель, так же, как и русский, шлет мне письмо за письмом, чтобы я начал окончательную редакцию второго тома. Итак, если г. Лаюр, вместо того, чтобы печатать и присылать мне корректурные листы по мере напечатания, будет упорно оттягивать дело, то он один понесет ответственность за новую отсрочку и перерывы, которые могут возникнуть в результате этого. Не желая более писать этому господину, прошу Вас передать ему Ваши распоряжения.

Ваш *Карл Маркс*.

272.

Маркс — П. Л. Лаврову
в Лондон.

[Лондон], 11 февраля 1875 г.

Дорогой друг!

Посылаю Вам сегодня немецкое издание в одном томе (отдельных выпусков у меня больше нет) и шесть первых выпусков французского издания. В последнем много изменений и добавлений (см., *например, выпуск 6-й, стр. 222*, — против Дж.-Ст. Милля, — блестящий пример того, как буржуазные экономисты даже с самыми лучшими намерениями инстинктивно идут по ложному пути именно в тот момент, когда им кажется, что они нашли истину). Но самые важные изменения, содержащиеся во французском издании, находятся в неопубликованных еще частях, а именно в главах о накоплении.

Искренно благодарен Вам за издания, которые Вы мне прислали. Что меня более всего заинтересовало, так это статья «Что делается на родине»¹. Если бы у меня было время, я сделал бы из нее извлечения

¹ В оригинале заглавие статьи написано по-русски.

для «Volksstaat». «Не наши»¹ — славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет некоторое отношение к этой статье.

Мне послали целый пакет книг и официальных изданий из С-Петербурга, но он был украден, вероятно, русским правительством. Там, между прочим, были доклады: «Комиссии по сельскому хозяйству и сельской производительности в России»¹ и «По податному вопросу»¹ — вещи, абсолютно необходимые для той главы второго тома, в которой я говорю о земельной собственности и т. д. в России.

Мое здравье значительно улучшилось после пребывания в Карлсбаде, но, с одной стороны, я принужден еще сильно ограничивать свой рабочий день, а кроме того, вернувшись в Лондон, я схватил простуду, которая не перестает меня донимать.

Зайду к Вам, когда погода станет лучше.

Ваш *Карл Маркс*.

273.

Энгельс — Августу Бебелю

в Цвиккау².

Лондон, 18[—28] марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и очень рад, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К несчастью, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщали, поэтому и мы знаем не больше того, что пишут газеты, а в них не было ни слова, пока приблизительно неделю тому назад не прибыл проект программы³. Проект этот действительно поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тельке, что даже ребенку должно было быть ясно: раз эти господа теперь сами приходят с мирными предложениями, значит им приходится очень

¹ В оригинале написано по-русски.

² Перевод с текста, опубликованного в книге Бебеля «Aus meinem Leben», 2-er Teil, Stuttgart, 1914, S. 318—324.

³ Речь идет о проекте программы, принятой на первом объединительном съезде германской социал-демократии (эйзенахцев и лассальянцев) в Готе 14—15 февраля 1875 г. Более подробная критика проекта Готской программы была дана Марксом в посланных Бракке 5 мая 1875 г. «Randglossen zum Programm der deutschen Arbeiterpartei» [Заметки на полях программы германской рабочей партии]. Русский перевод — см. Сочинения, т. XV, стр. 265—287.

круто. Но, зная хорошо характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей государственной помощи и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее улучшенное издание, приноровленное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что имеет решающее значение для программы, но зато лассальянцы могли бы кое-чему поучиться у нас; первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признавали ее второстепенной переходной мерой наряду со многими другими. Проект программы доказывает, что наши, которые в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости: «честных» и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют единую реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия уже принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы Социал-демократическая рабочая партия годами итти рука об руку с нею, с Народной партией? Как могла бы «*Volksstaat*» черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «*Frankfurter Zeitung*»? И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований от 1 до 5 и 1 — 2, среди которых нет ни одного, не являющегося *буржуазно-демократическим*.

Во-вторых, принцип международнойности рабочего движения на деле для настоящего времени окончательно отбрасывается — и.

отбрасывается людьми, которые целых пять лет и в труднейшей обстановке проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так блестяще. И вот теперь они должны отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавлять всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем в борьбе за свое освобождение, нет, а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было, по меньшей мере, не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* Германская рабочая партия действует *пока еще* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и в особенности делать от его имени какие-либо ложные заявления), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства имеют силу и без прямого провозглашения или признания своей принадлежности к Интернационалу; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или вспыхивающих династических войн, а во время этих войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг. и т. д.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на том совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимальную* заработную плату, — и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь

не железны, а, напротив, очень эластичны, и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Данное Мальтусом обоснование закона, списанное Лассалем у него и у Рикардо (Рикардо он при этом извратил) в том виде, как оно, например, цитируется на стр. 5 «Книги чтения для рабочих» из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Принять лассалевский «железный закон» значит, таким образом, принять ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль украл ее у Бюше. И это после того, как Бракке превосходно вскрыл всю никчемность этого требования; после того, как почти всем, если не поголовно всем, ораторам нашей партии пришлось в борьбе с лассальянцами выступать именно против этой «государственной помощи!» Большого унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гегга; социализм, опустившийся до буржуазного республиканца Бюше, который выдвинул этот лозунг *против социалистов*, для борьбы против них!

В лучшем случае, однако, «государственная помощь» в лассалевском смысле есть только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что проект программы выражает беспомощными словами: «для подготовки разрешения социального вопроса», — как будто для нас еще существует теоретически *неразрешенный* социальный *вопрос!* А ведь если бы было сказано: Германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда, и, тем самым, классовых различий посредством перехода в национальном масштабе к коллективному производству в промышленности и земледелии; если бы было сказано, что она выступает за всякое мероприятие, которое приведет к достижению этой цели, — то ни один лассальянец не мог бы против этого возразить ни слова.

В-пятых, ни слова не говорится об организации рабочего класса, как класса, при помощи профессиональных союзов. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не сможет задушить даже самая злостная реакция (подобно теперешней реакции в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, мы считали бы безусловно необходимым упомянуть о ней в программе и по

возможности предоставить ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических* требований, причем некоторые из них попросту предмет моды, вроде, например, «прямого народного законодательства», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. «Прямое *народовластие*» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я уже распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «*Народным государством*» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже работа Маркса против Прудона, а затем «*Коммунистический манифест*» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь переходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о «свободном народном государстве» есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова «*государство*» слово «*община*» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «ликвидации всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда

не удастся устранить совершенно. Обитатели гор всегда будут жить в других условиях, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое было уместно, как определенный *этап развития*, в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь следует преодолеть, так как оно сбивает лишь с толку и так как теперь найдены более точные способы изложения предмета.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, так бесцветно и беспомощно написанной, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *ни за что* не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны были бы серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия Германской социал-демократической рабочей партии возлагают ответственность на нас. Так, например, делает Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия», где на нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «*Demokratisches Wochenblatt*». Люди воображают, что мы командуем отсюда всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа составляет поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще говоря, официальная программа партии менее важна, чем то, чем занимается партия на деле. Но все же *новая* программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким она является по сравнению с эйзенахской. Надо было ведь подумать и о том, что скажут о ней рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся жевать жвачку из вызубренных фраз Лассалья о железном законе

заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! Да если бы Вы и пошли на это, Вас освистали бы Ваши слушатели. А я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как Шейлок на своем фунте мяса. Произойдет раскол; но сначала мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и присных; мы выйдем из этого раскола ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять, что они — подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, то в доказательство они смогут сослаться на эту программу. Все социалистические меры в этой последней принадлежат *им*, в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, *однако*, она сама в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Тут, кстати, только что прибыло письмо от Бракке, у которого также возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хотел бы узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать всю эту канитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму, а Либкнехту написал лишь несколько слов. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не оказалось, что было уже слишком поздно. Так поступал он всегда, — и этим объясняется та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и *мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути*.

Постарайтесь устроить так, чтобы летом Вы могли приехать сюда. Вы остановитесь, конечно, у меня, и если будет хорошая погода, мы на несколько дней поедem на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас, право, очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

Маркс только что переменил квартиру; его адрес: 41, Maitland Park Crescent, N. W. London.

274.

Марке — Вильгельму Бракке

в Браушвейг¹.

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Будьте добры передать по прочтении нижеследующие критические заметки на полях объединительной программы Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту для ознакомления. Я завален работой и вынужден заниматься гораздо больше, чем мне позволили врачи. Поэтому я отнюдь не испытывал особенного «наслаждения», исписав столько бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначается это сообщение, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять.

Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда: мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространен заботливо поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно вышедшей по-русски брошюре² Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. названной партии, но и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с Народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы только путем дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Значит, если нельзя было, — а обстоятельства этого не допускали, — выйти *за пределы* эйзенахской программы, то следовало просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того, чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного

¹ Копия, написанная неизвестной рукой; текст с пропусками был опубликован в «Neue Zeit», IX, 1891, В. I, S. 562.

² «Государственность и анархия», см. конспект этой брошюры, сделанный Марксом, Сочинения, т. XV, стр. 145—200.

движения. Вожди лассальянцев пришли потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какую сделку в принципиальных вопросах им рассчитывать не приходится, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и признают эти мандаты обязательными для себя, т. е. сдают на милость тех, кто сам нуждается в помощи. И в довершение всего они еще созывают съезд *до согласительного съезда*, между тем как сама партия созывает свой съезд уже *post festum* [после того, как все кончилось]. Здесь — очевидное намерение сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что уже самый факт объединения удовлетворяет рабочих; но ошибаются те, кто думают, что этот минутный успех не куплен слишком дорогой ценой.

Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что признает непогрешимым лассалевский символ веры.

Я скоро пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала». Печатание было на долгое время приостановлено запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей печатание будет закончено. Получили ли Вы шесть первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, адрес Бернгарда Беккера, которому я непременно должен послать последние выпуски.

У книжного склада «Volksstaat» своеобразные правила поведения. Я до сих пор, например, не получил ни одного экземпляра нового издания «Кельнского процесса коммунистов».

С сердечным приветом

Ваш *Карл Маркс*.

275.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 8 мая 1875 г.

Дорогой друг!

Я получил письмо из Берлина от одного коммерсанта ¹ (вполне честного человека, не имеющего никакого политического значения, по крайней мере в глазах общества и полиции), который просит у меня разъяснений по поводу некоторых мест из «Капитала». Отвечая ему, — я это сделал немедленно, — я при этом воспользовался

¹ Карл-Август Шрамм.

случаем и попросил у него, в свою очередь, верный адрес для Ваших писем из России. Мое письмо будет отправлено уже сегодня.

Ваш *Карл Маркс.*

276.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон, около 15 мая 1875 г.]

Дорогой друг!

Милейший Леблан серьезно болен и очень желал бы, чтобы его навещали. Последние листы (т. е. последний — 44-й — выпуск французского издания «Капитала») имели *установленные* размеры. Г-н Лашатр утверждал, что по условию с типографией нельзя дать больше 44 листов. Таким образом, я должен был пожертвовать *предметным указателем, который был уже составлен*. Если я найду экземпляр, то пошлю его Вам.

Ваш *К. М.*

277.

Энгельс — А. Гуппи

в Манчестер.

[Черновик.]

[Лондон,] 14 июня [18]75 г.

Милостивый государь!

Если я не ошибаюсь, я видел Вас только один раз в жизни. Поэтому я не без некоторого изумления прочел Ваше предложение о том, чтобы я поручился за Вас в сумме 100 ф. ст. Во всяком случае я должен Вас предупредить, что я не могу давать какие бы то ни было гарантии за кого бы то ни было.

Что касается детей Дюпона, то я заявил ему напрямик перед его отъездом, что если он уедет в Америку и оставит их в Англии, то пусть делает это на свой собственный риск и страх; что, дав ему более 100 ф. ст. на их содержание и воспитание, я не могу тратить больше, и, следовательно, он не должен ни в коем случае рассчитывать на помощь с моей стороны. Я могу только повторить это и Вам. Сделав для этих бедных детей все, что мог, я больше совершенно не в состоянии нести новых жертв. Примите, милостивый государь, уверение в моем уважении.

[Ф. Э.]

278.

Марке — П. Л. Лаврову.

в Лондон.

Дорогой друг! [Лондон,] 18 июня [18]75 г.

Когда я был у Вас третьего дня, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, быть может, Вам еще неизвестна. Физиологу Траубе в Берлине удалось создать искусственные клеточки. Это, конечно, еще не натуральные клеточки: в них нет ядра.

Смешивая коллоидальные растворы, например, желатин с сернокислой медью и т. п., получают шарики, окруженные оболочкой, которые можно заставить расти посредством всасывания. Итак, образование оболочки и рост клеточек вышли уже из области гипотез! Это большой шаг вперед, который тем более кстати, что Гельмгольц и другие собирались уже провозгласить нелепую доктрину, будто зародыши земной жизни падают в готовом виде с луны, т. е. что они привнесены были к нам аэролитами. Терпеть не могу подобных объяснений, которые решают задачу перенесением ее в другую сферу.

Торговый кризис надвигается. Теперь все зависит от известий, какие будут получены с азиатских, в особенности с ост-индских рынков, которые в течение ряда лет все более и более переполнялись. При известных условиях, наличие которых, впрочем, не особенно вероятно, наступление окончательного краха могло бы, пожалуй, втянуться еще до осени.

Поистине замечательным является уменьшение продолжительности периода всеобщих кризисов. Я всегда рассматривал эту цифру не как постоянную величину, а как уменьшающуюся; но особенно приятно то, что она обнаруживает такие очевидные признаки своего уменьшения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира.

Привет г-же и г-ну Ноэль.

Ваш К. М.

279.

Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих в Нью-Йорк.

Лондон, 13 августа 1875 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Генеральному совету Международного товарищества рабочих.

Граждане!

Экземпляры циркуляра¹, пересланные мне (4 июня, получены

¹ Конфиденциальный циркуляр о созыве Филадельфийской конференции, состоявшейся в июле 1876 г.

21-го) с письмом секретаря Шпейера, пущены, согласно инструкции, в обращение, и мне удалось в интересах дела сделать следующее:

1) Так как здешний Рабочий союз (немецкая секция), благодаря слиянию с лассальянцами и излишнему либерализму в приеме членов, — около 120 человек, — пригоден для *конфиденциальных* сообщений только тогда, когда желательно их *тотчас же опубликовать*, то я передал циркуляр Лесснеру и Франкелю. Последние согласились со мной в том, что содержание циркуляра таково, что официально оглашать его в Союзе не годится и следует лишь ограничиться сообщением его соответствующим лицам, действуя втайне в интересах изложенного в нем дела. Так как отсюда в Филадельфию *немецкие* рабочие, наверное, посланы не будут, то на практических результатах это нисколько не отразится.

2) Наш друг Меца из Мадрида, проживающий теперь в Париже, был как раз здесь, когда прибыл циркуляр. Он принял дело горячо к сердцу, я перевел ему циркуляр, и так как он знает членов того комитета, который распоряжается в Париже суммами, собранными для отправки рабочих в Ф[иладельфию], то ему при его всем известной энергии, наверное, удастся что-нибудь сделать. Он же перешлет циркуляр и в Испанию.

3) В Бельгию я циркуляра послать не мог, так как весь бельгийский Интернационал на стороне альянсистов, а посвящать *последних* в наш план — не в наших интересах. В Португалии и Италии у меня никаких адресов нет. «Рлебе» в Лоди почти что примкнула к Альянсу и была бы способна тотчас же опубликовать всю эту историю.

4) Так как Германия, Австрия и Швейцария не упомянуты в инструкции и так как Генеральный совет обладает в этих странах многочисленными непосредственными связями, то я не предпринимал там *никаких* шагов, чтобы не помешать тому, что уже там было предпринято.

5) Циркуляр встретил полное сочувствие у всех, кто с ним ознакомился, и из всех предложений предложение о созыве конференции считается, по общему мнению, единственно практичным. Но провести по этому поводу голосование представляется нам здесь невозможным. О здешнем Союзе я уже говорил. Все другие секции в Англии бездействуют, их лучшие люди большей частью ушли. В Дании, Франции, Испании, где Интернационал прямо запрещен, о голосовании не может быть и речи. В Германии никогда еще не голосовали по такому поводу, а после объединения с лассальянцами

и без того слабая связь с Интернационалом совершенно прекратилась. При таких условиях для поддержки Генерального совета, если он захочет превратить это предложение в постановление, достаточно будет американских голосов, тем более, что, как это нам известно из достоверных источников, альянсисты и в этом году (и, вероятно, уже никогда более) конгресса не созовут.

б) Не было ли бы целесообразным ко времени открытия выставки поместить в европейских партийных газетах краткую заметку приблизительно такого рода: «Социалистических рабочих, намеривающихся посетить выставку в Ф[иладельфии], просят направляться по такому-то адресу, чтобы установить связь с фил[адельфийскими] товарищами по партии», или учредить «Комитет по размещению социалистических рабочих и защите их от мошенничества» и опубликовать его адрес? Последнее в особенности выглядело бы очень невинно, но нескольких частных писем было бы достаточно, чтобы популяризовать в нужной мере истинный смысл этого.

Ф. Энгельс.

280.

Марке — Максу Оппенгейму

в Прагу.

«Германия», Карлсбад,
1 сентября [18]75 г.

Дорогой друг!

Ваше письмо от 12-го числа прошлого месяца пришло в Лондон уже после того, как я выехал сюда. Оно меня чрезвычайно заинтересовало. В следующую субботу, через неделю (следовательно, не в ближайшую субботу, а в следующую), я поеду отсюда обратно через Прагу, чтобы иметь удовольствие повидаться с Вами. Но ввиду неотложных дел я не смогу пробыть больше двух дней.

С дружеским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

281.

Марке — Максу Оппенгейму

в Прагу.

«Германия», Карлсбад,
6 сентября [18]75 г.

Дорогой друг!

Из того, что я не получил никакого ответа на мое письмо, посланное Вам на прошлой неделе, я делаю вывод, что Вас в Праге нет.

Ввиду этого в субботу (11 сентября) я выезжаю обратно не через Прагу, а непосредственно через Франкфурт.

До свиданья.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

282.

Маркс — Макеу Оппенгейму

в Прагу.

«Германия», Карлсбад,
9 сентября [18]75 г.

Дорогой друг!

Выеду в субботу (11-го) в 3 ч. 57 м. и прибуду в Прагу на Staatsbahnhof¹ в 8 ч. 50 м.

Я один, без спутницы, и потому мне потребуется лишь одна спальная комната.

Большое спасибо за «*Prager Führers*»².

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

283.

Маркс — Герману Шумахеру

в Цархлин.

[Лондон,] 21 сентября 1875 г.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 27 июня дошло до меня своевременно, но книга пришла гораздо позже, когда я уже покинул Лондон, чтобы отправиться для лечения в Карлсбад. Вот почему я запоздал со своим ответом. Я возвратился только вчера.

Очень благодарен Вам за Ваше письмо и первую часть Тюнена; но я настолько нескромен, что прошу выслать мне также и предложенную биографию Тюнена. Если у Вас нет еще второго издания «Капитала», то я с величайшим удовольствием Вам его вышлю.

Я всегда считал Тюнена почти исключением среди немецких экономистов, так как самостоятельные, объективные исследователи встречаются среди них крайне редко.

Я мог бы подписаться под всем Вашим предисловием, если бы наши точки зрения по вопросу о «заработной плате» не различались по существу. Тюнен и Вы сами считаете заработную плату непосредственным выражением действительных экономических отношений;

¹ Вокзал казенной железной дороги в Праге.

² «Путеводитель по Праге».

я же считаю ее лишь кажущейся формой, скрывающей содержание, существенно отличное от ее выражения.

С глубоким уважением преданный Вам

Карл Маркс.

284.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 24 сентября 1875 г.

Дорогой г. Лавров!

По возвращении из Рамсгейта, где я провел несколько недель, я нашел Ваше письмо от 20-го и кроме того целую массу газет, книг и т. д., получавшихся во время моего отсутствия. Я сперва приведу их в порядок и как можно скорее примусь за чтение Вашей статьи в «Вперед»¹, тогда я буду иметь возможность сказать Вам, в чем мы согласны и в чем расходимся в наших взглядах об отношении социализма к борьбе за существование по Дарвину. Если Вы этого письма не получите в ближайшие дни, то прошу извинить меня, потому что мне надо написать много писем и привести в порядок другие залежавшиеся дела, так как я в течение месяца не мог делать ничего, кроме того, что нужно было сделать абсолютно и безотлагательно.

Я не знаю брошюры, о которой Вы мне говорите. Буду Вам очень благодарен, если Вы мне ее пришлете почтой на несколько дней.

В Португалии у нас снова есть газета: лиссабонская «O Protesto» («Протест»), шесть номеров которой уже вышло (выходит один раз в неделю); редакция — Rua dò Bem formoso, 110, во втором этаже, контора — Rua dos Cardaes de Jesus (1), 69, во втором этаже. Я еще не просмотрел четырех полученных номеров.

Прошу засвидетельствовать мое почтение г-ну и г-же Смирновым.

Ваш Ф. Энгельс.

285.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 8 октября [18]75 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг!

Очень сожалею, что ни меня, ни моей жены не было дома, когда Вы были так любезны, что зашли к нам.

¹ Имеется в виду статья Лаврова «Социализм и борьба за существование», напечатанная в лондонском «Вперед» № 17 от 15 сентября 1875 г., см. далее письмо Энгельса от 12—17 ноября 1875 г.

Эти «*Quelques mots d'un groupe... Russe etc.*» [«Несколько слов русской группы и т. д.»] я взял у Энгельса и с Вашего разрешения покажу еще одному из моих друзей, прежде чем отошлю обратно. Ответа это ученическое писание не заслуживает.

Преданный Вам

К. М.

286.

Энгельс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

Лондон, 11 октября [18]75 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Бракке!

Я задержал ответ на Ваши последние письма (самое последнее от 28 июня), во-первых, потому, что М[аркс] и я почти целых шесть недель жили врозь — он в Карлсбаде, а я на взморье, где «*Volkstaat*» я не видал, а во-вторых, потому, что я хотел немного выждать, пока новое объединение и комбинированный комитет не покажут себя на деле.

Мы вполне разделяем Ваше мнение, что Либкнехт своим страстным желанием добиться объединения, заплатив за него *любой* ценой, испортил все дело. Можно было считать это необходимым, но не следовало говорить об этом или показывать это другой стороне. В таких случаях одну ошибку всегда приходится потом оправдывать другой. Раз уже осуществлен — на гнилой основе — тот объединительный съезд, о котором столько трубили, то провала его ни за что не хотели допустить и, таким образом, снова пошли на уступки в существенных пунктах. Вы совершенно правы: это объединение носит в себе зародыш раскола, и я рад буду, если отпадут *только* неизлечимые фанатики, а не все их приверженцы — люди, вообще говоря, крепкие, которые при хорошем руководстве могут быть пригодны. Все это будет зависеть от времени и обстоятельств, при которых произойдет это неизбежное событие.

Программа в ее окончательной редакции состоит из трех составных частей:

1) из лассалевских фраз и лозунгов, которых нельзя было принять ни под каким условием. Когда две фракции объединяются, они вносят в программу то, в чем они согласны, а не то, что является спорным. Тем не менее, наши согласились ввести именно спорные пункты и, тем самым, добровольно прошли сквозь Кавдинское ущелье;

2) из ряда вульгарно-демократических требований, сформулированных в духе и стиле Народной партии;

3) из якобы коммунистических фраз, большей частью заимствованных из «Манифеста [коммунистической партии]», но переделанных так, что при ближайшем рассмотрении они сплошь оказываются вопиющей бессмыслицей. Кто в этих вещах не разбирается, тот пусть лучше не суется или же дословно списывает у тех, кто, по общему признанию, разбирается в этом деле.

К счастью, программе повезло больше, чем она того заслуживает. Рабочие, буржуазия и мелкая буржуазия вкладывают в нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет, и ни в одном лагере никому не пришло в голову публично разобрать действительное содержание какого-либо из этих изумительных положений. Это дало нам возможность промолчать об этой программе. К тому же фразы эти нельзя перевести ни на один иностранный язык, не оказавшись *вынужденным* либо написать явным образом нелепейший вздор, либо вложить в них коммунистический смысл, а это и делают все, и друзья и враги. Я сам должен был это сделать, переводя программу для наших испанских друзей.

То, что я знаю о деятельности Комитета, пока малоутешительно. Во-первых, выходка против Вашей работы и работ Б. Беккера; если это и не прошло, то не по вине Комитета ¹. Во-вторых, Зоннеман, которого М[аркс] видел проездом, рассказал, что он предложил Вальтейху стать корреспондентом «Frankfurter Z[ei]t[un]g», но что Комитет *воспретил* В[альтейху] согласиться на это! Это уж почище цензуры, и я не понимаю, как В[альтейх] мог послушаться такого запрета. И какая несуразность! Им следовало бы скорее позаботиться о том, чтобы «Frankfurter [Zeitung]» обслуживалась по всей Германии нашими товарищами! Наконец, поведение лассальянских участников при учреждении берлинской кооперативной типографии кажется мне тоже не совсем искренним: в то время как в лейпцигской типографии наши с наивной доверчивостью облекли Комитет функциями наблюдательного совета, берлинцев нужно еще *заставить* это сделать. Впрочем, тут я не знаю точно подробностей.

Хорошо во всяком случае, что Комитет малодетелен и, как го-

¹ Речь идет о предложении Комитета изъять из списка партийной литературы антилассальянские работы: Б. Беккера «Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's», 1868 [«Разоблачения о трагической кончине Ф. Лассалья»]; его же «Geschichte der Arbeiter-Agitation Ferdinand Lassalle's», Braunschweig, 1874 [«История агитации Ф. Лассалья среди рабочих»] и В. Бранке «Der Lassallesche Vorschlag», 1873 [«Предложения Лассалья»].

ворит бывший здесь на-днях К[арл] Гирш, прозябает в роли корреспондентского и справочного бюро. Любое активное выступление Комитета только ускорило бы кризис, и эти люди, повидимому, чувствуют это.

И что за слабость — согласиться, чтобы в Комитете было трое лассальянцев и двое наших!

В общем наши, повидимому, отделались синяками, хотя и изрядными. Будем надеяться, что дело этим ограничится, а тем временем пропаганда среди лассальянцев возьмет свое. Если положение не изменится до ближайших выборов в рейхстаг, дело может пойти на лад. Но тогда Штибер и Тессендорф начнут работать во-всю, и тогда-то станет яснее ясного, что мы получили в лице Гасс[ельмана] и Газ[енклевера].

М[аркс] вернулся из Карлсбада совсем другим человеком: он окреп, посвежел, бодр и здоров и вскоре сможет опять серьезно засесть за работу. Мы оба шлем Вам сердечный привет. Сообщайте нам при случае о дальнейшем ходе этой истории. Лейпцигцы все сплошь слишком заинтересованы в ней, чтобы писать нам обо всем начистоту, а *внутренняя* история партии сейчас больше, чем когда-либо, остается под спудом.

Искренно преданный

Ваш Ф. Э.

287.

Энгельс — Августу Бебелю
в Лейпциг¹.

Лондон, 12 октября 1875 г.

Дорогой Бебель!

Ваше письмо всецело подтверждает наше мнение о том, что объединение было с нашей стороны опрометчивым шагом и носит в себе зародыш будущего раскола. Хорошо еще, если удастся оттянуть этот раскол до окончания ближайших выборов в рейхстаг...

Программа в ее теперешнем виде состоит из трех частей:

1) из лассалевских фраз и словечек, принятие которых для нашей партии — позор. Когда две фракции сходятся на общей программе, они вносят в нее то, в чем они согласны, и не касаются того, в чем несогласны. Лассалевская государственная помощь имела, правда, и в эйзенахской программе, но лишь как *одна* из многих *переходных мер*, и, судя по тем сведениям, которые до меня дошли, можно было почти не сомневаться, что, если бы не произошло объединения, она в этом году была бы вычеркнута на съезде партии

¹ Перевод с текста, опубликованного в книге Бебеля «Aus meinem Leben», 2-er Teil, Stuttgart, 1911, S. 336—338.

по предложению Бракке. Теперь она фигурирует в программе как непогрешимое и исключительное средство исцеления от всех социальных недугов. Позволить навязать себе «железный закон заработной платы» и другие лассалевские фразы было для нашей партии огромным моральным поражением. Она обратилась в лассалевскую веру. От этого уже не отвертеться. Эта часть программы представляет собой Кавдинское ущелье, через которое наша партия проползла к вящей славе святого Лассалья;

2) из демократических требований, сформулированных вполне в духе и стиле Народной партии;

3) из требований, предъявляемых к «современному государству» (причем неизвестно, к кому же обращены прочие «требования»), очень путаных и нелогичных;

4) из общих положений, большей частью заимствованных из «Коммунистического манифеста» и устава Интернационала, но переделанных так, что они содержат либо *совершенно ложные* утверждения, либо *чистую бессмыслицу*, как это подробно показал Маркс в известной Вам статье ¹.

Вся программа в целом в высшей степени неряшлива, сбивчива, бессвязна, нелогична и поворна. Если бы в буржуазной прессе нашелся хоть один толковый человек, он разобрал бы ее по косточкам, исследовал бы действительное содержание каждой фразы, показал бы воочию ее бессмысленность, вскрыл бы все противоречия и экономические ошибки (например, утверждение, будто средства труда составляют ныне «монополию класса капиталистов», как будто нет на свете землевладельцев, или разговоры об «освобождении труда» вместо освобождения рабочего класса, тогда как труд в наше время именно *чересчур свободен!*) и выставил бы всю нашу партию в чудовищно смешном виде. Вместо этого безмозглые буржуазные писаки приняли эту программу всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, повидимому, так же. *Только это обстоятельство* и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Пока наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать.

Если Вы довольны результатами в вопросе о личном составе, то, значит, требования с нашей стороны понизились довольно сильно. Двое наших и трое лассальянцев! И тут, стало быть, наши являются не равноправными союзниками, а побежденной стороной, заранее

¹ Имеется в виду «Критика Готской программы».

обреченной на роль меньшинства. Деятельность Комитета, насколько мы о ней знаем, тоже не очень отрадна: 1) постановление не вносить в список партийной литературы работу Бракке и две работы Б[ернгарда] Беккера о лассальянстве; если это постановление взято обратно, то тут ни Комитет, ни Либкнехт не при чем; 2) запрещение Вальтейху принять предложение Зоннемана стать корреспондентом «Frankfurter Zeitung». Об этом Зоннеман сам рассказал Марксу, когда тот был там проездом. Еще больше, чем наглость Комитета и готовность, с какой Вальтейх подчинился ему, вместо того, чтобы плюнуть на него, поражает меня невероятная глупость этого решения. Ведь Комитету скорей следовало бы позаботиться о том, чтобы такая газета, как «Frankfurter [Zeitung]», обслуживалась отовсюду *только* нашими людьми.

...¹ Что вся эта история представляет собою педагогический эксперимент, который и при настоящих условиях сулит весьма благоприятные результаты, — в этом Вы совершенно правы. Объединение, как таковое, — очень крупный успех, если оно просуществует даже два года. Но его можно было, без сомнения, добиться гораздо более дешевой ценой.

Ф. Э.

288.

Энгельс — Августу Бебелю

в Лейпциг².

[Лондон,] 15 октября 1875 г.

... но вижу, что с юридической точки зрения положение товарищества, вероятно, сильно изменилось. Я хотел бы получить об этом разъяснения, а также и о том, какие существуют гарантии того, что в случае раскола лассальянское большинство административного совета не захватит всей типографии.

Раз переезд состоялся, то отсюда я делаю косвенное заключение, что план покупки собственного дома отвергнут или стал излишним. Это, разумеется, очень хорошо, так как для такой бедной партии, как наша, вкладывать деньги в недвижимое имущество было бы допустимо лишь в крайнем случае. Во-первых, деньги можно использовать лучше в качестве капитала, вложенного в дело, а во-вторых, в Германии, при невероятной шаткости правовых норм в делах политических, никак нельзя предвидеть, что произойдет с недвижимой собственностью, если наступит резкая реакция.

¹ Пропуск в «Aus meinem Leben».

² Копия на пишущей машинке, начала письма нехватает.

В Португалии у нас снова есть газета: «O Protesto» («Протест»). Движение там идет вперед, вопреки величайшим затруднениям, которые чинят ему правительство и буржуазия.

Маркс очень жаловался на непостижимое примечание в № 104 к месту из его «Анти-Прудона» («социалисты, точно так же, как и экономисты, осуждали коалиции»): под социалистами надо-де понимать «социалистов в стиле Прудона»¹. Во-первых, тогда еще не существовало ни одного социалиста в стиле Прудона, кроме самого Пр[удона]. Во-вторых, утверждение Маркса относится ко *всем* выступавшим до того времени социалистам (за исключением нас двоих, которые в то время во Франции еще не пользовались известностью), — поскольку им приходилось высказываться о коалициях, — во главе с *Робертом Оуэном!* То же относится и к оуэнистам, а из французов, между прочим, и к Кабэ. Ввиду того, что во Франции не было права коалиций, вопроса этого там касались мало. Но так как до Маркса существовал лишь социализм феодальный, буржуазный, мелкобуржуазный или утопический, или социализм, смешанный из разных этих элементов, то ясно было, что все эти социалисты, из которых каждый мнил себя обладателем особого всеисцеляющего средства и стоял вне действительного рабочего движения, видели в *каждой* форме действительного движения, а следовательно и в коалициях и стачках, ложный путь, уводящий массы в сторону от единственного спасительного пути истинной веры. Вы видите, что примечание было не только неверным, но и абсолютно бессмысленным. Но нашим людям, во всяком случае некоторым из них, кажется совершенно невозможным держаться при писании статей в пределах того, что они действительно поняли. Доказательство — бесконечные столбцы теоретико-социалистического содержания, принадлежащие перу Ку, Симмахоса² и им подобных, экономическое невежество которых и ошибочные взгляды, а также незнание социалистической литературы служат великолепным средством для того, чтобы совершенно уничтожить теоретическое превосходство, которым до сих пор отличалось германское движение. Маркс чуть было не выступил с заявлением по поводу этого примечания.

Но довольно жалоб. Надеюсь, что чаяния и надежды, которые связывались с объединением, проведенным с такой опрометчивой поспешностью, оправдаются, что лассальянскую массу удастся по-

¹ Имеется в виду статья «Karl Marx über Strikes und Arbeiterkoalition» [«Карл Маркс о забастовках и рабочих коалициях»], напечатанная в №№ 103, 104 и 106 «Volksstaat» от 8, 10 и 15 сентября 1875 г. и содержавшая перевод отрывков из «Нищеты философии» Маркса.

² Статьи Карла Каутского.

вернуть от культа Лассалья к правильному пониманию своего классового положения и что раскол, неизбежность которого так же мало подлежит сомнению, как то, что дважды два = четыре, произойдет при благоприятных для нас условиях. Требовать, чтобы и я во все это верил, было бы уж чересчур.

Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наш Бисмарк и Штиберы-Тессендорфы. Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные в течение «новой эры» 1861-го и следующих за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, снова в университеты допускаются лишь «сыны высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24 000 молодых людей, вся карьера которых была тем самым разрушена, так как им даже запретили занимать места учителей в начальных школах! И еще удивляются распространению «нигилизма» в России. Если бы Вальстер, который ведь знает русский язык, захотел обработать несколько изданных *либеральной* оппозицией и появившихся в Берлине у Бера брошюр, или если бы нашелся кто-нибудь, кто достаточно понимал бы польски, чтобы читать львовские газеты (например, «Dziennik Polski» или «Gazeta Narodowa») и делать из них выдержки, то «Volksstaat» мог бы сделаться лучшей газетой в Европе по русским делам. Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время *неизбежной* войны между германо-прусской империей и Россией, — что весьма вероятно, — то неизбежно и обратное воздействие на Германию.

Маркс шлет Вам сердечный привет.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

Сердечный привет Либкнехту.

289.

Энгельс — Филиппу Паули

в Рейнау.

Лондон, 8 ноября [18]75 г.
122, R[egent's] P[ark] R[oad].

Дорогой Паули!

В прошлую субботу пополудни мы, переночевав в Бингене, Кельне и Дувре, благополучно прибыли снова сюда. От Бингена до Кельна мы ехали, по Вашему совету, на пароходе и нисколько в этом

не раскаивались. Наш переезд от Остенде был очень хорош для этого времени года, но жена моя все же страдала некоторое время от морской болезни. В Дувре, где мы ночевали в «Lord Warden», мы вспомнили, как в этом же отеле один старый англичанин, отец шести дочерей, сказал однажды: «Thank god, it's the comforts of an English hotel» [благодарение богу, это комфорт хорошего английского отеля]; комфорт этот состоял из хорошей постели, скверного завтрака и невычищенных сапог, за что с нас взяли мелочь — целых 16 шиллингов.

Жена и я еще раз сердечно благодарим Вас и Вашу милую жену за дружеский прием и за обещание время от времени немного заботиться о Пумпе в ее изгнании. Мы твердо рассчитываем на то, что Вы не только привезете сюда к нам г-жу Паули, как только это будет возможно, но что и всякий раз, как попадете в Лондон with or without notice [с извещением или без него], будете считать наш дом своим.

С искренним приветом

Ваш Ф. Энгельс.

290.

Энгельс — Филиппу Паули

в Рейнау.

Лондон, 9 ноября [18]75 г.

Дорогой Паули!

Вчера я второпях забыл главное. Поэтому посылаю Вам сегодня почтой пакет, содержащий:

- 1) три выпуска «Жилищного вопроса»,
- 2) «Бакунисты за работой»,
- 3) «О социальных отношениях в России» (отдельный оттиск первой статьи, не вошедшей в сборник, на обертке пакета),
- 4) «Крестьянская война в Германии»,
- 5) «Савойя, Ницца и Рейн» (1860 г.) — мое,
- 6) «Коммунистический манифест» — Маркса и мой,
- 7) «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов» — Маркса (1851 г.).

Надеюсь, что все это дойдет.

Еще раз с сердечным приветом

Ваш Ф. Энгельс.

291.

Энгельс — Рудольфу Энгельсу

в Бармен.

[Лондон, 9 ноября 1875 г.]

Дорогой Рудольф!

Жаль, что из путешествия Пауля ничего не вышло; быть может, удастся в будущем году.

В прошлую субботу я с женой возвратился из Гейдельберга, куда мы ездили для того, чтобы отдать на год нашу малютку¹ в пансион. На обратном пути мы в «Domhotel» пили превосходный оберингельгеймер; я сейчас же заказал себе несколько бутылок и прошу тебя распорядиться об уплате за меня г. Теодору Метцу, «Domhotel», Кельн, 35 талеров — 105 марок.

Кельн — город чудес. Так, например, на пути между собором и Центральным вокзалом мне встретился один господин, похожий, как две капли воды, на Германа. Он только казался несколько выше ростом, имел больше седых волос в бороде и корчил страшно серьезную физиономию. Я ждал — только, к сожалению, напрасно — момента, когда лицо его примет иное выражение, чтобы броситься в его объятия. Это чудо случилось в прошлую пятницу утром, между 10 и 11 часами.

Передай сердечный привет Матильде и детям.

Твой Фридрих.

292.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

Лондон, 12[—17] ноября 1875 г.

Дорогой г. Лавров!

Вернувшись из поездки в Германию, я принялся, наконец, за Вашу статью, которую прочел с большим интересом. Посылаю Вам свои замечания к ней, которые пишу по-немецки, так как это дает мне возможность быть более кратким.

1) В учении Дарвина я согласен с *теорией развития*, дарвиновский же способ доказательства (*struggle for life, natural selection* [борьба за существование, естественный подбор]) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно те господа, которые теперь всюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и др.), видели в органической природе как раз *сотрудничество* (*Zusam-*

¹ Племянница жены Энгельса — Мэри-Эллен Бернс (Пумпе).

menwirkung); например, мир растений доставляет животному миру кислород и пищу, а животный мир, наоборот, дает растениям углекислоту и удобрение, как это особенно подчеркивал Либих. Оба эти взгляда до известной степени правильны, но как тот, так и другой одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие (*Wechselwirkung*) тел — как мертвой, так и живой природы — включает в себя как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе сводить все богатство и разнообразие исторического развития к односторонней и сухой формуле «борьба за существование», к формуле, которая даже в области природы может быть принята лишь *cum grano salis* [весьма условно], то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор.

2) Из трех названных «убежденных дарвинистов» внимания заслуживает, повидимому, только Гельвальд. Зейдлиц — в лучшем случае мелкая величина, а Роберт Бир — романист, роман которого «*Drei Mal*» [«Три раза»] только что появился в журнале «*Ueber Land und Meer*». Там вполне уместно все его фанфаронство.

3) Не отрицая преимущества Вашего метода критики, который я назвал бы психологическим, я выбрал бы другой метод. На каждого из нас в большей или меньшей степени влияет интеллектуальная среда, в которой мы преимущественно вращаемся. Для России, где Вы лучше меня знаете свою публику, и для пропагандистского журнала, который апеллирует к «связующему аффекту», к нравственному чувству, Ваш метод возможно является наилучшим. Для Германии, где ложная сентиментальность причинила и продолжает еще причинять такой неслыханный вред, он бы не годился, он был бы неправильно понят, был бы извращен в сентиментальном духе. У нас скорее нужна ненависть, чем любовь, — по крайней мере на ближайшее время, — и прежде всего необходим отказ от последних остатков немецкого идеализма, восстановление материальных фактов в их исторических правах. Поэтому я повел бы атаку (и в свое время, может быть, и сделаю это) на буржуазных дарвинистов следующим образом:

Все учение Дарвина о борьбе за существование — это просто-напросто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о *bellum omnium contra omnes* [войне всех против всех] и буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса. Проделав этот фокус (безусловную правильность которого я оспариваю, как уже было указано в 1-м пункте, в особенности в отношении теории Мальтуса), опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают,

будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества. Наивность этой процедуры *бросается в глаза*, на это не стоит тратить слов. Но если бы я хотел остановиться на этом подробнее, то я сделал бы это так, что прежде всего показал бы, что они — плохие *экономисты* только затем уже плохие естествоиспытатели и философы.

4) Самое существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, между тем как люди *производят*. Это единственное, но в то же время и основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество. Благодаря этому различию стало возможно, как Вы правильно заметили, чтобы «человек повел борьбу не только за существование, но за наслаждение и за *увеличение своих наслаждений*... готов был для высшего наслаждения отречься от низших»¹. Не оспаривая Ваших дальнейших выводов из этого, я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы: человеческое производство на известной ступени достигает, следовательно, такой высоты, что могут быть произведены не только предметы для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сперва хотя бы только для меньшинства. Борьба за существование, — если мы на момент оставим здесь в силе эту категорию, — превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения, в борьбу не за одни только средства *существования*, а и в борьбу за средства *развития*, за *общественно-производимые* средства развития, а к этой ступени категории из мира животных уже не могут быть применены. Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет подавляющее большинство действительных производителей от пользования этими средствами существования и развития; если это общество своим собственным законом жизни вынуждается постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое для него производство и потому вынуждено периодически, каждые десять лет, само уничтожать не только массу продуктов, но и самые производительные силы, — то какой же смысл имеет здесь болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может еще заключаться только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Энгельсом по-русски (латинскими буквами).

у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который уже более не способен быть попрежнему руководителем, а это уже будет социалистическая революция.

Между прочим, стоит только взглянуть на предыдущий ход истории как на непрерывный ряд классовых битв, чтобы понять всю поверхностность понимания этой истории как незначительной вариации проявлений «борьбы за существование». Поэтому я никогда не сделал бы такого одолжения этим псевдо-натуралистам.

5) По той же причине я соответственно иначе сформулировал бы Ваш по существу совершенно правильный тезис, «что идея солидарности для облегчения борьбы могла... вырасти, наконец, до того, чтобы охватить все человечество и противопоставить его, как солидарное общество братьев, остальному миру минералов, растений и животных»¹.

6) Но, с другой стороны, я не могу согласиться с Вами, что «борьба всех против всех» была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было.

17 ноября. Мне опять помешали, и я опять берусь за это письмо, чтобы отправить его Вам. Вы видите, что мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее существу. Я надеюсь, что Вы найдете их достаточно ясными, я писал их второпях и, перечитывая, хотел бы многое изменить, но опасаясь сделать письмо слишком неудобочитаемым.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс.

293.

Энгельс — Паулю Керстену

в Лондон.

[Лондон,] 24 ноября 1875 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой г. Керстен!

Только что получил Ваше сегодняшнее любезное письмо и спешу сообщить Вам, что буду рад видеть Вас и Вашего друга у себя в будуще воскресенье около шести часов вечера.

С совершенным уважением

Ф. Э.

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Энгельсом по-русски.

294.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 3 декабря 1875 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг!

Фурункул (да еще на соске на левой стороне груди), — в чем Вы сможете сами убедиться, когда придете ко мне, — совершенно не позволяет мне выходить по вечерам и присутствовать 4 декабря на митинге. Впрочем, я мог бы там только повторить то мнение, которое я защищаю уже в течение тридцати лет, а именно, что освобождение Польши есть одно из условий освобождения рабочего класса в Европе. Новые заговоры «Священного союза» являются новым доказательством этого.

Ваш *Карл Маркс*.

295.

Энгельс — Валерию Врублевскому

в Лондон.

[Лондон,] 4 декабря 1875 г., полдень.
Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Врублевский!

Сегодня утром я проснулся с таким сильным насморком, что почти не могу говорить. Поэтому я, к моему большому сожалению, не смогу сегодня вечером присутствовать на Вашем польском собрании, особенно в такой вечер, который, повидимому, намерен соединить все преимущества польского климата со всеми удовольствиями английского тумана.

Мои чувства по отношению к делу польского народа, которые я, к сожалению, не смогу выразить сегодня вечером, навсегда останутся неизменны: я всегда буду видеть в освобождении Польши один из краеугольных камней окончательного освобождения европейского пролетариата и, в особенности, освобождения других славянских национальностей. До тех пор пока польский народ будет оставаться раздробленным и поработанным, до тех пор будет продолжать свое существование и с роковой неизбежностью возрождаться и «Священный союз» между теми, кто поделил Польшу, — союз, который не означает ничего другого, как порабощение русского, венгерского и немецкого народов, совершенно так же, как и польского. Да здравствует Польша!

Ваш *Ф. Энгельс*.

296.

Энгелье — Фридриху Лесснеру
в Лондон.

[Лондон,] 16 декабря 1875 г.

Дорогой Лесснер!

Франкель, который имел неосторожность прожить в Вене под чужим именем, обнаружен и арестован. Французское посольство требует его выдачи, обвиняя его в поджоге и участии в расстреле доминиканских монахов. Но это чепуха, ибо никакая страна не выдает своих подданных, она выдает лишь иностранцев, — если здесь вообще может быть речь о выдаче. По всей вероятности, он отделается пустяком за проживание под чужим именем.

Твой Ф. Э.

1876 год.

297.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 апреля 1876 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

(Обрати внимание на адрес, улица та же,
но вместо № 1 теперь № 41.)

Дорогой друг!

Я был очень рад увидеть, наконец, снова твой почерк. Твое продолжительное молчание я понял правильно, — именно так, как ты его объясняешь. Могу тебя уверить, что и у нас здесь было слишком достаточно грязи, хотя ее и не выносили с таким бесстыдством перед публикой (впрочем, в первое время после Гаагского конгресса было и это). Здесь оправдывается то, что сказал Чернышевский: «Кто шествует по путям истории, не должен бояться запачкаться».

Последние 15 выпусков «Капитала» я отправил тебе в начале января, именно в *понедельник 3 января* (дату я знаю точно, так как составил список всех посланных мною тогда экземпляров). Меня не удивляет, что ты их не получил, ибо даже три экземпляра, посланные отсюда в Париж, *не* дошли, и их пришлось посылать снова. В начале января на здешней почте царит такая суматоха, что каждый чиновник, отправляющий почту, становится невменяем. На этой неделе я пошлю тебе снова эти 15 номеров. Неполучение тобою посылки неприятно мне лишь потому, что я существенно исправил именно эту часть, в особенности главу о процессе накопления, и поэтому хотел бы, чтобы ты ее прочел.

Ни Энгельс, ни я не можем поехать в Филадельфию, так как мы очень заняты, в особенности я не могу терять времени, ибо состояние моего здоровья все еще заставляет меня потратить около двух месяцев на лечение в Карлсбаде.

За «Коммунистический манифест» мы возьмемся; но сейчас еще ничего нельзя сказать о приложении. А теперь у меня к тебе несколько просьб:

1) Нельзя ли мне получить мои статьи из «Tribune», сохранявшиеся безвременно умершим другом Мейером (они, кажется, из наследства Вейдемейра)? У меня этих статей нет.

2) Нельзя ли мне (*разумеется, за свой счет*) получить из Нью-Йорка американские книжные каталоги с 1873 до настоящего года? Мне важно (для второго тома «Капитала») самому посмотреть, не вышло ли чего-нибудь дельного об американском земледелии и землевладении, а равно и о кредите (паника, деньги и т. п. и все, что с этим связано).

3) По английским газетам совершенно нельзя разобраться в теперешних скандальных историях в Соединенных Штатах¹. Не сохранил ли ты соответствующих американских газет?

Моя семья шлет тебе самый сердечный привет.

Твой Карл Маркс.

298.

Энгельс — Филиппу Паули

в Рейнау.

Лондон, 25 апреля [18]76 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Паули!

Не знаю, как отблагодарить Вас и Вашу жену за всю ту доброту и дружбу, которую Вы проявляете по отношению к нашей Пумпс. Вы добились того, что она, повидимому, чувствует себя у Вас совсем как дома. Если год ее пансиона сохранится в ее памяти как один из самых веселых периодов ее жизни, то за это она должна быть благодарна Вам и Вашей милой жене.

Она сообщила нам превосходный план, придуманный ею у Вас и, повидимому, с Вашей помощью, о том, чтобы провести троицу всем вместе. К сожалению, она позабыла, как это большей частью случается с девушками ее возраста, самое главное, а именно сообщить нам, *когда* же начнутся ее летние каникулы. Если память мне не изменяет, то фрейлейн Шупп говорила мне, что каникулы бывают в *июле*, так как это самый жаркий месяц в году. Поэтому мне необходимо получить от мамзель Пумпс точные сведения по этому вопросу, прежде чем мы с женой сможем принять какое-либо решение.

Мне не приходится говорить Вам, что нам обоим доставило бы большое удовольствие провести троицу у Вас в Рейнау. К сожалению,

¹ Имеются в виду крупные мошенничества, происходившие в Соединенных Штатах в связи с железнодорожным и прочим предпринимательским грюндерством.

моя жена всегда немного прихварывает весной, и излечить ее может только одно: морской воздух. И мне хотелось бы отправить ее на несколько недель к морю; поездка в Германию была бы ей в таком случае вдвойне полезна.

Нас очень обрадовало сообщение Пумпе о том, что г-жа Паули решила сопровождать нас в Англию. Это было бы чудесно, и мы надеемся, что Пумпе высказывает не одну лишь надежду, а и твердое решение, выполнение которого не заставит себя ждать, если из поездки на троицу ничего не выйдет, вследствие того, что Пумпе ошиблась в расчетах относительно своих каникул. Ведь лето длинно, и приехать за ней во всяком случае придется. Впрочем, мы надеемся на то, что Пумпе права, и вся стратегическая комбинация будет блестяще выполнена. Мы приложим, само собою понятно, все усилия к тому, чтобы сделать Вашей жене пребывание здесь возможно более приятным и побудить ее продлить его до тех пор, пока Вы сами не приедете за ней. Проект в ответ на проект! Шорлеммер и Ольман, если он не уехал, будут также вызваны. Первый, как и в прошлом году, должен поехать с нами на две недели к морю. Итак, мы считаем дело решенным; речь может идти, следовательно, только о том, будет ли выполнен наш план на две недели раньше или позже.

Шорлеммер приезжал сюда в марте на несколько дней, он выглядел очень хорошо и был очень весел.

Письмо г-жи Паули мы получили во-время и были рады узнать, что пудинг после длительных странствований достиг своего местоназначения в целостности и встретил всеобщее одобрение.

Сердечный привет от жены и меня Вам, Вашей жене и детям.

Ваш Ф. Энгельс.

299.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 18 мая [18]76 г.

Дорогой друг!

Адрес Пио следующий: Hargwyne Street, Stockwell, S. W.

Ваш Карл Маркс.

300.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон, 14 июня 1876 г.]

Дорогой друг!

Сегодня я посылаю тебе в третий раз 31—44 выпуски «Капитала»; если ты их опять не получишь, то уведоми меня немедленно;

я подниму тогда большой скандал в здешнем Главном почтамте. Что касается вмешательства д-ра Кугельмана (по поводу Мейснера, чему я не верю, но подробно об этом узнаю от него самого), то это меня чрезвычайно удивило, так как я еще на тот свет не отправился, и, следовательно, никто кроме меня не имеет права распоряжаться моими работами.

Ты совершенно верно понял, что я разумею под скандальными историями; до конца сентября мне это не понадобится.

Посылаю тебе заодно исправленное мною издание Моста¹; я не поставил своего имени, ибо в противном случае мне пришлось бы еще больше там изменить (все, что касается стоимости, денег, заработной платы и многого другого, мне пришлось целиком вычеркнуть и вместо этого вставить свое).

В следующий раз напишу больше. Вся моя семья шлет тебе самый сердечный привет.

Твой К. М.

301.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 14 июня [18]76 г.

Дорогой друг!

Энгельс, вероятно, сообщил уже Вам, что Либкнехт и его друзья имеют основания *подозревать* Рихтера в шпионаже. Если это подтвердится, я мог бы также объяснить, почему со времени последнего посещения, которым удостоил меня Рихтер, исчезла моя книжка с адресами; в ней находились *адреса* моих корреспондентов в разных странах. Вопрос этот сильно меня беспокоит только по поводу нескольких лиц в России.

Нужно предупредить еще Пио.

Ваш К. Маркс.

302.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 15 июня 1876 г.

Дорогой друг!

Я был очень рад узнать из Вашего письма, что подозрения против Р[ихтера] были просто недоразумением.

¹ Имеется в виду брошюра «Kapital und Arbeit» («Капитал и труд»), в которой Мост давал краткое изложение «Капитала».

Либкнехт сперва написал Энгельсу, что против Р[ихтера] существуют подозрения и что он (Энгельс) должен был бы *конфиденциально* предупредить об этом русских друзей в Лондоне. Энгельс ответил ему, что он ничего подобного не сделает до тех пор, пока Либкнехт не сообщит ему фактов, послуживших поводом для этих подозрений. Тогда Л[ибкнехт] написал, что однажды вечером, находясь в обществе нескольких членов экспедиции «Volksstaat» и других рабочих, Р[ихтер], *бывший не совсем в трезвом виде*, пытался похитить пакет с письмами (от «Volksstaat»), предназначенными для отправки на почту. Друзья не мешали ему в этом, однако сопровождали его на почту и заставили сдать там пакет. Факт этот был передан Л[ибкнехту], так что подозрение было высказано не им, а рабочими, до тех пор вполне доверявшими Р[ихтеру]. Либкнехт сам пишет, что пословица «In vino veritas» [в вине истина] далека от того, чтобы быть непререкаемой догмой, но что, тем не менее, случай этот наводит на размышления. Вы хорошо знаете, что раз возникает подобного рода подозрение, то всегда находятся более или менее неспределенные признаки, которые можно истолковать в неблагоприятном смысле.

По моему мнению, Либкнехт только исполнил свой долг, сделал предупреждение; ни он (до известной степени это отнесется и *ко мне*), ни его друзья не знали *о близких* связях Р[ихтера] с Вами; в противном случае он, конечно, не считал бы нужным предупреждать Вас. Чтобы рассеять подобного рода недоразумения, самое лучшее — говорить откровенно. Партии, которая борется, следует быть готовой ко всему; я, по крайней мере, совершенно не был удивлен, когда меня обвинили в том, что я состою агентом г. Бисмарка.

Энгельс был у меня вчера вечером. Я спросил его, писал ли он Вам, он ответил, что *не писал*; что он не считал себя в праве *писать* Вам по этому делу, потому что Либкнехт поручил ему сообщить Вам об этом *конфиденциально* и что у него не было еще времени зайти к Вам. Я сказал ему, что написал Вам, и тогда он тоже выразил желание Вам написать.

Либкнехту я напишу в духе Вашего письма. Но вместе с тем полагаю, что было бы лучше ничего не сообщать Р[ихтеру] о том, что произошло. Когда Либкнехт сообщит мое письмо своим друзьям, последние — я в этом уверен — сделают все (это честные рабочие), чтобы исправить то зло, которое они причинили своему товарищу.

В «Pall Mall Gazette» за последнюю неделю была помещена громкая статья о русских финансах.

Ваш К. Маркс.

303.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 16 июня 1876 г.
122, R[egent's] P[ark] R[oad].

Дорогой г. Лавров!

Несколько времени тому назад Либкнехт писал мне, чтобы я предупредил Вас, что Р[ихтер] возбуждает подозрения. Но так как я не мог взять на себя подобное поручение, не имея возможности указать Вам какие-либо факты, то я откровенно высказал ему это.

Вот его ответ, который я сообщаю Вам *совершенно конфиденциально*:

«Р[ихтер] пытался здесь весьма странным образом завладеть пакетом с письмами, которые должны были прошлой зимой быть отправлены мне в Берлин. Он был пьян и поэтому очень неловко взялся за дело, так что его поймали. В опьянении его в течение многих часов преследовала *idée fixe* [навязчивая идея] завладеть этим пакетом; это ему даже удалось, но его спутники заставили его опустить пакет в почтовый ящик, что он и сделал, после того как его попытка *подменить* пакет потерпела неудачу. Лица, присутствовавшие при этом происшествии и до тех пор твердо верившие в его честность, были теперь озадачены. В состоянии опьянения иногда, правда, приходят в голову странные вещи, однако ничего такого, чего там уже не было бы и в трезвом состоянии. Выражение «*In vino veritas*» [в вине истина] не так уже лишено основания, — о других весьма подозрительных обстоятельствах я не стану здесь говорить, так как они не так вески, как то, что я рассказал. Отмечу лишь еще, что Р[ихтер] неоднократно предлагал свои услуги *по передаче писем* и просил рекомендаций к всевозможным партийным товарищам».

Я очень сожалею, что из-за того, что меня постоянно прерывали, я не мог раньше передать Вам это сообщение, о котором я не знаю, что и подумать.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравьи. Привет г. Смирнову.

Ваш Ф. Энгельс.

304.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

Лондон, 30 июня 1876 г.

Дорогой г. Лавров!

По поводу запрещения Бисмарком в Германии «Вперед» могу сообщить в утешение Вам, что всего шесть дней тому назад я видел

газету в Гейдельберге открыто выставленной в витринах книжных магазинов. Г-н Бисмарк еще не сумел выучить всех своих полицейских читать по-русски.

Ваш Ф. Энгельс.

305.

Энгельс — Филиппу Паули

в Рейнау.

Рамсгейт, 11 августа 1876 г.

11, Camden Square.

Дорогой Паули!

В пятницу, как это было решено, я действительно ездил в Кельн и переправился бы ночью через Остенде в Лондон, если бы не проклятая муха, укусившая меня в левую руку, — укус вздулся до колоссальных размеров. Поэтому я отправился в Кельне в гостиницу и примерно час держал руку в ледяной воде, что остановило воспалительный процесс. В субботу по пути через Флиссинген в Англию я нашел в Четеме поезд в Рамсгейт и проехал прямо сюда.

Когда я прибыл во вторник в Лондон, я встретил у Маркса Шорлеммера, собиравшегося в среду ехать в Дармштадт, куда он, вероятно, приедет сегодня.

Здесь все еще очень хорошо, умеренная летняя температура и свежий морской ветер, к тому же превосходное пиво и купанье в соленой воде — «истинное наслаждение» («е wohres Laubsal»), как говорит швея у Нестера. Эти вещицы заставили меня много посмеяться; особенно хорошо изображен патриотически настроенный провинциал (Kleinstädter) [18]48 г.

Переезд из Флиссингена происходил снова при совершенно спокойном море, мне это теперь очень досадно, хотелось бы немного качки, иначе совсем и не чувствуешь, что побывал в море. Впрочем, я могу получить это удовольствие здесь, как только захочу, на катерах, которые каждый день выезжают во вторую половину дня.

Мы останемся здесь еще на две недели, до понедельника, а затем в Лондоне, надо надеяться, будем снова отдыхать от всего этого бесконечного безделья, которому все время предавались.

Путешествие и морские купанья принесли моей жене большую пользу, так что я могу надеяться, что и зимой здоровье ее будет в удовлетворительном состоянии. Она и я шлем сердечный привет тебе, твоей жене и детям. Так как накрывают на стол, я заканчиваю письмо в надежде, что количество комаров в Рейнау скоро уменьшится.

Преданный тебе

Ф. Энгельс.

306.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

Рамсгейт, 15 августа [18]76 г.

11, Camden Square.

Дорогой г. Лавров!

По возвращении из Германии я нашел у себя Ваше письмо от 7-го числа, которое и поспешил сообщить Либкнехту. Так как лица, о которых идет речь, были мне совершенно неизвестны, то это было единственное, что я мог сделать.

Надеюсь, что наш бедный Смирнов окажется достаточно крепким, чтобы справиться с болезнью. При слабом состоянии своего здоровья он работал слишком много, и ему следовало бы несколько беречь себя. Тысяча пожеланий от меня ему так же, как и Вам.

Ваш Ф. Энгельс.

307.

Энгельс — Иде Паули

в Рейнау.

Рамсгейт, 27 августа [18]76 г.

11, Camden Square.

Дорогая г-жа Паули!

Комары вели себя, должно быть, действительно дурно, если Вы были вынуждены пойти по следам русских эмансипированных дам и закурить папиросы. Надеюсь, что и у Вас, так же, как у нас, за последние три-четыре дня погода установилась более прохладная, и поэтому Вы теперь от комаров освободились. Мы здесь положительно замерзали и должны были закрыть окна, а жена вздыхала по меховым жакетам. В Лондоне в пятницу ночью было только 6° Реомюра, а в Ливерпуле дыни определенно померзли.

Со вторника у нас гостит г-жа Маркс; она опять немного поправилась, по к следующему вторнику должна будет снова уехать, так как ожидает к этому времени племянницу с Мыса Доброй Надежды.

Несмотря на погоду, мы продолжаем купаться, так как море все еще теплое, а при ветре валы становятся все сильнее и здорово греют; именно эти холодные морские купанья действуют лучше всего, и моя жена удивительно поправилась с тех пор, как начала купаться. В пятницу мы снова укладываемся и, надо надеяться, вернемся, наконец, к спокойной жизни. Мы оба уже по горло сыты этим шатаньем, моя жена тоскует по своей кухне, я — по своему письменному столу, и оба мы — по большой широкой кровати.

Адрес М[аркса] в Карлсбаде следующий: Д-р М[аркс], «Германия», Шлосберг, Карлсбад. Несколько дней тому назад я получил от него письмо. Карлсбадские воды принесли ему и его дочери Тусси большую пользу, но, к сожалению, это влечет за собой скучные последствия, — несколько месяцев после этого нельзя ни пить вина, ни есть салата и тому подобных вкусных вещей. Он останется там, по крайней мере, до середины сентября, быть может, еще на одну неделю, все зависит от лечения и его действия.

От Пумпс мы получили письмо одновременно с Вашим. Я отвечу ей, как только вернусь в Лондон; здесь, в этой кочевой обстановке, всегда требуется много энергии, чтобы засесть за письма.

Как обстоит дело с английской поездкой Паули? Теперь он, вероятно, уже скоро закончит стройку на фабрике, а так как он очень любит бурное море, то ему не следует надолго откладывать поездку.

Г-жа Маркс просит передать Вам поклон, а моя жена и я шлем Вам, Паули и всем детям сердечный привет. Сегодня я посылаю Паули газету. Итак, будьте здоровы и бодры, и, если пиво будет особенно хорошо, вспоминайте по временам искренно преданного Вам

Ф. Энгельса.

308.

Маркс — Максу Оппенгейму

в Прагу.

«Германия», Шлосберг, Карлсбад,
30 августа 1876 г.

Дорогой друг!

Я живу здесь с дочерью уже две недели и, несмотря на изменчивую погоду и дожди, думаю пробыть здесь еще две недели. Мы были бы очень рады повидать Вас здесь. Во всяком случае, дайте о себе знать.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

309.

Маркс — Максу Оппенгейму

в Прагу.

[Карлсбад.] 1 сентября 1876 г.

Дорогой друг!

Я никогда не оставлял намерения отправиться вместе с дочерью на один-два дня в Прагу, но не хотел упоминать об этом в письме к

Вам, так как мне хотелось заманить Вас сюда. Но раз Вы заняты, тут ничего не поделаешь; может быть, все же Вы еще подумаете и придете к убеждению, что поездка в Карлсбад хорошо подействует на Ваше здоровье. Жду Вашего окончательного решения на этот счет.

Погода сама по себе была бы для меня довольно безразлична, если бы она несколько не противоречила условиям лечения.

Моя дочь шлет Вам самый сердечный привет.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

310.

Маркс — Макс Оппенгейму

в Прагу.

[Карлсбад.] 6 сентября 1876 г.

Дорогой друг!

Прилагаю письмо Вашей сестры, сообщения которой о приключениях в Нордернее чрезвычайно заинтересовали мою дочь и меня. Я надеялся познакомиться у Вас в Праге с Вашей сестрой, портрет которой я видел и о которой я слышал так много хорошего в Ганновере, но из Вашего письма вижу, что она попрежнему живет в Аахене.

Лечение мое кончается в воскресенье. Поэтому мы решили в понедельник выехать в Прагу, хотя, возможно, придется пробыть в Карлсбаде и несколько дольше. Моя дочь внезапно заболела. Надеюсь, что ничего серьезного; сегодня вечером я ожидаю второго визита врача. Как только смогу сообщить что-либо более определенное, напишу Вам.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

311.

Маркс — Макс Оппенгейму

в Прагу.

[Карлсбад.] 9 сентября 1876 г.

Дорогой друг!

Большое спасибо от меня и от моей дочери за Ваше любезное письмо. У нее была жестокая лихорадка, ей пришлось три дня пролежать в постели, да и сейчас она еще под домашним арестом; но всякая опасность миновала благодаря быстрому вмешательству д-ра Флеклеса младшего. До среды нам вряд ли удастся выехать в Прагу. Но я извещу Вас точно за день до отъезда.

Пока до скорого свиданья.

Ваш *Карл Маркс.*

312.

Маркс — Иде Паули
в Рейнау.

[Карлсбад,] 10 сентября 1876 г.

Дорогая г-жа Паули!

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное приглашение. К сожалению, произошел неприятный случай, который не позволяет мне воспользоваться этим приглашением.

Сегодня истек срок нашего месячного лечения. Но вследствие постоянной перемены погоды моя дочь простудилась, схватила лихорадку и т. п. На время она остается под домашним арестом, и мне придется по необходимости продлить мое пребывание здесь. Так как я должен быть из-за некоторых дел в определенный день в Лондоне, то я тем менее смогу позволить себе на обратном пути посторонние экскурсии. Отложить не значит отменить. Быть может, увидимся в следующем году. Моя дочь шлет сердечный привет Вам и г. Паули.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

313.

Марке — Максу Оппенгейму
в Прагу.

«Германия», Карлсбад, 12 сентября 1876 г.

Дорогой друг!

Приношу Вам сердечную благодарность за Вашу дружескую заботу; к счастью, дочь моя вполне поправилась. Она еще легко отдалась. У нее чуть не случилось воспаления легких; быстрое вмешательство д-ра Флеклеса младшего, ее врача, спасло ее от продолжительной и опасной болезни.

Все же, благодаря этому инциденту, мы должны оставаться здесь до пятницы для дополнительного лечения. Из Карлсбада мы выедем в 10 ч. 47 м. и приедем в Прагу (на Staatsbahnhof) в 5 ч. 50 м. пополудни.

Итак, до свиданья.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

314.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон,] 15 сентября 1876 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой г. Лавров!

В конце настоящего письма я сообщаю Вам те несколько слов, которые Либкнехт только что написал мне по поводу лиц, упоминаемых в Вашем письме. Из них Вы увидите, что Либкнехт снимает с себя всякую ответственность за то, что мог написать Д[егтярев] и что мог сделать Ч[ернышев].

Надеюсь, что г. Смирнов поправляется.

Ваш Ф. Энгельс.

«Мои письма, которые Г. подсунил в руки полиции, были написаны как раз для того, чтобы попасться на глаза Штиберу, но не так обстояло дело с многочисленными письмами русских. Л[авров] ошибается, если думает, что я доверился хотя бы одному русскому эмигранту. Я совершенно не отвечаю за то, что *болтают* эти людишки, а болтают они страшно много. Ч[ернышев] ездил в Берлин не по моему поручению, но с моего ведома, — испортить там было уже нечего».

315.

Маркс — Фердинанду Флеклесу

в Карлсбад.

Льеж, Бельгия, 21 сентября 1876 г.
Hôtel de Suède.

Дорогой г. Флеклес!

Пишу Вам спешной почтой несколько строк по важному делу.

У моего друга Николая Утина — возраст 35 лет — начинается, как выяснили врачи, перерождение сердца. Ему посоветовали ехать в Карлсбад; но так как он весной, летом и осенью перегружен работой, — он инженер и стоит во главе крупных железнодорожных и тому подобных предприятий, — ему возможно выбрать время для лечения только в декабре и в течение зимних месяцев.

Но он очень боится холода и хочет знать, не может ли он вместо Карлсбада поехать в Виши.

Трудно, конечно, а может быть и невозможно, не зная его лично, ответить на такой вопрос. Но Вы могли бы все же указать в общем, может ли Виши заменить Карлсбад в подобных случаях.

Это — один из моих лучших друзей, потому я позволяю себе апеллировать к Вашей дружбе и просить Вас о скором ответе (по моему

лондонскому адресу: 41, Maitland Park Road, Лондон). Моя дочь ~~и~~ я уезжаем завтра отсюда домой.

Глубоко преданный Вам

Карл Маркс.

316.

Маркс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

Лондон, 23 сентября 1876 г.

Дорогой Бракке!

В настоящее время печатается французская работа Лиссагаре «Histoire de la Commune» [«История Коммуны»] (500—600 стр.). Издатель: Г. Кистемекер, Современная книготорговля, Boulevard du Nord, 60, Брюссель. Это будет первая *достоверная* история Коммуны. Лиссагаре не только использовал все печатные источники, но располагает и недоступными для всех других материалами, не говоря уже о том, что он был большей частью очевидцем описываемых им событий.

Вчера я получил от него письмо, присланное ему Юлиусом Грунцигом из Берлина, в котором последний предлагает свои услуги в качестве переводчика.

Прежде всего, я Грунцига не знаю; может быть, Вы можете дать мне о нем справку?

Во-вторых, он ничего не пишет о том, где и как будет издана книга. И если бы даже мы могли использовать г. Грунцига в качестве переводчика (это зависит только от его способности к такой работе), то он был бы принят *только* как переводчик, редактирование же ему ни в коем случае не было бы поручено.

Я предлагаю Вам взять на себя издание этой важной для нашей партии и интересной для всей читающей немецкой публики работы. Но только Лиссагаре, — которому, как эмигранту в Лондоне, живется не сладко, — должен получить за предоставление им права немецкого издания известную долю прибыли, установленную Вами самим.

Что же касается перевода, то я послал бы Грунцигу, — ввиду того, что он первый предложил свои услуги и его также рекомендовал Мост, — пробные листы для перевода, чтобы я мог убедиться, насколько он способен выполнить эту задачу.

В случае, если Вы примете мое предложение, листы оригинала будут поступать к Вам (а также к переводчику) по частям, так что немецкий перевод может выйти почти одновременно с французским оригиналом. Издание отдельными выпусками, как предлагает в своем

письме Грунциг, неприемлемо, так как в этом случае книга вышла бы на немецком раньше, чем на французском, против чего стал бы протестовать бельгийский издатель.

Что касается оплаты переводчика, то этот вопрос должен быть урегулирован исключительно Вами и переводчиком.

Я Вам буду очень благодарен, если Вы дадите скорый ответ, чтобы не терять времени и чтобы я мог, если понадобится, обратиться к другому книготорговцу.

Сердечный привет от меня и Энгельса.

Ваш *Карл Маркс*.

Мой адрес: 41, Maitland Park Road, N. W. London,

317.

Маркс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

[Лондон,] 30 сентября 1876 г.

Дорогой Бракке!

О Ваших переговорах с Б[ернгардом] Беккером я уже знал из Ваших писем Энгельсу, так как мы сообщаем друг другу все, относящееся к партийным делам.

Как только я получил Ваше письмо, мы с Энгельсом, всесторонне обсудив этот вопрос, пришли к заключению, что никакие обязательства по отношению к Беккеру не могут помешать Вам издать книгу Лиссагаре.

1) Вы из *чисто коммерческих соображений* — еще вадолго до того, как зашла речь о книге Л[иссагаре] — *отказались* от всяких обязательств по отношению к Б[ернгарду] Беккеру, после того как он *сам резко отклонил* Ваши предложения. Вы уплатили, кроме того, неустойку в 300 талеров. Тем самым вопрос был исчерпан, и никак нельзя было предположить, что отныне Вы отказываетесь от издания каких бы то ни было сочинений по истории Коммуны.

2) В той мере, в какой книга Лиссагаре конкурирует с книгой Беккера ¹, конкуренция эта все равно неизбежна, появится ли книга в Вашем или в каком-либо другом издании (Либкнехт только что предложил нам издательство типографии «Volksstaat», на что, однако, мы *ни при каких условиях* не пошли бы). Книга Л[иссагаре] *выйдет че-*

¹ «Geschichte und Theorie der Pariser Revolutionären Kommune» («История и теория Парижской революционной коммуны»), изданная позднее в Лейпциге (в 1879 г.).

рез несколько недель в Брюсселе, а Беккер только еще закончит свою работу в мае [18]77 г. Ущерб, который он от этого потерпит, все равно неизбежен.

3) Хотя книги Беккера и Лиссагаре носят одно и то же название «История Коммуны», это, тем не менее, сочинения совершенно различного характера, и если бы не коммерческие и другие соображения, их прекрасно могло бы издать одно и то же книгоиздательство.

Книга Беккера, — это в лучшем случае составленная с точки зрения немецкой критики компиляция материалов о Коммуне, которые в Париже доступны всякому.

Книга же Лиссагаре написана участником изображаемых событий (она поэтому и приближается по характеру к мемуарам), причем автор сверх того располагал множеством никому другому недоступных рукописей главных действующих лиц драмы и т. д.

Между той и другой книгой мыслима лишь та связь, что сочинение Лиссагаре окажется для Беккера новым источником, с которым он не сможет не считаться и который, быть может, заставит его внести крупные изменения в свою уже готовую рукопись.

Вами руководят при издании книги Л[иссагаре] те же интересы, которые заставили Вас предложить Б[еккеру] заняться обработкой этого материала, т. е. интересы партии; как уже сказано в п. 1, Вы можете удовлетворить их, нисколько не нарушая своих первоначальных обязательств перед Б[еккером].

Вот — все, что я считаю нужным сказать по этому вопросу.

Что касается г. Грунцига, то я попросил бы Вас навести у Моста справки об этом человеке. Если бы ответ оказался благоприятным, я послал бы Грунцигу *в виде опыта* первый пробный лист для перевода, чтобы иметь возможность судить, по плечу ли ему эта далеко не легкая работа.

Лиссагаре прислал мне пять первых печатных листов. Из них видно, что книга выйдет в роскошном издании, не больше 30 строк на страницу. Если во французском оригинале 500—600 страниц, то в обычном немецком издании их будет едва ли больше 400.

С Вашим решением о распределении прибыли я более чем согласен; если никакой прибыли не будет, Лиссагаре, как и Вы, должен будет с этим мириться, — и уже мирится заранее.

Что касается гонорара переводчика, то это предоставляется на Ваше усмотрение. Французского автора это не касается.

Все остальные вопросы — о тираже, внешнем оформлении книги, цене — Вы должны решить *сами*. (Лиссагаре предоставил мне *plein pouvoir* [полномочия] заключить договор от его имени).

На титульном листе следовало бы написать: авторизованный перевод.

Лиссагаре поместит на заглавной странице французского оригинала: *tous les droits réservés* [все права сохраняются], так что Вы сможете конфисковать всякий другой немецкий перевод, изданный кем бы то ни было.

С дружеским приветом

Ваш *Карл Маркс*.

318.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 7 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Я только что получил письмо из Парижа (от одного служащего в книжном магазине Лашатра), из которого видно, что запрещение «Капитала» — просто-напросто сказка, впрочем сказка, усердно распространяемая полицейскими и самим г. Квестом, судебным администратором, под опеку которого покойный Бюффе передал книжный магазин Лашатра.

Так как «Капитал» издавался при режиме осадного положения, то, с тех пор как осадное положение снято, он может быть запрещен только обыкновенным судом, а такого скандала бояться. Поэтому стараются изъять книгу подпольными путями, посредством интриг.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне письмо, в котором Ваш комиссионер Гюйо пишет о запрещении книги. С другой стороны, у Ковалевского есть русские друзья в Париже, которые готовы засвидетельствовать, что даже в книжном магазине Лашатра им отказали в продаже этой книги.

Имея эти доказательства, я смогу угрожать г. Квесту, — который очень скуп, несмотря на свои миллионы, — судебными мероприятиями и требованием возмещения убытков и процентов. Только под давлением таких угроз он, наконец, согласился отпечатать последние 15 выпусков. Согласно французским законам он по отношению ко мне является только представителем г. Лашатра, его заместителем, и должен выполнять все условия, содержащиеся в моем договоре с последним.

В сентябрьской книжке «*Revue des deux Mondes*» помещена критика, — если так можно выразиться, — «Капитала», принадлежащая г. Лавеле. Нужно прочитать ее, чтобы составить себе понятие об идиотизме наших буржуазных «мыслителей». Г-н Л[авеле], однако, до-

статочно наивен, чтобы признать, что если принять доктрины Адама Смита и Рикардо или даже — *horibile dictu* [страшно сказать] — доктрины Кери и Бастиа, то нельзя избежать пагубных выводов «Капитала».

Поздравляю Вас с Вашей передовой статьей в последнем номере «Вперед» о панславистском лиризме в России. Это не только шедевр, но прежде всего великий акт морального мужества.

Ваш *Карл Маркс*.

Как здоровье Смирнова?

319.

Энгельс — Эмилю Бланку

в Майтерсдорф-на-Рейне.

[Лондон,] 16 октября [18]76 г.

[Черновик.]

Э. Б[ланку].

Если ты согласен открыть Д[ронке] кредит в 150 ф. ст. при условии депонирования у тебя полиса, то я охотно распоряжусь выслать тебе через Герм[ана] эту сумму, как только она понадобится, и буду нести все прочие расходы, связанные с этой сделкой. Как только Др[онке] возвратит деньги, ты можешь перевести их мне любым способом, а ему вернуть полис.

[Ф. Э.]

320.

Энгельс — Эрнсту Дронке

в Ливерпуль.

[Лондон,] 20 октября [18]76 г.

[Черновик.]

Э. Др[онке].

Мой шурина Бл[анк] пишет мне, что он окончательно отказывается пойти на предлагаемую тобою сделку. Он пишет также, что он уже три года как совсем порвал с Г[инсбергом], Ф[ишером] и К^о, и это вполне соответствует действительности.

Мне очень жаль, что из дела этого ничего не вышло, ибо я охотно помог бы тебе, поскольку это в моих силах.

[Ф. Э.]

321.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 20 октября 1876 г.
Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман!

Ты можешь самым положительным образом заверить г. Каро, что кроме извещений о семейных событиях в былое время и личных заявлений в связи с фогтовским делом и т. д., подписанных полным именем, Маркс в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» не печатал *ни строчки*; если же эти господа в Бреславле утверждают обратное, то нас это только заставляет смеяться. Мы не знаем г. Каро даже по имени, но его дружба с Горчаковым заставляет предполагать, что о России он знает довольно мало, так как с людьми, *чересчур* хорошо осведомленными в этом отношении, Г[орчаков] не был бы так близок. Надо полагать, что и желанный орден не замедлит очутиться в предназначенной для этой цели петлице.

Я пишу теперь для лейпцигской «Vorwärts» работу о г. Дюринге. Для этого мне нужна критика «Капитала», которую ты в 1868 г. прислал М[арксу] и которая, если не ошибаюсь, была опубликована Д[юрингом] в каком-то журнале, выходящем в Гильдбургхаузене. М[аркс] никак не может разыскать ее. Зная твою чрезвычайную добросовестность во всех делах, я предполагаю, что ты можешь разыскать среди своих заметок того периода что-либо и по этому поводу: скажем, *название* журнала и номер, в котором появилась эта вещь. Если бы ты мне это сообщил, я заказал бы этот номер и через несколько дней получил бы его. Если же ты этого сделать не можешь, то *ни в коем случае* не обращай к Дюрингу, потому что малейшая, хотя бы косвенная связь с этим человеком, а тем более малейшая услуга с его стороны, лишила бы меня свободы критики в таком деле, где она мне необходима в самой неограниченной мере.

На-днях опять начнется работа над II томом («Капитала»). Если бы, впрочем, пришлось опровергать *все* нелепости, которые распространяются о М[арксе] в ученых кругах, то дела было бы по горло. Один русский, например, вчера рассказывал о каком-то русском профессоре, который упрямо твердит, будто М[аркс] занимается теперь только русскими делами, потому что Маркс-де твердо убежден, *que la commune russe ferait le tour du monde* [что русская община обойдет весь мир]!

Война на Востоке, очевидно, скоро разразится. Русские никогда не имели возможности начать ее при более благоприятных диплома-

тических условиях. Зато военные условия менее благоприятны, чем в 1828 г., а финансовые крайне неблагоприятны для России, потому что ей никто не даст ни гроша взаймы. Я сейчас перечитываю книгу Мольтке о войне 1828—1829 гг., — прекрасная книга, хотя автору нельзя было свободно говорить о политике.

Спасибо за статью Шеффле.

Твой Ф. Энгельс.

322.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 21 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Прилагаю вырезку из «Pall Mall Gazette» — это извлечение из Вашей передовой статьи (в № 42 «Вперед»), плохо переведенное, хотя оно сделано сэром и т. д. Раулинсоном. Ковалевский сообщил мне это, а также прислал и самую статью. Он просил меня дать ему № 42 Вашего журнала, но и «самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». Я уже послал этот номер Утину (в Льеж).

Ковалевский сообщил мне также, — Вы можете использовать это в Вашем журнале, — что отвратительная русская клика, претендующая на звание представительницы самых крупных русских литературных сил, заявила Раулинсону и другим английским светилам о своем намерении издавать в Лондоне журнал, чтобы знакомить англичан с истинным характером политико-социального движения в России. Главным редактором будет Голохвастов вместе с другими сотрудниками гнусного журнала «Гражданин» и, как говорят, князь Мещерский.

Русское правительство уже дало доказательства своей несостоятельности, заставив Петербургский банк объявить, что он более не будет оплачивать иностранных векселей золотом (или серебром). Этого я ждал, но что правительство, прежде чем дойти до такой «неприятной» меры, сделало снова глупость, пытаясь в течение двух или трех недель искусственно поддерживать свой курс на Лондонской бирже, — такой факт превосходит всякие границы. Это стоило ему около двадцати миллионов рублей; это все равно, как если бы оно бросило эти деньги в Темзу.

Эта нелепая операция — искусственная поддержка курса за счет правительства — принадлежит XVIII веку. В настоящее время к ней прибегают только алхимики русских финансов. Со времени смерти Николая эти периодически повторяющиеся бессмысленные

манипуляции стоили России по крайней мере 120 миллионов рублей. Так может поступать лишь правительство, которое еще серьезно верит во всемогущество государства. Другие правительства знают, по крайней мере, что «L'argent n'a pas de maître» [деньги не имеют хозяина].

Ваш *Карл Маркс*.

323.

Энгельс — Эрнсту Дронке
в Ливерпуль.

[Лондон,] 1 ноября [18]76 г.

[Черновик.]

Дорогой Дронке!

То, что я пишу тебе сегодня, я хотел сказать тебе в прошлую пятницу, когда ты категорически отклонил всякое вмешательство с моей стороны.

Мое положение не позволяет мне терять сумму в 150 ф. ст., — тем более в 200 ф. ст., — следовательно я не могу ею и рисковать. Будь я еще в деле, в котором возможные потери со временем были бы компенсированы, тогда вопрос обстоял бы иначе. Если бы даже я находился в других отношениях с Гецем, которого я едва знаю в лицо, и если бы вся сделка не приняла для меня очень неприятного характера из-за того, что она не может быть проведена без ведома Кильмана и, следовательно, д-ра Борхардта, — я все же ни в коем случае не взял бы на себя той гарантии, какую ты хочешь. Даже если бы я еще и был в деле, мне, как это само собой разумеется, не могла бы притти мысль поставить ради старой дружбы прямо на карту в совершенно неизвестном для меня деле сумму в 150 ф. ст. Но тогда я все же мог бы сделать больше, чем теперь, когда я уже просто не в состоянии понести подобный убыток. С другой стороны, я тебе охотно помог бы, если речь идет только о том, чтобы предоставить в твое распоряжение на некоторое время без такого риска с моей стороны свободные средства.

Ты предлагал моему шурину в качестве обеспечения полис в 300 ф. ст. Я предложил заплатить ему, в случае его согласия на твое предложение, 150 ф. ст., если ты не выплатишь эту сумму через 6 месяцев. К тому времени я мог бы раздобыть наличные деньги, чего я не могу сделать в настоящий момент, и получил бы в виде обеспечения полис. Но он вообще отказался пойти на эту сделку. Если бы ты в то время предложил мне то же самое, что и моему шурину, то я, хотя и не мог бы ссудить тебе немедленно 150 ф. ст., но все же что-нибудь, вероятно, сделал бы. Теперь же я получил в последнем тираже аме-

риканские бонны 5/20 и благодаря этому могу располагать суммой свыше 150 ф. ст.; они в твоём распоряжении на шесть месяцев, если ты дашь мне в виде обеспечения полис. У меня он во всяком случае будет в такой же сохранности, если не в большей, как и у всякого другого.

Я сказал тебе совершенно открыто, как я смотрю на дело и что могу сделать. Может быть, у тебя есть другие проекты, я готов их обдумать. Ещё одно: пусть предстоящая сделка будет совершена непосредственно между нами, без третьих лиц, без гарантий и т. п.; это — гораздо проще.

[Ф. Э.]

324.

Маркс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

Лондон, 6 ноября [18]76 г.

Дорогой Бракке!

Я самым тщательным образом сличил перевод Грунцига — первый лист — с оригиналом и только что ему сообщил, что не могу воспользоваться его услугами.

Действительно, правка его перевода (отдельные исправления будут, вероятно, неизбежны при всяком переводчике) отняла бы у меня больше времени, чем если бы я сам переводил все с начала до конца. Но для этого у меня нет времени. Я не могу подвергаться вторично такому же болезненному эксперименту, какому уже однажды подвергся с французским переводом «Капитала».

Кокоского я охотно взял бы, но ему решительно не хватает той легкости и гибкости языка, которая нужна для перевода именно этой книги.

Я уже начал нащупывать почву в другом месте, но сомневаюсь, чтобы там нашлось свободное время; а пока хорошо было бы, если бы Вы попытались подыскать в Лейпциге какого-нибудь профессионального переводчика. Так как речь идет о книге не для рабочего читателя, то было бы бессмысленно искать переводчика непременно внутри партии, которая не богата литературными силами, т. е. заранее исходить из того принципа, что переводчик *должен* быть партийным человеком.

По моим сведениям, Б[ернгард] Беккер нашел себе издателя в Швейцарии.

Преданный Вам

К. М.

Примирительный конгресс в Берне, — мы с Энгельсом *тотчас же* написали письмо Либкнехту, как только узнали о намерении немцев послать туда своих делегатов, — является и был с самого начала не чем иным, как бакунистской интригой.

На-днях к тому же мы получили доказательство этого из Португалии. Подробности после.

325.

Энгельс — Эрнсту Дронке

в Ливерпуль.

[Лондон,] 13 ноября [18]76 г.

[Черновик.]

Дорогой Дронке!

Так как до настоящего времени по полису произведено только пять платежей по 14 ф. ст. = 70 ф. ст., и так как деньги эти могли бы тебе тем временем понадобиться для других целей, и к 21-му числу текущего месяца ты не смог бы превратить их в наличные, — а я даю под обеспечение полиса сумму, более чем вдвое превышающую ту, которая уплачена, — то ты простишь мне, если я предпочту сам произвести здесь расплату. Я жду, что ты мне напишешь, когда [это сделать]. С другой стороны, чтобы по возможности пойти тебе навстречу, я не поставлю одолженные тебе здесь 10 ф. ст. в счет 150 ф. ст., так что я даю тебе всего 160 ф. ст. из расчета 5% срок уплаты 1 мая [18]77 г.

160 ф. ст.

Ты получил здесь	10 ф. ст.
Чек от 10 ноября [18]76 г.	10 » »
Уплачено Драйку и Сыну	60 » »
Уплата по полису	14 » »

94 ф. ст.

При этом посылается чек на остальные

66 ф. ст.

У меня такой ужасный бронхиальный катар, что я осужден на домашний арест в шлэфроке и туфлях и на полное воздержание от спиртных напитков, поэтому банкнот достать не могу.

[Ф. Э.]

326.

Марке — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

[Лондон,] 20 ноября 1876 г.

Дорогой Бракке!

Прилагаю для г-жи Изольды Курц первый французский лист для пробного перевода; вместе с переводом прошу ее *вернуть мне и французский оригинал* (для сверки).

Лиссагаре полагает, что так как его книга появится до начала января, а перевод из-за связанных с ним трудностей затягивается, то лучше всего было бы издавать немецкое издание отдельными выпусками.

Прилагаю также послание великого Гильома. Особенно забавляет меня *«que pensent les socialistes de langue française»* [что думают социалисты, говорящие на французском языке]. Эти *socialistes «de langue française»* представлены, разумеется, исчерпывающим образом в лице братьев Реклю (тайных соучредителей Альянса, вообще же совершенно неизвестных по части *социалистических работ*) и Де-Папа, по происхождению — голландца, но во всех прочих отношениях бельгийца.

Надеюсь, что на выборах¹ вы одержите верх; подобная крестьянская демонстрация имела бы значение

Ваш К. М.

327.

Энгельс — Иоганну-Филипу Беккеру

в Женеву.

[Лондон,] 20 ноября 1876 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Беккер!

Ваш циркуляр, адресованный Цюрихской секции, мы своевременно получили и тоже думаем, что пора выступить против попыток бакунистов за свой риск и страх играть в Интернационал. Я очень сомневаюсь в возможности провести реорганизацию на предлагаемом вами базисе федерации больших национальных организаций, так как в большинстве стран законы запрещают подобным ассоциациям состоять в переписке с иностранными обществами, а тем более вступать с ними в союз. Это, однако, не так важно и может быть легко обойдено

¹ Имеются в виду выборы в рейхстаг, происходившие в начале 1877 г.

или изменено, если только убедятся, что существование каждой из этих больших организаций в отдельности целесообразнее, чем их *формальное* вступление в интернациональное общество. Вы и так встретите со стороны немцев ту же платоническую холодность, какую они, *как партия*, всегда проявляли по отношению к старому Интернационалу.

Главная цель моего сегодняшнего письма — раскрыть перед тобой новое поле деятельности в этом направлении. Португальцы, с которыми я еще состою в переписке, и которые очень хорошо организованы, весьма жалуются на невнимание к ним наших товарищей. Немецкие швейцарцы, немцы, австрийцы, американцы и т. д. не только не посылают им никаких сообщений, но даже не отвечают на их письма. Наоборот, от юрцев, испанских, итальянских и бельгийских бакунистов они постоянно получают массу материалов, приглашений на конгрессы, поздравлений и т. д., так что португальские рабочие думают, что только эти люди еще интересуются Интернационалом и движением в Португалии. Ты понимаешь, что это, должно быть, очень хорошие парни, если они все-таки не позволяют ввести себя в заблуждение. Что это так, ты увидишь из следующего письма, которое они послали Бернскому конгрессу бакунистов:

«Кадикская федерация предложила нам послать делегата на Бернский конгресс. После этого мы прочитали в «Bulletin Jurassien» циркуляр, совы-
вающий этот конгресс и устанавливающий его порядок дня. Так как португальские социалисты очень поздно получили это приглашение, то они не могут послать делегатов; но все же Федеральный совет решил заверить вас в нашей моральной солидарности с социалистическими рабочими всего мира и в том, что мы никогда не сомневались и не намерены сомневаться в этой солидарности, *а поэтому особый договор о солидарности, о чем вы хотите вынести постановление, представляется нам совсем ненужной формальностью.*

«Выражая самые горячие пожелания успеха делу объединения всех пролетариев, шлем вам братский привет.

«Да здравствует Международное товарищество рабочих!»

Я пишу им о вашем плане, посылаю им также один из ваших циркуляров, хотя еще вопрос, читают ли они по-немецки. Но было бы хорошо, если бы ты сейчас же завязал с ними сношения. Ты можешь писать им по-французски; если они ответят на португальском языке, я могу перевести тебе их ответ.

Вышеприведенное письмо ты можешь напечатать в «Tagwacht», как и сообщение о том, что 5 января и в следующие дни у них состоится конгресс в Лиссабоне, на котором они будут обсуждать новую программу партии.

Адрес следующий:

Э.-К.-Аведо Гнекко, Rua de Bemformoso, 110, 2°, Лиссабон, Португалия.

Там выходит их газета «O Protesto», которая издается уже больше года.

Буду надеяться, что вы добьетесь чего-нибудь существенного. Если мы можем вам помочь адресами и т. п., то мы это охотно сделаем. Только от работы вы должны нас избавить. Мы оба, М[аркс] и я, должны произвести совершенно определенную научную работу, которой, как мы пока вынуждены констатировать, никто другой не может и не хочет заняться. Мы должны воспользоваться нынешним спокойным периодом мировой истории, чтобы закончить эту работу. Кто знает, как скоро какое-либо событие снова бросит нас в гущу практического движения; тем более мы должны использовать краткий досуг, чтобы хоть немного развить не менее важную теоретическую сторону движения.

Кстати. За заказанные М[арксом] и мною 12 экземпляров «Stunden der And[acht]» мы заплатили через Франкеля за 12 выпусков, значит нам остается заплатить за 3×12 выпусков по 25 сантимов = 9 франкам; если счет верен, сообщи мне об этом, и я тебе их вышлю переводом по почте.

Скоро в «Vorwärts»¹ будет помещена моя критика Дюринга. Они страшно приставали ко мне, пока я не взялся за эту неприятную работу — неприятную потому, что этот человек слеп, следовательно мы вооружены неравно, однако колоссальное самомнение этого человека не позволяет мне считаться с этим обстоятельством.

Твой Ф. Энгельс.

828.

Энгельс — Густаву Рашу

в Вену.

[Черновик.]

[Лондон, около 20 ноября 1876 г.]

Дорогой г. Р[аш]!

Шайбле, о котором Вы пишете, всегда вступает за Блинда, когда тот ставит себя сам в невозможное положение. В истории 1859 г. дело обстояло так. Блинд напечатал в Лондоне (в конце мая или в начале июня 1859 г.) анонимный памфлет под заглавием «Zur Warnung» [«Предостережение»], в котором обвинял Карла Фогта в том, что он подкуплен Бонапартом и действует в Германии

¹ В рукописи исправлено из «Volksstaat».

в качестве бонапартистского газетного агента. Просили распространять ¹. Памфлет этот, напечатанный типографией Ф. Холлингера в Лондоне, был перепечатан с неразобранного еще первоначального набора для немецкой газеты «Das Volk», печатавшейся в той же самой типографии. В этой типографии Либкнехт увидел корректурный лист с поправками, сделанными почерком Блинда, и переслал памфлет в «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]», которая напечатала его в июне. В ответ на это Фогт привлек «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]» к суду, обвиняя ее в клевете; газета потребовала у Либкнехта доказательств, Либкнехт обратился к Бл[инду], а этот последний заявил, что *он здесь совершенно не при чем*. Фогт ² представил дело так, что автором памфлета является Маркс, скрывающийся за спиной Либкнехта. В «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]» возникла полемика между М[арксом] и Бл[индом]. Ссылаясь на данные под присягой показания (affidavits) наборщика Фегеле, следовательно на судебные документы, М[аркс] доказал, что этот последний вместе с Холлингером набирал памфлет, *написанный почерком Блинда*. Блинд ³ уговорил Холлингера дать ложное показание, будто памфлет печатался не у него и что Блинд не был его автором; далее он вместе с Холлингером уговорил наборщика Вие дать ложное показание, будто тот работал у Холлингера 11 месяцев и может подтвердить его заявления. Опираясь на это, Блинд объявил, что утверждение, будто он — автор этого памфлета, является *простой ложью*. «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]» на этом закончила полемику. М[аркс] ответил печатным циркулярным письмом на английском языке, в котором он объявлял показания Блинда и его свидетелей deliberate lie [предумышленной ложью], а самого Блинда «deliberate liar» [сознательным лжецом] (Лондон, 4 февраля 1860 г.). Блинд промолчал, а 8 февраля 1860 г. наборщик Вие наперекор своему прежнему заявлению показал под присягой перед мировым судьей на Bow-Street следующее:

- 1) В предприятии Холлингера он 11 месяцев не работал.
- 2) Он не работал у Холлингера в то время, когда появился памфлет «Zur Warnung».
- 3) Он слышал тогда от Фегеле, что указанный памфлет набирался совместно Фегеле и Холлингером, и что рукопись была написана почерком Блинда.

¹ На ваглавном листе памфлета было напечатано: «Просят распространять», см. «Господин Фогт», Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 352.

² Далее зачеркнуто: «выиграл благодаря этому свой процесс».

³ Зачеркнуто: «отвечал, что автор не он».

4) Позднее он сам переверстал сохранившийся набор для перепечатки в «Volk».

5) Он видел, что Холлинггер передавал Либкнехту корректурный лист, исправленный почерком Блинда, и слышал, как сейчас же после этого Х[оллинггер] выразил сожаление, что сделал это.

6) Свое прежнее заявление он подписал вследствие усиленных просьб Холлинггера и Блинда. Холлинггер обещал ему *деньги*, а Блинд сказал, что отблагодарит его.

М[аркс] распространил в различных кругах переписанные копии этих документов, и это подействовало. 15 февраля в «D[aily Telegraph]» появилось заявление Шайбле; Ш[айбле] послал его М[арксу], который ответил ему, что это ничего не изменяет ни в том факте, что Блинд подбирал себе лжесвидетелей, ни в том, что Блинд вступил в преступный сговор с Холлинггером для получения подписи Вие под сфабрикованным фальшивым документом.

Как тогда, так и теперь Шайбле помогал!

Таковы факты. Больше об этом злосчастном субъекте я ничего не знаю.

Еще одно. Если Вы когда-либо снова окажете мне честь рассказывать о наших встречах в Лондоне, то я попрошу Вас не заставлять меня снова говорить ¹ о вещах ², о которых у нас с Вами не было разговора. О «самоопределении человека» я могу сказать лишь то, что в этой общей формулировке я считаю это бессмыслицей. Об автономии народов я говорил разве лишь постольку, поскольку я отрицал за южными славянами право служить под этим предлогом русским завоевательным планам, так же, как и сейчас я очень радуюсь тому, что сербов вздули; но, насколько я знаю, о социальной республике и о казненных в Бад[ене] мы совсем не говорили. Только в силу случайных обстоятельств М[аркс] после появления Вашей статьи не заявил, что он совершенно не видел Вас и, следовательно, вообще не мог вести этой беседы.

*Я не мог ответить раньше, так как мой экземпляр марксовского «Господина Фогта», где на стр. 55 и дальше помещено все вышесказанное, был кем-то взят и возвращен мне обратно только вчера.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

¹ Зачеркнуто: «об установлении братства народов».

² Зачеркнуто: «столь важно для меня Международном товариществе, совместном действии пролетариата».

329.

Энгельс — Филиппу Паули

в Рейнау.

Лондон, 16 декабря [18]76 г.

Дорогой Паули!

Вчера я послал тебе через Континентальную экспедицию посылок, а затем через Германскую имперскую почту по адресу:

Г. д-ру Паули

Маннгейм

(химическая фабрика в Рейнау)

Германия

оплаченную посылку, содержащую плумпудинг для твоей жены, кекс с коринкой, испеченный для тебя моей женой, книгу, коробочку с носовыми платками и маленькую чернильницу для Пумпс. Так как ящик не мог вместить больше, нам пришлось уложить новое платье для нее в ящик с пудингом для Шуппов. С этими ящиками прямо несчастье, приходится брать такие, какие есть; это — немецкие ящики для игрушек.

В случае, если ящик не будет доставлен самое позднее до среды, наведи, пожалуйста, справки на почтамте в Маннгейме. Почта за это отвечает, она и Континентальная экспедиция посылок являются агентами друг для друга. Впрочем, я надеюсь, что все придет вовремя, так как мы сдали вещи настолько заблаговременно, что они должны прибыть *до* рождественской суматохи, с которой имперская почта, по ее собственному признанию, не может справиться.

Я получил оба твои письма и благодарю дополнительно за сведения о Шмидте. Из Франкфурта поступило подобное же сообщение: Зоннеман, на которого он ссылался, тоже его не знает, но одному из редакторов франкфуртской газеты он известен как «профессионал-специалист по оскорблению величества» и предумышленный мученик, который затем «клянчит (schnorrt) на свое мученичество» (северо-германское выражение, обозначающее: просить милостыню). Он написал мне еще раз, после чего я обратил его внимание на данные мне фальшивые рекомендации, и с тех пор я ничего более об этом слоне на костылях не слышал.

Я постараюсь прислать тебе в той или иной форме статьи ¹, как только значительная часть их выйдет из печати. Затем они явятся отдельным оттиском, который ты, конечно, тоже получишь.

¹ Имеется в виду «Анти-Дюринг».

Моя жена за последние четыре-пять дней чувствует себя без всякой видимой причины значительно лучше. С женщинами между 40 и 50 годами совершаются почти чудесные перемены подобного рода. Хотел бы надеяться, что так будет и дальше.

В ящике есть немного рождественского остролистника с сакраментальными красными ягодами; его надо вставить в пудинг, когда будут подавать на стол. Этот остролистник лежит на самом верху, чтобы таможенные чиновники покололи себе о него пальцы.

А теперь сердечный привет от жены и от меня всем вам и пожелание счастливо провести праздники!

Твой Ф. Энгельс.

330.

Энгельс — Герману Энгельсу
в Энгельскирхен.

Лондон, 18 декабря 1876 г.

Дорогой Герман!

Оба твои письма, от 14 и 17 ноября, я получил; произвел расчеты и нашел выписку из счета правильной, за исключением одной статьи, о которой мне до сих пор не сообщали, — именно платежа Эмилию Бланку от 24 января [18]76 г., 90 марок 68 пфеннигов. Я предполагаю, что эта сумма относится к различным посылкам с вином, которые его здешняя фирма отправляла мне и за которые я был ему должен; в таком случае и этот счет окажется правильным.

Возвращаю индийскую записку; буквы представляют собою сильно искаженные буквы девангарского или санскритского языка, почему я и мог прочесть только одно слово. Это — знаки, которые употребляются при *письме*, а я могу разбирать только *печатные знаки*. Это, по всей вероятности, какой-то диалект средней Индии, так как на севере пишут большей частью арабскими буквами.

Я, правда, получил еще на 600 ф. ст. новых газовых акций (причем нажил около 60 — 70^о/о), но зато в последнем тираже я получил по всевозможным американским акциям, так что в настоящее время мне, кроме процентов, денег не нужно. Но так как все мои газовые компании в течение года выпустят новые акции или облигации, то мне очень приятно узнать, что я в любой момент смогу получить от вас 300 — 500 ф. ст. Нередко приходится вносить сразу всю сумму, и тогда нужно быстро доставать деньги.

Большое спасибо за известия относительно Шаф[гауvena]. Я, правда, думал, что доходившие до меня слухи преувеличены, но выход Мевисена из дирекции мог быть признаком того, что крысы начинают бежать с корабля.

Я совершенно уверен, что скоро начнется война. Русские так сильно запутались, что уже не могут отступить, а турки, разумеется, будут противиться всякому продвижению в их области. Англия будет при всех условиях охранять Константинополь и морские проливы, но сейчас мы еще далеки от этого; я убежден, что турки лучше всего расправятся с русскими, если их оставить одних. Позиция между Дунаем и Балканами — одна из сильнейших в Европе, и, пока там не проведены железные дороги и шоссе, численность русской армии, которую там можно использовать и прокормить, ограничивается определенным максимумом в 100—150 тыс. человек. В четырехугольнике, образуемом крепостями Руцук, Силистрия, Варна и Шумла, война, вероятно, затянется, причем туркам будет легче выдержать ее, чем русским. Так называемая автономия Болгарии сводится лишь к тому, что турки должны быть прогнаны с этой сильной позиции, а Константинополь обнажен, дабы русские могли туда вторгнуться; разумеется, турки не позволят никакой конференции навязать себе это. Если ты желаешь точно знать, на какие трудности натолкнутся там русские, я подарю тебе к рождеству книгу Мольтке «Der russisch-türkische Feldzug 1828 — 1829» [«Русско-турецкий поход 1828—1829 гг.»], Берлин, 1836 г.; эта книга очень хороша, и в ней ты найдешь в то же время все необходимые специальные карты для предстоящей войны. На этот раз по сравнению с 1828 г. разница заключается в том,

- 1) что у турок есть армия,
- 2) что Силистрия, Руцук и пр. окружены современными, находящимися на известном расстоянии друг от друга фортами,
- 3) что турки обладают сильнейшим, после английского, броненосным флотом и вполне господствуют над Черным морем,
- 4) что русская армия находится в процессе реорганизации и, следовательно, мало приспособлена к войне.

Сердечный привет Эмме и детям. Желаю весело провести праздники!

Твой Фридрих.

331.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 21 декабря 1876 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой Беккер!

Получил твою открытку, «Précurseurs» и два экземпляра Манифеста¹ на французском языке. Если ты сможешь прислать еще не-

¹ «Гражданская война во Франции 1871 г.».

сколько экземпляров последнего, то это будет очень хорошо (*на французском*, мы пошлем его в Париж), мы с удовольствием заплатим, как только нам станет известно, сколько стоят, примерно, 20 экземпляров.

При сем почтовый перевод на 15 франков, из них 9 франков в погашение долга за «*Stunden der Andacht*» и 6 франков за подписку на полгода на «*Précurseur*» для Маркса и меня. Ты можешь посылать *оба* номера мне, получится экономия на пересылке, а я смогу передавать их М[арксу]. Очень хорошо, что у нас опять есть французская газета в Швейцарии, юрцы никак не могут прекратить своих интриг и нападков, и теперь можно будет доказать им, что с *ними* мир невозможен. Я не мог прислать тебе корреспонденции, так как не хочу лгать, а о здешнем рабочем движении можно сказать лишь то, что оно увязло в самом мелочном тред-юнионистском хламе, что так называемые вожди, в том числе и Эккариус, бегают за либеральной буржуазией, продаются ей в качестве агитаторов против так называемых турецких зверств и проповедуют в интересах гуманности и свободы предательскую передачу Балканского полуострова русским.

То, что Де-Пап присутствовал на Бернском конгрессе, вполне соответствует его прежней позиции. Со времени Гаагского конгресса он официально оставался в рядах отколовшихся бельгийцев, но в качестве главы оппозиции, а теперь он делает хорошее дело, побудив фламандцев выступить за всеобщее избирательное право и за фабричное законодательство. Это первый разумный шаг, который был сделан в Бельгии. Теперь и валлонским крикунам приходится присоединяться. Однако со стороны наших сторонников в Германии было непростительно попасться на юрскую удочку. Бакунистские органы повсюду подняли торжествующий крик, когда стало известно, что немцы пошлют делегатов на конгресс. Либкнехт отлично знал, что ему нужно было делать; на его запрос о том, как мы смотрим на такую страсть к примирению и какую позицию по отношению к ним мы занимаем, я ответил ему — никакой позиции; эти парни остались такими же, какими они всегда были; кто хочет обжечься на этом деле, пусть идет. И после этого — блаженно-доверчивый поступок, как будто имеешь дело с благороднейшими, порядочными людьми.

Получил ли ты нью-йоркские или скорее филадельфийские постановления о роспуске Генерального совета? Для предосторожности посылаю тебе несколько экземпляров, это может послужить для вас новым основанием для того, чтобы взять дело в свои руки.

В Женеве выходит итальянско-французская газета Терцаги, которого мы заклеямили в «Альянсе социалистической демократии».

Говорят, что этот человек теперь бранит бакунистов. Дело в том, что они его долго терпели после того, как мы разоблачили его как полицейского шпиона, но в конце концов им все же пришлось его в качестве такового выкинуть вон. Он простой шпик, а его пособник Бастелика — бонапартистский агент; он напечатал в Страсбурге воззвание к французским рабочим, где призывал их восстановить империю.

В Италии ничего нельзя поделаться, — одни бакунисты, а в Испании я больше адресов не получал, но, быть может, скоро получу один.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

1877 год.

332.

Маркс — М. М. Ковалевскому

в Москву.

[Черновик.]

Лондон, 9 января 1877 г.
41, Maitland Park Road.

Дорогой друг!

Я узнал, что одна русская дама ¹, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа. Я ничего не знаю о ее муже и о том, виновен ли он или нет. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь, и так как г-жа *** решила следовать за своим мужем, которого считает невиновным, то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника. Г-жа *** предоставила управление своим состоянием мужу и сама совершенно не в курсе дела, таким образом только адвокат может ей в этом помочь.

Г-н Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа, — может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Я буду Вам очень благодарен, если Вы от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга.

Ваш *Карл Маркс*.

333.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 9 января [18]77 г.

Дорогой Либкнехт!

Прежде всего поздравляю с Новым годом тебя, твою семью и всех друзей.

---

¹ Елизавета Дмитриева.

Прилагаю окончание философской части ¹. Немедленно же перехожу к экономии и социализму, но все же после философии может наступить перерыв. Я хотел бы, чтобы вы подождали до *окончания* выборов. За это время вы должны были бы использовать место для агитации. Я, со своей стороны, буду вполне удовлетворен, если моя работа будет каждую неделю печататься по частям в двух номерах, а третий останется у вас свободным для других вещей. Если же, однако, вы время от времени дадите мне место и в третьем номере, то я, разумеется, возражать не стану.

Мы давно уже послали Гейбу через Бракке 10 ф. ст. в качестве нашего взноса в избирательный фонд и, к сожалению, не могли дать больше, поэтому я не мог исполнить твоего желания и прислать дополнительную сумму. Если вы не делаете себе иллюзий и если сообщения в «Vorwärts» не преувеличены ²...

...Если турки не отступят ни на шаг, то России скоро — крышка. Всеобщая воинская повинность дезорганизовала русскую армию еще в гораздо большей степени, чем я ожидал, в то время как турки никогда еще не были в лучшем положении; к тому же у них самый лучший и самый мощный, после английского, броненосный флот в мире. Итак, если грянет буря, — ваше предложение о *восстановлении Польши* может приобрести своеобразную актуальность; если же буря не грянет, будет новая революция в Константинополе, а тогда-то разразится уж настоящая буря...

...сказать правду. Если же они жалуются на мой *тон*, то, надеюсь, ты не забудешь в ответ указать им на *тон* г. Дюринга по отношению к Марксу и его предшественникам, а главное — подчеркнуть, что я *доказываю*, и притом обстоятельно, тогда как Д[юринг] просто извращает и поносит своих предшественников. Они этого хотели и — даю слово — получают по заслугам.

Твой Ф. Э.

334.

Энгельс — Герману Энгельсу

в Энгельскирхен.

Лондон, 9 января [18]77 г.

Дорогой Герман!

Твое письмо с переводом 300 ф. ст. дошло благополучно. Согласно указаниям я записал эти деньги на ваш счет. Большое спа-

¹ Первый раздел «Анти-Дюринга».

² Здесь в рукописи не хватает листа. Следующий далее абзац печатается по «Vorwärts» № 8 от 19 января 1877 г., где В. Либкнехт цитировал эту часть письма, не называя имени его автора.

сибо за них, равно как и за текущий счет, который я просмотрю. Что ты несколько увеличил сумму перевода, не имеет значения. Я получил перевод в субботу вечером, когда у меня были гости, но из-за свирепствующих в это время года визитов и развлечений собрался известить тебя о получении только сегодня. Надеюсь, что ты извинишь меня.

Я совершенно не знал, что Герман и Мориц учатся в университете. Им совсем не вредно несколько лет позаняться науками. Если они затем пожелают принять участие в деле, их познания пойдут им только на пользу; последние 20 лет окончательно опровергли старый коммерческий предрассудок, будто для торговли необходимо прежде всего три года просидеть за копировальной книгой, обладать хорошим почерком, изъясняться на скверном немецком языке и отличаться основательным невежеством. А если они захотят взяться за что-либо другое, то перед ними открыты самые широкие перспективы.

Русские могут очутиться в безвыходно-скверном положении. Я всегда думал, что введение всеобщей воинской повинности будет губельно для русской армии. Но я не ожидал, что это осуществится так быстро и так блестяще. Все разлагается, — дисциплина и управление, офицеры и солдаты, недостаток во всем, — еще больший, чем во время вашей знаменитой мобилизации 1852 г., — ибо воровство в России совершенно чудовишно. Чем больше устраивается военных магазинов и складов для мобилизации, тем меньше в них содержимого. Все это — только повод для воровства. К тому же турки никогда еще не были в таком прекрасном положении, как сейчас, да и войск у них в Болгарии уже теперь больше, чем туда могут бросить русские, располагающие четырьмя армейскими корпусами (составляющими *на бумаге* 144 000 человек). В эти четыре корпуса включены и все резервы, собранные в Польше, которые при первой же возможности перейдут к неприятелю. Румынская армия существует только для того, чтобы сдаваться в плен, а сербскую крестьянскую милицию едва ли кому-нибудь *удастся собрать*, тем же, которых соберут, уже достаточно надоело воевать.

Меня зовут обедать, и уже половина шестого — время отправления почты.

Сердечный привет всем

от твоего Фридриха.

335.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

[Лондон,] 21 января 1877 г.

Дорогой Бракке!

Приветствую состоявшийся недавно смотр социал-демократических боевых сил в Германии! ¹ Он произвел большое впечатление за границей, особенно в Англии, где берлинские газетные корреспонденты в течение долгих лет делали все возможное, чтобы вводить в заблуждение британскую читающую публику относительно положения нашей партии. Но «murder will out» [раньше или позже — убийство должно обнаружиться], как говорит Джон Буль, когда он терпит банкротство.

Я хотел бы, наконец, точно узнать, как обстоит дело с фрейлейн Изольдой (я не хотел докучать Вам этим во время выборной агитации). Она послала мне только первый пробный лист перевода; я ответил ей, что она справится с этой работой, если будет работать не спеша, без всякой торопливости, и отправил ей следующие четыре листа. Но одновременно с этим я послал ей и довольно обширный перечень погрешностей, допущенных ею в пробном листе. Повидимому, это несколько задело дамочку, так как в ее ответном письме сквозило некоторое раздражение. Не смущаясь этим, я написал ей еще раз в том смысле, что считаю ее окончательно выбранной переводчицей. С тех пор прошли недели, а о ней больше ни слуху, ни духу. Совершенно необходимо, чтобы фрейлейн решила — да или нет, и чтобы в случае утвердительного решения она действительно сдавала работу. Будьте добры, напишите ей в этом смысле. Если она раздумала, придется попробовать с Шеем, хотя я и не люблю иметь дело с г. Шеем (что, впрочем, не имеет отношения к данному случаю). — Времени больше терять нельзя. Если прелестная Изольда откажется, то она должна будет отослать мне обратно полученные ею французские листы.

Заготовьте, пожалуйста, договор в двух экземплярах согласно нашей договоренности. Один из них, за Вашей подписью, останется у Лиссагаре, а другой, за его подписью, будет возвращен Вам.

Привет.

Ваш *К. Маркс.*

¹ Выборы в рейхстаг, происходившие 10 января 1877 г.

336.

Маркс — Фердинанду Флеклесу
в Карлсбад.

Лондон, 21 января 1877 г.

Дорогой друг!

Прежде всего огромная благодарность за целебную соль и сожаление о том, что Ваше первое большое письмо пропало.

Завтра г-же Вольман будет отсюда отправлена небольшая книжная посылка, содержащая французское издание «Капитала» для Вашей кузины, а для Вас самого «Историю Коммуны» Лиссагаре (от дочери ¹).

Смотр сил социал-демократической партии в Германии, в связи с выборами в рейхстаг, сильно испугал не только нашего дражайшего немецкого мещанина, но и господствующие классы Англии и Франции. Между прочим, одна английская газета со скрежетом зубовным указывает на контраст между «мелодраматическими порывами французских социалистов и деловым способом действий немецких».

Насколько ядовитая зараза все более и более поражает даже идеологов германской буржуазии, показывает, между прочим, вышедшая недавно небольшая брошюра хорошо известного Вам Шеффле под названием «*Квинт-эссенция социализма*». Вам, чтобы посмеяться, следовало бы выписать эту штуку. Она полна произвольного комизма. Дело в том, что, с одной стороны, брошюрка, как намекает сам автор, написана специально для протестантских попов, которые все же не могут предоставить своим католическим соперникам монополию кокетничанья с социализмом. С другой стороны, г. Шеффлэ с истинно швабской фантазией так мило изображает грядущее социалистическое тысячелетнее царство, что это будет идеальным царством благодушных мелких буржуа, — раем, в котором смогут жить только Карлы Майеры.

Наряду с невозможной погодой, гнетущей, дождливой, и с таким черно-желтым туманом, что приходится, как я и делаю сейчас, жечь газ все утро, здесь свирепствует «восточный вопрос». На каждом перекрестке вас хватает за шиворот какой-нибудь Джон Булл со словами: «Now, Sir, what do you think of the Oriental question?» [Ну, сэр, какого Вы мнения о восточном вопросе?] Вежливость воспрещает дать единственно подходящий ответ: «I think, Sir, that you are a damned ass» [Я думаю, сэр, что Вы идиот].

¹ Элеонора Маркс.

Впрочем, каков бы ни был исход войны, благоприятный или неблагоприятный для «царя-батюшки» в Петербурге, этот «больной человек», оглушенный и сбитый с толку истерическими филантропическими воплями английской либеральной «party of profit at any price» [партии прибыли, во что бы то ни стало], подал сигнал к давно назревавшему потрясению в своем собственном государстве, — потрясению, которое в своем конечном результате покончит со всем теперешним status quo старой Европы.

Передайте Вашей милой кузине мой самый сердечный привет и займитесь серьезным изучением английского языка, ибо в случае нужды в Англии с врачебной практикой можно устроиться лучше всего.

Преданный Вам

Карл Маркс.

337.

Маркс — Вильгельму-Александрю Фрейнду

в Бреславль ¹.

Лондон, 21 января 1877 г.

41, Maitland Park Crescent, N. W.

Дорогой друг Фрейнд!

Мои новогодние пожелания Вам и Вашей милой жене, к сожалению, приходят с опозданием вследствие моей перегруженности работой и воспаления горла, которое я схватил за последние дни пребывания в Карлсбаде. Со мной произошло то же, что и с крестьянином у Мартина Лютера, которого посадили на лошадь с одной стороны, а он свалился с другой.

Моя дочь шлет сердечный привет Вашей жене и Вам. Она, между прочим, согрешила переводом статьи профессора Делиуса «Эпический элемент у Шекспира», изданным здешним шекспировским обществом, членом которого она состоит; этим она, однако, заслужила большие похвалы со стороны г. Делиуса. Она просит узнать у Вас имя швабского профессора, противника Шекспира, и название его произведения, о котором Вы нам говорили в Карлсбаде. Матадор здешнего шекспировского общества, мистер Фернивэлл, ни в коем случае не хочет отказаться от удовольствия познакомиться с этим сочинением.

«Восточный вопрос» (который окончится революцией в России, каков бы ни был исход войны против турок) и смотр социалисти-

¹ Перевод с текста, опубликованного в «Vorwärts», Berlin, № 275 от 16 июня 1931 г.

ческих боевых сил в собственном отечестве убедили, вероятно, немецкого культурного филистера, что на свете есть еще более важные вещи, чем вагнеровская музыка будущего.

Сердечный привет Вам и Вашей милой жене.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

Если Вы случайно увидите д-ра Траубе, передайте ему от меня сердечный привет и напомните, пожалуйста, что он обещал мне прислать *названия* своих печальных произведений. Это очень важно для моего друга Энгельса, который работает над натур-философским сочинением и хочет в большей мере, чем это делалось до сих пор, отметить научные заслуги Траубе.

338.

Энгельс — Герману Рамму

в Лейпциг.

Лондон, 25 января 1877 г.

Дорогой Рамм!

Так как я не знаю, вернулся ли Либкнехт из Оффенбаха, то пишу Вам.

Во-первых, я почти две недели не получаю больше корректур «Дюринга» (последней была четвертая глава, которую я сразу же отослал). Боюсь, не пропала ли одна посылка.

Затем, я просил Либкнехта прислать мне те номера «Neue Welt», в которых помещена моя биография Вольфа; первые четыре номера я получил, но после этого я только из разрезанных номеров, в которые был упакован «Vorwärts», узнал, что появилось и продолжение. Разумеется, я не сохранил здесь копии рукописи и не принял никаких мер, чтобы получить эту вещь, так как рассчитывал на обещание Либкнехта; не будете ли Вы добры позаботиться об этом, прежде чем все номера будут разрезаны и растасканы.

О дополнительных выборах мы здесь очень мало осведомлены, знаем только, что Риттингхаузен, как говорят англичане, «in» [избран].

Жаль, что провалился христианский социалист капеллан Лааф. Во-первых, было бы, наверное, очень забавно наблюдать, как он стал бы лавировать в рейхстаге, а во-вторых, так как он должен был бы неизбежно оскандалиться, он вызвал бы раскол среди аахенских рабочих и дал бы нам возможность глубже вогнать клин.

Самое отрадное на последних выборах, это — значительный прогресс в деревне, особенно в областях крупного сельского хозяйства, Шлезвиг-Гольштейне и Мекленбурге. Оттуда он легко перекинется в Померанию и Бранденбург, а если зараза проникнет и в царство водки, то прусской монархии скоро конец.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Энгельс.

339.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

[Лондон,] 14 февраля 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой Бракке!

Лиссагаре в общем вполне согласен с Вашим проектом договора, но решительно настаивает на том, чтобы всюду были установлены *самые низкие* из намеченных Вами цен (за экземпляр).

Что касается бесплатных экземпляров для него, то дюжины вполне достаточно.

Кстати! Фрейлейн Изольда Курц прислала мне письмо, во-первых, чтобы известить меня, что она пошлет рукопись прямо Вам, а Вы будете присылать корректуру мне (я не возражаю); во-вторых, она просит о дальнейшей присылке листов оригинала; эти листы Лиссагаре послал ей сегодня. *Но имейте в виду, что Лиссагаре изменил вместе с тем кое-что во введении, сделал добавления (очень важные) к французскому оригиналу и т. д., так что в Брауншвейге ничего нельзя печатать, пока Изольда не внесет соответствующие изменения в уже переведенные ею первые листы.* Значит, если к моменту получения Вами этого письма рукопись уже будет в Брауншвейге, ее не надо печатать, а надо вернуть Изольде для исправлений.

Ясно, что немецкое издание только выиграет в ценности благодаря этим исправлениям и добавлениям, сделанным самим автором.

С сердечным приветом

Ваш К. Маркс.

340.

Энгельс — Иде Паули
в Рейнау.

Лондон, 14 февраля 1877 г.

Дорогая г-жа Паули!

Я опасаясь, что для осуществления всех планов, которые строились в течение зимы в Рейнау, необходимо было бы, чтобы лето продолжалось не три месяца, а по крайней мере девять. Время пока-

жет, можно ли будет осуществить то, что Вы предлагаете в Вашем любезном письме; к сожалению, я уже сейчас вижу *одно* значительное препятствие — это состояние здоровья моей жены. Правда, она в общем провела зиму недурно и выдержала суету рождественских дней (все праздничные увеселения здесь, в Англии, концентрируются в это именно время), но я все же не знаю, насколько мне удастся сделать ее до сентября способной для новой мюнхенской кампании без того, чтобы она не оказалась помехой для других. За последние шесть недель у нас опять были всяческие неудачи с прислугой, и как раз теперь, когда ей нужно было бы отдохнуть, она частенько вынуждена работать через силу. Я считался с этой возможностью и поэтому уговорился с Шуппами о том, что смогу в любой момент взять Пумпс обратно. Сейчас необходимо, чтобы она совершенно освободила мою жену от всякой работы по ведению хозяйства, и так как сам я с этим справиться не могу, да имею к тому же еще и другие соображения, то я, по всей вероятности, использую первый же удобный случай, чтобы привезти ее к 1-му или самое позднее к 15 марта. Как только я буду знать все определенно, — а это будет в течение ближайших дней, — я сообщу все подробно и Пумпс и фрейлейн Шупп. До этого времени я прошу Вас ничего им об этом не говорить.

Как только мы наведем некоторый порядок в доме, я прежде всего повезу жену недели на две к морю, чтобы у нее восстановился аппетит и чтобы она не выбилась окончательно из сил. Вы порядком посмеялись бы, если бы видели, как вчера вечером я стелил постель, а сегодня утром разводил огонь на кухне.

Охотно верю, что выборы вызвали в Вас чувство досады, так как Вы не можете еще сами принимать в них участие. Когда мы придем к власти, надо будет, чтобы женщины не только выбирали, но и были избираемы и произносили речи; здесь это уже практикуется в школьном ведомстве. В минувшем ноябре я отдал все свои семь голосов одной даме, которая получила больше голосов, чем кто-либо из семи избиравшихся кандидатов. Впрочем, в здешних школьных управлениях дамы отличаются тем, что они очень мало говорят и очень много работают, — в среднем каждая из них работает за троих мужчин. Можно было бы сказать: «Новая метла чисто метет». Но большинство из этих «метел» довольно-таки стары.

Во всяком случае, мы все время будем иметь в виду сентябрьский план и сделаем все возможное для его осуществления. А теперь шлю Вам, Паули и детям сердечный привет и наилучшие пожелания от моей жены и от меня.

Искренно Ваш

Ф. Энгельс.

341.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 24 февраля 1877 г.

Дорогой друг!

Вы нас очень обяжете, мою жену и меня, если придете к нам обе-
дать завтра (в воскресенье) в два часа. Я тогда объясню Вам причину
своего долгого молчания — болезнь горла и работа¹, которую мне
навязали отчасти против моей воли.

Ваш *Карл Маркс*.

342.

Энгельс — Фридриху Лесснеру

в Лондон.

Брайтон, 4 марта 1877 г.

42, Kings Road.

Дорогой Лесснер!

Сегодня утром я получил письмо от Гофмана — 9, Hayes Court,
Soho, которому я через тебя уже переслал однажды 2 ф. ст. Перед
рождеством он потерял ребенка, 15 февраля — второго, а 25 фев-
раля жену; он просит меня о помощи, так как он еще не оплатил
расходов по погребению ребенка и не знает, где раздобыть 4 ф. ст.,
необходимые для похорон жены, которые должны состояться се-
годня. Так как письмо (от 23 февраля) лежало в Лондоне, то я не мог
своевременно ему помочь, а сегодня воскресенье, и сделать тоже ни-
чего нельзя. Будь добр, сходи к этому человеку и посмотри, что
можно сделать и каково его положение; если ты располагаешь фун-
том стерлингов или 30 шиллингами, — можешь, в зависимости от
обстоятельств, передать ему эту сумму от моего имени. В противном
случае напиши мне немедленно и сообщи, что ты об этом думаешь.
Я могу тогда послать ему почтовый перевод. Но прежде всего объясни
ему, что его письмо я получил только сегодня утром и потому ни-
чего не мог сделать.

Мне пришлось привезти сюда мою жену, чтобы она несколько
окрепла. Это ей удалось, она чувствует себя лучше, и я надеюсь,
что это улучшение окажется прочным. Во вторник через неделю
мы возвращаемся обратно, а несколько дней спустя вернется и Пумпо
в сопровождении Лины Шелер.

Жена и я шлем сердечный привет тебе и твоим, а также Нелли.

Твой старый Ф. Энгельс.

¹ Редактирование немецкого перевода «Истории Коммуны» Лиссагаре.

343.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 16 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Один член палаты общин (ирландец) собирается внести на будущей неделе запрос с той целью, чтобы английское правительство потребовало от *русского* правительства проведения (в России) реформ, которые оно считает необходимыми по отношению к Турции. Он хочет воспользоваться этим случаем, чтобы рассказать об ужасах, творящихся в России. Я уже сообщил ему некоторые подробности о мерах, принятых русским правительством по отношению к полякам, отпавшим от церковной унии. Не могли ли бы Вы дать краткую сводку — по-французски — о судебных и полицейских репрессиях, происходивших за последние годы в России? Так как времени мало — я только сегодня был оповещен об этом — и так как лучше сделать что-нибудь, чем ничего, то не могли ли бы Вы, — поскольку Вы лучше меня помните все подобные факты, — сделать это «что-нибудь»? Я думаю, что это принесло бы большую пользу Вашим несчастным соотечественникам.

Что касается г-жи Утиной, то я тут ничего не понимаю, но я подвергну ее перекрестному допросу при следующем свидании. Если бы она не говорила неоднократно моей жене и мне о своем желании видеть Вас, мы не сказали бы об этом ни слова.

Ваш *Карл Маркс*.

344.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 23 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Статью я получил, и она находится уже в руках члена палаты общин, которому я доставлю также и поправку.

Бизли был вчера у меня, я говорил ему о Вашей статье для «Fortnightly [Review]». Он сказал мне, что он будет говорить о Вас о Джоном Морлеем, главным редактором, но — и это очень неприятно — статью надо написать по-английски или перевести на английский язык, прежде чем посылать ее редактору. Что же касается размера статьи, то печатный лист является обычным размером.

Ольсоп не дал нам своего последнего адреса; может быть, Ле-Блан мог бы его добыть?

Я получил вчера письмо из С.-Петербурга с сообщением о том, что мне послана посылка, состоящая из нескольких книг. К сожалению, я ничего не получил.

Ваш *Карл Маркс.*

345.

Энгельс — Иоганну-Филиппу Беккеру

в Женеву.

Лондон, 24 марта [18]77 г.

Старый дружище!

Посылаю тебе в этом письме почтовый перевод на 50 франков и, кажется, 20 сантимов. Пришли мне, пожалуйста, на эти деньги два экземпляра «Geschichte der süddeutschen Mairevolution» и, если можно, «Bulletin de la Fédération jurassienne» за 1876 г. Если ты можешь отправить посылку через книгопродавца, то сдай ему пакет со следующим адресом: Ф. Э., по адресу Ф. Волауэр, St. Pauls Buildings, Paternoster Row, Лондон. Тогда это будет стоить совсем пустяки. Оставшиеся деньги Маркс и я просим принять как очередной взнос за «Précurseur».

В № 32 «Vorwärts» напечатана моя корреспонденция «Из Италии», из которой ты, вероятно, понял, что царство господ бакунистов разваливается вконец. Ребята из «Plebe» заслуживают всяческой поддержки и будут охотно обмениваться с «Précurseur». Адрес: Газета «La Plebe», Via Carlo Alberto, № 1, Милан. Фамилия редактора — Энрико Биньями. Он уже долгие годы состоит со мною в переписке, которая замерла только во время наиболее жестокой диктатуры бакунистов в Италии. Даже г. Малон, один из первых семнадцати международных братьев и основателей Альянса, теперь отошел от него, и все, один за другим, отказывают в повиновении несчастному Гильому. Не всякому дано править миром; что же касается предстоящих конгрессов этих господ, то там, повидимому, будет передрыга почище, чем в Гааге. Наша политика, заключающаяся в том, чтобы беспощадно разоблачать этих людей, а затем отпускать их на все четыре стороны, блестяще себя оправдала. После того как Бельгия от них отвернулась, а в Италии они потеряли последнее, и при той жалкой роли, которую они играют в Швейцарии (каждый год по скандалу в Берне с обязательной дракой), у них сохранились лишь остатки испанского Альянса, который еще существует только благодаря тому, что возможность легальной работы там почти отсутствует, а жульничать в потемках гораздо легче.

Отрывок, помещенный в «Neue Welt», доставил мне большое удовольствие. Тебе следовало бы продолжать, молодежи полезно напоминать о прежних движениях, а то они думают, что всем обязаны только самим себе.

Твой старый Ф. Энгельс.

346.

Энгельс — Филиппу Паули
в Рейнау.

[Лондон, 26 марта 1877 г.]

Дорогой Паули!

Я не могу отправить этого курьезного письма Пумпс, не поблагодарив еще раз от своего имени и от имени моей жены тебя и твою жену за всю ту любовь и доброту, которые Вы проявляли по отношению к девчурке. Надеюсь, что когда Ваши дети подрастут, нам как-нибудь представится случай отплатить Вам тем же.

Когда ты приедешь? В своем письме Шорлеммер клянется и божится, что до лета ты обязательно *должен* приехать в Англию, но ничего более определенного мы не знаем, а между тем было бы очень приятно знать хотя бы приблизительно, когда ты будешь у нас. Комната тебе уже готова, если бы ты приехал в конце этой недели, то Шорлеммер мог бы использовать свой отпуск и тоже приехать сюда.

Мы провели три недели в Брайтоне, что принесло моей жене очень большую пользу, — она вернулась более окрепшей, чем даже после прошлогоднего путешествия и продолжительного лечения на морских купаньях, а ведь она была очень плоха. Только бы это улучшение продержалось до лета!

Теперь, после всей этой суетни, на Востоке, вероятно, дело все же дойдет до драки, и я буду очень рад, если русских поколотят. Турки — очень своеобразный народ, к которому нельзя подходить с европейской меркой, а позиция между Дунаем и Балканами с ее укреплениями уступает по силе только позиции Метц — Страсбург — Майнц — Кобленц. Русские могут пообломать себе там зубы.

Сердечный привет тебе, жене и детям от моей жены и твоего

Ф. Энгельса.

347.

Маркс — П. Л. Лаврову
в Лондон.

[Лондон, 27 марта 1877 г.]

Дорогой друг!

Очень благодарен Вам за записку, которую я получил вчера вечером. Вы и понятия не имеете о подлости и трусости «свободной»

английской прессы. Это единственная причина, почему я не могу еще дать Вам определенного ответа о судьбе Вашей статьи.

Ваш *К. М.*

348.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон, 29 марта 1877 г.]

Дорогой друг!

Не можете ли Вы сообщить мне имя Игнатьева, а также некоторые подробности о его семье и о нем самом? Что касается его политических подвигов, то я более или менее о них осведомлен.

В Москве произошел основательный торговый и промышленный крах.

Ваш *К. М.*

349.

Маркс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

[Лондон,] 11 апреля 1877 г.

Дорогой Бракке!

Ваш титульный лист хорош; надо бы только вместо «текст» написать «подлинный текст» или просто «подлинник» — как Вам угодно.

Возвращаю Вам вместе с этим письмом первый лист корректуры; он приемлем, потому что наша дамочка, несмотря на неудовольствие, которое она мне высказала, довольно точно придерживается моих исправлений. Но местами она все-таки делает ошибки, из ряда вон выходящие. На стр. 14 значится: «К счастью, неопределенное известие вломилось в эту минуту в двери». Как может «известие», да еще «неопределенное», вломиться в двери? По-французски сказано «une vague nouvelle», что означает, конечно, «новая волна» (людей)!

Кроме того, перевод до сих пор подвигается чертовски медленно.

Не можете ли Вы мне прислать примерный список сочинений, вновь появившихся за последние годы в Германии по вопросу о тамошнем торговом и промышленном кризисе?

При Вашей болезни самое главное — «хороший» врач. Только не относитесь к этому легкомысленно; легко излечимая вначале, эта болезнь становится опасной, если ее запустить.

Энгельс очень недоволен тем, как «Vorwärts» печатает его работу против Дюринга. Сначала его принудили принять известные усло-

вия, а потом то и дело нарушают их. Во время избирательной кампании, когда вообще никто ничего не читал, его статьи служили только для заполнения пустого места; теперь их печатают мелкими разрозненными частями: один отрывок на этой неделе, другой две-три недели спустя, так что для читателя (особенно рабочего) связь совершенно пропадает. Энгельс написал Либкнехту письмо с предупреждением. Он думает, что это делается умышленно, что редакция запугана горсточкой сторонников г. Дюринга. Было бы вполне естественно, если бы те же дураки, которые сперва вопили о «замалчивании» этого пустомели, теперь решили замолчать критику его взглядов. Г-ну Мосту хорошо говорить о том, что статья слишком растянута. Его апология Дюринга, к счастью для него не увидевшая света, была очень и очень длинна; и если г. Мост не заметил, что не только рядовые рабочие и даже бывшие рабочие, вроде него самого, воображающие, что можно в кратчайший срок все узнать и научиться обо всем судить, но и действительно научно образованные люди могут многое почерпнуть из положительного изложения у Энгельса, — то я могу только пожалеть об его умственных способностях.

С сердечным приветом

Ваш К. М.

P. S. Г-жа Курц переводит «l'expropriation de toutes les denrées de première nécessité» [экспроприация всех запасов первой необходимости], что означает экспроприацию, произведенную правительством, или публичное присвоение, — словами «öffentliche Veräußerung» [публичное отчуждение], что совершенно меняет смысл (стр. 16).

Rationnement — перевод на жесткий паек (например, в осажденной крепости или на судне, где иссякают припасы) — она переводит словами «Verpflegung aller Bürger» [снабжение всех граждан] (стр. 16); другими словами — она берет первое попавшееся слово, независимо от того, подходит оно или нет.

На той же стр. 16 она переводит «pour faire lever les provinces» через «die Provinz auszuheben» [произвести набор в провинции], между тем как это значит «поднять провинции» (а не «провинцию»).

350.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 11 апреля 1877 г.

Дорогой Л[ибкнехт]!

Сегодня получил твое письмо от 9-го. Повторяется старая история. Сперва ты даешь всевозможные обещания, затем все делается

как раз наоборот, и если я упрекаю тебя в этом, то ты в течение двух недель молчишь, а потом сообщаем, что был страшно занят и что я мог бы тебя избавить от излишних упреков! It is adding insult to injury. [Это значит к издевательству прибавить оскорбление]. Но эта история так часто повторялась, что я ни в коем случае не позволю сыграть со мною подобную штуку вновь.

Мое вчерашнее письмо, которое будет в Лейпциге завтра утром, ты получишь в пятницу 13-го; жду немедленного ответа на мои вопросы. От этого ответа зависит и мой ответ на твои вопросы, т. е. в том случае, если тогда вообще понадобится ответ с моей стороны.

Если до вторника 17-го, вечером, я не получу от тебя никакого ответа или если твой ответ окажется неудовлетворительным, то я не смогу больше с тобой считаться и сам позабочусь о том, чтобы с остальными моими статьями не обращались так возмутительно, как до сих пор. При этом легко может случиться, что рано или поздно я буду вынужден предать всю эту историю гласности.

Твой Э.

351.

Маркс — П. Л. Лаврову
в Лондон.

[Лондон,] 17 апреля 1877 г.

Дорогой друг!

Посредник только что вручил мне гонорар в 2 ф. 10 ш., причитающийся Вам от «Vanity Fair»; прилагаю этот гонорар в виде почтового перевода.

Меня поистине удивило Ваше письмо. Ведь Вы по моей просьбе взяли на себя труд немедленно написать не только эту статью, которая была напечатана, но и рукопись для члена парламента, и Вы еще считаете себя обязанным мне! Наоборот, я Вам обязан.

Мы сможем поговорить о деле Пио, когда Вы исполните свое обещание и придете ко мне.

Ваш *Карл Маркс*.

Если в почтовой конторе спросят фамилию «отправителя», надо указать мою фамилию и адрес.

352.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

[Лондон,] 21 апреля 1877 г.

Дорогой Бракке!

На прилагаемом листе я опять отметил грубейшие ошибки, сделанные Курц.

Г-же Курц несколько месяцев тому назад я [написал], закончив на этом свою переписку с ней, что в крайнем случае — за недостатком времени — я мог бы заняться только исправлением всех неправильностей, неизбежных для любого иностранца, недостаточно знакомого с французскими условиями, но не исправлением простых ошибок переводчика.

Если поэтому она не будет работать более тщательно (я еще раз пожертвую своим временем на просмотр одного или двух корректурных листов), то Вам придется подыскать сведущего редактора и для оплаты его труда сделать вычет из гонорара переводчицы.

Объясните раз навсегда в особой сноске, что *все примечания*, если не оговорено обратное, принадлежат самому Лиссагаре. Это избавит Вас от лишних расходов, потому что Вам не придется тогда печатать по несколько раз на каждой странице «*Примечание автора*».

Ваше намерение ознакомить публику с моей внешностью при помощи карикатуры, изготовленной Лашатром, меня отнюдь не обрадовало.

Есть основания опасаться, что Пруссия заключила тайный договор с Россией, иначе Россия не могла бы вторгнуться в Румынию. Рабочая печать уделяет слишком мало внимания восточному вопросу и забывает, что министерство своей политикой произвольно распоряжается жизнью и деньгами народа.

Во всяком случае, следовало бы заранее так подготовить общественное мнение рабочих, мелких буржуа и т. д., чтобы прусскому правительству было не легко (с расчетом, например, получить от России кусочек Польши или какую-нибудь компенсацию за счет Австрии) вовлечь Германию в войну *на стороне России* или хотя бы только оказать с этой целью давление на Австрию.

С сердечным приветом

Ваш *К. М.*

К стр. 17: *mandat tacite* красавица переводит «немой мандат»; это — бессмыслица, по-немецки можно сказать «молчаливое» соглашение, но никоим образом не «немое». В той же фразе слова «*marche de Ferrières*», что означает поездку Жюль Фавра в Ферриер, где находился Бисмарк, переведены «*поступь Ферриера*»; следовательно, *местность* Ферриер превращена в *человска!*

К стр. 18: она пропускает место битвы — «при Шевильи».

Там же: «*Trochu... lui fit une belle conférence*» [Трошю... прочел ему хорошее наставление] она переводит: «держал перед ним

хорошую конференцию». Ученически-дословный перевод, по-немецки не имеющий никакого смысла.

К стр. 20: *l'Hôtel de Ville* она переводит: «ратуша», в то время как автор имеет в виду сентябрьское правительство, которое заседало в «l'Hôtel de Ville».

Там же: *à ce lancé* переведено снова совсем по-ученически: «при этом выпаде взвыла вся свора»; что это должно значить по-немецки: «при этом выпаде (каком?) взвыла» и т. д.? *Lancé* должно быть здесь переведено: «провокационный выкрик» («*Netzruf*»).

Там же: «*d'autres tocsins éclatent*» она переводит: «новые (почему не старые?) колокола ударили в набат». В действительности же смысл таков: «узнают про новые бедствия». Уже самое слово «*éclatent*» и вся фраза должны были бы показать ей, что она написала чушь.

К стр. 25: упомянутых в тексте «кордельеров» старой французской революции г-жа Курц превращает в несуществующих «францисканцев». Не довольствуясь этим, она превращает «*le prolétariat de la petite bourgeoisie*» — пролетариат мелкой буржуазии — в «пролетариат, мелкая буржуазия». Чистейшая небрежность!

К стр. 26: *contre-maîtres* — она переводит: «старшие боцманы», в то время как здесь это обозначает *мастер* (*Werkführer*), а *chefs d'ateliers*, это — начальники работ (*industrielle Dirigenten*).

К стр. 30: «*Paris capitulait avant le 15 sans l'irritation des patriotes*».

Курц переводит: «Париж капитулировал до 15-го без всякого возбуждения со стороны патриотов». Это было бы верно, если бы в оригинале было сказано:

«*Paris capitulait etc. sans l'irritation de la part des patriotes*» (в то время как там сказано: «*sans l'irritation des patriotes*»).

Смысл, следовательно, совершенно обратный: «если бы не возбуждение патриотов, Париж капитулировал бы до 15-го».

В этой очень простой фразе опять совершенно очевидная непростительная небрежность.

К стр. 32: «*Jules Favre demandait à Trochu sa démission*».

Курц переводит: «Жюль Фавр требовал у Трошю его увольнения». Так как человек сам себя не может уволить со своего поста, а может быть лишь уволен начальником, то эта фраза могла лишь обозначать, что Жюль Фавр хотел получить у Трошю разрешение освободить занимаемую им, Фавром, должность. В действительности же Жюль Фавр требовал его (Трошю) отставки, что является также дословным переводом слова «*démission*».

353.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 23 апреля 1877 г.
(день рождения Шекспира).

Дорогой друг!

Посылаю Вам от имени моей дочери Тусси билет (на два лица) в кресла «Luceum Theatre». Это на сегодняшний спектакль (понедельник). Ставят «Ричард III». Было бы хорошо, если бы Вы были там немного позже 7 часов.

Ваш *Карл Маркс*.

354.

Энгельс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

Лондон, 24 апреля 1877 г.

Дорогой Бракке!

Клише из Парижа Вы едва ли получите, так как Лашатр сослан, его предприятие конфисковано правительством, администратор — архиреакционер и делает все возможное, чтобы разорить издательство. Впрочем, портрет отвратителен, М[аркс] там неузнаваем; мы можем, если хотите, прислать Вам более удачный снимок. Биографию я для Вас охотно напишу; сообщите мне желательный максимум и минимум страниц «Календаря», чтобы я знал, каких размеров придерживаться; сообщите также срок сдачи.

Три стенографических отчета получил, благодарю. Жаль, что у Вас не оказалось лучшей темы; когда приходится то и дело ссылаться на свидетелей, которые скрывают пока свои имена, то положение не из приятных. Тем не менее, цель достигнута, так как благоприятная оценка [речи] общественным мнением не подлежит ведь никакому сомнению¹. *Речь Бебеля превосходна: ясная, дельная и меткая*².

Подозревать дюринговское влияние мне совершенно не пришло бы в голову, если бы Л[ибкнехт] попросту объяснил мне все в двух словах и обещал бы исправить дело. Между нами был точный договор о том, что каждую неделю появляется по статье. Когда я пожаловался на нарушение этого условия, Л[ибкнехт] заставил меня ждать больше десяти дней, в течение которых, несмотря на его

¹ Имеется в виду выступление Бракке 18 апреля 1877 г. о вторичном пересмотре избрания национал-либерала Вейгеля из Касселя.

² Речь Бебеля от 18 апреля 1877 г. о промышленном уставе.

присутствие в Лейпциге, не обнаружилось ни малейшего улучшения; наконец, он написал мне, чтобы я не беспокоил его излишними упреками, — вот и все; о том, чтобы в будущем исправить дело, — ни слова. Так как я совершенно не знаю, какое влияние оказывают теперь третьи лица на редакцию, то мне не оставалось ничего другого, как сделать именно это предположение и ультимативно предложить Л[ибкнехту] выполнять свои обещания. Я написал ему, что он может, если хочет, показывать *кому угодно* мои письма, относящиеся к этому делу, так что, поскольку дело касается меня, эти письма к Вашим услугам. Здесь меня буквально засыпают упреками за то, что я позволяю печатать свои статьи в качестве затычек; никто не может уследить за внутренней связью. Если Вы вспомните, что эта история повторяется по меньшей мере в шестой раз, что сначала мне даются самые ясные и определенные обещания, а потом все делается как раз наоборот, то Вы поймете, что в конце концов это может порядком надоест.

Итак, русские — в Бухаресте. Надо надеяться, что турки владеют всеми пунктами, расположенными против их дунайских крепостей на румынском берегу, и что они превращают эти пункты в предмостные укрепления. Я имею в виду Калафат (Виддин), Журжево (Руцук) и Калареш (Силистрию). Это вынудило бы русских обложить эти крепости с *обоих* берегов, т. е. *двойным* количеством войск, и отняло бы у них много времени. Но каждый солдат, которого русские вынуждены оставить в Румынии, облегчает туркам выступление против них в открытом поле и лишает русских возможности захватить турецкие крепости. Я надеюсь также, что Абдул-Керим пошлет, как обещал, 20 000 черкесов в Румынию, чтобы разрушить железные дороги и произвести основательную фуражировку. Честь и слава Монсбергу, который так построил румынские железные дороги, что они оказались восхитительно неппрочными и уже сейчас отказываются служить русским.

О промысловом законе. Кросс, здешний министр внутренних дел, внес билль, который сводит все многочисленные и частью противоречащие друг другу законы об ограничении рабочего времени в *один* законодательный акт, и только благодаря этому они впервые окажутся выполнимыми. Я постараюсь достать этот билль и пришлю его Вам или Либкнехту, чтобы либеральные ослы увидели, наконец, на какой шаг в этом вопросе отважился здесь консервативный министр.

Сейчас закрывается почта, и пора обедать. Привет всем друзьям.

Ваш Ф. Э.

355.

Энгельс — Б. Линдгеймеру

в Лондон.

[Черновик.][Лондон,] 26 апреля [18]77 г.¹

Г-н у Б. Л [и н д г е й м е р у].

То, что Вы мне сначала рассказывали о Ваших родных и о Ваших связях в Сити, настолько противоречит всему тому, что Вы сообщаете мне теперь, что я, к сожалению, не могу уже более относиться с доверием к Вашим словам. Если Ваши родные не хотят доверить Вам денег даже на дорогу, а Ваши мнимые друзья из Сити попросту отсылают Вас к немецкому обществу, то это вызывает во мне еще меньше доверия. Партийные товарищи, на которых Вы ссылаетесь, мне неизвестны, и их общий отзыв также имел бы мало значения после подобных фактов. Поэтому я, к сожалению, ничего больше не могу сделать для Вас в данном случае.

Преданный [Ф. Э].

356.

Энгельс — Б. Линдгеймеру

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 5 мая 1877 г.]

Мне, право, непонятно, с какой стати я обязан доставать Вам денег на дорогу². Вы сами должны были знать, насколько Вам хватит средств, и во-время поехать домой, ибо Вы приехали сюда для спекуляции, а вовсе не как рабочий. Вы упустили время, а теперь обращаетесь за помощью ко мне — человеку, Вам лично совершенно незнакомому. Вы не предъявили мне ни одного документа, характеризующего Вашу личность или Ваше положение, ибо партийный билет не служит для этой цели³. Ваши рассказы о Вашем положении и знакомствах резко противоречат тому, что Вы были вынуждены ватем мне сообщить. Наконец, Вы пытаетесь добиться встречи со мной в моем доме таким способом, который заставляет меня захлопнуть перед Вами дверь.

¹ В оригинале ошибочно: «76».² Зачеркнуто: «в Брюссель».³ Зачеркнуто: «Кроме того, Вы не рабочий, а купец».

Если, несмотря на всё это, я перевожу Вам 1 ф. ст. в почтовое отделение на Gover St., то делаю это лишь для того, чтобы дать Вам последнюю возможность доказать мне, что Вы заслуживаете лучшего обращения, чем то, к которому Вы до сих пор меня вынуждали. Будьте любезны прислать расписку.

Преданный [Ф. Э.].

357.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

[Лондон,] 26 мая 1877 г. ¹

Дорогой Бракке!

Материалы для г-жи Курц отправлены сегодня из Лондона. На будущей неделе она получит (за исключением разве приложений) все изменения, которые Лиссагаре еще собирается ей послать.

Вообще же я хотел обратить Ваше внимание на следующее:

1) Курц должна была, *само собою разумеется*, посылать Вам вместе со своей *собственной рукописью* все то, что она получала от Лиссагаре в *рукописном виде*. При ее мастерской манере переводить (см. несколько примеров на обороте) могу ли я проверять ее работу без рукописи Лиссагаре? Я убежден, что из-за этого уже вкрались всевозможные ошибки.

2) Она могла бы подумать и о том, что Лиссагаре нужна ведь рукопись для его собственного второго французского издания.

В общем перевод, — там, где он не является попросту неверным, — часто поражает своим беспомощным, филистерским и суконным языком. Возможно, впрочем, что это до известной степени отвечает немецкому вкусу.

С сердечным приветом

Ваш К. М.

Итак, будьте столь любезны настоять на том, чтобы эта самая Курц, *во-первых*, прислала Вам уже переведенную рукопись Лиссагаре (для возвращения ему; Вы можете послать ее мне вместе с корректурой) и, *во-вторых*, всегда прилагала рукопись, которую она уже перевела, к своей собственной рукописи, чтобы я мог сравнить перевод с оригиналом. В общем добавочная рукопись невелика. Исчерпанное мною место на стр. 73 следует читать так:

¹ В оригинале ошибочно: «1876».

«Этого освобождения он ждал от автономной коммуны, которая и т. д. и т. д. управляла бы своими делами независимо, в тех границах, которых требует сохранение национального единства. Вместо представителя, который может и т. д. монархическому наросту на обществе, именуемому «государством», которое пожирает и т. д. и представляет особые классовые интересы и т. д., — он противопоставил живущие самостоятельной жизнью коммуны, которые и т. д. должны вестись общенациональными интересами».

Примеры.

Стр. 49: «A l'appel de son nom il a voulu répondre» г-жа Курц переводит: «Он хотел быть достойным обращенного к нему призыва». Чистейший вздор. Должно быть: «Когда его вызвали, он хотел ответить и т. д.».

Там же: «les yeux... brillants de foi républicaine»; *foi* означает здесь не «верность», этого значения оно вообще никогда не имеет, кроме выражения «ей богу» (*ma foi*), а *веру*, *убеждение* и т. д. Я, однако, не стал этого исправлять, потому что вообще не люблю подобных фраз по-немецки, так что решительно все равно, так ли будет или иначе.

Стр. 51: «des intrigants bourgeois qui couraient après la députation» [буржуазные интриганы, гонявшиеся за депутатским местом] Курц переводит: «бегавшие за депутатией». Школьник не мог бы перевести хуже.

Стр. 51: «pour statuer en cas de doubles nominations». Курц переводит вопиюще безграмотно: «чтобы в крайнем случае (что это означает?) провести двойные назначения»!!! Должно быть: «чтобы в случае двойных назначений решить и т. д.».

Стр. 54: «une permanence» она переводит «перманентное заседание» (что за чертовщина?). Следует: «перманентный комитет».

Стр. 59: вместо «просроченные векселя» она переводит «просроченные предметы торговли» (!!!)

Стр. 70: «l'intelligence etc. de la bourgeoisie de cette époque» [понятливость и т. д. буржуазии этой эпохи] она переводит: «крупных буржуа в этот момент времени (!). Эпоха не есть момент времени, точно так же, как линия не есть точка пространства».

Стр. 75: «C'est que la première note est juste» она переводит: «оттого, что первый расчет (!) был правильным». Должно быть: «оттого, что они с самого начала взяли верный тон».

Стр. 90: «plumitifs», «чернильные души», она переводит — *су-Зебные протоколы!!!*

358.

Энгельс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

Лондон, 25 июня [18]77 г.

Дорогой Бракке!

Большое спасибо за присланный Вами вексель на 15 фунтов 1 шиллинг и 2 пенса с процентами; я его получил и с благодарностью записал в Ваш актив.

Гонорар в 30 марок перепишите для очистки совести в счет Вашего избирательного фонда.

О том, как быть с «Календарем» на будущий год, не будем пока гадать. Ведь времени-то у нас впереди еще около года.

Сегодня я посылаю в Лейпциг начало экономической части «Дюринга». Либкнехт утверждает, что решение съезда совершенно не касается моих статей. Я того же мнения, потому что съезд ведь не правомочен решать без меня вопрос о моих статьях или аннулировать без моего согласия обязательство, принятое Либкнехтом по отношению ко мне в силу решения прошлогоднего съезда.

Болезни Вас действительно совершенно замучили. Можно подумать, что в Брауншвейге страшно нездоровый климат. Подагра, ревматизм, корь и в придачу еще какая-то неизвестная болезнь — это чорт знает что такое! Будем надеяться, что все обойдется благополучно.

Каким жалким и мелочным человеком должен быть этот Гельмгольц, раз его могли хотя бы только рассердить выпады Дюринга, да еще до такой степени, что он поставил берлинский факультет перед альтернативой — Дюринг или я! Как будто с научной точки зрения все писания Дюринга, вместе взятые, со всей их бешеной завистью, стоят больше выеденного яйца! Но Гельмгольц, каким бы он ни был отличным экспериментатором, в качестве мыслителя не имеет, однако, ни малейших преимуществ перед Д[юрингом]. И к тому же в лице немецкого профессора немецкое мещанство и провинциализм достигают своей высшей точки, особенно в Берлине. Где бы еще мог, например, ученый с именем Вирхова видеть высший предел своих честолюбивых мечтаний в том, чтобы стать гласным городской думы!

Вам еще не раз придется изумляться по поводу того, на что способны турки. Если бы только у нас в Германии был такой парламент, как в Константинополе! Пока остается здоровой народная масса, — в данном случае турецкий крестьянин и даже турецкий средний помещик, а это именно так, — до тех пор такое восточное общество мо-

жет выдержать самые невероятные удары. Четыреста лет столичной, унаследованной от византийцев коррупции погубили бы всякий другой народ — туркам же стоит только скинуть высший слой, и они вполне смогут померяться силами с Россией. Предательство, продажность военачальников и комендантов крепостей, растрата предназначенных для армии денег, всевозможные интриги, — словом, все то, что разрушило бы всякое другое государство, — все это есть, конечно, в избытке и в Турции, но не в такой степени, чтобы погубить ее. Единственная опасность для турок — вмешательство европейской дипломатии и особенно англичан, которые не позволяют туркам использовать полностью свои боевые средства и требуют, чтобы турки безропотно сносили неслыханнейшую провокацию. Так, например, когда румыны пускают русских в страну, турки должны рассматривать это как акт *нейтралитета* и не имеют права занять и укрепить предмостные укрепления своих крепостей на валахской территории — упаси бог! Это значило бы нарушить румынский нейтралитет! И турки были настолько добродушны, что поддались на уговоры англичан и австрийцев и тем самым ослабили больше чем наполовину обороноспособность своих дунайских крепостей!

Переход русских через Дунай у Матчина, который я предсказывал Марксу еще три недели тому назад, свидетельствует о их неспособности совершить этот переход там, где он мог бы принести им хоть какую-нибудь пользу, т. е. *выше* Добруджи. Русские должны пропустить через Добруджу по крайней мере два-три армейских корпуса, если они хотят форсировать позицию Чернавода — Кюстендже, но как они прокормят всех этих людей и сколько из них дойдет до цели, — это большой вопрос. Русских вынуждает к этой операции поражение черногорцев; русские не могут на него не реагировать, они должны что-либо предпринять. Кампания начинается, видимо, разворачиваться, и русским предстоит выбор: либо переправить через Дунай столько войска, сколько требуется с военной точки зрения, — но такого количества людей они прокормить не смогут; либо переправить меньшее количество войск, — не больше, чем они смогут прокормить, — но тогда поход вскоре приостановится. Тем не менее, скоро и на Дунае на русских посыпется успех за успехом, — но все эти успехи не будут иметь ни малейшего значения.

С сердечным приветом

Ваш Ф. Э.

359.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 2 июля 1877 г.

Дорогой Либкнехт!

Ты избавил бы нас обоих от многих ненужных огорчений, если бы сразу попросту сообщил мне о том, что приложение выйдет *уже сейчас* и что ты хочешь напечатать в нем мои статьи ¹. Судя по прежним твоим письмам, я должен был предположить, что приложение не может выйти ранее октября, и что к тому же вместо него обещано к этому сроку обозрение; я должен был, следовательно, предположить, что ты, *вопреки* принятому решению, собираешься печатать продолжение статей в самом тексте «Vorwärts». Отсюда все мои сомнения; при таких обстоятельствах они более чем основательны.

Я послал Рамму три статьи и пишу ему сегодня на всякий случай еще раз, что статьи в приложении печатать можно. Четвертая статья готова, пятую пишу. К сожалению, у меня всякого рода помехи и задержки; послезавтра я должен на несколько дней отправиться в Манчестер, а затем к морю из-за болезни жены; но там я все-таки смогу работать по несколько часов в день.

По поводу Уркварта: мы приняли меры к тому, чтобы материал был собран.

Процессы, вернее — осуждения, у вас, повидимому, идут всюю. Вам бы следовало предложить такую поправку к уголовному кодексу, чтобы можно было отсидживать или, вернее, отлеживать свой срок по ночам и быть днем на свободе.

Нам кажется, что «Vorwärts» отнеслась слишком уж легко к событиям во Франции ². Правда, прямого отношения к рабочим они не имеют, но рабочие это знают и говорят: «A vous maintenant, MM. les bourgeois, faites votre jeu!» [За вами очередь, господа буржуа, ваш ход!] И все же для развития Франции чрезвычайно важно, что нынешняя передышка до следующего подъема рабочего движения проходит в условиях буржуазной республики, когда Гамбетта и К^о себя компрометируют, а не, — как это было до сих пор, — под гнетом империи, при котором они снова стали бы популярны и в момент взрыва опять оказались бы во главе; что, наконец, прекращается потерявший для Франции всякий смысл спор о *форме правления*,

¹ Второй (экономический) раздел «Анти-Дюринга», печатавшийся в научном приложении к «Vorwärts».

² Роспуск Мак-Магоном палаты депутатов как попытка реставрации монархии во Франции.

и республика является тем, что она и представляет собой на деле: классической формой господства буржуазии и в то же время классической формой наступающего развала этого господства. Впрочем, торжество французской реакции вы достаточно остро почувствовали бы и в Германии.

На Дунае пока все обстоит благополучно. Восточная армия, подобная турецкой, не пригодная для больших стратегических операций, никак не могла воспрепятствовать русским совершить переправу. Но зато такая восточная армия никогда не погибнет из-за собственных глупостей. Теперь мы посмотрим, как русские прокормят в Болгарии свою армию. С каждым шагом вперед трудности будут перед ними возрастать в геометрической прогрессии, и странное поведение их *лучшей* армии — кавказской, когда она оказалась в Армении под обстрелом, — не предвещает им ничего хорошего. Тем временем Черногорию разотрут в порошок. Г. Раш доставил мне особенное удовольствие ¹.

Твой Ф. Э.

360.

Энгельс — Францу Виде

в Цюрих.

[Черновик.]

[Лондон, вторая половина июля 1877 г.]

Милостивый государь!

Я должен извиниться перед Вами за и т. д. Что же касается моего сотрудничества в проектируемом Вами журнале ², то в настоящий момент не могу, к сожалению, обещать Вам ничего определенного. Как только я закончу критический разбор Дюринга для «Vorwärts», я должен буду сосредоточить все свои силы на крупной самостоятельной работе, которую я уже давно задумал, но выполнить которую мне мешало до сих пор, наряду с внешними обстоятельствами, и сотрудничество в социалистических органах. Когда за спиной 56 лет, следует, наконец, решиться экономить свое время, чтобы из подготовительных работ что-нибудь в конце концов получилось. Если произойдет какое-либо событие, по поводу которого я опять сочту нужным выступить публично, то в зависимости от обстоятельств я выберу для этого «Vorwärts» или какой-либо другой орган ³, и в этом

¹ Густав Раш в «Vorwärts» от 16 февраля 1877 г. напечатал заявление о том, что он после разоблачений, опубликованных в «Vorwärts», убедился в продажности Карла Фогта.

² «Die Neue Gesellschaft» — начал выходить с октября 1877 г.

³ Зачеркнуто: «из научных журналов».

последнем случае я, насколько могу предвидеть, обратился бы в первую очередь именно к Вашему журналу. Если поэтому я пока не могу Вам дать никаких более определенных обещаний, то прошу Вас объяснить это только вышеуказанными причинами, а не безучастным отношением к журналу, который меня очень интересует, которому я желаю всяческих успехов и на который я уже подписался через своего книгопродавца.

С совершенным почтением и т. д.

[Ф. Э.]

361.

Энгельс — Наталии Либкнехт

в Лейпциг.

Рамсгейт, 31 июля 1877 г.
2, Adelaide Gardens.

Уважаемая г-жа Либкнехт!

Будьте любезны переслать Вашему мужу с надежной оказией прилагаемое письмо¹. Надеюсь, что в скором времени Вы будете избавлены от подобного рода забот — и, надо полагать, надолго. Женам наших друзей в Германии приходится в борьбе, которую активно ведут их мужья, принимать такое участие, которое нашим женам здесь, в безопасной Англии, показалось бы удивительным. Нам легко здесь разговаривать и критиковать, между тем как в Германии за каждое неосторожное или необдуманное слово грозит тюрьма и разлука с семьей. К счастью, наши женщины в Германии не смущаются этим и доказывают на деле, что пресловутая женская сентиментальность есть лишь свойственный буржуазным женщинам классовый недуг.

Сердечный привет Вам и Вашим детям.

Искренно

Ваш Ф. Энгельс.

362.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Рамсгейт, 31 июля 1877 г.
2, Adelaide Gardens.

Дорогой Либкнехт!

Оба твои письма — от 21-го и 28-го — получил. Хочу надеяться, что дюринговщина потерпела полное фиаско и что этому делу теперь конец. Как бы то ни было, партийные органы все же опозорили

¹ Либкнехт сидел в лейпцигской тюрьме с 15 июня по 12 августа 1877 г.; см. письмо № 362.

себя тем, что дали себя сбить с толку и приписали Дюрингу научное значение на том основании, что... его преследовали пруссаки! И так рассуждали все, кого я видел.

Вальтейх *действительно* употребил выражение о марксистах и дюрингианцах; оно появилось тотчас же после конгресса во всех газетах, в которых была опубликована его речь на открытом собрании (где он произнес эти слова). Я не думаю также, что он станет отшираться от своих слов. То, что он теперь сидит, не является для меня основанием изображать его лучше, чем он есть.

Элизе Реклю — обыкновенный компилятор, и только. Так как он и его брат *участвовали в создании* тайного Альянса, то он, если захочет, может порассказать тебе больше истинной правды на эту тему, чем ты ему. В одном ли он лагере с этими людишками или нет — это совершенно безразлично; политически он — путаник и импотент.

Я никогда не говорил, что ваши сторонники в *массе* не хотят подлинной науки. Я говорил о *партии*, а она является такой, какой она сама предстает перед общественностью в печати и на съездах. Теперь там господствуют полужнайки и задают тон бывшие рабочие, превращающиеся в литераторов. Если бы эти люди и составляли, как ты утверждаешь, лишь ничтожное меньшинство, вы все же должны с ними, разумеется, считаться, потому что у каждого из них есть свои приверженцы. Нравственный и интеллектуальный упадок партии ведет свое начало с момента объединения; его можно было бы избежать, если бы тогда было проявлено немного больше выдержки и понимания. Здоровая партия с течением времени отбросит лишний балласт, но это — длительный и трудный процесс, и не следует без надобности прививать массам болезнь на том лишь основании, что они здоровы.

Для «Zukunft» просто счастье, что твое письмо получилось как раз во-время, чтобы помешать мне ответить на приглашение сотрудничать, а я уже решил было отвечать. Приглашение со стороны *совершенно анонимной* редакции, которая не может представить никаких иных гарантий своей научности, кроме постановления съезда, — как будто съезд может придать журналу научный характер! Какова претензия: доверить наши рукописи совершенно неизвестным людям, — людям, которые могли бы оказаться наихудшими дюрингианцами!

Ты говоришь, что Виде — соредактор. А сам он еще 20-го приглашал меня сотрудничать в журнале, который он намерен основать в *Цюрихе!*

Словом, мне надоела эта неразбериха, эти вечные необдуманные и опрометчивые затеи. Я не могу связывать себя никакими обещаниями, хотя бы уже потому, что мне необходимо, наконец, приняться за свои собственные, более крупные работы. Я должен еще окончить «Дюринга», а затем буду писать статьи только тогда, когда сам сочту это действительно необходимым; и если бы нашелся журнал, *не* являющийся партийным органом, то я отдал бы ему предпочтение во избежание новых дебатов на съездах. Ведь для научных работ не существует демократического фoрyма, а одного опыта с меня предостаточно.

Тебе следовало бы побывать в Генте и оттуда съездить в Лондон. Мы в Генте, наверное, не будем, иначе — зачем же было нам отстраняться в Гааге от практических дел? Через Антверпен ты можешь быстро и очень дешево проехать в Лондон, а комната для тебя готова у меня постоянно.

Кончаю: накрывают на стол.

Твой Ф. Э.

363.

Марке — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

[Лондон,] 1 августа 1877 г.

Дорогой Бракке!

Я выезжаю в конце этой или в начале будущей недели из Лондона и отправляюсь на континент, так как состояние моего здоровья требует лечения. На это время мне запрещена всякая работа, и Вам придется поэтому подыскать кого-либо другого для просмотра перевода книги Лиссагаре, так как без *просмотра* перевод печатать нельзя. (Возможно, что К. Гирш укажет Вам кого-нибудь.) Месячный перерыв без всяких сообщений с Вашей стороны, разумеется, отнюдь не обрадовал Лиссагаре, и я считаю его недовольство вполне обоснованным.

Преданный Вам

К. М.

364.

Марке — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

Лондон, 8 августа 1877 г.

Дорогой Бракке!

Ваше письмо получил. Я уезжаю сегодня. Через несколько дней (может быть, уже дня через два) Вас будет ждать в Эмсе письмо *до востребования*.

Энгельсом Вы сейчас располагать не можете — он на морских купаньях и скоро уедет оттуда, может быть в Джерси, на остров Мэн или еще куда-нибудь. То малое количество времени, которым он при этих условиях располагает для работы, уже полностью занято.

Что касается Б[ернгарда] Беккера, то я категорически протестую против того, чтобы его в какой бы то ни было мере привлекали к работе над книгой Лиссагаре. Он очень энергично ругал меня и Энгельса, — не говоря уже о Вас, — сначала в Париже, а затем в Лондоне (он уже два месяца здесь), причем весьма остерегался попадаться мне на глаза. Вся его ярость, — как мне уже сообщили из Парижа, — вызвана именно тем, что Вы издаете книгу Лиссагаре! Его ругань и интриги мне совершенно безразличны, но я ни в коем случае не могу позволить, чтобы этот субъект был в какой бы то ни было мере причастен к делам Лиссагаре.

Что касается Изольды, то она, повидимому, более умеет выживать деньги, чем переводить.

Ваш К. М.

365.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

[Нейнар,] 18 августа 1877 г.
Hôtel Flora.

Дорогой Бракке!

Пришлите мне восьмой лист.

Не могли ли бы Вы приехать на полдня сюда? Это недалеко от Эмса.

Что касается Б. Беккера, то он попытался сначала дискредитировать Вас перед Гиршем и Каубом, изображая Вас в виде какого-то «афериста»; мне удалось (без ведома Беккера) отпарировать эту клевету. Не удивительно, что теперь он применяет обратный маневр. Лучше всего — не показывать вида, что понимаешь его.

Гирш абсолютно надежный человек, способный на величайшую самоотверженность; его главная слабость — незнание людей, так что люди, умеющие прикинуться энтузиастами дела, легко околпачивают его, хотя и не надолго.

Надеюсь увидеть Вас здесь и познакомить Вас с моей женой и дочерью (младшая сейчас с нами).

Дружески Вам преданный

К. М.

366.

Маркс — Вильгельму Бракке
в Брауншвейг.

Нейнар, 24 августа 1877 г.
Hôtel Flora.

Дорогой Бракке!

Очень жалею, что при настоящих условиях наше свидание не может состояться, так как иначе Вам пришлось бы прервать лечение, *чего делать не рекомендуется*.

Я тотчас же начал читать корректуру, но работу пришлось прервать из-за приезда моего друга, профессора Шорлеммера из Манчестера, который, впрочем, пробудет здесь лишь несколько дней. Письмо к Вам, тоже начатое мною *вчера*, я смогу окончить только после прочтения корректур, так как в нем будут кое-какие замечания.

Кстати. Я получил из Лондона письмо от моего друга Мальтмана Барри (он шотландец), живущего в Лондоне. Барри — бывший член Генерального совета в Лондоне, наш самый усердный и дельный партийный товарищ в Англии. Он сообщает мне, что едет на Гентский конгресс, и просит дать ему *рекомендательное письмо к германским делегатам* на тот случай, если те приедут. Будьте так добры прислать мне для него несколько строк соответствующего содержания.

С сердечным приветом

Ваш Карл Маркс.

367.

Энгельс — Наталии Либкнехт
в Лейпциг.

[Лондон,] 4 сентября 1877 г.

Уважаемая г-жа Либкнехт!

Спешу написать Вам несколько строк в ответ на Ваше дружеское письмо от 28-го прошлого месяца. Либкнехт говорил, что после Гентского конгресса он собирается в Лондон; вернувшись из Рамсейга, я узнал, что этот конгресс будет продолжаться с 9 сентября (ближайшего воскресенья) до 17 сентября (кончая следующим воскресеньем). Сам я с женой еду завтра, по совету врача, на две недели в Шотландию, и в это время писем я, как правило, получать не буду, но я предполагаю, во всяком случае, вернуться в четверг 20-го или, самое позднее, в пятницу 21-го, так что, если бы Л[ибкнехт] приехал

сюда даже 18-го, он будет здесь лишь дня за два до меня. А к этому времени я снесусь по телеграфу с домом, чтобы своевременно узнать о его приезде. Людям, которые во время нашего отсутствия присматривают за нашей квартирой, поручено устроить Либкнехта, когда он придет, как можно удобнее; комната для него уже готова, и я уверен, что мои распоряжения будут выполнены. Вернутся ли Марксы к тому времени сюда, я точно не знаю, но, судя по последним известиям от них, я в этом почти уверен, так как из Нейнара они уже уехали, а о предполагавшемся ранее пребывании в Шварцвальде уже не было и речи. Может быть, Вы имеете от г-жи М[аркс] более точные сведения об этом, чем мы здесь; но, во всяком случае, Л[ибкнехт] может из Гента получить об этом самые последние новости, если напишет несколько строк г-же Лафарг (второй дочери Маркса) в Лондон (225, Camden Road, N. W.). На случай, если бы к моменту приезда Л[ибкнехта] здесь не оказалось ни М[аркса], ни меня, он может снестись, кроме Лафаргов, еще и со старшей дочерью М[аркса], г-жей Лонге (30, Leighton Grove, Leighton Road, Kentish Town, N. W.), и отыскать нашего старого друга Лесснера (12, Fitzroy St., Fitzroy Square). Лонге тоже находятся сейчас в Ярмуте на морских купаньях, но, во всяком случае, вернутся к середине сентября; точной даты я, однако, указать не могу.

Я тоже разделяю тот взгляд, что Либкнехт чересчур много *сидит*; очень хорошо не придавать этому большого значения, но это еще не значит, что следует приучать себя к сидячему образу жизни. Сомнительно, конечно, чтобы Вам удалось совлечь его с передовых постов (вернее сказать — из авангарда): кто отдал этому делу столько лет, находит в нем слишком много удовлетворения, а долгий опыт, пожалуй, скоро научит его избегать сетей уголовного кодекса. Разрешите, во всяком случае, горячо пожелать Вам, чтобы Л[ибкнехт] перестал проводить все свое свободное от работы время в тюрьме, а все время, свободное от тюрьмы, в рейхстаге или в поездках.

Моя жена шлет Вам в ответ на Ваши пожелания самый сердечный привет.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Энгельс.

Так как я не знаю, с Вами ли Л[ибкнехт], то должен просить Вас довести до его сведения содержание этого письма.

368.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Лондон, 27 сентября 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг!

К сожалению, я нашел твое письмо только теперь, по возвращении с континента (куда меня послали врачи). Вследствие этого мой ответ придет, быть может, слишком поздно. Впрочем, «*Pater rescaivi*» [согрешил, отче]! Эта проклятая *бессонница*, не покидавшая меня в течение этого года, отбила у меня всякую охоту писать, так как все те минуты, когда я себя чувствовал сносно, я должен был целиком отдавать работе.

Если *Вейдемейер* не сдал еще в печать «Труд и капитал», я хотел бы просмотреть брошюру, потому что оригинал полон отвратительнейших опечаток. Ты и понятия не имеешь, как поступила со мной партия, т. е. хемницкая группа (представленная Вальтейхом). Только по настоянию Либкнехта и потому, что из Хемница мне представили это дело как очень спешное, я принялся за работу еще до отъезда в Карлсбад, несмотря на крайнее расстройство нервов. А работа эта была нелегкая в виду множества нелепостей, которые наделал Мост в этой небольшой книжке (этот Мост теперь благополучно причалил к г. Дюрингу; это — тщеславный малый, и что бы он ни прочел, он все готов сейчас же использовать как материал для печати). Прекрасно! В течение нескольких месяцев я не получал никаких известий, запрашиваю, получаю «холодный» ответ Вальтейха, что книжка набирается в те небольшие промежутки времени, которые остаются свободными у *партийной* типографии от печатания хемницких филистерских объявлений! Такого наглого бесстыдства мне еще не приходилось встречать! Таким образом, печатание книжки продолжалось около года! Когда же, наконец, произведение это появилось на свет, оно кишело искажающими смысл опечатками!

Чтобы не потерять времени, было бы, может быть, лучше печатать книжку так, как ты предложил, — а я свои поправки для второго издания сделаю уже в корректурных листах (это гораздо легче).

В «*Коммунистический манифест*» я внесу поправки вместе с Энгельсом и потом пришлю тебе.

Относительно «*Капитала*» и *Дуэ*: во-первых, есть ли у *Дуэ* издатель?

во-вторых, французское издание отняло у меня так много времени, что я лично уже *никогда* больше не буду принимать участие в каком бы то ни было переводе. Ты должен узнать, владеет ли Дуэ в достаточной мере *английским* языком, чтобы он *один* был в состоянии выполнить всю эту работу. Если да, то даю ему полное согласие и благословение. И в этом случае,

в-третьих: он должен при переводе пользоваться, наряду со вторым немецким изданием, также и *французским изданием*, в которое я внес кое-что новое и в котором многое изложил гораздо лучше. Еще *на этой неделе* я вышлю тебе две вещи:

1. *Один экземпляр французского издания для Дуэ.*

2. Перечень тех мест, где следует *не сравнивать французское издание с немецким*, а взять целиком за основу французский текст.

Г-н Уриэль Каваньяри в Неаполе подготавливает (по французскому изданию) *итальянское* издание «Капитала»; он намерен печатать его за свой счет и будет продавать книгу по себестоимости. Молодец!¹

То, что ты пишешь о немцах, меня нисколько не удивляет. Здесь совершенно то же самое. Энгельс и я поэтому совсем отстранились от этого сброда. (Точно так же, как и Лесснер.) Исключение составляет только один мой приятель, немецкий рабочий, имени которого я в данный момент никак не могу припомнить (кажется Вейер²); он — член Лондонского совета тред-юнионов и провел единственную разумную резолюцию (что рабочие должны избирать в качестве своих представителей в палату общин только рабочих) на позорном конгрессе тред-юнионов в Лейстере, где буржуа играли роль благодетелей и среди них г. Т. Брассей, большой мошенник, миллионер, сын пресловутого железнодорожного магната Брассея, «взявшего на откуп» Европу и Азию (*der Europa und Asien «unternommen» hatte*).

Гентский конгресс хотя и оставляет желать много лучшего, все же был хорош, по крайней мере, тем, что Гильом и К^о были совершенно покинуты старыми союзниками. С трудом удалось удержать фламандских рабочих от того, чтобы они не избили великого Гильома. Болтун Де-Пап и Брисме осыпали Гильома и К^о оскорблениями; то же самое проделал и г. Джон Хейлз. Последний подчинялся указаниям *Барри*, которого я побудил поехать на конгресс, отчасти как члена конгресса (не знаю, чей он делегат), а отчасти

¹ Каваньяри не удалось издать «Капитал». Первое сокращенное итальянское издание «Капитала», т. I, было выпущено К. Кафиеро в 1879 г., первое полное издание появилось в Турине в 1886 г.

² Правильно: Велер.

в качестве корреспондента газеты «Standard» (Лондон). Я, с своей стороны, с Юнгом и Хейлзом больше никакого дела лично иметь не желаю, но вторичная их измена юрцам для нас полезна. Барри здесь выполняет все мои поручения; в частности он руководил репортерами «Times» (эта газета уволила г. *Эккарюса*). Именно через его посредство я в течение ряда месяцев поддерживал *инкогнито* перекрестный огонь против руссомана Гладстона; в лондонской фешенебельной прессе («Vanity Fair» и «White Hall Review»), а также в провинциальной прессе Англии, Шотландии и Ирландии я разоблачил его плутни с русским агентом Новиковой, с русским посольством в Лондоне и т. д.; через него же я оказывал влияние на английских депутатов Верхней и Нижней палаты, которые пришли бы в ужас, если бы узнали, что Red-Terror-Doctor [доктор красного террора], как они меня называют, является их вдохновителем в вопросе о восточном кризисе.

Этот кризис — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы. Молодцы турки ускорили взрыв на многие годы теми ударами, которые они нанесли не только русской армии (и русским финансам), но и *командующей армией династии* (царю, наследнику и шести другим Романовым). Переворот начнется, как водится, игрой в конституцию, а затем разыграется хорошенькая потасовка. Если мать-природа не будет к нам особенно немилостива, мы еще доживем до этого торжества! Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, но сами по себе они бесполезны. Но все же — это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения.

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции.

Г-н Бисмарк с удовольствием наблюдал за побоищем, но не хотел, чтобы дело зашло так далеко. Слишком ослабленная Россия не сумела бы, как это было во время франко-прусской войны, держать под угрозой Австрию! А если там дело дойдет до революции, то что же станет с последним оплотом династии Голленцоллернов?

В данный момент все зависит от того, будут ли поляки (в Царстве Польском) вести себя смиренно. Только бы там не было никаких

мятежей в данный момент! Бисмарк тотчас же двинет туда свои полки, а русский шовинизм снова окажется на стороне царя. Если же поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петербурге и Москве, и если Бисмарк выступит тогда в качестве спасителя, то Пруссия обретет... свою Мексику!

Я неоднократно втолковывал это тем полякам, которые пользуются влиянием на своих соотечественников и с которыми я поддерживаю связи.

По сравнению с восточным кризисом *французский кризис* является совершенно второстепенным событием. Однако можно надеяться, что победит буржуазная республика, или же старая история начнется сызнова, но никакая нация не может слишком часто повторять одни и те же глупости.

Сердечный привет от меня и жены.

Твой *Карл Маркс*.

Р. С. Нотариус Везель из Женевы сообщил мне историю с завещанием Лингенау.

Нам (душеприказчикам) придется назначить в Америке доверенного, для чего ты самый подходящий человек. Но прежде всего необходимо знать, как обстоит дело в Америке, и может ли быть выполнено завещание, минуя бесконечные процедуры. Буду тебе благодарен, если ты разузнаешь обо всем этом и сообщишь мне.

369.

Энгельс — Герману Энгельсу
в Энгельскирхен.

Лондон, 5 октября 1877 г.

Дорогой Герман!

В конце этого месяца (31 октября) мне придется уплатить около 380 ф. ст., и потому я был бы рад, если бы ты мог перевести мне поскорее соответствующую сумму. При этом замечу, что мне было бы желательно устроить это так, чтобы срок выплаты здесь был ранее 31-го числа (включая три льготных дня, — т. е. номинальный его срок должен быть самое позднее 27-го числа настоящего месяца). В противном случае при здешних банковских обычаях я не смогу получить этой суммы 31-го числа, производить же учет за Эрмена, который сейчас в деле не состоит, всегда затруднительно, а иногда и совсем невозможно, без того, чтобы не побеспокоить ряда других лиц; кроме того, я думаю что Б[арменский] банковский союз может одинаково установить срок выплаты как в десять дней, так и в три дня.

Этим летом я основательно бездельничал, — семь недель про-

вел у моря, затем две недели в Шотландии. Надо сказать, что это на меня прекрасно подействовало.

Ты теперь, вероятно, согласишься, что я правильно оценил силу турецкого сопротивления и слабость русского нападения. В будущем году турки будут вдвое сильнее, потому что зимой они могут подучить своих солдат. Если русские зимой *не* перебросят своих армий за Дунай, — что вряд ли вероятно, — они могут пережить еще кое-что похуже. Ведь дунайский ледоход не питает абсолютно никакого уважения к понтонным мостам, хотя бы они и принадлежали русскому императору. Впрочем, что бы там ни было, а до конца 1878 г. Россия получит конституцию, а вместе с этим и второе издание французской революции 1789 — 1794 гг.

Очень сильно помешал туркам еще больше насолить русским зять султана, Махмуд-Демат-паша, друг Игнатьева, уже давным-давно подкупленный этим последним. Как только услышишь, что его свергли, то можешь быть уверен, что впредь война будет вестись с гораздо большей энергией. Под его влиянием был отозван и Магомет-Али.

Сердечный привет Эмме, детям и всем братьям и сестрам.

Твой Фридрих.

370.

Энгельс — Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 12 октября 1877 г.

Дорогой Кугельман!

Очень спешу (у меня в гостях один химик из Маннгейма и приват-доцент из Мюнхена). Посылаю ожидаемое уведомление о получении твоего письма и о своей готовности дать г. Эккеру справку, насколько позволят время и силы и как только я узнаю подробнее, чего он от меня хочет. Едва ли я могу оказать ему большую помощь, ибо хорошая рабочая квартира, которая, с одной стороны, отвечает всем санитарным и т. д. требованиям, а с другой стороны, не чересчур дорога для рабочего, — это, как тебе известно, так же невероятно, как четырехугольник о трех углах.

У нас здесь все благополучно, Маркс был в Нейнаре, печень его сейчас снова нормальна, с нервами лучше, со сном, следовательно, тоже, и если бы его не так донимали простуды, не на что было бы и жаловаться. Сам я чувствую себя прекрасно, летом основательно бездельничал, затем принимал много визитов, но думаю на будущей неделе снова приняться за работу.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

371.

Энгельс — Герману Энгельсу

в Энгельсвирхен.

Лондон, 13 октября 1877 г.

Дорогой Герман!

Меня вполне устроит, если я получу здесь деньги указанным образом, но они должны притти 30-го. Они ведь должны пройти через мой банк, а там их запишут на мой счет только после того, как соответствующий чек после полудня поступит в расчетное управление; но к этому времени банк закрывается, поэтому я смогу располагать деньгами только на следующий день. Будь добр, сообщи мне также, через *какого* банкира в Бармене пересылаются деньги, чтобы я мог удостоверить свою личность; если более уже не являешься представителем какой-нибудь фирмы, то в подобных случаях часто наталкиваешься на затруднения.

Развал русской армии — ее учреждений, командования, штаба, подвоза амуниции, снабжения питанием и одеждой, лагерной организации и т. д. — с каждым днем становится все больше и больше. Это — колоссальный крах, жертвами которого являются сотни тысяч людей. За последние две недели сентября и за первую неделю октября русские, как передают, потеряли 15 000 человек (т. е. *умерших* от ран и болезней), а с начала войны одними только убитыми 47 000 человек. Если они еще три недели пробудут под Плевной и на Ломе, может случиться, что развалится вся армия.

Сердечный привет.

Твой Фридрих.

Хотя стало слегка подмораживать, герани все еще продолжают цвести на открытом воздухе. Зато в Шотландии урожай погиб почти целиком — 20 сентября в окрестностях Эдинбурга я видел еще совершенно зеленые колосья.

372.

Маркс — Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 19 октября 1877 г.

Дорогой Зорге!

Посылаю вместе с настоящим письмом рукопись для *Дуэ* на случай, если он будет переводить «Капитал». В рукописи, помимо некоторых изменений в немецком тексте, указано, в каких местах этот последний следует заменить текстом *французского издания*.

В экземпляре французского издания, предназначенном для Дуэ и тоже высланном сегодня по твоему адресу, упомянутые в рукописи места отмечены. Оказалось, что работа эта отняла у меня гораздо больше времени, чем я предполагал, а тут еще присоединилась скверная инфлуэнца, от которой я еще не совсем отделался.

Если издание осуществится, Дуэ должен в предисловии указать на то, что наряду со вторым немецким изданием он пользовался также вышедшим позже и переработанным мною французским изданием, но никоим образом не должен указывать, что *американское издание авторизовано*. Если он это сделает, то английские книгопродавцы немедленно перепечатают книгу в Англии и будут иметь на это *законное* право. Хотя я охотно предоставляю право перевода *во всех странах* Европы, в которых существует литературная конвенция с Англией, я этого ни за что не сделаю в самой Англии, этой стране Маммона. Лондонские книжные фирмы делали уже несколько попыток выпустить английское издание без моего разрешения и, следовательно, не уплатив мне, но все эти попытки мне удавалось пресечь. Я твердо решил, что эти господа не обогатятся за мой счет ни на одну полушку.

Энгельс в настоящее время очень занят: во-первых, он работает для «Vorwärts»; во-вторых, его одолевают своими посещениями филистеры из Германии; в-третьих, он сам болен инфлуэнцей и, в-четвертых, больна его жена. Поэтому нам до сих пор не удалось приняться совместно за «[Коммунистический] манифест».

В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (например, *Мост*) с Дюрингом и его «поклонниками» и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, желающих дать социализму «более высокое, идеальное» направление, т. е. заменить его материалистическую основу (требующую, если хотят ею пользоваться, серьезного объективного изучения) современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» («eingekauft») в партию издатель «Zukunft», г. доктор Гехберг, — допускаю, с «самыми благими» намерениями, но я на «намерения» плюю. Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое, с более «скромными» претензиями, как программа его «Zukunft».

Что касается самих рабочих, то они, когда бросают работу и становятся *профессиональными литераторами*, подобно г. Мосту

и компании, всегда творят не мало бед в «теории» и постоянно готовы примкнуть к сумбурным головам из так называемой «ученой» касты. В течение десятилетий мы с большим трудом старались освободить головы немецких рабочих от *утопического* социализма и фантастического представления о будущем общественном строе, что и давало им теоретический (а потому и практический) перевес над французами и англичанами. Но вот утопический социализм снова завладевает их умами, и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с социализмом Вейтлинга. Само собой разумеется, что утопизм, который до появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний в зародыше, теперь, выступая на сцену *post festum* [задним числом], может быть только нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным.

«Vorwärts» за последнее время руководится, повидимому, принципом принимать рукопись («*corie*», как выражаются французы), от кого бы она ни исходила. Так, например, в последних номерах какой-то малый, не знающий азбуки политической экономии, пишет нелепые *разоблачения* о «законах» кризисов¹. Он разоблачает только свое собственное умственное «банкротство», и вдобавок еще этот нахальный олух из Берлина², которому разрешают в бесконечно длинных статьях печатать за счет «суверенного народа» свои несуразные размышления об Англии и самую плоскую панславистскую чепуху!

Satis superque! [Хватит, даже слишком!]

Твой Карл Маркс.

Кстати. Несколько (немного) лет тому назад было издано нечто вроде Синей книги (не знаю, официальной ли) о положении углекопов в Пенсильвании, которые, как известно, находятся в настоящей феодальной зависимости от своих *moneylords* [работодателей] (мне кажется, книга вышла после кровавого конфликта³). Мне чрезвычайно важно получить это издание, и, если ты можешь мне доставить эту книгу, я вышлю тебе ее стоимость; если же нет, то не можешь ли ты, по крайней мере, узнать ее заглавие, я обращусь тогда к Гарни (в Бостоне).

¹ Маркс имеет в виду анонимные статьи, печатавшиеся в «Vorwärts» от 5 и 7 октября 1877 г. под заглавием «Die Folgen des grossen Krachs» [«Последствия великого краха»].

² Анонимные статьи в «Vorwärts» от 10 и 12 октября 1877 г. под заглавием «Aus Heuchelland. Stille Beobachtungen eines Berliners in London» [«Из страны лицемерия. Незаметные наблюдения берлинца в Лондоне»].

³ Стачка ценсильванских рабочих-углекопов в 1874 — 1875 гг.

373.

Маркс — Вильгельму Бракке

в Брауншвейг.

[Лондон,] 23 октября 1877 г.

Дорогой Бракке!

Вы сообщаете дурную вестъ, которую, однако, легко было предвидеть. Я уже не раз указывал Вам, что от прелестной Изольды следует отделаться. Как ни исправляй перевод, он все же остается недоделанным. К тому же еще и потеря времени, непроизводительные расходы и т. д. С юридической точки зрения ничто не может помешать от нее отделаться, потому что эта особа не выполняет и не в состоянии выполнить то, что она обязалась сделать по договору. *Блос* предлагал свои услуги уже раньше (но, к сожалению, после Изольды).

Журнал «Zukunft» совершенно неудовлетворителен. Его главное стремление — заменить материалистическое познание идеологическими фразами о «справедливости» и т. д. Программа журнала жалкая. Обещает, между прочим, фантазировать и на тему об устройстве общества будущего. Этот первый результат того, что один буржуа ¹ вкупился в партию, оказался неудачным, что и следовало предвидеть заранее.

«Vorwärts» тоже печатает в огромном количестве незрелые умствования честолюбивых и невежественных юнцов. Мне кажется, что деньги пролетариата предназначены не для того, чтобы создавать складочное место для подобных ученических упражнений.

Надеюсь, что Вы поправляетесь. Я сам уже несколько недель болею инфлюэнцей, это очень мешает работе.

Ваш *К. М.*

374.

Маркс — Сибилле Гесс

в Париж.

Лондон, 25 октября 1877 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Уважаемая г-жа Гесс!

Глубокую благодарность приношу Вам от себя, а также и от имени Элгельса, за присланные два экземпляра «Dynamische Stofflehre» [«Учение о динамике вещества»].

Мы оба считаем, что работа нашего покойного друга *имеет весьма значительную научную ценность* и делает честь нашей партии. По-

¹ К. Гехберг.

этому, совершенно независимо от нашего личного отношения к многолетнему союзнику, мы считаем своим долгом разъяснить значение его труда и, по возможности, содействовать его распространению.

Существуют ли рукописи также обеих обещанных в предисловии Гесса частей?

Не обижайтесь, если я прилагаю стоимость обоих экземпляров, речь идет ведь не о Ваших личных расходах, а об издержках предприятя.

Преданный Вам

Карл Маркс.

Относительно книги я напишу в Петербург и Нью-Йорк.

375.

Маркс — Вильгельму Блосу

в Берлин.

Лондон, 10 ноября 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой Блос!

Я очень рад, что ты (это «ты» само собой сорвалось у меня с пера; итак, впредь обходись без «Вь») подал, наконец, признаки жизни. Что касается отвратительной Изольды, то я уже давно настаивал на том, чтобы с ней расстаться, и шумел по этому поводу, но тщетно.

Где «la Place» [площадь] пишется с большой буквы, там это слово всегда означает «Place Vendôme» [Вандомская площадь], потому что там находился начальник национальной гвардии, который был тогда для Парижа тем же, что мы называем «комендантом крепости».

Что касается «suppression de l'Etat» [упразднение государства], — выражение, которое Лиссагаре сам изменит во втором французском издании, — то смысл его совершенно тот же, что и развитый мною в моей брошюре о «Гражданской войне во Франции». Кратко ты можешь перевести: «отмена (или уничтожение) классового государства».

«Ich große nicht» [я не сержусь] (как говорит Гейне), и Энгельс точно так же. Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет

выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот).

Но события, вроде тех, которые произошли на последнем партийном съезде, — они будут надлежащим образом использованы врагами партии за границей, — все же заставили нас осторожнее относиться к «партийным товарищам в Германии».

Состояние моего здоровья заставляет меня посвящать все то ограниченное врачами время, которым я располагаю для работы, окончанию моего труда; а Энгельс, занятый сейчас разными более или менее крупными сочинениями, все еще пишет статьи для «Vorwärts»¹.

Мне будет забавно узнать подробнее о моих «комбинациях с папашей Беккером».

Энгельс напишет тебе на-днях.

Сердечный привет от жены и дочери Элеоноры.

Totus tuus [весь твой] *Карл Маркс.*

376.

Маркс — Сибилле Гесс

в Париж.

Лондон, 29 ноября 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Гесс!

Меня и Энгельса довольно долго не было в Лондоне, вернувшись же, я должен был, прежде чем написать Вам, сначала прочесть книгу нашего покойного друга.

Я и Энгельс очень Вам благодарны за пересылку книги. Мы постараемся ее распространить, насколько это в наших силах. Она содержит гениальные взгляды, но, к сожалению, вероятно потому, что Гесс не смог подвергнуть книгу окончательной обработке, — в ней не мало таких положений, которые доставят материал для серьезной критики со стороны естествоиспытателей-специалистов.

Желаю Вам наилучшего успеха.

Преданный Вам

Карл Маркс.

---

¹ Речь идет о третьем разделе «Анти-Дюринга».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

А.

- Абдул-Керим-паша* (1811—1885) — турецкий генерал, командующий дунайской армией в русско-турецкой войне 1877 г. — 464.
- Абу* (About), *Эдмон* (1828—1885) — французский писатель и журналист, бонапартист; после 1870 г. поддерживал правительство Тьера — 105.
- Авриаль* (Avtial), *Огюстен* (1840—1904) — французский прудонист, рабочий-механик, член Исполнительной комиссии Парижской Коммуны, в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне, член «Французской секции 1871 г.» — 189, 199, 375.
- Адольф* — см. Гризгейм, Адольф.
- Аколла* (Acollas), *Эмиль* (1820—1891) — французский юрист, буржуазный радикал — 248.
- Александр I* (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 92.
- Александр II* (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 92, 368, 369, 450, 480, 481, 482.
- Александр III* (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 92, 480.
- Алерини* (Alerini), *Шарль* — альянист, член I Интернационала в Марселе, после падения Парижской Коммуны эмигрант в Барселоне, делегат Гаагского конгресса I Интернационала и конгресса бакунистов в Сент-Имье (1872), редактор газеты «Federacion» — 291, 299.
- Алонзо* (Alonzo) — эмигрант в Лондоне, член Британского федерального совета I Интернационала (1873) — 319.
- Альбарасин* (Albarasin), *Северино* (ум. в 1878 г.) — альянист, член бакунистского Федерального совета в Валенсии (Испания); в 1873 г. стоял во главе восстания в Алькое, затем эмигрировал в Швейцарию, где под псевдонимом Габриэля Альбахеса участвовал в анархистском движении — 349.
- Андерсон-Гаррет* (Anderson Garret), *Элизабет* (1836—1917) — врач в Лондоне — 372.
- Арним* (Arnim), *Гарри-Карл* (1824—1881) — немецкий дипломат, германский посол в Париже (1871—1874) — 367.
- Арно* (Arnaud), *Антуан* (1831—1885) — французский рабочий-железнодорожник, бланкист, один из руководителей и секретарь Парижской Коммуны (сторонник «большинства»); после разгрома Коммуны эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса; вместе с другими бланкистами покинул конгресс и вышел из Интернационала; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 189.
- Аррэн* (Artaing), член I Интернационала во Франции, бланкист — 314.
- Асси* (Assi), *Адольф-Альфонс* (1841—1886) — французский рабочий-механик, служил в войсках Гарибальди, член I Интернационала, бакунист, в 1870—1871 гг. офицер Национальной гвардии, член Парижской Коммуны; был сослан в Новую Каледонию — 131, 132.
- Ауэр* (Auer), *Игнац* (1846—1907) — германский социал-демократ, рабочий-седельщик; в 1870 г. примкнул к Эйзенхасхой организации, в 1874—1877 гг. секретарь партии, в 1877—1878 гг. руководитель «Berliner Freie Presse», с 1877 г. неоднократно член рейхстага, с 1890 г. секретарь партии, один из виднейших реформистов — 389.
- Ашер* (Ascher) и *К^о* — лондонская и берлинская книготорговая фирма — 41.

¹ Звездочкой (*) обозначены фамилии адресатов Маркса и Энгельса в настоящем томе.

Б.

- Багговут-Гросс* — 260.
- Баденге* (Badinguet) — см. Наполеон III.
- Байер* (Bayer), *Карл-Роберт* (1835—1902), псевдоним «Бир» — немецкий писатель-романист — 406.
- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — 37, 38, 43, 59, 65, 66, 78, 167, 175, 176, 177, 185, 193, 196, 197, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 213, 214, 220, 225, 236, 238, 243, 248, 250, 251, 260, 261, 262, 265, 267, 268, 269, 271, 272, 273, 279, 280, 282, 284, 286, 288, 293, 302, 305, 306, 315, 333, 336, 338, 339, 349, 350, 357, 373, 387, 389.
- *Балашевич (Balašević), *Юлиус-Александр* — польский поэт; под именем «графа Альберта Потоцкого» агент русской тайной полиции в Лондоне в 1860—1870 гг. — 182, 183.
- Баранов, В.* — врач в Москве, одно время (1871) проживал в Женеве — 260.
- *Барри (Barry), *Марри-Мальтман* (1842—1909) — английский журналист, в 1871—1872 гг. член Генерального совета и Британского федерального совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, в дальнейшем консерватор — 194, 344—345, 373, 476, 479, 480.
- Бартельс* (Bartels), *Мария* (ум. в 1869 г.) — племянница Энгельса, дочь Карла-Эмиля Бланка (см.) — 3.
- Бартельс* (Bartels), *Роберт* — муж Марии Бартельс — 3.
- *Барторелли (Bartorelli), *Гуго* — итальянский рабочий, секретарь «Рабочего союза» во Флоренции, член I Интернационала — 274.
- Бастелика* (Bastelica), *Андре* (1846—1880) — французский рабочий-печатник, член I Интернационала в Марселе, член бакунинского Альянса, участник Парижской Коммуны, затем эмигрант в Лондоне, в 1871 г. член Генерального совета; за связи с бонапартистами был исключен из Интернационала — 143, 375, 444.
- Бастиа* (Bastiat), *Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, сторонник свободной торговли — 429.
- Бахруч* (Bachruch), *Анри* — венгерский рабочий, эмигрант в Париже, секретарь парижской немецкой секции и член Федерального совета I Интернационала — 30.
- *Бebel (Bebel), *Август* (1840—1913) — 23, 59, 63, 82, 94, 102, 104, 116, 128, 140, 142, 148, 152, 162, 171, 189, 192, 193, 200, 215, 221, 231, 234, 239, 242, 245, 249, 259, 281, 323, 324, 335, 340, 361, 382, 389, 399, 401, 463.
- Бebel* (Bebel), *Юлия* — жена Августа Бебеля — 82, 84.
- Бегелли* (Begli), *Джузеппе* — итальянский журналист, редактор «Гиссапасо», член «Рабочей федерации» в Турине, мадзинист — 207.
- Бейст* (Beust), *Анна* (род. в 1827 г.) — двоюродная сестра Энгельса — 215.
- Бейбус* (Beifus) — немецкий купец, проживавший в Англии — 370.
- Беккер* (Becker), *Бернард* (1826—1882) — немецкий публицист, ласальянец; по завещанию Лассалья был назначен его преемником и некоторое время был председателем Всеобщего германского рабочего союза (1864—1865), далее примкнул к эйзенахцам; в 1868 г. выступил с сенсационными «Разоблачениями о трагической кончине Ф. Лассалья», автор клеветнической «Истории и теории революционной Парижской Коммуны» (1879) — 9, 147, 148, 160, 390, 398, 401, 426, 427, 433, 475, 488.
- *Беккер (Becker), *Иоганн-Филипп* (1809—1886) — немецкий революционер, рабочий-щеточник; из-за преследований полиции в 1830 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал из эмигрантов революционные группы; активный участник революции 1848—1849 гг.; в эпоху I Интернационала возглавлял Женевскую секцию, игравшую роль главной секции по отношению к остальным немецким секциям Швейцарии; редактировал журналы «Vorboten» и «Précurseur»; участник Женевского, Брюссельского и Гаагского конгрессов Интернационала — 64, 75, 77, 127, 134, 202, 203, 215, 236, 245, 246, 247, 249, 266, 281, 290, 318, 329, 336, 337, 353, 360, 371, 435, 442, 456.
- Бекнам* (Bucknam), *В. Г.*, и *К^о* — почтовая агентура в Нью-Йорке — 363.
- Беллев, Иван Дмитриевич* (1810—1878) — профессор Московского университета, историк русского права; в своей работе «Крестьяне на Руси» (1860), в противоположность Чичерину (см.), доказывал происхождение русской общины из родового строя — 328.
- *Бенедетти (Benedetti), *Джузеппе* — итальянский рабочий, один из руководителей пизанского рабочего това-

- рищества «Associazione Democratica Internazionale» и член I Интернационала, бакунист — 209.
- Беннетт** (Bennett), *Джордж* — член Британского федерального совета I Интернационала (1873) — 316.
- Бер** (Behr) — берлинский издатель — 403.
- Берви-Флеровский**, *Василий Васильевич* (1829—1918) — русский публицист-народник, неоднократно был в ссылке, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 87.
- Бернс** (Burns), *Лиззи* (ум. в 1878 г.) — жена Энгельса — 83, 130, 148, 170, 209, 222, 291, 293, 404, 415, 440, 441, 453, 454, 457, 476, 477.
- Бернс** (Burns), *Мэри-Эллен* (Пумпс) — племянница жены Энгельса — 404, 405, 414, 415, 421, 440, 453, 454, 457, 477.
- ***Берт** (Bert), *Чезаре* — итальянский рабочий-механик, секретарь рабочего общества «L'Emancipazione del Proletariato» в Турине, член I Интернационала — 226, 290, 297.
- Бертран** (Bertrand), *Ф.* — немецкий рабочий-сигарщик в Нью-Йорке, член Союза свободомыслящих, активный член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, член Федерального и Генерального советов (с 1873 г.) — 292.
- Бета-Беттцих** (Beta-Betzich), *Генрих* (1813—1876) — немецкий журналист, демократ, эмигрант в Лондоне — 280.
- Бетль** (Bettle), *Братя* — владельцы хлопчатобумажной фабрики в Барселоне — 108, 109.
- ***Биго** (Bigot), *Леон* — французский адвокат в Париже, защитник обвиняемых коммунаров-членов I Интернационала в процессе 1871 г. — 131, 139, 142.
- Бидерман** (Biedermann), *Карл* (1812—1901) — немецкий публицист и историк, профессор в Лейпциге, лидер Саксонской национал-либеральной партии, редактор «Deutsche Allgemeine Zeitung» в 1863—1879 гг., член рейхстага (1871—1874) — 84.
- ***Бизли** (Beesly), *Эдуард-Спенсер* (1831—1915) — профессор древней истории в Лондонском университете, один из видных позитивистов в Англии, издатель журнала «The Positivist Review»; принимал участие в движении за избирательную реформу (1867); в 1864 г. председательствовал на учредительном митинге I Интернационала — 12, 18, 73, 75, 78, 79, 119, 455.
- Биньями** (Bignami), *Энрико* (1847—1921) — гарibaldiец, член I Интернационала, первый социалистический кандидат в итальянском парламенте, редактор газеты «La Plebe» — 232, 290, 296, 307, 313, 318, 325, 329, 330, 340, 347, 456.
- Бир** (Byr) — см. Байер.
- Бисмарк** (Bismarck), *Отто-Эдуард-Леопольд*, князь фон (1815—1898) — 42, 56, 57, 74, 78, 90, 91, 92, 104, 119, 120, 121, 139, 140, 148, 205, 208, 234, 238, 242, 248, 262, 358, 367, 371, 388, 403, 417, 418, 419, 461, 480, 481.
- Блан** (Blanc), *Гаспар* — член Лионской секции I Интернационала, бакунист, в 1872 г. бонапартистский агент в среде французской эмиграции в Лондоне — 177, 213.
- ***Бланк** (Blank), *Карл-Эмиль* (1817—1893) — шурин Фр. Энгельса, купец в Бармене — 3, 27, 158, 429, 441.
- Бланк** (Blank), *Эмиль* (младший) — сын предыдущего — 158.
- Бланки** (Blanqui), *Огюст* (1805—1881) — 90, 132, 238.
- Блинд** (Blind), *Карл* (1826—1907) — немецкий мелкобуржуазный демократ, журналист, участник Баденского восстания 1849 г., с наступлением реакции эмигрировал в Лондон, позднее национал-либерал и сторонник Бисмарка — 54, 63, 83, 103, 437, 438, 439.
- Блок** (Block), *Морис* (1816—1901) — французский буржуазный экономист и статистик — 316.
- ***Блос** (Blos), *Вильгельм* (1849—1931) — германский социал-демократ, журналист и историк, эйзенаховец, в дальнейшем один из видных представителей правого крыла партии, член рейхстага в 1877—1878 гг. и с 1890 г.; в годы империалистической войны социал-шовинист; перевел на немецкий язык книгу Лиссагаре «История Коммуны 1871 г.» — 340, 341, 362, 486, 487.
- Блош** (Bloche) — французский полицейский комиссар — 368.
- ***Бовиани** (Boviani), *Джузеппе* — член I Интернационала в Италии — 188.
- ***Бовио** (Bovio), *Джовенаро* — итальянский профессор в Трани, один из первых агитировал в Италии в пользу Интернационала (выступление на съезде итальянских рабочих обществ взаимопомощи в Неаполе в 1864 г.), член I Интернационала — 232.
- Бокль** (Buckle), *Генри-Томас* (1821—1862) — английский буржуазный историк, автор трехтомной «History of civilisation of England» [«История

- цивилизации в Англии] (1857—1861)—138, 145, 149, 153.
- Боллетер* (Bolleter), *Генрих* — владелец ресторана в Лондоне, посещавшегося немецкими эмигрантами — 124.
- *Больте (Volte), *Фридрих* — немецкий социалист в Америке, секретарь Нью-Йоркского немецкого рабочего союза, член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, далее секретарь Федерального совета и член Генерального совета (1872—1874) — 143, 173, 222, 319.
- Бонапарт* (Bonaparte) — см. Наполеон III.
- Бонгорст* (Bonhorst), *Леонард фон* (род. ок. 1840 г.) — германский социал-демократ, архитектор, одно время был лассальянцем, в 1869 г. участник Эйзенахского съезда, в 1870 г. один из секретарей Центрального комитета социал-демократической партии; вместе с Бракке и др. был арестован во время франко-прусской войны и заключен в крепость, на судебном процессе в ноябре 1871 г. был оправдан; в дальнейшем отошел от политической деятельности — 45, 53, 68.
- *Боркейм (Borkheim), *Сигизмунд-Людовиг* (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник Баденского восстания 1849 г., далее эмигрант в Швейцарии, затем в Лондоне, коммерсант — 13, 45, 66, 152, 263.
- Боруттау* (Boruttau), *Карл*, д-р (ум. в 1873 г.) — врач в Женеве, член I Интернационала, бакунист, позже социал-демократ — 171, 172, 190, 281.
- Борхардт* (Borchardt), *Луи*, д-р — немецкий врач в Манчестере, близкий знакомый Энгельса — 432.
- Бобор* (Beaufort) — участник Парижской Коммуны, затем эмигрант в Лондоне — 161.
- *Бракке (Bracke), *Вильгельм* (1842—1880) — германский социал-демократ, издатель и книготорговец в Брауншвейге, с 1865 г. член Всеобщего германского рабочего союза, в 1869 г. один из основателей и руководителей Эйзенахской партии, в 1870 г. за выпущенный комитетом партии манифест против войны был заключен в крепость, в 1874—1878 гг. издавал газету «Volksfreund», автор ряда агитационных брошюр, в 1873 г. выступил с критикой лассальянства (брошюра — «Der Lassallesche Vorschlag» («Предложения Лассалья»)), в 1875 г. высказывался против Готской объединительной программы; с 1877 г. член рейхстага — 45, 46, 52, 64, 165, 167, 356, 363, 382, 388, 389, 397, 398, 400, 401, 425, 426, 433, 435, 446, 448, 452, 458, 460, 463, 466, 468, 474, 475, 476, 486.
- Брассей* (Brasse), *Томас* (1805—1870) — английский крупный железнодорожный предприниматель, строил железные дороги в Европе, Австралии, Аргентине и Индии — 479.
- Брассей* (Brasse), *Томас*, лорд, затем граф (1836—1918) — сын предыдущего, крупный железнодорожный и судостроительный предприниматель, либерал, член парламента; в 1880—1886 гг. член адмиралтейства (морского министерства) в кабинете Гладстона, в 1893—1895 гг. губернатор штата Виктория (Австралия) — 479.
- Бредло* (Bradlaugh), *Чарльз* (1833—1891) — английский адвокат, радикал, атеист, издатель газеты «National Reformer» (1860—1869), участник движения за парламентскую реформу 1867 г., член парламента (с 1865 г.); в январе 1872 г. выступал в своей газете с клеветническими обвинениями против Маркса — 200.
- Брей* (Brau), *Джон-Френсис* (1809—1915) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Роберта Оуэна — 71.
- Брикс* (Brix), *Гарольд* (1841—1881) — датский социал-демократ, один из основателей секции I Интернационала в Копенгагене (1872), редактор «Socialisten» — 189.
- Брисме* (Brismée), *Дезире* (1823—1888) — бельгийский рабочий-типограф, бакунист, член I Интернационала, вице-председатель Базельского конгресса, делегат на Гаагском конгрессе — 479.
- Броссе* (Brosset) — швейцарский рабочий-слесарь, анархист, председатель центрального бюро Альянса в 1868 г., член федерального комитета Романской Федерации, делегат Женевской секции на Базельском конгрессе — 37.
- Брут* (Brutus), *Марк-Юний* (85—42 до хр. э.) — один из лидеров республиканской аристократической партии в Риме, участник убийства Юлия Цезаря — 63.
- Бун* (Boon), *Мартин* — английский механик, последователь О'Брайена, член Британского федерального совета и Генерального совета I Интернационала (1872), секретарь «Лиги земли и труда», организованной при участии Генерального совета — 174.

Бурже (Bourquet) — бакунист, агент французской полиции в Лондоне — 177.

Буске (Bousquet), **Абель** — член I Интернационала во Франции, одновременно секретарь полиции в г. Безье, бакунист — 304.

Батт (Butt), **Исаак** (1813—1879) — ирландский политический деятель, противник О'Коннелля, член английского парламента (1852 — 1865 и 1871—1879), основатель партии Гомруля (1877), автор книги «The Irish People and the Irish Land. A Letter to Lord Lifford» [«Ирландский народ и ирландская земля. Письмо лорду Лиффорду»] (1867) — 218.

Бюффе (Buffet), **Луи-Жозеф** (1818 — 1898) — французский либеральный политический деятель, при Наполеоне III возглавлял умеренную оппозицию, в 1875—1876 гг. глава министерства и министр внутренних дел (до 24 февраля 1876 г.) — 428.

Бюхнер (Büchner), **Людвиг** (1824 — 1899) — немецкий физиолог и философ, вулгарный материалист, демократ, был делегатом на Лозаннском конгрессе I Интернационала — 58, 214, 248, 249, 405.

Буше (Bucheze), **Филипп** (1796—1865) — французский католический «социалист», вначале сен-симонист; стремясь отвлечь рабочих от революционной борьбы, пропагандировал производственные кооперативы с государственной помощью; издавал для рабочих журнал «Atelier» (1840—1850); во время революции 1848 г. буржуазный республиканец, был первым председателем Национального собрания, автор «Парламентской истории французской революции» (1834—1838) — 10, 385.

В.

Вагнер (Wagner), **Адольф** (1835—1917) — германский буржуазный экономист, профессор Берлинского университета, катедер-социалист, основатель реакционной христианско-социальной партии (1878) — 58, 328.

Вагнер (Wagner), **Рихард** (1813—1883) — немецкий композитор, создатель музыкальной драмы — 451.

Вайян (Vaillant), **Эдуард** (1840—1915) — французский социалист, инженер и доктор медицины; член Парижской Коммуны, один из вождей бланкистов, в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне,

член Генерального совета I Интернационала, после Гаагского конгресса вышел из Интернационала; в дальнейшем один из вождей социалистической партии во Франции, в начале 90-х годов примкнул к жоресистам; во время империалистической войны занимал социал-шовинистическую позицию — 138, 143, 189, 267, 269, 298, 333.

Вакс (Wachs) — капитан, двоюродный брат Э. Гумперта (см.) — 345.

Валерс (Valers), **дон-Хулиан** — член I Интернационала в Валенсии (Испания) — 290, 296.

Валлес (Vallès), **Жюль** (1832—1885) — французский писатель, мелкобуржуазный социалист, член I Интернационала и Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»), редактор газеты «Cri du Peuple» (1871), в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне — 161.

Вальстер (Walster) — см. Отто-Вальстер.

Вальтейх (Vahlteich), **Карл-Юлиус** (1839 — 1915) — германский социал-демократ, по профессии сапожник, один из основателей и первый секретарь Всеобщего германского рабочего союза; позже деятель эйзенахской партии («Хемницкая группа»), член рейхстага; во время исключительных законов эмигрировал в Америку, где принимал участие в немецком рабочем движении; впоследствии реформист — 398, 401, 473, 478.

Вальтер (Walther) — см. Ван-Геддегем. **Ван-Геддегем** (Van Heddeghem) (род. ок. 1846 г.) (псевдоним «Вальтер») — французский рабочий-сапожник, бланкист, член I Интернационала, делегат Парижской секции на Гаагском конгрессе и член комиссии, вынесшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала; в 1873 г. был разоблачен как агент французской полиции — 298, 314, 325, 332, 334, 339.

Ван-дер-Гут (Van der Hout) — член I Интернационала в Голландии, делегат Амстердамской секции на Гаагском конгрессе — 302, 326.

* **Варлен** (Varlin), **Луи-Эжен** (1839 — 1871) — французский рабочий-переплетчик, левый прудонист, активный участник профессионального и кооперативного движения, член I Интернационала, один из организаторов и вождей парижских и провинциальных секций, делегат Лондонской конференции 1865 г., Женевского и Базельского конгрессов, член Ком.

- муны (сторонник «меньшинства»); с 25 мая (после смерти Делеклюза) военный делегат; расстрелян версальцами — 118.
- Вахенгузен* (Wachenhusen), *Ганс* (1827—1898) — немецкий буржуазный публицист и романист, корреспондент «Kölnische Zeitung» во время франко-прусской войны — 156.
- Вебер* (Weber), *Людвиг* — немецкий рабочий-часовщик из Пфальца, лассальянец, эмигрант в Лондоне в 60—70-х годах, основатель вместе с Ле-Любе (см.) мелкобуржуазной «Международной демократической ассоциации», один из деятелей Лондонского немецкого рабочего просветительного союза — 110, 189, 198.
- Веджстрафф* (Wagestraff), *Джон*, и *К^о* — английская бумагопрядильная фирма в Стельбридже — 15.
- Веерт* (Weerth), *Георг* (1821—1856) — немецкий коммунист, член Союза коммунистов, поэт, сотрудник «Новой Рейнской Газеты», друг Маркса и Энгельса; после революции 1848 г. эмигрировал в Англию — 32.
- Веэль* (Wesel) — нотариус в Женеве — 481.
- Везинье* (Vésinier), *Пьер* (1826—1902) — французский рабочий-механик, затем журналист, республиканец, после 1851 г. эмигрант, член I Интернационала, делегат Лондонской конференции 1865 г.; за клевету против Генерального совета в 1868 г. исключен из Интернационала; далее член Парижской Коммуны (сторонник «большинства»), после ее падения эмигрировал в Лондон, где был секретарем так называемой «Французской секции 1871 г.», боровшейся против руководства Генерального совета — 124, 199, 271.
- Вейдемейер* (Weydemeyer), *Иосиф* (1818—1866) — немецкий революционер, публицист, член Союза коммунистов и участник революции 1848 г.; с 1851 г. жил в Соединенных Штатах, издавал журнал «Revolution» (1852), в котором было напечатано впервые «18 Брюмера»; один из основателей Немецкого рабочего союза в Нью-Йорке; участник гражданской войны на стороне Севера; член I Интернационала — 355, 414.
- Вейдемейер*, *Отто* — сын Иосифа Вейдемейера — 478.
- Велер* (Weler, у Маркса «Weyer») — немецкий рабочий в Лондоне — 479.
- Вейс* (Weiss), *Гuido* (1822—1899) — немецкий журналист, демократ, участник революции 1848 г., далее член Народной партии, сотрудник журналов «Berliner Reform» (до 1866 г.) и «Zukunft» (1867—1871), один из редакторов «Frankfurter Zeitung» (в 1872 г.) — 28, 115.
- Вейтлинг* (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — немецкий коммунист-утопист — 485.
- Веман* (Wehmann), *Теодор* — немецкий рабочий в Золингене, член Всеобщего немецкого рабочего союза, впоследствии член иностранной секции I Интернационала в Манчестере — 215, 250.
- Венцель* — см. Кугельман, Людвиг.
- Верди* (Verdy) — 280.
- Вермерш* (Vermersch), *Эйсен* (1845—1878) — французский журналист, республиканец, участник Парижской Коммуны, редактор газеты «Père Duchêne» (1871) и лондонской «Qui vive», член лондонской «Французской секции 1871 г.» Интернационала, боровшейся против Маркса — 161, 189, 199, 219.
- Верморель* (Vermorel), *Огюст* (1841—1871) — французский революционер, журналист и историк; активный борец против режима Наполеона III, с середины 60-х годов прудонист; находясь в тюрьме, написал брошюры «Les hommes de 1848» [«Люди 1848 г.»] (1869) и «L'opposition» [«Оппозиция»] (1869); член Коммуны (сторонник «меньшинства»), умер от ран, полученных в баррикадном бою — 8.
- Вест* (West), *Вильям* — американский филантропический социалист, член секции (№ 12) I Интернационала в Нью-Йорке, секретарь Виктории Вудхулль (см.), делегат на Гаагском конгрессе I Интернационала, где выступил с проповедью буржуазного феминизма — 168, 259, 295.
- Вест* (West), *Чарльз* (1816—1898) — лондонский врач и писатель, специалист по детским болезням — 31.
- Виани* (Viani), *Освальдо-Ньокки* (1837—1917) — итальянский социалист, рабочий-корректор, секретарь секции I Интернационала в Риме — 290.
- Виванти* (Vivanti), *Анна* — сестра Пауля Линдау (см.), жена итальянского купца — 46, 123.
- Виганд* (Wigand), *Отто* (1795—1870) — издатель в Лейпциге; в 1845 г. издал «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса — 252, 322.
- Виде* (Wiede), *Франц* (род. в 1857 г.) — буржуазный журналист, по происхож-

- дению швед, приват-доцент Женевского университета; издавал социал-реформистские журналы «Neue Gesellschaft» в Цюрихе с 1877 г. и «Ordre Sociale» в Париже с 1890 г. — 471, 473.
- Вие** (Wiehe), *Иоганн-Фридрих* — наборщик в типографии Холлингера в Лондоне, свидетель в процессе Маркса против Карла Фогта — 438.
- Викери** (Vickery), *Сэмюэль* — секретарь-корреспондент Британского федерального совета (в 1873 г.) — 326.
- Виктор-Эммануил II** (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (с 1849 г.), далее король объединенной Италии (с 1861 г.) — 234.
- Виктория I** (1819—1901) — английская королева (1837—1901) — 74, 81, 369.
- Вильброр** — см. Глазер-де-Вильброр.
- Вильгельм** (Wilhelm) I (1797—1888) — прусский король (с 1861 г.) и германский император (1871—1888) — 76, 92, 280.
- Вильмар** (Vilmart) — член I Интернационала, делегат секции Бордо на Гаагском конгрессе — 288, 292.
- Вильямс, А.** (A. Williams) — псевдоним Маркса.
- Вильямс, Ж.** (J. Williams) — псевдоним Жени Маркс, под которым она написала несколько статей по ирландскому вопросу в парижской газете «Marseillaise» в 1870 г. — 46, 51, 52, 54.
- Винанд** (Winand) — немецкий рабочий в Лондоне, лассальянец — 214.
- Винуа** (Vinoü), *Жозеф* (1800—1880) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий парижскими войсками и национальной гвардией в 1871 г., после своего отступления в Версаль был командиром одной из версальских армий, наступавших против Парижской Коммуны — 106.
- Виршов** (Virchow), *Рудольф* (1821—1902) — немецкий физиолог и антрополог, профессор Берлинского университета, депутат рейхстага (1880—1893), принадлежал к партии прогрессистов — 468.
- Вишар** (Vichard) — французский эмигрант в Англии, делегат одной из французских секций на Гаагском конгрессе — 346.
- Волауер** (Wohlauer), *Ф.* — знакомый Энгельса в Лондоне — 456.
- Вольман** (Wollman), г-жа — жена парижского фабриканта красок, племянница д-ра Флеклеса (см.) — 449.
- Вольф** (Wolf), *Вильгельм* («Лупус») (1809—1864) — немецкий коммунист, публицист, близкий друг Маркса и Энгельса (см. биографию Вольфа, написанную Энгельсом, Соч., т. XV, стр. 315—359) — 21, 345, 451.
- * **Врублевский** (Wróblewski), *Валерий* (1836—1908) — польский революционер, участник восстания 1863 г., генерал Парижской Коммуны, далее эмигрант в Англии, секретарь-корреспондент Генерального совета для Польши (1872), делегат Гаагского конгресса — 149, 182, 186, 263, 283, 308, 319, 325, 327, 369, 411.
- Вудхулл** (Woodhull), *Виктория* (1838—1927) — американская буржуазная феминистка, банкирша, автор псевдо-научных книг и брошюр по вопросам социологии, психологии и этики; в 1871—1872 гг. пыталась захватить большинство в северо-американских секциях I Интернационала; возглавляемая ею 12-я секция в Нью-Йорке была исключена из Интернационала (март 1872 г.) — 258, 259, 281, 282, 301, 328.
- Вутке** (Wuttke), *Генрих* (1818—1876) — профессор истории в Лейпцигском университете, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г., автор книги «Ueber die Geschichte des Schreibens und der Buchstaben» [«Об истории письма и азбуки»] (1872) — 263.
- Вюрц** (Würtz) — член I Интернационала в Соединенных Штатах, эмигрант из Дании — 349, 350.
- Вюрц** (Würtz), *Шарль-Адольф* (1817—1884) — французский химик, профессор химии в «Ecole de médecine» в Страсбурге и Париже — 165.

Г.

- Газенклевер** (Hasenclever), *Вильгельм* (1837—1889) — германский социал-демократ, вначале лассальянец, после 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза; в 1875 г. вошел в Комитет объединенной социал-демократической партии в качестве одного из двух председателей, вместе с Либкнехтом был редактором «Vorwärts» в 1876—1878 гг.; член рейхстага (1874—1887), оппортунист — 271, 361, 375, 382, 388, 399.
- Гакстеаузен** (Haxthausen), *Август*, барон (1792—1866) — прусский чиновник и писатель, путешествовавший по России в 1843—1844 гг.; автор трехтомной работы «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und besonders die ländliche Einrichtungen

- Russlands» [«Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России»] (1847—1852); в тексте идет речь о его брошюре «Ueber den Ursprung und die Grundlagen der Verfassung in den ehemals Slavischen Ländern Deutschlands», Berlin, 1842 [«О происхождении и основах общественного строя в бывших славянских землях Германии»] — 92, 106.
- Гамбетта** (Gambetta), **Леон** (1838—1882) — французский либерально-республиканский деятель, член правительства национальной обороны в 1870 г.; в 1871 г. вышел из правительства, протестуя против Версальского мира; после подавления Коммуны возглавлял республиканский блок; был председателем палаты депутатов (1879—1881) и премьер-министром (1881—1882) — 90, 91, 470.
- Гамбуцци** (Gambuzzi), **Карло** (1837—1902) — итальянский адвокат в Неаполе, один из организаторов Неаполитанской секции I Интернационала, бакунист — 321.
- Гандольфи** (Gandolfi), **Мауро** — итальянский купец, член правления Рабочего клуба в Милане, секретарь-корреспондент Миланской секции I Интернационала в 1872 г., бакунист — 234, 237, 290.
- Ганс** (Gans), д-р — врач в Праге — 378.
- Гарибальди** (Garibaldi), **Джузеппе** (1807—1882) — итальянский революционер-демократ, вождь национально-освободительного движения в период борьбы за объединение Италии, сочувствовал Интернационалу — 170, 193.
- Гарибальди** (Garibaldi), **Риччотти** (1847—1924) — сын предыдущего, вместе с отцом принимал участие в национальном революционном движении; в 1886—1890 гг. депутат в итальянском парламенте — 170.
- Гаркур** (Harcourt) — рабочий на золотых приисках в Австралии, делегат Гаагского конгресса — 298.
- Гарни** (Harney), **Джордж-Джулиан** (1817—1897) — вождь левого крыла чартистов, один из редакторов «Northern Star», в 1843 г. познакомился с Энгельсом, а в 1847 г. с Марксом; член Союза коммунистов, организатор и вождь общества «Братских демократов», в 1850—1852 гг. издатель «Red Republican» и «Friend of the People», далее с упадком чартизма отошел от политической деятельности и в 1860 г. эмигрировал в Америку, где состоял на государственной службе в штате Массачусетс; член I Интернационала; в 1888 г. возвратился в Англию — 485.
- Гаррис** (Harris), **Джордж** — английский журналист, последователь О'Брайена (см.), член Генерального совета I Интернационала (1869—1872) — 168, 174.
- Гаррисон** (Harrison), **Фредерик** (1831—1923) — английский юрист и публицист, последователь О. Конта, председатель английского позитивистского общества (1880—1905) — 218, 365, 366.
- Гассельман** (Hasselmann), **Вильгельм** (род. в 1844 г.) — один из вождей лассальянцев, редактор «Der Neue Sozial-Demokrat»; в 1874—1876 и 1878—1880 гг. член рейхстага; за «лево-оппортунистическую анархистскую позицию вместе с Мостом (см.) был в 1880 г. исключен из социал-демократической партии — 322, 361, 375, 382, 388, 399.
- Гегг** (Goegg), **Аманд** (1820—1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., далее эмигрант в Англии, Америке и Швейцарии; в 1860 г. один из руководителей пацифистской Лиги мира и свободы; присутствовал на Базельском конгрессе I Интернационала — 147, 159, 200, 330, 385.
- Гегель** (Hegel), **Георг-Вильгельм-Фридрих** (1770—1831) — 58, 344.
- Геддегем** — см. Ван-Геддегем (Вальтер).
- Гейб** (Geib), **Август** (1842—1879) — германский социал-демократ, вначале лассальянец, один из инициаторов и председателей эйзенхакского съезда в 1869 г., казначей партии (с 1872 г.), член рейхстага (1874—1876), видный деятель профессионального движения; в 1878—1879 гг. занимал ликвидаторскую позицию, резко высказываясь против подпольной партийной организации — 56, 339, 446.
- Гейдеман** (Heidemann) — знакомый Арнольда Руге (см.) — 6.
- Гейне** (Heine), **Генрих** (1797—1856) — 487.
- Гейнцен** (Heinzen), **Карл** (1809—1880) — немецкий мелкобуржуазный демократ, публицист, в своих статьях и брошюрах 40-х годов нападал на коммунистов, в частности на Маркса; в 1850 г. эмигрировал в Америку, где продолжал выступать против пролетарского движения и против Маркса — 111, 241, 254.
- Гексли** (Huxley), **Томас-Генри** (1825—1895) — английский естествоиспытатель

- тель, друг и последователь Дарвина, профессор естественной истории и физиологии в Лондоне — 18.
- Гельвальд** (Hellwald), **Фридрих-Антон-Геллер** (1842—1892) — немецкий этнограф, географ и историк — 406.
- Гельд** (Held), **Адольф** (1844—1880) — профессор политической экономии в Боннском и в Берлинском университетах — 4, 58.
- Гельмгольц** (Helmholz), **Герман** (1821—1891) — немецкий естествоиспытатель, с 1871 г. профессор физики в Берлинском университете — 392, 468.
- Генг** (Geng) — член I Интернационала в Швейцарии, бакунист — 37.
- Генрих** — см. Эрмен, Генрих.
- * **Геннер** (Нерпер), **Адольф** (1846—1923) — германский социал-демократ, с 1869 г. помощник Либкнехта в редакции «Volksstaat», вместе с ним и Бебелем судился по обвинению в государственной измене в 1872 г., был оправдан; член I Интернационала, делегат на Гаагском конгрессе; в 1875 г. противник объединения с лассальянцами; в эпоху исключительных законов эмигрировал в Америку, где занялся литературно-издательской деятельностью и сотрудничал в «New Yorker Volkszeitung», в 1908 г. вернулся в Германию; во время империалистической войны социал-патриот — 59, 82, 213, 271, 273, 276, 279, 288, 289, 293, 309, 323, 334, 335, 340, 341.
- Гергард** (Gerhard), **Г.** — член I Интернационала в Амстердаме — 290.
- Герман** — см. Энгельс, Герман-Фридрих-Теодор.
- Герман** — см. Юнг, Герман.
- Герман** (Herman), **Альфред** — бельгийский скульптор, член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Бельгии в 1871—1872 гг. — 137, 244, 245, 271, 272, 273, 279.
- Герцен**, **Александр Иванович** (1812—1870) — русский революционер-демократ, родоначальник народничества; с 1852 по 1865 г. жил в Лондоне, где издавал газету «Колокол» — 267.
- Гесс** (Hess), **Мозес** (1812—1875) — немецкий социалист, в 40-х годах представитель так называемого «истинного социализма», член Союза справедливых и Союза коммунистов, далее член I Интернационала, участник Брюссельского и Базельского конгрессов; в конце своей жизни занимался проблемами космологии и работал над книгой «Dynamische Stofflehre» [«Динамическая теория материи»] (вышла в Париже в 1877 г.) — 486, 487, 488.
- * **Гесс** (Hess), **Сибилла** — жена Мозеса Гесса — 486, 488.
- Гете** (Goethe), **Иоганн-Вольфганг** (1749—1832) — немецкий поэт — 46.
- Гейберг** (Höschberg), **Карл** (1853—1885) — германский буржуазный интеллигент, сын богатого коммерсанта, сочувствовал социалистическому движению, в 1876 г. примкнул к социал-демократической партии, пытаясь увлечь ее на реформистский путь, издавал и финансировал ряд социал-демократических газет и журналов: «Zukunft» (1877—1878), «Staatswissenschaftliche Abhandlungen» (1879—1882), «Jahrbücher für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (1879—1880) — 484.
- Гец** (Götz), **Теодор** — немецкий демократ, эмигрант в Лондоне в 50-х годах, был близким знакомым Маркса — 432.
- Гильом** (Guillaume), **Джэкс** (1844—1917) — швейцарский анархист, по профессии типограф и учитель, с 1868 г. член Интернационала, делегат Гаагского конгресса, один из лидеров Альянса, написал анархистскую историю I Интернационала, во время империалистической войны социал-патриот — 37, 134, 135, 196, 288, 292, 305, 312, 338, 357, 435, 456, 479.
- Гинрихс** (Hinrichs) — издатель книжных каталогов в Лейпциге — 348.
- Гинс** (Hins), **Эюсен** (1839—1923) — бельгийский мелкобуржуазный социалист, член I Интернационала, делегат Брюссельского и Базельского конгрессов, редактор «Liberté», в 1871 г. примкнул к бакунистам — 36, 38, 39, 65, 193, 197, 206, 238, 249, 250, 259, 265, 269, 271.
- Гинсберг**, **Фишер и К^о** (Hinsberg, Fischer K^o) — банковская контора в Бармене — 429.
- Гириш**, **Карл** (1841—1900) — немецкий социал-демократ, бывший лассальянец, редактор ряда социал-демократических газет, в том числе «Volksstaat» (1870—1871); в конце 70-х годов жил в Бельгии, где издавал еженедельник «Die Laterne» (1878—1879), критиковавший реформистскую позицию руководства Германской социал-демократической партии — 41, 280, 399, 474, 475.
- Гладстон** (Gladstone), **Вильям-Юарт** (1809—1898) — вождь английских либералов, министр торговли (1843—1846), финансов (1852—1855 и 1859—1865) и премьер-министр (1868—1874

- 1880—1885, 1886, 1892—1894)—33, 51, 81, 87, 92, 179, 225, 237, 369, 480.
- Глазер-де-Вильбор* (Glaser de Villeborg), Э. — бельгийский социалист, коммерсант текстильных изделий в Брюсселе, член I Интернационала, проводил линию Генерального совета, содействовал французскому изданию «Гражданской войны во Франции» в Брюсселе — 135, 139, 142.
- Гнейзенау* (Gneisenau), Август, граф (1760—1831) — прусский генерал, сподвижник Блюхера в кампании 1813, 1814 и 1815 гг. против Наполеона I, реорганизатор прусской армии — 80.
- Гнекко* (Гнессо), Азедо — португальский социалист, член I Интернационала, впоследствии секретарь Центрального совета социалистической партии Португалии — 437.
- Гоббс* (Hobbes), Томас (1588—1679) — английский философ, материалист, сторонник абсолютной монархии — 406.
- Годжсон* (Hodgson), Вильям-Баллантин (1815—1880) — английский писатель, реформатор в области народного образования, профессор политической экономии в Эдинбурге (1871—1880); автор книги «On the importance of the study of economic science as a branch of education for all classes». [«О важности изучения экономической науки как средства воспитания для всех классов».] (1860) — 201.
- Голлендер* (Holländer), Яков — венгерский рабочий, член и корреспондент I Интернационала в Будапеште — 29, 30.
- Головачев, Алексей Адрианович* (1819—1903) — русский либеральный общественный деятель, публицист, автор книги «10 лет реформ» (1872) — 315.
- Голохвастов, Павел Дмитриевич* (1839—1892) — русский реакционный писатель, один из сотрудников князя Мещерского (см.) — 431.
- Гомез* — см. Фарга-Пелисер.
- Горчаков, Александр Михайлович*, князь (1798—1883) — русский дипломат, секретарь русского посольства в Лондоне (1822—1827), посланник в Штуттгарте (1841—1854) и в Вене (1855—1856), далее министр иностранных дел (1856—1882) — 92, 430.
- Госс* (Goss), Жан-Жак — привратник евангелической церкви в Турине, член I Интернационала — 297.
- Готфрид* — см. Эрмен, Готфрид.
- Гобманн* (Hoffmann), Вильгельм — немецкий эмигрант в Лондоне, социал-демократ — 454.
- Грант* (Grant), Улисс-Симпсон (1822—1885) — американский генерал, главнокомандующий союзных войск в гражданской войне, в дальнейшем президент Соединенных Штатов (1869—1877) — 12.
- Графиня* — см. Кугельман, Гертруда.
- Грегори* (Gregory) (ум. в 1872 г.) — член I Интернационала в Америке, секретарь «космополитического общества», руководил Федеральным советом в Соединенных Штатах — 223, 241.
- Грей* (Gray), Джон (1798—1850) — английский экономист и социалист. последователь Роберта Оуэна — 71.
- Гризгейм* (Grisehim), Адольф фон (1820—1894) — двоюродный брат Ф. Энгельса, фабрикант — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 14, 98, 99, 124, 125, 158.
- Гризет* (Grizet) — французский эмигрант в Лондоне — 366.
- Грин* (Green), Александр-Генри (1832—1896) — английский геолог, с 1888 г. профессор Оксфордского университета — 17.
- Гроссе* (Grosse), Эдуард — немецкий типограф, лассальянец, в начале 70-х годов был активным участником 6-й секции I Интернационала в Соединенных Штатах — 258, 259.
- Грослен* (Grosselin), Жак (1835—1892) — швейцарский рабочий по производству выебок для часов, член Центральной секции I Интернационала в Женеве, делегат Базельского конгресса — 37.
- Грунциг* (Grunzig), Юлиус (род. в 1855 г.) — берлинский студент, социал-демократ, в эпоху исключительных законов судился за распространение подпольного «Sozialdemokrat» и был выслан из Берлина; в 80-х годах эмигрировал в Америку, сотрудник «New Yorker Volkszeitung» — 425, 427, 433.
- Груссе* (Grousset), Паскаль (1845—1909) — французский журналист, бланкист, член Коммуны (сторонник «большинства»), делегат по иностранным делам; по подавлению Коммуны был сослан в Новую Каледонию; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию, в 1893 г. был избран социалистическим депутатом в палату депутатов — 121.
- Гулек* (Hulek) — член I Интернационала в Лондоне, с 1872 г. в Нью-Йорке — 224.
- Гулек* (Hulek), г-жа — жена предыдущего — 224.
- Гумперт* (Gumpert), Эдуард (ум. в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса — 48, 54, 126, 345, 357, 358, 368, 372.

- Гумперт*, г-жа (ум. в 1873 г.) — жена предыдущего — 18, 126.
- *Гуппи (Gourru), *А.* — французский эмигрант в Манчестере — 391.
- *Гюбер (Hubert), *Адольф* — французский эмигрант в Лондоне, член I Интернационала — 135, 139, 142, 150, 172, 212, 319.
- Гюго* (Hugo), *Виктор* (1802—1885) — французский поэт и романист; по политическим убеждениям буржуазный республиканец, во время империи жил в эмиграции — 233
- Гюйо* (Guyot) — книготорговец в Париже — 428.

Д.

- Дана* (Dana), *Чарльз-Андерсон* (1819—1897) — американский журналист, в 40-х годах фурьерист, далее член республиканской партии, редактор «New York Daily Tribune» (1841—1862), к сотрудничеству в которой им был привлечен Маркс (см. Сочинения, т. IX и сл.) — 79.
- *Даниэльсон, *Николай Францевич* (псевдоним «Николай — он») (1844—1918) — русский экономист и публицист, один из виднейших идеологов народничества, вместе с Лопатиным (см.) перевел I том «Капитала» на русский язык; поддерживал с Марксом и Энгельсом оживленную переписку (1868—1895) — 121, 132, 163, 201, 259, 284, 302, 304, 305, 315, 328, 350.
- Дарвин* (Darwin), *Чарльз* (1809—1882) — крупнейший английский биолог, автор эволюционной теории, изложенной в книге «Происхождение видов» (1859) — 58, 396, 405, 406.
- Дарсон* (Darson), *А.* — лондонский книгопродавец и издатель — 377.
- Деак* (Deák), *Ференц* (1803—1876) — венгерский политический деятель, умеренный либерал, министр юстиции в первом правительстве Батяни — Кошута 1848 г.; в 1867 г. главный инициатор соглашения Венгрии с Австрией, впоследствии вождь правительственной либеральной партии — 78.
- Девой* (Devoü), *Джон* — ирландский социалист в Америке, член ирландской секции (№ 7) I Интернационала, был представителем секции в Нью-Йоркском комитете Интернационала — 149.
- Деятарен* — русский эмигрант в Женеве — 424.
- Делайе* (Delahaye), *Пьер-Луи* (род. в 1821 г.) — французский рабочий-механик, член Парижской секции I Интернационала, с 1867 г. член Парижского федерального совета, участник Парижской Коммуны, далее эмигрант в Лондоне и член Генерального совета (1871), участник Лондонской конференции 1871 г. — 143, 261.
- Делеклюз* (Delecluse), *Луи-Шарль* (1809—1871) — французский мелкобуржуазный революционер, неоякобинец, участник революций 1830 и 1848 гг., вождь различных тайных республиканских обществ; с 1853 по 1859 г. был в ссылке в Каине; по возвращении из ссылки возглавлял радикальное крыло республиканской оппозиции, основатель и главный редактор газеты «Réveil» (с 1868 г.); член Парижской Коммуны, один из руководителей якобинско-бланкистского «большинства», военный делегат Коммуны, погиб на баррикадах — 7.
- Делиус* (Delius), *Николаус* (1813—1888) — профессор Боннского университета, шекспиристовед — 450.
- Демут* (Demuth), *Елена* (Ленхен) (1823—1890) — домашняя работница в семье Маркса (с 1837 г.), после смерти Маркса жила у Энгельса — 11, 55.
- Дентраз* (Dentruggues) (род. ок. 1837 г.) — член I Интернационала во Франции, под псевдонимом «Сварм» делегат Тулузской секции на Гаагском конгрессе — 325, 332, 334.
- *Де-Морган (De Morgan), *Джон* — член I Интернационала в Англии, секретарь-корреспондент для Ирландии (1872—1873), член Британского федерального совета; лектор на социально-политические темы — 300, 351.
- *Де-Пап (De Paere), *Цезарь* (1842—1890) — бельгийский мелкобуржуазный социалист, левый прудонист, по профессии типограф и врач; играл руководящую роль в бельгийском рабочем и социалистическом движении; основал в 1860 г. союз воинствующих атеистов-республиканцев «Le Peuple» [«Народ»], послуживший базой для работы I Интернационала в Бельгии; член Интернационала с 1864 г., участник Лозаннского, Брюссельского и Базельского конгрессов и Лондонской конференции 1871 г.; с конца 70-х годов социал-демократ — 35, 193, 197, 244, 271, 290, 435, 443, 479.
- Дерер* (Dereure), *Луи-Симон* (1838—1900) — французский рабочий-сапожник, бланкист, один из основателей I Интернационала в Париже, делегат Базельского и Гаагского конгрессов, член Парижской Коммуны, после ее

- подавления эмигрировал в Англию, затем в Америку, член Генерального совета в Нью-Йорке (с 1873 г.) — 282, 298, 332.
- Де-Роберти* (De Roberty), *Евгений Валентинович* (1843 — 1915) — русский философ-позитивист, проживавший во Франции, сотрудник журнала «Revue philosophique» — 202.
- Деффи* (Duffy) — английское издательство — 218.
- Джессуп* (Jessup), *Вильям-Дж.* — американский рабочий, корабельный плотник, один из основателей и председатель «Национального рабочего союза», поддерживал связь с лондонским тредюнионом плотников и с Генеральным советом I Интернационала — 168, 173.
- Джесксон и Сыновья* — фирма в Лондоне — 279.
- Дидро* (Diderot), *Дени* (1713—1784) — французский философ-материалист, один из крупнейших рационалистов-просветителей XVIII века, атеист — 164.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенджамин*, граф *Биконсфильд* (1804—1881) — вождь английской консервативной партии, министр финансов (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868) и премьер-министр (1868 и 1874 — 1880) — 369.
- Дикс* (Dicks) — английская фирма — 364, 366.
- Дилк* (Dilke), *Чарльз-Вентворт* (1843—1914) — английский радикал-республиканец, в дальнейшем либерал, член глэдстоновского кабинета в 1882—1885 гг., издатель журнала «Fortnightly Review» — 172, 189.
- Дицген* (Ditzgen), *Иосиф* (1828—1888) — немецкий пролетарский философ-самоучка, материалист, коммунист, по профессии ножовщик; одно время жил в Петербурге, в 1884 г. эмигрировал в Америку; в тексте речь идет о работе Дицгена «Die Religion der Sozialdemokratie» [«Религия социал-демократии»] (1871) — 152.
- Дмитриева, Елизавета* — см. Тумановская.
- Добролюбов, Николай Александрович* (1836—1861) — русский публицист и критик, один из учеников Чернышевского; с 1857 г. секретарь редакции журнала «Современник» — 164.
- * *Дронке* (Dronke), *Эрнст* (1822—1891) — немецкий радикальный публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» (1848 — 1849), позднее купец в Англии, друг Энгельса — 429, 432, 434.
- Дрейк* (Drake) и *Сын* — фирма в Англии — 434.
- Дубов, А.* — член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе — 156.
- Духинский* (Duchinski), *Франциск* (1817—1893) — польский писатель, после восстания 1831 г. эмигрант во Францию; автор ряда работ, среди них «Pologne et Ruthénie. Origines slaves» [«Польша и Рутения. Происхождение славян»] (1861) — 42.
- Дуэ* (Douai), *Адольф*, д-р (1819—1888) — немецкий демократ, позднее социалист, участник революции 1848 г., с 1852 г. эмигрант в Америке, член I Интернационала, главный редактор «Arbeiter Union» (1870) и один из редакторов «New Yorker Volkszeitung» (1878—1888); в 1877 г. намеревался перевести «Капитал» на английский язык и издать его в Соединенных Штатах — 478, 479, 483, 484.
- Дэйкинс* (Dakyns), *Джон-Роч* (ум. в 1910 г.) — английский геолог, друг Маркса, член I Интернационала — 16, 17, 18, 55.
- Дюваль* (Duval), *Теодор* — швейцарский рабочий-столяр, вначале бакунист, член центрального бюро Альянса, впоследствии член Романского федерального комитета I Интернационала в Женеве, делегат Гаагского конгресса — 336, 354, 359.
- Дюпон* (Dupont), *Эжен-Кловис* (1830—1902) — французский рабочий, мастер по производству музыкальных инструментов, эмигрировавший в Англию; член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Франции и для французских секций в Америке, участник Женевского и Гаагского конгрессов, председатель Лозаннского и вице-председатель Брюссельского конгрессов, делегат обеих Лондонских конференций; в 1870 г. переехал из Лондона в Манчестер, где участвовал активно в местной секции Интернационала; с 1872 г. отошел от политической деятельности — 12, 35, 71, 86, 112, 117, 141, 142, 173, 289, 293, 301, 304, 338, 346, 350, 391.
- Дюран* (Durand), *Гюстав-Поль-Эмиль* (род. в 1835 г.) — французский рабочий-ювелир, участник Парижской Коммуны, далее эмигрант в Лондоне, секретарь «Французской секции 1871 г.»; разоблачен как шпион французской полиции и исключен из Интернационала в 1871 г. — 177, 196.

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — германский мелкобуржуазный социалист, с 1863 г. приват-доцент Берлинского университета, в 1877 г. был исключен из числа преподавателей за «антиправительственную пропаганду»; в 70-х годах оказывал большое влияние на мелкобуржуазное студенчество и некоторые слои германской социал-демократии; автор универсальной «системы всех наук», которую Энгельс подверг сокрушительной критике в своей работе «Анти-Дюринг» — 58, 430, 437, 446, 458, 459, 468, 471, 473, 478, 484.

Дюрю (Duru) — коммуна, эмигрант в Лондоне — 154, 155.

Дюфор (Dufaure). *Арман-Жюль* (1798—1881) — французский адвокат и политический деятель, в 1848 г. министр внутренних дел в правительстве Кавеньяка; в 1871 г. (в первом правительстве Тьера) и в 1875 г. министр юстиции, в 1876 и 1877 гг. министр-президент — 230.

Е.

Евгения (1826—1920) — французская императрица, жена Наполеона III — 71.

Елена — см. Демут, Елена.

Ж.

Жаклар (Jaclard), *Шарль-Виктор* (1834—1903) — французский публицист и преподаватель математики; бланкист, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны; был приговорен к пожизненному заключению, бежал из версальской тюрьмы (в Швейцарию); после амнистии 1880 г. вернулся во Францию и работал в газете Клемансо «Justice» — 161.

Женни — см. Маркс, Женни.

Жерар (Gerhardt), *Шарль-Фредерик* (1816—1856) — французский химик, профессор в Монтелье и Страсбурге — 165.

Жирарден (Girardin), *Эмиль* (1806—1881) — французский публицист; редактор ряда крупных газет, среди них «Liberté» (в 1866 г.), в 1848—1851 гг. буржуазный республиканец, позднее бонапартист — 212.

Жоаннар (Jehannard), *Жюль* (1843—1888) — французский рабочий по выделке искусственных цветов, член I Интернационала и Генерального совета (с 1867 г.), корреспондент для Италии с 1869 г., член Парижской

Коммуны (сторонник «большинства»), впоследствии эмигрант в Лондоне, делегат Гаагского конгресса Интернационала — 161, 189, 346.

Жуковский, Николай Иванович (1842—1895) — русский политический эмигрант в Швейцарии с 1862 г., член I Интернационала, бакунист, сотрудник «Egalité», «Народное Дело» и других органов эмигрантской прессы — 210, 305.

Журд (Jourde), *Франсуа* (1843—1893) — французский журналист, прудонист, член I Интернационала, член Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»), был сослан на Новую Каледонию, отсюда бежал в 1874 г.; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 142.

З.

Заке (Sax), *Эмиль* (1845—1927) — австрийский экономист, профессор университета в Праге, автор книги «Die Wohnungszustände der arbeitenden Klassen und ihre Reform» («Жилищные условия рабочего класса и их реформа») (1869), в ответ на которую Энгельсом была написана вторая часть статей «Жилищного вопроса» — 273.

Зейдлиц (Seidlitz) — немецкий естествоиспытатель, дарвинист — 406.

Зейлер (Seiler), г-жа — жена Себастиана Зейлера (1810—1890), члена Союза коммунистов, эмигрировавшего сначала в Лондон, затем в Америку — 16.

Зейферт (Seiffert), *Рудольф* (1826—1886) — германский социал-демократ, был членом редакции «Volksstaat», один из организаторов союза деревообделочников — 289, 340.

Зибель (Sybel), *Генрих фон* (1817—1895) — прусский историк, автор ряда крупных работ, национал-либерал — 309.

Зибер, Николай Иванович (1844—1888) — русский экономист и историк первобытной культуры, первый в России популяризовавший экономическое учение Маркса; профессор политической экономии в Киевском университете, с 1875 г. жил в Швейцарии; автор книги «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» (1871) и большой статьи — «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1881) — 306, 315.

Зингер (Singer), *Пауль* (1844—1911) — немецкий социал-демократ, выходец из буржуазной среды, вступил в партию в середине 70-х годов, о 1887 г.

член Центрального комитета партии, председатель ряда партийных съездов, член рейхстага с 1884 г., в 90-х годах центрист — 328.

Зоахада (Zoasada), *Луиджи* — секретарь секции I Интернационала в Мельньяно (Италия) — 357.

Зоннеман (Sonnemann), *Леопольд* (1831—1901) — немецкий демократ, журналист, редактор и издатель газеты «Frankfurter Zeitung», вождь Южно-германской демократической партии, позже член Народной партии и член рейхстага (1871—1876 и 1878—1884) — 280, 361, 363, 398, 401, 440.

* *Зорге* (Sorge), *Фридрих-Альберт* (1828—1906) — немецкий революционер, вначале демократ, затем социалист, участник Баденского восстания 1849 г.; был приговорен к смерти, но бежал в Швейцарию, затем в Бельгию и Англию; в 1852 г. переселился в Америку, основал в Нью-Йорке «Всеобщий немецкий рабочий союз» (1868), примкнувший к I Интернационалу; находясь с 1868 г. в непрерывной переписке с Марксом и Энгельсом, боролся за линию Генерального совета в американских секциях; после переселения Генерального совета в Нью-Йорк (1872) был до сентября 1874 г. генеральным секретарем I Интернационала — 47, 70, 72, 87, 88, 96, 143, 145, 149, 161, 162, 166, 169, 173, 177, 178, 183, 199, 218, 222, 223, 224, 250, 253, 254, 258, 261, 269, 282, 287, 291, 292, 294, 295, 297, 302, 306, 211, 321, 324, 329, 332, 337, 347, 353, 355, 362, 363, 369, 373, 413, 415, 478, 483.

И.

Игнатъев, Николай Павлович, граф (1832 — 1908) — русский дипломат, посол в Константинополе (1864—1877), министр государственных имуществ (1881) и министр внутренних дел (1881—1882) — 458, 482.

Ивольда — см. Курц, Ивольда.

Йорк (York), *Теодор* (1830—1874) — германский социал-демократ, был членом лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, организатор союза деревообделочников, в 1869 г. принял активное участие в организации эйвенахской партии, был секретарем комитета партии, добивался сближения с лассальянцами — 322.

* *Йозевиц* (Josewitz), *Фердинанд*, — секретарь-корреспондент Берлинской секции I Интернационала, провокатор,

передавал письма Маркса берлинской полиции — 162, 211.

К.

Кабэ (Cabet), *Этьен* (1788—1856) — французский утопический коммунист, автор утопии «Путешествие в Икарию»; организовал в Северной Америке земледельческую коммуну, просуществовавшую с 1849 по 1855 г. — 402.

Каваньяри (Cavagnari), *Уриэль* — итальянский социалист, член I Интернационала, намеревался издать «Капитал» Маркса на итальянском языке — 479.

Кавеньяк (Cavaignac), *Луи-Эжен* (1802—1857) — французский генерал, буржуазный республиканец, в 1848 г. военный министр, подавивший Июньское восстание парижских рабочих — 86, 90.

Капестро (Capestro), *Федерико* — псевдоним Теодора Куно (см.).

Карл (Carl), *Ф.* — немецкий рабочий в Соединенных Штатах — 48.

Каро (Caro), *Якоб* (1836—1904) — германский историк, профессор Бреславльского университета — 430.

Карролл (Carroll), *Элен* — английская журналистка; во время Парижской Коммуны находилась в Париже в качестве корреспондента — 351, 352.

Кастиль (Castille), *Ипполит* (1820—1886) — французский публицист и романист, в 1848 г. республиканец, редактор «La République française», «La Révolution démocratique et sociale» и «La Tribune des peuples», участник Июньского восстания, после декабрьского переворота 1851 г. ренегат, сторонник империи; в 1869 г. опубликовал брошюру «Les Massacres de Juin 1848» [«Июньские убийства 1848 г.»] — 7.

Кауб (Kaub), *Карл* — немецкий эмигрант в Париже и Лондоне, член Временного комитета I Интернационала (1864), член Генерального совета (1864 — 1865) — 475.

Каутский (Kautsky), *Карл* (род. в 1854 г.) — 402.

Кауэлл-Степни (Cowell Stepney), *Вильям-Фредерик* (1820 — 1872) — английский рантие, сочувствовавший социализму, член I Интернационала (с 1864 г.) и Генерального Совета (с 1868 г.); канцелярь Генерального совета, делегат Брюссельского и Базельского конгрессов — 4, 6, 36, 48.

* *Кафиеро* (Cafiero), *Карло* (1846—1892) —

- итальянский революционер, один из вождей I Интернационала в Италии, после Лондонской конференции 1871 г. стал бакунистом; в 1879 г. издал в сокращенном виде «Капитал» на итальянском языке; в 1880 г. отошел от анархистов и стал сторонником легальной парламентской тактики — 261, 262, 264, 265, 268.
- * *Квасневский* (Kwasniewski), *Густав* — немецкий журналист, член Контрольной комиссии Социал-демократической рабочей партии, секретарь Берлинской секции I Интернационала — 151, 163.
- Квест* (Quest), *А.* — судебный администратор, заведывавший книжным магазином Лашатра (см.), препятствовал распространению издания «Капитала» во Франции — 428.
- Келлог* (Kellog), *Эдуард* (1790—1858) — американский экономист, был последователем О'Брайена (см.); главная работа «Labor and other Capital. The Rights of each secured and the Wrongs of Both eradicated» [«Труд и прочий капитал. Обеспечение прав и искоренение несправедливостей с той и другой стороны»] (1849) — 71, 88, 96.
- Кемпбелл* (Campbell) — чиновник лондонской полиции — 185.
- Кери* (Carey), *Генри-Чарльз* (1793—1879) — американский экономист, апологет капитализма, противник теории земельной ренты Рикардо — 430.
- Керн* (Kern), *Огюст* — французский инженер, участник Коммуны, затем эмигрант в Лондоне — 124.
- Керрер Белл* (Curren Bell) — псевдоним английской романистки Шарлотты Бронте (Brontë) (1816—1855) — 17.
- * *Керстен* (Kersten), *Пауль* — германский скульптор, социал-демократ — 410.
- Кетле* (Quetelet), *Ламбер-Адольф-Жак* (1796—1874) — бельгийский математик, статистик, основатель социальной статистики — 7.
- Кильман* (Kulmann) — немецкий эмигрант в Манчестере — 432.
- Кинкель* (Kinkel), *Готфрид* (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник Баденского восстания 1849 г.; будучи осужден, бежал из тюрьмы и жил в Лондоне в эмиграции; далее с 1866 г. профессор археологии и истории искусства в Цюрихе — 42, 43, 89.
- Кирхман* (Kirchmann), *Юлиус фон* (1802—1884) — немецкий социолог, прогрессист, член прусского Национального собрания в 1848 г., автор книги «Культуркамф и парламентаризм» (1874) — 379.
- Кистемакер* (Kistemacker), *Анри* — брюссельский издатель, выпустивший в 1876 г. книгу Лиссагаре «История Коммуны 1871 г.» — 425.
- Кларендон* (Clarendon), *Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс*, граф (1802—1870) — английский дипломат, виг, затем либерал, министр иностранных дел (1853—1858, 1865, 1866 и 1868—1870), ближайший помощник Пальмерстона — 74, 81.
- Кларксон* (Clarkson) — знакомый Энгельса в Лондоне — 142.
- * *Клейн* (Klein), *Карл* — немецкий рабочий из Золингена, член Союза коммунистов, участвовал в Эльберфельдском и Золингенском восстаниях 1849 г.; член I Интернационала, делегат на Брюссельском конгрессе; в 70-х годах руководитель рабочего кооперативного товарищества в Золингене — 39, 40, 96.
- Клефлин* (Clafin), *Теннесси* (1845—1927) — американская буржуазная феминистка, выступавшая вместе с Вудхулл (см.) — 258.
- Клюзере* (Cluseret), *Гюстав-Поль* (1823—1900) — французский офицер, член Парижской Коммуны; до 1870 г. служил в войсках Гарибальди, участвовал в американской гражданской войне на стороне Севера; в октябре 1870 г. руководил восстанием в Лионе; Коммуной был назначен начальником штаба обороны, но в конце апреля был отрешен от должности и отдан под суд по подозрению в измене; после падения Коммуны бежал в Англию и Америку; по возвращении в Европу жил в Швейцарии, где вступил в I Интернационал и вместе с бакунистами боролся против Маркса; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию и был несколько раз членом палаты депутатов — 48, 71, 78, 311, 360.
- Кнапп* (Knapp), *Георг-Фридрих* (1842—1926) — германский буржуазный экономист, профессор в Лейпцигском, затем в Страсбургском университетах, последователь исторической школы — 252.
- Коббетт* (Cobbett), *Вильям* (1762—1835) — английский демократ, предшественник чартистов, издатель популярного органа «Cobbett's Weekly Political Register» (1802—1835), отстаивавшего интересы рабочих и трудящихся масс Англии; член парламента с 1832 г. — 77.
- Кобден* (Cobden), *Ричард* (1804—1865) —

- манчестерский фабрикант, либерал, виднейший лидер фритредеров, член парламента (1841—1857 и 1859—1865) — 36.
- * *Ковалевский, Максим Максимович* (1851—1916) — русский историк, социолог и юрист, профессор государственного права в Московском университете (1877—1887); с середины 70-х годов был одним из «научных друзей» Маркса; в дальнейшем либерал, член I Государственной думы и Государственного совета (с 1907 г.) — 428, 431, 445.
- Коген* (Cohen), *Джеймс* — датский рабочий-сигарщик, эмигрант в Лондоне, председатель Лондонского союза сигарщиков, член I Интернационала, секретарь-корреспондент для Дании, член Генерального совета (с 1867 г.) — 101, 101, 136, 219.
- Кокоский* (Kokosky), *Самуэль* (1838—1893) — германский социал-демократ, редактор «Braunschweiger Volksfreund» (1873—1878); в 1874 г. перевел на немецкий язык брошюру Энгельса и Лафарга «Альянс социалистической демократии» — 433.
- * *Коллет* (Collet), *Чарльз-Добсон* — английский радикал, урковарист, редактор лондонской «Free Press» — 145.
- * *Колль* (Koll), *Теодор* — казначей Лондонского немецкого рабочего просветительного союза — 29.
- Коллье* (Collier) *Лестер* — английская фирма — 364, 366.
- Кольб* (Kolb), *Георг-Фридрих* (1808—1884) — германский статистик, буржуазный демократ — 115.
- Конгрев* (Congreve), *Ричард* (1818—1899) — английский литератор, позитивист, переводчик произведений Огюста Конта на английский язык — 18.
- Констан* (Constant) — псевдоним Ле-Муссю (см.).
- Комт* (Comte), *Огюст* (1798—1857) — французский философ, основатель и глава позитивистской школы — 79.
- * *Конуэй* (Conway), *Момюр-Даниэль* (1832—1907) — американский методистский пастор и радикальный писатель; выступал против рабства негров, в период 1863—1884 гг. жил в Англии — 144.
- Костецкий* (Kostecki) — польский эмигрант в Лондоне — 318, 319.
- Котта* (Cotta) — издательская фирма в Штутгарте — 106.
- Кремье* (Cremieux), *Исаак-Моисей-Адольф* (1796—1880) — французский адвокат и либеральный политический деятель, депутат различных законодательных палат (с 1842 г.); в 1870—1871 гг. член правительства национальной обороны — 212.
- Кример* (Cremer), *Вильям-Рендейл* (1828—1908) — один из вождей английских тред-юнионов, председатель союза плотников; принимал участие в основании I Интернационала, в 1864—1866 гг. секретарь Генерального совета, делегат Женевского конгресса; в 1867 г. вышел из Генерального совета; позднее либеральный член парламента, пацифист — 241.
- Кромвель* — (Cromwell), *Оливер* (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции 1642—1649 гг., лорд-протектор Англии (1653—1658) — 34.
- Кромптон* (Crompton), *Генри* (1836—1904) — английский врач и юрист, позитивист, шурин Э.-С. Бизли (см.); принимал участие в тред-юнионистском движении — 12.
- Кроон* (Croon), *Эмма* (род. в 1834 г.) — жена Германа Энгельса (см.) — 15, 27, 125, 442, 482.
- Кросс* (Cross), *Ричард-Эштон*, виконт (1823—1914) — английский политический деятель, консерватор, министр внутренних дел (1874—1880 и 1885—1886), министр по делам Индии (1886) — 464.
- Кугельман* — (Kugelmann), *Гертруда* (урожд. Оппенгейм) — жена Людвиг Кугельмана (см.) — 5, 13, 16, 27, 29, 32, 34, 43, 46, 58, 75, 82, 93, 106, 126, 133, 165, 358, 367, 369, 372, 377, 380.
- * *Кугельман* (Kugelmann), *Людвиг* (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г. в Дюссельдорфе, член I Интернационала; с 1862 по 1874 г. находился в переписке с Марксом, информировал его о положении дел в Германии и выполнял поручения по делам I Интернационала в Германии; был делегатом Лозаннского и Гаагского конгрессов Интернационала, содействовал изданию и распространению «Капитала» — 4, 5, 6, 12, 21, 27, 28, 31, 32, 41, 45, 46, 53, 57, 75, 79, 93, 105, 108, 113, 121, 126, 133, 166, 273, 275, 276, 286, 344, 358, 367, 369, 372, 377, 380, 416, 430, 482.
- Кугельман* (Kugelmann), *Франциска* (Френцхен) — дочь Людвиг Кугельмана — 5, 13, 27, 29, 32, 34, 43, 46, 75, 82, 93, 126, 133, 166, 358, 367, 369, 372, 380.
- * *Кунен* (Coenen), *Филипп* — бельгийский рабочий-сапожник, член Генерального совета I Интернационала; участник Брюссельского и Гаагского конгрессов, редактор антверпенской

- газеты «De Werker» (1868), в дальнейшем член Бельгийской социалистической партии — 44, 100, 135.
- * **Куно** (Cuno), *Теодор* (род. ок. 1847 г.) — германский социал-демократ, по профессии инженер; в начале 70-х годов был выслан из Германии и жил в Италии, где принимал участие в организации Миланской секции I Интернационала; проводил линию Генерального совета, находясь в 1871—1872 гг. в переписке с Энгельсом; на Гаагском конгрессе был председателем комиссии, вынесшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей «Рыцарей труда» и сотрудником «New Yorker Volkszeitung» — 169, 200, 202, 213, 215, 234, 239, 242, 247, 250, 262, 264, 271, 276, 282, 287, 288, 290, 293, 294, 296, 301, 304, 308, 314, 318, 325.
- Куно** (Cuno) — прусский чиновник в Дюссельдорфе, отец Теодора Куно — 244, 247.
- Курне** (Cournet), *Фредерик-Этьен* (1839—1885) — французский журналист, бланкист, член Парижской Коммуны (сторонник «большинства»), далее эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала (1871), секретарь-корреспондент для Дании и Голландии (1872), вместе с другими бланкистами покинул заседание Гаагского конгресса и вышел из Интернационала; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию и сотрудничал в социалистической прессе — 149, 189, 269, 325, 339.
- Курц** (Kurz), *Изольда* (род. в 1853 г.) — немецкая писательница; переводила на немецкий язык книгу Лиссагаре «История Коммуны 1871 г.» — 435, 448, 452, 459, 460, 461, 462, 466, 467, 475, 486, 487.
- Кюн** (Kühn), *Иоганн-Август-Карл* — немецкий портной, председатель Брауншвейгского комитета Германской социал-демократической партии (1870) — 68.
- Куттс** (Cutts) — семья знакомых Маркса в Лондоне — 123.

Л.

- Лааф** (Laaf) — германский христианский социалист — 451.
- Лавеле** (Laveleye), *Эмиль-Луи-Виктор* (1822—1892) — бельгийский буржуазный экономист; автор ряда трудов по экономике сельского хозяйства — 36, 428.
- * **Лавров**, *Петр Лаврович* (1823—1900) — русский революционер, публицист, народник; в 60-х годах был членом «Земли и Воли»; в 1866 г. был арестован и сослан; в 1870 г. бежал за границу, где жил в Цюрихе, Париже и Лондоне; был членом I Интернационала и участником Парижской Коммуны; издавал за границей журналы «Вперед» (1873—1877) и «Вестник Народной воли» (1883—1886) — 123, 130, 137, 144, 148, 150, 152, 185, 200, 381, 390, 391, 392, 396, 405, 411, 415, 416, 418, 420, 424, 428, 431, 454, 455, 457, 458, 460, 463.
- Ладендорф** (Ladendorf), *Август*, д-р — немецкий демократ, организатор немецких профессиональных союзов в Швейцарии, член I Интернационала, делегат Лозаннского конгресса, один из редакторов газеты «Felleisen» — 85.
- Ланге** (Lange), *Фридрих-Альберт* (1828—1875) — немецкий публицист и философ, один из основоположников неокантианства; демократ, автор социал-реформистской книги «Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für die Gegenwart und Zukunft» [«Рабочий вопрос, его значение для настоящего и будущего»] (1-е изд. 1865 г., 2-е изд. 1870 г.); участвовал в заседаниях Лозаннского конгресса I Интернационала — 54, 58.
- Ландек** (Landeck), *Бернар* (род. в 1832 г.) — французский рабочий-ювелир из Лиона, член I Интернационала; делегат Парижской Коммуны в Марселе; после подавления Коммуны бежал в Лондон, где был членом «Французской секции 1871 г.», боровшейся против руководства Генерального совета — 189, 271.
- Ларрок** (Larroque) — член I Интернационала, уполномоченный Генерального совета в Бордо, в 1872 г. эмигрант в Лондоне, затем под псевдонимом Латрак жил в Сан-Себастьяне (Испания) и отсюда руководил работой Интернационала в Бордо — 303, 317, 325, 334.
- Лассаль** (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — 4, 9, 10, 40, 148, 344, 384, 385, 387, 400, 403, 488.
- Латрак** (Latraque), *Мортимер* — см. Ларрок.
- Ларфар** (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — 5, 6, 8, 12, 29, 31, 32, 77, 79, 105, 116, 119, 120, 123, 193, 200, 215, 216, 243, 247, 249, 251, 252, 273, 279, 287, 289, 292, 295, 297, 298, 301, 304, 306, 312, 315, 387, 346, 350, 356, 364.

Лафарг, Лаура — см. Маркс, Лаура.
Лафарг, *Шнаппи* (род. в 1869 г.) — сын Поля и Лауры Лафарг — 12, 29, 31, 32.

* *Лашатр* (Lachâtre), *Морис* (1814—1900) — первый издатель «Капитала» на французском языке (1872—1875) — 226, 227, 346, 367, 381, 391, 428, 461, 463.

Лажур (Lahure) — парижский типограф, печатавший французское издание «Капитала» — 346, 381.

Левбок (Lubbock), *Джон* (1834—1913) — английский естествоиспытатель, этнолог и биолог, автор книги «The origine of civilisation and the primitive condition of man» [«Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека»] (1870) — 137, 145.

Левлан (Leblanc), *Альбер-Мари-Феликс* (род. в 1844 г.) — французский инженер, член Парижской секции I Интернационала, бакунист, один из делегатов Парижской Коммуны в Лионе, член временного комитета во время попытки восстания в Лионе; в дальнейшем эмигрант в Лондоне, где участвовал в борьбе против Генерального совета и был разоблачен как бонапартистский агент — 208.

Левлан (Leblanc), *Ф.-Д.* — эмигрант в Лондоне, друг Лаврова — 391, 456.

* *Ледлоу* (Ludlow), *Джон-Малькольм-Фообс* (1821—1911) — один из основателей христианского социализма в Англии, редактор «Politics for the People» и «Christian Socialist», сотрудник «Fortnightly Review», принимал участие в кооперативном движении, член комитета I кооперативного конгресса в Лондоне 1860 г. — 10, 11.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), *Александр-Огюст* (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ, член Временного правительства 1848 г.; участвовал в подавлении Июньского восстания рабочих; в июне 1849 г., после неудачного выступления мелкобуржуазной демократии против реакционной политики Законодательного собрания, бежал в Англию, где оставался до 1870 г.; в 1871 г. член Национального собрания — 7.

Лески (Lesky), *Вильям-Эдуард-Гартполь* (1838—1903) — английский историк, автор книги «History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe» [«История возникновения и влияния рационализма в Европе»] (1865) — 137, 145.

* *Ле-Любе* (Le Lubez), *П.-А. Виктор* (род. ок. 1834 г.) — француз, проживавший в Лондоне, по профессии преподава-

тель языков и музыки, участвовал в I Интернационале при его основании, член Генерального совета, секретарь-корреспондент для Франции (1864—1865); исключен из Интернационала на Женевском конгрессе (1866) за интриги и клевету против Генерального совета; после исключения основал мелкобуржуазную «Международную демократическую ассоциацию» — 55, 110.

Ле-Муссю (Le Moussu), *А.* — французский рабочий-гравер, коммунар, эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала (с 1871 г.), делегат на Гаагском конгрессе, секретарь-корреспондент французской секции в Америке, член Британского федерального совета (1872); в 1873—1874 гг. вместе с Джорджем Муром (см.) основал в Лондоне товарищество по изготовлению гравюр — 141, 178, 223, 224, 254, 261, 269, 298, 318, 327, 331, 332, 334, 340, 350, 364, 366, 370, 376.

Ленхен — см. Демут, Елена.

Лео (Leo), *Андре*, г-жа (псевдоним «Шансей Леони») (1832—1900) — французская писательница-романистка и публицистка, жена Б. Малона (см.), член I Интернационала, делегатка Лованнского конгресса, участница Парижской Коммуны, далее бакунистка, сотрудница женевской «La Révolution sociale», официального органа Юрской федерации (1871) — 176.

Лессинг (Lessing), *Готтольд-Эфраим* (1729—1781) — немецкий писатель и литературный критик, один из крупнейших представителей эпохи просвещения в Германии — 58, 164.

* *Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — немецкий рабочий-портной из Тюрингии, член Союза коммунистов с 1847 г., участник революции 1848 г. в Рейнской области, один из осужденных по Кельнскому процессу коммунистов, с 1856 г. эмигрант в Лондоне; принимал деятельное участие в работе Лондонского немецкого рабочего просветительного союза; член Генерального совета I Интернационала (с 1864 г.) и Британского федерального совета, делегат Брюссельского, Базельского, Гаагского конгрессов; позднее деятель английских тред-юнионов и участник II Интернационала — 9, 29, 168, 215, 258, 269, 283, 294, 326, 393, 412, 454, 479.

Лефевр (Lefavre) — французский консул в Вене — 140, 142.

Лефрансе (Lefrançais), *Гюстис* (1826—

- 1901) — французский прудонист, по профессии школьный учитель, член I Интернационала и Парижской Коммуны; после подавления Коммуны бежал в Швейцарию, где был членом Центральной женевской секции Интернационала, был исключен из нее за сочувствие Юрской федерации; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 190.
- Либере* (Liebers), *Бруно* — голландский рабочий-типограф, член и корреспондент Гаагской секции I Интернационала — 286, 287, 326.
- Либих* (Liebig), *Юстус* (1803—1873) — немецкий химик, один из создателей современной химии, в частности агрономической химии (учение о минеральных удобрениях) — 406.
- * *Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — 6, 23, 31, 56, 59, 60, 82, 83, 84, 94, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 114, 116, 127, 129, 133, 140, 142, 147, 152, 159, 171, 188, 192, 193, 197, 198, 212, 213, 214, 217, 222, 231, 234, 237, 240, 245, 246, 247, 250, 253, 255, 262, 263, 265, 281, 285, 322, 323, 324, 335, 337, 340, 341, 344, 359, 363, 371, 375, 379, 382, 387, 388, 389, 397, 401, 403, 416, 418, 420, 426, 434, 438, 439, 443, 445, 446, 451, 459, 463, 464, 468, 470, 472, 476, 477, 478.
- * *Либкнехт* (Liebknecht), *Наталья* — жена Вильгельма Либкнехта — 82, 84, 104, 249, 259, 323, 472, 476.
- Лилиенфельд-Тоаль* (у Маркса — «Лилиенталь»), *Павел Федорович*, фон (1829 — 1903) — остзейский помещик и крупный царский чиновник, петербургский вице-губернатор, далее курляндский губернатор, автор книги «Земля и Воля» (русское издание 1868 г., немецкое — 1870 г.) — 42.
- Лингенау* (Lingenau), *Фердинанд* (ум. в 1877 г.) — немецко-американский социалист, оставивший свое состояние в наследство Германской социал-демократической партии; Бисмарк воспрепятствовал исполнению завещания — 481.
- Линдау* (Lindau), *Пауль* (1839—1919) — германский буржуазный журналист, редактор журнала «Gegenwart» (1839—1919) и «Nord und Süd» (1878—1904) — 273.
- * *Лингеймер* (Lindheimer), *Б.* — германский социал-демократ — 465.
- Линкольн* (Lincoln), *Абрахам* (1809 — 1865) — президент Соединенных Штатов Америки в период гражданской войны (1860—1865); принадлежал к республиканской партии, вождь буржуазно-демократического движения Северных Штатов против рабовладельческого Юга; был убит в театре актером-южаннином Бутсом — 131.
- Лиссагаре* (Lissagaray), *Проспер-Оливье* (1839—1901) — французский журналист, республиканец, член Парижской Коммуны; в 1871—1880 гг. жил в эмиграции в Лондоне; автор книги «История Коммуны 1871 г.» (1-е изд. 1876 г.) — 425, 426, 427, 428, 435, 448, 449, 452, 461, 466, 474, 475, 487.
- Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист, делегат Лозаннского, Брюссельского и Гаагского конгрессов I Интернационала; член Парижской Коммуны, затем эмигрант в Лондоне (1871—1880), член Генерального совета; в 1873 г. женился на дочери Маркса Женни; по возвращении во Францию был членом парижского муниципалитета и сотрудником газеты Клемансо «La Justice» — 138, 143, 189, 249, 301, 304, 328, 350, 365, 366, 477.
- Лонге*, г-жа — см. Маркс Женни (дочь).
- Лонгманс* (Longmans) — издательство в Лондоне — 218.
- Лопатин, Герман Александрович* (1845—1918) — русский революционер, народник; живя в Лондоне, сблизился с Марксом, которого информировал о положении в России; член I Интернационала и в 1870 г. Генерального совета; организовал побег за границу Лафрова; в 1871—1872 гг. пытался произвести освобождение Чернышевского, неудачея вследствие доноса; вместе с Н. Ф. Даниэльсоном был одним из переводчиков «Капитала», т I, на русский язык; в 1884 г. был арестован и сослан на каторгу, откуда был освобожден лишь в 1905 г. — 96, 122, 132, 202, 260, 305, 315, 382.
- Лоран* (Laurent), *Огюст* (1808—1853) — французский химик, профессор в Бордо — 165.
- Лоренцо* (Lorenzo), *Анжельмо* (1841—1915) — испанский социалист, рабочий-типограф, член I Интернационала и Альянса, делегат Лондонской конференции 1871 г., генеральный секретарь Испанского федерального совета (1872)—182.
- Лормье* (Lormier), *Мари* — знакомая семьи Маркса — 123.
- Лоу* (Low), *Роберт* (Боб), *виконт Шербук* (1811—1892) — английский адвокат и политический деятель, либерал, министр финансов в министерстве

- Гладстона (1868—1873), член ревизионного совета «Times» — 126.
- Лохнер* (Lochner), *Георг* — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, далее эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала (1864 — 1866 и 1871—1872), сторонник Маркса — 258, 269.
- Луи Бонапарт* (Louis Bonaparte) — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп* (Louis Philippe) (1773 — 1850) — французский король (1830—1848) — 10
- Лунс* — см. Вольф, Вильгельм.
- Любавин, Николай Николаевич* (род. в 1845 г.) — русский революционер-народник, член нелегального кружка в Петербурге, близкий друг Лопатина, впоследствии в Берлине был посредником переписки Маркса с Н. Ф. Даниэльсоном, член I Интернационала, противник Бакунина — 284, 304, 305, 315.
- Людовик* (Louis) XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 42.
- Люкен* (Lucain) — член I Интернационала в Брюсселе, делегат Гаагского конгресса — 288, 292, 301.
- Лютер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — вождь религиозного реформаторского движения против папства в Германии — 11, 450.
- М.**
- Магомет-Али* (Mahomet Ali) (1827—1878) — турецкий генерал во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., главнокомандующий турецкой армией в Болгарии — 482.
- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805 — 1872) — итальянский буржуазный революционер, борец за национальное объединение Италии, республиканец — 63, 103, 167, 193, 205.
- Майер* (Mayer), *Карл* (1819—1889) — южно-германский буржуазно-демократический публицист и политик, редактор газеты «*Veobachter*» — 363, 367, 449.
- Мак-Доннелль* (Mc Donnell), *Д.-П.* — ирландский рабочий, член Генерального совета I Интернационала (1871), секретарь-корреспондент для Ирландии (1872), член Британского федерального совета; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где также был секретарем-корреспондентом Генерального совета — 146, 149, 184, 185, 269, 297, 300, 302, 318.
- Малон* (Malon), *Бенуа* (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, левый прудонист, член I Интернационала с 1865 г., участник Женевского конгресса, далее сторонник бакунинского Альянса, участник Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»), после подавления Коммуны эмигрант в Швейцарии, в 1880 г. и далее издатель журнала «*Revue Socialiste*» в Париже, один из лидеров POSSИБИЛИСТОВ — 186, 190, 211, 248, 257, 456.
- Мальтус* (Malthus), *Томас-Роберт* (1766—1834) — английский пастор, экономист, ярый защитник капитализма, автор апологетической книги «*An Essay on the Principle of Population*» [«Опыт о законе народонаселения»] (1798) — 11, 58, 385, 406, 409.
- Мари-де-Сен-Жорж* (Marie de Saint-Georges), *Пьер-Тома* (1819—1891) — французский буржуазный республиканец, министр общественных работ во Временном правительстве 1848 г.; организатор национальных мастерских и один из усмирителей Июньского восстания рабочих, далее министр юстиции в правительстве Кавеньяка; во время империи оппозиционный депутат в Законодательном корпусе — 8.
- Мария* — см. Энгельс, Мария.
- Мария Александровна* (род. в 1853 г.) — дочь Александра II, в 1874 г. вышла замуж за одного из сыновей английской королевы Виктории — 369.
- Маркс* (Marx), *Женни* (урожд. фон-Вестфален) (1814—1881) — жена Маркса — 5, 12, 31, 32, 54, 55, 84, 123, 130, 148, 255, 346, 349, 420, 421, 454, 455, 475, 477, 488.
- Маркс* (Marx), *Женни* (1844—1883) — старшая дочь Маркса, с 1872 г. жена Шарля Лонге (см.) — 5, 16, 22, 23, 31, 32, 46, 51, 53, 59, 93, 104, 116, 122, 124, 133, 216, 273, 301, 315, 370, 372, 375, 477. См. также — Вильямс, Женни.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883) — 4, 5, 6, 8, 9, 21, 23, 28, 30, 40, 59, 68, 83, 87, 113, 114, 115, 117, 118, 122, 125, 126, 128, 138, 145, 147, 148, 149, 153, 157, 158, 159, 160, 161, 170, 171, 186, 190, 191, 192, 193, 198, 199, 208, 209, 213, 214, 215, 216, 220, 225, 237, 238, 239, 248, 250, 251, 252, 256, 257, 259, 263, 267, 273, 279, 283, 288, 292, 295, 296, 297, 301, 304, 305, 309, 310, 314, 315, 322, 324, 327, 333, 334, 336, 337, 340, 344, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 355, 356, 361, 364, 374, 375, 379, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 419, 421, 430, 437, 438, 439, 443, 446, 456, 463, 469, 477, 482.

- *Маркс (Marx), *Лаура* (1845—1911) — дочь Карла Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга (см.) — 12, 27, 29, 30, 105, 116, 122, 124, 215, 249, 477.
- *Маркс (Marx), *Элеонора* (1856—1898) — младшая дочь Маркса, впоследствии жена английского социалиста Э. Эвелинга; активная участница английского и международного рабочего движения — 11, 12, 18, 23, 32, 54, 55, 116, 192, 209, 325, 356, 369, 372, 380, 421, 449, 463, 475, 488.
- Мартен* (Martin), *Бон-Луи-Анри* (1810—1883) — французский историк и политический деятель, правый республиканец, депутат Национального собрания в Версале, мэр одного из парижских округов и участник попытки сопротивления маров против Коммуны, с 1876 г. сенатор; автор книги «La Russie et l'Europe» («Россия и Европа») (1866), переведенной Кинкелем (см.) на немецкий язык — 42.
- Мартин* (Martin) — домовладелец в Лондоне, сдававший помещение для Генерального совета I Интернационала — 286.
- Мартино* (Martinaud) — бывший французский аббат, печатник в типографии Гильома в Невшателе, анархист, член I Интернационала, делегат Базельского конгресса — 37.
- Матесон* (Matheson), д-р — врач, лечивший Маркса в Лондоне — 105, 124.
- Матильда* — см. Ренкес, Матильда.
- Махмуд-Демат-паша* (ум. в 1884 г.) — зять турецкого султана Абдула-Гамида II, был несколько раз военным министром Турции — 482.
- Мевиссен* (Mevissen), *Густав*, фон (1815—1899) — крупный рейнский коммерсант и промышленник, либерал, в 1842 г. был сотрудником «Rheinische Zeitung» — 441.
- Меддок* (Maddock), *Г.-У.* — член I Интернационала в Соединенных Штатах, примкнул к буржуазной секции № 12 — 259.
- Меза-и-Леопарт* (Mesa у Leopart), *Хозе* (1840—1904) — испанский рабочий-печатник, социалист; в 70-х годах примыкал к Альянсу, но был исключен оттуда за выступление в защиту политической борьбы; член Испанского федерального совета I Интернационала, один из редакторов «Emanicipación»; позднее один из организаторов Испанской рабочей партии (1879) и основатель центрального партийного органа «Socialist» (1886); автор первой биографии Маркса на испанском языке и переводчик «Коммунистического манифеста» — 200, 290, 296, 300, 301, 312, 314, 331, 357, 375, 393.
- Мейер* (Meuer), *Герман* (1821—1875) — немецкий купец, участник революции 1848—1849 гг.; в 1852 г. эмигрант в Нью-Йорке, друг Иосифа Вейдемейера; член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке — 355, 414.
- *Мейер (Meuer), *Зигфрид* (1840—1872) — немецкий социалист, горный техник; присоединился к рабочему движению в годы агитации Лассалля; в 1866 г. переселился в Америку, где принимал активное участие в организации немецких рабочих; один из основателей Всеобщего немецкого рабочего союза в Нью-Йорке, секции I Интернационала — 46, 47, 48, 71, 72, 86, 168, 169, 173, 347, 414.
- Мейер* (Meuer), *Рудольф* (1839—1899) — немецкий «феодалный социалист», экономист, последователь Родбергуса; за книгу «Политические грюндеры и коррупция в Германии» (1877), направленную против Бисмарка и крупной буржуазии, был приговорен к тюремному заключению и эмигрировал; в 1877—1882 и в 1893—1894 гг. редактор газеты «Das Vaterland» в Вене — 361.
- Мейснер* (Meissner), *Отто* — гамбургский издатель, издал «Капитал» и «18 Брюмера» Маркса — 5, 13, 27, 57, 58, 263, 274, 322, 329, 377, 416.
- Мен* (Maine), *Генри* (1822—1888) — английский юрист, профессор Кембриджского университета, автор работ «Ancient law» («Древнее право») (1861), «Communities in East and West» («Сельские общины на Востоке и на Западе») (1871) и др. — 137, 145.
- Мендельсон* (Mendelsohn), *Моисей* (1729—1786) — немецкий философ-просветитель — 58.
- Меррей* (Murgaу), *Чарльз* — член Генерального совета (1870—1871) и Британского федерального совета (1872—1873) I Интернационала — 304.
- Мерриман*, *Пауэлл и Ко*, (Merriman, Rowell and Co) — нотариальная контора в Лондоне — 364, 365, 366.
- Мерфи* (Murphy), *Вильям-Мартин* (1844—1921) — ирландский железнодорожный предприниматель, владелец газеты «Irish Independent» — 185.
- Метц* (Metz), *Теодор* — содержатель гостиницы в Кельне — 405.
- Мецеровский*, *Владимир Петрович*, князь (1839—1914) — русский реакционный публицист, с 1872 г. редактор журнала «Гражданин» — 431.

- Микель* (Miquel), *Иоганн* (1828—1901) — прусский национал-либерал; в молодости (1849—1852) был членом Союза коммунистов; в 1867—1878 и 1887—1890 гг. член рейхстага, в 1890—1901 гг. прусский министр финансов — 107, 120, 121.
- **«Миллер и Ричард»* (Miller and Richard) — фирма в Лондоне — 146.
- *Мильке (Milke), *Фр.* — немецкий рабочий-наборщик, секретарь Берлинской секции I Интернационала, делегат Гаагского конгресса — 216, 293.
- Милл* (Mill), *Джон-Стюарт* (1806—1873) — английский философ и экономист, один из эпигонов английской классической школы — 18, 122, 381.
- Мильнер* (Milner), *Джордж* — член Генерального совета I Интернационала (1868—1872), член Британского федерального совета (1872—1873) — 304.
- Молешотт* (Moleschott), *Якоб* (1822—1893) — немецкий физиолог, представитель вулгарного материализма; был профессором в Цюрихе, Турине и Риме — 405.
- *Молль (Moll), *Фриц* (1835—1871) — золингенский рабочий; в 1864 г. эмигрировал в Америку, где был одним из основателей Всеобщего немецкого рабочего союза; в 70-х годах вернулся в Германию, был членом I Интернационала, делегат Женевского конгресса 1866 г.; вместе с К. Клейном (см.) стоял во главе рабочего кооперативного товарищества в Золингене — 39, 96.
- Мольтке* (Moltke), *Гельмут-Карл-Бернгардт*, граф (1800—1891) — германский фельдмаршал и военный писатель, начальник генерального штаба (1857—1888), член рейхстага, консерватор — 362, 431, 442.
- Монсберг* (Monsberg) — германский железнодорожный предприниматель — 464.
- Мора* (Mora), *Франсиско* — испанский социалист, рабочий-сапожник, бакунист, член Испанского федерального совета I Интернационала, один из редакторов «Emanсiрasiоn» — 286, 299, 300.
- Мориц* — см. Энгельс, Рудольф-Мориц.
- Морлей* (Morley), *Джон* (1838—1923) — английский публицист, издатель «Fortnightly Review» (1867—1882), член парламента (1883—1895), либерал, поддерживал тред-юнионы, стремясь использовать их в интересах либеральной партии — 89, 361, 455.
- Морлей* (Morley), *Сэмюэль* (1809—1886) — английский либерал, член парламента (1868—1885) — 120.
- Мост* (Most), *Иоганн* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, журналист, выходец из рабочих; с 1871 г. редактор социал-демократической газеты «Chemnitzer Freie Presse», с 1876 г. редактор «Berliner Freie Presse», в 1874—1878 гг. член рейхстага, сторонник Дюринга, после введения закона о социалистах эмигрировал в Лондон, где издавал газету «Freiheit», скоро ставшую на позицию анархизма; в 1880 г. был исключен из партии; в дальнейшем эмигрировал в САСШ, где продолжал вести анархистскую пропаганду — 416, 425, 427, 459, 478, 484, 485.
- Моттерсхед* (Mottershead), *Томас* — английский рабочий-ткач, чаргист, позднее деятель тред-юнионистского движения, член Генерального совета I Интернационала (1869—1872), секретарь-корреспондент для Дании, делегат Гаагского конгресса, в 1873 г. отошел от Интернационала — 117, 194, 219, 221, 240, 255, 288, 296, 300, 311, 319, 346, 350.
- *Мур (Moore), *Джордж* — английский художник-резчик; вместе с Ле-Муссю (см.) в 1873—1874 гг. организовал в Лондоне товарищество по изготовлению гравюр, в котором одно время принимал участие Маркс — 364, 365.
- Мур* (Moore), *Сэмюэль* (род. ок. 1830г.) — судья в Манчестере, с 1863 г. близкий друг Маркса и Энгельса — 16, 17, 55.
- Муслер* (Mousselières) — см. Трюши.
- Мюльбергер* (Mühlberger), *Артур* (1847—1907) — немецкий врач, прудонист, автор статьи «Жилищный вопрос», напечатанной в «Volksstaat» (1872), в ответ на которую Энгельсом была написана серия статей «К жилищному вопросу» — 251, 310, 342.

Н.

- Набруцци* (Nabruzzi), *Людовико* (род. ок. 1846 г.) — член I Интернационала в Равенне, бакунист, участник анархистского конгресса в Сент-Имье (1872) — 203.
- Наз* (Naze) — французский эмигрант в Лондоне — 150.
- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1814) — 34, 69, 76, 80, 157, 206.
- Наполеон III* (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870); после падения империи и окончания франко-прусской войны пе-

- реселился в Лондон — 34, 71, 73, 75, 76, 77, 79, 86, 90, 91, 95, 104, 106, 111, 115, 139, 208, 212, 332, 437.
- Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль**, принц (известен под кличкой «Плон-Плона» и «Красного принца») (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III, считался вождем «левых» бонапартистов — 105.
- Неймайер** (Neumayer), **Людвиг** — австрийский социал-демократ, журналист, руководитель рабочего просветительного союза в Винер-Нейштадте, редактор «Wiener Neustadter Wochenblatt» и «Gleichheit», член I Интернационала, делегат Базельского конгресса — 333.
- Нестер** (Nester) — немецкий писатель середины XIX века — 419.
- Нефццер** (Nefftzer), **Огюст** (1820—1876) — французский публицист, главный редактор «Le Temps» в 1861—1872 гг. — 55.
- Нечаев**, **Сергей Геннадиевич** (1847—1882) — анархист-бакунист, организатор студенческих заговорщических кружков в России; в 1872 г. был выдан России швейцарским правительством и заключен в Петропавловскую крепость — 84, 176, 196, 208, 260, 284, 292, 302.
- Николай I** (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 431.
- Никольсон** (Nicholson) — член I Интернационала в Америке, казначей Федерального совета в Нью-Йорке — 271.
- Нобре-Франса** (Nobre-França), **Хозе** — член I Интернационала в Португалии — 290, 297.
- Новикова**, **Ольга Александровна** (урожд. Киреева) (1840 — 1914) — русская публицистка; в 70-х годах жила в Лондоне, где играла роль русского дипломатического агента при Гладстоне во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; автор книги «Russia and England, a Protest and an Appeal» [«Россия и Англия, протест и призыв»], встретившей сочувственный отзыв Гладстона — 480.
- Нозль** (Noel) — псевдоним В. Н. Смирнова (см.).
- Нозль** (Noel), г-жа — см. Смирнова.
- Ноулс** (Knowles), **Джон** и **Джордж** — английская бумагопрядильная фабрика в Болтоне — 15.
- организаторов австрийского рабочего движения, вначале лассальянец, затем эйзенаховец, член I Интернационала, делегат Базельского конгресса, в 1869 г. редактор «Volkswille»; в 70-х годах стал агентом полиции, позднее буржуазный журналист — 8, 318, 333, 334, 348.**
- О'Брайен-Бронтер** (O'Brien-Bronterre), **Джеймс** (1803 — 1864) — английский социалист, публицист и экономист, издатель «The Poor Man's Guardian» (1831—1837), «Bronterre's National Reformer» (1838) и «The Operative» (1839); один из лидеров чартизма; после 1848 г. отошел от революционного движения — 71, 168, 174.
- Оджер** (Ogder), **Джордж** (1820—1877) — английский рабочий-сапожник, в 1862—1867 гг. секретарь Лондонского совета тред-юнионов, один из основателей I Интернационала, член Генерального совета Интернационала (с 1864 г.) и председатель его (1864—1867), делегат Лондонской конференции 1865 г. и Женевского конгресса 1866 г.; в 1871 г. в связи с изданием «Гражданской войны во Франции» порвал с Марксом и вскоре был исключен из Интернационала — 130, 147, 159, 241.
- О'Доннелль** (O'Donnell), **Джон-Френсис** (1837—1874) — ирландский поэт и публицист, сотрудник «Irishman» — 180.
- О'Донован Росса** (O'Donovan Rossa), **Исремия** (1831—1915) — вождь ирландских фениев, издатель газеты «Irish People» (1863—1865); в 1865 г. был приговорен к пожизненному заключению, в 1869 г. выбран в палату общин, но выборы правительством были опротестованы; после амнистии, в 1870 г., эмигрировал в Америку, где стоял во главе американско-ирландских фениев и издавал газету «The United Irishman» — 34, 51, 185.
- Околович** (Okolovicz) (род. в 1838 г.) — польский эмигрант во Франции, офицер, участник Парижской Коммуны; после ее падения был приговорен к смерти, но бежал из версальской тюрьмы в Швейцарию — 161.
- О'Коннелль** (O'Connell), **Даниэль** (1775—1847) — лидер ирландских националистов, основатель «Ирландской католической ассоциации» (1823) и «Ассоциации по борьбе за отмену англо-ирландской унии» (1830—1852); член английского парламента (1830—1841); первое издание его книги «Memoir on

0.

*Обервиндер (Oberwinder), **Генрих** (1846—1914) — журналист, один из

- Ireland» [«Мемуары об Ирландии»] вышло в 1843 г. — 218.
- **Коннор** (O'Connor), **Артур** (1763—1852) — ирландский националист, член парламента, один из лидеров общества «Объединенных ирландцев»; будучи арестован в 1797 г., предал организацию, в дальнейшем покинул Англию и был генералом у Наполеона I — 225.
- Олман** (Allman), **Джордж-Джеймс** (1812—1898) — английский ботаник и геолог, профессор Эдинбургского университета — 415.
- Олсоп** (Alsopp), **Томас** (1795—1880) — английский радикал, публицист, поддерживал чартистское движение, финансировал покушение Орсини на Наполеона III — 456.
- * **Оппенгейм** (Oppenheim), **Макс** — купец в Праге, брат жены Людвиг Кугельмана — 377, 380, 394, 395, 421, 422, 423.
- Освальд** (Oswald), **Евгений** (1826—1912) — немецкий демократ, участник Баденского восстания 1849 г., позже эмигрант, журналист и преподаватель немецкого языка в Лондоне, урковарист — 141.
- Остин** (Ostyn) (род. в 1820 г.) — французский рабочий-токарь, прудонист, позднее бакунист, член I Интернационала и Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»); после подавления Коммуны бежал в Женеву — 190.
- Отто-Вальстер** (Otto-Walster), **Август** — германский социал-демократ, редактор газеты «Dresdener Volksbote», член временного комитета эйзенхаусской партии после разгрома Брауншвейгского комитета (1870); с 1875 г. участник американского рабочего движения — 403.
- Оуэн** (Owen), **Роберт** (1771—1858) — 322, 402.
- II.**
- Павел I** (1754—1801) — русский император (1796—1801) — 92.
- * **Палладино** (Palladino), **Кармело** — итальянский адвокат, один из руководителей Неаполитанской секции I Интернационала, член Альянса, сотрудник анархистской газеты «La Samrapa» — 179.
- Пальмерстон** (Palmerston), **Генри-Джон-Темпл**, виконт (1784—1865) — английский виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) (см. характеристику его, данную Марксом, в Сочинениях, т. IX, стр. 485—548) — 13, 33, 74, 81.
- * **Паули** (Pauli), **Ида**, — жена Филиппа Паули (см.) — 404, 414, 415, 420, 423, 440, 452, 457.
- * **Паули** (Pauli), **Филипп** (род. в 1836 г.), химик, с 1859 г. проживал в Англии, близкий знакомый Маркса и Энгельса; в 1871—1880 гг. руководил большим химическим заводом в Рейнау (Западная Германия) — 403, 404, 414, 419, 421, 440, 453, 457.
- Пейн** (Paine), **Флетчер** — секретарь Британского федерального совета I Интернационала, примкнул к отколовшейся от Интернационала части Федерального совета — 320.
- Пельтан** (Pelletan), **Эжен** (1813—1884) — французский журналист, радикал, во время империи оппозиционный депутат Законодательного корпуса; в 1870—1871 гг. член правительства «Национальной обороны» и Версальского национального собрания — 8.
- Перре** (Perret), **Анри** — швейцарский рабочий-резчик, член I Интернационала, секретарь Романского федерального комитета в Женеве, делегат Женевского и Лозаннского конгрессов и Лондонской конференции 1871 г. — 36, 37, 38, 67, 134, 154, 155, 290, 330, 336, 353, 354, 359, 360.
- Перрин** (Perrin), **Луиджи** — итальянский социалист, член Туринской секции I Интернационала, член рабочего общества «Emanzipazione del Proletario» [«Освобождение пролетария»] — 290, 297.
- Перрон** (Perron), **Шарль** — швейцарский анархист, художник по эмали, член комитета Женевской секции I Интернационала, секретарь и корреспондент для Швейцарии, член правления бакунистского Альянса, один из редакторов «Egalité» — 37, 38.
- Пертц** (Pertz), **Георг-Генрих** (1795—1876) — немецкий военный историк, автор большой работы «Жизнь фельдмаршала графа Нейтгарда фон-Гнейзенау» (томы I—III в 1864—1869 гг., томы IV и V в 1880 г.) — 80.
- Петр III** (1728—1762) — русский император (1761—1762) — 92.
- Петрони** (Petroni), **Джузеппе** — сторонник Мадзини в Италии, редактор газеты «La Roma del Popolo» (1871) — 170.
- Пецца** (Pezza), **Виченцо** (ум. в 1873 г.) — итальянский купец, член правления

- рабочего клуба «L'Emancipazione del Proletario» в Милане, редактор газеты «Il Martello», сотрудник «Gazzettino Rosa», член I Интернационала, бакунист — 236.
- Пешар** (Péchart), *Этьен* — псевдоним Реджиса (см.).
- Пиа** (Puat), *Феликс* (1810—1889) — французский журналист и литератор, неоякобинец; член Учредительного и Законодательного собраний 1848 г., далее эмигрант в Лондоне, член I Интернационала, вместе с Везинье (см.) вел клеветническую кампанию против Генерального совета; в 1870 г. редактор газет «Combat» и «Vengeur», член Коммуны (сторонник «большинства»), далее эмигрант в Лондоне до амнистии 1880 г. — 111, 112, 121, 190, 346.
- Пиготт** (Pigott), *Ричард* (1828—1889) — ирландский журналист, издатель «Gishman» (1858—1879) — 185.
- Пиль** (Pihl) — член Копенгагенской секции I Интернационала в Дании, делегат Гаагского конгресса — 349, 350.
- ***Пио** (Pio), *Луи* (1841—1894) — один из основателей (1871) Датской секции I Интернационала, превратившейся впоследствии в Датскую социал-демократическую партию; редактор «Sozialisten» — 189, 219, 240, 415, 416, 460.
- Плон-Плон** (Plon-Plon) — прозвище принца Наполеона-Жозефа-Шарля-Поля (см.).
- Поль** — см. Лафарг, Поль.
- Потоцкий** (Potocki) — см. Балашевич.
- Потье** (Pottier), *Эжен* (1816—1887) — французский революционер и поэт, рабочий-упаковщик и разрисовщик-орнаментист; участник революции 1848 г., член I Интернационала и Парижской Коммуны (сторонник «большинства»), эмигрант в Англии до 1873 г., затем в Америке до амнистии 1880 г.; автор гимна «Интернационал» — 332, 333.
- Прендергаст** (Prendergast), *Джон-Патрик* (1808—1893) — ирландский историк, автор книги «The Cromwellian Settlement of Ireland» [«Кромвеллевская колонизация Ирландии»] (1-е изд. в 1863 г., 2-е изд. в 1870 — 1871 гг.) — 218.
- Прайтинг** (Praitsching), *Чарльз* — член I Интернационала в Америке, член временного Федерального совета и Генерального совета в Нью-Йорке; исключен из Интернационала в 1873 г. — 261.
- Прийньо** (Prigneaux) — эмигрант в Лондоне, друг Альфреда Германа (см.) — 279.
- Прудон** (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809—1865) — 10, 71, 175, 199, 252, 386, 402.
- Пуье-Кертве** (Pouyer-Quertier), *Огюст-Тома* (1820—1891) — французский фабрикант из Руана и политический деятель; бонапартист, член палаты депутатов (1857—1869), в 1871 г. министр финансов в кабинете Тьера, с 1876 г. — сенатор — 119.
- Пумпс** (Pumps) — см. Бернс, Мэри-Эллен.
- Пурский**, *Каспер* — польский эмигрант, член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе — 156.
- Пфендер** (Pfänder), *Карл* (1818—1876) — немецкий рабочий, художник-миниатюрист из Гейльбронна; с 1845 г. жил в Лондоне; в 1848—1850 гг. — активный член Союза коммунистов, член Генерального совета I Интернационала (1864 — 1871) — 258, 269.

P.

- Райли** (Riley), *Вильям-Гаррисон* — английский журналист, радикал, член Британского федерального совета I Интернационала, редактор «International Herald» (1872) — 300, 304, 306, 308, 312, 347.
- Рамзей** (Ramsay), *Эндрью-Кромби* (1814—1891) — английский геолог, профессор в Лондоне, с 1871 г. директор геологического института — 16.
- ***Рамм** (Ramm), *Герман* — лейпцигский социал-демократ, член редакции «Volksstaat» — 388, 451, 470.
- Ранье** (Ranvier), *Габриэль* (1828—1879) — французский мелкобуржуазный революционер, бланкист, член I Интернационала, член Парижской Коммуны (сторонник «большинства»), далее эмигрант в Англии; в 1871 — 1872 гг. член Генерального совета Интернационала; был председателем Гаагского конгресса, но вместе с другими бланкистами оставил конгресс до конца заседаний — 161, 189, 269, 298, 314, 339.
- Раулинсон** (Rawlinson), *Генри-Кресек*, сэр (1810—1895) — английский путешественник и ориенталист-археолог, посол в Персии (1859—1860), противник русской экспансии в Средней Азии — 431.
- ***Расх** (Rasch), *Густав* (1825—1878) — немецкий публицист и писатель-демократ, участник революции 1848 г.; за свою книгу «Die Preussen in El-

- sass—Lothringen» [«Пруссаки в Эльзас-Лотарингии»] (1874) подвергся правительственным преследованиям и вынужден был эмигрировать из Германии — 437, 471.
- Реджис* (Regis), *Витале* — член Итальянской секции I Интернационала в Лондоне, под псевдонимом «Этьен Пешар» агент Генерального совета в Италии, противник Бакунина — 211, 226, 229, 230, 235, 264.
- Резген* (Roegen), *Филипп*, фон-Флосс — голландский социалист, издатель «Het Volk» в Роттердаме — 44, 45.
- Резген* (Roegen), *Чарльз* — приказчик фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 20.
- Рейтер* (Reuter), *Фриц* (1810—1874) — популярный немецкий писатель, в 30-х годах в качестве «демагога» был привлечен к суду и приговорен к смертной казни, замененной тридцатью годами крепости; освобожден в 1840 г. по всеобщей амнистии — 126.
- Рейтлингер* (Reitlinger), д-р — парижский адвокат, личный секретарь Жюль Фавра — 140.
- Рейх* (Reich), *Эдуард* (1836—1904) — немецкий врач и писатель, специалист по истории и гигиене брака; автор ряда работ по вопросам религии и морали — 34.
- Реклю* (Reclus), *Элизе* (1830—1905) — французский анархист, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны; ученый-географ, с 1892 г. профессор сравнительной географии Нового университета в Брюсселе — 435, 473.
- Ренкес* (Renkes), *Матильда* (1831 — 1905) — жена Рудольфа Энгельса (см.) — 405.
- Рерих* (Rörig) — старший лесничий в Альткlostере (Германия), знакомый Вильгельма Либкнехта — 380.
- *Ретсон (Rutson), А.-О. — личный секретарь английского министра внутренних дел Брусса (см.) — 130, 131.
- Риджвей* (Ridgevay) — издательство в Лондоне — 218.
- Риджо* (Riggio), *Антонио* — итальянский адвокат в Джирдженти, член I Интернационала, бакунист — 290.
- Рикардо* (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — английский буржуазный экономист, наряду с А. Смитом крупнейший представитель классической школы; главная работа — «On the Principles of Political Economy and Taxation» [«Начала политической экономики и налогового обложения»] (1817) — 306, 385, 429.
- Риттингхаузен* (Rittinghausen), *Мориц* (1814—1890) — германский демократ, в 1848 г. сотрудник «Neue Rheinische Zeitung», в дальнейшем примкнул к эйзенаховцам; член I Интернационала, делегат Базельского и Гаагского конгрессов, член рейхстага (1877 — 1878 и 1881 — 1884); в 1884 г. исключен из социал-демократической партии — 451.
- Рихтер*, *Дмитрий Иванович* (ум. в 1919 г.) — русский революционер, в 70-х годах эмигрант в Лондоне, наборщик типографии журнала «Вперед», издававшегося Лавровым — 416, 417, 418.
- Ришар* (Richard), *Альбер* — французский бакунист, стоял во главе Лионской секции Альянса; сотрудник «Egalité», делегат Женевского конгресса (1866), участник бакунистского путча в сентябре 1870 г. в Лионе, позднее эмигрант в Лондоне, где участвовал в борьбе против Генерального совета и был разоблачен как бонапартистский агент — 38, 177, 208, 213.
- Робен* (Robin), *Поль* (род. в 1837 г.) — французский анархист, секретарь Женевской секции Альянса, редактор «Egalité», делегат Базельского конгресса I Интернационала, в 1870 г. эмигрант в Лондоне и член Генерального совета (где он работал в интересах альянсистов); участник Лондонской конференции 1871 г. — 37, 38, 134, 206.
- Роберти* — см. Де-Роберти.
- Робеспьер* (Robespierre), *Максимилиан* (1758—1794) — вождь якобинцев в эпоху Французской революции, возглавлявший революционное правительство в период 1793—1794 гг. — 10.
- Розвадовский* (Roswadowski), *Владимир* (1838—1876) — польский революционер, участник революции 1863 г., после подавления революции был арестован австрийскими властями и заключен в тюрьму в Кракове на два года; в дальнейшем эмигрант в Париже, участник Парижской Коммуны, адъютант Домбровского; после поражения Коммуны эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала; умер в Германии — 144, 154, 186.
- Розенталь* (Rosenthal) — немецкий торговец в Лондоне — 141.
- Роч* (Roach), *Дисон* — член I Интернационала и Генерального совета (в 1871—1872 гг.), секретарь-корреспондент Бри-

- танского федерального совета (1872), делегат Гаагского конгресса, позднее примкнул к отколовшейся от Интернационала части Британского федерального совета — 311, 319.
- Роша* (Rochat), *Шарль* — член Парижского федерального совета I Интернационала, коммунары, далее эмигрант в Лондоне, член Генерального совета (с 1871 г.), делегат Лондонской конференции 1871 г., секретарь-корреспондент для Голландии — 143.
- Рошер* (Roscher), *Вильгельм* (1814—1894) — немецкий буржуазный вульгарный экономист, профессор в Лейпциге, основатель так называемой исторической школы политической экономии — 199.
- Рошер* (Rocher), *Л.* — 364.
- Рошфор* (Rochefort), *Виктор-Анри*, маркиз (1830—1913) — французский публицист; в период империи один из видных литераторов лево-республиканского движения, издатель «La Lanterne» (1868—1869), основатель и редактор «La Marseillaise» (1869) и «Mot d'ordre» (1871), в которой поддерживал Парижскую Коммуну; после падения Коммуны был приговорен к каторге и выслан в Новую Каледонию, но бежал из ссылки и в Женеве снова издавал «La Lanterne» (1874); после амнистии 1880 г. вернулся во Францию и издавал газету «L'Intransigeant»; в 1889 г. примкнул к заговору генерала Буланже; в 90-х годах занимал антисемитскую позицию (дело Дрейфуса) — 370.
- Роу* (Row), *Жозеф* — французский переводчик I тома «Капитала» — 260, 346, 367.
- Руге* (Ruge), *Арнольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левогегельянец, издатель «Hallische Jahrbücher» (1837—1841), «Deutsche Jahrbücher» (1841—1842) и вместе с Марксом «Deutsch-französische Jahrbücher» (1843—1844); участник революции 1848—1849 гг.; далее жил в Лондоне и в начале 50-х годов был одним из руководителей мелкобуржуазной эмиграции; позднее (1866) перешел на сторону Бисмарка — 4, 5, 6, 66.
- Рулье* (Roullier), *Эдуард* — французский рабочий-сапожник, коммунары, далее эмигрант в Лондоне, где был членом «Французской секции 1871 г.», боровшейся против Генерального совета — 170, 189.
- Рюдт* (Rüdt), *Август* — германский социал-демократ, сотрудник «Volksstaat», в 1869—1870 гг. вел агитационную работу в Саксонии — 239.

С.

- Сварм* (Swarm) — псевдоним Дентрага (см.) на Гаагском конгрессе (1872).
- Седлер* (Sadler) — член I Интернационала в Англии — 119.
- Сениор* (Senior), *Вильям-Нассау* (1790—1864) — английский вульгарный экономист, апологет капитализма, автор «теории воздержания» как основания прибыли; автор работ: «Outlines of Science of Political Economy» [«Очерки науки политической экономии»] (1836) и «Principes fondamentaux de l'Économie Politique» [«Основные принципы политической экономии»] (1836) — 164, 165.
- Сен-Симон* (Saint-Simon), *Анри-Клод-де-Руэра* (1760—1825) — 175.
- Серрайе* (Serrailier), *Огюст* (родился в 1840 г.) — французский рабочий-сапожник, проживавший в Англии, член I Интернационала, член Генерального совета (1869), секретарь для Испании; после 18 марта 1871 г. был послан Генеральным советом в Париж, где проводил линию Генерального совета; член Коммуны (сторонник «меньшинства»); после падения Коммуны возвратился в Англию; делегат Лондонской конференции 1871 г. и Гаагского конгресса, секретарь-корреспондент для Франции (1872—1873) — 73, 93, 112, 143, 153, 176, 189, 251, 269, 289, 290, 297, 298, 301, 302, 303, 304, 307, 312, 314, 317, 325, 332, 337, 338, 339, 346, 347, 348, 354, 356, 376.
- Серрайе* (Serrailier), *Женни* — жена Огюста Серрайе — 73.
- Сидоров* — псевдоним П. Л. Лаврова (см.).
- Сикар* (Sicard), *А.* (род. в 1840 г.) — французский рабочий-сапожник, член Коммуны (сторонник «большинства»), эмигрант в Лондоне — 161.
- Симмагос* — псевдоним Карла Каутского (см.).
- Симон* (Simon), *Жюль* (1814—1896) — французский публицист и философ-спиритуалист, умеренный республиканец; будучи членом Учредительного собрания в 1848 г., поддерживал политику Кавеньяка; во время империи возглавлял парламентскую оппозицию; в правительстве национальной обороны 1870 г. министр народного просвещения, один из руководителей версальского правитель-

- ства в борьбе с коммунарами; в 1877 г. премьер-министр — 8.
- Скребицкий, Александр Ильич* (род. в 1827 г.) — русский врач-окулист и писатель, автор большой работы «Крестьянское дело в царствование Александра II» (1862—1868) — 315.
- Смирнов, Валериан Николаевич* (1848—1900) — русский революционер, народник, врач; принимал участие в нечаевской организации; в 1871 г. эмигрировал в Цюрих, где был одним из организаторов Славянской секции I Интернационала; сторонник и ближайший помощник Лаврова по редактированию и изданию журнала «Вперед»; жил в Париже и в Лондоне под именем доктора Новля; умер в Швейцарии — 392, 396, 418, 420, 424, 429.
- Смирнова, г-жа* — жена предыдущего — 392, 396.
- Смит (Smith), Адам* (1723 — 1790) — английский экономист и философ, крупнейший представитель классической школы; главное произведение «Wealth of Nations» [«Богатство народов»] (1776) — 429.
- Смит (Smith), А.* — член I Интернационала в Англии; боролся вместе с Везинье (см.) против Генерального совета — 271.
- Спиноза (Spinoza), Бенедикт* (1632—1677) — 58.
- Сплингард (Springard), Рош* — бельгийский адвокат, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, бакунист — 305.
- Стеенс (Steens), Эжен* — бельгийский журналист, социалист-реформист, редактор газет «La Tribune du Peuple» и «Internationale», центральных органов Бельгийской секции I Интернационала; член I Интернационала, делегат Брюссельского конгресса и Лондонской конференции 1871 г. — 193, 197, 238.
- Стен* — адвокат в Лондоне — 366.
- Стенни* — см. Кауэлл-Стенни.
- Стефанони (Stefanoni), Луиджи* (1846—1919) — итальянский промышленник, буржуазный демократ, участник габриальдийских походов; с 1866 г. редактор «Libero Pensiero»; один из основателей «Всемирного общества рационалистов в Риме» (1871) — 199, 213, 214, 248.
- Т.**
- Таландье (Talandier), Пьер-Теодор-Альфред* (1822—1890) — французский мелкобуржуазный республиканец, участник революции 1848 г., после перегово-
- рота 2 декабря 1851 г. эмигрант в Англии, где принимал участие в кооперативном и тред-юнионистском движении; член Генерального совета (с 1864—1865 гг.), далее член бакунинского Альянса; после 1870 г. возвратился во Францию и был членом палаты депутатов — 51.
- Танеев, Владимир Иванович* (1840—1921) — московский адвокат, в 70-х годах социалист-народник, в дальнейшем либерал — 445.
- Таужниц (Tauchnitz), Христиан-Бернгард* (1816—1895) — лейпцигский издатель — 189.
- Тейлор (Taylor), Семюэль и Сын* — английская бумагопрядильная фирма в Олдхемде — 15.
- Тейлор (Tylor), Эдуард-Бернетт* (1832—1917) — английский антрополог, профессор Оксфордского университета, автор книги «Первобытная культура» (1871) — 137, 145.
- Тейс (Theiss), Альберт* (1839—1881) — французский рабочий-чеканщик, прудонист, член Парижской секции I Интернационала, делегат Брюссельского конгресса, после 4 сентября 1870 г. вице-председатель ЦК национальной гвардии, член Парижской Коммуны; далее эмигрант в Лондоне, член Генерального совета и казначей Интернационала (1872) — 138, 143, 189, 199.
- Тельке (Tölcke), Карл-Вильгельм* (1817—1893) — лассальянец, председатель Всеобщего германского рабочего союза после ухода Бернгарда Беккера и до Швейцера (1865); далее, с 1875 г., член Германской социал-демократической рабочей партии — 361, 382, 388.
- Тенге (Tenge), г-жа* — жена вестфальского помещика, подруга Гертруды Кугельман (см.) — 367, 369.
- Тено (Ténot), Эжен* (1839—1890) — французский публицист, буржуазный республиканец, с 1865 г. сотрудник либеральной газеты «Siccle», автор брошюр «Paris en décembre 1851» [«Париж в декабре 1851 г.»] и «La province en décembre 1851» [«Провинция в декабре 1851 г.»] (1868), при Третьей республике член палаты депутатов (1881—1885) — 7.
- Тернер (Turner), Е.-Ф.* — английская фирма в Дурре — 364.
- *Терзаги (Terzaghi), Карло* — итальянский адвокат, секретарь рабочего общества «L'Emancipazione del Proletario» и редактор газеты «Proletario» в Турине, был агентом итальянской полиции, разоблачен Марксом и

- Энгельсом в брошюре «Альянс социалистической демократии» — 195, 226, 229, 235, 262, 264, 290, 443.
- Тессендорф** (Tessendorf), *Герман* (1831—1895) — прусский юнкер, с 1873 г. прокурор Берлинского суда, организатор преследований социал-демократов — 399, 403.
- Тестини** (Testini) — итальянский агроном, член рабочего общества «Empirazione del Proletario» в Милане, член I Интернационала, бакунист — 235, 236.
- Тиртей** (Turtäus) — древний греческий поэт VII века до хр. э., воспевавший военную доблесть спартанцев — 87.
- Толан** (Tolain), *Анри-Луи* (1828—1897) — французский рабочий-резчик по бронзе, прудонист, один из основателей I Интернационала, участник Лондонской конференции 1865 г. и Женевского, Лозаннского, Брюссельского и Бавельского конгрессов; во время Коммуны перешел на сторону версальцев; позднее, при Третьей республике, сенатор — 196.
- Томас** (Tomás), *Франсиско* — испанский рабочий-каменщик, член I Интернационала и Альянса, член Испанского федерального совета, участник восстания в Алько — 290, 296.
- Торнтон** (Thornton), *Вильям-Томас* (1813—1880) — английский экономист, последователь Дж.-Ст. Милля (см.); автор книги «On labour, its wrongful claims and rightful dues, its actual present and possible future» [«О труде, его несправедливых претензиях и законных обязательствах, его настоящим и вероятном будущем»] (1869) — 18.
- Травник** (Travnick), *Иоганн* — венгерский рабочий в Будапеште — 29.
- Траубе** (Traube), *Людвиг* (1826—1894) — немецкий химик и физиолог — 392, 451.
- Трен** (Train), *Джордж-Френсис* — американский авантюрист в Чикаго, выдавал себя за члена I Интернационала — 185.
- Трейт** (Trate), *Вильям* — свидетель в судебном процессе Журда (см.) — 142.
- Трибер** (Trieber) — псевдоним одного из членов I Интернационала в Париже — 153.
- Тридон** (Tridon), *Эдуард-Мари-Гюстав* (1841—1871) — французский журналист, бланкист, член I Интернационала (с 1866 г.), автор брошюры «Gironde et Girondins» [«Жиронда и жирондисты»] (1869); с сентября 1870 г. издавал вместе с Бланки газету «La Patrie en danger»; член Парижской Коммуны, примыкал к «меньшинству»; после падения Коммуны бежал в Бельгию — 8, 112.
- Трошио** (Trochu), *Луи-Жюль* (1815—1896) — французский бонапартистский генерал, после падения империи председатель правительства национальной обороны и генерал-губернатор Парижа; своей политикой привлек к капитуляции Парижа; под давлением парижских масс был вынужден 20 января 1871 г. уйти в отставку — 90, 461, 462.
- Трулов** (Truelove), *Эдуард* (1809—1899) — издатель и книготорговец в Лондоне, бывший чартист, последователь Роберта Оуэна; издал по-английски «Гражданскую войну во Франции 1871 г.» — 173, 286, 287.
- Труши** (Truchy) — французский журналист (псевдоним «Муслер»), редактор «Liberté», начальник генерального штаба в эпоху империи — 212.
- Тумановская**, *Елизавета Лукична* (псевдоним — «Елизавета Дмитриева») — русская революционерка; в период 1870—1873 гг. находилась за границей: в Англии, Швейцарии и Франции; член Русской секции I Интернационала в Швейцарии, вместе с Утиным выступила против Бакунина и Нечаева; была знакома с Марксом и его семьей; в дни Коммуны приехала в Париж и принимала в ней деятельное участие; после поражения Коммуны эмигрировала из Франции; вернувшись в Россию, отошла от революционной деятельности — 141, 445.
- Тусси** — см. Маркс, Элеонора.
- Тьер** (Thiers), *Луи-Адольф* (1798—1877) — французский политик и историк, орлеанист, премьер-министр (1836—1840), глава версальского правительства 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871—1873) — 8, 102, 104, 106, 119, 140, 208, 367, 371.
- Тюнэн** (Thünen), *Иоганн-Генрих*, фон (1783—1850) — немецкий экономист, автор книги «Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie» [«Изолированное государство в отношении к сельскому хозяйству и к политической экономии»] (1875) — 395.

У.

Уорд (Ward), *Джеймс-Клифтон* (1843—1880) — английский геолог — 16.

Уошберн (Washburn), *Элиху-Бенджамин* (1816—1887) — американский дипломат, посланник в Париже во время Коммуны — 131, 146.

Уркварт (Urquhart), *Давид* (1805 — 1877) — английский дипломат и писатель, в 30-х годах секретарь английского посольства в Константинополе; в 1847—1852 гг. — член парламента; издавал газету «Free Press», в которой подвергал резкой критике внешнюю политику Пальмерстона — 13, 470.

**Утин, Николай Исаакович* (1845—1883) — русский революционер, народник, сын богатого откупщика, член общества «Земля и Воля», с 1863 г. эмигрант, секретарь Русской секции I Интернационала в Женеве, редактор журнала «Народное Дело», один из редакторов «Egalité», противник Бакунина; с середины 70-х годов отошел от революционной деятельности — 134, 156, 210, 216, 219, 267, 305, 306, 313, 330, 336, 337, 353, 424, 431.

Утина, Наталия Иеронимовна (ур. Корсини) — жена предыдущего — 455.

Уэстон (Weston), *Джон* — английский рабочий-столяр, с 1863 г. имел собственное предприятие, оуэнист, член Генерального совета I Интернационала (1864 — 1872), делегат Лондонской конференции 1865 г., назначен Генерального совета (1870), председатель Лиги земли и труда (1871), после Гаагского конгресса противник Маркса, в 1873 г. вышел из Интернационала — 94.

Уэтли (Wheatley), *В.*, и *К^о* — посылочная контора в Лондоне — 363.

Ф.

Фавр (Favre), *Жюль* (1809 — 1880) — французский адвокат, один из руководителей буржуазно-республиканской партии эпохи 1848 г. и Второй империи, в 1870 г. член правительства национальной обороны, далее министр иностранных дел в министерстве Тьера (1871) — 8, 85, 86, 89, 90, 91, 115, 120, 126, 133, 140, 205, 461, 462.

Фаллу (Falloux), *Фредерик* (1811—1886) — французский реакционный политический деятель, клерикал, сторонник Бурбонов, в 1848 г. был инициатором разгона национальных мастерских и одним из усмирителей Июньского восстания рабочих; далее министр народного просвещения в первом министерстве Луи-Наполеона; в эпоху Импе-

рии принадлежал к умеренной легитимистской оппозиции — 8.

Фарга-Пелисер (Farga-Pelicer), *Рафаэль*, испанский рабочий-типограф в Барселоне, член I Интернационала, бакунист, главный редактор газеты «La Federacion» (1869), делегат Базельского и Гаагского конгрессов Интернационала и разных анархистских конгрессов, среди них Брюссельского конгресса 1874 г., где выступал под псевдонимом «Гомез» — 374.

Фаушер (Faucher), *Юлиус* (1820—1878) — немецкий публицист, вульгарный экономист, сторонник свободной торговли, с 1861 г. член прусской палаты депутатов, принадлежал к партии прогрессистов — 199.

Фегеле (Vögele), *Август* — наборщик газеты «Volk» в Лондоне, свидетель в процессе Маркса против Карла Фогта — 438.

Фейербах (Feuerbach), *Людвиг* (1804—1872) — немецкий философ-материалист — 214, 260.

Ференбах (Fehrenbach), *Матиас* — немецкий эмигрант в Швейцарии в 50-х годах, в дальнейшем в Лондоне, по профессии фотограф — 12.

Фернивалл (Furnivall), *Фредерик-Джесем* (1825—1910) — английский историк литературы, христианский социалист, основатель несколько литературных обществ, среди них «New Shakespeare Society» [«Новое шекспировское общество»] (1873) — 450.

Ферре (Fèrré), *Теобиль-Шарль* (1845—1871) — французский журналист, бланкист, член Парижской Коммуны, вице-прокурор Коммуны (сторонник «большинства»), расстрелян по приговору версальского военного суда — 176, 230.

Фешнер (Fechner), *Густав-Теодор* (1801—1887) — немецкий физик и философ-идеалист — 58.

Фивег (Vieweg) — издатель в Париже — 252.

Финк (Fink), *Вильгельм* (1833—1890) — германский социал-демократ, сотрудник «Volksstaat», в 1881 г. был выслан из Лейпцига — 252, 253.

Фиркс, Федор Иванович, барон (1812 — 1872) — прибалтийский помещик, русский чиновник министерства финансов, реакционный публицист (псевдоним «Шедо-Ферроти»), противник освобождения крестьян — 42.

*Флеклес (Fleckles), *Фердинанд*, д-р (ум. ок. 1894 г.) — врач в Карлсбаде — 422, 423, 424, 449.

Флери - Краузе (Flewry - Krause), *Карл* (род. в 1824 г.) — агент прусской полиции в Лондоне в начале 50-х годов — 379.

Флеровский — см. Берви-Флеровский.

***Фогт** (Vogt), *Август* (ок. 1830—ок. 1883) — немецкий рабочий-сапожник из Кельна, член Союза коммунистов; после Кельнского процесса — один из основателей коммунистической общины в Кельне, существовавшей до 1863 г.; далее член Всеобщего германского рабочего союза в Берлине; в 1866 г. переселился в Америку; член Всеобщего немецкого рабочего союза в Нью-Йорке, корреспондент Генерального совета I Интернационала для Соединенных Штатов — 46, 71, 72, 86, 87, 88, 168, 169.

Фогт (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, вулгарный материалист, в 1848—1849 гг. член Франкфуртского национального собрания и имперского регентства, в эмиграции один из лидеров мелкобуржуазной демократии; с 1852 г. профессор в Женеве, платный агент французского бонапартизма; разоблачен Марксом в памфлете «Карл Фогт» (1860) (см. Сочинения, т. XII, ч. 1) — 104, 106, 111, 115, 116, 200, 405, 437, 438, 471.

Фокс (Fox), *Питер-Андре* (ум. в 1869 г.) — английский журналист, контист, один из издателей «National Reform» и «Commonwealth», член Генерального совета I Интернационала (1864—1867); секретарь-корреспондент для Соединенных Штатов (1866—1867) — 241.

Форбс (Forbes), *Арчибальд* (1838—1900) — английский журналист, военный корреспондент «Morning Advertiser», позже «Daily News» — 248.

Форестье (Forestier) — коммунар, эмигрант в Лондоне — 155, 156.

Франк (Frank), *А.* — парижский издатель «Нищеты философии» (1847) — 252.

***Франкель** (Frankel), *Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, рабочий-ювелир, в конце 60-х годов жил во Франции; председатель Немецкой секции Интернационала в Париже, один из вождей Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»); после падения Коммуны эмигрировал в Лондон; был членом Генерального совета Интернационала, делегат Лондонской конференции 1871 г. и Гаагского конгресса, в дальнейшем один из основателей Венгерской социал-демократической партии; последние десять лет своей

жизни снова прожил в Париже — 112, 118, 143, 188, 189, 258, 267, 283, 310, 337, 393, 412, 437.

Фрейлиграм (Freiligrath), *Фердинанд* (1810—1869) — немецкий революционный поэт, в эпоху революции 1848 г. был близок к Марксу, входил в редакцию «Neue Rheinische Zeitung» и был членом Союза коммунистов; после революции, с конца 50-х годов, примкнул к буржуазно-демократическим элементам в среде лондонской немецкой эмиграции, в 1868 г. возвратился в Германию — 34, 87, 106.

***Фрейд** (Freund), *Вильгельм-Александр* (1833—1917) — приват-доцент в Бреславле, фистолог — 359, 450.

Фридрих (Friedrich) II (Великий) (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 111.

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 80.

Функе (Funke), *Р.*, и *К^о* — бумагопрядильная фирма в Бармене — 24, 98.

Фюис (Fuisse) — французский купец, эмигрант в Лондоне — 150.

X.

Хайем (Higham), *Джозеф* — фабрикант музыкальных инструментов в Манчестере — 141.

Хауэлл (Howell), *Джордж* (1833—1910) — английский рабочий-каменщик, один из вождей тред-юнионизма, секретарь Лондонского совета тред-юнионистов (1861—1872), член Генерального совета I Интернационала с 1864 по 1872 г., позднее — ренегат, автор клеветнических статей по истории Интернационала (см. критику их Марксом, Сочинения, т. XV, стр. 428—433) — 241.

Хейлз (Hales), *Джон* — английский рабочий-ткач, с 1866 г. представитель Лондонского совета тред-юнионов в Генеральном совете I Интернационала, в 1871 г. генеральный секретарь Интернационала; в 1872 г. секретарь Британского федерального совета; делегат Лондонской конференции 1871 г. и Гаагского конгресса; после Гаагского конгресса выступил против Маркса и Генерального совета и был исключен из Интернационала — 117, 194, 219, 221, 222, 241, 254, 255, 257, 261, 283, 288, 292, 294, 295, 296, 297, 300, 304, 307, 308, 311, 312, 316, 317, 328, 338, 346, 347, 350, 357, 479, 480.

Холлингер (Hollinger), *Фиделио* — владелец типографии в Лондоне, где пе-

чталось большинство немецких эмигрантских газет — 438, 439.
Хом (Home), *Даниэль* (1833—1886) — англо-американский медиум-спирит — 258.

Ч.

Чарльз — см. Резген, Чарльз.
Чентенари (Centenari), *Леонардо* — член I Интернационала в Риме — 290.
Чернышев, Иван Яковлевич — русский революционер-народник, студент Киевского университета, с 1874 г. эмигрант в Швейцарию — 424.
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828 — 1899) — 66, 87, 122, 306, 315, 413.
Чичерин, Борис Николаевич (1828—1904) — русский юрист и историк, профессор государственного права в Московском университете, крупный помещик; в своих работах пытался доказать, что русская земельная община обязана своим происхождением исключительно фискальной политике правительства — 328.

Ш.

Шайбле (Schaible), *Карл* (1824—1899) — южно-германский демократ, по профессии врач, участник революции 1848—1849 гг. в Бадене; в 50-х годах эмигрант в Англию, где занимался преподаванием языков; друг Карла Блинда (см.) — 437, 439.
Шалэн (Chalain), *Луи-Дени* (род. в 1845 г.) — французский рабочий-токарь, член I Интернационала и Парижской Коммуны (сторонник «большинства»); после падения Коммуны эмигрировал в Швейцарию, ватем в Лондон; был членом Генерального совета (в 1871 г.); вступив во «Французскую секцию 1871 г.», вскоре отошел от Интернационала; участник конгресса Юрской федерации в 1874 г. — 143, 189.
Шарпер (Scharper), *Карл* (1813—1870) — немецкий пролетарский революционер, один из руководителей Союза справедливых; член Центрального комитета Союза коммунистов; в 1848—1849 гг. руководитель Кельнского рабочего союза; в 1850 г. вместе с Виллихом стал во главе ультра-«левой» фракции Союза коммунистов, боровшейся против Маркса; через несколько лет после раскола снова стал сторонником Маркса; член Генерального совета I Интернационала, участник Лондонской конференции 1865 г. — 97.

Шаффгаузен (Schaffhausen), *Герман* (1816—1893) — немецкий анатом-физиолог, профессор Боннского университета, основатель современной антропологии — 401.

Швейцер (Schweitzer), *Иоганн-Баптист*, фон (1833—1875) — немецкий адвокат, был национал-либералом; в начале 60-х годов примкнул к лассальянцам, в 1865—1871 гг. председатель Всеобщего германского рабочего союза и вождь лассальянского движения; в 1865 г. основал газету «Sozial-Deutsokrat», на которую получил субсидию от Бисмарка; после 1871 г. в результате внутренней борьбы в Союзе был отстранен от руководства организацией и отошел от политической жизни — 22, 23, 82, 175, 188, 206, 271, 281, 361.

Швицгёбель (Schwitzgüebel), *Адемар* (1844—1895) — швейцарский рабочий-резчик по металлу, бакунист, член комитета Альянса, секретарь и один из руководителей Юрской федерации, делегат Женевского, Базельского и Гаагского конгрессов I Интернационала — 160, 196, 251, 268, 282, 289, 292, 374.

Шедо-Ферроти (Schedo Ferroti) — см. Фиркс, Федор Иванович.

Шей (Scheu), *Андреас* (1844—1927) — австрийский социал-демократ, один из вождей «левого» полуанархистского крыла австрийского рабочего движения, журналист; в 1870 г. был приговорен к пяти годам тюрьмы, эмигрировал в Англию (1876) — 348, 448.

Шей (Scheu), *Генрих* (1845—1926) — австрийский социал-демократ, брат Андреаса Шей, делегат Гаагского конгресса I Интернационала, с 1875 г. эмигрант в Англию — 238, 333, 349, 448.

Шекспир (Shakespeare), *Вильям* (1564—1616) — английский поэт-драматург — 46, 388, 450, 463.

Шелер (Schöler), *Луна* — учительница в Кельне, друг семьи Маркса — 454.

Шенк (Schenk), *Христиан* — лассальянец, член Лондонского немецкого рабочего просветительного союза — 214.

Шенкс (Shunkes) — торговец пряжей в Манчестере — 27.

Шернье (Chernier) — член I Интернационала во Франции — 86.

Шерцер (Scherzer), *Андреас* (1807—1879) — немецкий рабочий-портной из Баварии, с 1850 г. эмигрант в Лондоне, вейтлингианец, один из руководителей Лондонского немецкого рабочего просветительного союза; находился под

- влиянием лассальянских элементов союза и был исключен из него за раскольническую деятельность — 198, 243.
- Шеффле** (Schäffle), *Альберт* (1831—1903) — немецкий буржуазный экономист и социолог, представитель так называемого «государственного социализма», автор ряда работ, среди них «Die Quintessenz des Sozialismus» [«Сущность социализма»] (1874) — 431, 449.
- Шили** (Schily), *Виктор* (1810—1875) — адвокат из Трира, участник Баденского восстания 1849 г., затем эмигрант в Париже, член I Интернационала, делегат Генерального совета Интернационала в Париже (с 1865 г.); друг Маркса — 71, 72, 87.
- Шлебах** (Schlébach), *П.* — член I Интернационала, корреспондент немецкой секции в Верве — 271, 279.
- Шмидт** (Schmidt) — знакомый Энгельса в Германии — 440.
- Шнейдер** (Schneider), *Иозеф* — лассальянец, эмигрант в Лондоне, член Лондонского немецкого рабочего просветительного союза, был исключен из него за раскольническую деятельность — 188, 198, 272.
- Шолль** (Scholl) — рабочий из Лиона, эмигрант в Лондоне — 208.
- Шорлеммер** (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — немецкий химик, коммунист; с 1858 г. жил в Англии, профессор химии в Манчестере, друг Маркса и Энгельса — 16, 21, 55, 415, 419, 457, 476.
- Шотар** (Chotard) — французский эмигрант в Лондоне, участник Парижской Коммуны — 159.
- Шоу, Роберт** (ум. в 1870 г.) — английский рабочий-маляр, член Генерального совета I Интернационала (с 1864 г.), генеральный секретарь (1866—1867) и казначей Генерального совета (1867—1870) — 35.
- ***Шнейер** (Spreyer), *Карл* (род. в 1845 г.) — немецкий рабочий-столяр из Дармштадта, с 1860 г. участник рабочего движения в Швейцарии, Париже и Лондоне; в 1870 г. эмигрировал в Америку; член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, член Федерального совета (1872), после Гагского конгресса член Генерального совета, генеральный секретарь I Интернационала (с сентября 1875 г.) — 168, 173, 222, 393.
- Шрамм** (Schramm), *Карл-Август* — германский социалист, инспектор страхового общества, с начала 70-х годов принимал участие в социал-демократическом движении; в 1878 г. был выслан из Берлина; один из сотрудников реформистского «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»; в 1884—1886 гг. выступил с критикой марксизма; в дальнейшем отошел от социал-демократии — 309, 391.
- Шталь** (Stahl), *Генрих* — немецкий социалист в Чикаго, один из основателей чикагской газеты «Vorbote» — 374.
- Штейнталь** (Steinthal) — немецкий купец, проживавший в Манчестере, знакомый Маркса и Энгельса — 4, 5, 6.
- Штейнталь**, г-жа — жена предыдущего — 6.
- Штибер** (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — директор прусской политической полиции, организатор Кельнского процесса коммунистов 1852 г., во время войн 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе прусско-германской контрразведки — 54, 104, 105, 111, 126, 160, 262, 370, 399, 403, 424.
- Штрон** (Strohn), *Вильгельм* — член Союза коммунистов, друг Маркса и Энгельса, представитель немецкой торговой фирмы в Бредфорде и Гамбурге, по поручению Маркса вел переговоры с Отто Мейснером об издании «Капитала» — 4, 263.
- Штумпф** (Stumpf), *Пауль* (1827—1913) — немецкий техник, впоследствии купец; член Союза коммунистов с 1847 г., участник революции 1848—1849 гг. в Майнце, член I Интернационала, социал-демократ-эйзенаховец — 55, 56, 57.
- ***Шумачер-Царлин** (Schumacher-Zarchlin), *Герман* (1826—1904) — немецкий буржуазный экономист, выпустил под своей редакцией книгу Тюнена: «Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft, und Nationalökonomie» [«Изолированное государство в отношении к сельскому хозяйству и к политической экономике»] (1875) — 395.
- Шупп** (Schupp) — семья знакомых Энгельса в Рейнау, у которых воспитывалась Пумпс (см.) — 414, 440, 453.

Э.

Эйленбурге (Eulenburg), *Фридрих-Альберт*, граф (1815—1881) — прусский министр внутренних дел (1861—1878), ближайший помощник Бисмарка — 34.

***Эккартус** (Eccarius), *Георг* (1818—1889) — немецкий рабочий-портной из

- Тюрингии, член Союза коммунистов с 1847 г., эмигрант в Лондоне, один из организаторов Лондонского немецкого рабочего просветительного союза; член Генерального совета I Интернационала (с 1864 г.), генеральный секретарь Совета (1867—1871); вице-председатель Лозаннского, участник Женевского, Брюссельского, Базельского и Гаагского конгрессов и обеих Лондонских конференций, в 1871—1872 гг. секретарь-корреспондент для Америки, секретарь «Лиги земли и труда»; после Лондонской конференции (1871) под влиянием либеральных тред-юнионистов начал отходить от Маркса и Энгельса и на Гаагском конгрессе голосовал против исключения Бакунина; участник анархистских конгрессов 1873 и 1874 гг., позднее порвал с бакунистами и до конца жизни оставался деятелем английского тред-юнионистского движения—39, 47, 71, 88, 162, 168, 241—242, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 288, 333, 346.
- Эккер* (Ecker), *Карл* — фабричный инспектор в Ганновере — 482.
- Эллиот* (Elliot), *Джордж* (псевдоним Мэри-Анны Эванс) (1819—1880) — английская писательница, выражавшая настроения английской оппозиционной мелкой буржуазии, автор романа «Felix Holt the Radical» (1866) — 17.
- Эллиотт* (Elliott), *Джон* — член I Интернационала в Нью-Йорке — 259.
- Элидин*, *Михаил Константинович* (ок. 1835—1908) — русский студент, участник казанских студенческих волнений 1861 г. и казанского польского заговора 1863 г.; в дальнейшем эмигрант в Женеве, владелец русской Женевской типографии, член Альянса; с начала 80-х годов агент царской полиции — 160, 306.
- Эмиль* — см. Энгельс, Эмиль.
- Эмма* — см. Кроон, Эмма.
- Эмма* — домашняя работница в семье Энгельса — 293.
- *Энгельс (Engels), *Герман* (1822—1905) — брат Фр. Энгельса, фабрикант в Бармене, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 13, 23, 44, 98, 124, 158, 429, 441, 446, 481, 483.
- Энгельс* (Engels), *Герман-Фридрих-Теодор* (род. в 1858 г.) — сын Германа Энгельса, брата Фр. Энгельса, в 1876—1888 гг. студент Берлинского, затем Боннского университета, позднее фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 447.
- Энгельс* (Engels), *Мария* (1824—1901) — сестра Фр. Энгельса, жена Карла-Эмиля Бланка (см.) — 3.
- Энгельс* (Engels), *Пауль* (1857—1883) — сын Рудольфа Энгельса, племянник Фр. Энгельса — 405.
- *Энгельс (Engels), *Рудольф* (1831—1903) — брат Фр. Энгельса, барменский фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 16, 43, 98, 124, 125, 405.
- Энгельс* (Engels), *Рудольф-Мориц* (1858—1893) — сын Рудольфа Энгельса, племянник Фр. Энгельса, фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 447.
- Энгельс* (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — 4, 13, 16, 27, 28, 32, 53, 54, 58, 76, 84, 86, 104, 107, 114, 122, 124, 146, 172, 178, 194, 216, 269, 273, 308, 313, 322, 323, 330, 347, 353, 358, 362, 364, 376, 389, 397, 405, 409, 410, 413, 416, 417, 423, 434, 451, 458, 459, 475, 478, 479, 484, 486, 487, 488.
- Энгельс*, г-жа — см. Бернс, Лиззи.
- *Энгельс (Engels), *Элизе-Франциска* (урожд. ван-Хаар (van Haar) (1797—1873) — мать Энгельса — 3, 14, 15, 18, 23, 24, 44, 124, 156.
- Энгельс* (Engels), *Эмиль* (1828—1884) — брат Фр. Энгельса, фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 124, 158.
- Эппльгарт* (Applegarth), *Роберт* (1834—1924) — один из лидеров английских тред-юнионов, секретарь союза плотников и столяров (1862—1871), член Лондонского совета тред-юнионов, член I Интернационала и его Генерального совета (1868—1872), делегат Базельского конгресса; в 1871 г. за выступления против Генерального совета был исключен из Интернационала — 30.
- Эрвачевич*, *Эммануил* — член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе — 156.
- Эрмен*, *Антон* — брат Готфрида и Петера Эрмен, член фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 15, 19, 20.
- Эрмен* (Ermen), *Генрих* — племянник Готфрида Эрмена — 15.
- Эрмен* (Ermen), *Готфрид* — главный компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 14, 15, 18, 19, 20, 25, 26, 99.
- Эрмен* (Ermen), *Петер* — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» — 15.
- Эрмен* (Ermen), *Юлия* — жена Антона Эрмена — 20.

«*Эрмен и Энгельс*» (Ermen und Engels)— бумагопрядильная фирма в Манчестере — 19, 20, 24, 26, 98.

Ю.

Юбиц (Jubitz), Ф. — немецкий рабочий в Соединенных Штатах — 48.

Юлия (Julie) — см. Эрмен, Юлия.

Юм (Hume), Роберт-Вильям — американский реформист, член I Интернационала, корреспондент Генерального совета (1870), в дальнейшем сторонник Виктории Вудхулль (см.) — 47, 70, 72.

*Юнг (Jung), Герман (1830—1901) — чаровщик из Швейцарии, эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала (1864—1872), секретарь-корреспондент для Швейцарии, председатель Брюссельского, Женевского и Базельского конгрессов Интернационала, член Британского фе-

дерального совета; до 1872 г. был сторонником Маркса; после Гаагского конгресса примкнул к либеральным тред-юнионистам—6, 12, 30, 35, 36, 37, 60, 64, 67, 85, 117, 119, 123, 134, 141, 150, 153, 154, 155, 156, 159, 161, 170, 172, 199, 201, 210, 218, 219, 231, 256, 267, 286, 291, 293, 308, 311, 312, 319, 320, 325, 327, 328, 338, 346, 347, 350, 357, 360, 375, 480.

Юнг (Jung), Сара (ум. в 1890 г.) — жена Германа Юнга — 12, 141, 291.

Я.

*Якоби (Jakoby), Иоганн, д-р (1805—1877) — немецкий демократ, участник революции 1848 г.; издавал газету «Zukunft» в 1868—1871 гг.; в 1872 г. объявил себя социал-демократом; в 1874 г. был избран в парламент, но демонстративно отказался от мандата — 43, 89, 93, 361, 363.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛОВ ¹

На немецком языке: 1, 2, 3, 4, 5, 6,
9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21,
22, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34,
37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 50,
51, 53, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 65,
66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76,
77, 79, 80, 81, 82, 85, 87, 89, 90, 91,
92, 97, 106, 109, 112, 114, 115, 117,
118, 121, 125, 126, 127, 128, 129, 130,
131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138,
140, 149, 150, 151, 154, 158, 161, 163,
164, 165, 166, 167, 169, 170, 172, 179,
180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188,
189, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 197,
198, 199, 200, 202, 203, 205, 206, 207,
211, 212, 214, 216, 217, 218, 219, 220,
221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229,
230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238,
239, 241, 242, 244, 245, 247, 250, 251,
252, 253, 254, 255, 256, 260, 261, 262,
263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270,
273, 274, 279, 280, 281, 282, 283, 285,
286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293,
296, 297, 298, 300, 305, 307, 308, 309,
310, 311, 312, 313, 315, 316, 317, 319,
320, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 328,

329, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 337,
338, 339, 340, 342, 345, 346, 349, 350,
352, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360,
361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368,
369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376.

На английском языке: 7, 8, 11, 19, 20,
23, 35, 36, 40, 44, 49, 52, 54, 58, 76,
83, 86, 88, 94, 96, 103, 107, 110, 111,
120, 121, 122, 123, 124, 131, 142, 144,
145, 152, 156, 157, 160, 168, 171, 181,
190, 209, 213, 215, 218, 223, 230, 237,
240, 243, 248, 249, 257, 258.

На французском языке: 24, 28, 40, 63, 64,
68, 78, 84, 93, 95, 98, 99, 100, 101,
102, 104, 105, 108, 113, 116, 119, 122,
139, 141, 142, 146, 155, 162, 173, 208,
246, 259, 271, 272, 275, 276, 277, 278,
284, 292, 294, 295, 299, 301, 302, 303,
304, 306, 314, 318, 322, 332, 341, 343,
344, 347, 348, 351, 353.

На итальянском языке: 147, 148, 153,
159, 174, 175, 177, 178, 192, 196, 201,
204, 210.

На испанском языке: 143, 176.

¹ Цифры обозначают номера, под которыми помещены письма в настоящем томе.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие В. Адоратского VII

Письма 1869 — 1877 гг.

1869 год.

1. Энгельс — Э. Бланку, 4 февраля	3
2. Маркс — Л. Кугельману (с приложением письма А. Руге—Штейн- талю), 11 февраля	4
3. Маркс — Г. Юнгу, 17 февраля	6
4. Маркс — Л. Кугельману, 3 марта	6
5. Маркс — Г. Обервиндеру, 3 марта	8
6. Энгельс — Ф. Лесснеру, 4 апреля	9
7. Маркс — Дж. Ледлоу, 10 апреля	10
8. Маркс — Элеоноре Маркс, 26 апреля	11
9. Маркс — Л. Кугельману, 11 мая	12
10. Энгельс — Г. Энгельсу, 13 мая	13
11. Маркс — Женни Маркс (дочери), 10 июня	16
12. Энгельс — Э. Энгельс (матери), 1 июля	18
13. Энгельс — Л. Кугельману, 10 июля	21
14. Энгельс — Г. Энгельсу, 15 июля	23
15. Маркс — Л. Кугельману, 15 июля	27
16. Энгельс — Л. Кугельману, 28 июля	28
17. Маркс — Л. Кугельману, 30 июля	28
18. Маркс — Т. Коллю, 10 августа	29
19. Маркс — Г. Юнгу, 13 августа	30
20. Маркс — Лауре Лафарг, 25 сентября	30
21. Маркс — Л. Кугельману, 12 октября	32
22. Маркс — Л. Кугельману, 29 ноября	32

1870 год.

23. Маркс — Г. Юнгу, 8 января	35
24. Маркс — Ц. Де-Пап, 24 января	35
25. Энгельс — К. Клейну и Ф. Моллю, 8 февраля	39
26. Маркс — Л. Кугельману, 17 февраля	41
27. Энгельс — Р. Энгельсу, 8 марта	43
28. Маркс — Ф. Кунену, 24 марта	44
29. Маркс — В. Бракке, 24 марта	45
30. Маркс — Л. Кугельману, 26 марта	45

	<i>Стр.</i>
31. Маркс — Л. Кугельману, 28 марта	46
32. Маркс — З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля	46
33. Энгельс — В. Бранке, 28 апреля	52
34. Маркс — Л. Кугельману, около 5 мая	53
35. Маркс — Женни Маркс (дочери), 31 мая	53
36. Маркс — П.-А.-В. Ле-Любе, 14 июня	55
37. Маркс и Энгельс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии, 14 июня	55
38. Маркс — Л. Кугельману, 27 июня	57
39. Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии, 27 июня	59
40. Маркс — Г. Юнгу, 14 июля	60
41. Маркс — В. Либкнехту, 29 июля	60
42. Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии, 2 августа	63
43. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 2 августа	64
44. Маркс — Г. Юнгу, 6 августа	67
45. Маркс — Г. Юнгу (с приложением копии постановления Коми- тета Германской социал-демократической рабочей партии), 12 ав- густа	67
46. Маркс — Комитету Германской социал-демократической рабочей партии, 1 сентября	68
47. Маркс — Ф.-А. Зорге, 1 сентября	70
48. Маркс — З. Мейеру, 2 сентября	72
49. Маркс — Э.-С. Бизли, 12 сентября	73
50. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 14 сентября	75
51. Маркс — Л. Кугельману, 14 сентября	75
52. Маркс — Э.-С. Бизли, 16 сентября	75
53. Маркс — И.-Ф. Беккеру, около 20 сентября	77
54. Маркс — Э.-С. Бизли, 19 октября	78
55. Маркс — Л. Кугельману, 13 декабря	79
56. Энгельс — Н. Либкнехт, 19 декабря	82

1871 год.

57. Маркс — Н. Либкнехт, 13 января	84
58. Маркс — Г. Юнгу, 17 января	85
59. Маркс — З. Мейеру, 21 января	86
60. Маркс — Ф.-А. Зорге, 21 января	88
61. Маркс — И. Якоби, 4 февраля	89
62. Маркс — Л. Кугельману, 4 февраля	89
63. Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товари- щества рабочих, 13 февраля	93
64. Маркс — П. Л. Лаврову, 27 февраля	96
65. Маркс — Ф.-А. Зорге, конец февраля	96
66. Энгельс — К. Клейну и Ф. Моллю, 10 марта	96
67. Энгельс — Р. Энгельсу, 10 марта	98
68. Энгельс — Ф. Кунену, 5 апреля	100

	<i>Стр.</i>
69. Энгельс — В. Либкнехту, 5 апреля	101
70. Маркс — В. Либкнехту, 6 апреля	102
71. Маркс — В. Либкнехту, около 10 апреля	104
72. Маркс — Л. Кугельману, 12 апреля	105
73. Маркс — В. Либкнехту, 13 апреля	106
74. Энгельс — В. Либкнехту, около 15 апреля	107
75. Маркс — Л. Кугельману, 17 апреля	108
76. Энгельс — Г. Эккариусу, 19 апреля	108
77. Энгельс — В. Либкнехту, 20 апреля	110
78. Маркс — Л. Франкелю, 26 апреля	112
79. Энгельс — Л. Кугельману, 28 апреля	113
80. Маркс — В. Либкнехту, 4 мая	114
81. Маркс — В. Либкнехту, 5 мая	116
82. Энгельс — В. Либкнехту, 5 мая	116
83. Энгельс — Г. Юнгу, 10 мая	117
84. Маркс — Л. Франкелю и Л.-Э. Варлену, 13 мая.	118
85. Маркс — Г. Юнгу, начало июня	119
86. Маркс — Э.-С. Бизли, 12 июня	119
87. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 13 июня	121
88. Маркс — Женни, Лауре, Элеоноре Маркс (дочерям), 13 июня	122
89. Энгельс — Э. Энгельс (матери), 16 июня	124
90. Маркс — Л. Кугельману, 18 июня	126
91. Энгельс — В. Либкнехту, 22 июня	127
92. Энгельс — В. Либкнехту, 10 июля	129
93. Маркс — П. Л. Лаврову, 12 июля	130
94. Маркс — А.-О. Ретсону, 12 июля	130
95. Маркс — Л. Биго, около 12 июля	131
96. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 22 июля	132
97. Маркс — Л. Кугельману, 27 июля	133
98. Маркс — Н. И. Утину, 27 июля	134
99. Маркс — А. Гюберу, 28 июля	135
100. Энгельс — Ф. Кунену, 4 августа	135
101. Энгельс — П. Л. Лаврову, 9 августа	137
102. Маркс — А. Гюберу, 10 августа	139
103. Маркс — Г. Юнгу, 14 августа	141
104. Энгельс — Начальнице пансиона «Сестер провидения» в Хемпстеде, около 15 августа	141
105. Маркс — А. Гюберу, около 16 августа	142
106. Маркс — Ф. Больте, 25 августа	143
107. Маркс — М.-Д. Конуэю, 29 августа	144
108. Энгельс — П. Л. Лаврову, 3 сентября	144
109. Маркс — Ф.-А. Зорге, 5 сентября	145
110. Маркс — Ч.-Д. Коллегу, 6 сентября	145
111. Энгельс — Фирме «Миллер и Ричард», около 10 сентября	146
112. Энгельс — В. Либкнехту, 11 сентября	147
113. Энгельс — П. Л. Лаврову, 12 сентября	148
114. Маркс — Ф.-А. Зорге, 12 сентября	149
115. Маркс — Г. Юнгу, 13 сентября	150

	<i>Стр.</i>
116. Маркс — А. Гюберу, 15 сентября	150
117. Маркс — Г. Квасневскому, 29 сентября	151
118. Энгельс — В. Либкнехту, сентябрь	152
119. Энгельс — П. Л. Лаврову, 5 октября	152
120. Маркс — Г. Юнгу, 11 октября	154
121. Маркс — Г. Юнгу, 13 октября	154
122. Маркс — Г. Юнгу, около 18 октября	155
123. Маркс — Г. Юнгу, 19 октября	155
124. Маркс — Г. Юнгу, 20 октября	156
125. Энгельс — Э. Энгельс (матери), 21 октября	156
126. Энгельс — Г. Юнгу, конец октября	159
127. Энгельс — В. Либкнехту, 4 ноября	159
128. Маркс — Г. Юнгу, 4 ноября	161
129. Маркс — Ф.-А. Зорге, 6 ноября	162
130. Маркс — Ф. Йозевицу, 6 ноября	162
131. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 9 ноября	163
132. Маркс — Л. Кугельману, 9 ноября	166
133. Маркс — Ф.-А. Зорге, 9 ноября	166
134. Маркс — К. Шпейеру, 10 ноября	168
135. Энгельс — Т. Куно, 13 ноября	169
136. Маркс — Г. Юнгу, 16 ноября	170
137. Маркс — В. Либкнехту, 17 ноября	171
138. Маркс — Г. Юнгу, 18 ноября	172
139. Маркс — А. Гюберу, 22 ноября	172
140. Маркс — Ф. Вольте, 23 ноября	173
141. Энгельс — К. Палладино, 23 ноября	179
142. Маркс — Ю. Балашевичу-Потоцкому, 25 ноября	182
143. Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих, 25 ноября	182
144. Маркс — Ю. Балашевичу-Потоцкому, 29 ноября	183
145. Маркс — Ф.-А. Зорге, 29 ноября	183
146. Энгельс — П. Л. Лаврову, 29 ноября	185
147. Энгельс — в редакцию «Proletario Italiano», 29 ноября	186
148. Энгельс — Дж. Бовиани, 30 ноября	188
149. Энгельс — В. Либкнехту, 15 декабря	188

1872 год.

150. Энгельс — В. Либкнехту, 2 января	192
151. Энгельс — В. Либкнехту, 3 января	193
152. Маркс — М.-М. Барри, 7 января	194
153. Энгельс — К. Терцаги, 14 января	195
154. Энгельс — В. Либкнехту, 18 января	197
155. Энгельс — П. Л. Лаврову, 19 января	200
156. Маркс — Г. Юнгу, 19 января	201
157. Элеонора Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 23 января	201
158. Энгельс — Т. Куно, 24 января	202
159. Энгельс — Дж. Бенедетти, январь	209

	<i>Стр.</i>
160. Маркс — Г. Юнгу, 1 февраля	210
161. Маркс — Ф. Йозевицу, 1 февраля	211
162. Маркс — А. Гюберу, 12 февраля	212
163. Энгельс — В. Либкнехту, 15 февраля	212
164. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 16 февраля	215
165. Маркс — Ф. Мильке, 24 февраля	216
166. Маркс — Г. Юнгу, 26 февраля	218
167. Энгельс — С. Боркгейму, начало марта	218
168. Маркс — Г. Юнгу, 7 марта	219
169. Энгельс — Л. Пио, 7 марта	219
170. Маркс — Ф.-А. Зорге, 8 марта	222
171. Маркс — Ф.-А. Зорге, 15 марта	223
172. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 17 марта	224
173. Маркс — М. Лашатру, 18 марта	226
174. Энгельс — Ч. Берту, 21 марта	226
175. Энгельс — К. Терцаги, 21 марта	229
176. Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного товарищества рабочих, конец марта	230
177. Энгельс — Феррарскому обществу рабочих, 16 апреля	231
178. Энгельс — Дж. Бовио, 16 апреля	232
179. Энгельс — Т. Куно, 22 [— 23] апреля	234
180. Энгельс — В. Либкнехту, 23 апреля	237
181. Энгельс — Л. Пио, конец апреля	240
182. Маркс — Г. Эккариусу, 3 мая	241
183. Энгельс — Т. Куно, 7 [— 8] мая	242
184. Энгельс — В. Либкнехту, 7 мая	247
185. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 9 мая	249
186. Энгельс — В. Либкнехту, 15 [— 22] мая	250
187. Маркс — Ф.-А. Зорге, 23 мая	253
188. Маркс — Ф.-А. Зорге, 27 мая	254
189. Энгельс — В. Либкнехту, 27 [— 28] мая	255
190. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 28 мая	259
191. Маркс — Ф.-А. Зорге, 29 мая	261
192. Энгельс — К. Кафиеро (?), конец мая	261
193. Энгельс — В. Либкнехту, 5 [— 6] июня	262
194. Энгельс — Т. Куно, 10 июня	264
195. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 14 июня	266
196. Энгельс — К. Кафиеро, 14 июня	268
197. Маркс — Ф.-А. Зорге, 21 июня	269
198. Энгельс — Т. Куно, 5 июля	271
199. Энгельс — А. Гепнеру, 9 июля	273
200. Маркс — Л. Кугельману, 9 июля	273
201. Энгельс — Г. Барторелли, 18 июля	274
202. Маркс — Л. Кугельману, 23 июля	275
203. Маркс — Л. Кугельману, 29 июля	276
204. Энгельс — Комитету общества «Освобождение рабочего класса» в Парме, вторая половина июля	276
205. Энгельс — Т. Куно, 4 августа	276

	<i>Стр.</i>
206. Энгельс — А. Гепнеру, 4 августа	279
207. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 5 августа	281
208. Энгельс — В. Врублевскому, 7 августа	283
209. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 15 августа	284
210. Энгельс — Циркуляр итальянским секциям Международного товарищества рабочих в Риме, Ферраре, Милане и Турине, 23 августа	285
211. Энгельс — В. Либкнехту, 24 августа	285
212. Маркс — Л. Кугельману, 26 августа	286
213. Энгельс — Г. Юнгу, начало сентября	286
214. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 21 сентября	287
215. Энгельс — Г. Юнгу, 1 октября	291
216. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 5 октября	291
217. Маркс — Г. Юнгу, 14 октября	293
218. Энгельс — Британскому федеральному совету Международного товарищества рабочих, 16 октября	293
219. Энгельс — Ф. Лесснеру, 16 октября	294
220. Энгельс — Т. Куво, 29 октября	294
221. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 2 ноября	295
222. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 16 ноября	297
223. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 25 ноября	302
224. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 7 декабря	302
225. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 12 декабря	304
226. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 14 декабря	306
227. Маркс — Ф.-А. Зорге, 21 декабря	307
228. Энгельс — А. Гепнеру, 30 декабря	309

1873 год.

229. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 4 января	311
230. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 18 января	315
231. Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих, 8 февраля	316
232. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 11 февраля	318
233. Маркс — Ф. Больте, 12 февраля	319
234. Энгельс — В. Либкнехту, 12 февраля	322
235. Энгельс — Н. Либкнехт, 11 марта	323
236. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 20 марта	324
237. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 22 марта	328
238. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 22 марта	329
239. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 7 апреля	329
240. Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих, 15 апреля	330
241. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 3 мая	332
242. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 14 июня	337
243. Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих, 14 июня	339
244. Энгельс — А. Бебелю, 20 июня	340

	<i>Стр.</i>
245. Энгельс — Л. Кугельману, 1 июля	344
246. Энгельс — М. Лашатру, 10 июля	346
247. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 26 июля	347
248. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону, 12 августа	350
249. Энгельс — Дж. Де-Моргану, 18 сентября	351
250. Маркс — Ф.-А. Зорге, 27 сентября	353
251. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 25 ноября	355

1874 год.

252. Маркс — Л. Кугельману, 19 января	358
253. Энгельс — В. Либкнехту, 27 января	359
254. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 14 февраля	362
255. Энгельс — В. Блосу, 21 февраля	362
256. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 27 февраля	363
257. Маркс — Дж. Муру, 26 марта	364
258. Маркс — Дж. Муру, 28 марта	365
259. Маркс — М. Лашатру, 12 мая	367
260. Маркс — Л. Кугельману, 18 мая	367
261. Маркс — Л. Кугельману, 24 июня	369
262. Маркс — Ф.-А. Зорге, 4 августа	369
263. Маркс — Л. Кугельману, 4 августа	372
264. Маркс — Л. Кугельману, 10 августа	372
265. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 12 [—17] сентября	373
266. Маркс — М. Оппенгейму, 20 сентября	377
267. Маркс — М. Оппенгейму, 17 октября	377

1875 год.

268. Маркс — В. Либкнехту, 1 января	379
269. Маркс — В. Либкнехту, 3 января	379
270. Маркс — М. Оппенгейму, 20 января	380
271. Маркс — М. Лашатру, 30 января	381
272. Маркс — П. Л. Лаврову, 11 февраля	381
273. Энгельс — А. Бебелю, 18[—28] марта	382
274. Маркс — В. Бракке, 5 мая	389
275. Маркс — П. Л. Лаврову, 8 мая	390
276. Маркс — П. Л. Лаврову, около 15 мая	391
277. Энгельс — А. Гуппи, 14 июня	391
278. Маркс — П. Л. Лаврову, 18 июня	392
279. Энгельс — Генеральному совету Международного товарищества рабочих, 13 августа	392
280. Маркс — М. Оппенгейму, 1 сентября	394
281. Маркс — М. Оппенгейму, 6 сентября	394
282. Маркс — М. Оппенгейму, 9 сентября	395
283. Маркс — Г. Шумахеру, 21 сентября	395
284. Энгельс — П. Л. Лаврову, 24 сентября	396

	<i>Стр.</i>
285. Маркс — П. Л. Лаврову, 8 октября	396
286. Энгельс — В. Бракке, 11 октября	397
287. Энгельс — А. Бебелю, 12 октября	399
288. Энгельс — А. Бебелю, 15 октября	401
289. Энгельс — Ф. Паули, 8 ноября	403
290. Энгельс — Ф. Паули, 9 ноября	404
291. Энгельс — Р. Энгельсу, 9 ноября	405
292. Энгельс — П. Л. Лаврову, 12[— 17] ноября	405
293. Энгельс — П. Керстену, 24 ноября	410
294. Маркс — П. Л. Лаврову, 3 декабря	411
295. Энгельс — В. Врублевскому, 4 декабря	411
296. Энгельс — Ф. Лесснеру, 16 декабря	412

1876 год.

297. Маркс — Ф.-А. Зорге, 4 апреля	413
298. Энгельс — Ф. Паули, 25 апреля	414
299. Маркс — П. Л. Лаврову, 18 мая	415
300. Маркс — Ф.-А. Зорге, 14 июня	415
301. Маркс — П. Л. Лаврову, 14 июня	416
302. Маркс — П. Л. Лаврову, 15 июня	416
303. Энгельс — П. Л. Лаврову, 16 июня	418
304. Энгельс — П. Л. Лаврову, 30 июня	418
305. Энгельс — Ф. Паули, 11 августа	419
306. Энгельс — П. Л. Лаврову, 15 августа	420
307. Энгельс — И. Паули, 27 августа	420
308. Маркс — М. Оппенгейму, 30 августа	421
309. Маркс — М. Оппенгейму, 1 сентября	421
310. Маркс — М. Оппенгейму, 6 сентября	422
311. Маркс — М. Оппенгейму, 9 сентября	422
312. Маркс — И. Паули, 10 сентября	423
313. Маркс — М. Оппенгейму, 12 сентября	423
314. Энгельс — П. Л. Лаврову, 15 сентября	424
315. Маркс — Ф. Флеклесу, 21 сентября	424
316. Маркс — В. Бракке, 23 сентября	425
317. Маркс — В. Бракке, 30 сентября	426
318. Маркс — П. Л. Лаврову, 7 октября	428
319. Энгельс — Э. Бланку, 16 октября	429
320. Энгельс — Э. Дронке, 20 октября	429
321. Энгельс — Л. Кугельману, 20 октября	430
322. Маркс — П. Л. Лаврову, 21 октября	431
323. Энгельс — Э. Дронке, 1 ноября	432
324. Маркс — В. Бракке, 6 ноября	433
325. Энгельс — Э. Дронке, 13 ноября	434
326. Маркс — В. Бракке, 20 ноября	435
327. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 20 ноября	435
328. Энгельс — Г. Рашу, около 20 ноября	437
329. Энгельс — Ф. Паули, 16 декабря	440

330. Энгельс — Г. Энгельсу, 18 декабря	441
331. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 21 декабря	442

1877 год.

332. Маркс — М. М. Ковалевскому, 9 января	445
333. Энгельс — В. Либкнехту, 9 января	445
334. Энгельс — Г. Энгельсу, 9 января	446
335. Маркс — В. Бранке, 21 января	448
336. Маркс — Ф. Флеклесу, 21 января	449
337. Маркс — В.-А. Фрейнду, 21 января	450
338. Энгельс — Г. Рамму, 25 января	451
339. Маркс — В. Бранке, 14 февраля	452
340. Энгельс — И. Паули, 14 февраля	452
341. Маркс — П. Л. Лаврову, 24 февраля	454
342. Энгельс — Ф. Лесснеру, 4 марта	454
343. Маркс — П. Л. Лаврову, 16 марта	455
344. Маркс — П. Л. Лаврову, 23 марта	455
345. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 24 марта	456
346. Энгельс — Ф. Паули, 26 марта	457
347. Маркс — П. Л. Лаврову, 27 марта	457
348. Маркс — П. Л. Лаврову, 29 марта	458
349. Маркс — В. Бранке, 11 апреля	458
350. Энгельс — В. Либкнехту, 11 апреля	459
351. Маркс — П. Л. Лаврову, 17 апреля	460
352. Маркс — В. Бранке, 21 апреля	460
353. Маркс — П. Л. Лаврову, 23 апреля	463
354. Энгельс — В. Бранке, 24 апреля	463
355. Энгельс — Б. Линдгеймеру, 26 апреля	465
356. Энгельс — Б. Линдгеймеру, около 5 мая	465
357. Маркс — В. Бранке, 26 мая	466
358. Энгельс — В. Бранке, 25 июня	468
359. Энгельс — В. Либкнехту, 2 июля	470
360. Энгельс — Ф. Виде, вторая половина июля	471
361. Энгельс — Н. Либкнехт, 31 июля	472
362. Энгельс — В. Либкнехту, 31 июля	472
363. Маркс — В. Бранке, 1 августа	474
364. Маркс — В. Бранке, 8 августа	474
365. Маркс — В. Бранке, 18 августа	475
366. Маркс — В. Бранке, 24 августа	476
367. Энгельс — Н. Либкнехт, 4 сентября	476
368. Маркс — Ф.-А. Зорге, 27 сентября	478
369. Энгельс — Г. Энгельсу, 5 октября	481
370. Энгельс — Л. Кугельману, 12 октября	482
371. Энгельс — Г. Энгельсу, 13 октября	483
372. Маркс — Ф.-А. Зорге, 19 октября	483
373. Маркс — В. Бранке, 23 октября	486
374. Маркс — С. Гесс, 25 октября	486

	<i>Стр.</i>
375. Маркс — В. Блосу, 10 ноября	487
376. Маркс — С. Гесс, 29 ноября	488

Указатели.

<i>Указатель имен</i>	491
<i>Указатель языка оригиналов</i>	526

Иллюстрации.

1. Письмо Маркса — Г. Юнгу от 14 июля 1870 г. (проект программы работ очередного конгресса I Интернационала)	61
2. Письмо Маркса — М. Лашатру от 18 марта 1872 г. (о французском издании «Калигала»)	227
3. Письмо Маркса — Л. Кугельману от 29 июля 1872 г. (о Гаагском конгрессе I Интернационала)	277
4. Первая страница письма Энгельса — П. Л. Лаврову от 12 ноября 1875 г. (о дарвинизме)	407

Под наблюдением В. Семенова.

Техред: А. Лавров, И. Галактионов.

Корректор А. Кретищенко.

Книга сдана в набор 16/VI 1934 г.

Подписано к печати 20/1 1935 г.

Партиздат № 2288. Тираж 15,000 + 265.

Ленгорлит № 29121.

Заказ № 1928.

Формат бумаги 68 × 100¹/₁₆. Авт. л. 38³/₄. Печ. л. 35¹/₄. (86,800 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 17¹/₄.

Бумага Каменской фабрики.

Коленкор Щелковской фабрики.

Вышла в свет — январь 1935 г.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
18	2—3 сверху	Декинс	Дэйкинс
64	4 сверху	24 июля	16 июля
87	2 снизу	(Фогт) он	он (Фогт)
177	12 сверху	Бурке	Буске
182	2 снизу	Лоренцо	Лоренсо
215	8 и 10 снизу	Бруст	Бейст
226	3 и 7 снизу	«Emancipazione del Proletariato»	«Emancipazione del Proletario»
229	12 снизу		
237	1 снизу	т. VXI, ч. 2.	т. XVI, ч. 2.
289	12 сверху	А. Серрайе	О. Серрайе
495	7 сверху	304	177, 208, 304
	(левый столбец)		
504	4 снизу	322	322, 335, 340
	(левый столбец)		
522	15 сверху	1899	1889
	(левый столбец)		